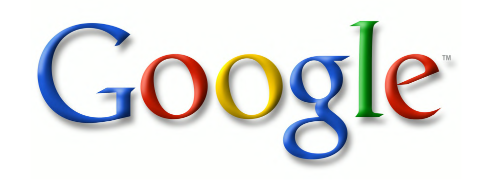

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Р. А. ФАДѢЕВА.

ТОМЪ I.

ЧАСТЬ I.

ВВЕДЕНІЕ.

60 ЛѢТЪ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

ПИСЬМА СЪ КАВКАЗА.

ЗАПИСКИ О КАВКАЗСКИХЪ ДѢЛАХЪ

Изданіе В. В. Комарова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій, № 138—140.
1890.

Sobranie Sochinenii

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

R. A. Fadieev.

Р. А. ФАДѢЕВА.

ТОМЪ I.

ВВЕДЕНІЕ.

60 ЛѢТЪ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ.

ПИСЬМА СЪ КАВКАЗА.

ЗАПИСКИ О КАВКАЗСКИХЪ ДѢЛАХЪ.

Изданіе В. В. Комарова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій, № 138—140.
1889.

ОГЛАВЛЕНІЕ 1 ТОМА.

Jeremiah Curtin
Presented by the author
General Fadyeff.
Uncle of Count Witte.

Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ.

† 29 декабря 1883 года.

Тип. В. В. Комарова. Невскій, 138—140. Дозв. ценсурою. Спб. 26 октября 1889 г.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Послѣ смерти Ростислава Андреевича Фадѣева, большая часть русской и славянской печати выразила желаніе, чтобы сочиненія этого замѣчательнаго дѣятеля и публициста были собраны въ новое, по возможности, полное изданіе, съ полной и подробной біографіей покойнаго.

Наравнѣ съ страстными его почитателями и многочисленными единомышленниками, желаніе это высказывалось даже его бывшими литературными противниками.

Къ сожалѣнію, для появленія всесторонней біографіи Р. А. Фадѣева не наступило еще время. Эпоха, въ которой онъ дѣйствовалъ и боролся за свои идеи, слишкомъ близка къ намъ. Поэтому мы вынуждены были ограничиться небольшимъ очеркомъ, въ видѣ личныхъ воспоминаній, написанныхъ лицомъ, коротко знавшимъ Ростислава Андреевича, родственно и дружелюбно слѣдившимъ за сложными перипетіями его жизни, начиная съ дѣтскаго возраста и до самой его кончины. Помѣщенный вслѣдъ за этимъ очеркомъ руководящій обзоръ сочиненій, перечень и характеристика главнѣйшихъ положеній, выте-

кающихъ изъ трудовъ Ростислава Андреевича Фадѣева въ области военной, политической и общественной, отчасти восполняетъ недосказанное въ этомъ очеркѣ.

Несмотря на краткость предлагаемыхъ воспоминаній, читатель по нимъ ознакомится съ главными чертами нравственнаго облика высокосимпатичнаго и даровитаго писателя. Само собою разумѣется, что знакомство это становится полнѣе и содержательнѣе, если вникнуть въ его труды, углубиться въ его идеи и вдуматься въ его горячую, убѣжденную проповѣдь тѣхъ общественныхъ началъ, которымъ была посвящена жизнь Ростислава Андреевича Фадѣева.

В. К.

Воспоминанія о Ростиславѣ Фадѣевѣ.

Н. А. Ф—й.

Среда, въ которой человѣкъ воспитывается и живетъ, за рѣдкими исключеніями, несомнѣнно вліяетъ на развитіе и направленіе его способностей и прирожденныхъ наклонностей. Слѣды этого вліянія отзываются въ теченіе всей его жизни. Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ, котораго ранніе годы и семейная обстановка родительскаго дома находились въ условіяхъ благопріятствовавшихъ животворному ихъ дѣйствію на его воспріимчивую, богатоодаренную природу, не переставалъ до конца жизни съ благодарностью вспоминать о той нравственной атмосферѣ, и той родственной любви, какими судьбѣ угодно было окружить его дѣтскій возрастъ. Отецъ и мать его были люди не только съ развитымъ умомъ, но и отличавшіеся необыкновенною душевною добротой. Сверхъ того, по высокому образованію, они далеко выдвигались изъ обыкновеннаго общественнаго уровня. Всюду, гдѣ имъ доводилось жить, они возбуждали къ себѣ всеобщее уваженіе и искреннюю любовь. Общее мнѣніе объ этихъ людяхъ было таково, что достаточно было узнать ихъ, чтобы остаться на всегда ихъ искреннимъ другомъ.

Фадѣевы принадлежали къ одному изъ тѣхъ старинныхъ русскихъ дворянскихъ родовъ, для которыхъ военная служба, по преданію, осталась какъ бы обязательной. Прапрадѣдъ Ростислава Андреевича, Петръ Михайловичъ Фадѣевъ, убитъ въ чинѣ капитана въ битвѣ подъ Полтавой. Прадѣдъ его Илья Петровичъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія, умеръ полковникомъ, отъ ранъ, полученныхъ въ турецкой войнѣ, въ концѣ

царствованія Анны Іоановны. Дѣдъ Ростислава Андреевича Михаилъ Ильичъ служилъ въ Псковскомъ драгунскомъ полку. Одинъ изъ сыновей Михаила Ильича, дядя Ростислава Андреевича, убитъ въ 1812 году на полѣ битвы. Только отецъ Ростислава, Андрей Михаиловичъ Фадѣевъ составилъ исключеніе изъ общаго правила. Поступивъ въ гражданскую службу, онъ прошелъ разнообразныя должности и, какъ мы уже сказали, оставилъ повсюду по себѣ самыя свѣтлыя воспоминанія во всѣхъ, кто имѣлъ къ нему какое бы ни было отношеніе. Служить ему пришлось въ разныхъ городахъ. Такъ съ 1817 по 1834 годъ онъ былъ управляющимъ конторой иностранныхъ поселенцевъ и жилъ въ Екатеринославѣ; затѣмъ онъ служилъ въ Одессѣ и Астрахани въ должности попечителя кочующихъ народовъ. Послѣ этого, послуживъ нѣкоторое время въ Саратовѣ управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ, онъ былъ назначенъ саратовскимъ губернаторомъ. На этомъ посту онъ оставался 7 лѣтъ, являя собою примѣръ рѣдкаго въ то время безкорыстія, соединеннаго съ усердіемъ. Эти служебныя качества его составили ему такую репутацію, что когда онъ задумалъ выйти въ отставку, то уже черезъ нѣсколько дней по полученіи ея къ нему обратился намѣстникъ кавказскій графъ М. С. Воронцовъ съ приглашеніемъ поступить на службу въ его управленіе. Андрей Михайловичъ былъ назначенъ членомъ совѣта намѣстника К. и управляющимъ государственными имуществами кавказскаго края. На этомъ послѣднемъ своемъ посту онъ оставался съ 1846 года до конца жизни, т. е. 1867 года. Мать Ростислава Андреевича Фадѣева, Елена Павловна, рожденная княжна Долгорукая (въ замужествѣ за Андреемъ Михайловичемъ съ 1814), дочь Екатерининскаго генерала, кн. Павла Григорьевича Долгорукаго и правнучка кн. Сергѣя Григорьевича, бывшаго посломъ въ Польшѣ при Петрѣ I (впослѣдствіи, во время бироновскаго гоненія на Долгорукихъ, казненнаго въ Новгородѣ), по общимъ отзывамъ, была женщина замѣчательная. Отличаясь серьезнымъ образованіемъ и необыкновенною разносторонностью знаній, она въ тоже время была всеобщей любимицей за свое добрѣйшее, благородное сердце. Предпочитая всему на свѣтѣ тихую жизнь среди своей семьи и научныхъ занятій, составлявшихъ любимое ея развлеченіе и отдыхъ отъ множества лежавшихъ на ней семейныхъ обязанностей, она успѣвала и заниматься съ дѣтьми,

и составить 50 томовъ собственныхъ рисунковъ ею самою научно опредѣленныхъ растеній, и образцово вести домашнее хозяйство, и вести обширную переписку со многими извѣстными учеными, русскими и иностранными. И все это соединялось въ ней съ такою истинно женской скромностью, что человѣкъ, не интересующійся учеными предметами, могъ быть знакомъ съ нею годы, пользоваться ежедневно теплотой ея бесѣды и не подозрѣвать ея ученыхъ познаній. Далекую отъ всякаго педантизма, ее занимало все, что возбуждаетъ интересъ въ пытливомъ, наблюдательномъ, серьезномъ умѣ.

Знакомства первой половины ея жизни, дружеская связь съ очень многими, выдающимися по своему положенію, лицами оставили въ ея памяти цѣлую хронику событій, придававшую необыкновенную занимательность ея разговору. Посвящая жизнь исключительно своему семейству и занимаясь даже своими любимыми предметами только въ свободные часы, Елена Павловна воспитывала своихъ дѣтей съ самою нѣжною заботливостью, замѣняя имъ большую часть учителей. Всѣ ея дѣти, а впослѣдствіи и внуки, выучились читать по русски и по французски, сидя у нея на колѣняхъ. Неудивительно, что въ такомъ семействѣ всѣ обожали другъ друга и каждый былъ готовъ пожертвовать всѣмъ для другого.

Елена Павловна скончалась въ Тифлисѣ въ 1860 г. Андрей Михайловичъ и Елена Павловна Фадѣевы прожили въ Екатеринославѣ 16 лѣтъ и въ это время родились всѣ ихъ дѣти: три дочери и одинъ сынъ.

Старшая дочь Елена (въ замужествѣ г-жа Ганъ, извѣстная въ русской литературѣ подъ псевдонимомъ Зинаиды Р.), вторая, Екатерина (въ замужествѣ г-жа Витте), сынъ Ростиславъ и третья дочь Надежда.

Задолго до этого, когда Елена Павловна была еще дѣвочкой, у нея былъ двоюродный дядя, князь Григорій Алексѣевичъ Долгорукій, старый морякъ, въ свое время совершившій много интересныхъ плаваній. Онъ командовалъ кораблемъ въ эскадрѣ графа Орлова-Чесменскаго, когда тотъ совершилъ экспедицію въ Неаполь, для похищенія княжны Таракановой. Извѣстно, что Тараканову посадили на корабль, бывшій подъ командой Долгорукаго, который и доставилъ ее въ Кронштадтъ. Долгорукій любилъ разсказывать своей маленькой племянницѣ о впечатлѣніяхъ своего путешествія съ очаровательной прин-

цессой, которая, по его словамъ, была обольстительной красоты и талантливая музыкантша. Онъ восторженно вспоминалъ, какъ бывало въ тихую лунную ночь, выйдя на палубу, несчастная княжна пѣла чуднымъ, проникавшимъ въ глубь души голосомъ. Онъ разсказывалъ, что подъ это пѣніе у него подъ часъ бродили въ головѣ мысли; «а что, еслибъ съ нею куда нибудь удрать! Матросы меня любятъ, они меня послушаютъ, взять бы повернуть корабль, да вмѣсто Кронштадта, махнуть въ Америку!..». Эти мысли, однако, умолкали въ немъ вмѣстѣ съ пѣніемъ княжны. Такъ онъ ее и довезъ до Кронштадта. Тутъ за нею пріѣхали на корабль, взяли, увезли, и съ тѣхъ поръ Долгорукій ее не видѣлъ, нигдѣ ее не могъ открыть, и ничего о ней не могъ узнать. Говорили, что ее засадили въ Петропавловскую крѣпость, и что она тамъ утонула. Долгорукій былъ старый холостякъ, большую часть жизни проводилъ въ морѣ, и любилъ свой корабль, какъ свое родное дѣтище. Названіе любимаго корабля было «Ростиславъ». Долгорукій говорилъ о немъ со слезами умиленія и постоянно твердилъ своей племянницѣ: «смотри, Еленушка, когда ты выйдешь замужъ и будетъ у тебя сынъ—обѣщай назвать его «Ростиславомъ». Прошло нѣсколько лѣтъ, маленькая дѣвочка сдѣлалась взрослой дѣвушкой, вышла замужъ, была уже матерью двухъ дочерей. Князь Григорій Алексѣевичъ давно уже разстался съ своимъ Ростиславомъ и съ пучинъ морскихъ сошелъ въ нѣдра земныя, когда (1824 г., 28-го марта) Богъ ей даровалъ перваго и единственнаго сына. Фадѣевы исполнили завѣтное желаніе стараго командира, и въ память его назвали своего сына Ростиславомъ.

Елена Павловна сама кормила всѣхъ своихъ дѣтей каждаго до двухъ лѣтъ въ противность существующему предубѣжденію противъ долгаго кормленія.

Съ самаго ранняго дѣтства, въ томъ возрастѣ когда, дѣтей чаще всего занимаютъ сказки, маленькому Ростиславу уже на колѣняхъ родителей нравились историческіе разсказы, жизнь великихъ людей, военныя событія. Замѣчательно, что будущій военный писатель въ этомъ возрастѣ предпочиталъ всевозможнымъ дѣтскимъ играмъ устраивать, изъ чего попало, крѣпости, башни и разставлять для сраженій полки изъ гороху, чечевицы и т. п. Уже въ то время его особенно занимали римляне и пуническія войны. Немного позднѣе мечты восьмилѣтняго маль-

чика устремились къ Востоку. Онъ думалъ о Персіи, объ Индіи и уже составлялъ планъ для завоеванія ихъ.

Память у него была необычайная (и навсегда осталась такою). Въ эти дѣтскія лѣта, онъ зналъ года мельчайшихъ историческихъ событій, а въ 10, 11 лѣтъ, зналъ наизусть почти весь «Освобожденный Іерусалимъ» Тасса и десятки страницъ изъ Корнеля, Расина, Державина и Карамзина. Учителя не могли надивиться его памяти и необыкновеннымъ способностямъ, особенно къ математикѣ, и нерѣдко благодарили родителей за удовольствіе доставляемое имъ такимъ ученикомъ. Вмѣстѣ съ замѣчательнымъ умственнымъ развитіемъ и сердце мальчика оказывалось мягкимъ, впечатлительнымъ, сострадательнымъ, чуткимъ ко всему высокому и доброму. Уже тогда можно было замѣтить въ немъ задатки благороднѣйшихъ чувствъ, деликатности, великодушія, постоянной готовности жертвовать собой и всѣми своими интересами, для близкихъ своихъ и всякаго дѣла полезнаго для отечества его, задатки, которые съ теченіемъ времени, созрѣвъ и утвердившись въ его душѣ, составили свѣтлое явленіе великой черты характера, которую мало кто понялъ, почти никто не оцѣнилъ, хотя многіе ею пользовались. Это была та черта, которая ему самому ничего не принесла, кромѣ сознанія полнаго исполненія своего человѣческаго долга.

Еще мальчикомъ онъ любилъ Тасса и Расина и самъ сочинялъ поэмы и трагедіи, всегда героическаго содержанія. Завоеваніе Персіи долго не выходило изъ его ума...

Въ это время его отдали въ единственный тогда въ Екатеринославѣ пансіонъ Чигринцева. Ростя учился отлично, всѣ имъ были довольны. Тѣмъ не менѣе въ семействѣ Фадѣевыхъ памятенъ слѣдующій эпизодъ. Въ одно прекрасное утро является къ А. М. Фадѣеву содержатель пансіона Чигринцевъ, разстроенный, проситъ позволенія секретно переговорить, и тщательно заперевъ дверь кабинета, въ волненіи дрожащимъ голосомъ начинаетъ разсказывать, что у него въ пансіонѣ произошло ужасное, невѣроятное дѣло, — открылся заговоръ! Настоящій, положительный заговоръ. Въ отчаяніи Чигринцевъ ожидаетъ съ часу на часъ, что полиція и жандармы нагрянутъ къ нему для слѣдствія, пансіонъ закроютъ, а самого Чигринцева по меньшей мѣрѣ арестуютъ. А. М. долго не могъ отъ него добиться въ чемъ дѣло и что случилось. Наконецъ

Чигринцевъ кое-какъ объяснилъ, что пансіонскіе надзиратели, обративъ вниманіе на перешептываніе между собою нѣсколькихъ учениковъ, сдѣлали дознаніе о причинѣ этого явленія. Призвали двухъ-трехъ ребятишекъ, принялись допрашивать, пристращали, и тѣ разболтали секретъ. Оказался заговоръ! Да еще какой! Бѣжать въ Персію и завоевать ее! Съ этою цѣлью дѣти уже нѣсколько мѣсяцевъ копятъ деньги, не покупаютъ себѣ ни лакомствъ, ни игрушекъ; и все это на предметъ завоеванія Персіи. Дѣло въ томъ, что главнымъ зачинщикомъ, составителемъ заговора и предводителемъ заговорщиковъ—оказался десятилѣтній Ростя. Чигиринцевъ прибѣжалъ къ Андрею Михайловичу объявить объ этомъ несчастіи и посовѣтоваться, что дѣлать. Услышавъ отъ Чигиринцева о завоеваніи Персіи, Андрей Михайловичъ понялъ сущность серьезнаго дѣла, и не могъ удержаться отъ смѣха; но всѣ его старанія утѣшить Чигиринцева и доказать ему нелѣпость этой исторіи, были безуспѣшны. Къ удивленію опасенья Чигиринцева отчасти оказались основательными. Исторія огласилась по городу, превратилась изъ мухи въ слона. Многіе родители взяли своихъ дѣтей домой, было назначено формальное слѣдствіе, и пансіонъ на нѣкоторое время былъ закрытъ. Главнаго виновника этого переполоха, маленькаго Ростю, дома порядочно побранили и даже заперли часа на два въ темный чуланъ, гдѣ онъ могъ свободно предаться грустнымъ размышленіямъ о превратности судебъ вообще, и о преждевременности завоеванія Персіи въ особенности.

Черезъ Екатеринославъ иногда проходили донскіе казаки и они составляли для маленькаго Рости источникъ безконечнаго интереса. Андрей Михайловичъ, чтобы доставить удовольствіе сыну, просилъ полицмейстера поставить нѣсколько казаковъ на постой къ нему въ домъ. Ростя отъ нихъ не отходилъ, разспрашивалъ о походахъ, о войнѣ, сраженіяхъ, съ жадностью слушалъ ихъ разсказы, угощалъ и ухаживалъ съ необыкновенною заботливостью за ними и за ихъ лошадьми. Все, что имѣло какое-нибудь отношеніе къ войнѣ, неудержимо влекло его къ себѣ. Въ немъ казался прирожденный военный человѣкъ.

Случилось, что подъ вліяніемъ своего любимаго историческаго чтенія, мальчикъ съ сильнымъ воображеніемъ представлялъ себя героемъ, какимъ-нибудь воинственнымъ Танкредомъ

или отважнымъ Ермакомъ, а подчасъ напускалъ на себя видъ жестосердаго Каракаллы или безжалостнаго тирана Сиракузскаго. Но въ послѣднемъ случаѣ, довольно было ему увидѣть чью-нибудь слезу, услышать вздохъ и маленькій Каракалла таялъ какъ воскъ и готовъ былъ на все, чтобы утѣшить и успокоить каждаго. Однажды онъ увидѣлъ изъ окна, какъ мальчишки тащили по улицѣ на веревкѣ собаку, жалобно визжавшую, и въ мигъ тиранъ Сиракузскій выскочилъ на улицу, бросился на мальчишекъ, разогналъ ихъ и, развязавъ собаку, повелъ къ себѣ во дворъ, собственноручно накормилъ и отпустилъ. Онъ никогда не былъ безсмысленнымъ шалуномъ, можетъ быть потому, что всегда слишкомъ былъ занятъ умственной работой. Съ самыхъ малыхъ лѣтъ психическая дѣятельность какъ бы поглощала его и заставляла жить духовною жизнію, совершенно независимой отъ внѣшней жизни, несмотря на то, что по наружности, по словамъ и дѣламъ его, нельзя было не признать въ немъ свойствъ человѣка, способнаго отдаваться исключительно внѣшнимъ впечатлѣніямъ.

Въ 1834 году А. М. Фадѣевъ былъ переведенъ на службу въ Одессу.

Вскорѣ по пріѣздѣ, Ростю помѣстили въ лучшій въ Одессѣ пансіонъ (Триттена), въ которомъ преподавали профессора изъ лицея.

Нѣкоторые изъ нихъ скоро оцѣнили замѣчательнаго мальчика, отличавшагося необыкновенно быстрымъ усвоеніемъ преподаваемыхъ предметовъ. Ростя никогда не былъ тѣмъ, что называется въ школѣ зубрилой, даже не былъ особенно прилежнымъ ученикомъ. Тѣмъ не менѣе онъ такъ скоро усвоивалъ предметы, что сдѣлался любимцемъ своихъ учителей. Отъ одного изъ нихъ (Брунна), читавшаго любимые предметы Рости, въ томъ числѣ исторію, мальчикъ приходилъ въ особенное восхищеніе. Онъ впервые слушалъ ученаго человѣка, преподававшаго науку во всемъ ея серьезномъ значеніи, и въ послѣдствіи часто вспоминалъ о немъ. Изъ этого пансіона Ростя возвращался домой только по праздникамъ. Но и въ праздничные дни онъ не переставалъ заниматься. Онъ или читалъ что-нибудь, или переписывалъ въ тетрадки стихотворенія Пушкина, которыя въ то время печатались въ журналахъ; онъ ихъ съ восторгомъ читалъ и перечитывалъ по многу разъ. Лѣтомъ на каникулы ѣздилъ съ матерью въ небольшое имѣньице, куплен-

ное ею не въ далекѣ отъ Одессы, гдѣ тоже большею частью занимался чтеніемъ.

Въ Астрахани, куда переѣхало семейство Фадѣевыхъ въ 1836 г., не было учебнаго заведенія, въ которомъ можно было бы продолжать воспитаніе мальчика, и потому надо было ограничиться домашними уроками нѣсколькихъ учителей. Эти учителя, какъ и прежніе, удивлялись выдающимся способностямъ мальчика, и одинъ изъ нихъ, именно латинскаго языка, никогда не могъ забыть о немъ, и даже черезъ 30 лѣтъ присылалъ ему поклоны черезъ знакомыхъ, которыхъ увѣрялъ, что «во всю его жизнь, — одинъ только такой ученикъ у него и былъ».

Въ то время, въ пространныхъ степяхъ Астраханской губерніи, кочевали колмыцкіе улусы, подъ предводительствомъ своихъ князей, хотя и дикихъ, простыхъ но не испорченныхъ, нерѣдко добрыхъ, правдивыхъ и не глупыхъ малыхъ. Они часто пріѣзжали въ Астрахань по своимъ дѣламъ, и являлись къ А. М. Фадѣеву, который былъ ихъ начальникомъ. Они несказанно изумлялись, когда увидѣли, что хотя Фадѣевъ взятокъ съ нихъ не беретъ, а дѣла рѣшаетъ по справедливости. Это привязало ихъ къ Фадѣеву и всему его семейству. Они остались преданными ему друзьями до самой своей смерти. Фадѣевъ принималъ ихъ радушно, приглашалъ обѣдать. Они чрезвычайно полюбили Ростислава, устраивали ему прогулки верхомъ, рыбныя ловли, охоты. Онъ занималъ ихъ разсказами о войнѣ, объ охотѣ на львовъ и тигровъ Дикіе сыны степей слушали его и не могли вдоволь наслушаться. Онъ подружился съ ними и быть можетъ этой дружбѣ обязанъ тѣмъ, что сдѣлался отличнымъ наѣздникомъ. Они приглашали его къ себѣ, въ степи, и хотя тогда это оказалось неудобоисполнимымъ, но нѣсколько лѣтъ спустя, когда онъ былъ уже офицеромъ, его калмыцкіе друзья пріѣзжали повидаться съ нимъ въ Саратовъ и успѣли уговорить его посѣтить ихъ степи. Онъ ѣздилъ къ нимъ, и они незнали какъ его отблагодарить и чѣмъ выказать свою радость.

Въ 1837 г. рѣшено было везти Ростислава въ Петербургъ для опредѣленія въ училище. Отецъ не желалъ его поступленія въ военную службу. Онъ дорожилъ имъ болѣе всего на свѣтѣ и полагая, что возможно будетъ пристроить сына при себѣ, или по близости отъ себя, надѣялся не разставаться на долго съ

съ нимъ. Но сыну страшно хотѣлось въ военную службу, и онъ настоялъ на своемъ. Въ концѣ января отецъ самъ повезъ его въ Петербургъ.

Тяжело было разставаться Еленѣ Павловнѣ съ своимъ сыномъ, и много слезъ ей стоила эта разлука.

Ростиславъ тоже былъ очень разстроенъ. Эти первые отъѣзды изъ дома родительскаго были тѣмъ болѣе мучительны и для отъѣзжающихъ и для остающихся, что они совпали съ временемъ, когда домъ Фадѣевыхъ почти опустѣлъ. Старшая сестра Ростислава, Елена Андреевна, тогда уже была замужемъ за Ганомъ, служившимъ въ артиллеріи, въ Петербургѣ. Вторая дочь Екатерина поѣхала тоже съ отцомъ, чтобы повидаться съ сестрой и посмотрѣть Петербургъ. Въ домѣ осталась одна Елена Павловна съ маленькой своей дочерью Надеждой.

По дорогѣ Фадѣевы заѣхали въ Пензу къ дѣдушкѣ, престарѣлому отцу Елены Павловны, князю Павлу Васильевичу Долгорукому, котораго застали на смертномъ одрѣ. Увидавъ своего зятя и внуковъ, онъ такъ обрадовался, что какъ бы ожилъ, пустился въ разговоры и протянулъ еще два дня. Это былъ храбрый екатерининскій генералъ, образованный и почтенный человѣкъ. Похоронивъ его, Фадѣевы продолжали путь и прибыли въ Петербургъ въ половинѣ февраля.

Послѣ многихъ хлопотъ, совѣщаній о томъ, куда пристроить Ростислава, послѣ долгихъ колебаній, предпочли, наконецъ, артиллерійское училище, считавшееся въ то время однимъ изъ лучшихъ. Братъ Андрея Михайловича, артиллерійскій генералъ, Павелъ Михайловичъ Фадѣевъ и племянникъ А. А. Фадѣевъ (нынѣ генералъ отъ артиллеріи), офицеръ гвардейской артиллеріи, былъ въ то время преподавателемъ училища. Послѣдній, взявъ на себя приготовить Ростю къ вступительному экзамену, предложилъ оставить мальчика у него. Въ маѣ Андрей Михайловичъ уѣхалъ обратно въ Астрахань, а Ростиславъ, въ первый разъ въ жизни, остался одинъ, внѣ семейнаго очага. Онъ часто писалъ домой. Слѣдуетъ здѣсь упомянуть какъ характеристическую черту Р. А., что въ теченіе всей своей жизни онъ никогда не забывалъ часто писать роднымъ. У него была глубокая, горячая привязанность къ своимъ родителямъ и роднымъ, и отсутствуя, онъ не хотѣлъ вводить ихъ въ безпокойство о себѣ. Теперь онъ описывалъ свои разнообразныя впечатлѣнія, занятія, поименовывалъ книги, которыя читалъ, воз-

мущался равнодушіемъ публики къ смерти Пушкина, огорчался смертію Марлинскаго, съ восторгомъ разсказывалъ о встрѣчѣ своей съ А. П. Ермоловымъ и проч. Между тѣмъ, усердно продолжалъ заниматься своимъ приготовленіемъ подъ руководствомъ двоюроднаго брата, и годъ спустя, успѣшно выдержавъ экзаменъ, поступилъ въ артиллерійское училище. Здѣсь началась для него новая жизнь, съ которою онъ скоро свыкся; близко сошелся съ нѣкоторыми товарищами, особенно съ княземъ А. Б. Лобановымъ. Все шло очень хорошо. Но черезъ полтора года, въ концѣ 1839 г., случилось происшествіе, которое не могло не повліять на его судьбу. Вотъ какъ объ этомъ происшествіи разсказывали его товарищи. Долго не получая изъ дома писемъ и сильно о томъ безпокоясь, однажды онъ узналъ, что полученное на его имя письмо только что передано дежурному офицеру. Ростиславъ пошелъ къ офицеру, и просилъ отдать ему письмо. Офицеръ почему-то отвѣчалъ грубостью. Ростиславъ продолжалъ просить офицера о письмѣ. Офицеръ отвѣчалъ еще грубѣе. Мальчикъ вспылилъ и тоже ему нагрубилъ. Его арестовали, и посадили почему-то, вмѣсто карцера, въ артиллерійскій модельный кабинетъ. Просидѣвъ нѣсколько часовъ въ кабинетѣ и соскучившись, Фадѣевъ сталъ разсматривать орудія и, увлекшись любопытствомъ, зарядилъ одно изъ нихъ и выпалилъ изъ него. Поднялась, конечно, суматоха, все училище переполошилось. Молніи и громы низверглись на голову бѣднаго Ростислава. Затѣялось дѣло, которому придали такой видъ, что Фадѣеву предстояло неминуемо быть разжалованнымъ въ солдаты. По счастію, его выручилъ князь Илья Андреевичъ Долгорукій, бывшій тогда начальникомъ артиллерійскаго штаба, родственникъ его матери, и принимавшій въ немъ большое участіе. Наказаніе Р. А. ограничилось тѣмъ, что его выслали юнкеромъ въ батарею, находившуюся въ Тирасполѣ, гдѣ онъ и пробылъ около года. Эта непріятность съ сыномъ сильно огорчила его родителей. Въ дневникѣ А. М. Фадѣева записаны слѣдующія слова по этому поводу: «Много былъ опечаленъ преждевременнымъ выпускомъ сына моего изъ артиллерійскаго училища въ юнкера, до окончанія курса; правда, за его шалость, но которая была не столь важна, чтобы наказаніемъ за то лишать молодого человѣка возможности довершить свое воспитаніе». Въ томъ же году Андрей Михайловичъ былъ переведенъ въ Саратовъ. Въ то-

время начальникомъ квартировавшихъ въ Саратовской губерніи артиллерійскихъ конныхъ батарей былъ генералъ-лейтенантъ Арнольди. Онъ предложилъ перевести Ростислава въ батарею, находившуюся въ Саратовѣ, завѣривъ при томъ, что ко времени, когда его сверстники будутъ кончать курсъ въ училищѣ, Ростя будетъ представленъ къ производству въ офицерскій чинъ, и ему только надобно будетъ съѣздить въ Петербургъ, чтобы выдержать экзаменъ.

Въ томъ же, 1841 г., Ростиславъ пріѣхалъ въ Саратовъ и Арнольди взялъ его къ себѣ въ ординарцы, а въ началѣ 1842 г Ростиславъ поѣхалъ въ Петербургъ держать экзаменъ.

Прапорщикомъ конной артиллеріи онъ отправился въ Одессу, куда въ это время поѣхали его родители, чтобы провести лѣто съ своею больною дочерью Еленой Андреевной Ганъ. Въ іюнѣ она умерла 27 лѣтъ. Ростиславъ былъ потрясенъ этою смертію такъ же, какъ и все семейство. Черезъ нѣсколько дней выѣхали всѣ вмѣстѣ обратно въ Саратовъ.

Въ это время артиллерія была выведена изъ Саратовской губерніи и Арнольди получилъ другое назначеніе. Ростиславу Андреевичу приходилось ѣхать въ свою батарею далеко. Отецъ опять началъ поговаривать о статской службѣ для сына, имѣя въ виду доставить ему мѣсто въ Петербургѣ. Андрей Михайловичъ собирался ѣхать въ Петербургъ и хотѣлъ взять сына съ собой. У Андрея Михайловича были въ Петербургѣ большія связи между высокопоставленными лицами того времени. Они не отказались бы доставить его сыну служебное положеніе, чтобы открыть предъ нимъ путь для хорошей карьеры. Ростиславъ Андреевичъ подалъ въ отставку. Между тѣмъ поѣздка въ Петербургъ замедлялась, и, наконецъ, вовсе не состоялась. Такимъ образомъ онъ пробылъ въ отставкѣ восемь лѣтъ.

Но это время для него не пропало втунѣ. Нельзя было употребить его полезнѣе для своей умственной обработки, какъ это сдѣлалъ онъ. Онъ прочиталъ впродолженіе этого времени тысячи томовъ, и всѣ они остались свѣжи въ его памяти. Онъ обогатилъ себя знаніями, которыя его ставили на степень замѣчательнаго ученаго. Впослѣдствіи первоклассные ученые, члены французскаго института и лондонскаго королевскаго общества, и наши академики и профессора, знавшіе его, изумлялись глубинѣ и обширности его познаній. Съ каждымъ изъ нихъ онъ говорилъ о его спеціальности съ полнымъ знаніемъ

предмета. Были, конечно, науки, которыя онъ любилъ болѣе или менѣе, но по громадности знанія, основательности и разнообразію изученныхъ предметовъ, онъ представлялъ собой замѣчательнаго человѣка, въ особенности въ нашемъ отечествѣ. Къ этому времени относятся тѣ мастерски составленные конспекты и замѣтки, которые онъ дѣлалъ для себя, изучая различные научные предметы и которые, можно сказать безъ преувеличенія, замѣнили ему безъ всякаго ущерба нѣсколько разнородныхъ факультетовъ любаго университета.

Впрочемъ, онъ не отдавался исключительно и нераздѣльно однимъ книжнымъ занятіямъ; ему было едва за двадцать лѣтъ; его умъ кипѣлъ жизнію, воображеніе работало неутомимо и требовало живой дѣятельности; а такъ какъ Саратовъ не обладалъ обильными матеріалами для удовлетворенія ни этой жажды дѣятельности, ни многихъ изъ нравственныхъ потребностей, то естественно, что сила фантазіи иногда увлекала молодаго человѣка даже до эксцентричностей, о которыхъ въ теченіе долгаго времени сохранялись между его знакомыми цѣлыя легенды.

Онъ придавалъ большое значеніе искусной стрѣльбѣ въ цѣль, фехтованію, верховой ѣздѣ и плаванію, и во всемъ этомъ достигъ необыкновеннаго совершенства. Охота мало интересовала его. Онъ былъ очень силенъ и не брезгалъ иногда бороться съ извѣстными силачами.

Наружность Ростислава Андреевича была въ высшей степени привлекательная. Выше средняго роста, плечистый, крѣпкаго сложенія, онъ производилъ жизнерадостное впечатлѣніе своимъ благороднымъ, открытымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезнымъ лицомъ, невольно обращавшимъ на себя вниманіе. Прекрасныя черты лица, красивый носъ съ небольшимъ горбомъ, хорошо очерченный ротъ съ нѣсколько-выдающейся, характеристической, «долгоруковской нижней» губой, темные глаза которые смотрѣли какъ будто внутрь себя (эта особенность сохранилась у него навсегда), темные волосы, небольшіе усы, и борода, слегка окаймлявшая матовое, овальное, задумчивое лицо,—вотъ какимъ онъ остался въ памяти знавшихъ его.

Онъ былъ всегда и со всѣми чрезвычайно вѣжливъ, особенно съ женщинами, даже съ прислугой, которая всегда и вездѣ обожала его. Онъ ко всѣмъ былъ добръ и привѣтливъ, всякому готовъ былъ оказать услугу, какую только могъ, и,

всѣхъ любилъ, кромѣ людей, которыхъ считалъ вредными для родины. Не смотря на его вполнѣ мужественный, сдержанный характеръ, сердце у него было мягкое и впечатлительное, какъ у ребенка. Расположеніе духа необычайно ровное. Никто его не видѣлъ *сердитымъ*. Всегда разговорчивый, веселый, онъ рѣдко смѣялся, отличаясь способностью разсказывать самыя смѣшныя вещи съ серьезнымъ видомъ. Считаясь знатокомъ тонкихъ, изысканныхъ обѣдовъ, онъ былъ очень воздержанъ въ ѣдѣ, но страстно любилъ угощать другихъ. Нельзя не упомянуть еще о томъ, что онъ никогда не умѣлъ равнодушно слышать о какомъ-нибудь возмутительномъ поступкѣ, или жестокости,—ему неудержимо хотѣлось сейчасъ-же наказать виновнаго. Это чувство распространялось даже по отношенію къ животнымъ, къ которымъ онъ былъ сострадателенъ.

Въ 1844 году Фадѣевъ ѣздилъ къ своимъ старымъ друзьямъ, калмыцкимъ князьямъ въ степь, а оттуда завернулъ въ киргизскую орду къ знакомому хану Джангиру. По возвращеніи, онъ, недолго пробывъ въ Саратовѣ, отправился на Кавказъ: познакомиться съ страной и, при случаѣ, поступить на службу. Онъ пробылъ тамъ болѣе года, участвовалъ въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ какъ волонтеръ, былъ два раза раненъ въ руку и голову, на которой ему пришлось долго носить повязку. Объѣхавъ весь край и изучивъ его, онъ побывалъ въ Тифлисѣ и возвратился въ Саратовъ въ 1846 году, не поступивъ на службу. Случилось, что въ томъ же году отецъ его былъ переведенъ въ Тифлисъ. Ростиславъ Андреевичъ на время остался въ Саратовѣ по нѣкоторымъ дѣламъ, намѣреваясь по окончаніи ихъ съѣздить въ Петербургъ, и потомъ отправиться къ родителямъ въ Тифлисъ. Но судьба нѣсколько измѣнила его планы и вотъ по какому случаю. Въ Саратовѣ болѣе года проживалъ сосланный туда графъ М. Потоцкій. Сосланъ онъ былъ не за политику, къ которой былъ совершенно равнодушенъ, а за семейныя исторіи съ своей женой,—исторіи, въ которыхъ оба супруга ревностно старались перещеголять другъ друга во взаимномъ оклеветаніи. Слѣдствіе по этимъ исторіямъ производилъ флигель-адъютантъ, присланный изъ Петербурга и немедленно принявшій сторону графини. Графъ былъ препровожденъ на жительство въ Саратовъ, гдѣ онъ смертельно скучалъ и стремился во чтобы ни стало изъ него вырваться. Сестра графа, графиня Киселева

бомбардировала А. М. Фадѣева письмами съ просьбами о братѣ и снисхожденіи къ нему. Бывая у Андрея Михайловича, Потоцкій познакомился съ Ростиславомъ Андреевичемъ, который былъ для него драгоцѣнной находкой, оазисомъ въ саратовской сахарѣ. Хотя Потоцкій лично и не представлялъ для Ростислава Андреевича особаго интереса, но какъ человѣкъ, вращавшійся въ высшихъ обществахъ Европы, былъ не лишенъ нѣкоторой занимательности.

Дѣла задержали Ростислава Андреевича въ Саратовѣ долѣе нежели онъ разсчитывалъ, и когда онъ, наконецъ, собрался ѣхать, Потоцкій умолялъ его похлопотать въ Петербургѣ объ его освобожденіи изъ ссылки, указавъ, къ кому именно надо обратиться, и прибавивъ, что если понадобится, онъ не пожалѣетъ никакихъ денегъ.

Ростиславъ Андреевичъ никогда никому не отказывалъ въ услугѣ, которую считалъ удобоисполнимой. Въ это время ему было всего 23 года. Притомъ, въ данномъ случаѣ, помочь ему казалось тѣмъ возможнѣе, что въ винѣ Потоцкаго не было ничего политическаго. Это была исторія частная, семейная, въ которой виновность жены, не подвергшейся никакому наказанію, казалась ему болѣе очевидною. Р. А. уѣхалъ, обѣщавъ Потоцкому похлопотать объ немъ въ Петербургѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ не забылъ Потоцкаго, повидался съ кѣмъ слѣдовало, и ему уже былъ обѣщанъ вѣрный успѣхъ. У Фадѣева было много знакомыхъ, пріятелей, товарищей, его безпрестанно приглашали на обѣды, на пирушки. За однимъ обѣдомъ, послѣ излишне выпитаго шампанскаго, случайно зашелъ разговоръ о графѣ Потоцкомъ, начались разспросы, какъ онъ тамъ живетъ, что дѣлаетъ, долго-ли останется въ Саратовѣ. Фадѣевъ разсказалъ, что Потоцкій поручилъ свое дѣло ему, а что онъ уже заручился словомъ благонадежныхъ лицъ, обѣщавшихъ ему скорое освобожденіе сосланнаго.

Можетъ быть Фадѣевъ при этомъ назвалъ кого-нибудь изъ этихъ лицъ. На слѣдующій день Фадѣева потребовали къ начальнику третьяго отдѣленія Дубельту, съ которымъ онъ тоже уже видѣлся. Дубельтъ учтиво сообщилъ ему приказанье немедленно выѣхать изъ Петербурга. Изумленный Фадѣевъ спросилъ: «за что?» Дубельтъ еще учтивѣе, тихо, на ухо ему сказалъ «за непозволительную болтовню», и спросилъ въ какой ородъ онъ желаетъ ѣхать. Фадѣевъ отвѣчалъ, что намѣревался

на-дняхъ ѣхать въ Тифлисъ. Дубельтъ нашелъ, что надо выбрать русскій городъ, и Фадѣевъ выбралъ свою родину—Екатеринославъ, куда на другой день онъ выѣхалъ въ сопровожденіи жандарма, въ полной увѣренности, что эта исторія не можетъ продлиться долѣе нѣсколькихъ дней. По прибытіи въ Екатеринославъ, Фадѣевъ съ жандармомъ явился къ губернатору съ запечатаннымъ на его имя конвертомъ. Прочитавъ бумагу, губернаторъ спросилъ: «за что васъ прислали сюда?»—«Вѣроятно, это сказано въ бумагѣ», отвѣчалъ Фадѣевъ. — «Въ бумагѣ ничего не сказано», возразилъ губернаторъ.—«Ну, значитъ, намъ этого и знать не слѣдуетъ!» рѣшилъ Фадѣевъ.

Въ Екатеринославѣ было еще много старыхъ друзей его родныхъ, которые знали его еще мальчикомъ и приняли его радушно. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, прошла цѣлая зима, а его изъ Екатеринослава не выпускали. Тогда его отецъ обратился съ просьбой къ своему начальнику, намѣстнику кавказскому, графу Воронцову, чтобы позволили его сыну пріѣхать въ Тифлисъ. Воронцовъ съ готовностью и удовольствіемъ взялся за это дѣло, написалъ къ князю Орлову, шефу жандармовъ, и вскорѣ затѣмъ, въ половинѣ 1849 года, Ростиславъ Андреевичъ пріѣхалъ въ Тифлисъ. Отецъ представилъ его графу Воронцову, который принялъ молодого человѣка очень ласково. Эта въ сущности пустая исторія имѣла вредныя послѣдствія для служебной карьеры Ростислава Андреевича. Многіе думали, что онъ былъ сосланъ за политическое дѣло. Кажется, такъ думалъ и покойный Государь.

Много лѣтъ спустя, когда Ростиславъ Андреевичъ былъ уже генераломъ, онъ случайно, въ разговорѣ, разсказалъ фельдмаршалу князю Барятинскому объ этомъ эпизодѣ своей жизни. Барятинскій, который искренно его любилъ, съ удивленіемъ сказалъ: «какъ жаль, что вы не разсказали мнѣ этого прежде! Я хотѣлъ васъ представить въ флигель-адъютанты, но меня увѣрили, что вы были замѣшаны въ политическое дѣло».

Пріѣхавъ въ Тифлисъ, Фадѣевъ прежде всего усердно принялся учиться татарскому языку и для практики въ разговорѣ пригласилъ къ себѣ ученаго мирзу. На лѣто Фадѣевы переѣхали въ Гергеры, военное поселеніе, верстъ 180 отъ Тифлиса, окруженное горами и лѣсами. Лѣто прошло не совсѣмъ благополучно: во время одной прогулки съ семействомъ, верхомъ и въ экипажахъ, лошадь Фадѣева понесла его по склону скопан-

ной горы и со всего размаху упалъ на бокъ; при паденіи, лѣвая нога Фадѣева проскользнула внутрь широкаго азіятскаго стремени и, придавленная всею тяжестью лошади, была ужасно изранена. Подоспѣвшіе спутники съ трудомъ подняли его и, сильно окровавленнаго, привезли домой. Докторъ нашелъ рану очень опасной, и чрезъ нѣсколько дней объявилъ о необходимости отнять ногу. Фадѣевъ не согласился на операцію, предпочитая лучше умереть, чѣмъ остаться калѣкой, и началъ лечиться у фельдшера. Пролежавъ въ постели около двухъ мѣсяцевъ, онъ возвратился въ Тифлисъ здоровымъ. Зиму 1850 г. провелъ въ обыкновенныхъ своихъ занятіяхъ. Очень много читалъ, часто ѣздилъ верхомъ, сопровождалъ своего отца въ его разъѣздахъ по Кавказу, который чрезвычайно интересовалъ Ростислава Андреевича не одною красотою и живописностью своихъ мѣстоположеній. Онъ страстно любилъ природу, и его живая душа жадно воспринимала впечатлѣнія, обильно ей доставляемыя поэтической страной съ ея величественной, дикой обстановкой и историческими воспоминаніями.

Въ концѣ 1850 года Ростиславъ Андреевичъ вновь поступилъ на службу въ артиллерію и былъ назначенъ прапорщикомъ въ батарею *), квартировавшую въ урочищѣ Кусарахъ, Шемахинской губерніи, на самой границѣ южнаго Дагестана. 8 января 1851 года онъ выѣхалъ къ мѣсту своего назначенія. Съ этого дня началась его боевая жизнь, его настоящее поприще, къ которому прирожденное призваніе неудержимо влекло его съ самыхъ младенческихъ дней. Онъ вступилъ на давно желанный путь военной дѣятельности, котораго уже не покидалъ, несмотря на то, что путь этотъ не разъ ему представлялся устланнымъ терніями. Съ мечомъ или съ перомъ въ рукѣ, онъ неуклонно, неизмѣнно, неустанно слѣдовалъ къ цѣли, указываемой ему долгомъ и совѣстью доблестнаго воина и гражданина, до тѣхъ поръ, пока рука эта, безжизненная и охладѣлая, не улеглась на груди его. Только могильный крестъ могъ преградить путь этого высокаго шествія.

Съ пріѣздомъ Ростислава Андреевича въ батарею, для него паступила немедленно длинная канитель военныхъ тревогъ, походовъ, экспедицій, перестрѣлокъ, сраженій, не прерывавшаяся до самой минуты окончанія кавказской войны. Этой жизнью

*) Легкая № 5 горная батарея 20 артиллерійской бригады.

онъ не тяготился. На войнѣ онъ былъ въ своей сферѣ, война была цвѣтомъ его жизни. Впрочемъ, мѣсто и общественная обстановка первоначальныхъ его военныхъ дебютовъ не очень ему понравились, и въ письмѣ къ отцу онъ о нихъ отзывается не совсѣмъ одобрительно. Черезъ мѣсяцъ послѣ своего отъѣзда изъ Тифлиса, онъ писалъ изъ Кусаръ.

«Въ Дагестанѣ новостей никакихъ, походъ пока не состоялся, потому что наибы, собравшіеся въ Цудахарѣ, перессорились между собою, точно кавказскіе генералы, и скопище ихъ разошлось. До конца апрѣля, а можетъ быть и мая, важнаго ничего не будетъ, а многіе увѣряютъ, что и все лѣто это пройдетъ въ военныхъ прогулкахъ, какъ въ прошломъ году, развѣ затѣетъ что нибудь Шамиль. Но къ походу надобно готовиться съ наступленіемъ теплой погоды каждый часъ, потому что безъ движеній, хоть и пустыхъ, весной не обойдется. Въ Кусарахъ такая грязь, что ни пройти, ни проѣхать, а зима еще стоитъ. Третьяго дня былъ морозъ хоть для Петербурга, снѣгъ—то растаетъ, то опять выпадетъ на нѣсколько дней. Пакостнѣе Кусаръ, особенно при такой погодѣ, и вообразить себѣ нельзя. Вдобавокъ, у насъ въ батареѣ четыре человѣка офицеровъ спокойно ужиться не могутъ, все ссорятся съ К*** (батарейный командиръ), а онъ за это пустился въ строгости, требуетъ службы, водитъ на ученья въ такую погоду, что и собака не выйдетъ на улицу, и доволенъ тѣмъ, что хоть самъ мерзнетъ, за то морозитъ враговъ своихъ. Я одинъ у него бываю и только и слышу во время обѣда, какъ К*** ругаетъ офицеровъ за глаза, и въ остальное время, какъ офицеры ругаютъ К***, за глаза тоже. Очень глупая потѣха. Съ горя онъ отнялъ взводъ у одного изъ самыхъ ожесточенныхъ своихъ противниковъ, и отдаетъ его мнѣ, а я не хочу его брать, чтобы не ссориться съ тѣмъ, у кого онъ отнятъ, такъ какъ у меня подъ командой есть уже другой взводъ; и такъ проходитъ время. Кавказцы такой воинственный народъ, что не могутъ быть безъ сраженій даже на зимней стоянкѣ въ Кусарахъ. Не имѣя расположенія къ междоусобіямъ, я ѣзжу каждую недѣлю въ Кубу къ уѣздному начальнику, который очень хорошій человѣкъ. Будетъ, кажется, тотъ конецъ, что К*** переведутъ, хотя онъ только безтолковъ, а мутитъ все К., который самый безпокойный человѣкъ на службѣ, какого я только

видѣлъ. Какъ только будетъ требованіе, я со взводомъ выступаю первый. Надо готовиться къ походу, потому я васъ прошу выслать мнѣ денегъ, чтобы сдѣлать вьюки и кое-какія вещи. К*** съ батареей въ такихъ отношеніяхъ, что съ нимъ хоть я и въ ладахъ, т.-е, онъ ко мнѣ подлаживается, какъ къ единственному офицеру, сохранившему съ нимъ отношенія знакомства, но дѣлъ съ нимъ никакихъ, кромѣ въ казенные, положенные сроки, я имѣть не хочу. Жалованья и порціонныхъ здѣсь очень достаточно чтобы прожить и останется еще 55 руб., но срокъ полученія будетъ только 1 мая. М*** командиръ *** полка страшный мужикъ и вся остальная компанія, за двумя, тремя сомнительными исключеніями, изъ рукъ вонъ плоха. Да чортъ съ ними. Я только и думаю какъ бы скорѣе отправиться въ походъ, а тамъ пусть они себѣ ссорятся или мирятся, мнѣ все равно».

На первыхъ порахъ новый образъ жизни и среда, въ кокоторой очутился непривычный человѣкъ, какъ видно изъ письма, не очень пріятно на него подѣйствовали, но скоро онъ свыкся съ ними, вошелъ въ колею и по, возможности, примирился съ окружающею атмосферой. Да и Кусары весной оказались гораздо привлекательнѣе. Это мѣсто, занятое подъ военное поселеніе еще при Ермоловѣ въ 1812 году, отличается хорошимъ климатомъ, красивымъ мѣстоположеніемъ, изобиліемъ въ водѣ и лѣсѣ, и устроено было лучше другихъ подобныхъ поселеній. Къ тому же оно украшалось двумя большими садами.

Въ маѣ, Андрей Михайловичъ Фадѣевъ, въ одинъ изъ своихъ обычныхъ служебныхъ разъѣздовъ по краю, съ зятемъ своимъ Витте, заѣхалъ въ гости къ сыну, который встрѣтилъ его въ Кубѣ, и вмѣстѣ поѣхали въ Кусары. Лица, описываемыя въ вышеприведенномъ письмѣ Ростислава Андреевича, приняли его отца радушно, не могли нахвалиться его сыномъ и всячески старались сдѣлать ему пребываніе въ Кусарахъ пріятнымъ. Всякія ссоры скучавшаго отъ бездѣлья воинства на время прекратились.

Проводивъ отца до Кубы, Р. А., передъ началомъ военныхъ дѣйствій, успѣлъ съѣздить на Апшеронскій полуостровъ. Затѣмъ наступилъ періодъ, когда Фадѣевъ былъ въ огнѣ. Въ августѣ раненъ пулею въ ногу, и хотя она не вынудила его оставить свой постъ, но въ продолженіи многихъ лѣтъ, эта рана отъ

времени до времени напоминала о себѣ. По закрытіи военныхъ дѣйствій, въ октябрѣ, онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ и зиму провелъ дома, а въ началѣ марта 1852 года отправился къ мѣсту своего служенія и снова все лѣто прошло въ безпрестанныхъ перестрѣлкахъ съ горцами.

Здѣсь считаемъ умѣстнымъ привести цѣликомъ нѣкоторыя изъ писемъ Фадѣева къ роднымъ. Эти письма характеризуютъ эпоху, прожитую имъ на Кавказѣ. Какъ видно изъ формуляра и изъ этихъ писемъ, Р. А. участвовалъ во множествѣ экспедицій и въ кровопролитнѣйшихъ стычкахъ и сраженіяхъ съ горцами и въ 1853 — 1855 гг. съ турками. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ выказалъ рѣдкую неустрашимость и хладнокровную распорядительность, о которой потомъ не разъ разсказывали его товарищи по оружію. Извѣстенъ, напримѣръ, разсказъ свѣтлѣйшаго князя Воронцова (сына бывшаго намѣстника), какъ однажды, командуя нѣсколькими пушками, прикрывавшими полкъ Воронцова, совершившій переходъ въ виду непріятеля, и очутившись безъ орудійной прислуги, всю выбитую изъ строя непріятелемъ, Фадѣевъ одинъ оставался при пушкахъ до окончанія перехода, собственноручно выпустивъ до послѣдняго заряда. Скромный по природѣ, онъ никогда не разсказывалъ объ эпизодахъ, въ которыхъ, извѣстная всему Кавказу, личная его храбрость могла выступить наружу. Только въ письмахъ къ ближайшимъ роднымъ онъ былъ на этотъ счетъ болѣе откровеннымъ.

«Ст. Червленая, 18 августа, 1857 г. Больше мѣсяца уже кажется не писалъ я, но по совѣсти могу сказать, что почти нѣкогда было. Наше спокойствіе, которое мнѣ уже чрезвычайно надоѣло, смѣнилось къ концу іюля самымъ тревожнымъ состояніемъ; набѣгъ за набѣгомъ, дыма и крови въ это время было больше даже, чѣмъ бы желалось.

«Началось съ маленькаго набѣга, гдѣ мы отправились топтать кукурузу въ окрестности Воздвиженской; тутъ дѣло состояло только въ перестрѣлкѣ съ нашей стороны. Затѣмъ пошли въ большую Чечню, пожгли сѣно и потоптали хлѣба чеченцевъ, перестрѣливались цѣлый день, выдержали нѣсколько залповъ изъ непріятельскихъ орудій и на третій день воротились домой. Походъ былъ хоть не кровопролитный, но все-таки дѣло было и успѣхъ также; а всего больше утомленія, а по-

тому я и счелъ себя въ правѣ почить на лаврахъ, т. е. уѣхать въ Червленую, эдемъ лѣваго фланга, тѣмъ болѣе, что это меня избавляло отъ тяжелой непріятности видѣть Брюммера, пріѣхавшаго въ день моего отправленія инспектировать нашу батарею. Только что я расположился въ Червленой и провелъ здѣсь одни сутки, какъ вдругъ, отобѣдавши у Розена, и, сидя у него на галлереѣ, видѣлъ: скачетъ нарочный съ приказаніемъ Барятинскаго двинуться съ гребенцами ночью на соединеніе съ нимъ. Я нанялъ лошадь, проскакалъ съ казаками 100 верстъ въ одну ночь и соединился съ своей батареей въ глубинѣ большой Чечни. Набѣгъ продолжался три дня, было хорошее дѣло всѣ три дня постоянно и будетъ блестящая реляція. Окончивши набѣгъ, все войско собралось въ Воздвиженской и такъ какъ Александръ и всѣ вещи были у меня на линіи, гдѣ я собирался провести нѣсколько времени, то хотѣлъ на другой день съ казаками воротиться туда же, тѣмъ болѣе, что это вновь доставляло мнѣ удовольствіе не видѣть Брюммера; но не знаю какъ случилось, и къ величайшей досадѣ своей, проспалъ ихъ отправленіе. Надо было дожидать оказіи. На другой день, послѣ того какъ я противъ воли остался въ Воздвиженскомъ, мы ужинали, человѣкъ съ пятнадцать, у одного барона Нордштейна, на проводахъ двухъ его сестеръ, пріѣзжавшихъ къ нему въ гости изъ Пятигорска, гдѣ они были на водахъ. Вдругъ—приказаніе быть готовымъ къ часу пополуночи. Новый набѣгъ. Прямо съ бала и ужина мы отправились въ поле. До сихъ поръ набѣги все шли crescendo, одинъ сильнѣе другаго и должны были наконецъ заключиться этимъ, гдѣ было уже не дѣло, а настоящая рѣзня, которую и на Кавказѣ трудно видѣть. Семенъ Воронцовъ тяготился, очевидно, тѣмъ, что его хотѣли держать какъ бы только на показъ и рѣшился сочинить отчаянное дѣло, чтобы вырваться изъ-подъ опеки. Мы пошли разбивать аулы въ Аргунское ущелье, куда никогда еще, со времени занятія Кавказа, не заходили русскіе. Мѣстность здѣсь была адская и непріятель отчаянный. Случилось такъ, что легкія орудія должны были, по причинѣ чрезвычайно трудной мѣстности, остаться далеко назади, а я одинъ, съ горнымъ орудіемъ и пятью ротами, вбѣжали въ деревню, гдѣ мы какъ нарочно наткнулись на сильную партію, которую мѣстный наибъ, готовясь сдѣлать набѣгъ съ своей стороны, собралъ здѣсь. Пока

мы рѣзали и жгли аулъ, вокругъ насъ собралось преогромное скопище и началась бойня, настоящій адъ, какого я еще не видалъ на Кавказѣ. Довольно, что изъ десяти офицеровъ, перешедшихъ со мною мостикъ, девять были убиты или ранены; одинъ я остался цѣлъ и могу сказать, что весь бой и все отступленіе вынесъ на своихъ собственныхъ плечахъ. За то Симушка Воронцовъ повисъ у меня на шеѣ и объявилъ передъ цѣлымъ отрядомъ, что мое дѣло было самое блестящее, какое онъ видѣлъ; что для него одно непонятно, какъ я остался живъ и цѣлъ. Съ той минуты, въ продолженіи двухъ дней, которые я оставался въ Воздвиженской, онъ не зналъ какъ носиться со мной. Барятинскій, когда я явился къ нему, объявилъ мнѣ, что я сдѣлалъ самое удивительное отступленіе, какое только удавалось когда-нибудь артиллерійскому офицеру. Такимъ образомъ я сдѣлался на нѣсколько дней героемъ лѣваго фланга, и потому, по всей справедливости, могу покуда опочить на лаврахъ, посреди гребенскихъ мамуръ и передъ свѣжей осетриной, которою всякій день угощаетъ меня Розенъ».

Въ ноябрѣ Фадѣевъ сильно заболѣлъ и болѣе мѣсяца пролежалъ въ постели. Удивительно, какъ онъ могъ поправиться, потому что леченіе его было выходящее изъ ряда обыкновенныхъ. Его лечили три доктора, два фельдшера, одинъ аптекарь и два татарина, а главнымъ образомъ, онъ самъ лечилъ себя. Доктора приходили разновременно, критиковали леченіе другъ друга, и каждый предписывалъ свое, а Фадѣевъ принималъ совѣтъ и лекарство, до прихода слѣдующаго. Въ промежуткахъ посѣщеній лѣкарей онъ начиналъ самъ лечить себя, и придумывалъ самъ себѣ лекарства. Несмотря на все это крѣпкая его натура восторжествовала надъ аптекарскимъ винигретомъ и въ концѣ декабря онъ могъ выѣхать въ Тифлисъ къ роднымъ, къ которымъ и пріѣхалъ въ рождественскій сочельникъ.

Въ декабрѣ 1853 года онъ былъ прикомандированъ къ начальнику артиллеріи въ Тифлисѣ.

Послѣ весенней поѣздки въ Эривань, чтобы поглядѣть на Араратъ, онъ вмѣстѣ съ своими родными переѣхалъ въ извѣстное мѣстечко Манглисъ, невдалекѣ отъ Тифлиса (штабъ-квартира Эриванскаго полка).

Извѣстно, что когда въ концѣ іюня въ Тифлисѣ былъ полученъ манифестъ о войнѣ съ турками, то Воронцовъ не вѣ-

рилъ въ войну, считалъ все дѣло пустой тревогой и даже, несмотря на собственноручное увѣдомленіе Государя Николая Павловича, смотрѣлъ на объявленіе войны, какъ на какую-то политическую манифестацію. Поэтому серьезныхъ приготовленій онъ никакихъ не предпринималъ, ограничиваясь лишь передвиженіемъ войскъ. Между тѣмъ вѣроятность войны все болѣе и болѣе подтверждалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ хлопоты и суматоха усиливались. Состояніе здоровья князя Воронцова начало сильно разстроиваться. Безпрестанно приходили самыя тревожныя извѣстія. Турки въ иныхъ мѣстахъ подступали къ самой нашей границѣ, и даже прорывались чрезъ нее. Война съ Турціей оказалась наконецъ неизбѣжной, и князь Бебутовъ былъ назначенъ командующимъ дѣйствующимъ корпусомъ въ Александрополѣ. Ростиславъ Андреевичъ, только что награжденный орденами и чиномъ за прошлогоднія отличія, былъ прикомандированъ состоять при немъ.

Въ теченіе войны,—не говоря уже о томъ, что Фадѣевъ исполнялъ долгъ храбраго офицера,—онъ оказалъ двѣ большія услуги, имѣвшія вліяніе на успѣшный результатъ двухъ значительнѣйшихъ сраженій.

Во время самаго разгара Башкадыклярскаго боя, Фадѣевъ, находясь при кн. Бебутовѣ, увидѣлъ, что грузинскій гренадерскій полкъ, отброшенный нѣсколько разъ болѣе сильнымъ непріятелемъ, началъ отступать въ разбродѣ и безпорядкѣ. Фадѣевъ поскакалъ ему на перерѣзъ и, пользуясь своей тайной вліять на солдатъ, съумѣлъ собрать вокругъ себя бѣгущихъ гренадеръ и повести обратно въ атаку. Мало-по-малу весь полкъ, съ командиромъ полка княземъ Орбеліани во главѣ, присоединился къ Фадѣеву, бросился вторично въ атаку и сбилъ турокъ.

Подъ Кюрукъ-даре, когда получено было донесеніе, что турки снимаются съ бивуака и отступаютъ къ Карсу, то князь Бебутовъ немедленно, ночью, поднялъ весь отрядъ и началъ двигаться съ цѣлью настигнуть непріятеля. Когда же разсвѣтъ открылъ турокъ, которые развертывали строй въ боевой порядокъ, съ намѣреніемъ аттаковать отрядъ Бебутова, то только тогда выяснилось, что они не помышляли объ отступленіи, о которомъ было донесено. Эта неожиданность, многочисленность турокъ и растянутость фронта, ввело наши войска въ нѣкото-

рое замѣшательство. Тогда Фадѣевъ, совмѣстно съ кн. Мирскимъ, рѣшили, что единственная надежда на успѣхъ—пробить непріятельскій центръ. Съ этимъ рѣшеніемъ Мирскій поѣхалъ къ князю Барятинскому, командовавшему лѣвымъ крыломъ у горы Караяла, а Фадѣевъ къ Бебутову, и оба настояли на исполненіи плана, который увѣнчался блистательнымъ, полнымъ пораженіемъ непріятеля, много разъ сильнѣйшаго. За эти дѣла Фадѣевъ получилъ чинъ, золотую саблю и Владиміра съ бантомъ. О сраженіи подъ Башкадыкляромъ онъ написалъ статью. Это была первая изъ его статей, которая была напечатана въ столичныхъ журналахъ «Сѣверная Пчела» и «Journ. de St.-Petersbourg».

Къ этому же времени относятся слѣдующія его письма къ роднымъ.

«Поле сраженія... (Названіе мѣстности и число на письмѣ стерлось, остался только годъ). Вчера мы бились, какъ можетъ быть никто никогда не бился. Турокъ было 45 т. хорошо обученныхъ и храбрыхъ войскъ, какъ вышло на дѣлѣ. Насъ было 9 т., но не людей, а чертей. Сраженіе было кровавое, но короткое. Турецкая армія уничтожена. Я сдѣлалъ свое дѣло, вы увидите это по реляціи. Я по волѣ Божіей живъ и здоровъ, хотя прошелъ черезъ тысячу смертей. Прощайте».

«Лагерь Кюрюкъ-Дара, 25 іюня 1854 г. Слава Богу, слава намъ! Турецкая армія, всѣ силы, которыя были у нихъ въ Азіатской Турціи, разбиты нами вчера, въ пяти верстахъ отъ нашего лагеря. Это была такая битва, что Кадыкляръ передъ нимъ только ошибка. Наша потеря велика, но потеря турокъ неисчислима. Благодаря Бога, я цѣлъ совершенно. Извѣстіе о взятіи Баязета турками мы получили на самомъ полѣ сраженія. Прощайте, будьте здоровы. Теперь можно быть увѣреннымъ, что благодать Божія надъ нами. Р. Фадѣевъ».

Между этими двумя дѣлами, въ концѣ января 1854 года, князь Бебутовъ пріѣзжалъ въ Тифлисъ и привезъ съ собой Фадѣева, который, погостивъ у своихъ родныхъ два мѣсяца, отправился снова къ мѣсту военныхъ дѣйствій. Въ это время князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ навсегда разстался съ Кавказомъ, уѣхавъ по болѣзни въ безсрочный отпускъ. Исправленіе его должности было поручено находившемуся при немъ старшему генералу Реаду.

Въ іюлѣ произошло сраженіе подъ Кюрюкъ-Дара, а 30 сентября Фадѣевъ опять пріѣхалъ отдохнуть подъ кровъ родительскій. Теперь его пріѣзды, хотя такіе же радостные для его родныхъ какъ и всегда, но для него были уже не такими веселыми. Его мать, давно страдавшая сильнымъ ревматизмомъ, въ декабрѣ 1853 года была поражена ревматическимъ параличемъ, лишившимъ ее употребленія правой руки и лѣвой ноги. Елена Павловна привыкла съ твердостью переносить свои страданія; но потеря правой руки, лишившая ее возможности заниматься,—писать, работать и рисовать съ натуры цвѣты,—была для нея великимъ горемъ. Она ни минуты не могла оставаться безъ занятія, и потому сейчасъ же начала пріучать себя работать лѣвой рукой, и съ теченіемъ времени достигла значительнаго успѣха, хотя, разумѣется, лѣвая рука не могла вполнѣ замѣнить правой. Сынъ, во время своихъ пріѣздовъ, старался развлекать ее, сидѣлъ съ ней, разсказывалъ (какъ онъ умѣлъ разсказывать!), часто читалъ вслухъ книги или статьи, принадлежавшія по содержанію къ любимой ими обоими области естествознанія, исторіи, археологіи. Онъ также часто читалъ своему отцу и находилъ для этого время, несмотря на то, что въ свои пріѣзды въ Тифлисъ былъ заваленъ служебными дѣлами и порученіями.

Въ декабрѣ было получено извѣщеніе о назначеніи на мѣсто кн. Воронцова генерала Муравьева, который прибылъ въ Тифлисъ 1 марта 1855 года, вмѣстѣ съ печальнымъ извѣстіемъ о смерти Государя Николая Павловича. Послѣ долговременной привычки къ князю Воронцову, Муравьевъ не произвелъ на кавказскія войска пріятнаго впечатлѣнія и многихъ сразу оттолкнулъ отъ себя разными странными выходками. Вслѣдствіе отзывовъ кн. Барятинскаго и кн. Бебутова, онъ, впрочемъ, оказывалъ очень милостивое вниманіе Фадѣеву, и заявилъ ему о намѣреніи дать ему важное порученіе. Въ первыхъ числахъ апрѣля Фадѣевъ былъ отправленъ курьеромъ въ Севастополь съ порученіемъ узнать въ дѣйствительности о настоящемъ положеніи крымскихъ дѣлъ, — что Муравьевъ находилъ необходимымъ для своихъ военныхъ соображеній. Фадѣевъ добрался до Севастополя съ большими затрудненіями и опасностями, пробылъ тамъ мѣсяцъ, участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ непріятелемъ и, исполнивъ порученіе, возвратился обратно. Явившись къ Муравьеву, онъ передалъ ему свѣдѣнія,

добытыя имъ, и насчетъ Севастополя объяснился съ тою же откровенностью, къ какой онъ привыкъ и какой отъ него требовали всегда Воронцовъ и Барятинскій. Муравьеву это видимо не понравилось. Черезъ недѣлю онъ отправилъ Фадѣева курьеромъ въ Александрополь, и вслѣдъ за нимъ самъ отправился туда же. Какъ извѣстно, прибытіе Муравьева къ театру войны дѣлъ не поправило. Князь Бебутовъ возвратился въ Тифлисъ къ своей должности начальника гражданскаго управленія, а князь Барятинскій вовсе оставилъ Грузію и уѣхалъ въ Петербургъ. Благоволеніе Муравьева къ Фадѣеву, повидимому, продолжалось, онъ выказывалъ къ нему иногда большое довѣріе и давалъ довольно важныя порученія; но для Фадѣева были нестерпимы мелочныя его придирки, брюзгливыя выходки и педантизмъ. Муравьевъ высказывалъ мнѣнія и намѣренія, которыя Фадѣевъ, при своемъ открытомъ и смѣломъ характерѣ, позволялъ себѣ оспаривать. И хотя самъ Муравьевъ, повидимому, цѣнилъ способность къ соображенію Фадѣева, но такъ какъ противорѣчія ему вообще не нравились, то отношенія между ними были натянуты. Поэтому, для избѣжанія частыхъ личныхъ отношеній къ Муравьеву, въ концѣ компаніи, Фадѣевъ отпросился въ свою батарею на линію и, заѣхавъ въ Тифлисъ, прожилъ до весны 1856 г. въ домѣ родителей.

Родители Фадѣева никогда не жили открыто въ смыслѣ свѣтскомъ; для этого у нихъ не было ни желанія, ни средствъ, но для близкихъ знакомыхъ домъ ихъ былъ всегда открытымъ и даже славился своимъ гостепріимствомъ. Къ обѣду и по вечерамъ ежедневно у нихъ собирался кружокъ друзей и короткихъ знакомыхъ, бесѣды съ которыми продолжались до поздней ночи. Между обычными посѣтителями Фадѣевыхъ были академ. Абихъ, профессоръ Морицъ, горный инженеръ Иваницкій, пріѣзжавшій въ Тифлисъ, академикъ Беръ и другіе. Вообще, всѣ извѣстности ученаго міра, проѣзжавшія чрезъ Тифлисъ, посѣщали Фадѣевыхъ. Теперь къ нимъ присоединились еще военные товарищи Ростислава Андреевича. Оживленные разговоры, разсказы длились безъ умолку. Когда же кружокъ начиналъ рѣдѣть и ограничивался самыми близкими лицами, разговоръ часто переходилъ на философскія и религіозныя темы, которыя Ростиславъ Андреевичъ всегда любилъ и серьезно изучалъ.

Религіозное чувство въ немъ вообще было сильно развито. Въ ранней молодости, подъ вліяніемъ школьныхъ словопреній

и массы философскихъ книгъ всякаго направленія, мысли его въ этомъ отношеніи хотя и пришли въ разбродъ, но потребность вѣры въ немъ никогда не угасала. Онъ нѣсколько лѣтъ не говѣлъ, но это продолжалось до войны. Во время войны, когда онъ сблизился и подружился съ флигель-адъютантомъ Дмитріемъ Ивановичемъ Скобелевымъ (отцемъ знаменитаго генерала), съ которымъ нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ въ одной палаткѣ, религіозное свободомысліе его поколебалось. Фадѣевъ говорилъ своимъ сестрамъ, что когда великимъ постомъ Скобелевъ началъ говѣть, то уговорилъ Фадѣева тоже говѣть, въ виду вседневной смертной опасности. Скобелевъ не былъ ни философъ, ни богословъ, а человѣкъ съ здравымъ умомъ и простой, младенческой вѣрой. Такимъ образомъ простота вѣры побѣдила мудрость вѣка сего. Фадѣевъ пошелъ въ церковь и говѣлъ. Съ тѣхъ поръ свѣтильникъ живой вѣры горѣлъ яркимъ пламенемъ въ его душѣ, безъ всякихъ колебаній, до послѣдняго его вздоха. Фадѣевъ продолжалъ систематически заниматься философіей и теологіей, изучилъ основательно всѣ главнѣйшія вѣроученія и догматическія различія ихъ между собою, какъ мало кто изъ теологовъ по ремеслу. Не разъ ему случалось, въ серьезныхъ диспутахъ съ протестантскими и католическими учеными богословами поражать ихъ силою своего знанія.

Глубокое изученіе философскихъ наукъ и исторіи религій, съ стремленіями собственнаго религіознаго чувства, утвердило незыблемо его православно-христіанскія убѣжденія, которыя онъ твердо и смѣло исповѣдывалъ словомъ и дѣломъ всю свою послѣдующую жизнь *).

19 мая 1856 года Ростиславъ Андреевичъ выѣхалъ въ свою батарею.

Будучи поставленъ къ главнокомандующему генералу Муравьеву въ весьма близкія отношенія, онъ скоро пришелъ къ убѣжденію, что надѣяться на талантливое веденіе дѣлъ въ закавказской арміи при немъ нельзя и что онъ лично не можетъ принести никакой пользы, состоя при немъ. Въ грустномъ отчаяніи за ходъ военныхъ операцій, онъ постарался удалиться отъ особы Муравьева, оставаясь въ отрядѣ.

*) Въ началѣ 70-хъ годовъ онъ началъ писать сочиненіе «Доисторическое время», въ которомъ излагалъ свои религіозные взгляды.

Письма его къ отцу лѣтомъ 1855 г. дышатъ пессимистическимъ настроеніемъ. Вотъ что писалъ онъ изъ подъ Карса отъ 31 мая: «Положеніе мое покуда очень глупое. Состою я оффиціально при Бриммерѣ, замѣнившемъ Бебутова; но Муравьевъ призываетъ меня раза по три въ день и заваливаетъ перепискою и сочиненіями, большей частью секретными, при чемъ онъ не говоритъ ни слова о томъ, гдѣ я состою; но когда Бриммеръ уходитъ въ отдѣлъ, то требуетъ, чтобы я оставался съ нимъ; а когда Бриммеръ возвращается, то и я возвращаюсь къ Бриммеру, но не избавляюсь нисколько отъ призываній и порученій Муравьева. Это нелѣпое положеніе сдѣлаетъ, кажется, скоро, что на меня будутъ смотрѣть какъ на управляющаго секретной полиціей, потому что всѣ видятъ, что, не имѣя никакого оффиціальнаго отношенія къ главнокомандующему, я хожу къ нему по два раза въ день и занимаюсь работой, остающейся секретомъ. Ужь и теперь весь штабъ обходится со мною съ почтительною осторожностью».

«Лагерь при Геникъ-Эвѣ, 25 іюня. Вчера мы только воротились изъ похода по Эрзерумской дорогѣ, гдѣ мы бѣгали девять дней высунувши языкъ и жгли турецкіе провіантскіе запасы; объ этомъ вы найдете мою статью въ газетѣ, но чего тамъ не будетъ, такъ это того, что въ послѣдніе дни нашего похода мы были безъ вина, безъ чаю, безъ сахару и безъ табаку и все время при страшномъ холодѣ, спали на голой землѣ, имѣя съ собою только бурку или шинель. Мы подходили къ Эрзеруму верстъ на 60, но воротились, и тогда только я получилъ ваше письмо отъ 6 іюня, на которое по разсчету времени я не могу уже отвѣчать въ Делижанъ; а передъ движеніемъ писалъ въ Караклисъ Протопопову для передачи вамъ.

«Писанья у меня по прежнему пропасть. Мы дѣлали ночныя движенія, послѣ которыхъ, вмѣсто того, чтобы отдыхать, мнѣ приходилось писать. У меня занятія бываютъ очень странныя. Въ Ениксѣ, гдѣ былъ огромный складъ провіанта, Муравьевъ назначилъ меня комендантомъ и подчинилъ мнѣ баталіонъ пѣхоты и двѣ сотни казаковъ. Я комендантствовалъ двое сутокъ, пока турецкіе запасы не были истреблены».

«Лагерь подъ Карсомъ. Мы стоимъ здѣсь, какъ Моисеевы войска подъ Іерихономъ и ждемъ, чтобы стѣны Карса распались отъ трубнаго звука. Только, кажется, намъ долго при-

дется дожидаться безъ толку. И ни съ какой стороны неба не видать свѣтлой полосы...

. . . .

«Послѣ этого сраженія (на Черной) исхода севастопольской войнѣ уже не предвидится и, чтобы не терять безполезно по двѣ тысячи человѣкъ въ день и не положить тамъ всей арміи, Горчаковъ проситъ позволенія очистить Севастополь, взорвавши его. Вотъ результатъ, къ которому привела насъ система 30-тилѣтняго великаго царствованія».

Кромѣ этого отрывка, обнаруживающаго патріотическое недовольство Фадѣева, мы находимъ тоже чувство въ цѣломъ рядѣ писемъ, большею частью писанныхъ наскоро, но, какъ всегда, искренныхъ и ярко рисующихъ его душевное настроеніе.

«Лагерь подъ Карсомъ, 17 сентября. Не въ добрый часъ затѣялъ покойный Государь эту войну. Что не извѣстіе, то и утѣшеніе. 27 августа французы взяли Севастополь; 17 сентября, т.-е. вчера, русскіе всѣми силами приступили къ Карсу и были побиты, какъ .... Потеря всѣхъ нашихъ сраженій въ Азіи, сначала войны, не равняется потери одного этого дня. Однимъ словомъ, это первое пораженіе наше на Кавказѣ и оно одно стоитъ всѣхъ одержанныхъ побѣдъ. Я живъ и цѣлъ, да это не большое удовольствіе въ такомъ обстоятельствѣ. Прощайте».

«Лагерь подъ Карсомъ, 24 сентября. До сихъ поръ я тебѣ не отвѣчалъ еще, но нечего было писать; мы еще ничего не дѣлали и чаша еще не переполнилась. Теперь, по крайней мѣрѣ, можно написать что-нибудь. Плоды двухлѣтнихъ нашихъ побѣдъ въ Азіи пропали; кампанія этого года, совершонная подъ начальствомъ самаго надутаго, самаго неспособнаго и ничтожнаго человѣка въ свѣтѣ, поглотила ихъ. Долго писать о тѣхъ чрезвычайно блестящихъ результатахъ, которые манили насъ весной и были приготовлены Бебутовымъ. Вездѣ, на каждомъ шагу, въ нынѣшнемъ начальникѣ не хватало ни соображенія, ни характера; наконецъ, штурмъ Карса, веденный самымъ дѣтскимъ образомъ, изъ котораго вдобавокъ главнокомандующій ушелъ первый, бросая на жертву цѣлыя колонны, увѣнчалъ дѣло. Теперь объ немъ можно писать гласно. Презрѣніе и ненависть къ нему въ войскѣ такъ велики, что давно уже дошли до него; и онъ сидитъ одинъ, не показываясь, закупорившись, какъ дикій звѣрь, въ своей палаткѣ. Подобной страницы еще

кажется не имѣла Россія въ исторіи. На штурмѣ Карса наши войска сдѣлали, что можно только сдѣлать человѣку. Но за то все, что неспособность, невѣжество, самохвальство и трусость могутъ сдѣлать со стороны начальника, было сдѣлано, чтобы погубить ихъ безплодно. Наша блестящая азіатская армія рѣшительно раззорена. 7,500 челов. легло подъ батареями Карса, всѣ наши раненые, даже полковые командиры, брошены и потомъ зарѣзаны турками; въ Карсѣ теперь 500 русскихъ плѣнныхъ, разумѣется все раненыхъ. Полки, кромѣ одного рязанскаго, до того разстроены, что ихъ необходимо всѣ переформировать. Войско теперь не сдѣлаетъ шагу, если ему не дадутъ новаго начальника. Вотъ плоды 1855 года.

«Изъ вашихъ знакомыхъ убитъ Тергукасовъ, не смотря на свои талисманы. Въ гренадерскомъ полку остался полковой командиръ Іосифъ Тархановъ и четыре оберъ-офицера; въ другихъ полкахъ въ той же пропорціи. И это въ то самое время, когда 40 тысячъ свѣжаго войска съ Омеръ-Пашей высадилось въ Батумѣ и Трапезонтѣ. Въ нынѣшнемъ году, впрочемъ, въ этомъ холодномъ краѣ непріятель не можетъ уже дѣйствовать наступательно. А недѣли черезъ двѣ и мы воротимся въ Александрополь, покрывши стыдомъ свое оружіе. Кампанія кончена. Но не бойся. Къ веснѣ, съ другимъ начальникомъ, мы будемъ тѣмъ же войскомъ 1853 — 1854 гг. Кавказа не только не отдадимъ, но разберемъ Азіатскую Турцію по камешку. Только съ другимъ начальникомъ. На этого смотрѣть стыдно, не то что воевать подъ его начальствомъ.

«Скажи Надѣ, что этотъ разъ я привезу ей саблю, она хранится у Александра.

«Убитыхъ и раненыхъ у насъ навалено какъ дровъ. Собираешся идти къ тому, къ другому и подходя вспомнишь или узнаешь, что онъ убитъ или раненъ. Право грустно и ненавистно даже писать объ этомъ. Прощай, будь здорова, поцѣлуй за меня дѣтей».

«Лагерь подъ Карсомъ, 30 сентября, 1855 г. Наше положеніе теперь очень курьезное. Мы стоимъ подъ Карсомъ и не знаю, сколько еще будемъ стоять, много-ли, мало-ли, не потому, чтобы на что-либо надѣялись, а потому только, что не знаемъ рѣшительно, что намъ дѣлать. Идти некуда, дожидаться нечего, а воротиться назадъ также скверно. И не можемъ даже

сказать по пословицѣ: «сидимъ у моря и ждемъ погоды»; для насъ погоды уже не можетъ быть въ этомъ году.

«Я начинаю думать о нашихъ дѣлахъ, какъ декабристы, которые носили кольцо съ надписью: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Дѣйствительно, чѣмъ наши дѣла въ Азіи будутъ хуже, тѣмъ будетъ ближе конецъ худому и начало хорошему. Но покуда и сказать нельзя, какая грусть, тоска и мерзкое чувство въ войскахъ дѣйствующаго корпуса у всякаго и у всѣхъ. Солдаты теперь клянутся именемъ Бебутова. Я бы сказалъ, когда я пріѣду въ Тифлисъ, если бы хотя одинъ смертный зналъ, когда кончится нашъ походъ этого года. Но мы такъ втянулись въ какое-то болото, что теперь нашей воли недостаточно, чтобы изъ него вылѣзти. Вы спрашиваете, занимаюсь-ли я при Муравьевѣ. Вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ я имѣлъ счастіе устранить отъ себя это пріятное занятіе. Я отъ него отказался начисто, потому что моя оффиціальная должность не принуждала меня къ этому, а все, что у меня есть внутренняго чувства, запрещало мнѣ. Теперь я окончательно просилъ Барятинскаго и Коцебу, который еще въ Крыму предлагалъ мнѣ это, взять меня къ себѣ, кто первый можетъ. Надѣюсь, что скоро это сдѣлается. Покуда прощайте».

«Лагерь подъ Карсомъ, 27 октября. Мы давно уже совершенно ничего не дѣлаемъ. Стоимъ и смотримъ на Карсъ. Мы ждемъ, чтобы вышелъ провіантъ у турокъ, а турки ждутъ, чтобы у насъ вышелъ фуражъ. До сихъ поръ лишенія не велики, но они могутъ сдѣлаться ужасны. Дѣла никакого не предвидится, кромѣ сраженія съ морозомъ, вьюгами и невозможностью сообщеній. Мы стоимъ—кто въ землянкахъ, кто въ палаткахъ, обдѣланныхъ на зимній манеръ. Намъ-то собственно будетъ довольно тепло, но что будетъ съ войсками, которые теперь, когда они потеряли $^2/_3$ отъ похода и штурма, должно переформировать, одѣть, пополнить, привести въ выгодное положеніе лошадей, къ будущей кампаніи, которая, вѣроятно, для края будетъ гораздо опаснѣе предшествовавшихъ. Теперь эти войска таютъ, стоя подъ Карсомъ, и къ веснѣ будутъ представлять остатки арміи 1812 года, именно къ тому времени, когда соберутся тучи. Слѣпое упорство, которое двигаетъ нами, заставляетъ каждаго, понимающаго дѣло, человѣка не въ шутку опасаться послѣдствій. О времени возвращенія своего я ничего не

могу сказать. Кто знаетъ теперь, чѣмъ разыграется эта трагикомедія. Прощайте».

Въ концѣ іюля получено было извѣстіе объ увольненіи Муравьева и о назначеніи намѣстникомъ Кавказа и главнокомандующимъ князя Барятинскаго. Извѣстіе это было принято почти всѣми съ большою радостью. Это объясняется тѣмъ, что, независимо тяжелаго личнаго характера Муравьева, память о немъ на Кавказѣ навсегда связалась съ воспоминаніемъ о несчастномъ днѣ (17 сент.) приступа къ Карсу.

Въ сентябрѣ Фадѣевъ получилъ изъ Москвы отъ князя Барятинскаго предписаніе явиться въ Тифлисъ къ прибытію его и 22 октября Ростиславъ Андреевичъ пріѣхалъ изъ батареи въ Тифлисъ. Третьяго ноября послѣдовалъ пріѣздъ Барятинскаго и торжественная встрѣча его. Всѣ были имъ обласканы и почти всѣ были очень довольны назначеніемъ его. Съ Фадѣевымъ онъ обошелся милостиво, дружелюбно, и оставилъ его при себѣ. За обѣдомъ, обратился къ Андрею Михайловичу Фадѣеву, отзывался о его сынѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. И затѣмъ, постоянно при пріемахъ, докладахъ, онъ не пропускалъ случая сказать старику что-нибудь лестное и пріятное о его сынѣ, что несказанно радовало отцовское сердце. Между тѣмъ Ростиславъ Андреевичъ усердно работалъ, а въ занятіяхъ служебныхъ и своихъ собственныхъ у него недостатка не было.

Наступившій 1857 годъ для Фадѣева, такимъ образомъ, оказался пріятнѣе предшествовавшаго, благодаря новымъ условіямъ и доброму расположенію къ нему князя намѣстника.

Въ концѣ іюня, Барятинскій переселился на лѣтнее пребываніе на Коджоры, въ двѣнадцати верстахъ отъ Тифлиса, живописное мѣсто, окруженное лѣсомъ, горами, скалами, съ развалинами древнихъ церквей, башней и замковъ. Фадѣевъ переѣхалъ туда же, и въ іюлѣ былъ опредѣленъ по корпусу съ повышеніемъ въ чинѣ.

Въ мартѣ, 1858 года, онъ былъ произведенъ въ капитаны, а 26 апрѣля поѣхалъ въ экспедицію на линію, откуда въ августѣ былъ посланъ съ порученіемъ къ намѣстнику. Фадѣевъ едва вернулся въ отрядъ, исполнивъ порученіе, какъ начальнику отряда снова понадобилось передать спѣшное донесеніе главнокомандующему. Фадѣевъ вызвался отвезти его прямою

дорогою, черезъ непокоренныя еще горы, заселенныя непріятелемъ.

Верхомъ, съ однимъ проводникомъ, онъ переѣхалъ лезгинскую линію и горы по каменистой, извилистой тропинкѣ шириной не болѣе аршина, по краямъ отвѣсныхъ скалъ и бездонныхъ овраговъ.

Противъ всѣхъ ожиданій переѣздъ совершился благополучно. Фадѣевъ спустился въ Кахетію около Сигнаха, и, пріѣхавъ въ Мухровань, представился великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, которые ночевали тамъ во время своего проѣзда по Закавказскому краю. Затѣмъ продолжалъ путь въ Тифлисъ. Переѣздъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что изъ русскихъ Фадѣевъ совершилъ его первый.

Съ 28 сентября, 1858 г., Фадѣевъ назначенъ по особымъ порученіямъ при главнокомандующемъ.

Эту зиму, кромѣ своихъ обыкновенныхъ работъ, Фадѣевъ былъ занятъ, по порученію намѣстника, составленіемъ нѣсколькихъ проектовъ, которые были приняты и одобрены. Въ маѣ, 1859 года, намѣстникъ уѣхалъ въ Петербургъ, а 1 іюля возвратился на Кавказъ въ крѣпость Грозную, чтобы лично распорядиться военными дѣйствіями, которыя должны были окончить кавказскую войну.

Фадѣевъ выѣхалъ изъ Тифлиса въ Грозную и въ половинѣ іюля онъ получилъ приказаніе главнокомандующаго отправиться къ колоннѣ генерала Врангеля, и употребить всѣ усилія съ своей стороны, чтобы отрядъ Врангеля непремѣнно перешелъ рѣку Койсу и присоединился къ главному чеченскому отряду. Разбивъ скопище горцевъ, Врангель подошелъ къ Койсу. Противоположный берегъ былъ занятъ мюридами, рѣчка же была такъ быстра, что не представляла почти никакого вѣроятія для переправы отряду, такъ что генералъ Врангель, въ виду невозможности исполнить приказаніе главнокомандующаго, отказался отъ этого предпріятія. Фадѣевъ, сознавая громадную важность переправы, настаивалъ на совершеніи ея; Врангель не соглашался. Истощивъ всѣ убѣжденія, Фадѣевъ предложилъ Врангелю вызвать охотниковъ. Подъ убійственнымъ непріятельскимъ огнемъ, онъ сѣлъ на камень берега рѣки, опустивъ ноги въ воду, и объявилъ, что не встанетъ съ мѣста, пока послѣдній солдатъ отряда не будетъ на той сторонѣ. Врангель рѣшился послѣдовать его совѣту. На вызовъ охотни-

ковъ, заявило желаніе нѣсколько человѣкъ; но только трое изъ нихъ, какъ лучшіе пловцы, послѣ неимовѣрныхъ усилій и опасностей, нѣсколько разъ поглощаемые бѣшеннымъ теченіемъ. рѣки, успѣли переправиться на непріятельскій берегъ. Первымъ переправился—солдатъ, изъ приволжскихъ жителей. Во время переправы охотниковъ, стрѣлки были разсыпаны по берегу, и частымъ огнемъ не давали мюридамъ, собравшимся въ пещерѣ скалы, стрѣлять по переправляющимся. Затѣмъ былъ перекинутъ канатъ, и на канатѣ устроена люлька, скользившая надъ пучиной, на которой начали одинъ по одному переправляться солдаты и милиціонеры. Люлька нѣсколько разъ опрокидывалась. Тогда, для ускоренія переправы, полковникомъ Девелемъ былъ устроенъ зыбкій веревочный мостъ.

Когда уже не было сомнѣнія въ успѣхѣ устройства переправы, генералъ Врангель обнялъ Фадѣева и, разцѣловавъ, благодарилъ за его настойчивость.

Своевременной переправой черезъ Койсу, была рѣшена участь скораго покоренія Кавказа *).

Князь Барятинскій вполнѣ оцѣнилъ услугу Фадѣева, и часто ему о томъ напоминалъ. А генералъ Врангель, по пріѣздѣ въ Тифлисъ, посѣтилъ отца Ростислава Андреевича, благодарилъ его за сына, и сказалъ: «еслибы не онъ, я бы не рѣшился на переходъ черезъ Койсу, и очень вѣроятно, что Шамиль до сихъ поръ сидѣлъ бы въ горахъ, и война бы продолжалась».

Отъ 9 августа, изъ главнаго отряда у Колхидатля, Фадѣевъ писалъ къ своей матери, жившей лѣтомъ въ Коджорахъ (отецъ съ старшей дочерью былъ на водахъ въ Пятигорскѣ).

«До сихъ поръ я посылалъ вамъ только поклоны, потому что такъ много людей ѣздило изъ лагеря въ Тифлисъ, что вы постоянно могли обо мнѣ слышать. Теперь всѣ лишніе разъѣхались, сообщенія стали рѣже, и я пишу вамъ ужъ не приписку, а цѣлое письмо. Я три недѣли былъ въ Дагестанѣ и дрался тамъ порядочно, такъ что князь написалъ обо мнѣ Государю особое письмо, и напередъ поздравилъ меня полковникомъ, такъ что можетъ быть въ первый же день пріѣзда, вы

*) Эпизодъ переправы черезъ Койсу породилъ многочисленныя легенды на Кавказѣ. Онъ же послужилъ темой для одного изъ талантливыхъ разсказовъ Н. Лѣскова («Очарованный Странникъ»).

увидите меня въ густыхъ эполетахъ; чинъ мой долженъ выйти съ первымъ курьеромъ, который пріѣдетъ изъ Петербурга по полученіи тамъ письма князя. О возвращеніи своемъ я еще ничего не знаю, можетъ быть пріѣду съ княземъ, можетъ быть нѣсколько позже, но за то съ тріумфомъ. Шамиля мы такъ окружили, что ему, какъ говорится, ни стать, ни сѣсть, и очень скоро, кажется, всему восточному Кавказу будетъ конецъ. Я посылаю въ Тифлисъ двухъ лошадей, изъ которыхъ одна будетъ очень хороша для Нади. Въ лагерѣ мы теперь какъ дома, нарочныхъ посылаютъ по одиночкѣ, все покорилось, и давно уже нѣтъ ни одного выстрѣла, кромѣ салютаціонныхъ, которыми жители встрѣчаютъ князя. Въ эту минуту въ лагерѣ играютъ два хора музыки, и мы какъ будто на гуляньи за городомъ. Стало быть все безопасно, и сколько бы мнѣ ни случилось пробыть въ горахъ, вы можете быть совершенно покойны. Подстрѣлить меня некому. Надѣюсь, что вы, и всѣ наши здоровы. До свиданія. Р. Фадѣевъ».

Такъ успокоивалъ Ростиславъ Андреевичъ свою мать, въ ту минуту, когда уже готовилась атака Гуниба, послѣ которой въ отрядѣ не досчитались многихъ.

Атака Гуниба началась 23 августа. Колонна князя Тарханова заняла съ боя сады, и стала у самой подошвы горы. Колонна полковника Кононовича заложила стрѣлковъ на первомъ уступѣ берега. Въ ночь съ 24 на 25, предположено было устроить ложементы для этихъ двухъ колоннъ, но войска, разъ ринувшись въ бой, пошли дальше и дальше. Кононовичъ, подымаясь по горѣ, встрѣтилъ сильное сопротивленіе и долженъ былъ остановиться. Но въ тоже время полковникъ Тергукасовъ, стоявшій противъ юговосточнаго угла Гуниба, высмотрѣвъ предварительно большую промоину въ скалистомъ поясѣ вѣнчающемъ гору, устремился къ ней на разсвѣтѣ и, съ помощію веревокъ и лѣстницъ, взошелъ на верхнюю площадь. Фадѣевъ былъ съ нимъ, и по словамъ его товарищей, первый вступилъ на гунибское плато, вмѣстѣ съ штурмовою колонною.

Нѣсколько часовъ спустя, Шамиль вышелъ изъ аула и сдался на волю побѣдителямъ. Князь Барятинскій извѣстилъ изъ подъ Гуниба о совершившихся событіяхъ двумя послѣдовательными приказами. Первый отъ 22 августа:

«Воины Кавказа! Въ день пріѣзда въ край, я васъ призвалъ къ стяжанію великой славы Государю нашему и вы ис-

полнили надежду мою. Въ три года вы покорили Кавказъ отъ моря Каспійскаго до Военно-грузинской дороги. Да раздастся и пройдетъ громкое мое спасибо по побѣжденнымъ горамъ Кавказа и да проникнетъ оно со всею силою душевнаго моего выраженія до сердецъ вашихъ».

Второй приказъ отъ 26 августа.

«Шамиль взятъ—поздравляю кавказскую армію». Въ Тифлисѣ, 30 августа 101 пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ о взятіи Шамиля и о покореніи Кавказа. Въ знакъ памяти о Гунибѣ, князь Барятинскій подарилъ Фадѣеву значекъ, взятый у Шамиля, хранящійся и теперь у родныхъ его.

2 сентября, Ростиславъ Андреевичъ уѣхалъ въ Коджоры къ роднымъ, чтобы доставить имъ новую радость свиданія. Онъ былъ неподражаемо занимателенъ въ передачѣ сценъ и картинъ только что пережитой имъ войны. На другой день всѣ вмѣстѣ переѣхали въ Тифлисъ. Вскорѣ пріѣхалъ и намѣстникъ. Пріемъ ему былъ сдѣланъ торжественный. Въ «воздаяніе отличнаго мужества и храбрости въ дѣлѣ съ горцами 25 августа», Ростиславъ Андреевичъ получилъ Станислава съ мечами, а за переправу черезъ Койсу переведенъ въ лейбъ-гвардіи измайловскій полкъ, тѣмъ же чиномъ капитана. Награда хотя и большая, но не вполнѣ соотвѣтствовала обѣщанію Барятинскаго. При первомъ же свиданіи съ Андреемъ Михайловичемъ Фадѣевымъ, Барятинскій отзывался съ величайшими похвалами о сынѣ его, и просилъ не безпокоиться: награда, обѣщанная имъ, состоится, такъ какъ онъ скоро ѣдетъ въ Петербургъ и непремѣнно настоитъ на ней.

Дѣйствительно, 10 декабря намѣстникъ выѣхалъ въ Петербургъ, и тотчасъ по пріѣздѣ пожалованъ въ фельдмаршалы, а 19 января, 1860 года, получено извѣстіе о производствѣ Фадѣева въ полковники.

Для этого, какъ потомъ сдѣлалось извѣстнымъ, Барятинскій долженъ былъ выдержать сильную борьбу, но настоялъ на своемъ. Въ февралѣ онъ возвратился въ Тифлисъ.

Въ теченіи этого времени, по порученію главнокомандующаго, Фадѣевъ написалъ свою книгу: «Шестьдесятъ лѣтъ кавказской войны», изданнную штабомъ кавказской арміи въ 1860 году.

Зиму Фадѣевъ провелъ въ Тифлисѣ. Несмотря на свое небольшое жалованье, всегда щедрый, радушный, онъ любилъ

угощать, и часто задавалъ маленькіе вечера для своихъ товарищей и знакомыхъ. Его мягкій, веселый и ровный характеръ сдѣлали его любимцемъ общества. Рѣдко съ кѣмъ онъ не былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. У него во всю жизнь не было ни одной дуэли, хотя, впрочемъ, онъ вызывалъ пять разъ, но всякій разъ его противники являлись къ нему съ разъясненіями, а одинъ бѣжалъ безъ оглядки. Это былъ извѣстный Петръ Долгоруковъ, который озлился на сестру Фадѣева за то, что она послала, для напечатанія въ архивѣ, родословную своей матери, которую Петръ Долгоруковъ безобразно исказилъ въ своей родословной книгѣ, въ чемъ онъ и уличался въ статьѣ Фадѣевой. Долгорукій жилъ въ Женевѣ. Фадѣевъ тогда собирался ѣхать заграницу и написалъ ему, что нарочно заѣдетъ въ Женеву для свиданія съ нимъ. По пріѣздѣ въ Женеву, Фадѣевъ отправился на розыски Долгорукова, который, узнавъ о его пріѣздѣ, мгновенно скрылся, такъ, что его нельзя было розыскать никакими способами.

Лѣто 1860 года, Фадѣевы проводили снова въ Коджорахъ, а Ростиславъ Андреевичъ отправился въ Боржомъ къ Барятинскому. Въ концѣ іюля онъ пріѣхалъ въ Коджоры, гдѣ его ожидало великое горе. Мать его, Елена Павловна, недуги которой все увеличивались, начала замѣтно ослабѣвать, и хотя она, не ложась въ постель, продолжала рисовать свои цвѣты, но болѣзнь видимо брала верхъ надъ ея крѣпкой натурой.

Сынъ ухаживалъ за ней, старался развлекать ее чтеніемъ, разсказами. Между прочимъ онъ сообщилъ ей, что однажды за обѣдомъ, Барятинскій спросилъ у него какъ урождена его мать. Услышавъ фамилію Долгоруковой, Барятинскій сказалъ «Я такъ и думалъ. Я всегда замѣчалъ, что у васъ въ лицѣ есть что-то родовитое. Фадѣевъ хорошо зналъ, что этотъ разсказъ былъ по сердцу Еленѣ Павловнѣ, потому что въ тайникѣ души своей, она очень гордилась своими предками и тѣмъ, что принадлежала къ древнему, историческому, русскому дому. Въ ночь на 12 августа, она внезапно, тихо скончалась. Ростиславъ Андреевичъ прибѣжалъ къ ней, и первымъ движеніемъ его было броситься за докторомъ, въ надеждѣ ее спасти. Убѣдившись же въ кончинѣ матери, онъ просилъ не будить и не тревожить отца до утра. Сильно пораженный несчастіемъ, къ которому никогда нельзя достаточно приготовиться, Ростиславъ Андрее-

вичъ рыдалъ какъ ребенокъ. Его племянники-дѣти не разъ видѣли его въ это время молящимся на колѣняхъ.

Елену Павловну похоронили въ Вознесенской церкви, по дорогѣ изъ Коджоръ въ Тифлисъ, и рядомъ съ ея могилой, Андрей Михайловичъ оставилъ мѣсто для себя.

Въ этомъ году Ростиславъ Андреевичъ избранъ членомъ-сотрудникомъ С.-Петербургскаго Географическаго Общества.

Вскорѣ затѣмъ въ Тифлисъ пріѣхалъ принцъ Вильгельмъ Баденскій, для обозрѣнія закавказскаго края. Князь Барятинскій прикомандировалъ къ нему Фадѣева, для сопровожденія его въ поѣздкѣ по горамъ и исполненія въ то же время другихъ порученій по службѣ. Они выѣхали осенью, объѣздили край, и принцъ наградилъ Фадѣева орденомъ Льва 2 ст. Фадѣевъ оставался въ командировкѣ нѣсколько мѣсяцевъ, ѣздилъ по разнымъ мѣстамъ края и возвратился черезъ Поти и Иметію только 6 апрѣля 1861 года.

7-го апрѣля Фадѣевъ провожалъ до Мцхета князя Барятинскаго, уѣхавшаго по болѣзни за границу. Князь нѣсколько разъ предлагалъ ему полкъ, но онъ отказывался. Передъ этимъ Фадѣевъ получилъ Анну съ мечами на шею. Съ конца апрѣля по августъ онъ пробылъ въ отрядѣ, на линіи. Возвратясь же въ Тифлисъ, онъ черезъ нѣсколько дней получилъ назначеніе сопровождать Государя во время его путешествія по закавказскому краю, и 20 августа выѣхалъ. Въ сентябрѣ Государь прибылъ изъ Крыма на Кубанскую линію и, высадившись въ Поти, проѣхалъ для обозрѣнія части Закавказскаго края до Кутаиса. Государь остался доволенъ Фадѣевымъ, въ доказательство чего, при отъѣздѣ надѣлъ ему на шею орденъ св. Владиміра 3 ст., въ воздаяніе отличныхъ дѣйствій противъ горцевъ. Въ началѣ октября, Фадѣевъ пріѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ провелъ зиму и весну съ своими родными.

Разнообразные слухи о здоровьи, возвращеніи на Кавказъ, и отъѣздѣ кн. Барятинскаго, безпрестанно возобновлялись, но не оправдывались на дѣлѣ. Въ маѣ 1862 года, Фадѣевъ отправился въ дѣйствующій отрядъ, и возвратился домой въ Тифлисъ только въ сентябрѣ.

Съ осени начали рѣшительно поджидать скораго пріѣзда князя Барятинскаго, и хотя въ ноябрѣ получено свѣденіе о его болѣзни на пути въ Вильнѣ, но за всѣмъ тѣмъ, депеша доставила новое извѣстіе о скоромъ выѣздѣ его въ Тифлисъ. Но вы-

ѣздъ этотъ не совершился, и въ декабрѣ снова получено извѣстіе о тяжкой его болѣзни. Многіе, въ томъ числѣ Фадѣевы, отецъ и сынъ, крѣпко грустили о томъ. Наконецъ 15 декабря получено достовѣрное извѣстіе объ увольненіи князя Барятинскаго, и о назначеніи намѣстникомъ великаго князя Михаила Николаевича.

Въ февралѣ 1863 года, на первой недѣлѣ великаго поста, съ Ростиславомъ Андреевичемъ приключилась страшная болѣзнь, заворотъ кишекъ. Доктора потеряли было всякую надежду на выздоровленіе и, очень вѣроятно, что эта ужасная болѣзнь, отъ которой онъ не скоро оправился, оставила слѣды въ организмѣ Фадѣева. Черезъ 20 лѣтъ она отозвалась жестокимъ недугомъ, скосившимъ его. Со времени этой болѣзни онъ началъ страдать безсонницею, прежде ему незнакомою, которая нестерпимо мучила его до самой кончины.

Въ мартѣ состоялся торжественный въѣздъ великаго князя Михаила Николаевича вь Тифлисъ, а 16 апрѣля, при въѣздѣ великой княгини Ольги Феодоровны, Фадѣевъ въ числѣ лицъ свиты, уже сопровождалъ ее верхомъ, хотя былъ еще очень слабъ. Только 30 апрѣля, въ первый разъ, онъ могъ явиться на дежурство къ великому князю.

Лѣтомъ великій князь проживалъ на Бѣломъ ключѣ и былъ занятъ приготовленіями къ окончательному покоренію береговъ Кавказа, прилегающихъ къ Черному морю. Въ іюнѣ были получены непріятныя вѣсти о возстаніи лезгинъ въ Чечнѣ. Фадѣевъ былъ вызванъ изъ Тифлиса въ Бѣлый Ключъ, и командированъ по этому случаю въ Дагестанъ. Возстаніе вскорѣ было потушено, но обошлось не безъ потерь; между прочимъ убитъ извѣстный генералъ князь Шаликовъ.

По усмиреніи возстанія, Фадѣевъ въ сентябрѣ получилъ высочайшую награду, драгоцѣнный перстень съ вензелемъ. Весь конецъ года онъ провелъ въ служебныхъ разъѣздахъ. Въ апрѣлѣ 1864 года, Ростиславъ Андреевичъ уѣхалъ въ экспедицію на правый флангъ, гдѣ уже находился великій князь. Тогда совершилось важное въ лѣтописяхъ Кавказа, событіе—полное и конечное его покореніе. Объ этомъ событіи было много говорено, но самое вѣрное его описаніе, по мнѣнію людей близко знающихъ это дѣло, было сдѣлано Ростиславомъ Андреевичемъ въ его статьяхъ: «Письма съ Кавказа», печатавшихся въ «Мо-

сковскихъ Вѣдомостяхъ» 1864 и 1865 года, и изданныхъ отдѣльной книгой въ 1865 году.

Въ іюнѣ великій князь возвратился на Бѣлый Ключь. Почти одновременно отецъ и родные Ростислава Андреевича были обрадованы и его пріѣздомъ къ нимъ, но не на долго, такъ какъ въ концѣ іюля великій князь съ семействомъ отправился въ Крымъ, а вслѣдъ за тѣмъ былъ вызванъ туда-же и Фадѣевъ, и вскорѣ отправленъ съ порученіемъ на линію. Въ сентябрѣ произведенъ въ генералъ-маіоры, и исполнивъ возложенное на него порученіе, 11-го того-же мѣсяца пріѣхалъ въ Тифлисъ. Большимъ утѣшеніемъ было для Андрея Михайловича производство его сына въ генералы.

Въ день когда Ростиславъ Андреевичъ явился къ отцу, въ генеральскомъ мундирѣ, за обѣдомъ, по обычаю, весело пили шампанское за здоровье и благоденствіе новаго генерала. Между тѣмъ Ростиславъ Андреевичъ, убѣжденный въ окончательномъ покореніи Кавказа, подумывалъ о перемѣнѣ службы. Съ окончаніемъ войны, Кавказъ для него потерялъ главное свое значеніе, и онъ, не задумываясь, оставилъ-бы этотъ край, еслибъ его не удерживала мысль о престарѣломъ отцѣ. Ростиславъ Андреевичъ зналъ какимъ жестокимъ ударомъ эта разлука отзовется на немъ. Отецъ просилъ его *подождать*, и Ростиславъ Андреевичъ понималъ всю важность этой просьбы.

Въ продоженіи зимы Фадѣевъ писалъ между прочимъ «Письма съ Кавказа». Въ январѣ 1865 года онъ взялъ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ и объѣздилъ почти всю Европу. Проживъ нѣсколько времени въ Англіи, гдѣ видѣлся съ княземъ Барятинскимъ, на возвратномъ пути онъ заѣхалъ въ Петербургъ, въ Москву, и къ осени возвратился въ Тифлисъ, проѣхавъ прямо на Бѣлый Ключь къ отцу. Андрею Михайловичу снова довелось увидѣть своего сына здоровымъ, бодрымъ, веселымъ, не унывающимъ какъ всегда и съ удовольствіемъ слушать увлекательные разсказы о его многообразныхъ странствованіяхъ. Ростиславъ Андреевичъ обладалъ необыкновеннымъ даромъ слова; нѣсколькими словами онъ ярко обрисовывалъ свою мысль и своею рѣчью, полною блеска, остроумія и оригинальности, увлекалъ и очаровывалъ своихъ слушателей. Кстати сказать Ростиславъ Андреевичъ владѣлъ французскимъ языкомъ какъ своимъ собственнымъ, и не только говорилъ на немъ въ совершенствѣ до тонкостей, но писалъ на немъ серьез

ныя статьи, удивляя французовъ точностью и опредѣленностью въ выраженіяхъ.

По переѣздѣ въ Тифлисъ Фадѣевъ занялся составленіемъ своихъ проектовъ, судьба которыхъ была весьма неодинакова.

Въ настоящее время, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ присоединенія Мерва, интересно вспомнить, что овладѣніе этимъ краемъ давно составляло любимую мечту Фадѣева. Онъ находилъ, что вступленіе въ среднюю Азію, со стороны Кавказа, было необходимо и легко исполнимо, и по возвращеніи изъ за-границы, составилъ объ этомъ проектъ, который представилъ Кавказскому начальству. Оно было съ нимъ вполнѣ согласно, все было рѣшено и условлено; проектъ былъ представленъ въ Петербургъ, но тамъ канулъ въ лету забвенія.

Въ 1866 году, Фадѣевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ временной военно-судной комиссіи, учрежденной въ Ставрополѣ надъ бывшими комиссіями интендантскаго и комиссаріатскаго вѣдомствъ, которыя, какъ оказалось, въ продолженіи многихъ лѣтъ совершали безчисленное количество беззаконій и злоупотребленій. Это дѣло было совсѣмъ не по немъ, предвидѣлось много хлопотъ и непріятностей, тѣмъ не менѣе 3-го мая онъ выѣхалъ въ Ставрополь. Чиновники, сначала напуганные его пріѣздомъ, потомъ очень ободрились. Фадѣевъ былъ съ ними вѣжливъ, внимательно ихъ выслушивалъ, угощалъ сигарами. Поэтому они надѣялись на его неопытность въ дѣлахъ этого рода,—имъ удавалось проводить и не такихъ. На этотъ разъ они разочаровались. Для человѣка, съ знаніями и способностями Фадѣева, доступно всякое дѣло, какъ бы непривычно оно ему не было. Фадѣевъ разобралъ интендантское дѣло во всей его тонкости, распуталъ всѣ узлы, и сдѣлалъ вполнѣ яснымъ.

Въ Ставрополѣ Ростиславъ Андрееевичъ получилъ письмо отъ военнаго министра, съ предложеніемъ состоять при военномъ министерствѣ. Фадѣевъ сообщилъ о томъ отцу, прося сообщить ему свое мнѣніе по этому поводу. Андрей Михайловичъ телеграфировалъ о своемъ согласіи. И однако Фадѣевъ, боясь подвергнуть стараго отца огорченію, не уѣхалъ въ Петербургъ, не смотря на то, что лично его давно тянуло въ столицу.

Зимой 1866 года, Ростиславъ Андреевичъ началъ писать «Вооруженныя силы Россіи». Въ апрѣлѣ 1867 года они по-

явились въ печати въ «Русскомъ Вѣстникѣ», потомъ были изданы особой книгой и переведены на многіе европейскіе языки. Въ Европѣ это сочиненіе было оцѣнено еще болѣе нежели въ Россіи.

Въ это время уже нѣсколько лѣтъ, на Кавказѣ и въ Закавказьи раздавали казенныя земли въ награду служащимъ гражданскимъ и военнымъ, и раздавали очень щедро, такъ что можно сказать безъ преувеличиванія, что не получалъ только тотъ, кто не хотѣлъ. Заслуги Фадѣева на Кавказѣ несомнѣнны, и служба его была полезнѣе множества награжденныхъ, но онъ не получилъ ничего, ни однаго клочка земли! Фадѣевъ былъ изъ тѣхъ людей, которые не умѣютъ ни просить, ни извлекать изъ общественнаго дѣла и казеннаго сундука личную для себя пользу.

Въ концѣ апрѣля 1867 года, Фадѣевъ отправился въ командировку въ разныя мѣста всего Закавказскаго края, для обревизованія военныхъ госпиталей и другихъ казенныхъ учрежденій. Въ августѣ онъ находился въ Ленкоранѣ, на границѣ Персіи, гдѣ встрѣтился съ своимъ большимъ пріятелемъ княземъ Витгенштейномъ, который тамъ командовалъ казачьимъ полкомъ. Витгенштейнъ обрадовался Фадѣеву и, стараясь чтобы жизнь его въ Ленкоранѣ была сколько возможно пріятнѣе, устраивалъ ему охоты на тигровъ, пикники, пирушки и всякія увеселенія. Послѣ одного очень весело проведеннаго дня, Ростиславъ Андреевичъ поздно ночью легъ спать, и проснулся съ впечатлѣніемъ тяжелаго сна: ему снилось, что кто-то подалъ ему письмо съ черной печатью, и что въ письмѣ было написано: «вашъ отецъ умираетъ». Съ наступленіемъ дня, новыя занятія, развлеченія, изгладили впечатлѣніе сна, онъ забылъ о немъ, и ночью легъ въ постель въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Когда же сонъ повторился, когда Фадѣеву приснилась газета съ траурной коймой и извѣщеніемъ о смерти «Андрея Михайловича Фадѣева», то сонъ такъ глубоко подѣйствовалъ на Ростислава Андреевича, что не смотря на всѣ старанія князя Витгенштейна развеселить его, онъ, бросилъ всѣ дѣла не оконченными и на перекладной поскакалъ въ Манглисъ, гдѣ его отецъ проводилъ лѣто *). Проскакавъ день и ночь безъ отдыха нѣсколько сутокъ, онъ остановился

*) Тогда еще телеграфа между Ленкоранью и Тифлисомъ не было.

у квартиры отца въ Манглисѣ, во второмъ часу ночи. Его родные были обрадованы и удивлены его неожиданнымъ пріѣздомъ. Первый его вопросъ при входѣ въ домъ, былъ: «что батюшка?» Ему сказали: «ничего, слава Богу, теперь лучше». Онъ перекрестился.

Отца своего онъ засталъ больнымъ, но въ состояніи его, казалось, не было ничего опаснаго. Погостивъ дня три, четыре, Ростиславъ Андреевичъ сталъ было собираться въ обратный путь, кончать свои дѣла, какъ вдругъ лихорадка у Андрея Михайловича возобновилась; пароксизмъ продолжался 18 часовъ. Докторъ потребовалъ немедленнаго переѣзда въ Тифлисъ, надѣясь на помощь отъ перемѣны климата. Андрея Михайловича повезли, въ сопровожденіи всей семьи его и доктора. На полъ пути остановились, чтобы не слишкомъ утомить больного. Къ вечеру лихорадка повторилась, повлекла за собой совершенный упадокъ силъ и надежды на спасеніе не оставалось. Къ утру его причастили; онъ былъ въ полной памяти. говорилъ, благословилъ своихъ дѣтей и внуковъ. Ростиславъ Андреевичъ, на колѣняхъ возлѣ отца, читалъ послѣднія главы Евангелія отъ Іоанна, особенно имъ любимыя, и къ 10 часамъ утра Андрея Михайловича не стало. Сынъ закрылъ глаза своему отцу.

Всѣмъ было ясно, что еслибы не сны Ростислава Андреевича, онъ бы не присутствовалъ при кончинѣ своего отца.

Тѣло перевезли въ Тифлисъ и, при погребеніи, гробъ несли сынъ, внуки и правнуки *) Андрея Михайловича, и положили его рядомъ съ Еленой Павловной, о которой онъ не переставалъ грустить до конца своего.

Ростиславъ Андреевичъ увѣдомилъ фельдмаршала князя Барятинскаго о кончинѣ отца своего, и получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ:

«Женева, 14 сентября, 67 года. Многоуважаемый Ростиславъ Андреевичъ. Горестная вѣсть, о кончинѣ многопочтеннаго и душевно мною любимаго Андрея Михайловича, скорбно отозвалась въ сердцѣ моемъ. Утромъ часу въ восьмомъ, я лежалъ въ постели, когда получилъ отъ Васъ извѣстіе о смерти любимаго вами отца; я только что читалъ въ Русскомъ Вѣстникѣ записки Ваши о вооруженныхъ силахъ Россіи и уже десять

*) Отъ старшей умершей дочери Елены Андреевны Ганъ.

минутъ какъ положилъ книгу и мысленно перенесся къ Вамъ, къ любезному семейству Вашему и естественно сталъ думать о батюшкѣ Вашемъ,—никогда мое воображенie такъ живо не представляло, какъ въ это утро. Я вспоминалъ о долговременномъ и полезномъ служенiи его, о мудромъ опытностiю умѣ его, я вспомнилъ нѣсколько разговоровъ съ нимъ, и въ это самое время, мнѣ, между прочими письмами и газетами, подали Ваше письмо, которое машинально, не узнавъ даже почерка, распечаталъ и прочиталъ. Предоставлю Вашему воображенiю изобразить мое горестное удивленie, при такомъ живомъ, прiуготовительномъ впечатлѣнiи, какимъ было любезное воспоминанie о покойникѣ,—когда я узналъ, что его нѣтъ уже съ нами. Мнѣ сдѣлалось очень грустно и я спѣшу подѣлиться своими чувствами съ Вами. Благодарю Васъ за все лестное, переданное Вами по памяти, расположенie ко мнѣ покойнаго; я всегда умѣлъ цѣнить и никогда не забуду добрыхъ его отношенiй ко мнѣ. Жалѣю что Вы оставляете Кавказъ. Весьма любопытствую узнать, что Вы далѣе намѣрены дѣлать. Сердечно Вамъ преданный, князь А. Барятинскiй».

Изъ письма видно, что Фадѣевъ сообщилъ князю о своемъ желанiи оставить Кавказъ. Послѣ смерти отца ему открывалась полная свобода дѣйствiй, но онъ рѣшился провести еще нѣсколько мѣсяцевъ съ своими родными.

Андрей Михайловичъ Фадѣевъ, въ теченiи своего многолѣтняго служебнаго поприща, нѣсколько разъ занималъ такiя мѣста, на которыхъ могъ обогатиться (какъ и дѣлали иные изъ его предшественниковъ) и оставить своимъ дѣтямъ хорошее состоянie. Но онъ никогда ничего не имѣлъ кромѣ того, что давала ему служба; велъ жизнь скромную, строго соразмѣрялъ ее съ объемомъ своего содержанiя. Иногда необходимость заставляла его черпать изъ небольшаго капитала своей жены, который они берегли для дѣтей своихъ, и при первой возможности пополнялъ взятое. Послѣ его смерти, дѣтямъ его достался этотъ капиталъ и два участка Высочайше пожалованной ему земли въ Ставропольской губернiи, семь тысячъ десятинъ. Эта земля тогда стоила три рубля за десятину, и хотя не давала никакого дохода, но въ будущемъ представляла значительную цѣнность.

Ростиславъ Андреевичъ отказался отъ всякаго наслѣдства въ пользу своихъ сестеръ, взявъ только три тысячи на по-

ѣздку заграницу, и хлопоталъ лишь объ увеличеніи пенсія его незамужней сестры Надежды Андреевны. Просьба его была милостиво принята, и пенсія сестрѣ удвоена. Въ январѣ 1868 года, за прощальнымъ обѣдомъ предъ его отѣздомъ, на который собрались всѣ его товарищи и близкіе знакомые, Ростиславъ Андреевичъ съ бокаломъ въ рукѣ обошелъ вокругъ стола, и искренно благодарилъ всѣхъ задружбу и добрыя отношенія къ нему. На другой день, 25 января онъ выѣхалъ въ Петербургъ и затѣмъ заграницу.

Такъ окончилась его 20-ти лѣтняя кавказская жизнь.

Но ему пришлось увидѣться съ Тифлисомъ еще два раза и даже скорѣе нежели онъ ожидалъ.

Онъ пробылъ заграницей четыре мѣсяца, побывалъ опять въ Парижѣ, Римѣ, проѣхался по Швейцаріи, пожилъ нѣсколько времени въ Женевѣ съ Барятинскимъ, и въ іюнѣ возвратился въ Петербургъ. Тотчасъ по пріѣздѣ, Фадѣевъ получилъ изъ Тифлиса телеграмму съ извѣщеніемъ о смерти мужа сестры своей Ю. Ф. Витте. Зная какое это несчастіе для сестры и ея семейства, Фадѣевъ тотчасъ же поѣхалъ въ Тифлисъ.

Юлій Федоровичъ Витте, членъ Совѣта Намѣстника Кавказскаго, оставилъ свои дѣла въ большомъ разстройствѣ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ чугунно-литейнаго завода, которому особенно покровительствовали кн. Барятинскій и Великій Князь, какъ дѣлу полезному и нужному для края. Заводъ никакъ не могъ вполнѣ устроиться по недостатку средствъ, не смотря на помощь отъ казны. Витте, положившій на это дѣло всѣ свои небольшія средства и, боясь ихъ потерять, употреблялъ всѣ усилія, чтобы поставить заводъ на ноги. Когда онъ внезапно умеръ, Фадѣевъ старался помочь сестрѣ какъ могъ, утѣшалъ, совѣтовалъ, писалъ ей нужныя письма и бумаги, чтобы устроить ея матеріальное положеніе. Съ нею жила и другая сестра. Фадѣеву очень хотѣлось перевезти своихъ сестеръ въ Петербургъ, Онъ ихъ горячо любилъ, любилъ жить въ своемъ семейномъ кругу, опасался оставить ихъ однѣхъ, безпомощными; но побоялся за нихъ непривычнаго имъ петербургскаго климата, а потому было рѣшено, что онѣ переѣдутъ на жительство въ Одессу, гдѣ тогда уже находились два сына Екатерины Андреевны, студентами новороссійскиго университета. Дѣтей своей сестры, онъ любилъ какъ своихъ собственныхъ, и вполнѣ замѣнялъ имъ отца.

Замѣчательно, что съ такимъ безгранично-любвеобильнымъ сердцемъ и привязанностію къ семейству, Ростиславъ Андреевичъ никогда въ жизни не былъ влюбленъ, и мысль о женитьбѣ не приходила ему даже въ голову. Это тѣмъ удивительнѣе, что онъ былъ поклонникъ женской красоты.

Пробывъ въ Тифлисѣ съ мѣсяцъ, уладивъ дѣла сестеръ, онъ въ іюлѣ возвратился въ Петербургъ и поселился въ скромномъ номерѣ гостинницы «Парижъ», которому пребылъ неизмѣннымъ впродолженіи 14-ти лѣтъ.

«Вооруженныя силы Россіи» измѣнили его хорошія отношенія съ военнымъ министромъ, и Фадѣевъ считалъ своимъ долгомъ защищать вѣрность своего взгляда, и въ этомъ его поддерживали десятки отзывовъ, получавшихся со всѣхъ концовъ Россіи отъ компетентныхъ и извѣстныхъ людей русскаго военнаго міра*). Но вести полемику съ военнымъ министерствомъ и въ тоже время носить военный мундиръ оказалось совершенно несовмѣстнымъ и, чтобы развязать себѣ руки, Фадѣевъ вышелъ въ отставку. Со времени участія генерала М. Г. Черняева въ «Русскомъ Мірѣ». Ф. помѣстилъ рядъ статей въ этомъ изданіи, продолжавшійся нѣсколько мѣсяцевъ. Ранѣе Фадѣевъ писалъ въ «Биржевыхъ вѣдомостяхъ». Въ началѣ 1870 года онъ написалъ «Черноморскій военный театръ», по поводу крымской желѣзной дороги, служившій продолженіемъ къ «Вооруженнымъ силамъ Россіи» и затѣмъ издалъ «Мнѣніе о восточномъ вопросѣ» и прибавленіе къ нему, которыя стяжали Фадѣеву печатную извѣстность въ славянскомъ мірѣ. Славянскія газеты и журналы наполнились статьями о немъ, его біографіями съ портретами, имя его сдѣлалось самымъ популярнымъ у славянъ. Нѣсколько славянскихъ городовъ прислали ему дипломы на почетное гражданство. Чешскіе патріоты, и особенно патріотки, не могли говорить о немъ безъ одушевленія, и осыпали его благословеніями.

Конечно, этотъ успѣхъ писателя о славянскихъ дѣлахъ не могъ уменьшить рвенія, съ которымъ онъ давно уже относился ко всему, что служило къ выясненію главнѣйшей задачи жизни Фадѣева—дѣла будущаго славянскаго единства и настоящаго ихъ политическаго положенія.

Лѣтомъ 1870 года, Ростиславъ Андреевичъ пріѣхалъ въ

*) Объ отзывахъ извѣстныхъ знатоковъ русскаго военнаго дѣла, генераловъ Коцебу, Лидерса, Евдокимова, Врангеля, Ермолова, Скобелева и друг.) см. далѣе.

Одессу къ сестрамъ, съ которыми не видался почти два года. Началась франко-прусская война. Она конечно чрезвычайно интересовала его; онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ французовъ и съ грустнымъ удивленіемъ разувѣрился въ своемъ предположеніи. Это была не увѣренность, а скорѣе страстное желаніе, вслѣдствіе антипатіи къ нѣмцамъ.

Фадѣевъ прожилъ съ сестрами болѣе года. Время у него не пропадало даромъ; съ небольшими перерывами онъ занимался почти по цѣлымъ днямъ, такъ что близкимъ къ нему людямъ не разъ приходилось выражать опасенія, чтобы онъ не разстроилъ своего здоровья, но въ этомъ отношеніи онъ былъ неисправимъ. Лишь изрѣдка онъ ходилъ прогуляться, передъ обѣдомъ. Послѣ обѣда опять садился за работу до полуночи. И только ночью выходилъ ужинать и бесѣдовать до поздней ночи. Если не было гостей, и старшая сестра съ дѣтьми уходила спать, онъ брался за книги и громко читалъ другой сестрѣ, которая очень любила слушать его чтеніе. Онъ читалъ превосходно и слава превосходнаго чтеца упрочилась за нимъ еще въ молодые его годы, среди тифлисскаго общества. Съ утра опять садился работать. Писалъ онъ тогда не для печати, а дѣловыя докладныя записки по военнымъ и государственнымъ вопросамъ, которымъ посвятилъ много лѣтъ своей жизни. Въ квартирѣ его сестеръ, на этотъ разъ не было удобной для него комнаты, и онъ нанималъ себѣ комнату въ 3-мъ этажѣ, ближайшаго дома. И въ этой комнатѣ, такъ же какъ и въ скромномъ номерѣ петербургской гостиницы, его безпрестанно навѣщали значительныя лица, учоные, профессора, заслуженные генералы, которые не затруднялись неудобной лѣстницей, чтобы въ маленькой комнатѣ побесѣдовать по душѣ. Особенно часто у него бывали графъ Лидерсъ и генералъ Бутурлинъ. Иногда посѣщалъ его и графъ Коцебу. Фадѣевъ тогда былъ въ отставкѣ и жилъ на свою небольшую пенсію. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ 25 мая 1872 г. и сталъ помѣщать въ черняевскомъ «Русскомъ Мірѣ» рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ «Чѣмъ намъ быть», изданныхъ потомъ особой книгой.

Весну 1873 года Фадѣевъ провелъ въ Деревенькахъ, имѣніи князя Барятинскаго, гдѣ занимался составленіемъ проекта военныхъ преобразованій, а къ лѣту пріѣхалъ въ Одессу къ сестрамъ, для которыхъ пріѣздъ его былъ всегда великимъ, желаннымъ счастіемъ. Онъ ожидалъ, что его скоро вызовутъ въ

Петербургъ по поводу составлявшейся тамъ комиссіи для обсужденія военныхъ реформъ, съ участіемъ князя Барятинскаго, Но его не вызвали. Оказалось, что до Барятинскаго дошли слухи, что многія его дѣйствія приписываютъ исключительно внушеніямъ Фадѣева, а потому онъ его замѣнилъ другимъ лицомъ. Результаты, которыхъ Барятинскій хотѣлъ добиться въ комиссіи, не были достигнуты, и предложенія его не были приняты. Естественно, что Фадѣевъ былъ сильно огорченъ.

Какъ военный писатель, со времени изданія его «Вооруженныхъ силъ Россіи» и другихъ сочиненій, онъ пользовался въ Европѣ большимъ уваженіемъ. Такъ напримѣръ, когда нѣсколько лѣтъ тому, когда въ Парижѣ была собрана комиссія по поводу военныхъ преобразованій, на сочиненія Фадѣева было указано какъ на источникъ, съ которымъ необходимо соображаться при обсужденіи военныхъ вопросовъ. Вообще нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ Фадѣевъ былъ нѣмецкимъ или французскимъ генераломъ, онъ не былъ бы лишенъ права подавать свой голосъ по части своей спеціальной дѣятельности, и ему была бы предоставлена возможность приложить на практикѣ свои таланты, военныя познанія и опытность.

Весь этотъ годъ Ростиславъ Андреевичъ провелъ въ Одессѣ. Въ іюлѣ, одесское славянское общество избрало его своимъ почетнымъ членомъ. Постоянно бодрый духомъ, исполненный надеждъ,—которыя не сбывались, и постоянно смѣнялись одна другими,—онъ никогда не унывалъ.

Когда сестра бывало спршивала у него, не скучно-ли ему? Онъ отвѣчалъ: «мнѣ никогда не скучно, я живу за трехъ человѣкъ». Трудился, работалъ по прежнему, но теперь впадалъ иногда какъ бы въ раздумье, и не смотря на всю свою твердость и сдержанность, говорилъ сестрамъ о своихъ неудачахъ, о злой судьбѣ преслѣдующей его, съ горькой улыбкой называя себя безталаннымъ. Это слово, казалось ему мѣткимъ и обрисовывающимъ всю его жизнь.

Вотъ еще черта, рисующая характеръ Ростислава Андреевича. Въ минуту, когда у него оставалось всего 300 рублей, скораго полученія не предвидѣлось, и онъ ихъ берегъ на отъѣздъ въ Петербургъ, прочитали при немъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статью графа Толстаго о голодѣ, свирѣпствовавшемъ въ этомъ году въ Самарской губерніи. Фадѣевъ выслушавъ сказалъ: «У меня есть 300 рублей, я ихъ отошлю въ

Самару». Его начали отговаривать, доказывая, что если онъ это сдѣлаетъ, то попадетъ въ положеніе самарскаго мужика. Ничего не подѣйствовало; Фадѣевъ только замѣтилъ, что «настоящая жертва въ томъ и состоитъ, когда отдаешь послѣднее».

Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ не имѣлъ средствъ, обезпечивающихъ его существованіе. Съ выходомъ въ отставку послѣ напечатанія «Мнѣнія о восточномъ вопросѣ», его матеріальное положеніе еще ухудшилось. Благодаря значительнымъ связямъ, онъ имѣлъ много разъ возможность обезпечить себя путями вполнѣ законными. Но онъ, по общему приговору, былъ неисправимый идеалистъ («Фадѣевъ—это умный человѣкъ, но идеалистъ»), а слѣдовательно и не прибѣгалъ къ путямъ, характеризуемымъ въ наше время словами «умѣніе жить». Онъ прожилъ, будучи уже извѣстнымъ генераломъ, четырнадцать лѣтъ въ одной комнаткѣ скромной петербургской гостинницы «Парижъ». Туда, преимущественно по вечерамъ, къ нему заѣзжали министры, политическіе и ученые дѣятели, а равно и представители петербургской знати. Тамъ онъ и заболѣлъ недугомъ, который его сразилъ. Во время болѣзни и до самой смерти онъ нуждался въ матеріальныхъ средствахъ, при самой скромной, трудовой жизни...

Между тѣмъ, какъ только имя его прогремѣло въ славянскихъ земляхъ,—еще въ 1870 году,—онъ получилъ предложеніе отъ египетскаго правительства заняться устройствомъ египетской арміи. Онъ рѣшился принять это предложеніе въ 1874 г., когда онъ увидѣлъ, что для его военной и единственно любимой имъ дѣятельности нѣтъ мѣста въ Россіи. Онъ докладывалъ тогда слѣдующее: «Устройство въ Египтѣ арміи возможно совершенной, по условіямъ времени, даетъ совсѣмъ иную постановку восточному вопросу, позволитъ обойти его затрудненія съ той стороны, откуда обходъ менѣе всего ожидается. Случайные успѣхи египтянъ, угрожавшихъ Константинополю въ 1833 и 1839 годахъ, задержанные въ то время волею одного русскаго правительства, обратятся такимъ образомъ въ постоянное правило. А при нынѣшнемъ разложеніи Турціи, кто бы ни взялъ верхъ надъ нею, она разсыплется исключительно въ пользу Россіи,—по естественному тяготѣнію ея осколковъ, покуда еще неспособныхъ къ самодѣятельности. Предпріятіе мое можетъ конечно не удаться, но можетъ и удаться съ величайшими послѣдствіями. Все въ рукахъ Божіихъ». «Но я не знаю

положительно, зачѣмъ хочетъ меня египетское правительство: для устройства-ли арміи противъ Турціи, или для войны съ Абиссиніей, въ виду которой оно давно уже подыскиваетъ какого-нибудь европейскаго генерала съ нѣкоторою извѣстностью; мое же имя, конечно случайно, стало довольно извѣстнымъ на востокѣ и въ славянскихъ земляхъ. Первой цѣли—вооруженію противъ Турціи, я готовъ посвятить всего себя; но второй цѣли,—войнѣ съ Абиссиніей и обращенію гондарскихъ церквей въ конюшни египетскихъ солдатъ, я не могу принять по совѣсти. Оказалось, что Фадѣевъ былъ вызванъ не для обращенія гондарскихъ церквей въ конюшни. Онъ пробылъ въ Египтѣ въ теченіи двухъ лѣтъ, и покинулъ Египетъ лишь по обстоятельствамъ, отъ него независившимъ, оставшись съ египетскимъ правительствомъ и лично съ хедивомъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ.

Приглашенія Египетскаго хедива Измаила-паши, много разъ повторявшіяся, были приняты Фадѣевымъ только по зрѣломъ обсужденіи компетентными въ дѣлѣ русскими людьми, цѣли, которой онъ надѣялся достигнуть. Онъ отправился въ Египетъ въ январѣ 1875 г. Хедивъ принялъ его радушно, часто приглашалъ къ себѣ, бесѣдовалъ интимно по нѣскольку часовъ, совѣтовался. Вообще онъ выказывалъ большое расположеніе и довѣріе къ Фадѣеву и просилъ его принять на себя командованіе его арміей, но съ необходимымъ условіемъ—надѣть египетскій мундиръ, на что Фадѣевъ низачто не согласился, и потому офиціально не могъ быть назначенъ египетскимъ главнокомандующимъ, хотя дѣлами занимался. При наступленіи жары, Фадѣевъ выѣхалъ на время изъ Египта въ Россію. Проѣздомъ чрезъ Одессу, погостилъ у сестеръ нѣсколько дней, навезъ имъ и племянникамъ множество всякихъ египетскихъ рѣдкостей, а въ іюнѣ отправился въ Петербургъ, гдѣ пробылъ три мѣсяца. Въ сентябрѣ же возвратился обратно въ Египетъ чрезъ Константинополь, въ которомъ онъ всегда находилъ самый теплый пріемъ у тогдашняго посла, графа Игнатьева. Хедивъ былъ очень доволенъ его пріѣздомъ и просилъ немедленно заняться его войсками. Цѣль Фадѣева, извѣстная въ Петербургѣ, состояла въ томъ, чтобы уговорить и подготовить Хедива мало по малу къ войнѣ съ Турціей, одновременно съ возстаніемъ славянъ, но онъ полагалъ что это не можетъ совершиться ранѣе пяти, шести лѣтъ, для обезпече-

пія вѣрнаго успѣха. Всякую торопливость онъ считалъ вредною.

Въ Египтѣ всѣмъ была извѣстна дѣятельность Фадѣева. Одинъ французъ даже напечаталъ книгу, посвятивъ ее генералу Фадѣеву, какъ «египетскому военному министру». Кромѣ дѣловыхъ занятій, у Фадѣена въ Каирѣ было довольно и развлеченій. У него образовался большой кругъ зналомыхъ; онъ встрѣтился съ нѣсколькими старыми русскими знакомыми, между прочимъ съ товарищемъ по артиллерійскому училищу Бекетовымъ, пріѣхавшимъ туда лечиться. Къ тому же для такого любителя и знатока исторической археологіи, какъ Фадѣевъ, страна сфинксовъ и пирамидъ представляла большой интересъ. Хотя на пирамиды онъ не взбирался, подобно мимолетнымъ путешественникамъ, за то основательно изучилъ Булакскій музей и очень близко сошелся съ его директоромъ, извѣстнымъ ученымъ Маріеттомъ.

Съ наступленіемъ 1876 года, лишь только выяснилась возможность враждебныхъ столкновеній Египта съ Абиссиніей, Хедивъ настойчиво предлагалъ Фадѣеву принять командованіе войсками. Фадѣевъ же ему рѣшительно объявилъ, что воевать съ христіанами не станетъ и тотчасъ началъ готовиться къ отъѣзду.

Фадѣевъ могъ бы составить себѣ въ Египтѣ блестящее положеніе, достигнуть большаго значенія, пріобрѣсти большія деньги, но бросилъ это все по чувству и долгу своей совѣсти, которая не допускала даже помышленія о томъ, чтобы вести мусульманъ противъ христіанъ.

Предъ отъѣздомъ Фадѣева, Хедивъ ему подарилъ свой портретъ съ собственноручной надписью, и прислалъ съ шталмейстеромъ портфель, въ которомъ находилось 4,000 червонцевъ, въ благодарность за его услуги. Фадѣевъ выѣхалъ. Въ Константинополѣ впервые услыхалъ онъ о возстаніи въ Сербіи, а по пріѣздѣ въ Одессу, узналъ, о недавнемъ проѣздѣ туда генерала Черняева. Къ Фадѣеву явилось нѣсколько славянъ и полковникъ К***, которые умоляли его ѣхать въ Сербію. Но было поздно. До Черняева, онъ бы несомнѣнно поѣхалъ, теперь же ему надобно было ѣхать въ Петербургъ. Въ Петербургѣ, въ маѣ, ему было передано свыше, что его просятъ въ Сербію не ѣздить и въ это дѣло не мѣшаться, чтобы не усложнять еще болѣе, безъ того затруднительныхъ обстоятельствъ. Фадѣевъ отвѣчалъ, что желаніе его Государя для

него законъ, и остался. Но онъ не остался въ бездѣятельности, а сейчасъ же приступилъ къ денежному сбору для закупки и заказовъ оружія для славянскаго дѣла. По этому поводу ѣздилъ въ Москву, ѣздилъ въ Нижній-Новгородъ, сошелся съ богатыми купцами, вошелъ въ сношенія съ иностранными фабрикантами и отправилъ въ славянскія земли много оружія.

Выше его силъ было отказаться отъ дѣятельнаго, личнаго участія въ борьбѣ за славянъ, ему, который недавно самъ въ своей книгѣ будилъ въ нихъ надежду на скорое освобожденіе и доказывалъ его неотвратимую необходимость! Наконецъ, какъ военный человѣкъ, сознававшій въ себѣ значительныя военныя силы, Фадѣевъ не могъ обречь себя на бездѣйствіе въ то время, когда Россія шла на войну. А между тѣмъ его связывали по рукамъ и по ногамъ. Совершалось нравственное убійство одного изъ лучшихъ русскихъ людей.

Фадѣевъ обратился къ посредничеству генерала Мезенцева, который обѣщалъ устроить ему возможность участвовать въ войнѣ, если не въ мундирѣ, то по крайнѣй мѣрѣ въ качествѣ славянскаго руководителя и партизана. Въ ожиданіи исполненія этого обѣщанія, Фадѣевъ поѣхалъ въ Одессу, чтобы быть ближе къ театру военныхъ дѣйствій. Ему было назначено содержаніе. Это было въ январѣ 1877 года. Тогда въ Одессѣ уже находился великій князь Николай Николаевичъ со своимъ штабомъ, предъ открытіемъ войны.

Прождавъ два мѣсяца вотще, Фадѣевъ отправился 28 марта въ Букарестъ, а оттуда въ Бѣлградъ, гдѣ былъ принятъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Во время своего почти двухъ-мѣсячнаго прибыванія въ Сербіи, Фадѣевъ занимался вмѣстѣ съ княземъ Миланомъ точнымъ опредѣленіемъ роли, которую она должна была играть въ предстоявшей войнѣ. Князь Миланъ былъ очень доволенъ содѣйствіемъ и указаніями Фадѣева и при прощаніи вручилъ ему Такова 1 степени. Въ концѣ мая Фадѣевъ возвратился въ Одессу.

Военныя дѣйствія открылись, а отъ ген. Мезенцева извѣщенія не было. Прошелъ мѣсяцъ, наступилъ другой; Фадѣевъ видимо томился, и не смотря на свою неистощимую бодрость духовную, крайне истомился ожиданіемъ. Наконецъ 25 іюля получена была телеграмма отъ Мезенцева, и онъ въ тотъ же день выѣхалъ въ мѣсто резиденціи Государя Императора. По прибытіи, Фадѣевъ объяснилъ генералу Мезенцеву и нѣкоторымъ

другимъ лицамъ, для доклада Государю, подробный планъ своихъ будущихъ дѣйствій, который былъ милостиво принятъ и вполнѣ одобренъ. Фадѣеву разрѣшили ѣхать въ Сербію. Предъ отъѣздомъ онъ былъ приглашенъ къ князю Горчакову, сообщить о своихъ предположеніяхъ. Въ полной увѣренности, что князю уже все извѣстно, Фадѣевъ исполнилъ его желаніе и уѣхалъ въ Бѣлградъ, въ надеждѣ наконецъ вступить въ сферу своей желанной дѣятельности. Но ему не предстояло удачи и здѣсь. Въ скоромъ времени онъ былъ отозванъ изъ Сербіи, по настоянію князя Горчакова, который находилъ, что присутствіе Фадѣева въ этой странѣ, можетъ навлечь новыя дипломатическія осложненія.

Когда была объявлена война, графъ Милютинъ поступилъ относительно Фадѣева достойно замѣчательнаго государственнаго ума. Онъ подалъ Фадѣеву руку примиренія и послѣдній вновь опредѣлился на дѣйствительную службу, состоящимъ при главномъ штабѣ. Такой поступокъ, конечно, не могъ не цѣниться Ростиславомъ Андреевичемъ до самой его смерти. Тѣмъ не менѣе Фадѣеву не удалось поступить въ дѣйствующія русскія войска.

Фадѣевъ поѣхалъ въ Черногорію. Проѣздомъ черезъ Вѣну встрѣтился съ своими сестрами, находившимися тамъ по болѣзни. Съ живою скорбію и горечью жаловался онъ на свою новую неудачу. Въ Черногоріи онъ оставался до конца войны, совершилъ всѣ походы, участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ и штурмахъ при взятіи Антивари, Вольвицы и прочихъ фортовъ и крѣпостей. Князь Николай принялъ его очень дружелюбно и по товарищески дѣлилъ съ нимъ походную жизнь; случалось имъ и спать въ одной палаткѣ. Однажды, когда проливнымъ дождемъ промочило постель князя, Фадѣевъ ему уступилъ свою, а самъ легъ на мокромъ брезентѣ. Отъ этого у него сдѣлалось онѣмѣніе кожи на затылкѣ продолжавшееся нѣсколько мѣсяцевъ. Князь далъ ему Черногорскій орденъ Даніила 1 ст. и участокъ земли около Антивари *), который Ростиславъ Андреевичъ впослѣдствіи вынужденъ былъ продать за восемь тысячъ рублей.

Лѣтомъ 1878 года, Фадѣевъ изъ Черногоріи заѣзжалъ на

*) На этой землѣ была дача, въ штурмѣ которой, во время войны, участвовалъ Ростиславъ Андреевичъ.

короткое время въ Карлсбадъ, повидаться съ родными, а въ августѣ изъ Одессы ѣздилъ въ Ялту, для представленія Государю двухъ проектовъ: 1) о желѣзныхъ дорогахъ въ Сербіи, въ которомъ доказывалъ необходимость передать ихъ въ русскія руки, для отвлеченія отъ вліянія Австріи, 2) о пароходствѣ по Дунаю. Затѣмъ, поживъ около двухъ мѣсяцевъ въ Одессѣ, отправился въ Петербургъ.

Въ 1879 году, Фадѣевъ провелъ болѣе полугода въ Одессѣ, съ мая до ноября. Въ это время онъ занялся продолженіемъ своихъ записокъ о современномъ положеніи Россіи, которыя началъ еще въ Петербургѣ.

Первое письмо отъ 11 апрѣля, 1879 года было имъ написано вечеромъ въ день, когда произошелъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ. Разыгравшіяся неистовства нигилизма, предсказанныя имъ прежде, съ точки зрѣнія общаго положенія дѣлъ, потрясли его нравственно. Не напрасно говоритъ одинъ изъ некрологовъ Фадѣева, что въ этотъ день его помнятъ нравственно изможженнымъ. Онъ написалъ цѣлый рядъ писемъ по этому поводу, которыя онъ тогда не помышлялъ предавать печати. Дальнѣйшая ихъ исторія извѣстна. Они были напечатаны съ Высочайшаго разрѣшенія. Теперь, когда они потеряли острый характеръ современности, въ нихъ еще ярче выступаютъ тѣ качества, которыми отличался Фадѣевъ, какъ писатель, Всѣ его мысли составляютъ плодъ искренняго и непоколебимаго его убѣжденія.

Въ квартирѣ его сестеръ, за исключеніемъ перваго года по пріѣздѣ въ Одессу, всегда была особая, свободная комната на случай его пріѣзда. Комната эта была небольшая, съ перегородкой; съ одной стороны ея Ростиславъ Андреевичъ занимался за письменнымъ столомъ, съ другой онъ спалъ. По поводу этой комнаты нельзя не вспомнить одной упрямой черты его характера. Онъ непремѣнно настаивалъ, чтобы участвовать въ платѣ за квартиру и, несмотря ни на какія убѣжденія и отговорки сестры, заставлялъ ее принимать ежегодно 500 руб. въ уплату за комнату, что составляло половину всей квартирной цѣны. Случалось, что онъ цѣлый годъ не пріѣзжалъ въ Одессу, или что пріѣзжалъ всего на мѣсяцъ, на нѣсколько дней, но эти деньги, не смотря на свои далеко не блестящія обстоятельства, уплачивалъ каждый годъ самымъ акуратнымъ образомъ. Въ этомъ случаѣ отгово-

рить его или переспорить было невозможно. Въ характерѣ его было такъ много великодушныхъ, деликатныхъ чертъ, такъ много мягкости и тонкаго, нѣжнаго чувства, что нельзя было не удивляться ихъ соединенію съ его истинно мужественной и твердой душой. Всякую малѣйшую услугу для себя онъ оплачивалъ сторицею. Всѣ простые люди, соприкасавшіеся съ нимъ, всегда и вездѣ души въ немъ не чаяли. Онъ былъ извѣстенъ между ними подъ кличкой: «добрый генералъ». Говорить-ли о томъ, что вообще онъ дѣлалъ болѣе добра, нежели позволяли его средства, что никому онъ не отказывалъ въ помощи. Замѣчательно, что его почти никто не видалъ разсерженнымъ. Чуть только замѣчалъ за собой, что онъ теряетъ терпѣніе, какъ тотчасъ же онъ считалъ себя виноватымъ и торопился овладѣть своимъ порывомъ. Спорилъ онъ иногда довольно рѣзко, но всегда объективно, а съ лѣтами и эта рѣзкость въ спорахъ ослабѣла и почти прошла.

Долговъ онъ никогда не дѣлалъ, самъ же при малѣйшей возможности ссужалъ всякаго. Не для однихъ своихъ родныхъ онъ былъ покровителемъ, совѣтникомъ, ходатаемъ, помощникомъ, утѣшителемъ, словомъ, каменной стѣной, за которую хватались всѣ колеблющіеся, всѣ слабѣющіе и падающіе, и за которой всегда видѣлась имъ поддержка нравственная и матеріальная помощь, ставившая ихъ на ноги. Между обращавшимися за ней были люди всякихъ положеній и возрастовъ. Многіе изъ нихъ, послѣ его смерти, кромѣ горя, испытали то страшное ощущеніе, которое знакомо только живому существу, брошенному въ пространство, на произволъ всѣхъ вѣтровъ бурь.

Особа Государя для Фадѣева была священна, онъ не позволялъ никогда ни себѣ, ни въ своемъ присутствіи, малѣйшаго легкаго слова, малѣйшей самой невинной шутки, въ этомъ отношеніи. Онъ былъ вѣрный слуга Царя и отечества, Россію любилъ болѣе всего на свѣтѣ, и благо ея было для него дороже своего собственнаго. Бодрость духа его была поразительна. Несмотря на всѣ свои невзгоды и разочарованія, онъ всегда надѣялся на лучшее будущее, ожидалъ всего хорошаго отъ времени. Только подъ самый конецъ, ожиданія его пошатнулись, а съ разрушеніемъ надеждъ рушился и самъ человѣкъ.

Наши отзывы о высокихъ достоинствахъ Ростислава Андреевича, какъ человѣка, могутъ показаться преувеличенными, или увлеченіемъ пристрастія. Всѣ знавшіе его, также близко какъ

мы, знаютъ, что въ нашихъ словахъ не преувеличенiе, а развѣ блѣдность тѣхъ красокъ, которыми мы старались изобразить нѣжность и возвышенность его души. Совершенства на свѣтѣ нѣтъ, и у Фадѣева были недостатки. Мы знаемъ у него три недостатка: рѣзкость сужденiй, — которое съ лѣтами прошло; увлеченiе избыткомъ фантазiи,—которая тоже съ лѣтами прошла, и наконецъ вѣра въ людей, излишнее къ нимъ довѣрiе,— свойство часто встрѣчающееся у людей съ особенно добрымъ, благороднымъ характеромъ. Эти три недостатка испортили ему жизнь, и бросались въ глаза, даже при поверхностномъ знакомствѣ съ нимъ. Но для людей близко его знавшихъ, эти недостатки покрывались такими душевными достоинствами, предъ которыми нельзя было не преклониться.

Осенью 1879 года Фадѣевъ ѣздилъ два раза въ Ялту, для представленiя покойному Государю своихъ записокъ о Современномъ состоянiи Россiи. Онѣ были одобрены лицами, которымъ онъ далъ ихъ предварительно прочитать. Государь принялъ ихъ милостиво, и сказалъ ему при прiемѣ: «ты все занимаешься важными вещами! Благодарю тебя; прочту твои записки съ любопытствомъ и съ удовольствiемъ». Прежде этого Государь, встрѣчая Фадѣева въ Петербургѣ, нерѣдко говорилъ ему: «а ты все пишешь, все пишешь!»

Въ ноябрѣ Фадѣевъ уѣхалъ изъ Одессы. Въ 1880 году ему пришлось снова надѣть военный мундиръ. Онъ былъ причисленъ къ главному штабу, съ откомандированiемъ въ распоряженiе графа Лорисъ-Меликова.

Въ этомъ году, въ ноябрѣ, на нѣсколько дней онъ прiѣзжалъ повидаться съ сестрами, а весь слѣдующiй 1881 годъ, провелъ въ Петербургѣ, за исключенiмъ командировки въ имѣнiе графа Коцебу, для приглашенiя его участвовать въ комиссiи, по поводу военныхъ реформъ. Предъ отъѣздомъ, Фадѣевъ сильно заболѣлъ мучительной болью въ ногѣ, которая продержала его въ постели 10 дней. Докторъ приписывалъ эту боль ревматизму съ примѣсью подагры.

Въ январѣ 1882 года, онъ снова посѣтилъ Одессу, но не надолго. Въ это время собрались всѣ дѣти его старшей сестры Екатерины Андреевны Витте, ко дню ея рожденiя 31 января: съ Кавказа старшiй сынъ, драгунскiй полковникъ, второй—прокуроръ изъ Симферополя и третiй — начальникъ эксплуатацiи желѣзной дороги изъ Кiева. Семейство было въ полномъ ком-

плектѣ. Давно уже этого не было. Екатерина Андреевна пророчески замѣтила, что лучшія минуты семейнаго благополучія всегда отравляются мыслью, что они переживаются въ послѣдній разъ. Оживленно и весело текло время и незамѣтно поочереди наступили грустные дни отъѣздовъ каждаго изъ нихъ къ своему мѣсту. Ростиславъ Андреевичъ уѣхалъ 16 февраля. Лѣтомъ этого же года отправлена въ Тифлисъ комиссія для преобразованія администраціи Закавказскаго края и Фадѣевъ, какъ человѣкъ. хорошо его изучившій и много о немъ писавшій, былъ назначенъ членомъ ея. Въ Тифлисѣ Фадѣевъ былъ встрѣченъ, какъ давно желанный гость. Изъ прежнихъ товарищей его многихъ уже не досчитывались, оставшіеся же привѣтствовали его съ искренностію старой, истинной дружбы. Большую часть лѣта Фадѣевъ провелъ въ Коджорахъ, и послѣ четырнадцатилѣтняго отсутствія, предъ нимъ живо воскресала прежняя его жизнь съ отцомъ, съ матерью и всею прежнею семейной обстановкой, канувшей въ вѣчность. Онъ часто посѣщалъ могилы родителей у подножія коджорской горы.

Въ сентябрѣ Фадѣевъ получилъ изъ Петербурга извѣщеніе штаба, что къ іюню 1884 года, онъ будетъ зачисленъ въ запасъ, съ утратою всего содержанія кромѣ ничтожной пенсіи. Это было для него жестокимъ ударомъ не только матеріальнымъ, но и нравственнымъ. Какъ военный человѣкъ, посвятившій всю жизнь свою военному дѣлу, которому онъ оказалъ большія услуги словомъ и дѣломъ, онъ не могъ не чувствовать себя оскорбленнымъ, видя какъ его выметаютъ изъ военной службы люди, у которыхъ военнаго только и есть, что одинъ мундиръ. Фадѣевъ никому, ничего объ этомъ не сказалъ, затаивъ въ душѣ своей горечь тяжелой несправедливости, возможность повторенія которой такъ наглядно была имъ выяснена въ его статьяхъ по военному вопросу, написанныхъ имъ еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ.

На возвратномъ пути, онъ, по обыкновенію, заѣхалъ къ роднымъ въ Одессу. Въ октябрѣ онъ казался опять полнымъ жизни и силъ, разсказывалъ о Тифлисѣ, о старыхъ знакомыхъ. Опасаясь болѣе всего огорчить своихъ сестеръ, онъ всегда скрывалъ отъ нихъ свой душевный гнетъ, а когда могъ, то и физическія болѣзни. На нѣсколько дней прихворнулъ было лихорадкой съ болью въ спинѣ, но скоро поправился и къ концу ноября былъ уже въ Петербургѣ. Здѣсь, жестокая

боль въ спинѣ и ногахъ опять возобновилась. Болѣе двухъ мѣсяцевъ онъ почти не ѣлъ. Организмъ его поддерживался лишь безпрестаннымъ питьемъ; онъ пилъ пиво, кислыя щи, медъ, и ничѣмъ не могъ утолить своей жажды. При этомъ его мучила безсонница. Присланный къ нему лейбъ-медикъ Головинъ, предписалъ молочное леченіе, продолжавшееся пять недѣль, и Фадѣеву стало лучше, возвратился сонъ и небольшой аппетитъ. Лѣтомъ 1883 года, ему было приказано ѣхать на воды въ Швейцарію или Эсентуки, но онъ отправился въ Карлсбадъ, такъ какъ туда должны были пріѣхать его сестры съ племянницами.

Онѣ ничего не знали о его болѣзни; онъ имъ писалъ о ней, какъ о незначительной простудѣ. Ихъ тревожилъ только его сильно измѣнившійся почеркъ, а еще болѣе напугало письмо къ сестрѣ Надеждѣ Андреевнѣ, которая не располагала ѣхать въ Карлсбадъ. Въ письмѣ этомъ онъ проситъ ее пріѣхать, чтобы провести вмѣстѣ лѣто въ Карлсбадѣ, гдѣ они «вмѣстѣ будутъ дышать чистымъ воздухомъ и совершать пріятныя прогулки въ сосновыхъ карлсбадскихъ лѣсахъ» и прибавляетъ: «Мы всѣ старѣемъ, а съ этимъ постепенно уменьшаются шансы на будущее, и потому должны дорожить временемъ, которое можемъ провести вмѣстѣ». Эти слова, Ростислава Андреевича сильно встревожили его родныхъ. Въ это-то время Фадѣева потребовалъ къ себѣ военный министръ. Фадѣевъ явился къ нему больной, когда ему было объявлено вторично, что въ будущемъ году онъ будетъ зачисленъ въ запасъ. Фадѣевъ отвѣчалъ, что онъ прикомандированъ къ штабу по Высочайшему повелѣнію, и только Высочайшее повелѣніе можетъ отмѣнить это назначеніе. Между тѣмъ, всѣ члены бывшей коммиссіи по преобразованію Закавказскаго края, получили большія награды. Одинъ Фадѣевъ, работавшій не менѣе другихъ и составившій для коммиссіи нѣсколько важныхъ записокъ, потребовавшихъ много труда, — не получилъ ничего. Онъ это приписывалъ тому, что у него не было прямого начальства и некому было его представить.

Въ іюлѣ, онъ взялъ шестинедѣльный отпускъ по болѣзни и отравился въ Карлсбадъ. Ему не было дано никакого пособія, вѣроятно тоже потому, что о немъ некому было похлопотать, а самъ онъ никогда не просилъ о себѣ.

Въ Калсбадѣ лечилось много чиновниковъ петербургскихъ

министерствъ, которые, кромѣ оставленнаго имъ содержанія, получили въ пособіе по тысячѣ и болѣе рублей. Впрочемъ, Фадѣеву было сохранено содержаніе, и такъ какъ онъ уже отвыкъ отъ всякихъ наградъ и поощреній своей службы, то считалъ и это за большую награду, и съ удовольствіемъ говорилъ о томъ.

По дорогѣ изъ Петербурга, онъ простудился въ вагонѣ, и у него повторилось онѣмѣніе (анестезія) лѣвой щеки, которое онъ однажды получилъ проспавъ на мокромъ брезентѣ въ Черногоріи, очень его мучившее. Въ Карлсбадѣ его встрѣтили сестры и племянницы, и ужаснулись происшедшей въ немъ за нѣсколько мѣсяцевъ, перемѣнѣ. Онъ былъ такъ худъ и блѣденъ, что его съ трудомъ можно было узнать. Онъ конечно ободрялъ своихъ сестеръ, увѣрялъ что нѣтъ никакой опасности, что онъ уже поправляется, но когда говорилъ о своей болѣзни, у него въ голосѣ появилось впервые какъ бы состраданіе къ самому себѣ. Въ письмѣ лейбъ-медика Головина къ карлсбадскому доктору значилось, что у Фадѣева страданіе желудка, диспепсія. Калсбадскій, докторъ хотя и нашелъ серьезное разстройство органовъ, но безъ органическаго поврежденія и обѣщалъ полное выздоровленіе. Фадѣевъ много ходилъ по горамъ, по лѣстницамъ, дѣлалъ большія прогулки по окрестностямъ въ экипажѣ, но эти прогулки иногда вредили ему, возвратомъ, хотя легкимъ, болей въ ногахъ. Страстный любитель природы, Ростиславъ Андреевичъ досадовалъ, что не могъ ходить и ѣздить столько, сколько бы хотѣлъ. Въ его характерѣ, всегда такомъ ровномъ, спокойномъ, теперь иногда проявлялась болѣзненная раздражительность и нетерпѣніе. Но послѣ всякаго нетерпѣливаго слова, онъ непремѣнно извинялся и старался его загладить. Относительно, онъ чувствовалъ себя въ Калсбадѣ довольно хорошо; въ разговорахъ былъ оживленъ, по временамъ даже веселъ, но никогда его прежде не покидавшая, живая надежда на будущее, замѣтно ослабѣла. Онъ избѣгалъ говорить объ этомъ, и когда однажды сестра его спросила: долго-ли еще будетъ продолжаться его неопредѣленное служебное положеніе, и что онъ имѣетъ въ виду? Онъ съ какимъ-то отчаніемъ въ голосѣ, сказалъ ей: «прошу тебя не спрашивай и никогда не говори объ этомъ!».

Одна новая черта странно поразила окружавшихъ его: онъ, который никогда въ жизни ни одной минуты не могъ обойтись

безъ занятія, теперь ничего не дѣлалъ, ничего не писалъ, не читалъ. Иногда, и то неохотно, бралъ газету въ руки, и относился ко всему, что дѣлается въ мірѣ, совершенно апатично. Въ такомъ человѣкѣ это было зловѣщимъ явленіемъ. Онъ бывалъ задумчивъ, молчаливъ. Нельзя было не замѣтить въ немъ, помимо болѣзни, нравственнаго удрученія, сильнаго душевнаго гнета.

Чехи, находившіеся въ Карлсбадѣ, затѣвали сдѣлать ему торжественную овацію; многіе изъ нихъ намѣревались пріѣхать изъ Праги, чтобы привѣтствовать его. Фадѣевъ все это отклонилъ. По окончаніи курса водъ, родные, видя продолжающееся его болѣзненное состояніе, упросили его поѣхать съ ними въ Вѣну, посовѣтоваться съ докторами, и потомъ въ Одессу, до поправленія. Фадѣевъ съ видимымъ удовольствіемъ согласился на это предложеніе, хотя, объявилъ, что въ ноябрѣ во всякомъ случаѣ онъ долженъ ѣхать въ Петербургъ, и послалъ прошеніе о продолженіи отпуска. По прибытіи въ Вѣну у него сдѣлались сильныя боли въ ногахъ и поясницѣ. Онъ очень страдалъ. Лечившіе его профессора Кайнцбауеръ и Бамбергеръ подтверждали болѣзнь, указанную докторомъ Головинымъ, и обнадеживали въ выздоровленіи. По милованіи болей, онъ ходилъ гулять, ѣздилъ въ сады, картинныя галлереи, даже собирался въ оперу. Вѣнскіе славяне тоже настоятельно желали видѣть его, Фадѣевъ же опять отклонилъ эти свиданія и принималъ только посольскаго священника, отца Раевскаго, часто навѣщавшаго его. Чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, императоръ австрійскій прислалъ ему приглашеніе на раутъ, которымъ онъ не воспользовался.

Переѣздъ въ Одессу въ концѣ сентября совершился довольно благополучно, но въ первую же ночь по пріѣздѣ жестокая боль въ ногахъ и поясницѣ возобновилась. Одесскій докторъ, прежде лечившій Ростислава Андреевича и относившійся къ нему очень внимательно и сердечно, заключилъ, что у него болѣзнь печени, и началъ леченіе сообразно съ этимъ. Отмѣнилъ всякую діэту, позволилъ ѣсть все, особенно мучное и фрукты. Фадѣеву сдѣлалось хуже, аппетитъ опять пропалъ и онъ снова обратился къ молочной пищѣ. Родные умоляли его отказать этому доктору. Фадѣевъ, считая это неделикатнымъ, и слышать не хотѣлъ о такомъ шагѣ. Другой докторъ, призванный лечить совмѣстно съ первымъ, подтвердилъ болѣзнь

печени, третій открылъ разстройство сердца. При этомъ всѣ они утверждали, что основная причина болѣзни—чисто нравственная. Малокровіе, образовавшееся еще раньше, увеличивалось со дня на день; Ростиславъ Андреевичъ, видимо, таялъ. Но немощь тѣла не могла побѣдить силы духа. Онъ по прежнему разговаривалъ, шутилъ, разсказывалъ, съ свойственнымъ ему увлекательнымъ юморомъ. По временамъ велъ и серьезныя, дѣловыя рѣчи. По вечерамъ сестра ему читала и онъ разъ горько замѣтилъ: «прежде, бывало, я тебѣ читалъ, а теперь вотъ ты мнѣ читаешь». Присутствіе постороннихъ его уже стѣсняло, и онъ предпочиталъ оставаться со своими. Онъ не любилъ оставаться одинъ, и если это случалось, онъ звалъ и былъ доволенъ, когда входили къ нему. Его сильно смущало, что въ ноябрѣ онъ не могъ ѣхать въ Петербургъ. При малѣйшемъ улучшеніи, онъ говорилъ: «мнѣ кажется, я начинаю выздоравливать». Его начали лечить желѣзомъ, и ему сдѣлалось какъ бы значительно лучше. Возвратился небольшой аппетитъ, но еще больше явилась жажда къ питью кислому, холодному. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ ѣлъ мороженое. Онъ сдѣлался бодрѣе и хотя не выходилъ изъ дома, но довольно много ходилъ по комнатамъ, и говорилъ такъ оживленно и твердо, какъ здоровый. Собрался было рѣшительно къ новому году ѣхать въ Петербургъ, написалъ письма, но безсонница продолжала его страшно мучить. Его морфировали и давали внутрь морфій,—это очень вредно на него дѣйствовало. Въ наачалѣ декабря онъ поѣхалъ съ старшей сестрой, въ спокойной коляскѣ, прогуляться по городу. Долго передъ этимъ онъ не выходилъ и ему очень понравилась прогулка. Онъ старался ее продлить. Наканунѣ отъ безсонницы ему давали морфій, который всегда производилъ у него тошноту и рвоту. По возвращеніи съ прогулки онъ сдѣлался какъ-то скученъ, ночью опять не могъ спать; докторъ опять далъ ему морфій и Ростиславъ Андреевичъ окончательно слегъ. Онъ вставалъ иногда, приходилъ въ гостинную, сидѣлъ довольно долго, но большею частію лежалъ; только по утрамъ переходилъ въ другую, смежную комнату, большую и свѣтлую, и тамъ лежалъ весь день, а къ ночи уходилъ къ себѣ. Во время всей его болѣзни у него не замѣчалось ни малѣйшаго жару, явственно увеличивалось лишь истощеніе силъ. Всѣ боли у него совершенно прекратились. Говорилъ онъ бодро, вполнѣ сознательно до послѣдней минуты.

часто шутилъ, напѣвалъ потихоньку, декламировалъ. Когда сестры или племянницы, сидѣвшія около него, молчали, онъ спрашивалъ: «отчего вы не говорите? Разскажите что-нибудь». И затѣмъ, бывало, продолжалъ: «Ну, такъ я самъ буду вамъ разсказывать»! И начиналъ разсказывать, всегда что нибудь очень забавное, съ самыиъ неожиданнымъ концомъ и заключеніемъ. Казалось что онъ, въ то время слабый, страдающій, вовсе не скучалъ и продолжалъ внутренно жить, какъ въ былыя времена. Быть можетъ это были усилія любящаго человѣка уменьшить горе близкихъ ему людей! Необыкновенный даръ его слова не измѣнялъ ему и въ предсмертные дни его какъ и всегда. Казалось не было трибуны, на которой онъ бы не не могъ быть первокласснымъ ораторомъ. Изъ рѣчей его, нельзя было никогда ни выкинуть ни одного слова, ни измѣнить: все было на своемъ мѣстѣ и выражало вполнѣ то, что онъ хотѣлъ сказать. По нѣкоторымъ, вырвавшимся у него словамъ, видно было, что онъ сознавалъ свое опасное положеніе и намекалъ на то, что должно было совершиться, но положительно объ этомъ не говорилъ, зная какъ убійственно это подѣйствуетъ на окружающихъ его. Твердый духъ этого человѣка, могучій во всемъ, что касалась его самаго, не могъ переносить горя близкихъ ему людей, и былъ не въ силахъ возвѣстить имъ о жестокомъ несчастіи, ожидавшемъ ихъ. Видя ихъ печальными и огорченными, онъ старался ихъ ободрить и развеселить. Однажды онъ спросилъ у своей старшей сестры, о чемъ она задумалась. Она призналась, что болѣзнь его очень огорчаетъ ее. Онъ строго замѣтилъ ей: «Катя, твоя непокорность судьбѣ возмущаетъ меня». И точно, впродолженіи всей его болѣзни, никто не слыхалъ отъ него ни стона, ни жалобы, ни ропота.. Его покорность и терпѣніе были изумительны. Прежняя временная раздражительность совсѣмъ прошла. Теперь, какъ и всегда, онъ онъ несравненно болѣе заботился о другихъ чѣмъ о себѣ. Если кто нибудь изъ родныхъ жаловался на малѣйшее нездоровье, на головную боль, онъ начиналъ тревожиться и не успокоивался, пока это не проходило. Не позволялъ чтобы ночью сидѣли возлѣ него, и оставался одинъ, чтобы никого не безпокоить. Конечно, за нимъ наблюдали, и постоянно кто нибудь былъ возлѣ него. Въ послѣдніе, предсмертные дни его, когда ему разсказывали какую нибудь новость, или интересное событіе, онъ говорилъ: «теперь мнѣ все равно».

Въ двадцатыхъ числахъ декабря, племянникъ Фадѣева привезъ изъ Кіева профессора Меринга, назначившаго совѣщаніе съ докторами, лечившими Ростислава Андреевича. Мерингъ, осмотрѣвъ больнаго, нашелъ серьезное поврежденіе желудка и происшедшее отъ того малокровіе, причинявшее второстепенныя разстройства органовъ. Не смотря на крайне опасное положеніе, Мерингъ не нашелъ его еще вполнѣ безнадежнымъ; отмѣнилъ все прежнее леченіе, какъ не подходящее, предписалъ новыя лекарства и особую діэту, объявивъ, что это послѣднее средство, и если оно не поможетъ—другихъ средствъ болѣе нѣтъ. Фадѣевъ былъ доволенъ его пріѣздомъ.

Предъ праздниками, вечеромъ, родные по обыкновенію сидѣли около его постели, Ростиславъ Андреевичъ вспоминалъ о своей жизни. Кто-то замѣтилъ, что онъ не умѣлъ устроить своей жизни. Фадѣевъ отвѣчалъ: «не говорите этого, — умѣнье здѣсь не причемъ. Меня всю мою жизнь преслѣдовалъ фатумъ, всегда и во всемъ. Я начиналъ какое нибудь дѣло,—я зналъ, что оно справедливое, что осуществленіе его полезно и даже необходимо; все шло какъ слѣдуетъ, все удавалось и, наконецъ, когда я его приводилъ къ концу, когда можно уже было считать его осуществленнымъ, — поперегъ дороги становилось какое нибудь обстоятельство, которое человѣческимъ умомъ нельзя было ни предугадать, ни отвратить, и которое между тѣмъ разрушало все! И такъ не разъ, не два, а постоянно въ продолженіи всей жизни. Я часто думаю, что я ни причемъ во всѣхъ своихъ неудачахъ. Есть какой-то фатумъ, который тяготитъ надо мной».

Онъ иногда подолгу молчалъ съ закрытыми глазами; но не спалъ и не дремалъ, а думалъ. Умъ его работалъ, духовная дѣятельность кипѣла внутреннею жизнью. Какіе образы, какія мысли возставали и роились въ немъ въ это время? И на смертномъ одрѣ, который онъ сознавалъ, не продолжалъ ли онъ жить жизнью трехъ человѣкъ?

На другой день, онъ продиктовалъ нѣсколько писемъ и адреса ихъ; подписалъ и перечиталъ. Въ сочельникъ родные его оставались за обѣдомъ долѣе обыкновеннаго. Когда вошли къ нему, онъ спросилъ: — отчего вы такъ долго обѣдали? Ему сказали что сегодня сочельникъ. «Сочельникъ, — сказалъ онъ съ удивленіемъ,—а я уже все перезабылъ, не помню ни дней, ни чиселъ». И съ грустью прибавилъ: «веселые будутъ вамъ

праздники!» Иногда онъ получалъ телеграммы и письма, и всякій разъ при этомъ высказывалъ безпокойство, какъ будто чего-то опасался. Скоро обнаружилось чего онъ опасался.

На второй день Рождества, подъ вечеръ, онъ долго лежалъ какъ бы въ забытьи, съ закрытыми глазами. Вдругъ громко и оживленно сказалъ: «Надо оповѣстить! Надо оповѣстить!» На вопросъ: что оповѣстить?—онъ продолжалъ: «напишите X*** и X***, чтобы они оповѣстили, напечатали въ газетахъ». Затѣмъ велѣлъ взять бумагу и продиктовалъ слѣдующія слова:

«Извѣстный генералъ Фадѣевъ, оказавшій посильныя услуги Россіи, въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ боролся между жизнью и смертью. И во время болѣзни, онъ не только не былъ увѣренъ о продолженіи ему отпуска, но ждалъ съ основаніемъ со дня на день, что его отчислятъ отъ службы, какъ послѣдняго прапорщика за неявку къ сроку. Въ случаѣ смертнаго исхода болѣзни, онъ проситъ довести этотъ фактъ до свѣдѣнія всѣхъ, посредствомъ газетъ».

На слѣдующій день, 27 декабря, было получено изъ Петербурга нѣсколько телеграммъ, освѣдомлявшихся о его здоровьи, между ними одна отъ графа Воронцова-Дашкова. Ростиславъ Андреевичъ оживился, повеселѣлъ и на телеграммы тотчасъ же продиктовалъ отвѣты. Вечеромъ онъ даже декламировалъ стихи и проговорилъ «Воеводу» Пушкина отъ начала до конца.

Ночь провелъ тихо, почти не спалъ, просилъ пить холодной воды. Сестра хотѣла пойдти на галлерею гдѣ стояла холодная минеральная вода, но онъ закричалъ ей вслѣдъ: «ради Господа не ходи на галлерею, ты простудишься; посмотри на меня, я былъ здоровъ какъ быкъ, думалъ никакая сила меня не сломитъ, а теперь чѣмъ сдѣлался».

Утромъ 28 декабря, были посланы продиктованныя имъ наканунѣ, слѣдующія телеграммы: «прикованъ къ постели, писать не могу отъ потери силъ, желудокъ едва переноситъ одно молоко. Два мѣсяца нахожусь въ такомъ положеніи. Опасаюсь, что выключатъ изъ службы. Ростиславъ Фадѣевъ».

На вопросъ сестры, какъ онъ себя чувствуетъ? сказалъ шуточно: «совсѣмъ жисти нѣтъ», повторяя слова Ильи Ѳедосѣевича изъ «Чертогона» Лѣскова, котораго въ послѣдніе его дни сестра ему читала по вечерамъ. Этотъ разсказъ и «Русская Рознь» очень его занимали и забавляли. По временамъ у него являлось стѣсненіе дыханія, вродѣ одышки, тогда

онъ подкладывалъ руку подъ голову. Его очень безпокоила часто повторявшаяся икота. Иногда же изъ его глазъ сочилась кровь, и капли кровавыхъ слезъ накоплялись на его рѣсницахъ, такъ что можно буквально сказать, что въ предсмертные свои дни, онъ плакалъ кровавыми слезами. Разъ онъ спросилъ доктора: «скажите пожалуйста какая у меня болѣзнь?» Тотъ настаивалъ на своемъ убѣжденіи о страданіи печени. Ростиславъ Андреевичъ шутливо возразилъ: «я думаю, что о томъ какая у меня болѣзнь, знаетъ только одинъ другъ Горацiо».

Вечеромъ, Ростиславъ Андреевичъ самъ расплатился съ докторомъ за визиты. Докторъ далъ ему пріемъ хлорала отъ безсонницы. Ростиславъ Андреевичъ приказалъ, чтобы ночью къ нему никто не приходилъ, что онъ будетъ спать. Но дверь осталась полуотворенной и изъ сосѣдней комнаты наблюдали за нимъ. Всю ночь онъ какъ будто спокойно спалъ, никого не звалъ, не ворочался. Часовъ въ шесть утра племянница спросила его, не хочетъ ли онъ немного молока. «Отчего немного, отвѣчалъ онъ,—я хочу много». Около восьми часовъ утра вошла въ комнату другая племянница; онъ не спалъ и замѣтно очень ослабѣлъ за ночь; глаза какъ бы потухли. Увидѣвъ ее, онъ сказалъ: «что ты такъ рано поднялась!» и спросилъ пить—«я не знаю отчего мнѣ не даютъ сегодня ничего пить, принеси мнѣ молока». На вопросъ какъ онъ провелъ ночь,—отвѣчалъ: «ничего, я хорошо спалъ». Въ одинадцать часовъ пріѣхалъ докторъ и далъ ему три ложки воды съ виномъ. Во второмъ часу опять пріѣхали доктора, на всѣ вопросы которыхъ, Ростиславъ Андреевичъ отвѣчалъ внятно и громко. Въ продолженіи дня онъ мало говорилъ, но когда его спрашивали, всегда отвѣчалъ съ такою опредѣленностью, которая доказывала совершенную ясность мысли. Нѣсколько разъ просилъ пить и поворачивать его на постели. Закурилъ папиросу, но оставилъ. Когда племянница стала между нимъ и окномъ свѣтившимъ изъ отворенной двери, онъ сказалъ: «отойди, ты мнѣ заслоняешъ свѣтъ, я хочу видѣть свѣтъ». Въ 9 часовъ вечера, снова пріѣхалъ докторъ и началъ его трогать и безпокоить, онъ застоналъ, и не открывая глазъ сказалъ: «это ты нарочно? не мучь меня, что тебѣ нужно?»—принявъ доктора за племянницу. Когда же она спросила не хочетъ-ли онъ пить, онъ отвѣчалъ: «хорошо, а что ты мнѣ дашъ пить?» Ему предложили

воды, молока,—онъ говорилъ: «нѣтъ, не хочу»; когда же предложили вина: сказалъ: «вина? отчего нѣтъ, дай». И проглотилъ ложку краснаго вина. Въ это время, докторъ тоже обратился съ какимъ-то вопросомъ. Услышавъ чужой голосъ, Ростиславъ Андреевичъ повернулъ голову въ его сторону и сказалъ: «А! это вы, вы еще здѣсь».

Докторъ объявилъ роднымъ, что надежды нѣтъ. По отъѣздѣ его въ десятомъ часу, Ростиславъ Андреевичъ задремалъ, но черезъ нѣсколько минутъ проснулся и началъ безпокойно метаться. На вопросъ, не хочетъ-ли онъ чего-нибудь, отвѣчалъ: «Я хочу встать», и повторилъ: «подымите меня, я хочу встать!» Племянница замѣтила: «вамъ нельзя встать, вы слишкомъ слабы, но можно васъ поднять повыше на подушки». Онъ сказалъ: «хорошо, подымите». Его подняли, какъ можно выше, и онъ совершенно успокоился. Племянница, наклонясь къ нему, спросила: «у васъ что-нибудь болитъ?» Онъ отвѣчалъ: «нѣтъ ничего». Около десяти часовъ, Ростиславъ Андреевичъ безпокойно сказалъ: «поверните меня на бокъ». Его повернули на лѣвый бокъ, лицомъ къ стѣнѣ, и спросили не хочетъ-ли пить,—отвѣчалъ: «дай», и проглотилъ немного воды. Затѣмъ повернулъ голову, посмотрѣлъ на всѣхъ окружающихъ, пристально обвелъ ихъ глазами, и снова склонился на подушку. Дыханіе сдѣлалось отрывистѣе. Оно затихло на вѣки ровно въ десять часовъ, Фадѣева не стало.

Такъ какъ все его военное платье осталось въ Петербургѣ потому что онъ ѣхалъ въ Одессу всего на шесть недѣль, то его одѣли въ единственный старый военный сюртукъ, который нашелся дома.

Лицо его послѣ смерти какъ бы поздоровѣло, помолодѣло на двадцать лѣтъ. Спокойное, доброе, оно поражало какимъ-то вышнимъ миромъ, осѣнившимъ его. И оно было не холодно-безстрастное; въ немъ было особенное выраженіе: легкая, едва замѣтная улыбка и какое-то пристальное вниманіе, какъ будто онъ прислушивался или присматривался къ чему-то занимательному и пріятному. Двѣ капли кровавыхъ слезъ застыли на глазахъ его. Не было въ немъ ничего мертвеннаго, ничего могильнаго, даже лежалъ онъ какъ-то плавно, мягко, какъ спящій человѣкъ. Отъ первой минуты смерти, до послѣдней при выно-

сѣ тѣла, въ немъ не произошло ни малѣйшей перемѣны. Три раза доктора констатировали смерть его. Панихиды совершались по обыкновенію, два раза въ день. Похороны были назначены на Новый годъ.

На слѣдующее утро по кончинѣ, въ домѣ появились люди, заявившіе себя репортерами газетъ, и обращались къ домашнимъ съ обычными разными вопросами. Одинъ изъ нихъ полюбопытствовалъ: большое-ли состояніе оставилъ послѣ себя генералъ? Ему отвѣчали: «3 рубля денегъ и поношенный мундиръ». На другой день объ этомъ было объявлено въ мѣстной газетѣ, и перепечатано почти во всѣхъ русскихъ газетахъ. Это вызвало заявленіе одного отраднаго факта. 31 декабря, въ квартиру Фадѣева явился г. К***, предводитель дворянства одного изъ уѣздовъ Московской губерніи, находившійся въ Одессѣ проѣздомъ на южный берегъ. «Я прочиталъ,—сказалъ онъ роднымъ Фадѣева,—что генералъ Фадѣевъ скончался въ бѣдности, это извѣстіе показалось мнѣ возмутительнымъ, даже невѣроятнымъ, и хотя я лично его не зналъ, даже никогда не видалъ, и знакомъ съ нимъ только по его сочиненіямъ, но рѣшился отложить свой отъѣздъ, чтобы узнать истину, и въ случаѣ подтвержденія факта заявленнаго газетою, я бы считалъ себя обязаннымъ, какъ русскій, сдѣлать все, что отъ меня зависитъ, чтобы генералу Фадѣеву были оказаны почести по его заслугамъ».

Въ туманный, сѣрый и сырой день новаго, 1884 года, съ утра начали собираться толпы народа по Херсонской улицѣ, около квартиры генерала Фадѣева. Выстроились войска съ хоромъ военной музыки. Пришли часовые и стали по обѣимъ сторонамъ гроба. Домъ началъ наполняться публикой, большею частью незнакомой роднымъ Фадѣева. Во второмъ часу, надъ гробомъ отслужили панихиду. Фадѣевъ любилъ солдатъ, и солдаты вездѣ и всегда любили его, поэтому было заявлено желаніе, чтобы гробъ несли солдаты. По окончаніи панихиды, солдаты подняли гробъ, увѣшанный вѣнками, и предшествуемые архіерейскими пѣвчими и духовенствомъ, спустились съ лѣстницы; при выходѣ изъ воротъ, хоръ военной музыки заигралъ «Коль славенъ нашъ Господь», затѣмъ похоронный маршъ, и процессія потянулась по улицѣ въ каѳедральный соборъ. За гробомъ вели лошадь, покрытую чорной попоной, шли родные и многочисленная публика; за ними музыка, войска

замыкавшіяся орудіями, вслѣдъ за которыми ѣхалъ роскошный катафалкъ запряженный шестью лошадьми цугомъ, далѣе экипажи. Обѣ стороны тротуара были покрыты массами народа,—не смотря на дурную погоду и слякоть.

Болѣе пятнадцати вѣнковъ были представлены почитателями генерала, и славянскимъ обществомъ. Духовенство было не въ черныхъ, траурныхъ ризахъ, а въ золотомъ облаченіи, по случаю новаго года. На похоронахъ присутствовали всѣ власти города, члены славянскаго общества, болгарскаго настоятельства, представители мѣстныхъ газетъ, а также жительствующіе въ Одессѣ сербы, болгары и черногорцы.

Въ минуту послѣдняго цѣлованія, для тѣхъ кто прощался съ нимъ, снова въ глубокомъ гробѣ мелькнуло прекрасное, блѣдное лицо, съ тонкой улыбкой, съ выраженіемъ внимательности и съ двумя застывшими, кровавыми слезинками на глазахъ... Крышка закрылась, солдаты подняли гробъ, музыка заиграла «Коль славенъ нашъ Господь», и траурное, шествіе двинулось прежнимъ порядкомъ по длинной Преображенской улицѣ къ кладбищу. Погребальное пѣніе, смѣнялось похороннымъ маршемъ и барабаннымъ боемъ, а грязные, скользкіе тротуары были запружены толпами народа. По прибытіи на кладбище, послѣ краткой литіи, гробъ опустили въ могилу. Членъ славянскаго общсства, г. Бухтѣевъ, ставъ на краю могилы, сказалъ слѣдующія слова:

«Подъ сѣнію нашего кладбищенскаго храма, въ виду надгробныхъ крестовъ, заупокойная молитва православной толпы, разверстая могила, гробъ... вотъ что видятъ въ эту минуту и русскій сѣверъ, и славянство западное и славянство южное». —«Что вы, одесситы, дѣлаете?»—говорятъ они намъ.—«Хоронимъ генерала Фадѣева». — «Зачѣмъ вы это дѣлаете? Развѣ онъ вамъ и намъ не нуженъ?» — «Нуженъ, родные, нуженъ! Знаете вы, какіе дни мы изживаемъ теперь?.. Теперь-ли не нужны стойкіе Фадѣевы! Но Господь велѣлъ! зачѣмъ?—Тайна провидѣнія. Мы знаемъ только, что эту минуту избралъ Господь, чтобы сквозь похоронныя слезы преломлялся свѣтъ дѣяній Фадѣева, чтобы теперь эти дѣянія были видны въ радугѣ преломленныхъ лучей. Теперь Фадѣевъ сказалъ намъ: «мною—пережито, берите братцы, тотъ гужъ, который я тянулъ, тяните его стойчѣе меня, если сможете... Да, жизнь прожита, прожита по русски, сердечно, вѣрно народному изреченію:

«умомъ и хитростью свѣтъ пройдешъ, да назадъ не воротишься»; прошелъ Фадѣевъ по свѣту и, съ послѣднимъ заступомъ земли надъ его могилой, онъ уже пойдетъ назадъ среди насъ, съ его вѣрованіями. Фадѣева хоронятъ его современники. Тѣ изъ нихъ, которые не понимали его, должны сказать на этой могилѣ: «прости насъ за всѣ огорченія тебѣ дѣланныя». Тѣ же современники, которые жили однимъ духомъ съ Фадѣевымъ, тѣ говорятъ: «прощай Фадѣевъ, свидѣтельствуй предъ престоломъ Всевышняго чистоту побужденій и стремленій, которыми ты жилъ и которымъ мы будемъ тщиться подражать».

Рѣчь прервалась троекратнымъ залпомъ изъ орудій и ружей. Горсти земли посыпались на крышку гроба; каменьщики начали задѣлывать склепъ. Многіе брали землю и завертывали въ бумагу, на память.

Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ покончилъ свои счеты съ міромъ.

Неисчерпаемое сокровище ума и дарованій, неоцѣненные таланты и способности, были брошены какой-то небрежной рукой—неизвѣстно для кого, неизвѣстно для чего.

Обзоръ литературной дѣятельности Р. А. Фадѣева.

«Въ жизни человѣческихъ обществъ не бываетъ крупныхъ явленій совершенно случайныхъ, такихъ явленій, которыя не исходили бы изъ народнаго духа и исторической судьбы государства».

Р. Фадѣевъ.

Для писателя, являющагося на судъ публики въ полномъ собраніи своихъ сочиненій, собственно говоря, нѣтъ надобности въ руководящемъ ихъ обзорѣ. Читатель, и безъ предпосланнаго этимъ сочиненіямъ указателя, съумѣлъ бы оріентироваться въ нихъ, распознать главныя стремленія писателя, отличить ихъ отъ второстепенныхъ, не составляющихъ гармонирующей связи между отдѣльными его статьями, и найти ту неразрывную психологическую нить, которая, проходя черезъ всю разнообразную его дѣятельность, объясняетъ и эту дѣятельность, и попытки къ ней, и даже уклоненія. Если, однако, вспомнимъ, что смерть нерѣдко прерываетъ и писателя и практическаго дѣятеля на полусловѣ, оставляя многое недоговореннымъ или неисполненнымъ, то окажется необходимымъ, по тому, что недовершено ими, или даже по недосказанному, судить о дальнѣйшихъ задачахъ или о завѣтныхъ убѣжденіяхъ, оставшихся нерѣшенными и невыясненными. При чтеніи отдѣльныхъ сочиненій, выпущенныхъ въ весьма различныя времена, написанныхъ подъ вліяніемъ различныхъ теченій общественнаго настроенія, общая, связующая ихъ идея легко ускользаетъ отъ того, кто не былъ лично знакомъ съ авторомъ, не имѣлъ случая слышать его совершенно свободное слово, которое одно

давало ключъ къ полному пониманію его стремленій и связывало ихъ въ одно цѣлое. Таково, впрочемъ, положеніе многихъ практическихъ публицистовъ у насъ въ Россіи. Въ особенности эта недоговоренность и даже нѣкоторое отсутствіе связи должны выступить при взаимномъ сравненіи такихъ разновременныхъ сочиненій Фадѣева, которыя прежде чѣмъ стать журнальными статьями, предназначенными для публики, появлялись въ видѣ «докладныхъ записокъ» или дѣловыхъ писемъ.

Карьера Фадѣева закончилась въ ту минуту, когда онъ не успѣлъ еще вполнѣ высказаться. Но онъ никогда не былъ доктринеромъ, у котораго, если исключить стройную послѣдовательность, рушится доктрина. Онъ былъ практическій мыслитель, въ полномъ смыслѣ слова, оппортюнистъ, политика котораго, не допускавшая отступленія отъ основныхъ убѣжденій, въ тоже время указывала на необходимость уступать въ маломъ, ради достиженія большаго, молчать о несбыточномъ въ данное время, чтобы убѣдить въ справедливости того, что «не только полезно, но и возможно».

Опредѣляя тѣ основныя воззрѣнія Фадѣева, которыя господствовали въ его сочиненіяхъ и во всей его дѣятельности, и для которыхъ онъ готовъ былъ даже вступать въ разные компромиссы, дѣлать второстепенныя уступки, надо прежде всего признать, что не вліятельные представители разныхъ теченій эксплоатировали Фадѣева, какъ думали многіе, а скорѣе онъ старался ихъ эксплоатировать въ пользу своихъ излюбленныхъ идей. Такимъ образомъ, если мы возьмемъ, напр., его сочиненія: «Вооруженныя силы Россіи», «Чѣмъ намъ быть» и большую часть «Писемъ о современномъ состояніи Россіи», то, хотя въ совокупности ихъ мы найдемъ нѣкоторую несогласованность въ подробностяхъ, очевидно, расчитанную авторомъ на различныя теченія, господствовавшія въ нашей общественной жизни въ разныя времена, но главныя его положенія, въ каждомъ изъ названныхъ сочиненій, находятъ для всесторонняго своего освѣщенія лишь новый матеріалъ и новую силу.

Фадѣевъ былъ публицистъ прежде всего практическій; не теоретикъ, создающій себѣ систему и провозглашающій ее внѣ условій дня. Онъ былъ вѣренъ своимъ основнымъ идеямъ и постоянно за нихъ ратовалъ, не только въ печати, но и внѣ ея. При этомъ, какъ всякій практическій дѣятель, всегда готовъ былъ уступить форму ради дѣла. Мало

того, онъ готовъ былъ даже вступить на чужую почву, если она не была непроизводительной для развитія его идей, если на ней онъ могъ надѣяться найти практическое движеніе, которое могло бы привести ихъ къ осуществленію.

Человѣкъ съ блестящими дарованіями, имѣвшій возможность изучить всѣ русскіе общественные слои, Фадѣевъ именно поэтому глубоко вѣрилъ въ будущность Россіи, въ зависимость этой будущности ея отъ прирожденной даровитости русскаго народа, при чемъ признавалъ способность и достаточную зрѣлость образованной его части. Эта зрѣлость ему казалась достаточной для пониманія политическаго положенія своего отечества. Поэтому онъ считалъ время приспѣвшимъ, чтобы русскій народъ занялъ подобающее ему, болѣе самостоятельное и дѣятельное, положеніе, какъ въ средѣ другихъ народовъ, такъ и въ предѣлахъ своего государства. При этомъ онъ, однако, не былъ ни «народникомъ», ни «славянофиломъ» въ смыслѣ теоретическомъ, или, тѣмъ менѣе, въ смыслѣ туманнаго, мистическаго направленія. Въ качествѣ практическаго политика, онъ никогда не могъ удовлетвориться «духовнымъ единеніемъ» со славянами, основанномъ на корнесловіи и на единствѣ обрядовой вѣры. Какъ практическій политикъ, онъ зналъ, что балканскіе славяне ожидали и ожидаютъ своего освобожденія только отъ Россіи. На этой реальной связи славянскаго міра съ Россіей онъ строилъ всѣ свои дальнѣйшія предположенія о будущности всѣхъ славянъ, безъ исключенія. Всѣ великія задачи Россіи, весь ходъ ея послѣдующей этико-исторической эволюціи, онъ ставилъ въ зависимость отъ правильности и, такъ сказать, естественности рѣшенія славянскаго вопроса. Поэтому, онъ заглядывалъ впередъ и предусматривалъ тѣ ошибки, которыя могутъ быть допущены въ этомъ рѣшеніи. Такихъ ошибокъ онъ искренно боялся и вотъ почему, несмотря на сжатое изложеніе въ его извѣстной брошюрѣ, вся суть славянскаго вопроса, съ поясненіемъ всѣхъ деталей его рѣшенія, обработанъ имъ до такой ясности и положенія его приведены къ той убѣдительности, какіе ни разу не исходили изъ-подъ фразистыхъ перьевъ патентованныхъ славянофиловъ, исписавшихъ на эту тему сотни томовъ и милліоны страницъ спеціальныхъ журналовъ и газетъ. Панславистическія идеи Фадѣева сдѣлались въ самое короткое время извѣстными міру тотчасъ по выходѣ его не-

большой, но содержательной брошюры: «Мнѣніе о восточномъ вопросѣ».

Мы не безъ причины останавливаемъ вниманіе читателей на взглядахъ Фадѣева по славянскому (восточному) вопросу, начиная нашъ очеркъ литературной дѣятельности указаніемъ именно на эту область его изслѣдованій. Славянскій вопросъ составлялъ для него центръ тяжести стараній всей его жизни и всѣхъ его стремленій. Военный и соціальный вопросы, которымъ онъ посвятилъ на взглядъ болѣе обширные труды, въ сущности, были для него только развитіемъ грандіознаго плана усиленія нравственнаго и стратегическаго могущества Россіи, посредствомъ и для реальнаго соединенія ея со всѣми существующими славянскими племенами. Въ разработкѣ этого вопроса онъ не шелъ ни на какія уступки и не закрывалъ глазъ при видѣ всевозможныхъ затрудненій и препятствій, которыя обыкновенно славянофилы или обходятъ молчаніемъ, или обволакиваютъ вычурными фразами, успокаивающими и удовлетворяющими лишь нетребовательный литературный вкусъ, созданный этимъ лагеремъ. Этотъ отводъ глазъ никогда не могъ обмануть людей, ни лично заинтересованныхъ въ дѣлѣ, ни даже просто съ любовью изучившихъ это дѣло. Фадѣевъ принадлежалъ къ числу послѣднихъ. Надо сказать прямо: онъ былъ страстный панславистъ, искавшій для исхода своей вдохновенной страсти путей практическихъ.

Хронологическій порядокъ появленія литературныхъ трудовъ Фадѣева, все-таки, обязываетъ насъ начать не съ славянскаго вопроса.

Первымъ капитальнымъ произведеніемъ, вышедшимъ изъ подъ пера этого писателя, было «60 лѣтъ кавказской войны».

Изъ «Воспоминаній о Р. А. Фадѣевѣ», читатель видитъ, что нельзя удивляться основательности и широтѣ взглядовъ, поражающихъ въ этомъ сочиненіи молодаго артиллерійскаго офицера. Онъ вступилъ на военное поприще съ такой серьезной подготовкой, съ такими способностями къ самостоятельному мышленію и вѣрной оцѣнкѣ событій, происходившихъ на его глазахъ, что нельзя не признать весьма естественнымъ и удачнымъ выборъ штаба кавказской арміи, который поручилъ Фадѣеву исполнить эту нелегкую задачу.

Уже въ этомъ сочиненіи, изданномъ въ 1860 году, какъ и

въ его «Письмахъ съ Кавказа», печатавшихся въ 1865 году, кромѣ таланта чисто литературнаго, превосходнаго, яснаго и сжатаго языка, можно было прослѣдить непоколебимыя убѣжденія, основанныя на глубокомъ знаніи трактуемаго предмета. Плодъ боевой службы на Кавказѣ и всесторонняго изученія страны, не по однимъ книгамъ, а по личному опыту и собственнымъ изслѣдованіямъ, эти оба сочиненія даютъ читателю полное представленіе о характерѣ страны и ея разнородныхъ жителей; знакомятъ съ исторіей вѣковыхъ усилій русскаго государства къ покоренію ея; рисуютъ и объясняютъ драгоцѣнныя особенности, силу и значеніе кавказской арміи и кавказскаго солдата и дѣлаютъ вѣрную оцѣнку выигрыша Россіи отъ возможности положить конецъ, казавшейся безконечною, войнѣ съ горцами. Въ числѣ главнѣйшихъ выгодъ, полученныхъ Россіей отъ покоренія Кавказа, Фадѣевъ считалъ освобожденіе «перваго въ мірѣ» кавказскаго войска отъ обязанности сторожить горы. Онъ считалъ, что въ каждой внѣшней войнѣ кавказская двухсоттысячная армія, «для которой нѣтъ ничего невозможнаго», дастъ Россіи перевѣсъ, какого, до окончанія кавказской войны, она имѣть никогда не могла.

Наблюдательность, рядомъ съ начитанностью и глубокимъ изученіемъ предмета, придаютъ изложенію Фадѣева такой блескъ и занимательность, что оно способно приковать къ себѣ вниманіе рѣшительно каждаго. Мѣткія замѣчанія, наблюденія и выводы изъ нихъ, въ которыхъ чувствуется глубина знанія и сила ума — вотъ черты литературнаго таланта Фадѣева, сохранившіяся съ этой поры и во всѣхъ позднѣйшихъ его сочиненіяхъ. Кавказъ, извѣстный публикѣ до тѣхъ поръ лишь по нѣсколькимъ беллетристическимъ произведеніямъ, по разсказамъ ѣздившихъ на пятигорскія воды, да по извлеченіямъ изъ реляцій, которыя стали печататься для публики только съ 1845 года, съ появленіемъ книги Фадѣева, сталъ понятнымъ даже для людей, никогда не останавливавшихся надъ этимъ, оторваннымъ отъ міра, краемъ. Неслыханное упорство, съ которымъ десятки лѣтъ продолжалась борьба, чрезвычайное напряженіе человѣческаго духа, которымъ она ознаменовалась съ обѣихъ сторонъ, требовали со стороны добросовѣстнаго историографа большаго таланта, чтобы создать картину, во всѣхъ частяхъ правдивую и понятную. Безъ всякихъ прикрасъ, и тѣмъ сильнѣе, выступаетъ на сцену вся исторія и поэзія героической

жизни нѣсколькихъ поколѣній, проливавшихъ кровь какъ бы по опредѣленію невѣдомаго рока.

«При чрезвычайномъ разнообразіи этой обширной страны, говоритъ авторъ, самый зрѣлый опытъ, пріобрѣтенный на одномъ изъ ея военныхъ театровъ, не даетъ еще никакой возможности правильно судить о другомъ; издали все сливалось въ одинъ неопредѣленный образъ, самыя коренныя измѣненія въ положеніи вещей сглаживались и мыслящій русскій человѣкъ, незнакомый съ Кавказомъ, не могъ, разумѣется, связать разнорѣчащихъ событій и приходилъ поневолѣ, отыскивая рѣшенія этой задачи, къ самымъ невѣроятнымъ заключеніямъ. Наше общество, въ массѣ, не сознавало даже цѣли, для которой государство такъ настойчиво, съ такими пожертвованіями, добивалось покоренія горъ».

Указавъ на историческую борьбу Россіи съ мусульманствомъ, давившимъ ее со всѣхъ сторонъ, ранѣе чѣмъ русскій народъ успѣлъ вырости на берегахъ Волхова и Оки, и на естественное стремленіе его съ тѣхъ поръ къ югу и востоку, чрезъ развалины татарскихъ царствъ, авторъ напоминаетъ, что уже первыхъ русскихъ царей манилъ къ себѣ кавказскій край, отдѣленный въ то время отъ русской земли дикою пустыней. «Тамъ, вдали, виднѣлись свободныя моря, богатая торговля, единовѣрные народы—грузины и кавказскіе горцы—тогда еще на половину христіане, протягивавшіе руку Россіи. Съ одной стороны Волга выводила русскихъ къ Каспійскому морю, окруженному богатыми народами, не имѣвшими ни одной лодки,—къ морю безъ хозяина; господство на этомъ морѣ необходимо вело со временемъ къ владычеству надъ раздробленными и безсильными владѣніями прикаспійскаго Кавказа. Съ другой стороны, стоны Грузіи и мусульманское изувѣрство доходили до слуха русскихъ царей и простолюдиновъ. И вотъ, съ 16-го столѣтія начались попытки русскихъ правителей утвердить свое торговое и политическое господство въ прикаспійскихъ странахъ. Это время и слѣдуетъ считать началомъ историческаго стремленія русскаго народа къ Кавказу и, такъ сказать, естественнаго поглощенія мусульманскаго міра христіанской культурой. Вмѣстѣ съ ростомъ русскаго народа, обширныя пустыни, занятыя кочевыми хищниками и бездомными удальцами, понемногу заселялись. Въ началѣ 18-го вѣка все пространство отъ Оки до устьевъ Дона и отъ Казани до Астрахани было

уже занято цѣпью селъ и городовъ и съ этого времени начинается цѣлый рядъ кавказскихъ походовъ, совершенныхъ при Петрѣ Великомъ, Екатеринѣ I, Аннѣ Іоанновнѣ, Екатеринѣ II и Павлѣ. Они становились все чаще по мѣрѣ того, какъ Россія подвигалась къ Кавказу».

Любопытно мнѣніе Фадѣева о характерѣ мусульманской культуры, которую онъ, соприкасаясь во время своей службы на Кавказѣ со всевозможными мусульманскими расами, изучилъ въ совершенствѣ. Въ этомъ ему оказало большую помощь знаніе восточныхъ языковъ. Вотъ къ какому убѣжденію онъ пришелъ: «За русскимъ рубежемъ, все въ Азіи тлѣетъ и разрушается. Азіатскія общества держались вѣка, какъ трупъ, до котораго не касается воздухъ въ могилѣ, держались отсутствіемъ посторонней стихіи; какъ только живыя силы Европы дохнули на нихъ, они стали разсыпаться. Нынѣшніе народы западной Азіи давно уже перестали быть живыми организмами». Исламизмъ, «овладѣвъ всѣмъ человѣкомъ, окаменилъ его въ однажды данной формѣ, не оставляя никакого мѣста ни общественному, ни личному развитію, не проистекающему изъ корана». Лишенные всякаго нравственнаго идеала мусульманскіе народы, какъ и отдѣльная личность мусульманина, «выносятъ изъ своей вѣры достаточное удовлетвореніе умственное и невозмутимое довольство самимъ собою. Это настроеніе необходимо разрѣшается на практикѣ крайнею апатіей. Къ чему можетъ стремиться человѣкъ, когда онъ есть уже все, чѣмъ долженъ быть; человѣкъ, котораго не гложетъ сомнѣніе, но не манитъ также никакой идеалъ?» Мусульманство, говоритъ Фадѣевъ, прокатилось по землѣ огненнымъ потокомъ и теперь еще производитъ страшные пожары въ мѣстахъ, куда оно проникаетъ вновѣ, чему примѣромъ служитъ Кавказъ. Могущество перваго взрыва мусульманства происходитъ именно отъ освященія дурныхъ сторонъ человѣческой природы—разнузданности страстей, звѣрства, фанатизма. Но «когда нравственный пожаръ кончится, отъ мусульманства остается только пепелъ, одна безплодная обрядность, общественный и умственный застой, апатія пьяницы съ похмѣлья. Въ три вѣка исламизмъ исчерпалъ до дна свое неглубокое содержаніе, и съ тѣхъ поръ застылъ, какъ трупъ». Кто видѣлъ и знаетъ, до какой степени нынѣшнимъ азіатцамъ чужды понятія объ отечествѣ, о всякомъ

общественномъ интересѣ, о первыхъ понятіяхъ гражданина, какъ мало ихъ трогаютъ отечественныя событія, тотъ ни на минуту, говоритъ авторъ, не усомнится, «что послѣдній часъ пробилъ для этихъ человѣческихъ скопищъ, лишенныхъ всякой внутренней связи». «Реформы въ Азіи, съ одной стороны, оттолкнули отъ власти массы, привели ихъ въ броженіе, создали мусульманское франмасонство, весьма похожее на мюридизмъ въ его началѣ, обвивавшее тайными ложами большую часть мусульманскаго міра; съ другой – создали оффиціальный классъ образованныхъ мусульманъ, которые вѣрятъ въ одни только деньги, кто бы ихъ ни давалъ. Что будетъ съ Азіей, разгадать еще этого нельзя; но въ такомъ видѣ, какъ теперь, она не можетъ существовать. Или въ ней совершится внутренній переворотъ, чего не видать и признака, или она сдѣлается добычей».

«Рѣшеніе спора христіанства съ исламизмомъ, покинутое Европою съ 14-го вѣка, съ того же времени, какъ бы свыше предоставлено одной Россіи и сдѣлалось, сознательно или безсознательно, ея народнымъ дѣломъ». По мнѣнію Фадѣева, «всѣ сочувствія и всѣ интересы Россіи, даже независимо ея воли, изъ вѣка въ вѣкъ, періодически ставятъ ее лицомъ къ лицу противъ всевозможныхъ видоизмѣненій этого вопроса». А такъ какъ дѣйствительная связь Россіи съ Азіей—на Кавказѣ, и такъ какъ кавказскій перешеекъ «вмѣстѣ и мостъ, переброшенный съ русскаго берега въ сердце азіатскаго материка и стѣна, которою заставлена средняя Азія отъ враждебнаго вліянія, и передовое укрѣпленіе, защищающее Черное и Каспійское моря», то занятіе этого края было первою государственною необходимостью.

«Шестьдесятъ лѣтъ продолжался штурмъ этой гигантской крѣпости; вся энергія стариннаго мусульманства, давно покинувшая азіатскій міръ, сосредоточилась на его предѣлѣ въ Кавказскихъ горахъ. Борьба была неистовая, пожертвованія страшныя. Россія не отставала и преодолѣла, зная, что великимъ народамъ, на пути къ назначенной имъ цѣли, полагаются и препятствія въ мѣру ихъ силы».

Этими словами Фадѣевъ объясняетъ роковую неизбѣжность того страшнаго кровопролитія, которымъ сопровождалось завоеваніе Кавказа. Оно разсказано Фадѣевымъ хотя и въ умышленно сжатомъ видѣ, но съ такимъ талантомъ и пересыпано

такимъ множествомъ глубокихъ мыслей и чисто художественныхъ картинъ и наблюденій, и все это образнымъ и необыкновенно точнымъ языкомъ, что «60 лѣтъ», будь оно даже единственнымъ его литературнымъ произведеніемъ, могло бы поставить имя Фадѣева на ряду съ первоклассными писателями.

Мы намѣренно подчеркиваемъ твердо установившійся взглядъ Фадѣева на мусульманскую культуру. Это одинъ изъ тѣхъ основныхъ его взглядовъ, которые имъ выработаны долгимъ изученіемъ и отъ которыхъ онъ никогда не отступалъ.

Какъ ни дѣятельна была жизнь Фадѣева во время кавказской его службы, онъ не только не терялъ способности быть глубокимъ мыслителемъ, но пользовался своей практической дѣятельностью, какъ матеріаломъ для установленія тѣхъ мѣткихъ выводовъ, общественныхъ и политическихъ, которыми впослѣдствіи переполнены всѣ его сочиненія. Читатель согласится съ нами, что нуженъ громадный талантъ, нужна природная способность пониманія народной психологіи, чтобы умѣть съ такой ясностью нарисовать внутреннюю духовную жизнь кавказскихъ горцевъ, выразившуюся въ мюридизмѣ. Военный бытъ и военное устройство изучены имъ были въ совершенствѣ на дѣлѣ, не потому только, что онъ былъ военнымъ дѣятелемъ. Военное устройство, свойства и особенности русской арміи и русскаго солдата онъ изучилъ какъ глубокій мыслитель и практическій политикъ, считая ихъ въ числѣ факторовъ для дальнѣйшихъ рѣшеній тѣхъ задачъ, которыя, по его мнѣнію, провидѣніе поставило передъ Россіей. Онъ глубоко вѣрилъ въ святость и возможность рѣшенія этихъ задачъ и потому изучалъ не одинъ, а всѣ факторы, могущіе способствовать великому рѣшенію. Поэтому, кромѣ военнаго вопроса, онъ давно изучалъ соціальное и политическое положеніе Россіи, обусловливающее ея силу и готовность взяться за роковыя задачи. Такой роковой задачей, какъ извѣстно, Фадѣевъ всегда считалъ славянскій вопросъ. Къ возможности его рѣшенія онъ пріурочивалъ всѣ прочія свои убѣжденія и помыслы. Это была идея, захватившая въ себя всю его нравственную природу. «Вся русская исторія, безъ всеславянской цѣли, теряетъ смыслъ», по словамъ Фадѣева.

Не останавливаясь на деталяхъ рѣшенія славянскаго вопроса, какъ его понималъ Фадѣевъ, главными средствами для этого рѣшенія онъ считалъ матеріальную и нравственную силу

самой Россіи. Разработка данныхъ, указывающихъ на возможность увеличить чисто военное могущество Россіи, составило предметъ отдѣльнаго сочиненія Фацѣева «Вооруженыя силы Россіи» и цѣлаго ряда полемическихъ и пояснительныхъ статей по военному вопросу, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Какъ въ этихъ статьяхъ и сочиненіяхъ, такъ и въ позднѣйшихъ его трактатахъ, имѣвшихъ предметомъ соціальныя реформы Россіи, главнѣйшей мыслью былъ, если можно такъ выразиться, антибюрократизмъ Фадѣева. И нравственнаго и матеріальнаго возвеличенія Россіи онъ ожидалъ отъ освобожденія ея изъ-подъ бюрократической зависимости, освобожденія ея отъ тѣхъ оковъ, которыя, утвердившись въ ней, разростались непрерывно, исторически въ теченіе всего «воспитательнаго» періода нашего развитія и въ настоящее время служатъ главной помѣхой естественной прогрессивной жизни русскаго народа. Фадѣевъ, впрочемъ, не отрицалъ логичности и государственной пользы этого воспитательнаго періода новой русской исторіи, періода, начавшагося съ Петра Великаго. Этимъ его взгляды существенно отличались отъ славянофильскихъ. Но онъ считалъ этотъ періодъ законченнымъ и полагалъ, что приспѣла пора совершеннолѣтія русскаго народа. Исходящіе изъ послѣдняго положенія выводы и разсужденія вошли въ два отдѣльныя сочиненія Фадѣева, посвященныя вопросамъ внутренняго устройства Россіи: «Чѣмъ намъ быть», рядъ статей, собранныхъ въ изданіи 1874 года и «Письма о современномъ состояніи Россіи», изданныя въ 1880 году.

«Вооруженныя силы Россіи» — сочиненіе, написанное Фадѣевымъ главнымъ образомъ противъ системы округовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ плодъ самаго всесторонняго изученія русскаго военнаго дѣла. Военно-техническая и хозяйственная стороны дѣла разработаны въ примѣненіи къ нашей арміи наравнѣ съ нравственнымъ значеніемъ преданій и укоренившихся порядковъ и обычаевъ. Рядомъ съ этимъ Фадѣевъ говоритъ о такихъ порядкахъ, которые желательно бы было вкоренить въ будущемъ. Въ военной реформѣ онъ нашелъ обширное поле для примѣненія основательныхъ знаній, лично имъ провѣренныхъ долговременнымъ опытомъ боевой службы. Военные вопросы, поднятые и выясненные имъ, дали ему случай выказать всю тонкость своей наблюдатель-

ности и глубину пониманія современнаго положенія нашего отечества въ ряду прочихъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, государствъ Европы. Надо было ему каждую подробность военнаго дѣла не только лично изучить, но и «перестрадать», чтобы придти къ той непоколебимости убѣжденій и той ясности доводовъ, которые сдѣлали книгу Фадѣева одинаково драгоцѣнной какъ для теоретика, такъ и для человѣка, умудреннаго боевымъ опытомъ. Книга его пришлась не по вкусу лишь особой породѣ военныхъ (по мундиру) людей, не умѣющихъ себѣ представить такой русской арміи, въ которой бы не числилось на каждую тысячу строевыхъ офицеровъ человѣкъ семсотъ чиновниковъ, одѣтыхъ по военному, но распредѣленныхъ по многочисленнымъ канцеляріямъ военнаго вѣдомства. Во время изданія книги Фадѣева, такихъ нестроевыхъ чиновъ было около $11\frac{1}{2}$ тысячъ на 16 т. строевыхъ офицеровъ. Такое положеніе Фадѣевъ не считалъ желательнымъ и нормальнымъ. Если онъ вообще не былъ поклонникомъ бюрократизма, то въ военномъ дѣлѣ бумажное дѣлопроизводство, какъ бы оно не было стройно, плѣнять его не могло. Онъ смотрѣлъ на военное устройство съ единственной раціональной точки зрѣнія, какая можетъ быть приложима къ нему, то есть со стороны боевой готовности арміи. Низведеніе главныхъ начальниковъ войскъ на степень окружныхъ начальниковъ, подчиненныхъ военному министру, отмѣна главнаго штаба Его Величества и полное сосредоточеніе въ министерствѣ не только хозяйственной, но и строевой части—не могли не встрѣтить въ боевыхъ начальникахъ убѣжденныхъ оппонентовъ новой системы. Поэтому многіе военные авторитеты, писали Фадѣеву въ смыслѣ полнаго согласія съ его мнѣніями. Изъ настоящихъ боевыхъ генераловъ, дѣлавшихъ оцѣнку трудовъ Фадѣева, нельзя не остановиться на такихъ именахъ, какъ А. Н. Лидерсъ *), П. Е. Коцебу, А. Е. Врангель, Н. И. Евдокимовъ, А.

*) Изъ письма генерала А. Н. Лидерса приводимъ слѣдующія слова.

«Какъ старый солдатъ, прошедшій черезъ школы ротнаго, батальоннаго и полковаго командировъ, прослужившій большую часть военнаго поприща въ арміи, я съ особеннымъ вниманіемъ и, могу сказать, съ живымъ удовольствіемъ прочелъ ваше сочиненіе «Вооруженныя силы Россіи». Подъ впечатлѣніемъ этого чтенія, я не могъ отказать себѣ въ желаніи принести вамъ мое поздравленіе и выраженіе полнаго сочувствія моего къ столь живому и основательному взгляду на будущность русской арміи, съ которой, въ теченіе шестидесяти четырехъ лѣтъ службы, я столь тѣсно сроднился. Единое мое желаніе

П. Ермоловъ, Д. И. Скобелевъ, Д. И. Романовскій. Извѣстное сочувствіе къ мнѣніямъ Фадѣева фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго имѣло значеніе для него не только какъ поддержка высокопоставленнаго лица въ борьбѣ за спорное дѣло, но и какъ указаніе сильнаго авторитета въ военномъ дѣлѣ, какимъ его нельзя не признать въ дѣйствительности.

Слѣдуетъ указать еще на одну особенность всѣхъ статей Фадѣева о военномъ вопросѣ. Ни въ одной изъ нихъ онъ ни однимъ словомъ не впадаетъ въ непригдядный тонъ, усвоенный большинствомъ пишущихъ у насъ о государственныхъ и политическихъ дѣлахъ. Мы говоримъ о манерѣ сбиваться на разглагольствованія о своемъ личномъ патріотизмѣ. По прочтеніи сочиненій Фадѣева, читателю ясно, какимъ сильнымъ чувствомъ любви къ родинѣ билось его сердце и какъ онъ вѣрилъ въ высокое призваніе своего народа. Онъ, однако, объ этомъ предметѣ спеціальныхъ разговоровъ никогда не велъ. Вѣроятно, именно эта черта его писательскаго стиля дала поводъ нѣкоторымъ изъ его рецензентовъ сказать о статьяхъ нашего автора слѣдующія, знаменательныя для будущаго изслѣдователя современной нравственности, слова:

«Отъ этихъ статей отдаетъ чѣмъ-то неподходящимъ подъ русскую натуру, чѣмъ-то желчнымъ и недружелюбнымъ... и совсѣмъ какъ бы не въ русскомъ духѣ».

Приводя эти слова въ одной изъ своихъ полемическихъ статей—Фадѣевъ оставляетъ ихъ безъ всякаго отвѣта.

состоитъ въ томъ, чтобы я могъ дожить до того утѣшительнаго времени, когда столь полезное преобразованіе осуществится».

А вотъ отзывъ извѣстнаго кавказскаго полководца генерала Н. И. Евдокимова.

«Вамъ давно уже извѣстно, что я встрѣтилъ сочиненіе ваше съ тѣмъ искреннимъ сочувствіемъ, какое присуще каждому русскому, любящему свое отечество. Я встрѣтилъ его съ убѣжденіемъ въ его достоинствѣ и потому, что оно было первое, обратившее общественное вниманіе на несовершенство въ устройствѣ, на несоразмѣрность нашихъ военныхъ силъ съ современною потребностью и на способъ устраненія этихъ важныхъ недостатковъ. Пусть знатоки дѣла исправятъ погрѣшности вашего труда, если ихъ найдутъ, пусть они найдутъ иной, лучшій способъ осуществить поднятый вами вопросъ, это не можетъ уменьшить достоинства вашей мысли, выразившейся въ этомъ трудѣ, и я искренно желаю ей полнаго успѣха.

«За исключеніемъ нѣкоторыхъ мелочей, не вліяющихъ на сущность, я находилъ во всемъ остальномъ ту истину, которая могла выработаться только боевою практикою».

Необходимость военныхъ реформъ въ Россіи стала неизбѣжною съ момента уничтоженія крѣпостнаго права. Долгосрочная, на практикѣ почти пожизненная, служба сданныхъ въ солдаты крѣпостныхъ не могла примѣняться къ освобожденному народу. Отсюда оставался одинъ шагъ къ всеобщей воинской повинности. Въ новой системѣ комплектованія войскъ получилась возможность дальнѣйшихъ усовершенствованій, которыя, по мнѣнію Фадѣева, въ такомъ только случаѣ могутъ привести къ наилучшему результату, если они будутъ наиболѣе принаровлены къ особеннымъ условіямъ, характеру и потребностямъ страны.Все это подробно изложено въ «Вооруженныхъ силахъ» и рядѣ другихъ статей Фадѣева по военному вопросу.

Онъ показываетъ какъ на ладони, чѣмъ и въ какой мѣрѣ слѣдуетъ пользоваться, чтобы довести армію до наибольшей численности и наибольшей готовности. Само собою разумѣется, что лучшіе судьи въ этомъ трудѣ Фадѣева военные люди; но, какъ читатель видитъ изъ только что приведеннаго отзыва, ни одна профессія не гарантируетъ поголовную добросовѣстность принадлежащихъ къ ней людей. Фадѣеву приходилось встрѣчаться въ печати и съ такими критиками, которые приписывали ему скорбь объ уничтоженіи въ войскахъ шпицрутеновъ. Одинъ изъ оппонентовъ Фадѣева говоритъ: «кто изъ русскихъ не возмутится такимъ явнымъ дикимъ протестомъ противъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній, вызванной реформами, обезсмертившими нынѣшнее царствованіе?»

Между тѣмъ въ сочиненіи Фадѣева даже слово наказаніе было произнесено только одинъ разъ, и вотъ въ какомъ смыслѣ:

«Съ тѣхъ поръ (съ 19 февраля) многое измѣнилось:—крѣпостное состояніе уничтожено не только въ земствѣ, но и въ войскѣ, и народъ это знаетъ; рекрутъ не возятъ больше въ колодкахъ и не клеймятъ бритьемъ головы; срокъ службы уменьшенъ, т ѣ л е с н о е н а к а з а н і е о т м ѣ н е н о... совсѣмъ новымъ духомъ повѣяло на нашу армію».

Все содержаніе книги Фадѣева не допускаетъ никакого сомнѣнія въ образѣ мыслей автора и, однако, это не помѣшало усерднымъ заказнымъ критикамъ прибѣгать къ извѣтамъ и «ложнымъ показаніямъ», къ стыду нашему уже въ то время вошедшимъ въ обычай на страницахъ русской письменности. Были и такіе критики, которые, вступая въ полемику

съ серьезнымъ мыслителемъ, за которымъ по всему Кавказу была упрочена репутація человѣка, неумѣвшаго грубо говорить ни съ кѣмъ, даже съ солдатами дореформеннаго времени, огорошивали его развязными выходками въ родѣ того, что, напр., «Фадѣевъ, какъ гоголевскій почтмейстеръ, дошелъ до того, что, наконецъ, долженъ былъ хлопнуть себя по лбу» и проч.

И только разъ, по адресу послѣдняго оппонента, нашъ незлобивый авторъ, имѣя на то полное основаніе, отвѣтилъ лишь слѣдующей шуткой:

«Если ужь рѣшиться разъ въ жизни и на минуту заговорить невозможнымъ языкомъ г. С. З., то можно сказать ему: у того же самого писателя вы найдете такія слова,—обращенныя къ нечистому игроку: не тратьте попусту зарядовъ, мы видимъ, что вамъ извѣстны тайны высшаго искусства».

Чтобы сколько нибудь объяснить непомѣрно злобное отношеніе къ Фадѣеву его оппонентовъ, писавшихъ въ оффиціальныхъ военныхъ журналахъ, надо только помнить основныя его антибюрократическія идеи, которыя онъ не уставалъ проводить всюду. По его глубокому убѣжденію, «въ гражданскомъ быту преслѣдованіе цѣлей канцелярскимъ порядкомъ мало способствуетъ развитію жизни; въ военномъ же быту оно противуположно дѣлу, какъ огонь водѣ». Если принять во вниманіе, что самыми рьяными оппонентами Фадѣева были именно изъ числа тѣхъ канцелярскихъ дѣльцовъ, по поводу которыхъ онъ не уставалъ повторять, что «между военною службой и ношеніемъ военнаго мундира, внѣ ея, нѣтъ ничего общаго», то станетъ понятно, почему эти люди не могли оставаться хладнокровными, когда Фадѣевъ убѣдительно доказывалъ ихъ ненужность. Не гнушаясь постыдными примѣрами, къ сожалѣнію, нерѣдкими въ текущей журналистикѣ послѣдняго тридцатилѣтія, вмѣсто спокойнаго обсужденія доводовъ критикуемаго ими писателя, они прибѣгали къ изношенному средству: полушопотомъ докладывали читателямъ о своихъ сомнѣніяхъ насчетъ побужденій и искренности русскихъ чувствъ автора. Фадѣевъ хотя и находилъ такое средство «негоднымъ» и полагалъ, что «оно уже брошено даже самыми грязными уличными листками», но онъ въ этомъ горько ошибался. Его оффиціальнымъ оппонентамъ несомнѣнно было съ руки, вмѣсто спокойнаго обсужденія предмета, то инсинуировать, то грубостью словъ прикрывать ребячество сужденій.

По существу самого дѣла оказалось, что ни одна изъ рекомендуемыхъ мѣръ Фадѣевымъ не могла быть опровергнута, и если еще не всѣ его идеи приняты въ руководство, то причинъ этому надо искать только въ правотѣ афоризма, приводимомъ Фадѣевымъ въ своемъ предисловіи къ военному вопросу, по которому «всякая новая мысль, брошенная въ умы, проходитъ черезъ три ступени развитія: сначала она чепуха, потомъ опасное дѣло, въ концѣ—всѣ ее знали и безъ автора».

Примѣромъ такого хода развитія въ области практической могутъ служить разныя детали изъ числа предложенныхъ Фадѣевымъ мѣръ. Нѣкоторыя изъ нихъ и до сихъ поръ находятся еще на первой стадіи усвоенія ихъ обществомъ, иныя на второй, а многіе успѣли уже стать общимъ мѣстомъ. Фадѣевъ указываетъ, между прочимъ, на странную судьбу одной изъ такихъ мѣръ, предлагаемыхъ имъ. Онъ придаетъ большое значеніе, въ видахъ усиленія духа товарищества въ полкахъ, чтобы каждая отдѣльная войсковая часть комплектовалась изъ отведеннаго для нея территоріальнаго участка. Это, говоритъ онъ, создало бы не только крѣпость преданій въ отдѣльной части, но и пріурочило бы къ этимъ полковымъ преданіямъ цѣлыя мѣстности. У насъ мысль о такомъ соединеніи земляковъ подъ одно знамя находится еще въ первой стадіи, между тѣмъ какъ напр. въ арміи австрійской, гдѣ такого рода комплектованіе полковъ становится даже раздѣленіемъ войскъ на различныя народности, она давно принята, и никакого неудобства отъ такой системы въ арміи не ощущается.

Въ борьбѣ съ системой военныхъ округовъ, какъ и въ отстаиваніи расширенія земскаго начала, Фадѣевъ видѣлъ передъ собой одну и ту же враждебную силу: канцелярскую безличную паутину, опутавшую у насъ всѣ благія стремленія, и даже самыя понятія, рутиной и формой. Онъ не вѣрилъ въ возможность устройства человѣческихъ обществъ «по бумажнымъ выкройкамъ», какъ не вѣрилъ ни въ пользу подражательныхъ хартій, ни въ прогрессъ житейскихъ формъ, выработанныхъ внѣ живаго опыта, внѣ мѣста и времени.

Опытомъ собственной жизни, пріобрѣтеннымъ въ горнилѣ человѣческой дѣятельности, Фадѣевъ пришелъ къ заключенію, что правильности отправленій какъ отдѣльныхъ частей государственной машины, такъ и общаго управленія, препятствуетъ

въ Россіи не въ мѣру разросшаяся канцелярщина. Печать признавала за его сочиненіями способность яркаго освѣщенія этой отрицательной стороны нашего устройства, но ему много разъ приходилось выслушивать упреки за слабое развитіе положительныхъ данныхъ въ его планахъ и проектахъ. Ему ставили въ вину, что, ставя хорошо діагнозъ больному, онъ колебался въ выборѣ для него извѣстныхъ лѣкарствъ. Далѣе мы приведемъ доказательства несправедливости предъявлявшихся къ Фадѣеву требованій. Кто хочетъ понимать, тотъ пойметъ эту несправедливость. Второе обвиненіе противъ Фадѣева исходило, преимущественно, изъ лагеря либераловъ, которые склонны были видѣть въ немъ подчасъ слѣпаго проповѣдника старины и застоя. Главною причиною послѣднихъ обвиненій было то, что Фадѣевъ совершенно отвергалъ примѣненіе всякихъ существующихъ въ западной Европѣ общественныхъ формъ къ Россіи. Отсюда многіе готовы были вывести заключеніе о Фадѣевѣ, какъ о человѣкѣ, отстаивавшемъ азіатскую окаменѣлость самыхъ формъ. Если читатель помнитъ тѣ мнѣнія Фадѣева объ азіатскомъ застоѣ, которые мы привели выше, то теперь кстати указать на сравненіе азіатскаго застоя съ русской жизнью, сдѣланное имъ: «При невыработанности нашихъ понятій, у насъ очень часто еще повторяется мнѣніе объ азіатствѣ московской, а стало быть и нынѣшней Руси, такъ какъ государственныя основанія ихъ тожественны; ученые люди недавно еще пытались выводить наши политическія формы изъ наслѣдства Золотой Орды». Для разъясненія такого взгляда, вліяющаго на сужденіе о русской современности, Фадѣевъ говоритъ:

«Верховная власть азіатская—не развивающее начало, а механическое объединеніе населеній, давно окаменѣвшихъ въ данной формѣ, утратившихъ способность измѣняться, чуждыхъ живыхъ нравственныхъ интересовъ и почти безъ исключенія лишенныхъ всякой народности, замѣненной у нихъ религіознымъ единствомъ». «Надъ мертвымъ обществомъ можетъ стоять только мертвая же, нерасчлененная, а оттого и безпредѣльная власть. Въ азіатскомъ застоѣ конецъ столѣтія ничѣмъ не отличается отъ его начала, общество остается тѣмъ же, чѣмъ и было, а если движется, то лишь вслѣдствіе механическихъ толчковъ, наносящихъ на него порою новые слои завоевателей; никакое новое царствованіе не вноситъ въ это общество но-

жизны и отличается отъ предшествовавшаго только личнымъ характеромъ царствующаго лица». По мнѣнію Фадѣева, отжившимъ міромъ, въ такой же степени какъ нынѣшній Китай и нынѣшнее мусульманство, былъ весь міръ классическій, отъ вѣка Антониновъ до взятія турками Константинополя. «Кто имѣетъ ясное понятіе о такихъ отжившихъ народахъ, кто видѣлъ ихъ своими глазами, тому нечего объяснять, что между ними и московскою, также какъ и нынѣшнею Русью нѣтъ и никогда не могло быть ничего общаго, кромѣ нѣсколькихъ наружныхъ формъ. Единственный образчикъ въ Россіи, могущій идти въ сравненіе съ Азіею, это—наши старообрядцы. Они считали и считаютъ своихъ предковъ безусловно умнѣе и ученѣе себя; чтили и чтутъ только внѣшнюю форму, утратившую свое первоначальное значеніе; полагаютъ въ ней всю святость; наслѣдственно выростаютъ въ этихъ понятіяхъ, а потому становятся неспособными къ оцѣнкѣ всякаго мнѣнія и дѣла внѣ формы, что не позволяетъ имъ ступить шагу впередъ. Надъ подобными окаменѣлыми обществами, очевидно, можетъ стоять только механическая власть, такая же старообрядческая, какъ они сами. Ничего подобнаго не бывало и не могло быть въ Россіи ни въ какомъ періодѣ ея исторіи. Россія всегда жила жизнью органическою». Вѣчная боязнь нарушить неподвижность общественныхъ формъ, вмѣсто всякихъ идеаловъ—самодовольство, освященное культомъ, эти главныя черты азіатскихъ обществъ, по мнѣнію Фадѣева, совершенно чужды даже прежней Россіи. «Ни въ одномъ изъ прожитыхъ нами столѣтій конецъ его не похожъ на начало. Конечно, задачи времени сочинялись не властью—такое сочиненіе нигдѣ на свѣтѣ не было ея дѣломъ; сознаніе ихъ проникало въ правительственный кругъ изъ постоянно растущаго и складывающагося общественнаго мнѣнія». «Починъ дѣйствія, претвореніе созрѣвавшихъ мнѣній въ бытовыя формы, всегда принадлежали у насъ исключительно верховной власти, безъ видимаго проявленія общественной самодѣятельности, потому что во власти, создавшей Россію, заключалась и заключается единственная самостоятельная сила нашей почвы, единственное орудіе дѣйствія. Но вслѣдствіе той же самой причины русская власть, неимѣющая никакихъ внутреннихъ соперниковъ, никогда не имѣла также никакихъ личныхъ интересовъ, кромѣ общенародныхъ. Она не только никогда не ста-

вила преградъ возникавшему напору мнѣнія, но, напротивъ, скорѣе упреждала его, переносила въ бытовую жизнь то, что требовалось небольшимъ, иногда даже увлекающимся меньшинствомъ развитаго слоя. Мы всегда жили какъ народъ и шли впередъ подъ управленіемъ власти, столько же, если еще не болѣе прогрессивной, чѣмъ мы сами».

«Мы принадлежимъ къ христіанской, постоянно развивающейся, незнающей покуда застоя, половинѣ человѣчества; мы народъ европейскій, прогрессивный въ своей сущности,—а прогрессъ состоитъ именно въ безпрерывномъ наростаніи мнѣнія и потребностей, періодически требующихъ обновленія общественныхъ формъ, сообразнаго ихъ росту. Такъ и происходило во все продолженіе нашей тысячелѣтней исторіи».

Далѣе, на вопросъ, что вынесли мы изъ этого тысячелѣтняго бытія? Фадѣевъ отвѣчаетъ: «государственное величіе, крѣпчайшій народный складъ, непоколебимую верховную власть, доброжелательство всѣхъ русскихъ сословій между собою и наше культурное петровское сословіе». Фадѣевъ находитъ, что «это—много, какъ руководящее начало и какъ матеріалъ, но недостаточно и несоотвѣтственно потребностямъ текущей эпохи», что, поэтому, «предстоящая намъ задача заключается, именно, въ сложеніи формъ, точно соотвѣтствующихъ нашимъ дѣйствительностямъ», такъ какъ «безформенное содержаніе нашего развитія, выростанія нашихъ мнѣній, и домашнихъ и заимствованныхъ, и образъ ихъ взаимодѣйствія между собою, съ верхомъ и съ низомъ, исчерпано уже до конца». Для того же, чтобы облечь въ форму, предугаданную исторіей, весь ходъ нашего развитія, Фадѣевъ еще въ 1874 году предлагалъ средство, названное имъ «расчлененіемъ общества по росту его слоевъ». Онъ говорилъ, что нашему сборному мнѣнію негдѣ выработаться, что оно выражается полусознательно и то лишь въ часы крайняго напряженія, что вело насъ постоянно или къ недовершенію, или къ перевершенію цѣлей, но никогда къ прямому ихъ достиженію; что созданное самимъ правительствомъ наше культурное общество, утопленное въ стихійной массѣ, совершенно лишено органовъ, слагающихъ и выражающихъ сборное мнѣніе современной Россіи, способныхъ вызывать сборную дѣятельность. «Для того, чтобы жить вполнѣ человѣческою жизнью, намъ приходится или ждать отдаленныхъ вѣковъ, когда все русское простонародье уподобится

населенію маленькаго швейцарскаго кантона, или же выдѣлить изъ него и сомкнуть вмѣстѣ слои, способные къ исторической жизни. А между тѣмъ, время бѣжитъ и намъ нѣкогда засиживаться въ своемъ безформенномъ состояніи». Поэтому, выдѣленіе и организація культурнаго слоя, какъ орудія русской мысли и дѣятельности, составляютъ, по мнѣнію Фадѣева, насущную задачу текущаго времени—задачу, безъ разрѣшенія которой мы не ступимъ шагу далѣе. Эта мысль и особенно доводы въ пользу необходимости ея осуществленія, какъ и подробное ея развитіе (главнымъ образомъ, усиленіе земскаго начала и постепеннаго передвиженія въ него бюрократическаго управленія), изложенныя въ книгѣ «Чѣмъ намъ быть», послужила поводомъ къ нападкамъ на Фадѣева съ трехъ сторонъ. Поборники развитія по западнымъ образцамъ не одобряли его, какъ рѣшительнаго противника парламентаризма и всякихъ конституціонныхъ договоровъ; монополисты народничества напали на Фадѣева за проектъ сближенія дворянства съ народомъ во всесословной волости и за доказательства, приводимыя имъ въ пользу необходимости облагородить нынѣшнихъ земскихъ дѣятелей; наконецъ, поборники полнаго застоя и чисто мусульманскаго самодовольства, отрицающіе самый фактъ прогрессивнаго движенія христіанскихъ обществъ, видѣли въ Фадѣевѣ просто недовольнаго человѣка, стремящагося вывести Россію изъ вѣковаго, сладкаго имъ, однообразія. Между тѣмъ, программа Фадѣева изложена была понятно, доводы его были ясны и убѣдительны. Воззрѣнія его основывались не на поклоненіи шаблонамъ съ либеральными ярлыками, не на доктринахъ, выработанныхъ внѣ времени и мѣста, а на знаніи потребностей цѣлой страны, на знаніи, для котораго онъ употребилъ всѣ свои громадныя умственныя способности.

По этому поводу нельзя не остановиться на нижеслѣдующихъ словахъ Фадѣева, сказанныхъ имъ въ другомъ мѣстѣ и совершенно по иному поводу. «Полное пониманіе современности принадлежитъ только умамъ первостепеннымъ, которыхъ мало на свѣтѣ; кругъ идей людей обыкновенныхъ, хоть и умныхъ, также какъ массы, опредѣляется не дѣйствительною современностью, а періодомъ, непосредственно ей предшествовавшимъ, который успѣлъ уже высказать, согласить свои понятія и пропитать ими общее мнѣніе. Если въ текущемъ періодѣ складывается что-нибудь новое и развивается быстро, очень

умные люди, все-таки, подступаютъ къ нему со старыми пріемами, покуда долгая неудача ихъ не забракуетъ, и постоянно отступаютъ отъ дѣйствительнаго положенія вещей». Для того, чтобы вѣрно изобразить общественное настроеніе и дѣйствительное положеніе, къ которому относится публицистическая дѣятельность Фадѣева, онъ исходилъ изъ той характеристической черты времени, которая признавалась безусловно всѣми бытописателями, современными Фадѣеву, какъ бы ни были различны и даже противуположны точки зрѣнія, съ которыхъ они наблюдали явленія русской современной жизни. Ни одинъ изъ нихъ, правда, не довелъ изображенія положенія до такой ясности и до такой простоты и стройности выводовъ, какая поражаетъ безпристрастнаго читателя сочиненій Фадѣева; но у всѣхъ у нихъ звучитъ одна согласная нота—общей неудовлетворительности. Объяснить это недовольство, какъ вполнѣ установленный и ни для кого въ отдѣльности не обидный фактъ, могъ, однако, только человѣкъ съ такимъ всестороннимъ знаніемъ условій русской общественной жизни, какъ Фадѣевъ. Съ этой точки зрѣнія «письма» его навсегда останутся краснорѣчивымъ памятникомъ патріотической рѣшимости человѣка, всегда ставившаго вопросы блага своей родины выше своихъ личныхъ интересовъ.

Объясненій и причинъ этого всеобщаго недовольства, какъ и «разброда» мысли и дѣятельности нынѣшней Россіи, Фадѣевъ ищетъ въ томъ, по его мнѣнію, несомнѣнномъ фактѣ, что, хотя мы едва вышли (но послѣ 19 февраля окончательно вышли) изъ періода, мѣтко имъ названнаго «воспитательнымъ», но уже чувствуемъ потребность приложить свои силы къ самостоятельной жизни. Самостоятельность же эта не можетъ осуществиться скоро, вслѣдствіе того же «разброда». Кажущаяся невозможность выхода изъ этого заколдованнаго круга дѣлается понятною, если обратиться къ указанію исторіи. Историческая справка о возникновеніи воспитательнаго періода, только что пережитаго нами и завершеннаго актомъ уничтоженія крѣпостнаго права, понадобилась Фадѣеву, чтобы напомнить о томъ, что со времени Петра Великаго, который не могъ обойтись безъ множества помощниковъ для осуществленія своихъ идей, служилое сословіе продолжало разростаться въ теченіе всего петербургскаго періода русской исторіи. «Время это положило конецъ прежней сословной замкнутости и вызвало изъ нѣдръ русскаго народа, безъ

различія званія и рожденія, всѣхъ, кто хотѣлъ слѣдовать за Петромъ къ поставленной имъ цѣли—стать русскимъ европейцемъ. Сообразно потребности эпохъ, приходившихъ на смѣну одна другой, верховная власть приняла у насъ въ отношеніяхъ къ народу новый оттѣнокъ—просвѣтительный, замѣнившій московскій оттѣнокъ военной диктатуры, но еще менѣе согласимый съ развитіемъ земскаго самоуправленія. Выборное начало, введенное Екатериной II въ губернское устройство, не опровергло, а, напротивъ, явно доказало эту несогласимость. Оно было лишь либеральною формальностью. Коронные чиновники продолжали управлять, земскіе дѣятели только помогали имъ по мѣрѣ своихъ силъ и способностей: выборные изъ дворянъ, безгласные, по неимѣнію на своей сторонѣ большинства, плыли по теченію времени и сами становились чиновниками или, по возможности, устранялись отъ дѣла; выборные отъ мѣщанъ топили печи въ присутствіи, выборные отъ крестьянъ мели дворъ.» Задача воспитательнаго періода состояла въ томъ· чтобы постепенно создать культурный слой, связный и отграниченный отъ массы, но открытый снизу всякой созрѣвающей личности,—слой, способный пользоваться политическими правами. «Съ этою отборной частью народа петербургская эпоха совершила всѣ свои начинанія, внутреннія и внѣшнія; она не могла только одного: дать созданному ею новому дворянству политическаго воспитанія, по несогласимости широкаго земскаго самоуправленія съ существеннымъ характеромъ воспитательнаго періода». Завершеніе задачи стояло впереди. Исполнимость его обусловливалась, по мнѣнію Фадѣева, логическимъ требованіемъ, чтобы временная просвѣтительная миссія сверху была признана законченною. Только теперь это стало возможно. «Московскому періоду некогда было тратить время на общественные вопросы, всѣ силы его были поглощены вопросомъ о бытіи Россіи», благодаря чему Россія одна изъ всѣхъ славянскихъ государствъ сохранила свою независимость и право на существованіе. Петербургскій періодъ былъ точно также занятъ другими задачами. «Въ полномъ значеніи слова, нисколько не играя выраженіями, должно сказать, что мы, русскіе, какъ нація, только вчера доросли до нравственной независимости, до такого состоянія, въ которомъ намъ не приходится уже жертвовать роковой необходимости драгоцѣннѣйшими условіями развитой

общественной жизни; только вчера мы выбрались на широкую дорогу». «Воспитательный періодъ только обучалъ русскихъ людей и не могъ допускать общественныхъ вопросовъ между школьниками. Власти этого вставнаго историческаго эпизода держались своего правила крѣпко, хотя едва ли вполнѣ сознательно, и въ сущности были правы». «Надѣлали бы мы дѣлъ, принимаясь вдругъ за самоуправленіе съ тѣми понятіями о Россіи, Западѣ и пригодныхъ намъ цѣляхъ, которыя обращались въ нашемъ обществѣ даже во времена Александра I»! восклицаетъ Фадѣевъ, который, съ одной стороны, какъ мы сказали выше, не вѣрилъ въ пригодность европейскихъ формъ для русской жизни, съ другой,—пришелъ однако къ убѣжденію, что далѣе правительству нельзя оставаться въ роли Провидѣнія. Эта роль вынужденно принята на себя великимъ преобразователемъ въ періодѣ, теперь уже пережившемъ свой срокъ и давно ставшемъ «причиною оцѣпененія общества, церкви и отдѣльно каждаго русскаго человѣка, какъ гражданина». Фадѣевъ приводитъ рядъ убѣдительныхъ доказательствъ, что назрѣлъ моментъ необходимости перенесенія значительной части опеки на земскія силы, моментъ, съ котораго слѣдуетъ возлагать надежды на постепенное ихъ развитіе. Отъ такого перенесенія центра тяжести государственной власти, эта послѣдняя, по мнѣнію Фадѣева, не только не умалилась бы, а, напротивъ, авторитетъ ея освѣжился бы обновленіемъ способовъ управленія.

Въ числѣ наглядныхъ доказательствъ того, что «порядки петровскаго воспитательнаго періода, выразившіеся въ бюрократической опекѣ, совсѣмъ истлѣли», Фадѣевъ приводитъ такіе факты, къ которымъ у насъ въ Россіи успѣли присмотрѣться и которыя никого не поражаютъ. У насъ, напримѣръ, давно уже дошло до того, что «каждый русскій человѣкъ, перерядившійся въ нѣмецкое платье, считаетъ своимъ неотъемлемымъ правомъ жить на казенный счетъ». Можетъ-ли быть сомнѣніе въ томъ‘ что «бюрократизмъ дошелъ явно до своего апогея», когда «всѣ грамотные и даже полуграмотные слои русскаго общества облечены уже въ казенный мундиръ» и когда, вслѣдствіе недостаточной еще у насъ глубины культурнаго слоя и непомѣрнаго, не имѣющаго нигдѣ подобія, распространенія казенной службы и опеки на все и на всѣхъ, внѣ наличнаго административнаго состава не остается почти ничего».

Если взглянуть на послѣднее изъ приведенныхъ положеній какъ на преувеличеніе представленія о полномъ подавленіи оффиціальной стороной государства всего народнаго разночинства, то нерѣшенный вопросъ будетъ состоять лишь въ степени этой подавленности, для которой статистика предлагаетъ только приблизительныя данныя. Знакомство съ общественнымъ нашимъ устройствомъ, однако, до сихъ поръ ни одного изслѣдователя этого устройства не приводило къ выводамъ, далекимъ отъ выводовъ Фадѣева. И славянофильская и либеральная, и quasi-либеральная печать, и даже само чиновничество согласно въ необходимости сократить бюрократію. Періодически возникавшія комиссіи для изысканія мѣръ къ сокращенію штатовъ доказываютъ, что и въ правительственныхъ сферахъ эта мысль давно уже сознавалась. Все дѣло въ степени этого сознанія. Фадѣевъ считалъ нашу бюрократическую машину дошедшею до такого осложненія, что она, наконецъ, стала угрожать устойчивости самого фундамента излишнимъ давленіемъ собственной своей тяжести.

Между тѣмъ, проекты упраздненія или, по крайней мѣрѣ, ограниченія бюрократическаго произвола посредствомъ передачи вообще земству значительной части дѣлъ управленія,—въ частности же всесословная волость и облагороженіе земскихъ силъ посредствомъ привлеченія высшихъ сословій къ интересамъ провинціи,—предлагаемые Фадѣевымъ, вызвали нападки на него въ органахъ самаго различнаго направленія. Такъ называемые народники, ратующіе не столько за народъ, сколько за свою монополію говорить о немъ, упрекали Фадѣева въ желаніи подчинить этотъ народъ дворянству и отвергали всѣ предлагаемые имъ практическіе способы сближенія культурныхъ классовъ съ народомъ, сближенія, о необходимости котораго они такъ много говорятъ сами. Либералы оспаривали необходимость организаціи высшаго сословія въ Россіи, придавая этому такой видъ, будто Фадѣевъ стоялъ за исключительную власть одного дворянства и сословную его обособленность. Какъ бы предвидя недоразумѣніе, Фадѣевъ въ своихъ сочиненіяхъ не одинъ разъ повторяетъ и поясняетъ свою мысль, по которой высшій правящій классъ въ Россіи никогда не только н е б ы л ъ, н о и н е д о л ж е н ъ б ы т ь замкнутымъ для прилива въ него лучшихъ силъ изъ нижнихъ слоевъ населенія.

Кромѣ того онъ не разъ повторяетъ свое убѣжденіе что

русскій народъ, по самому существу своему, народъ демократическій, всесословный. Но Фадѣевъ горячій защитникъ существованія культурнаго слоя огражденнаго связностью отъ непомѣрнаго наплыва въ него стихійныхъ элементовъ, наплыва, останавливающаго ростъ просвѣщенія и самосознанія въ странѣ, чему яркій примѣръ представила уже исторія нѣсколькихъ государствъ, въ томъ числѣ Франціи, послѣ первой революціи.

Не смотря на то, что Фадѣевъ считалъ свое отечество въ самой основѣ демократическимъ, признавая таковымъ весь ея историческій строй, онъ считалъ фальшивымъ «принципъ равенства на бумагѣ» и никогда не примирялся со вторженіемъ толпы не только въ политику и управленіе, но и прямо въ ряды культурнаго слоя. «Мы сдѣлали, говоритъ онъ, опытъ никому еще не удававшійся въ Европѣ и шедшій въ разрѣзъ всему содержанію нашей послѣпетровской исторіи; окунулись въ полную безсословность, растворили въ массѣ свое, еще недостаточно связное, культурное сословіе, требовавшее времени и самодѣятельности для того, чтобы встать на ноги и теперь вкушаемъ уже первые плоды начавшагося всеобщаго нравственнаго разброда». При дальнѣйшемъ ходѣ процесса растворенія культурнаго слоя, «намъ придется, говоритъ онъ, или дожидаться когда весь русскій народъ поголовно обратится въ отношеніи политической зрѣлости въ американскій (конечно. по вдохновенію свыше, потому что нынѣшнимъ путемъ мы не придемъ къ такому концу), или же оставаться на вѣки народомъ, способнымъ жить только подъ строгимъ полицейскимъ управленіемъ и наша будущность ограничится одною, постоянною перекройкою административныхъ учрежденій». Фадѣевъ, какъ мы уже повторяли нѣсколько разъ, не проповѣдывалъ кастовой исключительности и даже, напротивъ, много разъ подчеркиваетъ выгоду того положенія русскаго дворянства, которое позволяетъ ему постоянно освѣжаться народными приливами въ его среду наиболѣе способныхъ элементовъ снизу. Онъ былъ человѣкомъ нашего вѣка, захваченный, какъ и большинство мыслящихъ людей нашего времени, лишь двумя умственными потоками: научнымъ и демократическимъ. Но, именно въ видахъ развитія того и другаго, онъ боялся несоразмѣрнаго разжиженія нашей непрочной культурности быстрымъ смѣшеніемъ ея съ стихійнымъ человѣчествомъ. Его возмущала вредная фальшь, вслѣдствіе которой, подъ предлогомъ демо-

кратическихъ тенденцій, бюрократизмъ разростался не только потому, что изъ всѣхъ низшихъ пластовъ выходятъ ежегодно въ свѣтъ тысячи молодыхъ, полуобразованныхъ людей, стучащихъ въ двери культурнаго общества, а главнымъ образомъ потому, что въ нашихъ общеобразовательныхъ заведѣніяхъ воспитываютъ исключительно кандидатовъ въ чиновники. Его возмущалъ фактъ, который пересталъ насъ удивлять потому только, что всѣ къ нему присмотрѣлись, а именно, что «если сына дьячка или мѣщанина начинаютъ чему-нибудь учить, то ужь навѣрно ихъ выучатъ надѣть виц-мундиръ и стать чиновникомъ». Ему не надо было принадлежать къ какой-либо исключительной доктринѣ, чтобы сказать, что «смута, губящая на нашихъ глазахъ народы, истекаетъ изъ одной причины—изъ прорыва культурнаго слоя стихійною массою, чуждой историческаго быта».

Въ сущности, Фадѣевъ даже не признавалъ у насъ сословій въ западно-европейскомъ смыслѣ и говорилъ, что у насъ поэтому и сословной борьбы нѣтъ и не будетъ. «Мы всѣ знаемъ про себя, что всесословный русскій народъ дѣлится, въ дѣйствительности, только на два сословія—на господъ и простолюдиновъ, т. е. на людей ставшихъ или, становящихся европейцами и на людей не выбившихся еще изъ стихійнаго быта». Въ другомъ мѣстѣ онъ опредѣляетъ это дѣленіе такъ: «два пласта русскихъ людей отличаются между собой не столько привилегіями, какъ тѣмъ кореннымъ отличіемъ, что они выражаютъ каждый различную эпоху исторіи:—высшій XIX вѣкъ, низшій IX вѣкъ нашей эры». «Въ серединѣ между ними, по мнѣнію Фадѣева, нѣтъ ничего, не мелькаетъ даже зародыша». Только съ теченіемъ времени верхній слой будетъ утолщаться, но во всякомъ случаѣ «о вопросахъ XIX вѣка могутъ судить только люди этого вѣка». Все дѣло въ томъ, что нашъ культурный слой, какъ сословіе, имѣетъ всѣ недостатки юноши, хорошо учившагося, но еще не понимающаго жизни. Онъ со дня рожденія еще не жилъ общественною жизнью и, призванный на сцену жизни вмѣстѣ съ другими сословіями, выступаетъ такимъ же новичкомъ какъ и они. Онъ будетъ вполнѣ годенъ для руководящей самобытной роли лишь тогда, когда за нимъ будетъ признана способность управлять своими собственными дѣлами. Мы ежедневно убѣждаемся въ томъ, что теперь для службы людей много. Для этого требуется лишь

личное развитіе отдѣльныхъ лицъ, каковыхъ «воспитательный» періодъ создалъ не мало. «Для собственнаго же дѣла нужны русскіе земскіе люди, давно исчезнувшіе на нашей почвѣ». Поэтому Фадѣевъ полагалъ, что новая эра русской жизни начнется съ того момента, когда изъ культурнаго слоя русскихъ людей возродится земская сила, то-есть «когда первоначальная мысль Петра Великаго, положившаго основаніе новому русскому дворянству, какъ связному сословію образованныхъ людей, доживетъ до своего практическаго приложенія».

Въ дѣлѣ русскаго общественнаго развитія Фадѣевъ не былъ поборникомъ громкихъ реформъ. Онъ исходилъ изъ того принципа, что для созданія чего бы то ни было существеннаго нуженъ матеріалъ, а такъ какъ въ данномъ случаѣ и матеріалъ долженъ былъ, по его мнѣнію, вырабатываться одновременно съ выборомъ плана, то самымъ важнымъ, по его мнѣнію, шагомъ было бы проявленіе рѣшимости власти открыто остановиться на сознанной ею пользѣ и практичности этого плана. Въ краткихъ словахъ, планъ постепеннаго, если не искорененія, то, по крайней мѣрѣ, ограниченія бюрократизма въ Россіи, долженъ состоять въ переходѣ внутренняго управленія въ руки земства. Дѣятелями земства, по мнѣнію автора, могли бы явиться всѣ слои населенія, принадлежащія къ культурному слою, ядромъ котораго весьма естественно явилось бы земельное дворянство. Отъ такого перемѣщенія узловъ управленія, въ культурномъ слоѣ развилась бы та связность, которой теперь въ немъ недостаетъ. Земскіе дѣятели, знакомые съ дѣйствительностью не по однимъ канцелярскимъ бумагамъ, стали бы вырабатывать изъ своей среды людей, способныхъ и къ общему руководительству по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. При этомъ не потребовалось бы ни малѣйшаго ограниченія правительственной власти. Ограниченіе это, по мнѣнію Фадѣева, и невозможно и нежелательно. Всѣ его доводы направлены лишь къ тому, чтобы убѣдить правительство признать воспитательный періодъ по отношенію къ русскому обществу законченнымъ и начать смотрѣть на него какъ на совершеннолѣтнее, вышедшее навсегда изъ-подъ школьной опеки.

Самая строгая справедливость требуетъ признать, что въ нападкахъ на Фадѣева, за его мотивировку необходимости развить связность культурнаго сословія и за его ратованіе въ

пользу увеличенія вліянія этого сословія на земскія дѣла, было много умышленнаго преувеличенія. Ему приписывали вожделенія того «революціоннаго консерватизма», о которомъ, съ легкой руки Самарина, и либеральная печать начала семидесятыхъ годовъ составила себѣ понятіе какъ о какой-то могучей партіи, стремящейся у насъ вырвать всѣ демократическія начала изъ реформъ прошлаго царствованія. Были, конечно, люди, смотрѣвшіе на положеніе дѣлъ въ Россіи и съ этой точки зрѣнія. Но рядомъ съ этой кликой безсмысленныхъ и совершенно безсильныхъ единомышленниковъ гоголевской Коробочки, мечтавшихъ о возможности возстановленія крѣпостнаго права, были и болѣе практическіе, сознательные защитники нескончаемой бюрократической опеки надъ всею совокупностью и надъ каждымъ частнымъ проявленіемъ экономической и нравственной жизни Россіи. Эти послѣдніе особенно готовы были обратиться къ самымъ крайнимъ средствамъ для поддержанія и продленія опеки. Но и о тѣхъ и о другихъ развѣ стоило говорить, когда ни общество, ни правительство не придавало имъ никакого значенія и очень мало обращало на нихъ вниманія. Казалось бы даже невѣроятнымъ, чтобы у кого-нибудь могло явиться предположеніе о принадлежности Фадѣева къ этимъ партіямъ. Онъ считалъ крѣпостное право «гнойнымъ наростомъ на русскомъ государственномъ организмѣ», который уже срѣзанъ. Онъ считалъ, что этотъ наростъ народилъ нравственное худосочіе и въ крѣпостныхъ и во владѣльцахъ, быть можетъ въ послѣднихъ еще въ большей степени, чѣмъ въ первыхъ. Тѣмъ не менѣе, съ уничтоженіемъ этого нароста, онъ имѣлъ смѣлость вѣрить въ постепенное облагороженіе и культурнаго и стихійнаго пластовъ русскаго народа. Для каждаго изъ нихъ онъ, однако, предлагалъ иныя мѣры облагороженія и соотвѣтственныя практическія средства къ естественному ходу ихъ развитія.

Въ дворянствѣ, созданномъ Петромъ ради необходимости въ служилыхъ людяхъ, Фадѣевъ видѣлъ сословіе обезличенное и не связанное общими интересами, благодаря тому, что оно едва вышло со школьной скамьи воспитательнаго періода нашей исторіи. Земскія дѣла, въ настоящемъ ихъ развитіи, могли бы создать для нихъ ту высшую школу, которой ему не доставало, чтобы пріобрѣсти сословную связность и отдѣлаться отъ безличности, порожденной вѣковымъ упражненіемъ

нѣсколькихъ поколѣній въ добыванiи чиновъ и въ умѣньи пристраиваться къ казенному пирогу.

Говоря о полемическихъ нападкахъ на Фадѣева и о навязываніи ему мнѣній чуждыхъ его убѣжденіямъ, мы должны еще разъ возвратиться въ область его военныхъ изслѣдованій, ко времени первыхъ его столкновеній съ литературными противниками. Замѣчательно, что между ними всегда находились такіе, которые обвиняли Фадѣева въ «отсталости» несмотря на то, что Фадѣевъ никогда не былъ и не могъ быть гонителемъ «развитія». Такимъ однако, съ легкой руки первыхъ его оппонентовъ (по военнымъ вопросамъ), старались его выставить легковѣсные поборники либеральныхъ ярлыковъ. Кажется мы не ошибемся если увидимъ въ этомъ всегдашнемъ исканіи «отсталости» одну изъ характерныхъ чертъ сомнительнаго либерализма того времени. Правда, Фадѣевъ не смѣшивалъ истинной свободы съ умственнымъ разбродомъ, а въ военномъ дѣлѣ проповѣдывалъ необходимость строгой дисциплины, которую и вездѣ предпочиталъ своеволію, но отъ этого, до отрицанія прогресса въ постепенномъ смягченіи формъ общежитія, далеко. Между тѣмъ, нашлись люди, воспользовавшіеся указаніями его по вопросу о воинской дисциплинѣ для того, чтобы выставить ихъ въ глазахъ читающей публики нетолько какъ протестъ противъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній, но и какъ доказательство принадлежности Фадѣева къ поборникамъ системы задавливанія всякаго прогресса.

Ради этихъ оппонентовъ Фадѣевъ вынужденъ былъ входить въ объясненіе такихъ вещей, которыя, казалось бы, могли быть извѣстны не только военнымъ спеціалистамъ, но всякому маломальски образованному человѣку. Онъ напомнилъ имъ, что постоянная армія, «составляетъ исключеніе въ просвѣщенномъ обществѣ и стоитъ на совсѣмъ другихъ основаніяхъ, чѣмъ духъ вѣка, и потому не можетъ быть подводима подъ взглядъ прогрессивныхъ журналовъ»; что она есть собраніе людей, оторванныхъ отъ общества, имѣющихъ призваніемъ обращать свое оружіе безъ разсужденія, куда прикажутъ. Онъ напомнилъ имъ, что съ этой цѣлью военные люди воспитываются въ такомъ духѣ и стоятъ особнякомъ посреди безоружныхъ гражданъ. «Для того, чтобы эта вооруженная сила была страшна врагамъ и безопасна для своихъ, нужно, говорилъ Фадѣевъ, чтобы она была глубоко дисциплинирована, то

есть, чтобы воля старшаго была высшимъ и непреложнымъ закономъ для младшаго,—что осуществляетъ царство произвола, а не закона, не то что въ гражданскомъ обществѣ,—и чего армія можетъ достигнуть не регламентомъ, а только вкорененною привычкой, не терпящей никакого исключенія». «Военные законы, по мнѣнію Фадѣева, писаны не для того, чтобы младшій ограждалъ ими свои права, а для того, чтобы старшій отвѣчалъ за соблюденіе ихъ передъ старѣйшимъ», поэтому «отстаиваніе своего права, основной законъ гражданскаго общества, не примѣнимъ къ войску. «Тамъ нѣтъ правъ, а есть только жалоба непосредственному начальнику». «Гражданское общество, далѣе говоритъ нашъ авторъ, въ своемъ развитіи стремится къ тому, чтобы у частнаго лица не только не было никакого начальника (потому что верховная власть есть выраженіе государственнаго права, а не начальство), но чтобы частное лицо пользовалось свободой идти наперекоръ всему обществу, вмѣстѣ взятому, пока изъ его дѣйствій не происходитъ вещественнаго зла».

Въ противуположность этому въ арміи «младшій о поступкахъ старшаго не разсуждаетъ». Если воинская дисциплина не приложима къ общественному устройству гражданскаго, то, съ другой стороны, постоянная армія не можетъ идти объ руку съ развитіемъ гражданскаго общества. Гражданскій прогрессъ можетъ лишь вліять на сознаніе лицъ, облеченныхъ властью, а не на сущность ея. Фадѣевъ говоритъ, что внутренній порядокъ арміи не сдвинулся на волосъ съ того основанія, на которомъ была поставлена первая постоянная армія—фаланга Филиппа Македонскаго и что эти основанія незначительно измѣняются отъ того, среди какого общества они существуютъ: самаго рабскаго или самаго свободнаго. Исторія представляетъ примѣры развращенія арміи и Фадѣевъ напоминаетъ, что если дисциплинированные янычары были страшною и полезною для Турціи силой, то, утративъ дисциплину, они стали и бѣгать и жечь Константинополь. «Не такъ легко, говоритъ Фадѣевъ, заставить идти на явный рискъ смерти, бодро и дружно, людей, большинство которыхъ не чувствуетъ къ тому никакого геройскаго влеченія, и не легко также удержать вооруженнаго и ожесточеннаго своимъ ремесломъ человѣка, отъ насилія надъ безоружнымъ». Послѣдствія же растлѣнія постоянныхъ армій

(додумавшихся до «правъ человѣка») вездѣ одни и тѣ же. Не трудно вызвать искреннія рукоплесканія либеральнаго студента, поставивъ на очную ставку начальника части съ его рядовымъ; студентъ будетъ видѣть тутъ торжество священныхъ «правъ человѣка». Но этому юношѣ можно объяснить въ пять минутъ, что сцена, радующая его, противна интересамъ каждаго—отъ старообрядца до нигилиста, что она станетъ со временемъ гасильникомъ всякаго права». «Не колоть глаза просвѣщенному обществу военною дисциплиной, несомнѣнно идущей въ разрѣзъ всякому просвѣщенію, можно только однимъ способомъ—если народный складъ и географическое положеніе позволяютъ—не держать арміи, какъ въ Американскихъ Штатахъ. Но держать армію и допустить въ нее «права человѣка»,—это значитъ создать такое положеніе, искорененіемъ котораго прославились Діоклетіанъ, Петръ Великій и Махмудъ II». Такъ какъ особенныя отношенія и понятія, существующія во всякой устроенной арміи, истекаютъ изъ дѣйствительности, отличной отъ обыкновенной общественной, но имѣющей свои непреложные законы, то, при невозможности изучить эту дѣйствительность со стороны, она остается непонятной для многочисленныхъ носителей военнаго мундира, незнакомыхъ съ дѣйствительной службой. Дѣйствительность военнаго міра, по словамъ Фадѣева, состоитъ изъ безчисленныхъ мелочей, общій итогъ которыхъ, тѣмъ не менѣе—годность арміи для боя и безопасность ея для общества или, напротивъ—негодность въ бою и государственная опасность. Необходимость вжиться въ эту дѣйствительность и невозможность понять ее со стороны Фадѣевъ доказывалъ убѣдительно.

Какъ мы выше сказали, относительно общественно-политическихъ интересовъ своего отечества, онъ признавалъ на первомъ планѣ законъ необходимости развитія. Застой, порождающій гніеніе общественныхъ организмовъ, не могъ быть идеаломъ человѣка, проповѣдывавшаго движеніе по пути къ разрѣшенію великой исторической задачи. Но онъ не могъ согласиться съ тѣми рабами либеральныхъ ярлыковъ, которые не умѣя отличить цѣли отъ средства, видѣли въ разныхъ словахъ, обозначавшихъ лишь направленіе пути къ общественнымъ улучшеніямъ того времени, не средства, а самую цѣль. Такими словами въ то время были, напримѣръ, выборное начало, равенство передъ закономъ, святость суда и проч.

Фадѣевъ былъ того мнѣнія, что всѣ эти прекрасныя слова не должны обозначать цѣли въ жизни народа и сами по себѣ вовсе не были святы, а обозначаютъ лишь одно изъ практикуемыхъ средствъ для удовлетворенія общественной потребности. Онъ полагалъ, что, напримѣръ, судъ въ данномъ ему устройствѣ годится только до тѣхъ поръ, пока онъ удовлетворяетъ этой потребности, а не противорѣчитъ ей. Онъ ставилъ на видъ, что выборное начало у насъ есть средство, не соотвѣтствующее многимъ инымъ отправленіямъ общественной жизни. Кромѣ того, онъ имѣлъ смѣлость утверждать, что значеніе слова «равенство», дѣйствительно только между такими гражданами, которыхъ самъ же законъ ставитъ въ равное положеніе, и что равенство на бумагѣ не есть равенство, а простая путаница понятій. За такія прегрѣшенія противъ фразернаго либерализма, и противъ «словъ фетишей», какъ и за мнѣніе о необходимости дисциплины въ арміи, нѣкоторые журналисты причислили Фадѣева, къ сонму «отставшихъ въ понятіяхъ». Нисколько не удивительно, что Фадѣевъ не былъ понятъ тою частью печати, которая, вмѣсто защиты правъ дѣйствительнаго лица, предавалась языческому поклоненію метафизическимъ терминамъ либеральныхъ отвлеченностей, поклоненію, уничтожившему въ ней практическую самостоятельность сужденія и обратившему ее въ крѣпостную нѣсколькихъ, лелѣемыхъ ею словъ.

Чтобы не сходить съ пути вѣрнаго пониманія идей Фадѣева, не надо забывать ни на минуту, что высшимъ критеріумомъ ихъ должна была служить историческая всеславянская будущность Россіи.

Для того, чтобы славянскій вопросъ рѣшился въ русскомъ смыслѣ, намъ нуженъ большой запасъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, помимо развитія собственно военнаго могущества. Намъ надо, чтобы мы могли внести въ славянскія земли не нисшую и даже не равную, а высшую культуру, сравнительно съ той, какая имъ уже присуща. Если покореніе средней Азіи идетъ такъ гладко и послѣдовательно, то именно благодаря вносимой въ страну высшей гражданственности, которая лично каждому жителю представляетъ не только новыя удобства жизни, но и расширяетъ его кругозоръ. Славяне не могутъ понизиться въ своей культурѣ до жи-

7*

телей Мерва и потому все будетъ зависѣть отъ нашего культурнаго повышенія, что при даровитости русскаго народа, въ которую такъ вѣрилъ Фадѣевъ, и съ уничтоженіемъ слѣдовъ крѣпостнаго права, а затѣмъ и давящаго внутреннее развитіе бюрократизма, неминуемо наступитъ въ весьма скоромъ времени. Фадѣевъ не только признавалъ эту необходимость накопленія умственныхъ и нравственныхъ богатствъ для важнѣйшаго вліянія на родственные народы. Онъ горѣлъ желаніемъ, чтобы культурность эта явственно выразилась во внутренней жизни всего русскаго народа. Въ статьяхъ «Чѣмъ намъ быть» и въ его «Письмахъ о современномъ состояніи Россіи», бьющая живымъ ключемъ, страстная любовь къ родинѣ и увлекательная вѣра въ величіе ея предназначеній ни на шагъ не сбиваетъ его съ практическаго пути. Въ предлагаемыхъ имъ мѣрахъ и въ поясненіяхъ къ нимъ видна нѣжная и безкорыстная предусмотрительность руководителя, пришедшаго къ своимъ выводамъ годами, пережитыми въ опытѣ, изученіи и размышленіи.

Для человѣка наблюдательнаго, одареннаго развитой впечатлительностью, для мыслителя, искусившагося въ выработкѣ высшихъ общественныхъ идеаловъ, русская жизнь и все наше внутреннее устройство никакъ не могутъ казаться такими же, какими они представляются на взглядъ заурядныхъ людей. Фадѣевъ не могъ примириться съ тѣмъ нравственнымъ состояніемъ, которое онъ мѣтко охарактеризовалъ словами «безличье» и «разбродъ». «Общество наше подверглось участи кирпича, съ котораго снимутъ рамку прежде, чѣмъ цементъ, которымъ онъ связанъ, затвердѣетъ. Слѣдуя нынѣшнимъ путемъ, мы придемъ къ тому, что вся наша историческая культура разсыплется, утративъ всякую способность къ какому-либо сборному дѣлу, къ какому-либо умственному или практическому почину, утратитъ сознаніе о различіи между нравственно должнымъ и недолжнымъ, всякую мысль объ общемъ дѣлѣ, сохраняя почтеніе къ одной только истинѣ, къ практической истинѣ личныхъ интересовъ. Вѣнцомъ такого общества станетъ видимо выростающая у насъ еврейская биржевая аристократія».

Пока продолжался «воспитательный» періодъ, связность русскаго общества не составляла, повидимому, ни для кого никакой необходимости. Съ измѣненіемъ же стараго устрой-

ства эта связность и организація стали краеугольнымъ камнемъ возможности его нравственнаго и экономическаго роста. Безъ этой связности нельзя знать его мнѣнія и его потребностей. «Возможно-ли, говоритъ Фадѣевъ, взяться за устройство управленія, не зная, въ чемъ состоятъ условія и потребности даннаго народа? А кто же, какое мнѣніе могли бы указать у насъ, при возсозданіи общественнаго порядка, наши потребности?» Какъ ни спасителенъ фактъ существованія твердой власти, обезпечивающій наше настоящее и близкое будущее въ государственномъ смыслѣ, но, по мнѣнію Фадѣева, онъ «самъ по себѣ не предрѣшаетъ формъ общественнаго устройства, соотвѣтствующихъ нашему складу, росту и потребностямъ». «Правительство, продолжаетъ онъ, состоитъ не изъ волшебниковъ, которые могли бы знать то, чего не знаетъ самъ народъ; у насъ не существуетъ покуда никакого связнаго мнѣнія (возможнаго только при связности людей), въ которомъ выражалось бы хотя приблизительно направленіе большинства русскаго общества». Эти строки могутъ считаться лучшей характеристикой всего написаннаго имъ по вопросу объ общественномъ устройствѣ. Фадѣевъ находилъ, что всему русскому образованному обществу, быстро наростающему изъ всѣхъ классовъ народа, слѣдовало бы сплотиться вокругъ готоваго культурнаго ядра, какимъ онъ считалъ и рекомендовалъ многочисленное русское дворянство. Для того, чтобы возвысить значеніе наслѣдственно-культурнаго слоя и предоставить ему реальное вліяніе на жизнь, Фадѣевъ полагалъ полезнымъ расширить роль дворянства (цензоваго) въ мѣстномъ управленіи, сдѣлать земство учрежденіемъ вполнѣ государственнымъ и проч. Желая воспользоваться дворянствомъ какъ готовымъ ядромъ для сплоченія общества, Фадѣевъ вовсе не думалъ создавать изъ него какую-либо олигархію или аристократію, и тѣмъ менѣе дѣлать изъ русскаго дворянства замкнутое сословіе. Напротивъ, онъ его отожествляетъ съ цѣлымъ культурнымъ слоемъ, въ который имѣетъ свободный доступъ все выдающееся изъ низшихъ слоевъ. Согласно всему ходу русской исторіи, Фадѣевъ желалъ только, чтобы этотъ культурный слой образовывался, по его выраженію, «на дворянской закваскѣ». Понятно, что для того, чтобы въ этихъ идеяхъ Фадѣева видѣть, такъ называемыя «аристократическія затѣи крупнаго землевладѣнія» нужно было умышленное запутываніе понятій.

Онъ говоритъ: «Аристократическое общество не сочиняется. Гдѣ оно есть,—его сложила исторія. У насъ нѣтъ для него и матеріаловъ». Онъ доказываетъ только, что «наша исторія опредѣлила намъ быть монархіей народной и земскою, изъ чего, однакоже, вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы должны были оставаться обществомъ не организованнымъ». Несмотря на такое категорическое отрицаніе Фадѣевымъ возможности у насъ аристократическаго устройства общества, оппоненты его находили возможнымъ печатно говорить о немъ какъ о проповѣдникѣ аристократическо-дворянскихъ вожделѣній. Такимъ его выставляли не только принадлежавшіе къ тогдашнему лагерю «временныхъ» либераловъ и монополистовъ народничества, но и люди, исправлявшіе должности жрецовъ славянофильскихъ таинствъ.

Отношеніе послѣднихъ къ идеямъ Фадѣева очень вѣрно выяснено въ одной изъ біографическихъ статей, появившихся вслѣдъ за кончиной писателя. Считаемъ умѣстнымъ привести изъ нея слѣдующее:

«Совершенное различіе основной мысли Фадѣева отъ какихъ либо аристократическихъ затѣй проявилось, во-первыхъ, тѣмъ, что объ аристократіи, то-есть о какой-либо группѣ, имѣющей выдѣлиться изъ дворянства своей знатностью, богатствомъ, и получить какое-либо особенное положеніе въ государствѣ, въ этой книгѣ нѣтъ и помину. Правда, онъ давалъ особое значеніе дворянскому землевладѣнію, но не потому, что видѣлъ дворянство только въ землевладѣніи, а потому, что дворянское землевладѣніе представлялось ему, какъ связь наслѣдственно-культурнаго русскаго сословія съ землею и какъ средство для того, чтобы поднять роль этого культурнаго сословія въ странѣ, образовать изъ него ядро, вокругъ котораго наростали бы сплоченное русское общественное мнѣніе и рѣшительно-преобладающая въ мѣстномъ управленіи общественная дѣятельность.

«Въ книгѣ «Чѣмъ намъ быть» Фадѣевъ, панславистъ, какъ его называли за границей, діаметрально расходился съ славянофилами. Идеалъ славянофиловъ въ «мужичкѣ» вовсе не потому, чтобы они были такіе ужасные радикалы, а скорѣе наоборотъ, именно потому, что они самые неподвижные столпы консерватизма, и притомъ мистическаго. Идеалъ ихъ въ «народѣ» не потому, чтобы они искали этого идеала, вопрошали

о немъ народъ, но потому, что они видятъ въ народѣ хранителя старыхъ преданій, считаютъ, что слово народное имъ давно извѣстно и что слово это есть—застой. Отсюда происходитъ, что, являясь въ теоріи демократами, славянофилы, какъ только дѣло коснется вопроса практическаго, вопроса, что дѣлать сейчасъ, тотчасъ становятся противъ всякаго развитія. Роль славянофиловъ до освобожденія крестьянъ была полезная и почетная, но это была единственная и послѣдняя заслуга, на какую они были способны. Изъ всѣхъ дѣлъ прогрессивныхъ, изъ всякой службы на пользу русскаго развитія только одно это дѣло и могло привлекать ихъ къ себѣ, найти въ нихъ признаніе и сочувствіе».

Хотя, какъ извѣстно, крѣпостничество въ Руси до-петровской нисколько не претитъ славянофиламъ, считавшимъ то время идеальнымъ, тѣмъ не менѣе крѣпостничество петербургскаго періода славянофиламъ было ненавистно, какъ и всѣмъ мыслившимъ русскимъ людямъ. Но эта ненависть основывалась не на общечеловѣческомъ признаніи необходимости равноправія крестьянъ, а на томъ лишь сопоставленіи, что народъ — хранитель старыхъ преданій — находился въ зависимости отъ «оторванной отъ почвы», объевропившейся интеллигенціи». Совершенно забывая о томъ, какъ мало дворянство даже и петербургскаго періода было оторвано отъ почвы періода московскаго, на которой выросли и приказничество и самое крѣпостничество, славянофилы придавали значеніе освобожденію народа не столько по причинѣ пріобрѣтенія имъ правъ, сколько потому, что имъ нравилось уменьшеніе вліянія «зараженнаго чужеземщиною» дворянства. Славянофиламъ нравилось и это послѣдствіе мѣры и самое ея свойство. Понятная вещь, что освобожденіе могло быть рѣшено только свыше. Сами же славянофилы, помѣщики, при всей своей любви къ народу, не показали примѣра, чтобы освобожденіе крестьянъ могло совершиться какимъ-либо инымъ путемъ, по ихъ собственной иниціативѣ. И вотъ, на этомъ послѣдствіи и на этомъ свойствѣ великой мѣры освобожденія славянофилы такъ и застряли навсегда. Ихъ дѣятели, покойные Самаринъ и кн. Черкасскій, не представляли собой никакой иной практической программы, какъ улучшеніе быта народа посредствомъ исключительно административныхъ средствъ. Губернаторскій чиновникъ Самаринъ, агитирующій въ смыслѣ распространенія пра-

вославія среди эстовъ и латышей, составляетъ послѣднее слово практическаго славянофильства. Князь Черкасскій въ Польшѣ и въ Болгаріи представлялъ тоже самое слово, только въ болѣе рѣзкой формѣ, что зависѣло отъ большей авторитетности его оффиціальнаго положенія. Если перейдемъ отъ практическихъ дѣятелей славянофильства къ опредѣленію основной мысли и теоретической программы служителей слова этой партіи, то найдемъ характерный фактъ, что, напр., всѣ усилія покойнаго И. С. Аксакова, всѣ его статьи, иногда краснорѣчивыя и несмотря на ихъ пространность, производятъ впечатлѣніе только усерднаго желанія договориться, наконецъ, до чего-нибудь опредѣленнаго, объятнаго. И однако, дальше нареканій на «отвратительную», «испорченную» русскую интеллигенцію онъ никакъ не могъ пойти и совершенно напрасно показывалъ видъ, будто ему самому сколько-нибудь понятно то таинственное слово, которымъ онъ разъ, два обмолвился, такъ какъ слово это—форма безъ всякаго содержанія».

«Въ результатѣ выходитъ, что послѣ того какъ освобожденіе крестьянъ уже совершилось, никакой практической программы у славянофиловъ и не было, кромѣ той, какая завѣщана самымъ свойствомъ освобожденія: улучшеніе быта народа и возстановленіе въ немъ старинныхъ идеаловъ, подъ руководствомъ администраціи и при содѣйствіи духовенства,—такая программа ничуть не отличается отъ чисто бюрократической, хотя и прикрыта мудреными словами, которыя, именно, и составляютъ фальшь и вредъ, вносимые славянофильствомъ въ нашу умственную жизнь. Вотъ почему для насъ всегда звучатъ ироніей всѣ выходки славянофиловъ противъ «чиновничества», «чиновничьяго Петербурга» и т. д., точно будто они не знаютъ, что настоящая, реальная цѣль ихъ самихъ есть, именно, «приказъ».

«Взгляды панслависта Фадѣева въ этомъ отношеніи были какъ разъ діаметрально противоположны взглядамъ славянофиловъ, и сдѣланное отступленіе требовалось для того, чтобы ex contrario опредѣлить точку зрѣнія этого писателя. Онъ всѣ свои надежды возлагалъ на ту интеллигенцію, на образованное русское общество, котораго призваніе въ русской жизни славянофилы отрицаютъ въ корнѣ. Различіе касалось всего. Они—мистики, онъ былъ политикъ; они—туманные теоретики, онъ былъ практическій публицистъ».

«Немудрено, поэтому, что покойный Самаринъ выступилъ противъ книги «Чѣмъ намъ быть» съ цѣлымъ трактатомъ, въ которомъ высказывался не столько противъ подозрѣваемой въ этой книгѣ идеи «аристократизма», сколько противъ чего-либо смѣющаго, работая самостоятельно, хотя и въ пользу народа, стоять между массою и бюрократіей».

Вотъ почему книга «Чѣмъ намъ быть» Фадѣева была встрѣчена славянофилами совершенно также, какъ военныя его статьи тогдашней военной администраціей. Это таже ревность, которая проявлялась, напримѣръ, въ «Руси» каждый разъ, лишь только какой-нибудь органъ вздумаетъ выступить хотя съ самыми платоническими пожеланіями дворянству. Еще такъ недавно эта газета выступала съ анафемой на интеллигенцію по поводу статей «Московскихъ Вѣдомостей», признававшихъ значеніе дворянства. И смѣло и безопасно.

О противникахъ Фадѣева изъ другихъ лагерей или журнальныхъ партій мы не будемъ распространяться. Мы остановились на славянофилахъ только потому, что изъ всѣхъ нашихъ литературно-политическихъ партій о славянофильской Фадѣевъ говоритъ съ наибольшимъ сочувствіемъ, исходя, впрочемъ, изъ того мнѣнія, что «о школѣ славянофиловъ можно говорить уже въ прошломъ; она отжила свое время и высказала все, что имѣла сказать».

По адресу русскаго либерализма читатель найдетъ немало мѣткихъ и подчасъ жесткихъ оцѣнокъ. Въ отношеніи либеральныхъ понятій, между Европой и нами, по мнѣнію Фадѣева, существуетъ глубокая разница: «Европа выстрадала послѣдствія своихъ увлеченій и научилась жестокимъ опытомъ отличать слова отъ дѣла; по крайней мѣрѣ культурные слои ея научились этому искусству». Нашъ же либерализмъ преимущественно фразерный, а «фразерный либерализмъ, говоритъ нашъ авторъ, враждебенъ либерализму дѣла, какъ вода огню».

Минуя нѣсколько остроумныхъ страницъ, посвященныхъ нашимъ нигилистамъ и крайнимъ, въ которыхъ, иногда нѣсколькими удачными штрихами, Фадѣевъ переноситъ таинство политическихъ новѣйшихъ ученій на обыкновенную литературную арену, мы точно также не будемъ останавливаться на превосходномъ, хотя сжатомъ, очеркѣ настоящаго состоянія нашей господствующей церкви и ея потребностей («Письма о совр. состояніи Россіи»). Въ общемъ итогѣ мы видимъ, что

Фадѣевъ весьма небольшое мѣсто отводилъ ученіямъ вообще всѣхъ нашихъ партій и находилъ ихъ ходячія мнѣнія крайне невыработанными, не серьезными и со всѣми признаками случайности, что соотвѣтствовало его выводамъ о полномъ разбродѣ и общественномъ безличіи. Между тѣмъ пора односторонних вопросовъ воспитательнаго періода, видныхъ лучше сверху чѣмъ снизу, уже миновала и въ мнѣніи общества, слѣдовательно, явилась крайняя необходимость. Для того, что бы оно могло выдти на свѣтъ Божій, нужна прежде всего связность его, и вотъ эту связность Фадѣевъ проповѣдывалъ не только на томъ основаніи, что «правительство состоитъ не изъ волшебниковъ, знающихъ народныя нужды лучше, чѣмъ ихъ знаетъ самъ народъ и его культурное сословіе», но и ради «возрожденія въ обществѣ довѣрія къ самому себѣ».

Исходя изъ положенія, достойнаго глубокаго мыслителя, по которому въ духовной природѣ, въ исторіи, также какъ въ природѣ вещественной, великія и прочныя послѣдствія истекаютъ по большей части не изъ шумныхъ переворотовъ, а изъ постоянно дѣйствующихъ, мелкихъ съ виду, причинъ, направляющихъ общее развитіе будущаго въ ту, а не другую сторону, Фадѣевъ полагаетъ, что «переходъ изъ нынѣшней русской безформенности къ благонадежной общественной организаціи, соотвѣтствующей нашему коренному складу, не требуетъ никакой громкой передѣлки установленнаго порядка, никакого перелома въ коренныхъ законахъ, ничего, похожаго на великое обновленіе шестидесятыхъ годовъ». Итогъ нѣсколькихъ дополненій къ дѣйствующимъ постановленіямъ дастъ, по мнѣнію Фадѣева, иное направленіе нашему будущему. «Онъ замѣнитъ нынѣшнюю безформенность (слово, равнозначущее хаосу) разумно устроеннымъ обществомъ. Въ срокъ одного поколѣнія на мѣсто нынѣшней, безсознательной, нравственно-безсильной Россіи станетъ Россія сознательная, способная выработать присущія ей духовныя силы въ опредѣленные образы». Другими словами, явятся идеалы общественные и политическіе, которымъ предстоитъ регулировать поступательный ходъ къ историческимъ цѣлямъ, предназначеннымъ Россіи провидѣніемъ.

Отсюда прямой переходъ къ Фадѣеву, какъ писателю общеславянскому, или, вѣрнѣе, какъ искреннему проповѣднику панславизма.

Симпатіи славянскаго міра къ Россіи несомнѣнны и естественны; но всякій русскій впадетъ въ глубокое заблужденіе, если будетъ относиться къ этимъ симпатіямъ лишь съ точки зрѣнія обязательности ея для славянъ. Для нравственныхъ сторонъ народной жизни, для массовыхъ чувствъ существуютъ свои законы, какъ и для матеріальнаго развитія. Фадѣевъ былъ убѣжденъ въ томъ, что истинныя симпатіи славянъ къ Россіи могутъ усилиться лишь съ нравственнымъ совершенствованіемъ нашего собственнаго внутренняго быта. Поэтому то или иное улучшеніе во внутренней политикѣ управленія, по его мнѣнію, необходимо должно отозваться и на степени довѣрія къ намъ всего славянскаго міра. Патріотическимъ идеаломъ Фадѣева была Россія крѣпкая и неуязвимая не только вооруженными силами, но и стремленіемъ къ правдѣ, ибо безъ послѣдняго всѣ расчеты на чувства славянъ будутъ ошибочны. Какъ практическій мыслитель, Фадѣевъ былъ увѣренъ, что всякое внутреннее улучшеніе у насъ будетъ реализироваться и учитываться новымъ усиленіемъ успѣха въ нашей славянской политикѣ.

До настоящей минуты передъ всѣми славянами и передъ глазами цѣлаго свѣта стоитъ краснорѣчивый фактъ: «изъ столькихъ славянскихъ государствъ, бросившихъ не мало блеска во время своего процвѣтанія, уцѣлѣла одна только Россія; самое имя славянской породы спаслось въ ней одной, благодаря чутью народа, стоявшаго прежде всего и болѣе всего за цѣлость и независимость, умѣвшаго жертвовать государственному единству привольемъ послѣдовательныхъ поколѣній и сплотившагося около престола не только какъ народъ, но почти какъ войско, всегда готовое встать поголовно по его призыву. Только этою жертвою Россія откупилась отъ зарока насильственной смерти, наложеннаго, какъ проклятіе, на всѣ прочія славянскія племена. Намъ теперь легко судить на льготѣ, изъ-за ограды круповскихъ пушекъ, о московской эпохѣ; но ей некогда было тратить много времени на общественные вопросы: всѣ силы ея были поглощены вопросомъ о бытіи Россіи». Время показало, что инстинкты ея въ ту эпоху были вѣрнѣе чѣмъ у прочихъ славянскихъ государствъ. Теперь жизнь и участь всѣхъ славянскихъ народовъ зависитъ отъ дальнѣйшаго хода русской исторіи.

Фадѣевъ, кромѣ личнаго, дѣятельнаго участія во всемъ,

что касалось хода славянскаго вопроса, извѣстенъ въ славянскомъ мірѣ своей небольшой брошюрой, которая произвела своимъ появленіемъ сильное впечатлѣніе во всѣхъ славянскихъ земляхъ, особенно въ Чехіи, которой она наиболѣе касается. Заглавіе («Мнѣніе о Восточномъ вопросѣ») было бы болѣе соотвѣтственно ея содержанію, если бы она была откровенно названа программой рѣшенія всеславянскаго дѣла, ибо въ этой брошюрѣ, въ действительности, обсуждается, не болѣе не менѣе, какъ возможные способы и настоятельность этого рѣшенія.

Быть можетъ, въ моментъ выхода въ свѣтъ брошюры, болѣе откровенное ея названіе казалось неудобнымъ, но, надо отдать еще разъ справедливость практическому оппортунизму Фадѣева, брошюра выпущена имъ въ самое горячее время, когда славяне жаждали знать истинное настроеніе выдающихся русскихъ людей по вопросу, касавшемуся ихъ участи. Брошюра напечатана за нѣсколько лѣтъ до событій, оправдавшихъ всѣ высказанныя въ ней предположенія, подобно тому, какъ въ другомъ сочиненіи Фадѣева «Чѣмъ намъ быть» многое было предсказано по отношенію къ нашимъ внутреннимъ вопросамъ.

Въ программѣ Фадѣева, завѣщанной имъ славянству, если и согласиться, что она не заключаетъ въ себѣ новизны, во всякомъ случаѣ, впервые ясно высказано то, что у многихъ было на душѣ. Притомъ она основана исключительно на выводахъ исторической правды. Еще въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу Фадѣевъ указывалъ на коренное начало, по которому никакое политическое устройство нельзя основывать на лжи и на ту аксіому, что такъ какъ всякая узаконенная ложь есть величайшее бѣдствіе для народа, то для расчетовъ и обезпеченія будущаго слѣдуетъ признавать только дѣйствительныя, явныя силы обществъ, а не мнимыя. «Эти силы даются исторіей, а не сочиняются людскою волею». Представленія и фантазіи, исходящія изъ непосредственныхъ чувствъ, злыхъ или добрыхъ, одинаково въ этомъ случаѣ ведутъ къ ошибкамъ.

Поэтому естественно, что въ вопросѣ славянскомъ, для рѣшенія котораго онъ готовъ былъ положить душу, Фадѣевъ искалъ данныхъ, опирающихся только на реальныхъ фактахъ, стараясь ихъ представить безъ обычныхъ прикрасъ, не за-

крывая и не отворачивая глазъ при видѣ кажущихся и дѣйствительныхъ препятствій.

Перепечатывая въ 1873 году свою брошюру, появившуюся впервые въ 1869 году, Фадѣевъ говорилъ, что такъ какъ славянскій вопросъ развивался въ вѣкахъ, то четыре протекшіе года не могли оказать на него замѣтнаго вліянія, что рѣшеніе его зависитъ не отъ внѣшнихъ событій, а отъ степени зрѣлости его въ сознаніи русскаго племени. Теперь прошло 20 лѣтъ со времени перваго опубликованія его «Мнѣнія о восточномъ вопросѣ». Въ это время, достаточное для прироста цѣлаго новаго поколѣнія, многое измѣнилось на свѣтѣ, даже по отношенію къ славянскому вопросу, успѣвшему за этотъ срокъ потребовать много жертвъ, вызвать цѣлый рядъ кровопролитій и нѣсколько еще болѣе осложниться. Сущность же его осталась все таже. Попрежнему, громадная полоса земли «отъ Баваріи до Днѣпра и отъ устья Нѣмана до Босфора, кромѣ явнаго и достаточно уже сознаваемаго этнографическаго сродства,—ибо вся она, во всѣхъ своихъ подраздѣленіяхъ, жаждетъ инаго будущаго»,—продолжаетъ оставаться спорною, вплоть до рѣшенія славянскаго вопроса въ русскомъ смыслѣ. Мы говоримъ въ русскомъ смыслѣ, ибо всякое иное рѣшеніе не будетъ окончательнымъ удовлетвореніемъ историческаго требованія, которое теперь уже выяснилось съ достаточной опредѣленностью. Фадѣевъ говоритъ о возможности иныхъ рѣшеній, но только временныхъ и такихъ, которыя повлекутъ за собою хроническое состояніе смуты неизвѣстности и недовольства во всей спорной полосѣ, во всѣхъ сорока милліонахъ славянскихъ различныхъ племенъ.

Кромѣ возможности рѣшенія славянскаго вопроса въ чисто нѣмецкомъ смыслѣ, то-есть устраненія преградъ къ ускоренному онѣмеченію всѣхъ западныхъ славянъ, этотъ вопросъ представляетъ еще возможность, хотя очень слабую, еще другаго исхода—освобожденія и образованія славянскаго союза помимо Россіи. Фадѣевъ прямо говоритъ, что «такой исходъ оказался бы для насъ, русскихъ, еще хуже перваго. Рядомъ съ нами встала бы новая, исполинская, всеславянская Литва XIV вѣка, перенесенная въ XIX, съ магнитнымъ притяженіемъ для всего, что есть въ Россіи не великорусскаго».

«Многіе, говоритъ Фадѣевъ, найдутъ мою искренность неосторожною. Я не разъ слышалъ такіе упреки, но остаюсь

при убѣжденіи, что русскому слѣдуетъ говорить о дѣлахъ своего отечества такъ же ясно, какъ говорятъ о нихъ чужіе. Слово въ наше время есть оружіе, а безоружному съ вооруженнымъ нельзя бороться. Полагаю, что государства и народы, о которыхъ говорится въ моей брошюрѣ, совершенно равнодушны къ тому, что думаю я лично о восточномъ вопросѣ. Когда же мысль о всеславянствѣ станетъ государственною, она сверкнетъ въ глаза всѣмъ, какъ молнія; тутъ ужь не будетъ мѣста тайнѣ». Фадѣевъ высказываетъ убѣжденіе, что пока судьба спорной полосы, начинающейся Польшей и кончающейся Турціей, не рѣшится, Европа не выйдетъ изъ смутнаго состоянія, при которомъ не будетъ ни прочнаго мира, ни разоруженія; трудъ народный и развитіе знаній будутъ идти не на улучшеніе человѣческой участи, а на трату всякаго достоянія въ защиту отъ чаемой бури. Съ рѣшеніемъ же вопроса кончатся всѣ недоразумѣнія, не останется слѣдовъ никакому существенному недоразумѣнію между западною и восточною Европою. Напоминаемъ читателямъ, что брошюра Фадѣева написана въ 1869 году, а въ новомъ ея изданіи, черезъ четыре года, онъ просилъ своихъ читателей замѣнить въ ней только лишь слово Австрія словомъ Германія, и предоставлялъ имъ судить, настолько-ли наши международныя политическія обстоятельства измѣнились съ тѣхъ поръ, не смотря на громадныя войны, потрясшія съ тѣхъ поръ Европу, чтобы положенія его потеряли смыслъ и значеніе?.

Но развѣ и теперь, черезъ двадцать лѣтъ послѣ выхода брошюры Фадѣева, всѣ положенія его не сохранили своего значенія? Не по прежнему-ли «главныя международныя затрудненія Россіи по восточному вопросу, польскимъ дѣламъ и владѣнію проливами — спутаны въ клубокъ»? Не по прежнему-ли правъ Фадѣевъ, утверждавшій задолго до турецкой войны, что «восточный вопросъ неразрѣшимъ на Балканахъ, польскій вопросъ не распутывается въ Варшавѣ, вопросъ о Черномъ морѣ не кончается на Босфорѣ, и что всѣ эти затрудненія стянуты общимъ узломъ, лежащемъ на среднемъ Дунаѣ» или, согласно послѣдней поправкѣ Фадѣева, въ Берлинѣ?

Фадѣевъ, говоря о трудности задачи объединенія славянъ, не упускаетъ изъ виду того обстоятельства, что если противъ объединенія Италіи было только нѣмецкое племя,

противъ объединенія Германіи,—которое, надо ждать, пойдетъ по программѣ всѣмъ извѣстныхъ ненасытныхъ нѣмецкихъ притязаній,—будутъ многіе, то противъ историческаго развитія Россіи, грозящаго еще большею ломкою, стоитъ вся Европа. Только развѣ съ другаго берега океана смотрятъ на нее вполнѣ дружелюбно. Въ настоящую минуту онъ бы, конечно, не упустилъ исключить изъ числа нашихъ противниковъ Францію, благодаря политическимъ перемѣнамъ, происшедшимъ, уже послѣ изданія ея брошюры, вслѣдствіе франко-прусской войны. «Два первые переворота, итальянскій и нѣмецкій, проскользнули въ исторію нечаянно», говоритъ онъ. Мы же пока не нашли удобной минуты, чтобы осуществить дѣло, у котораго единственно вѣрными союзниками могутъ быть только славяне, убѣжденные въ желаніи Россіи освободить ихъ отъ иноземнаго владычества.

Повторяя извѣстное мнѣніе Паскевича, высказанное имъ въ началѣ крымской войны, что ключъ рѣшенія восточнаго вопроса не въ Константинополѣ, а въ Вѣнѣ, и приводя доводы въ пользу еще большей приложимости этого мнѣнія къ современнымъ обстоятельствамъ, авторъ знаменитой брошюры говоритъ: «Позволительно ошибаться одинаковымъ образомъ не болѣе двухъ разъ: два раза равняются несомнѣнному опыту». Въ 1829 году наша армія дошла до Мраморнаго моря; въ 1854 г. мы вовсе не могли идти впередъ и «оба раза препятствіе было у насъ не съ лица, а съ тыла». Съ окончаніемъ послѣдней турецкой войны, афоризмъ Фадѣева о позволительности только двухъ ошибокъ былъ, какъ извѣстно, исправленъ на дѣлѣ княземъ Бисмаркомъ въ смыслѣ поправки самого Фадѣева, просившаго читателей замѣнять на будущее время въ его статьяхъ Австрію Германіей. Сущность предсказаній Фадѣева отъ этого не измѣнилась и весь вопросъ поставленъ передъ лицомъ исторіи еще круче: или постепенное, но неизбѣжное онѣмеченіе славянъ, или объединеніе ихъ подъ главенствомъ и при помощи Россіи.

Въ возможность отдѣльнаго, независимаго существованія маленькихъ славянскихъ государствъ Фадѣевъ, конечно, не вѣрилъ. Въ наше время, при нынѣшнемъ раздѣленіи Европы, нѣтъ мѣста кучкѣ маленькихъ народцевъ со своими маленькими арміями, особенно между нѣмецкою и русскою имперіями, племенамъ, на которыхъ вчерашніе владыки долго еще

будутъ смотрѣть какъ на взбунтовавшихся подданныхъ, выжидая удобнаго случая для новаго порабощенія. Мало освободиться, нужно сохранить свободу, что въ наше время представляетъ затрудненіе даже для такихъ старыхъ государствъ, какъ напр. Голландія.

«Война за чью-либо независимость можетъ имѣть въ виду только независимость» утверждаетъ поборникъ славянскаго объединенія. «Для Россіи не существуетъ никакой разумной причины, нравственной, экономической или военной, желать новыхъ присоединеній въ Европѣ; въ русскомъ умѣ нѣтъ мысли объ обращеніи родственныхъ намъ странъ въ подчиненныя области». Для того, чтобы не допустить рѣшенія участи спорной полосы внѣшнихъ окраинъ во враждебномъ Россіи смыслѣ «мы должны подумать о сочувственныхъ намъ силахъ и внушить имъ увѣренность, что у нихъ и у насъ общій интересъ». Подъ наиболѣе для насъ враждебнымъ рѣшеніемъ Фадѣевъ понимаетъ такое рѣшеніе, которое перенесетъ вопросъ съ нашихъ внѣшнихъ окраинъ во внутреннія, что, по его словамъ, случится неминуемо, если затрогивающія насъ международныя дѣла будутъ разрѣшены не нами.

Съ особеннымъ сочувствіемъ относясь къ чехамъ, народу, которому долѣе всѣхъ славянъ пришлось отстаивать свою національность противъ нѣмцевъ, облегающихъ ихъ отечество со всѣхъ сторонъ, Фадѣевъ говоритъ далѣе, что «если Россія возстановитъ славянскій міръ, значитъ, она призвана на это дѣло Провидѣніемъ, и что «нельзя служить Провидѣнію, отказывая въ справедливости кому-бы то ни было, особенно одному же изъ членовъ своего семейства». Такъ какъ эти слова онъ говоритъ по поводу поляковъ, то читатель не удивится, находя у него размышленія о русско-польскихъ отношеніяхъ, далеко не похожія на обычный газетный шаблонъ, выхваченный изъ иронической пословицы «въ чужую спину сто палокъ не жаль», и превращенный нѣкоторыми изъ нашихъ и прусскихъ публицистовъ въ весьма удобный для нихъ прямолинейный и немудреный принципъ.

Фадѣевъ не признавалъ Старой Польши. Онъ говорилъ, что это было государство безъ народа; тѣмъ не менѣе онъ считаетъ возможнымъ, подчиняя личное непріязненное чувство выводамъ хладнокровнаго изученія, стать на точку зрѣнія безпристрастія, требуемаго серьезностью историческаго момента.

Какъ человѣкъ основательно и глубоко знакомый съ историческими законами, Фадѣевъ прямо заявляетъ, что онъ не можетъ быть сторонникомъ приравненія окраинъ къ тѣлу государства полицейскими мѣрами; «намъ кажется, прибавляетъ онъ, желательнѣе, напротивъ, воскресить мѣстный духъ даже составныхъ частей собственной коренной Россіи» («Чѣмъ намъ быть»). Вотъ нѣсколько положеній Фадѣева объ отношеніи польскаго вопроса къ общеславянскому дѣлу.

«Теперь полякъ, какъ человѣкъ своей національности, естественно дорожащій ею, находится дѣйствительно въ безвыходномъ положеніи. Его можно не допустить до бунта, но нельзя отвратить отъ мысли о бунтѣ. Разувѣрившись въ Наполеонѣ, онъ продолжалъ надѣяться на Бейста, на львовскій сеймъ, на Венгрію, даже на Пруссію. Покуда человѣкъ живетъ, долженъ же онъ на что нибудь надѣяться. Онъ перестанетъ грезить о разрушеніи Россіи, когда передъ нимъ мелькнетъ возможность стремиться къ осуществленію сбыточной Польши, не становясь русскимъ изгнанникомъ. До сихъ поръ существованіе русской партіи между поляками было невозможно: для такой партіи не оказывалось опредѣленной цѣли. Поляки считали всегда болѣе удобнымъ и желательнымъ возстановить старо-польское государство насчетъ Россіи, чѣмъ польскую національность въ ея ограниченныхъ предѣлахъ съ помощью Россіи».

«Въ настоящее время, вслѣдствіе разгрома Франціи, на которую поляки возлагали всю свою надежду, въ умахъ ихъ совершается очевидный и рѣшительный переломъ. Они отрѣшаются одинъ за другимъ отъ старыхъ идеаловъ и ищутъ какой нибудь новой точки опоры, къ которой они могли-бы примѣнить свое общественное развитіе въ будущемъ, хотя-бы только чисто въ нравственномъ смыслѣ. Фантазеровъ осталось еще много; послѣднее столѣтіе слишкомъ заразило польское общество фантазіями, чтобы оно могло вылѣчиться отъ нихъ въ одинъ день; но разумные люди между ними понимаютъ, что искать этой точки опоры гдѣ нибудь внѣ Россіи было-бы теперь пустѣйшимъ и вмѣстѣ пагубнѣйшимъ изъ мечтаній. Теперь съ искренними поляками уже можно говорить,—это надо принять къ свѣдѣнію, отрѣшаясь и съ своей стороны отъ страстныхъ національныхъ увлеченій 1863 г.»

«Безсмысленность мечты о возстановленіи Старой Польши.

бывшей не націею, а случайною и насильственною историческою федераціею, совершенно сходною съ нынѣшними союзами «австро-дунайскимъ» и «татарско-балканскимъ», станетъ очевидною для каждаго, даже для поляка, наравнѣ съ мечтою о возстановленіи имперіи Карла V. До 1863 года нельзя было винить поляковъ за такую мечту; имъ не было случая убѣдиться въ ея призрачности».

Обрусѣніе западныхъ губерній Фадѣевъ проповѣдуетъ именно съ этой точки зрѣнія и, по его мнѣнію, оно должно достигаться съ настойчивостью, но безъ насилія. Для ускоренія же его, по его мнѣнію, требуются лишь финансовыя средства, затрата которыхъ дозволитъ введеніе самыхъ широкихъ земскихъ учрежденій. Когда этотъ край выйдетъ изъ подъ-исключительнаго полицейскаго управленія на гражданскую волю, клочокъ нерусскаго населенія потонетъ въ общей массѣ. Ненужное раздраженіе искуственно поддерживаетъ въ немъ не русскій духъ. Русскій же духъ разовьется въ немъ тѣмъ прочнѣе, чѣмъ русскія учрежденія болѣе вольютъ свободы и гражданственности въ русское населеніе края. Отъ задачи обрусѣнія западнаго края Фадѣевъ не отступаетъ, но самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждаетъ, что «имѣть или не имѣть противъ себя поляковъ зависитъ совершенно отъ насъ самихъ». Рядомъ съ этимъ убѣжденіемъ онъ высказываетъ другое, изъ сопоставленія котораго съ первымъ ясна увѣренность Фадѣева въ полной возможности выдти на свѣтлый путь изъ продолжавшихся вѣками мучительныхъ недоразумѣній.

«Въ концѣ концовъ, надобно еще повторить, хотя бы въ десятый разъ: существенная, хотя, по моему убѣжденію, вовсе не труднѣйшая часть задачи славянскаго вопроса заключается въ полякахъ. Безъ сочувственной Польши славянскій міръ не двинется, и если-бы даже двинулся случайно, то не пойдетъ далеко».

«Судьба поляковъ, говоритъ онъ далѣе, зависитъ исключительно отъ исхода славянскаго вопроса, и ни отъ чего болѣе. Польша можетъ быть возсоединена и свободна только какъ членъ славянской семьи; внѣ славянства участь ея уже рѣшена исторіею,—никто и ничто не воскреситъ ее. Раньше или позже поляки поймутъ, гдѣ искать спасенія. Ускорить же

этотъ часъ зависитъ отъ насъ самихъ—правительства и общества».

«Кромѣ раздраженія, посѣяннаго вѣковыми событіями, между поляками и русскими, польскій вопросъ, какъ племенной, ничѣмъ не отличается отъ другихъ мѣстныхъ славянскихъ вопросовъ. Всѣ славяне находятся въ такомъ же положеніи, какъ поляки; всѣмъ имъ предстоитъ, какъ и полякамъ, выборъ между двумя исходами: сжаться около Россіи для сохраненія своей народной личности, или пожертвовать ею, дать обезличить себя». Фадѣевъ напоминаетъ полякамъ и прочимъ славянамъ, что обширная спорная полоса между предѣлами чисто-русскаго и чисто-нѣмецкаго племенъ по большей части уже политически обхвачена нѣмцами и будетъ совсѣмъ онѣмечена до послѣдней души, если каждую изъ ея этнографическихъ частей предоставить собственнымъ силамъ. Недаромъ многіе западные публицисты любезно приглашаютъ славянъ «покориться своей участи добровольно, сгинуть безъ слѣда». Объединеніе Германіи непремѣнно завершится усиленнымъ стремленіемъ къ поглощенію, остающихся еще неонѣмеченными, славянъ. Чешское племя, со всѣхъ сторонъ обложенное нѣмцами, исчезнетъ первое. За нимъ придетъ скорый чередъ и другимъ. Если бы Россія не возникла вдругъ на рубежѣ Европы, о славянахъ не было бы уже и помина. Это такія истины, надъ которыми поляки очень мало останавливались. А между тѣмъ что начато Россіею безсознательно, то ею же одною можетъ быть кончено сознательно». Славяне не могутъ избирать своей участи иначе, какъ схватившись за русскую руку, а поднявшись сами, не могли бы сохранить независимость иначе, какъ опираясь на Россію. Кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что въ наше время, когда Европа подѣлилась на нѣсколько огромныхъ массъ, когда право на отдѣльное существованіе можно купить цѣною не менѣе какъ полумилліономъ солдатъ, выставляемыхъ въ мирное время, когда даже старыя государства боятся за свое будущее, что значитъ, говоритъ Фадѣевъ, международный щебень, каковы чехи, хорваты и другіе, когда въ добавокъ этотъ щебень не признается и презирается могучими сосѣдями?

Россія, выросшая уже изъ племенныхъ предѣловъ и задачъ, дающихъ законность и устойчивость государственному бытію,

по мысли Фадѣева (см. стр. 297) доростаетъ уже до высшей законности—стать средоточіемъ своего особаго славянскаго и православнаго міра. Россія, по его мнѣнію, не можетъ упрочиться въ нынѣшнемъ своемъ видѣ. Историческіе законы также, какъ вообще законы природы, «не увѣковѣчиваютъ неопредѣлившихся, недоконченныхъ видовъ».

Вся наша исторія, какъ и вѣковая борьба съ Польшей, теряетъ смыслъ, если отказаться отъ идеала славянскаго единенія, говоритъ Фадѣевъ. Сила же и законность стремленій всѣхъ вошедшихъ въ него славянскихъ племенъ положатъ начало лучшей будущности для всего человѣчества. Къ счастью для послѣдняго славянское единство—идея не только великая, но и вполнѣ осуществимая. Помѣшать ея осуществленію могло бы лишь смѣшеніе великой, гуманной, цивилизующей и освободительной миссіи Россіи съ атавистическими, завоевательными инстинктами.

«Все зависитъ теперь отъ рѣшенія славянскаго вопроса: Россія распространитъ свое главенство до Адріатическаго моря или вновь отступитъ до Днѣпра». Фадѣевъ указываетъ на то, что до сихъ поръ Россія шла вѣрнымъ шагомъ къ разрѣшенію намѣченной ей исторической задачѣ. Останавливаться теперь или слишкомъ рано или слишкомъ поздно. Понятіе объ общности славянъ всегда существовало у насъ, какъ стремленіе къ общности единокровныхъ,—сначала великорусскаго народа, потомъ русскаго, со всѣми его оттѣнками—и естественно должно было дорости до своего настоящаго значенія. Въ прежнемъ польскомъ государствѣ такихъ стремленій Фадѣевъ не усматриваетъ, и потому, говоритъ онъ, она не могла имѣть никакого значенія для родственныхъ сосѣдей.

«Теперь Россія стоитъ уже посреди славянства нерусскаго, раздѣленнаго произвольною чертою между ея владычествомъ и нѣмецкимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сознаніе одноплеменности по обѣимъ сторонамъ нашего рубежа, пониманіе общности вещественныхъ и нравственныхъ потребностей всей восточной Европы начинаетъ быстро созрѣвать».

«Минута рѣшительная и невозвратная, недопускающая долгихъ колебаній», восклицаетъ Фадѣевъ. «Одно изъ двухъ: или Россія признаетъ себя государствомъ въ смыслѣ старой Польши, не болѣе какъ государствомъ, и приступитъ къ искорененію всякаго самобытнаго оттѣнка, входящихъ или имѣющихъ войти

въ составъ ея, родственныхъ племенъ и въ тоже время искренно и гласно отбросить всякую мысль о славянствѣ и православномъ востокѣ, оттолкнетъ ихъ отъ себя, станетъ смотрѣть на нихъ глазами Пруссіи (о чемъ такъ усердно хлопочетъ Бисмаркъ); однимъ словомъ, запрется отъ всего родства дома, сдерживая силою свои окраины, смотря хладнокровно на исчезновеніе одного за другимъ родственныхъ племенъ» и, слѣдовательно, прибавимъ, на усиленіе единственнаго нашего врага, не по недоразумѣнію, а по существу, врага, и безъ того уже не въ мѣру разросшагося. Или же познавъ этого своего единственнаго врага, Россія рѣшится остановить его дальнѣйшій ростъ на счетъ родственныхъ намъ племенъ. «Если политическій устой нашъ зависитъ отъ того, чтобы всѣ русскіе славяне удержали за собой свою личность и свое мѣсто на землѣ, то современная русская задача состоитъ въ томъ, чтобы спасти славянство». Этимъ указаніемъ Фадѣевъ заканчиваетъ вѣщую проповѣдь, которою онъ стремится воплотить мечту всей своей жизни въ практическія представленія современниковъ о великомъ, вполнѣ возможномъ и близкомъ будущемъ, ожидающемъ Россію.

До конца дней своихъ онъ твердо вѣрилъ, что Россія изберетъ путь, соотвѣтственный ея великимъ историческимъ задачамъ. «Отставляя за русскимъ народомъ его непоколебимое главенство въ славянскомъ мірѣ, за русскимъ языкомъ—его несомнѣнное право быть политическимъ связующимъ языкомъ этого міра,—Россія откроетъ объятія всѣмъ, кто по сердцу ближе къ ней, чѣмъ къ Европѣ, на правахъ младшихъ, но самостоятельныхъ братьевъ одной великой семьи».

Мысль Фадѣева опредѣленно указываетъ единственный выходъ изъ ложнаго круга, въ которомъ бьются безплодно сорокъ слишкомъ милліоновъ близкихъ намъ людей, не живя и не умирая. «Въ этомъ ложномъ кругѣ рѣшается, говоритъ онъ, не только ихъ судьба, но и наша, потому что государство, въ смыслѣ исключительно государства, т. е. случайно сколоченной исторической загородки, благополучно до сихъ поръ держится только въ Азіи. Въ Европѣ и Америкѣ пора его проходитъ, и слава Богу!»

Фадѣевъ, какъ и всѣ безпристрастные наблюдатели происходящаго въ средней Европѣ племеннаго броженія, утверждаетъ, что никакое мирное развитіе въ этой странѣ свѣта

невозможно, пока бытъ всѣхъ славянъ не будетъ обезпеченъ отъ покушеній нѣмецкаго Drang'a, не будетъ устроенъ въ смыслѣ русскихъ желаній. Желанія же эти онъ считалъ патріотическимъ долгомъ дѣлать общеизвѣстными.

Фадѣевъ, какъ всякій общественный дѣятель, какъ всякій публицистъ, искренно стремящійся къ намѣченному разрѣшенію кажущихся ему важными задачъ, испыталъ въ теченіе своей жизни не одно горькое разочарованіе, не одну неудачу. Неудачи неизвѣстны только людямъ, ничего не дѣлавшимъ, людямъ, живущимъ безъ цѣли или безъ идеаловъ. Самымъ болѣзненнымъ разочарованіемъ отразился на Фадѣевѣ берлинскій трактатъ. Послѣ краснорѣчивой пропаганды его убѣжденій о необходимости отстраненія Австріи и Германіи отъ всякаго вліянія на участь славянъ, послѣ всѣхъ ясныхъ доводовъ его, что создать прочную будущность каждому славянскому народу можетъ одна только Россія, съ которою все славянство должно политически и нравственно слиться въ общемъ стремленіи къ самобытности, Фадѣеву пришлось пережить событіе, предоставлявшее Австріи дальнѣйшую роль на Балканскомъ полуостровѣ; пришлось примириться съ мыслью объ образованіи новаго славянскаго государства, безъ доступа для Россіи къ Константинополю. Вообще большая часть результатовъ турецкой войны неудовлетворяла Фадѣева. Тяжкій ударъ, испытанный убѣжденіями его, вслѣдствіе обнаружившихся свойствъ знаменитаго трактата, былъ настолько чувствителенъ для Фадѣева, что, съ окончаніемъ войны, въ новыхъ публицистическихъ трудахъ, онъ уже не прикасается къ славянскому вопросу. Въ это время все свое вниманіе онъ обратилъ на внутренніе отечественные вопросы. Плодомъ этого времени были «Письма о современномъ состояніи Россіи», въ которыхъ Фадѣевъ снова посвятилъ себя общественнымъ вопросамъ, посредствомъ разработки коихъ полагалъ содѣйствовать усиленію русскаго общественнаго сознанія. Современемъ, при окончательномъ рѣшеніи славянскаго вопроса, выработанность общественнаго мнѣнія могла бы, по мысль Фадѣева, имѣть значеніе болѣе важное, чѣмъ всѣ прочія вліянія. Фадѣевъ искренно былъ убѣжденъ, что этотъ вопросъ предстоитъ рѣшить самой Россіи и не иначе какъ согласно ея желанію. Надо только, чтобы это желаніе вылилось въ опредѣленную

форму. Чѣмъ наше нравственное развитіе и экономическое довольство достигнетъ лучшихъ результатовъ, тѣмъ къ большему совершенству придетъ наше общество въ дѣлѣ сознанія историческаго значенія для Россіи славянскаго объединенія. Исходя изъ этого убѣжденія, Фадѣевъ въ «Письмахъ о современномъ положеніи Россіи» продолжалъ развивать свои доводы о необходимости организовать общественное мнѣніе, при помощи созданія связности культурнаго сословія.

Несмотря на категорически высказанное Фадѣевымъ мнѣніе о томъ, что даже «самые развитые люди (кромѣ геніевъ) сильны только общественными, а не своими личными силами», въ жизни его самого мы находимъ постоянныя доказательства того, что, однако, онъ признавалъ и значеніе чисто личной иниціативы. Какъ бы въ противорѣчіе со взглядами его на печать, которая, по его словамъ, у насъ тогда только получитъ должный вѣсъ и законное вліяніе, когда она начнетъ говорить отъ лица стоящихъ за ней организованныхъ общественныхъ силъ, онъ самъ, на свой собственный страхъ и рискъ, подымалъ и старался выяснить общественные и политическіе вопросы, движимый исключительно глубокимъ убѣжденіемъ и желаніемъ сдѣлать это убѣжденіе общественнымъ достояніемъ своего отечества. Еще во время своей кавказской службы онъ привыкъ не оставлять втунѣ свои назрѣвшія идеи. То, что зачастую размѣнивается у насъ на разговоры въ своемъ кругу или служитъ предметомъ журнальныхъ поверхностныхъ статей, у Фадѣева обращалось въ серьезный трудъ, оканчивавшійся представленіемъ проекта высшему начальству или докладной записки кавказскому управленію. Нѣкоторые изъ его проектовъ были приняты еще намѣстникомъ Муравьевымъ. Князь Барятинскій большею частью ихъ одобрялъ и очень многіе изъ нихъ осуществлены. Гораздо позднѣе, незадолго до послѣдней турецкой войны, Фадѣевъ, обдумывая способы рѣшенія восточнаго вопроса, напалъ на мысль, что полезно было бы отдѣлить силы Египта отъ турецкихъ и тотчасъ сталъ работать въ этомъ направленіи.

Изложивъ свой планъ въ докладной запискѣ правительству и испросивъ должное разрѣшеніе, онъ вышелъ въ отставку и принялъ сдѣланное ему хедивомъ предложеніе руководить устройствомъ его военныхъ силъ. Если мысль свою Фадѣевъ

не успѣлъ осуществить вполнѣ, то только потому, что сербская война вспыхнула ранѣе, чѣмъ можно было ожидать.

Во время разгара этой войны Фадѣевъ, по своему собственному почину, организовалъ цѣлую систему снабженія оружіемъ и прочими военными принадлежностями славянскихъ борцовъ за независимость, стараясь при этомъ всячески оставаться въ возможной неизвѣстности. Затѣмъ, въ Сербіи и особенно въ Черногоріи онъ успѣлъ своими военными познаніями и опытностью принести величайшую пользу славянамъ, которые могли оцѣнить его готовность служить всѣми силами и способностями славянскому дѣлу.

Совершенно справедливо говорилось о немъ въ одномъ изъ некрологовъ его, о которомъ упомянуто выше, что Фадѣевъ, «непохожій на большинство русскихъ людей, всегда искалъ практическихъ средствъ для осуществленія своихъ теоретическихъ взглядовъ». И вотъ, раньше чѣмъ генералъ Черняевъ отправляется въ Сербію, генералъ Фадѣевъ еще въ 1874 году отправился въ Египетъ, дѣлается тамъ ближайшимъ совѣтникомъ хедива и въ теченіе двухъ лѣтъ старается возбуждать честолюбивые замыслы вице-короля, склоняя его къ политикѣ болѣе самостоятельной, зная, какъ было бы выгодно произвести въ мусульманскомъ мірѣ раздвоеніе, поднять роль Египта, освободивъ его отъ власти султана. Замѣчательно, между прочимъ, что уже въ то время Фадѣевъ настоятельно предсказывалъ возможность того громаднаго возбужденія въ мусульманствѣ, которое, по его соображеніямъ, должно было вскорѣ охватить огромное пространство отъ Остъ-Индіи и Средней Азіи до Гибралтара и развитіе котораго въ настоящее время наблюдается на самомъ дѣлѣ.

Очеркъ нашъ былъ бы слишкомъ неполнымъ, если бы мы не коснулись той дѣятельности Фадѣева, которую онъ проявилъ въ самомъ концѣ прошлаго царствованія.

Вообще, отдаваясь какому-либо дѣлу, онъ въ такой степени влагалъ въ него душу, что незамѣтно для него самого становился душой каждаго близкаго ему дѣла. Изложенныя имъ въ «Письмахъ» идеи исходили изъ такого непоколебимаго источника убѣжденій и отличались такой строгой послѣдовательностью, что неудивительно, если они раздѣлялись многими

искренними патріотами, искавшими выхода изъ напряженнаго положенія конца семидесятыхъ годовъ. Несомнѣнно, что покойный графъ Лорисъ-Меликовъ былъ однимъ изъ наиболѣе раздѣлявшихъ идеи Фадѣева.

Чтобы установить близость взглядовъ Фадѣева, выраженныхъ въ его «Письмахъ о современномъ состояніи Россіи» къ тѣмъ убѣжденіямъ, которые послужили основаніемъ системы, приписываемой графу Лорису-Меликову, въ его кратковременное управленіе, слѣдуетъ напомнить читателямъ, что хотя для полной исторической оцѣнки этого выдающагося государственнаго человѣка время, по всей вѣроятности, наступитъ не скоро, но что уже и теперь, сохраняя совершенную объективность, можно опредѣлить, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ выдающихся моментовъ общественной эволюціи, оставившіе по себѣ отпечатокъ въ народномъ сознаніи. Мы воспользуемся здѣсь краткимъ очеркомъ управленія графа Лориса-Меликова, помѣщеннымъ въ январской книжкѣ «Русской Мысли» нынѣшняго 1889 года (см. Внутр. Обозрѣніе), изъ котораго заимствуемъ лишь то, что можетъ послужить къ уясненію дѣятельности Фадѣева, состоявшаго въ это время, какъ извѣстно, на службѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и пользовавшагося большимъ довѣріемъ графа.

Послѣ назначенія графа, въ апрѣлѣ 1889 г., генералъ-губернаторомъ въ Харьковъ съ спеціальною цѣлью—принятія мѣръ къ охраненію порядка и къ прекращенію революціонной пропаганды, въ предѣлахъ генералъ-губернаторства, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ его управленія, не произошло ни одной преступной попытки. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-губернаторъ своею гуманностью и доступностью пріобрѣлъ сочувствіе всего населенія. Напоминая объ этомъ фактѣ, авторъ обозрѣнія приходитъ, между прочимъ, къ слѣдующимъ выводамъ.

«Основная мысль графа Лорисъ-Меликова объ успокоеніи умовъ посредствомъ нѣкоторыхъ облегченій въ слишкомъ напряженномъ положеніи дѣлъ, причемъ, разумѣется, шло своимъ порядкомъ дѣятельное раскрытіе преступленій или замысловъ о нарушеніи безопасности и спокойствія, проявилась еще при его дѣятельности въ Харьковѣ. Мысль эту можно было выразить еще и иначе; исходною ея точкой представлялось соображеніе, что не было никакой нужды стѣснять всѣхъ мирныхъ

и спокойныхъ гражданъ для отвращенія или раскрытія преступленій единичныхъ людей и что, наоборотъ, отмѣна общихъ ограниченій и исключительныхъ мѣръ, умиротворяя общество, можетъ только отнять у пропаганды всякую почву для дѣйствія.

«Мы только напоминаемъ здѣсь о взглядѣ, который служилъ основаніемъ политической системы графа Лориса-Меликова, оставляя такой взглядъ совершенно внѣ оцѣнки въ настоящее время, такъ какъ для того періода, очевидно, еще не наступила пора объективной, исторической критики. Какъ-бы то ни было, но новое и болѣе высокое положеніе графъ Лорисъ-Меликовъ вскорѣ получилъ именно потому, что онъ казался человѣкомъ наиболѣе способнымъ положить конецъ тогдашнимъ покушеніямъ, а также и тайной дѣятельности революціонеровъ. Учрежденіе въ Петербургѣ, вслѣдъ за взрывомъ, чрезвычайной власти генералъ-губернатора, въ лицѣ генерала Гурко, которому было предоставлено право принимать мѣры, не взирая на чье-либо личное положеніе, отражало въ себѣ отчасти ту мысль, будто зло имѣло, въ самомъ дѣлѣ, широкое распространеніе, а не представлялось горстью людей, не имѣвшихъ никакихъ связей въ обществѣ. Этимъ тогдашнимъ воззрѣніемъ объяснялось принятіе такихъ мѣръ предосторожности, которыя теперь представляются намъ крайне странными, какъ-то: отобраніе у жителей Петербурга оружія съ выдачей даже военнымъ особыхъ свидѣтельствъ на держаніе его на дому, съ запрещеніемъ продавать огнестрѣльное оружіе и патроны иначе какъ лицамъ, предъявлявшимъ эти свидѣтельства, держанье войскъ наготовѣ въ манежахъ, какъ будто мыслимъ былъ бунтъ населенія и т. под.

«Новое покушеніе на жизнь шефа жандармовъ, генерала Дрентельна, явившееся несмотря на принятыя военныя мѣры, могло служить доказательствомъ, что дѣятельность революціонеровъ не имѣла ничего общаго съ предположеніями о какой-то распространенной интригѣ, уличномъ бунтѣ и т. п.

«Когда Лорисъ-Меликовъ явился въ Петербургъ съ докладомъ о положеніи ввѣреннаго ему края, то успокоительный его взглядъ на общее положеніе дѣла, убѣжденіе его, что какъ ни опасны могутъ быть сами по себѣ замышляемыя горстью революціонеровъ убійства, но непосредственно раскрывать и отвращать ихъ могли только спеціальныя усилія полиціи, а не

мѣры, примѣнимыя по всему обществу, а, вмѣстѣ съ тѣмъ что въ примѣненіи къ обществу необходимы мѣры успокоительныя, которыя дѣйствуютъ только постепенно, то взглядъ этотъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе. Во взглядѣ этомъ, какъ бы ни судили о немъ нынѣ, была, все-таки, идея, заключалось основаніе для цѣлой системы дѣйствія, между тѣмъ какъ мѣры, принимавшіяся генералами Дрентельномъ и Гурко, свидѣтельствовали, что эти лица бродили въ потьмахъ, дѣйствовали наудачу, не отдавая себѣ отчета, съ какимъ собственно противникомъ они имѣли дѣло—съ горстью ли отчаянныхъ и крайне опасныхъ людей, или съ мнимымъ, широко распространеннымъ въ обществѣ, притомъ же чуть не на всѣхъ его ступеняхъ, заговоромъ?

«Въ это время осуществилось учрежденіе верховной коммиссіи министровъ, подъ предсѣдательствомъ покойнаго графа. Послѣдовавшая затѣмъ отмѣна III отдѣленія, назначеніе графа Лориса-Меликова министромъ внутреннихъ дѣлъ, назначеніе сенаторскихъ ревизій, раскрытіе расхищенія башкирскихъ земель, пересмотръ списковъ лицъ, подвергавшихся административной ссылкѣ, и возвращеніе многихъ изъ нихъ, предложеніе о реформѣ мѣстнаго управленія, облегченіе въ ценвурной практикѣ, внесеніе вообще въ дѣло управленія стремленія опереться на содѣйствіе живыхъ силъ общества, предполагавшихся здоровыми, приблизить ихъ къ центральному управленію, наконецъ, принятіе земскаго начала за основной принципъ для дальнѣйшихъ реформъ—памятны еще всѣмъ.

«Хотя система Лорисъ-Меликова и не успѣла, въ краткое его управленіе, выразиться въ цѣломъ рядѣ положительныхъ мѣропріятій и узаконеній, но духъ ея, общее ея направленіе тѣмъ не менѣе, были вполнѣ опредѣленны. Нѣкоторое отраженіе общаго ея смысла можно найти въ книгѣ покойнаго Фадѣева «Письма о современномъ состояніи Россіи», напечатанной заграницею съ дозволенія нашего правительства и допущенной въ Россію въ силу испрошенного Лорисъ-Меликовымъ Высочайшаго разрѣшенія. Многимъ, быть можетъ, неизвѣстно, что генералъ Фадѣевъ, прежній товарищъ Лорисъ-Меликова по службѣ на Кавказѣ, былъ ближайшимъ помощникомъ его, именно по уясненію того преобразовательнаго пути, на который рѣшено было вступить. Въ этомъ отношеніи и въ смыслѣ историческомъ, намъ кажется, весьма важно установить сочув-

ственное отношеніе всесильнаго въ то время государственнаго дѣятеля ко взглядамъ, которые были формулированы Фадѣевымъ. Въ докладѣ своемъ покойному Государю о книгѣ Фадѣева Лорисъ-Меликовъ излагалъ сущность этихъ взглядовъ. Главное наше зло, —такъ докладывалъ министръ о взглядахъ, изложенныхъ Фадѣевымъ,—заключается въ томъ, что въ послѣднія два десятилѣтія въ Россіи образовался какъ бы промежутокъ между правительствомъ и подданными, дающій мѣсто и просторъ всякимъ противуобщественнымъ явленіямъ. Такой промежутокъ явился послѣдствіемъ великой мѣры освобожденія крѣпостныхъ, лишившихъ дворянство его сословной связи и прежняго значенія—опорной силы государства, незамѣнимой никакою иною силой. Бюрократія, какъ орудіе исключительно механическое, могла легко осуществлять виды высшей власти при нравственной поддержкѣ преобладавшей общественной силы; нынѣ же она проводитъ до почвы только форму, а не духъ мѣропріятій, вслѣдствіе чего правительство оказывается недостаточно вооруженнымъ противъ общественныхъ явленій, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ текущихъ дѣлъ... Только земство можетъ стать для власти такою же несокрушимою опорой, какою было недавно дворянство, а какъ громадное большинство русскихъ людей искренно вѣруетъ въ царскую власть, то земство, непосредственно погруженное въ этомъ большинствѣ, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ силу самую благонадежную.

«Просьба Фадѣева о дозволеніи ему напечатать его книгу за границею была доложена покойному Государю, и состоялось повелѣніе, чтобы дѣло это было разсмотрѣно Лорисъ-Меликовымъ вмѣстѣ съ министрами военнымъ и иностранныхъ дѣлъ. Испросивъ также и мнѣнія тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ (Макова), предсѣдатель верховной коммиссіи такъ докладывалъ о рѣшеніи, къ какому пришли министры: «Хотя нѣкоторое расширеніе свободы мысли и слова, очевидно, вызывается современными потребностями, но должно имѣть въ виду, что гласное обсужденіе мнѣній, высказанныхъ Фадѣевымъ, возбудитъ, можетъ быть, въ обществѣ ожиданіе какихъ-либо новыхъ мѣропріятій со стороны правительства, и потому оно окажется своевременнымъ въ такомъ лишь случаѣ, если взгляды автора будутъ признаны не стоящими явно въ разрѣзъ съ видами правительства. Мы (т.-е. предсѣдатель вер-

ховной коммиссіи и министры) не считаемъ себя вправѣ взвѣшивать подобный вопросъ и повергаемъ его на воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества. Основныя мысли сочиненія можно (продолжаетъ докладъ) сжать въ три положенія: 1) возстановленіе и развитіе коренныхъ преданій Царствующаго Дома, какъ конечная цѣль; 2) обсужденіе настоятельныхъ вопросовъ общенароднаго хозяйства, въ связи съ соотвѣтствующими имъ мѣрами земскаго и мѣстнаго устройства, на основаніи истекшаго опыта при спросѣ земства, какъ начало; 3) сплоченіе охранительныхъ общественныхъ силъ въ связное цѣлое, замѣщающее прежнюю опорную силу государства новою силой, какъ средство».

«Вотъ каковы были тѣ, лишь слегка намѣченные, но вполнѣ опредѣленные въ смыслѣ направленія, взгляды, которыхъ обнародованіе предсѣдатель верховной коммиссіи и министры считали возможнымъ лишь въ такомъ случаѣ, если тѣ взгляды будутъ признаны не стоящими явно въ разрѣзъ съ видами правительства. Такимъ образомъ, послѣдовавшее соизволеніе на напечаніе книги и на допущеніе ея въ Россіи было вмѣстѣ и признаніемъ только что приведеннаго положенія. Такъ какъ о положительныхъ видахъ Лорисъ-Меликова, въ кратковременное его управленіе, не имѣется доселѣ въ нашей печати вѣрныхъ свѣдѣній, то наша справка имѣетъ значеніе весьма важнаго историческаго документа, въ какомъ качествѣ она и приводится.

«Не время еще нынѣ, повторяемъ, для объективной оцѣнки того, что тогда было сдѣлано, и тѣхъ стремленій, того нравственнаго оживленія, которыя составляли главную суть системы, неуспѣвшей еще проявиться въ положительныхъ дѣйствіяхъ. Одно только возможно и даже необходимо отмѣтить съ полною опредѣленностью уже теперь, а именно, что та преобразовательная и общественно-пріязненная идея, которой тогда явился представителемъ Лорисъ-Меликовъ, вовсе не была какою-то личною и произвольною его выдумкой, направленной къ «упраздненію правительства». Это было ничто иное, какъ возвращеніе къ началу царствованія Государя Александра II-го; это была та самая идея, изъ которой истекли освобожденіе крестьянъ, общественное самоуправленіе въ земскихъ учрежденіяхъ и самостоятельность судебной власти отъ бюрократіи—въ новомъ судопроизводствѣ. Это была та же идея,

которая при началѣ царствованія Императора Александра I внушила ему учрежденіе министерствъ и государственнаго совѣта, отмѣну тайной канцеляріи, надежды на содѣйствіе лучшихъ силъ общества. И въ то время, какъ и въ шестидесятые годы, какъ и въ 1880 году, эта идея вносила въ общество оживленіе, ставила передъ нимъ ясную цѣль и вызывала къ дружной работѣ для ея достиженія.

«Страшное событіе 1 марта нанесло ударъ и этимъ начинаніямъ. Необходимо признать, что злодѣяніе это явилось вполнѣ независимо отъ какой бы то ни было кратковременной системы управленія. Ему предшествовали нѣсколько преступныхъ покушеній, совершонныхъ при системѣ противуположной, и каждое изъ нихъ могло произвести ту же катастрофу, которая поразила Россію 1 марта 1881 года. Безпристрастный изслѣдователь въ будущемъ долженъ будетъ признать, что не могла система, разсчитанная на результаты нравственныя, на сколько-нибудь продолжительное лѣченіе, на дѣйствіе, такъ сказать, гигіеническое, исцѣлить въ нѣсколько мѣсяцевъ недугъ, проявлявшійся съ 1866 года, то-есть въ теченіе 15 лѣтъ.

«Какъ бы то ни было, но бываютъ въ исторіи факты, столь сильно поражающіе всѣхъ, производящіе такое сильное нравственное потрясеніе, что отъ него рушатся всѣ начинанія, на пути которыхъ такіе факты становятся роковымъ образомъ, хотя бы и безъ всякой связи съ тѣми начинаніями. Конечно, логически одно вовсе не слѣдовало изъ другаго, но фактически было почти невозможно, чтобы послѣ такого несчастія могла продержаться и самая система Лорисъ-Меликова. Нестерпимый припадокъ боли заставляетъ иногда бросить лѣкарство, хотя и направленное къ ея исцѣленію, но еще не успѣвшее произвести своего дѣйствія.

«Вотъ почему надо признать, что нынѣ еще преждевременно также и произносить надъ системой графа Лорисъ-Меликова такія сужденія, какія были высказаны въ газетахъ, будто событія доказали, что покойный ошибался. Но даже если онъ и ошибался, то, во всякомъ случаѣ, напрасно видѣть доказательство его ошибки въ злодѣяніи 1-го марта, такъ какъ иначе пришлось бы допустить, что предшествовавшія нѣсколько покушеній доказывали ошибочность той системы, которая существовала до управленія графа Лорисъ-Меликова и была ей противуположна. Прибавимъ, что нѣкоторыя изъ его начинаній и

даже предположеній продержались и послѣ того, какъ онъ самъ сошелъ со сцены.

«Третье отдѣленіе возстановлено не было, и государственная полиція осталась въ вѣдомствѣ внутреннихъ дѣлъ. Мысль о необходимости преобразованія мѣстнаго управленія повела къ назначенію кахановской коммиссіи, а затѣмъ, независимо отъ различія въ направленіи, представляется и въ нынѣ обсуждаемыхъ законодательнымъ учрежденіемъ проектахъ. Мысль объ обращеніи къ содѣйствію силъ общественныхъ, при обсужденіи законовъ, выразилась при графѣ Игнатьевѣ въ вызовѣ такъ называемыхъ «свѣдущихъ людей» для обсужденія законодательныхъ предположеній свойства хозяйственнаго. Эта мысль—о «спросѣ земства» въ обсужденіи вопросовъ общенароднаго хозяйства (см. выше пунктъ 2-й въ заключеніи доклада)—готова была проявиться, въ управленіе графа Н. П. Игнатьева, и въ иной, еще болѣе широкой и осязательной формѣ. Наконецъ, самыя заботы въ новѣйшее время о возвышеніи значенія дворянства развѣ не представляютъ того же убѣжденія въ необходимости «сплоченія охранительныхъ общественныхъ силъ», хотя и въ иной средѣ? И развѣ въ самыхъ разсужденіяхъ огульно осуждающей нынѣ Лорисъ-Меликова части печати—о необходимости расширить роль дворянства, какъ вѣрной опоры правительственной власти, не отражается та же мысль, что «промежутокъ» между бюрократіею и народомъ долженъ быть заполненъ живою, общественною силой? Въ виду указанныхъ нами примѣровъ, сами порицатели Лорисъ-Меликова и тѣ, поминающіе его добрымъ якобы словомъ, которые произносятъ огульное сужденіе, что ошибался онъ, должны были бы признать, что ошибался онъ, во всякомъ случаѣ, не во всемъ».

Изъ сказаннаго здѣсь и изъ сопоставленія съ этимъ тѣхъ выводовъ, къ какимъ приходитъ Фадѣевъ въ своихъ «Письмахъ о современномъ состояніи Россіи», ясно, какое значеніе въ историческую эпоху, ожидающую своей безпристрастной оцѣнки въ будущемъ, получалъ этотъ замѣчательный его трудъ.

На этомъ трудѣ прервалась его публицистическая дѣятельность. Намъ остается опредѣлить то мѣсто, какое онъ займетъ въ ряду прочихъ многочисленныхъ литературныхъ нашихъ дѣятелей.

Прежде всего мы должны сказать, что большинство читателей Р. А. Фадѣева затруднится причислить его къ какой бы ни было отдѣльной группѣ писателей. Необыкновенная самобытность его живой и всегда ясной мысли выдѣляетъ его между множествомъ публицистовъ-мыслителей, писавшихъ о тѣхъ же общественныхъ вопросахъ, о которыхъ писалъ и онъ. Самобытность, рядомъ съ убѣжденностью и богатствомъ знанія, не дозволяла ему примкнуть ни къ одной изъ литературныхъ партій, ни къ одному изъ опредѣленныхъ общественно-политическихъ направленій. Одно время его даже считали почему-то строгимъ консерваторомъ. Но по адресу нашихъ охранителей онъ уже въ 1874 году высказалъ, что «дѣятельность ихъ только тогда станетъ плодотворною, когда они употребятъ ее не на охраненіе того, чего ужъ нѣтъ, а на созданіе того, что намъ надо будетъ охранять въ будущемъ». Фадѣевъ въ теченіе всей своей писательской карьеры стоялъ особнякомъ, не смотря на всѣмъ извѣстную его общительность, доброжелательство и прочія симпатичныя черты его характера, возбуждавшія къ нему расположеніе во всѣхъ, съ кѣмъ судьба его сталкивала. Мы не беремъ на себя задачи объяснить этотъ, на первый взглядъ, необъяснимый фактъ, но полагаемъ, что если вообще сближенію между людьми препятствуетъ нетерпимость, то въ данномъ случаѣ ее нечего было искать въ личномъ характерѣ Фадѣева, когда всѣмъ извѣстно, какое прочное гнѣздо удалось этой нетерпимости свить въ нравахъ и обычаяхъ партійныхъ кружковъ нашей современной журналистики.

Сверхъ того, въ этихъ кружкахъ нерѣдко царствовало поклоненіе терминамъ и ярлыкамъ, перенесеннымъ съ запада. Фадѣевъ же не считалъ ни справедливымъ ни возможнымъ примѣнять термины, служащіе для означенія политическихъ теченій на западѣ, къ разнымъ эволюціямъ нашей исторіи. Все это, особенно по отношенію къ живой современности, рѣзко отличало его литературные пріемы отъ такъ называемыхъ направленій русской журналистики, столь же падкой на параллели, какъ и на отрицаніе всякой аналогіи, смотря по вѣянію модныхъ словъ и настроенію общественнаго камертона, при-

томъ журналистики, давно пристрастившейся къ выраженіямъ неопредѣленнымъ, къ языку неточному.

Если для объясненія широты взглядовъ, самобытности сужденій и рѣдкой устойчивости въ убѣжденіяхъ Фадѣева, позволительно прибѣгать къ догадкамъ, то слѣдуетъ указать, какъ на одну изъ наиболѣе вѣроятныхъ причинъ, способствовавшихъ цѣлостности душевнаго склада, на исторію его образованія, краткія свѣдѣнія о которомъ читатель найдетъ въ «Воспоминаніяхъ» о немъ, помѣщенныхъ выше. Нивелирующая система обычнаго у насъ воспитанія въ жизни Фадѣева почти отсутствовала. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ увлекся задачей. самообразованія и самосовершенствованія и употребилъ на это многіе лучшіе годы своей жизни, безъ всякихъ видовъ на пріобрѣтеніе путемъ видныхъ дипломовъ служебной карьеры Онъ не поддался силѣ общественнаго миметизма, единообразящаго цѣлыя поколѣнія до обезличенія. При обезличивающемъ вліяніи школы и общества являются, конечно, и исключенія. Но, вообще говоря, нужны были громадныя индивидуальныя силы, нужна была необыкновенная даровитость, присущая русской расѣ, чтобы изъ матеріала, выравненнаго въ эпоху, напримѣръ, сороковыхъ годовъ, могли выдѣлиться тѣ кристаллы, поразительныхъ, по яркости и глубинѣ ума, настоящихъ «матерыхъ» талантовъ, на которые будущіе бытописатели и историки литературы будутъ взирать тѣмъ съ большимъ удивленіемъ, чѣмъ сказанная эпоха будетъ болѣе удаляться отъ изслѣдователя. По счастливой случайности въ отношеніи къ Фадѣеву, обстоятельства сложились нѣсколько благопріятнѣе обыкновенныхъ. Кратковременное вліяніе на него школы не могло быть особенно сильно. Онъ не подвергся обезличенью общественнаго воспитанія, не потерявъ ни способности къ стремленію расширять свой кругозоръ внѣ казенной программы, ни привычки цѣнить свои убѣжденія. Отсюда способность къ крупному личному почину и даже къ кортесовскому исканію осуществленія излюбленной идеи.

Фадѣевъ, достигшій высокой степени образованія не выѣзжая изъ Саратова и Астрахани, при посредствѣ личныхъ усилій и таланта, не могъ не внести въ свое мировоззрѣніе оригинальности, которая отличала его съ первыхъ шаговъ его публицистической дѣятельности. Все, что писалъ онъ, нисколько

не походило на тѣ извлеченія и размазыванія литографированныхъ профессорскихъ лекцій, какими обыкновенно отдаетъ отъ всѣхъ начинающихъ свое поприще публицистовъ по вопросамъ общественнымъ, юридическимъ, военнымъ и политическимъ. Онъ выступилъ на писательское поприще будучи молодымъ человѣкомъ, но послѣ упорныхъ научныхъ трудовъ и послѣ самаго серьезнаго жизненнаго опыта. Потому-то все, напечатанное имъ, дышетъ увѣренностью знанія и въ тоже время не оскорбляетъ читателя самомнѣніемъ и непреложностью педанта.

Мы далеко не согласны съ мнѣніемъ автора «Воспоминаній о Р. А. Фадѣевѣ» *), видимо продиктованномъ лиризмомъ горя, по поводу безвременной кончины этой свѣтлой личности, будто жизнь его не оставила достаточно замѣтнаго слѣда въ жизни нашей страны.

Какъ ни густа тина литературнаго хлама, заволакивающаго нерѣдко и талантливыя произведенія, не только критика, но и непосредственное чутье простаго читателя давно уже различили на литературномъ полѣ труды Фадѣева. Умственный и нравственный обликъ этого писателя никогда не затеряется среди массы писателей, не только по своей своеобразности, но и по несравненной искренности убѣжденій и широкому полету мысли,—этимъ вѣрнѣйшимъ ручательствамъ успѣха каждаго литературнаго произведенія, къ какой бы области оно не принадлежало.

Въ заключеніе, мы должны сказать, что съ точки зрѣнія требованій этики, не смотря на то, что Фадѣевъ былъ по преимуществу писатель военный, къ нему можно примѣнить слова, обращенныя нѣкогда къ знаменитому французскому строгому критику: «Il ne fût cruel que dans ses vers». Всѣ помыслы нашего военнаго писателя были направлены къ идеаламъ гражданскимъ. Онъ далекъ былъ отъ всякой воинственности ради завоевательныхъ цѣлей. На войну онъ смотрѣлъ какъ на зло, къ сожалѣнію, пока неизбѣжное. Будущность же человѣчества представлялась ему стоющею того, чтобы о ней заботиться искренно, всѣми силами своей богатоодаренной души.

---

*) См. выше.

У него было прекрасное сердце и блестящій умъ, которые онъ всецѣло посвятилъ на служеніе родинѣ. На литературномъ поприщѣ, какъ и на боевомъ, въ благѣ отечества онъ видѣлъ цѣль. Она же была силой, создавшей въ немъ замѣчательный талантъ и тотъ превосходный точный и богатый русскій языкъ, которымъ говорятъ и пишутъ только люди глубоко убѣжденные.

А. Г.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Р. А. ФАДѢЕВА.

ТОМЪ I.

ЧАСТЬ 1.

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ.

ПИСЬМА СЪ КАВКАЗА.

Изданіе В. В. Комарова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова, Невскій пр., д. № 138—140.
1889.

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ
КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ.

I.

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ.

Въ сентябрѣ 1859 года Россія прочитала съ удивленіемъ едва вѣря своимъ глазамъ, телеграфическія донесенія князя Барятинскаго Государю Императору, извѣщавшія, «что восточный Кавказъ покоренъ отъ моря Каспійскаго до военно-грузинской дороги,» что «Шамиль взятъ и отправленъ въ Петербургъ;» русское общество знало, хотя и смутно, что въ послѣднее время дѣла пошли на Кавказѣ хорошо, но далеко еще не ждало такого быстраго конца.

Кавказская война продолжалась шестьдесятъ лѣтъ. Россія привыкла мало по малу къ мысли, что такое положеніе дѣлъ естественно и должно длиться чуть ли не вѣчно, тѣмъ больше, что Кавказъ около полувѣка оставался въ совершенной тѣни и публика судила о немъ по нѣсколькимъ повѣстямъ, да разсказамъ людей, пріѣзжавшихъ на Пятигорскія воды. Съ 1845 года стали печатать въ газетахъ извлеченія изъ реляцій; но онѣ могли освѣтить дѣло только для человѣка знакомаго съ Кавказомъ. При чрезвычайномъ разнообразіи этой обширной страны, самый зрѣлый опытъ, пріобрѣтенный на одномъ изъ ея военныхъ театровъ, не даетъ еще никакой возможности правильно судить о другомъ; издали все сливалось въ одинъ неопредѣленный образъ, самыя коренныя измѣненія въ положеніи вещей сглаживались и мыслящій русскій человѣкъ, незнакомый съ Кавказомъ, не могъ, разумѣется, связать разнорѣчащихъ событій и приходилъ поневолѣ, отыскивая рѣшенія этой задачи, къ самымъ невѣроятнымъ заключеніямъ. Наше общество, въ массѣ, не сознавало даже цѣли, для которой государство

такъ настойчиво, съ такими пожертвованіями добивалось покоренія горъ. Страны, составляющія Кавказское намѣстничество, богатыя природою, поставленныя въ удивительномъ географическомъ положеніи для высокаго развитія въ будущемъ, все таки, съ чисто экономической точки зрѣнія, независимо отъ другихъ соображеній, не могли вознаградить понесенныхъ для обладанія ими жертвъ. На Кавказѣ рѣшался вопросъ не экономическій, или, если даже отчасти экономическій, то не заключенный въ предѣлахъ этой страны. Понятно, что для большинства общества этотъ вопросъ, необъяснимый прямой перспективой дѣла, оставался темнымъ. Покореніе восточныхъ горъ обрадовало Россію въ ея патріотизмѣ, какъ побѣда надъ упорнымъ врагомъ, независимо отъ громаднаго значенія этого событія, гораздо яснѣе понимаемаго до сихъ поръ за границей, чѣмъ у насъ. Утвержденіе безспорнаго русскаго владычества на кавказскомъ перешейкѣ заключаетъ въ себѣ столько послѣдствій, необходимыхъ или возможныхъ, прямыхъ и косвенныхъ, что покуда еще невозможно обнять ихъ разомъ; они будутъ выказываться одно за другимъ, такою длинною цѣпью, что развѣ слѣдующее поколѣніе будетъ знать весь объемъ событій 1859 года.

Покуда еще нельзя писать исторію русскаго владычества на Кавказѣ. Для исторіи такого долгаго и сложнаго періода нужна предварительная разработка матеріаловъ, завалившихъ въ продолженіи шестидесяти лѣтъ многіе архивы; къ этому недавно только приступила особая коммисія. Когда нибудь Россія прочтетъ полную исторію кавказской войны, составляющей одинъ изъ великихъ и занимательнѣйшихъ эпизодовъ нашей исторіи, не только по важности вопросовъ, рѣшенныхъ русскимъ оружіемъ въ этомъ отдаленномъ углу имперіи, но и по чрезвычайному напряженію человѣческаго духа, которымъ борьба ознаменовалась съ обѣихъ сторонъ; по неслыханному упорству, съ которымъ она продолжалась десятки лѣтъ, безпрерывно видоизмѣняясь въ своемъ характерѣ; по особой нравственной физіономіи, если можно сказать, запечатлѣвшей сотни тысячъ Русскихъ, передвинутыхъ на Кавказъ. Приступать къ такому труду нельзя въ половину; но можно показать наглядно смыслъ событій кавказской войны въ ихъ причинахъ, движеніи и результатѣ. Въ этомъ состоитъ цѣль предстоящей книги. Каждый русскій долженъ знать, хотя въ главныхъ чертахъ, что

дѣлается на Кавказѣ, гдѣ бьются двѣсти тысячъ его соотечественниковъ.

Начало кавказской войны совпадаетъ съ первымъ годомъ текущаго столѣтія, когда Россія приняла подъ свою власть Грузинское царство. Это событіе опредѣлило новыя отношенія государства къ полудикимъ племенамъ Кавказа; изъ заграничныхъ и чуждыхъ намъ, они сдѣлались внутренними и Россія необходимо должна была подчинить ихъ своей власти. Отсюда возникла многолѣтняя и кровавая борьба, до сихъ поръ еще не совсѣмъ конченная. Кавказъ потребовалъ большихъ жертвъ; но чего бы онъ ни стоилъ, ни одинъ русскій не имѣетъ права на это жаловаться, потому что занятіе Закавказскихъ областей не было ни случайнымъ, ни произвольнымъ событіемъ въ русской исторіи. Оно подготовлялось вѣками, было вызвано великими государственными потребностями и исполнилось само собою. Еще въ шестнадцатомъ столѣтіи, когда русскій народъ уединенно выросталъ на берегахъ Оки и Волхова, отдѣленный отъ Кавказа дикою пустыней, священныя обязанности и великія надежды приковывали къ этому краю вниманіе первыхъ царей. Домашняя борьба съ мусульманствомъ, давившимъ Россію со всѣхъ сторонъ, была рѣшена. Чрезъ развалины татарскихъ царствъ, основанныхъ на русской почвѣ, московскому государству открылся обширный горизонтъ къ югу и востоку; тамъ, вдали, виднѣлись свободныя моря, богатая торговля, единовѣрные народы — грузины и кавказскіе горцы, тогда еще на половину христіане, протягивавшіе руку Россіи. Съ одной стороны Волга выводила русскихъ къ Каспійскому морю, окруженному богатыми народами, не имѣвшими ни одной лодки,—къ морю безъ хозяина; господство на этомъ морѣ необходимо вело современемъ къ владычеству надъ раздробленными и безсильными владѣніями прикаспійскаго Кавказа. Европейская торговля, отыскивая доступъ къ золотымъ странамъ востока, силилась пробить себѣ путь чрезъ Московское государство и сопредѣльныя съ нимъ пустыни, и увлекла за собой русскихъ на дорогу, и безъ того указанную естественнымъ положеніемъ ихъ земли. Съ другой стороны, въ Россію долетали стоны православной Грузіи, стоптанной варварскими нашествіями, изнеможенной безконечною борьбою, бившейся въ это время уже не за право быть самостоятельнымъ народомъ, а только за право неотречься отъ Христа. Мусульманское изу-

вѣрство, распаленное предъ этимъ новымъ ученіемъ шіитства, было въ полномъ разгарѣ. Отчаявшись преодолѣть твердость христіанскаго племени, персіяне систематически вырѣзывали населеніе цѣлыхъ областей. Начиная съ 16-го вѣка почти каждое грузинское семейство могло молиться мученикамъ своей крови. Въ Москву одну за другую привозили грузинскія святыни, спасаемыя отъ поруганія мусульманъ. И царь и простолюдинъ съ одинаковою скорбію слушали разсказы о неистовствахъ, совершаемыхъ невѣрными надъ православнымъ населеніемъ Грузіи; самыя сердечныя чувства народа были задѣты и влекли русскихъ на путь, уже указанный и политикой, и торговлей. И дѣйствительно, съ 16-го вѣка начались попытки русскихъ Царей, съ одной стороны поддержать изнемогавшую Грузію, съ другой утвердить свое торговое и политическое господство въ прикаспійскихъ странахъ. Эти попытки продолжались, развиваясь все въ большихъ размѣрахъ, до конца 18-го вѣка. Сначала онѣ представляли почти непреодолимыя препятствія. Россія еще не соприкасалась съ Кавказомъ; между ними лежала обширная пустыня, наполненная кочевыми хищниками и шайками бездомныхъ удальцовъ, почти непроходимая. Но тѣмъ временемъ русскій народъ выросталъ, поселенія раздвигались, пустыня превращалась по немногу въ заселенныя области. Въ началѣ 18-го вѣка все пространство отъ Оки до устій Дона и отъ Казани до Астрахани было уже занято цѣпью селъ и городовъ. И съ этого времени начинается цѣлый рядъ Кавказскихъ походовъ, совершенныхъ при Петрѣ Великомъ, Екатеринѣ I-й, Аннѣ Іоановнѣ, Екатеринѣ II-й и Павлѣ Петровичѣ; они становились все чаще по мѣрѣ того, какъ Россія подвигалась къ Кавказу. Къ концу вѣка русское племя доросло до европейскихъ рубежей своей земли—Чернаго моря и подножія Кавказа. Закавказскія владѣнія не были уже въ отношеніи къ Россіи въ такомъ географическомъ положеніи, въ какомъ теперь находится Хива; планы Петра Великаго могли быть приведены въ исполненіе безъ тѣхъ затрудненій, которые имъ предстояли въ 1722 году. Въ это самое время новый погромъ и новыя неистовства со стороны мусульманъ постигли Грузію. Стоя на Терекѣ и на Кубани, Россія не могла ограничиться безплодными сожалѣніями, какъ въ 16-мъ вѣкѣ, слушая разсказы о томъ, какъ на Курскомъ мостѣ въ Тифлисѣ персіяне заставляли православныхъ плевать въ чудотворный

образъ Богородицы и свергали непокорныхъ (а непокорными были всѣ) съ моста въ Куру, скоро запруженную тѣлами; или какъ двѣ тысячи молельщиковъ Давидо-Гореджійской пустыни были по очереди подводимы подъ топоръ во время совершенія заутрени на свѣтлое воскресенье. Независимо отъ самыхъ существенныхъ интересовъ, по которымъ обладаніе Кавказомъ составляло уже тогда для Имперіи дѣло первой важности, съ одной стороны религіознаго вопроса, Россія не могла отказать православной Грузіи въ защитѣ, не переставая быть Россіей. Манифестомъ 18 Января 1801 года Павелъ Петровичъ принялъ Грузію въ число русскихъ областей, по завѣщанію послѣдняго Грузинскаго Царя Георгія XIII.

Въ то время споръ за господство на Черномъ морѣ шелъ у насъ только съ одною Турціею. Но Турція была уже объявлена несостоятельною политически; она уже находилась подъ опекою Европы, которая ревниво блюла ея цѣлость, потому что не могла принять равнаго участія въ дѣлежѣ. Не смотря на это искуственное равновѣсіе, опертое на остріе иглы, между великими державами начиналась борьба за преобладающее вліяніе на Турцію и все принадлежащее ей. Европа проникала въ отжившую массу Азіи съ двухъ сторонъ, съ запада и юга; для нѣкоторыхъ европейцевъ азіятскіе вопросы получили первостепенную, исключительную важность. Въ предѣлахъ Турціи, если не дѣйствительныхъ, то предполагаемыхъ дипломатически, заключались Черное море и Закавказье; это государство простирало свои притязанія до берега Каспійскаго моря и легко могло осуществить ихъ первымъ успѣхомъ, одержаннымъ надъ персіянами. Но неясно очерченная масса турецкой имперіи начинала уже переходить изъ одного вліянія подъ другое. Было очевидно, что споръ за Черное море, за всѣ воды и земли, на которыя простирались притязанія Турціи, рано или поздно, при первомъ удобномъ политическомъ сочетаніи, станетъ споромъ европейскимъ и будетъ обращенъ противъ насъ, потому что вопросы о западномъ вліяніи или господствѣ въ Азіи не терпятъ раздѣла; соперникъ тамъ смертеленъ для европейскаго могущества. Чье бы вліяніе или господство не простерлось на эти страны (между которыми были земли безъ хозяина, какъ напримѣръ весь кавказскій перешеекъ), оно стало бы во враждебныя отношенія къ намъ. Между тѣмъ владычество на Черномъ и Каспійскомъ моряхъ, или въ случаѣ крайности, хоть нейт-

ралитетъ этихъ морей, составляетъ жизненный вопросъ для всей южной половины Россіи, отъ Оки до Крыма, въ которой все болѣе и болѣе сосредоточиваются главныя силы имперіи и личныя и матеріальныя. Эта половина государства создана, можно сказать, Чернымъ моремъ. До завоеванія Екатерины, она была въ такомъ же положеніи, какъ теперь Уральскій край и южная Сибирь, поселеніями вдвинутыми въ безвыходную степь; владѣніе берегомъ сдѣлало ее самостоятельною и самою богатою частію имперіи. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, съ устройствомъ закавказской желѣзной дороги, которая необходимо привлечетъ къ себѣ обширную трапезондтскую торговлю съ верхней Азіей, при быстромъ развитіи волжскаго и морскаго пароходства, при составившейся компаніи азіятской торговли, пустынное Каспійское море создастъ для юго-восточной Россіи то же положеніе, какое Черное море уже создало для юго-западной. Но охранять свои южные бессейны Россія можетъ только съ кавказскаго перешейка; континентальному государству, какъ наше, нельзя поддержать своего значенія, ни заставить уважать свою волю тамъ, куда его пушки не могутъ дойти по твердой почвѣ. Еслибъ горизонтъ Россіи замыкался къ югу снѣжными вершинами кавказскаго хребта, весь западный материкъ Азіи находился бы совершенно внѣ нашего вліянія и при нынѣшнемъ безсиліи Турціи и Персіи, не долго бы дожидаться хозяина или хозяевъ. Южныя Русскія области упирались бы не въ свободныя воды, но въ бассейны и земли, подчиненныя враждебному вліянію. Если этого не случилось и не случится, то потому только, что русское войско, стоящее на Кавказскомъ перешейкѣ, можетъ обхватить южные берега этихъ морей, протянувши руки въ обѣ стороны.

Враждебное вліяніе не остановилось бы на кавказскомъ перешейкѣ. Рядъ водныхъ бассейновъ, вдвинутыхъ въ глубь азіятскаго материка, отъ Дарданеллъ до Аральскаго моря, съ его судоходнымъ притокомъ Аму-Дарьей, прорѣзывающимъ всю среднюю Азію почти до индійской границы—слишкомъ заманчивый путь для торговли, пробивающейся теперь чрезъ бездорожные хребты и высокія плоскости Арменіи и Адербейджана. Европейская торговля съ Азіей шла этимъ путемъ тысячи лѣтъ, была прервана турками, когда они, взявши Константинополь, заперли Черное море, и возобновилась бы въ началѣ этого вѣка, еслибъ кавказскій перешеекъ оставался безъ вла-

дыки. Но кто не знаетъ что такое европейская торговля въ Азіи? Соприкосновеніе двухъ породъ столь не равныхъ силъ начинается тамъ ситцами, а кончается созданіемъ подвластной имперіи во 150 милліоновъ жителей. Еслибъ торговля нѣкоторыхъ европейцевъ установилась по направленію внутреннихъ азіятскихъ бассейновъ сама собою, до, или по-мимо нашего господства за Кавказомъ, путь ея былъ бы предѣломъ нашихъ отношеній къ Азіи. Все лежащее за чертой, протянутой отъ устья Кубани къ сѣверному берегу Аральскаго моря и дальше, было бы слито въ одну враждебную намъ группу и мы выиграли бы только то, что вся южная граница имперіи на нѣсколько тысячъ верстъ, отъ Крыма до Китая, сдѣлалась бы границей въ полномъ смыслѣ слова, потребовала бы крѣпостей и арміи для своего охраненія; чистая выгода въ смыслѣ «мирнаго развитія внутреннихъ силъ государства». Для обороны кавказской линіи пришлось бы вѣроятно употребить тѣ же войска, какія занимаютъ ее теперь, но уже безъ всякой надежды на окончаніе этого положенія. Европейская торговля съ Персіей и внутренней Азіей, проходящая чрезъ кавказскій перешеекъ, подчиненный русскому господству, обѣщаетъ государству положительныя выгоды; та же самая торговля, прошедшая чрезъ Кавказъ, независимый отъ насъ, создала бы для Россіи нескончаемый рядъ утратъ и опасностей. Кавказская армія держитъ въ своихъ рукахъ ключъ отъ востока; это до того извѣстно нашимъ недоброжелателямъ, что во время истекшей войны нельзя было открыть англійской брошюры, чтобы не найти въ ней толковъ о средствѣ очистить Закавказье отъ русскихъ. Но если отношенія къ востоку составляютъ вопросъ первой важности для другихъ, то для Россіи они осуществляютъ историческую необходимость, уклониться отъ которой не въ ея власти.

Россія на пространствѣ десяти тысячъ верстъ не соприкасается, но смѣшивается съ мусульманской и языческой Азіей. Предѣлы ея выдвигаются впередъ не въ слѣдствіе однихъ политическихъ разсчетовъ, но по требованію домашняго управленія и внутренняго хозяйства, какъ обработанныя поля владѣльца, поселившагося въ новой, никому не принадлежащей землѣ. За русскимъ рубежемъ и до самаго края земли, все въ Азіи тлѣетъ и разрушается. Азіатскія общества держались вѣка, какъ трупъ, до котораго не касается воздухъ въ могилѣ, держались отсутствіемъ посторонней стихіи; какъ только жи-

выя силы Европы дохнули на нихъ, они стали разсыпаться. Нынѣшніе народы западной половины Азіи давно уже перестали быть общественными организмами; они сдѣлались численнымъ собраніемъ мусульманъ, случайно, безъ малѣйшаго сочувствія соединенныхъ подъ тою или другою мѣстною властію. Исламизмъ проникъ во всѣ ихъ общественныя поры и совершенно вытѣснилъ народность, какъ известковый растворъ вытѣсняетъ мало-по-малу все вещество древней раковины, облекаясь въ ея форму; онъ овладѣлъ всѣмъ человѣкомъ и окаменилъ его въ однажды данной формѣ, не оставляя никакого мѣста ни общественному, ни личному развитію, не проистекающему изъ корана. Гражданское устройство мусульманскихъ народовъ, ихъ судъ, финансы, личныя и семейныя отношенія установлены по шаріату, неизмѣнному до конца міра, какъ непреложное откровеніе. Личность человѣка усыплена въ мусульманствѣ еще болѣе, чѣмъ общество. Въ этомъ отношеніи исламизмъ вполнѣ можетъ назваться разсудочной религіей; онъ объясняетъ міръ и ставитъ человѣку цѣль разсудительно, естественно, довольно близко ко всемірному преданію. понятно для всякаго ума и потому совершенно удовлетворительно; но въ тоже время безъ малѣйшаго нравственнаго идеала. который могъ бы освятить душу. Исламизмъ беретъ человѣческую природу какъ она есть, со всѣмъ ея свѣтомъ и со всею ея грязью, благословляетъ въ ней все одинаково, даетъ законный исходъ хорошему и дурному, обѣщая продолженіе такого состоянія въ самой вѣчности. Обязанности, налагаемыя этой религіей, состоятъ въ легкой обрядности и ненависти къ невѣрнымъ. Мусульманинъ выноситъ изъ своей вѣры достаточное удовлетвореніе умственное и невозмутимое довольство самимъ собою. Это настроеніе необходимо разрѣшается на практикѣ крайнею апатіею. Къ чему можетъ стремиться человѣкъ, когда онъ есть уже все, чѣмъ долженъ быть, человѣкъ, котораго не гложетъ сомнѣніе, но не манитъ также никакой идеалъ? Мусульманство прокатилось по землѣ огненнымъ потокомъ и теперь еще производитъ страшные пожары въ мѣстахъ, куда оно проникаетъ вновѣ, чему примѣромъ служитъ Кавказъ. Могущество перваго взрыва мусульманства происходитъ именно отъ освященія дурныхъ сторонъ человѣческой природы—разнузданности страстей, звѣрства, фанатизма. Въ сущности исламизмъ есть религія страсти, ученіе въ полномъ смыслѣ под-

жигательное; онъ воспламеняетъ людей, удвоиваетъ ихъ силы, дѣлаетъ ихъ способными къ великимъ вещамъ на столько, на сколько въ человѣкѣ или цѣломъ народѣ достаетъ горючаго матеріала. Когда нравственный пожаръ кончится, отъ мусульманства остается только пепелъ, одна безплодная обрядность, общественный и умственный застой, апатія пьяницы съ похмѣлья. Въ три вѣка исламизмъ исчерпалъ до дна свое неглубокое содержаніе, и съ тѣхъ поръ застылъ какъ трупъ. Кто видѣлъ и знаетъ до какой степени нынѣшнимъ азіятцамъ чужды понятія объ отечествѣ, о всякомъ общественномъ интересѣ, о первыхъ обязанностяхъ гражданина; до какой степени они равнодушны къ тому, что люди называютъ своей землей, лишь бы не было возмущено ихъ личное спокойствіе; въ какой мѣрѣ они презираютъ свои правительства, не помышляя даже объ ихъ улучшеніи; какъ мало трогаютъ ихъ отечественныя событія,—тотъ не можетъ ни на минуту сомнѣваться, что послѣдній часъ пробилъ для этихъ человѣческихъ скопищъ, лишенныхъ всякой внутренней связи. Усилія нѣкоторыхъ мусульманскихъ правительствъ преобразовать государство на европейскій ладъ разрушили послѣднее основаніе этихъ дряхлыхъ народовъ—вѣру. Общественный законъ всѣхъ мусульманъ—шаріатъ, есть откровеніе; уничтожить или измѣнить его, значитъ отвергнуть слово Божіе. Реформы въ Азіи съ одной стороны оттолкнули отъ власти массы, привели ихъ въ броженіе, создали мусульманское франмасонство, весьма похожее на мюридизмъ въ его началѣ, обвивавшее тайными ложами большую часть мусульманскаго міра; съ другой—создали оффиціальный классъ образованныхъ мусульманъ, которые вѣрятъ въ одно только деньги, кто бы ихъ ни давалъ. Что будетъ съ Азіей, разгадать этого еще нельзя; но въ такомъ видѣ какъ теперь, она не можетъ существовать. Или въ ней совершится внутренній переворотъ, чего невидать и признака, или она сдѣлается добычей. Во всякомъ случаѣ Россія не можетъ допустить, чтобы безъ ея участія устроилась судьба цѣлой части свѣта, съ которой она слита почти безраздѣльно, съ которой она живетъ, можно сказать, подъ одной кровлей. Рѣшеніе спора христіанства съ исламизмомъ, покинутое Европою съ 14-го вѣка, съ того же времени какъ бы свыше предоставлено одной Россіи и сдѣлалось, сознательно или безсознательно, ея народнымъ дѣломъ. Всѣ ея сочувствія и всѣ интересы, даже

независимо отъ ея воли, изъ вѣка въ вѣкъ, періодически ставять ее лицомъ къ лицу противъ всевозможныхъ видоизмѣненій этого вопроса.

Но дѣйствительная связь Россіи съ Азіей, узелъ ихъ—на Кавказѣ. На всемъ остальномъ пространствѣ между осѣдлой Азіей и русской границей, отъ Амура до Каспійскаго моря, тянется пустыня, которая къ концу вѣка будетъ уже, можетъ быть, нѣсколько населена и станетъ удобопроходимой; но до тѣхъ поръ многое можетъ случиться. Чрезъ кавказскій перешеекъ и его домашній бассейнъ—Каспійское море, Россія соприкасается непосредственно со всей массой мусульманской Азіи. Съ кавказскаго перешейка Россія можетъ достать всюду, куда ей будетъ нужно; и здѣсь же именно полувѣковая борьба съ мусульманскимъ фанатизмомъ создала единственную армію, которая можетъ выносить, безъ разстройства, безконечныя лишенія азіятскихъ походовъ.

Для Россіи кавказскій перешеекъ вмѣстѣ и мостъ, переброшенный съ русскаго берега въ сердце азіятскаго материка, и стѣна, которою заставлена средняя Азія отъ враждебнаго вліянія, и передовое укрѣпленіе, защищающее оба моря: Черное и Каспійское. Занятіе этого края было первою государственною необходимостію. Но покуда русское племя доросло до подошвы Кавказа, все измѣнилось въ горахъ. Выбитый изъ европейской Россіи, исламизмъ работалъ неутомимо три вѣка, чтобы укрѣпить за собою естественную ограду Азіи и мусульманскаго міра—кавказскій хребетъ,—и достигъ цѣли. Вмѣсто прежнихъ христіанскихъ племенъ, мы встрѣтили въ горахъ самое неистовое воплощеніе мусульманскаго фанатизма.— Шестьдесятъ лѣтъ продолжался штурмъ этой гигантской крѣпости; вся энергія стариннаго мусульманства, давно покинувшая разслабленный азіятскій міръ, сосредоточилась на его предѣлѣ, въ кавказскихъ горахъ. Борьба была неистовая, пожертвованія страшныя. Россія не отставала и преодолѣла, зная что великимъ народамъ, на пути къ назначенной имъ цѣли, полагаются и препятствія въ мѣру ихъ силы.

II.

МЮРИДИЗМЪ.

Весной 1801 года генералъ Кноррингъ принялъ Грузію подъ русскую власть. Въ это время всѣ страны Кавказа, и горы, и за-горныя области, находились въ состояніи совершеннѣйшаго хаоса; общество здѣсь распадалось не отъ внутренняго истлѣнія, но отъ безконечнаго и неслыханнаго внѣшняго насилія. Весь Кавказъ обращенъ былъ въ одинъ невольничій рынокъ. Стоитъ только вспомнить, что цѣлыя войска мамелюковъ и багдадскихъ гюрджей были поголовно составлены изъ кавказскихъ невольниковъ; что первоначальные янычары имѣли такое же происхожденіе; что всѣ бѣлые невольники Турціи и Персіи вывозились съ Кавказа; что турецкіе гаремы были наполнены кавказскими женщинами и что этой причиной этнологія объясняетъ измѣненіе типа османовой орды въ нынѣшній турецкій; стоитъ только соединить эти факты, чтобы представить себѣ положеніе, изъ котораго русская сила извлекла Кавказъ. Съ тѣхъ поръ какъ грузинское царство, властвовавшее прежде надъ горами, было стоптано нашествіемъ чингисхановой орды, всякая мысль о правѣ и порядкѣ исчезла съ кавказскаго перешейка. Здѣшнія племена раздѣлились на двѣ стороны — на охотниковъ и на добычу, смотря потому, гдѣ они жили—въ непроходимой трущобѣ, или на открытыхъ поляхъ. Но и это различіе современемъ исчезло. Пріучаемые съ дѣтства къ ловлѣ людей, горцы такъ сроднились съ этимъ ремесломъ, что перенесли его въ собственныя ущелья. Возвращаясь съ охоты въ чужомъ краю, они ставили ловушку сосѣду, крали его дѣтей, подъ часъ продавали собствен-

ныхъ. Землей и моремъ отправлялись съ Кавказа грузы невольниковъ, но только не черныхъ, какъ на Гвинейскомъ берегу, а людей европейскаго племени, по большей части христіанъ. Въ полномъ 18-мъ столѣтіи Кавказъ жилъ жизнію доисторическихъ временъ, когда такими же средствами закладывалась для древнихъ обществъ основа всемірнаго невольничества.

Принятіе Грузіи подъ русскую власть положило конецъ этому позору, но не разомъ. Чтобъ очистить Закавказье отъ лезгинскихъ шаекъ, надобно было, въ продолженіи 15-ти лѣтъ, истреблять ихъ, какъ истребляютъ хищныхъ звѣрей; а въ это время русскія силы за горами были не велики и заняты болѣе серіозною борьбою. Персія и Турція, раздѣленныя три вѣка непримиримою враждою, возстали заодно противъ христіанскаго владычества за Кавказомъ; нашимъ войскамъ пришлось вести многолѣтнюю и упорную войну въ пропорціи одного противъ десяти. Къ счастію, въ это время мусульманскія государства уже отжили свой вѣкъ и сохранили одну наружность прежняго могущества; первая встрѣча съ европейцами разоблачила ихъ безсиліе. Тѣмъ не менѣе численныя силы Персіи и Турціи были такъ велики, усилія этихъ государствъ выбить насъ изъ Закавказья такъ настойчивы, что небольшой грузинскій корпусъ долженъ былъ почти весь сосредоточиться на южной границѣ; для защиты закавказскихъ областей отъ горцевъ, оставалось нѣсколько баталіоновъ, которые не могли вносить войну въ горы и ограничивались по необходимости преслѣдованіемъ разбойничьихъ шаекъ внутри края. Наступательная война противъ горцевъ началась дѣйствительно только съ назначеніемъ главноуправляющимъ кавказскимъ краемъ генерала Ермолова въ 1816 году.

Въ то время весь горный поясъ кавказскаго перешейка вплоть отъ Чернаго до Каспійскаго моря въ длину, отъ Кубани и Терека до южнаго склона хребта въ ширину, былъ занятъ независимыми и враждебными намъ племенами. Только двѣ дороги связывали закавказскія области съ Россіей: одна Дарьяльская, проложенная съ незапамятныхъ временъ по ущелью Терека чрезъ самую средину кавказскаго хребта, другая по берегу Каспійскаго моря. И тамъ и здѣсь могли проходить лишь колонны, готовыя всякую минуту дать отпоръ непріятелю. Населеніе горъ, не смотря на коренныя различія

между племенами по наружному типу и языку, всегда было проникнуто совершенно одинаковымъ характеромъ въ отношеніи къ сосѣдямъ, кто бы они ни были: характеромъ людей, до того сроднившихся съ хищничествомъ, что оно перешло къ нимъ въ кровь, образовало изъ нихъ хищную породу, почти въ зоологическомъ смыслѣ слова. Кавказскіе горцы, въ теченіи тысячилѣтій, не заимствовали отъ окружающихъ ничего, кромѣ усовершенствованій въ оружіи; въ этомъ дѣлѣ они были въ высокой степени переимчивы; во всемъ прочемъ между ними и сосѣдями не происходило никакого умственнаго соприкосновенія. Обрывки племенъ, которыхъ слѣдъ давно исчезъ на землѣ, кавказскія общества сохранили въ своихъ бездонныхъ ущельяхъ первобытный образъ, какъ сохраняются остатки старины въ могилахъ. Ихъ раздѣляли отъ подгорныхъ жителей не только за-облачные хребты, но ряды вѣковъ, протекшихъ съ того времени, когда онѣ выдѣлились изъ человѣческой семьи. Безъ общенія съ сосѣдями, горскія племена не общились и между собою и по немногу каждое племя утратило чувство своего кровнаго единства, распалось на мелкія общества, ограниченныя пространствомъ одной горной долины. Тутъ было единственное отечество горца, единственный уголъ на землѣ, въ которомъ онъ признавалъ за людьми право жить; на весь прочій міръ онъ смотрѣлъ враждебно и считалъ его законной добычей. Теперь только одна филологія можетъ возстановить историческій типъ племенъ заселившихъ Кавказъ, связать ихъ съ чѣмъ-нибудь существующимъ или существовавшимъ.—На изорванныхъ ребрахъ Кавказа остались слѣды всѣхъ переселеній бѣлой породы, историческихъ и доисторическихъ, какъ на колючемъ заборѣ шерсть отъ прогоняемыхъ стадъ. Эти обрывки зарылись въ недосягаемыя ущелья, окаменѣли въ своемъ первообразномъ видѣ и теперь представляютъ сборникъ живыхъ образцовъ изъ эпохи, отъ которой не осталось людямъ ничего кромѣ нѣсколькихъ непонятныхъ преданій. Но пока еще наука не коснулась этого предмета, мы знаемъ наглядно, что кавказскій хребетъ заселенъ семью совершенно различными народами. Дагестанъ, покорный и непокорный, занимаютъ три племени, которыхъ русскіе окрестили общимъ названіемъ лезгинъ, но которыя рознятся коренными образомъ и языкомъ и наружнымъ видомъ. Первое племя—цунта, живетъ вдоль становаго хребта, обращеннаго къ Грузіи; второе—

аварское, засѣло въ сѣверной части нагорнаго Дагестана; третье — казикимухское, занимаетъ страну на востокъ отъ этихъ племенъ до Каспійскаго моря. На сѣверномъ склонѣ горнаго хребта, перерѣзывающаго группу восточнаго Кавказа діагонально отъ Ю. З. къ С. В. живетъ чеченское племя, которое называетъ себя нохче. Средина Кавказскаго хребта, самая узкая и высокая, заселена осетинами (иронъ), племенемъ сравнительно новѣйшимъ, потому что нѣкоторый, хотя и слабый слѣдъ его переселенія на Кавказъ, еще мерцаетъ въ исторіи. Вся западная группа Кавказа занята многочисленнымъ народомъ адыговъ, обыкновенно называемыхъ черкесами, которые заселили также и кабардинскую равнину, но уже въ позднѣйшіе вѣка. Наконецъ, въ углу между западнымъ хребтомъ, Чернымъ моремъ и Мингреліей основалось абхазское племя.

Начеленіе горъ, состоящее изъ этихъ семи первобытныхъ народовъ, простиралось въ старину довольно далеко во всѣ стороны по смѣжнымъ равнинамъ; оно было заперто въ ущельяхъ Кавказа нашествіемъ татарской орды Чингисъ-хана, составившей послѣдній племенной наплывъ на кавказскомъ перешейкѣ. Татары заняли подгорныя страны съ трехъ сторонъ и въ срединѣ Кавказскаго хребта, между осетинами и адыгами врѣзались въ глубину горъ, истребивъ туземцевъ. Но кромѣ того, въ нѣкоторыхъ долинахъ Кавказа, самыхъ дикихъ и недоступныхъ, на нѣкоторыхъ террасахъ отдѣльно возвышающихся посреди хаоса скалъ и отроговъ, сохранились урывки племенъ въ одну, двѣ, три деревни, населенныя людьми, языка которыхъ никто не понимаетъ; такихъ исключеній можно насчитать довольно много. Различіе между племенами Кавказа состоитъ не только въ языкѣ, но и въ наружности; самый духовный складъ человѣка весьма отличенъ и доказываетъ, что эти племена оторвались отъ своихъ корней на степени развитія далеко не одинаковой. Между тѣмъ, какъ сильный народъ адыговъ представляетъ общественное состояніе, поразительно сходное съ варварскимъ бытомъ V и VI вѣка, основанное на сознанномъ правѣ и потому заключающее въ себѣ зародыши возможнаго развитія, еслибъ этотъ народъ находился въ другомъ положеніи; въ то же время большая часть лезгинъ нагорнаго Дагестана и чеченцы составляютъ типъ общества, до того распавшагося, что отъ него не осталось ничего кромѣ отдѣльныхъ лицъ, которыя терпятъ другъ друга только изъ

страха кровной мести. Вліяніе исламизма, утвердившагося въ приморскомъ Дагестанѣ, еще при Аббасидахъ, наложило на восточныя лезгискія племена нѣкоторый оттѣнокъ гражданскаго устройства хотя тѣмъ, что подчинило ихъ наслѣдственнымъ владѣтелямъ, которые могли своему подданному рѣзать голову безнаказанно и неопасаясь мести за кровь, если могли только съ нимъ сладить. Просвѣщеніе христіанствомъ южныхъ горскихъ племенъ цунтинскаго и осетинскаго, предпринятое въ славный періодъ грузинскаго царства, исчезло вмѣстѣ съ значеніемъ Грузіи, не оставивъ въ первомъ племени даже слѣдовъ и оставивъ во второмъ однѣ смутныя воспоминанія. Все остальное населеніе горъ, особенно восточной половины Кавказа, оставалось цѣлыя тысячелѣтія недоступнымъ постороннему вліянію. Замкнутые въ своихъ неприступныхъ ущельяхъ, кавказскіе горцы сходили на равнину только для грабежа и убійства; дома дни ихъ проходили въ самой тупоумной праздности. И теперь горецъ, имѣющій какое-нибудь состояніе, съ утра до вечера неподвижно сидитъ въ дверяхъ сакли и рѣжетъ ножемъ палочку. Религія, если только до послѣдняго времени у восточныхъ кавказскихъ племенъ существовала другая религія кромѣ шаманства, давно была позабыта, не оставивъ и слѣда мысли о высшемъ мірѣ, и тѣни понятія о какой-либо обязанности, ничего кромѣ боязни нѣкоторыхъ нечистыхъ вліяній. Безъ надежды, безъ отвѣтственности и безъ мышленія, безъ отечества, кромѣ нѣсколькихъ домовъ своей деревни, живя разбоемъ и не боясь за него никакой отплаты въ своемъ полувоздушномъ гнѣздѣ, проводя такимъ образомъ вѣка за вѣками, кавказскій горецъ выдѣлалъ себѣ природу плотояднаго звѣря, который безсмысленно лежитъ на солнцѣ, пока не чувствуетъ голода и потомъ терзаетъ жертву безъ злобы и безъ угрызеній. Съ 13-вѣка развилась на Кавказѣ, какъ промышленность охота за людьми для продажи и низвела понятія горца на послѣднюю степень растлѣнія; онъ сталъ понимать значеніе человѣка только въ смыслѣ промѣна на серебряную гайку. Совсѣмъ тѣмъ, это нужно замѣтить тутъ же, развращеніе кавказскихъ племенъ было только наружное. Горецъ былъ какъ ребенокъ, воспитанный въ дурныхъ примѣрахъ, перенявшій ихъ безотчетно, но сохранившій еще всю свѣжесть своей спящей души; онъ никогда не упадалъ до степени гвинейскаго негра, сохраняя надъ нимъ неизмѣримыя

преимущества своей чистой, богато одаренной яфстической породы. Мюридизмъ доказалъ какъ дѣвственна еще была душа этихъ людей, сколько пламени, самоотверженія, религіозности обнаружила въ нихъ первая общая идея, проникшая въ ихъ мысль. Всю энергію, развитую вѣками боевой жизни, горцы отдали на служеніе ей. До тѣхъ поръ они были воинами только для войны,—разбойниками или наемными солдатами. Единственныя войска, которыя востокъ, послѣ охлажденія перваго взрыва мусульманства, могъ противупоставлять европейцамъ, были всегда составлены изъ кавказцевъ; чистыя азіятскія арміи никогда не могли выдержать европейскаго напора иначе, какъ при несоразмѣрномъ численномъ превосходствѣ. Въ отношеніи военной энергіи сравнивать кавказскихъ горцевъ съ алжирскими арабами или кабилами, изъ которыхъ французское краснобайство сдѣлало страшныхъ противниковъ, можетъ быть только смѣшно. Никогда алжирцы, ни въ какомъ числѣ не могли взять блокгауза, защищаемаго 25-ю солдатами. Адыги и лезгины брали голыми руками крѣпости, гдѣ сидѣлъ цѣлый кавказскій батальонъ; они шли на картечь и штыки неустрашимыхъ людей, рѣшившихся умереть до одного, взрывавшихъ въ послѣднюю минуту пороховые магазины, и всетаки—шли; заваливали ровъ и покрывали брустверъ своими тѣлами, взлетали на воздухъ вмѣстѣ съ защитниками, но овладѣвали крѣпостію.

Въ осьмисотыхъ годахъ разбой въ беззащитномъ подгорномъ краѣ былъ главнымъ ремесломъ горцевъ. Какіе договоры были возможны съ подобными людьми, раздѣленными въ добавокъ на сотни независимыхъ обществъ? Когда въ первое время русскаго владычества въ Грузіи, кавказское начальство потребовало отъ кюринскаго общества, сравнительно образованнѣйшаго между лезгинами, чтобы оно уняло своихъ разбойниковъ, кюринскіе старшины отвѣчали: мы честные люди, земли пахать не любимъ, живемъ и будемъ жить разбоемъ, какъ жили наши отцы и дѣды. Какими средствами, кромѣ оружія, можно было обуздать горскія племена? а между тѣмъ они отдѣляли закавказскія области отъ Россіи сплошнымъ поясомъ въ 200 и 250 верстъ ширины, и мы не имѣли другихъ сообщеній съ новыми владѣніями, какъ чрезъ этотъ непріязненный край. Чтобы владѣть Закавказьемъ, надо было покорить Кавказъ.

Исполненіе этого дѣла въ самомъ началѣ было несравненно легче, чѣмъ теперь. Тогда непокорныя горы состояли изъ одной восточной группы; западный Кавказъ номинально принадлежалъ еще Турціи и достаточно охранялся жившими на пограничной чертѣ черноморскими и линейными казаками, не развлекая нашихъ силъ. Въ двадцатыхъ годахъ между горскими обществами не существовало никакой политической связи, даже рѣдко обнаруживалось сочувствіе. Когда шло дѣло о набѣгѣ въ наши предѣлы, удальцы изъ разныхъ племенъ стекались подъ начальство извѣстнаго въ горахъ атамана и потомъ расходились по домамъ. Это былъ союзъ частныхъ людей, въ которомъ общества не принимали никакого участія. Не было въ виду добычи, не было и союза. Оттого, при нашемъ наступленіи, каждое общество защищалось и покорялось отдѣльно. Мусульманскаго фанатизма у горцевъ еще не существовало, какъ не существовало и самой религіи, кромѣ названія, и потому совѣсть ихъ не тревожилась, признавая власть гяуровъ. Защищая свою независимость, горцы защищали только право грабить подгорный край. Наконецъ, сила регулярнаго оружія противъ людей, не видавшихъ ничего подобнаго, на первыхъ порахъ была неотразима. Въ двадцатыхъ годахъ горцы рѣшительно не выдерживали артиллерійскаго огня; не смотря на свою храбрость и ловкость, они были безсильны передъ сомкнутой массой, какъ передъ подвижною крѣпостью. Самые отважные разбойники не скоро и не легко превращаются въ воиновъ. При такомъ положеніи дѣла, отрядъ въ нѣсколько ротъ могъ считаться на Кавказѣ самостоятельнымъ и дѣйствовать наступательно противъ раздѣленнаго, равнодушнаго и неустроеннаго непріятеля. Затрудненіе состояло въ одномъ: въ безконечномъ раздробленіи военнаго театра на отдѣльныя клѣтки, требующія каждая самостоятельной операціи. Какъ бы ни было слабо сопротивленіе непріятеля, въ такой загроможденной мѣстности, какъ кавказская, нельзя дѣлать прыжка чрезъ нѣсколько клѣтокъ вдругъ. Чтобы перевалиться изъ одной завоеванной долины въ сосѣднюю, чрезъ едва проходимый горный хребетъ, нужно занять первую прочно, перенести въ нее самое основаніе приготовляемой экспедиціи, иначе походъ будетъ только набѣгомъ; а какихъ результатовъ ждать отъ набѣга въ странѣ, гдѣ цѣлый день надо лѣзть на одну гору, останавливаясь поминутно, чтобы

перевести дыханіе? Идти впередъ—значить и значило на Кавказѣ подвигаться постепенно, прочно занимая каждую долину, для чего нужно одно изъ двухъ: или большую силу, или большое время. При первомъ условіи мы могли дѣйствовать безостановочно, подаваясь со всѣхъ сторонъ отъ окружности къ центру; при второмъ условіи, надо было ждать, чтобы вновь покоряемыя общества привыкли къ нашей власти, обратились бы въ послушныхъ данниковъ и тогда только, не боясь уже за свой тылъ, предпринимать дальнѣйшее завоеваніе. Въ ту пору предпочли положиться на время. Тогда ничто еще не предсказывало будущаго взрыва; по всей человѣческой вѣроятности можно было думать, что, какъ бы ни были медленны наши дѣйствія, мы успѣемъ покорить горцевъ прежде чѣмъ они измѣнятъ своимъ тысячелѣтнимъ привычкамъ; а между тѣмъ содержаніе войскъ на Кавказѣ стоило вдвое дороже чѣмъ въ Россіи. На этомъ основаніи кавказскій корпусъ былъ оставленъ въ прежнихъ силахъ, не смотря на то, что сотни тысячъ русскихъ солдатъ возвратились изъ-за границы. Сорокъ пять тысячъ человѣкъ должны были дѣйствовать въ одно и тоже время наступательно и оборонительно противъ враждебной страны въ 1000 верстъ длиною, обхватывая ее съ обѣихъ сторонъ. При такихъ условіяхъ, дѣйствія съ нашей стороны не могли быть рѣшительными, не смотря на раздробленность непріятеля. Генералъ Ермоловъ не имѣлъ достаточно силъ для того, чтобы вести нѣсколько операцій разомъ и поневолѣ долженъ былъ ограничиваться необходимѣйшими. Со всѣмъ тѣмъ, много было совершено въ этотъ періодъ времени, не даромъ оставшійся въ памяти Россіи. Занятіе Шамхальскаго владѣнія, завоеваніе Кюринскаго и Казикумухскаго ханствъ, Акуши, большой и малой Кабарды, погромъ Чечни, связали закавказскія области съ Россіей двумя широкими поясами покорныхъ странъ, разрѣзали враждебный край на двѣ отдѣльныя группы безъ сообщенія и сильно поколебали увѣренность горцевъ въ неодолимости ихъ убѣжищъ. Еще десять или пятнадцать лѣтъ подобныхъ усилій, противъ подобнаго же непріятеля, вѣроятно привели бы насъ къ желанной цѣли. Восточный Кавказъ, окруженный со всѣхъ сторонъ нашими владѣніями, поглощавшій наибольшую часть нашихъ средствъ, былъ бы покоренъ. Но у насъ не стало времени. Какъ только персидская и турецкая войны отвлекли русскія силы къ

южной границѣ, религіозный заговоръ, нѣсколько лѣтъ уже подрывавшій въ тайнѣ почву подъ нашими ногами, вдругъ сбросилъ маску и увлекъ все населеніе горъ поголовно въ безпощадную битву противъ христіанъ. Положеніе русскаго владычества на Кавказѣ внезапно измѣнилось.

Вѣроятно еще не скоро сосчитають милліоны рублей и тысячи людей, которыхъ стоитъ Россіи появленіе въ городахъ мюридизма. Вліяніе этого событія простерлось далеко, гораздо дальше, чѣмъ кажется съ перваго разу. Во всякомъ случаѣ, оно довольно важно для государства и въ прошедшемъ и въ будущемъ, чтобы постараться опредѣлить его мысль.

Мусульманство зашло на Кавказъ съ двухъ разныхъ сторонъ. Восточныя горы приняли его отъ арабскаго халифата въ 7-мъ и 8-мъ вѣкѣ, западныя отъ Турціи въ 17-мъ и 18-мъ. Глубина корней, которые исламизмъ пустилъ на Кавказѣ, соотвѣтствуетъ относительной древности этихъ эпохъ: въ восточной половинѣ онъ проникъ массу народа, въ западной одно только высшее сословіе. Этотъ фактъ объясняетъ почему лезгины такъ скоро увлеклись мюридизмомъ и почему черкесы, не смотря на всѣ усилія проповѣдниковъ, такъ туго ему поддаются. Но и въ восточной группѣ не всѣ племена одинаково старые мусульмане. Магометанство въ этомъ краѣ долго ограничивалось однимъ приморскимъ Дагестаномъ, уравновѣшиваемое въ горахъ вліяніемъ христіанской Грузіи. Только съ паденіемъ грузинскаго царства горскія общества стали по немногу привыкать къ обрядамъ исламизма, но держались ихъ еще далеко не въ ровной степени, когда началась на Кавказѣ мюридическая проповѣдь. Она разомъ увлекла старыхъ мусульманъ приморскаго Дагестана; но въ горахъ восторжествовала только послѣ серьезной борьбы. До этого времени мусульманство было распространено на Кавказѣ, цѣлыя столѣтія не оказывая никакого вліянія ни на общественное, ни на личное состояніе горцевъ; все что было сказано о племенахъ языческихъ, прилагается безъ перемѣны къ племенамъ мусульманскимъ; разница была только въ бритыхъ головахъ. Горцы потому и поддались исламизму, что онъ оправдывалъ ихъ свирѣпый характеръ, придавалъ ему законное освященіе. Шаріатъ проповѣдывалъ имъ личную месть дома, войну за вѣру на сосѣдей, потакалъ страстямъ, не тревожилъ спокойствія совѣсти никакимъ идеаломъ, ласкалъ надеждою соблазнительнаго рая.

и все это за соблюденіе нѣсколькихъ ничтожныхъ обрядовъ. Исламизмъ дѣйствовалъ въ горахъ какъ и вездѣ. Шумное появленіе его на свѣтъ, имѣвшее безчисленныя матеріальныя послѣдствія, не имѣло никакого вліянія на духовную сторону человѣка, не внесло ни одного новаго побужденія въ жизнь покорившихся ему народовъ. Европейцы, наблюдавшіе черныя африканскія племена, принявшія исламизмъ, были поражены кореннымъ безсиліемъ этой религіи въ нравственномъ отношеніи; ничто не отличаетъ негровъ мусульманъ отъ негровъ безвѣрныхъ, кромѣ чалмы на головѣ значительныхъ лицъ. Иначе и быть не можетъ. Мусульманство, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе ему благопріятствующимъ, или вовсе вытравляетъ народность, оставляя на мѣстѣ ея одно численное собраніе единицъ, или остается только внѣшнимъ обрядомъ, безъ всякаго отношенія къ жизни. Язычники еще не гражданственные, принявшіе мусульманство, говорятъ Богъ, вмѣсто боги, совершаютъ пять умовеній въ день и продолжаютъ жить по прежнему. Коранъ внушаетъ имъ только невозмутимое довольство собою и фанатическую ненависть ко всему не мусульманскому, апатію при обыкновенныхъ обстоятельствахъ и нервическій энтузіазмъ при взрывѣ фантатизма. Со всѣмъ тѣмъ, при первой, самой слабой степени развитія, какъ только мусульманинъ начинаетъ мыслить, онъ уже не можетъ смотрѣть на міръ глазами пантеиста язычника. Онъ видитъ въ природѣ уже совсѣмъ другое, чѣмъ законъ безпричинной необходимости, подъ властью котораго человѣкъ такъ равнодушно проводитъ жизнь въ полусонныхъ мечтаніяхъ. Озаренный идеею единаго Бога, Творца и Промыслителя, мусульманинъ не считаетъ себя минутнымъ проявленіемъ вѣчной силы, сознаетъ свою свободную личность и чувствуетъ естественное стремленіе къ высшему образцу. Но, обращаясь къ религіи за удовлетвореніемъ этой первой потребности пробужденной души, находитъ въ ней одинъ безплодный догматизмъ, безъ любви и безъ нравственнаго идеала. Трудно человѣку помириться съ такимъ положеніемъ. Въ продолженіе вѣковъ лучшіе люди мусульманскаго міра силились открыть въ своемъ богословіи отвѣтъ на голосъ совѣсти и породили множество толковъ, безразличныхъ въ отношеніи теологическомъ, но различныхъ въ опредѣленіи того кореннаго вопроса, какъ долженъ человѣкъ понимать свои обязанности передъ Богомъ. Жаждая болѣе сердечнаго отношенія къ Творцу,

чѣмъ исполненіе матеріальныхъ обрядовъ и не доискавшись въ своемъ законѣ любви, рьяные мусульманскіе учители поневолѣ замѣняли ее усердіемъ—напряженною ненавистію къ иновѣрцамъ и фанатическимъ преувеличеніемъ всѣхъ положеній вѣры. Мюридизмъ есть послѣднее историческое явленіе въ этомъ родѣ, самое преувеличенное изо всѣхъ.

Происхожденіе мюридизма пытались связать съ сектами Исмаэлитовъ и Гашишиновъ; появленіе его на Кавказѣ выводили изъ Бухары. Въ этомъ можетъ быть и есть основаніе. но только оно не нужно для объясненія этого ученія. Мюридизмъ могъ родиться на Кавказѣ, какъ и теперь рождаются въ Азіи разные мусульманскіе толки, отъ естественной потребности духа, возбужденной, но неудовлетворяемой кораномъ; а развился онъ въ такихъ размѣрахъ потому, что служилъ выраженіемъ главной страсти и главной черты исламизма, ненависти къ невѣрнымъ, въ странѣ занятой невѣрными. Мюридизмъ не создавалъ своего богословія; онъ разнится отъ вѣры, общей всѣмъ суннитамъ, только крайностію своихъ выводовъ. Проповѣдь его основана на особенномъ объясненіи тариката, части закона, содержащей ученіе объ обязанностяхъ человѣка. Но въ этомъ отношеніи онъ превзошелъ всякую степень мусульманскаго изувѣрства и, можно думать, досказалъ послѣднее слово исламизма. Мюридизмъ выключилъ изъ жизни человѣка все человѣческое и поставилъ ему два правила: ежеминутное приготовленіе къ вѣчности и непрерывную войну противъ невѣрныхъ, предоставляя на выборъ — смерть, или соблюденіе этихъ правилъ во всей ихъ фанатической жосткости. Шаріатъ былъ возстановленъ въ первобытномъ видѣ. Надъ людьми проведенъ безусловный уровень и различіе между ними опредѣлилось только духовными степенями. Поборники мюридизма шли къ своей цѣли кратчайшею дорогою и недожидаясь, чтобы чувство религіознаго равенства утвердилось привычкою, предпочли утвердить его топоромъ. Владѣтели, дворяне, гдѣ они были, наслѣдственные старшины, люди уважаемыхъ родовъ или просто уважаемые лично до появленія мюридизма, были вырѣзаны одинъ за другимъ и въ горахъ дѣйствительно устроилось на время совершенное равенство, потому что не осталось никого, кромѣ черныхъ людей. За невѣсту, ктобъ она ни была, дочь ли перваго наиба или послѣдняго пастуха, вѣно опредѣлено неизмѣнно въ 1 руб. сер. Все что напоминало ста-

рину—пляски, игры, брянчанье на балалайкѣ, были объявлены светскими обрядами, достойными смерти. Безусловное повиновенiе старшему духовному, какъ въ монастырѣ, сдѣлалось первымъ долгомъ. Фанатизмъ и страхъ переломили людей, не признававшихъ до тѣхъ поръ ничего, кромѣ личнаго произвола. Пожертвованiе имуществомъ, жизнью и семействомъ, когда того требовала власть, разумѣется считались ни во что. Стремясь поработить себѣ людей всѣмъ существомъ, — мыслью и совѣстью, мюридизмъ долженъ былъ подчинить ихъ всечасному надзору. Во всѣхъ горахъ надъ нѣсколькими домами были поставлены мюриды, передъ которыми открывались даже тайны азiятскаго терема; они отвѣчали за каждое дѣйствiе, за весь домашнiй быть подчиненныхъ имъ людей. Неукоснительное соблюденiе самыхъ мелочныхъ обрядовъ вѣры составляло, естественно, первый законъ новаго ученiя; но оно этимъ не довольствовалось. Играя волею и привычками людей, мюридизмъ всякiй день запрещалъ что нибудь: сегодня куренiе табаку, общее всѣмъ мусульманамъ; завтра употребленiе чесноку, безъ котораго горецъ жить не можетъ, и такъ далѣе. Тѣлесное наказанiе было насильно введено у людей, которые бывало считали стыдомъ, если кого нибудь можно было попрекнуть тѣмъ, что его высѣкли ребенкомъ. Подчинивъ себѣ человѣческую жизнь во всей ея цѣлости, обративъ, или стремясь, по крайней мѣрѣ, обратить своихъ послѣдователей въ слѣпыя орудiя того, что онъ называлъ волею Божiею, мюридизмъ, кромѣ того, окружилъ себя еще присяжными поборниками — муртазигатами и мюридами, людьми оторванными отъ общества, предавшимися ему съ закрытыми глазами, принесшими клятву биться до послѣдняго издыханiя и рѣзать всякаго, на кого имъ укажутъ, ктобъ онъ ни былъ, другъ ли отецъ ли. Эти люди стали посвященными братьями духовнаго ордена, пастухами человѣческаго стада, покореннаго мюридизмомъ; имъ однимъ принадлежали власть и почетъ. Наконецъ, во главѣ этого чудовищнаго общества стоялъ имамъ, посредникъ между Богомъ и вѣрующими. Мюриды понимали титулъ имама въ его первоначальномъ значенiи, въ смыслѣ наслѣдника пророка, вдохновеннаго свыше, проникающаго всѣ семь смысловъ корана, поставленнаго надъ землей для исполненiя слова Божiя: по этому, всякое распоряженiе власти являлось у нихъ облеченнымъ въ характеръ непогрѣшимости и всякiй нарушитель былъ врагомъ

Божіимъ. Конечнымъ послѣдствіемъ мюридизма было уничтоженіе въ человѣкѣ идеи о личной отвѣтственности. Передъ каждымъ поставленъ внѣшній законъ, въ буквальномъ исполненіи котораго онъ долженъ искать спасенія; къ каждому приставленъ учитель, отвѣчающій за то, чтобы человѣкъ исполнялъ законъ и спасался, волею или неволею. Мюридизмъ раздѣлъ жизнь до нага и взамѣнъ всего, чего онъ лишилъ человѣка, наполнилъ его душу сумасбродствами мусульманскаго мистицизма.—Этимъ средствомъ онъ образовалъ невиданное до сихъ поръ политическое общество въ нѣсколько сотъ тысячъ людей, передавшихъ въ руки власти и волю и совѣсть. Если не буквально, то, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ, мюридизмъ осуществилъ этотъ идеалъ и сейчасъ же обратилъ созданное имъ братство въ военную машину противъ насъ. Населеніе горъ переродилось. Повелѣвая всѣмъ и всѣми безпрекословно, мюридизмъ замѣнялъ скудость своихъ средствъ энергіей, и въ дикихъ горахъ, цѣлыя тысячилѣтія отвергавшихъ всякое гражданское устройство, создалъ общественную казну, провіантскіе магазины, пороховые заводы, артиллерію, крѣпости. Вмѣсто отдѣльныхъ обществъ безъ связи и порядка, насъ встрѣтила въ горахъ сплошная масса, отражавшая каждый ударъ общимъ усиліемъ. Когда наши войска вступали въ земли какого нибудь общества, жители волею и неволею покидали на жертву свои дома и хлѣбъ своихъ семействъ и скрывались въ трущобахъ, куда каждый шагъ съ нашей стороны стоилъ огромныхъ потерь. Потомъ женщинъ и дѣтей, лишившихся деннаго пропитанія, размѣщали по сосѣднимъ деревнямъ и прокармливали какъ нибудь до будущей жатвы; а мущины, какъ стая голодныхъ волковъ, бросались въ наши предѣлы и жили разбоемъ. Умершіе съ голоду, какъ и падшіе на войнѣ, считались мучениками, достигшими наконецъ цѣли своей жизни. Мирныя и немирныя общества были почти въ одинаковой степени заражены ученіемъ исправительнаго тариката. Разница между ними состояла только въ относительной неприступности заселенныхъ ими мѣстъ; однимъ этимъ они мѣряли свои отношенія къ русскимъ. Но первое появленіе мюридовъ почти всегда служило сигналомъ къ возстанію покорныхъ племенъ. Мирная деревня, только что пройденная русскою колонною, черезъ часъ иногда обращалась въ непріятельскую позицію. Гдѣ бы ни стоялъ русскій отрядъ, тылъ его не былъ никогда обезпеченъ.

Неожиданно устремляясь то въ одну, то въ другую сторону, мюриды безпрестанно разжигали въ краѣ пожаръ и заставляли наши колонны бросать начатое дѣло и бѣжать назадъ, для защиты такихъ мѣстъ, за которыя никогда прежде не опасались. Увлекаемые фанатизмомъ, горцы не думали о завтрашнемъ днѣ и безъ вздоха покидали отцовскій домъ и маленькихъ дѣтей, чтобы пойти рѣзаться съ русскими. И теперь еще, проѣзжая по Дагестану, видишь всюду каменные остовы деревень самой прочной, вѣковой постройки, совершенно пустыя; жители ихъ были у Шамиля; они бросили и родовое жилище, и привольныя мѣста, чтобы забиться на голые утесы, жить чѣмъ Богъ послалъ, но встрѣчать гяура неиначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ. Этотъ разгаръ неистоваго фанатизма началъ потомъ остывать, но въ продолженіи пятнадцати лѣтъ кавказская земля буквально горѣла подъ русскими ногами. Мюридизмъ, какъ дикій звѣрь, грызъ свою клѣтку, стараясь вырваться на волю. Еслибъ русская сила не обхватила его желѣзнымъ поясомъ, можно быть увѣреннымъ, что онъ разлился бы по мусульманской Азіи неудержимымъ потокомъ и теперь стремился бы къ осуществленію втораго халифата. Ужъ одинъ титулъ имама, принятый начальниками мюридовъ, достаточно показываетъ куда мѣтило новое ученіе.

Мюридизмъ, со всѣми оттѣнками, чрезъ которые онъ прошелъ, олицетворялся, можно сказать воплощался въ лицѣ четырехъ человѣкъ, по очереди предводившихъ его судьбою. Первый былъ творецъ новаго ученія, мулла Магометъ, кадій кюринскій. Онъ создалъ мысль и систему мюридизма, совершенно законченную, со всѣми ея послѣдствіями. Въ его сельской школѣ, въ деревнѣ Яраглярѣ, посреди русскихъ владѣній, родилась и созрѣла мысль будущей борьбы; оттуда она была разнесена проповѣдью по Дагестану. Въ маленькомъ садикѣ, который и теперь можно видѣть, нѣсколько темныхъ муллъ, учениковъ Магомета, держали въ 1828 году послѣдній совѣтъ, на которомъ было положено переобразовать исламизмъ и выбить русскихъ съ Кавказа. Послѣдствія извѣстны. Мулла Магометъ былъ душею мюридизма, но самъ никогда не выступалъ на сцену, не принималъ начальства, даже не проповѣдывалъ публично. Онъ только создалъ ученіе и приготовилъ людей. Всѣ предводители мюридизма вышли изъ его школы.

Знамя газавата, войны за вѣру, поднялъ его любимый уче-

никъ Кази-Мулла и разомъ увлекъ за собой весь приморскій Дагестанъ. Кази-Мулла былъ не глубокій богословъ и нехитрый политикъ, но человѣкъ, обладавшій въ высшей степени качествомъ увлекающимъ массы — страстнымъ убѣжденіемъ. Когда онъ говорилъ въ народномъ собраніи или обращался къ войску во время боя, толпы покорялись ему какъ одинъ человѣкъ, жили только его волею. И теперь горцы, вспоминая о Кази-Муллѣ, говорятъ: «сердце человѣка прилипало къ его губамъ: онъ однимъ дыханіемъ будилъ въ душѣ бурю». Рванувшись въ первой горячкѣ фанатизма въ открытую борьбу съ русскими, мюридизмъ сначала все поднялъ вокругъ, выдержалъ много кровавыхъ сѣчь, заставилъ насъ напрячь силы, но наконецъ былъ сбитъ съ приморской страны и загнанъ въ горы, гдѣ еще немногія племена ему сочувствовали. Кази-Мулла погибъ на завалѣ въ Гимрахъ.

На нѣсколько лѣтъ мюридизмъ исчезъ съ глазъ, какъ будто его вовсе не бывало; о немъ забыли. Но въ это время онъ жилъ и работалъ всѣми силами. Сбитый съ поля, онъ засѣлъ въ недоступныхъ для насъ горахъ и тамъ, обольщеніемъ и войною, измѣною и открытою силою, соединялъ мало по малу всѣ горскія племена подъ одну духовную власть. Предводителемъ его въ это время былъ Гамзатъ-бекъ, человѣкъ какъ будто нарочно созданный для подобной роли. Для мюридизма уже прошло время страстныхъ увлеченій и открытой борьбы. Ему приходилось пока дѣйствовать подземными путями, потихоньку, день за днемъ. Гамзатъ-бекъ, набожный, молчаливый и безжалостный, глубоко обдумывавшій свои предпріятія и исполнявшій ихъ быстро и безъ огласки «для Бога, а не для себя», какъ говорилъ онъ, въ три года достигъ цѣли, утвердилъ мюридизмъ въ горахъ на трупахъ друзей и недруговъ; ему это было все равно. Въ этотъ-то періодъ и были вырѣзаны лучшіе люди въ горахъ, для утвержденія всеобщаго равенства. Когда Гамзатъ-бекъ погибъ подъ ударами убійцъ, мстившихъ за кровь, мюридизмъ уже владѣлъ горами и могъ снова выйти на борьбу подъ начальствомъ новаго предводителя, Шамиля, также ученика муллы Магомета.

Утвердившись въ горахъ, мюридизмъ пересталъ быть религіозной партіей. Онъ образовалъ себѣ государство по своему образцу, и Шамиль, первый изъ предводителей этого ученія, соединилъ въ своемъ лицѣ власть духовнаго начальника и на-

роднаго правителя. Онъ дѣйствительно сталъ на высотѣ этого положенія, слилъ горцевъ въ одно общественное тѣло, создалъ средства, до него не виданныя, осуществилъ политическій идеалъ мюридизма, чудовищный, конечно, но вѣрный своей цѣли. Упрочиваясь постепенно, по мѣрѣ того, какъ укоренялась въ горахъ привычка къ повиновенію, и остывалъ фанатизмъ, власть Шамиля принимала оттѣнокъ обыкновеннаго азіятскаго деспотизма. Но въ первое время своего начальствованія, Шамиль былъ имамъ, религіозный вождь, болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ; и въ это время происходила самая кровавая борьба съ мюридизмомъ, распространявшимся неудержимо во всѣ стороны, пока наконецъ дѣло не дошло до того, что въ 1843 г. Чечня была вырвана изъ нашихъ рукъ, наши раздробленныя и слабыя войска сбиты съ поля въ Дагестанѣ, и 5-й пѣхотный корпусъ долженъ былъ двинуться съ Днѣстра на Кавказъ, для возстановленія проиграннаго дѣла.

Первый взрывъ мюридизма удивилъ конечно, но не озадачилъ кавказское начальство. Это былъ бунтъ покореннаго мусульманскаго населенія, дѣло нежданое, но всегда возможное и потому совершенно ясное. Сначала бунтъ имѣлъ просторъ, оттого что большая часть нашихъ войскъ была далеко, въ глубинѣ азіятской Турціи. Но по заключеніи мира, въ Дагестанъ двинули достаточныя силы и возмущеніе приморскаго края было задавлено двумя походами 1831 и 1832 годовъ. Тогда мюридизмъ скрылся въ непокорныхъ горахъ и мы потеряли его изъ виду. Считая все конченнымъ, не обращали уже никакого вниманія на внутреннія распри лезгинскихъ племенъ. распри которыми мюридизмъ въ нѣсколько лѣтъ подчинилъ себѣ весь горный Дагестанъ. Совершенное предъ тѣмъ по адріанопольскому трактату пріобрѣтеніе западныхъ горъ отвлекло въ ту сторону главное вниманіе кавказскаго начальства. Подчиненіе русскому владычеству восточнаго берега Чернаго моря было, безъ сомнѣнія, чрезвычайно важнымъ событіемъ, предавая нашей безраздѣльной власти весь кавказскій перешеекъ; и какъ договоръ былъ только буквою, которой черкесскія племена не хотѣли знать, то принудить ихъ къ покорности можно было однимъ оружіемъ. Въ продолженіе шести лѣтъ, съ 1832 по 1839 годъ, главныя силы кавказскаго корпуса, до тѣхъ поръ дѣйствовавшія на восточномъ Кавказѣ. были исключительно обращены противъ западныхъ горъ, со

стороны Кубани и Чернаго моря. Въ Чечнѣ и Дагестанѣ остались незначительныя силы подъ управленіемъ мѣстныхъ начальствъ, лишенныхъ всякой самостоятельности. Въ настоящее время нельзя не видѣть, что такое внезапное измѣненіе образа дѣйствій было великою ошибкою. Конечно, имперія должна во чтобы ни стало покорить весь Кавказъ. Но завоеваніе западныхъ горъ не было первостепеннымъ и самымъ спѣшнымъ дѣломъ въ кавказской войнѣ. Черкесы живутъ въ углу страны, составляющей кавказское намѣстничество. Съ одной стороны они окружены русскимъ населеніемъ кавказской линіи, съ другой грузинскимъ населеніемъ Имеретіи и Мингреліи, твердо намъ преданнымъ. Какъ ни храбры горцы, они не могутъ одолѣть въ открытомъ бою регулярнаго войска и силою завладѣть какою-либо частію края. Ихъ вторженія опасны для насъ только тамъ, гдѣ они увлекаютъ за собою фанатическое туземное населеніе, противупоставляя нашему оружію безчисленныя препятствія народной войны. Непокорныя племена западнаго Кавказа, многочисленныя и отважныя, но окруженныя отовсюду христіанскими народами, не могутъ предпринять ничего подобнаго, и самою силою вещей безвыходно заключены въ своей землѣ, лежащей въ углу Кавказа, вдали отъ всѣхъ нашихъ сообщеній. Напротивъ того, непокорныя племена восточнаго Кавказа были для насъ чрезвычайно опасны. Два единственныя сухопутныя сообщенія Россіи съ Закавказьемъ, по Дарьяльскому ущелью и по Каспійскому прибрежью, идутъ у самой подошвы восточной группы горъ, огибая ее, такъ что малѣйшій успѣхъ непріятеля въ ту или другую сторону пресѣкалъ путь, соединяющій государство съ его загорными областями. Восточная группа Кавказа лежитъ посреди мусульманской части намѣстничества, естественно сочувствовавшей единовѣрцамъ. Въ этихъ горахъ, наконецъ, только-что было поднято знамя газавата, войны за вѣру; оттуда раздался призывный кличъ всѣмъ мусульманамъ — стать грудью противъ владычества гяуровъ. Подобное положеніе, опасное и въ мирное время, могло стать гибельнымъ при внѣшней азіятской войнѣ; встрѣчая непріятеля съ лица, наши войска могли быть внезапно отрѣзаны съ тыла. Возстаніе, произведенное мюридизмомъ, было подавлено въ прикаспійскомъ краѣ; но было извѣстно также, что остатки его укрылись въ Лезгистанѣ. Послѣ примѣра 1831 года, благоразуміе требовало продолжать

настойчивѣе чѣмъ когда нибудь начатое покореніе восточныхъ горъ, еще по прежнему раздѣленныхъ на мелкія общества и не ослабѣвать въ усиліяхъ до конца. Западному Кавказу пришла бы своя очередь. Но въ то время увлеклись новостію пріобрѣтенія и мыслію, несостоятельность которой выказалась вполнѣ въ 1854 году, о необходимости оградить эту часть владѣній, еще непокоренныхъ, со стороны Чернаго моря.—Въ продолженіе шестилѣтнихъ дѣйствій противъ западныхъ горъ мюридизмъ, явившійся въ Лезгистанѣ изгнанникомъ, но не преслѣдуемый съ нашей стороны, разроссся въ страшную силу и покорилъ всю страну. Занятіе нашими войсками Аваріи, послѣ того какъ мюриды истребили фамилію аварскихъ хановъ, подчиненныхъ Россіи, снова поставило насъ лицемъ къ лицу съ мюридизмомъ. Надобно было оградить отъ враговъ эту область, вдвинутую въ самое сердце горъ и подверженную нападенію со всѣхъ сторонъ. Военныя дѣйствія 1837 и 1838 годовъ, предпринятыя мѣстными средствами дагестанскаго отряда, обнаружили силу, до которой доросъ мюридизмъ по нашей винѣ, и въ 1839 году заставили опять перенести главныя дѣйствія съ западнаго Кавказа на восточный.—Но дѣло было уже неисправимо. Генералъ Граббе взялъ послѣ кровопролитной осады Ахульго, резиденцію Шамиля, истребилъ при этомъ цвѣтъ горской молодежи, стекшейся подъ знамена имама, заставилъ самого Шамиля бѣжать на другой конецъ горъ, въ Шатой; но мюридизмъ до такой степени успѣлъ укорениться въ умахъ, до такой степени горцы потеряли уваженіе къ нашей силѣ, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ нанесеннаго Шамилю пораженія, Чечня, бывшая до того нейтральною, сама возстала противъ насъ и признала власть имама. Мюридизмъ овладѣлъ всею восточною группою Кавказа и обратилъ силы ея на газаватъ, войну противъ невѣрныхъ. Нельзя уже было надѣяться подавить его въ горахъ иначе, какъ покоривъ самыя горы. Но для этого надобно было измѣнить всю систему войны. Мы имѣли теперь дѣло не съ обществами, ни чѣмъ не связанными между собою, сопротивлявшимися или покорявшимися отдѣльно: но съ государствомъ, самымъ воинственнымъ и фанатическимъ, покорствующимъ передъ властію, облеченною въ непогрѣшимость, и располагающимъ нѣсколькими десятками тысячъ воиновъ, защищенныхъ страшною мѣстностію; съ государствомъ, въ добавокъ, окруженнымъ сочув-

ствующими ему племенами, готовыми, при каждомъ успѣхѣ единовѣрцевъ взяться за оружіе и поставить наши войска между двухъ огней.

Очевидно, что при такомъ положеніи дѣла никакое вторженіе въ горы, предпринятое въ смыслѣ европейскаго похода, не могло имѣть успѣха, какія бы силы ни были для того употреблены. Цѣль подобнаго вторженія состоитъ въ томъ, чтобы разбить вооруженныя силы непріятеля, овладѣть главными центрами его земли и доведя его до невозможности продолжать сопротивленіе, заставить принять наши условія. Въ Кавказскихъ горахъ, вооруженныя силы—всѣ жители, отъ двѣнадцати лѣтъ и до послѣдней дряхлости. Центровъ населенія тамъ никакихъ нѣтъ. Въ Чечнѣ жители разбросаны мелкими хуторами по дремучимъ лѣсамъ. Въ Дагестанѣ большихъ ауловъ довольно много, но всѣ они-крѣпости; большая же часть населенія живетъ и тамъ въ маленькихъ деревушкахъ, по нѣскольку домовъ съ башнями, налѣпленныхъ, какъ птичьи гнѣзда, по ребрамъ скалъ и горнымъ карнизамъ. Къ чеченскому аулу надобно было продираться сквозь чащу, занятую непріятелемъ, ловкимъ и быстрымъ, какъ лѣсные звѣри, и платить человѣкомъ за каждый шагъ пути. Дагестанскій аулъ надо было брать штурмомъ, карабкаясь по отвѣсной тропинкѣ, подъ градомъ пуль и камней, сбрасываемыхъ со скалъ. Подлѣ чеченскаго хутора стоялъ другой хуторъ, подлѣ горнаго аула другой аульчикъ, съ которыми должно было повторять тоже самое. И тамъ, и здѣсь, въ нашихъ рукахъ оставались однѣ стѣны, потому что жители всегда успѣвали уйти. Продовольствовать войско надо было изъ своихъ предѣловъ, ограничивая срокъ похода взятымъ провіантомъ, или посылать за нимъ колонну, съ опасностію, что она будетъ истреблена, потому что пройденный путь смыкался за отрядомъ, какъ слѣдъ лодки въ водѣ. Жители, зная что вся цѣль похода — раззореніе, стояли за свое имущество съ ожесточеніемъ. Понятно, что при такой системѣ обороны, для разрушенія всѣхъ чеченскихъ хуторовъ и всѣхъ дагестанскихъ ауловъ, не могло стать никакой арміи, хоть бы она была многочисленнѣе Батыевой. Покориться же отдѣльно, для избѣжанія раззоренія, уже ни одно горское общество не могло, еслибъ и хотѣло; совокупныя силы мюридизма разгромили бы его. Для того, чтобы заставить какую-нибудь часть горъ признать нашу власть, необходимо было раскрыть

ее постоянными сообщеніями, сдѣлать доступной во всякое время года, оградить туземное населеніе войсками, возвративъ имъ естественныя преимущества регулярнаго оружія уничтоженіемъ тѣхъ препятствій, которыя покровительствовали непріятелю. Однимъ словомъ, война должна была сдѣлаться методическою, состоять въ томъ, чтобы побѣждать природу, побѣждая людей на столько лишь, сколько было нужно для безпрепятственнаго производства нашихъ работъ.

Само собою разумѣется, что наступать подобнымъ образомъ отъ окружности къ центру, вездѣ разработывая мѣстность было бы невозможно для самой многочисленной арміи, еслибъ пришлось наступать со всѣхъ сторонъ. Восточная группа горъ, которою въ то время овладѣлъ мюридизмъ, имѣетъ около девятисотъ верстъ въ окружности. Все это горное пространство до такой степени загромождено хребтами, прорыто ущеліями, одѣто на половину непроницаемой чащей лѣсовъ, что даже на рельефной картѣ представляетъ совершенный хаосъ, въ которомъ глазъ съ трудомъ схватываетъ главныя очертанія. Нужно было бы употребить полвѣка, если не больше, и пожертвовать полумилліономъ солдатъ, чтобы сдѣлать доступной всю страну, хребетъ за хребтомъ, ущелье за ущельемъ, преодолѣвая на каждомъ шагу ожесточенное сопротивленіе горцевъ. Но не смотря на дѣйствительно хаотическій видъ, этотъ военный театръ имѣетъ какъ и всякій другой, свои стратегическія линіи, владѣніе которыми рѣшаетъ владѣніе извѣстною частію края. Хребты, доступные только лѣтомъ, разрѣзываютъ его на части почти самостоятельныя; рѣки, прорывающія бездонными пропастями высокій горбъ Кавказа, образуютъ линіи самой прочной обороны. Даже племенныя дѣленія въ горахъ составляютъ такія же рѣзкія грани, какъ и природныя черты, по взаимной непріязни племенъ, сдержанной, но не уничтоженной мюридизмомъ; грани, которыя могли служить этапами завоеванію.—Стратегическія линіи существовали; но только для того, чтобы разглядѣть ихъ въ такой загроможденной мѣстности, нуженъ былъ глазъ полководца, котораго долго не появлялось на Кавказѣ; для того, чтобы подойти къ нимъ какъ слѣдуетъ, нужно было совершенное знаніе здѣшней войны.—Но, если въ продолженіи осьмнадцати лѣтъ, съ того времени какъ главныя усилія были снова направлены противъ восточнаго Кавказа и до послѣдняго трехлѣтія, въ кавказской арміи не появилось

первокласнаго военнаго человѣка, который умѣлъ бы покорить горы, то конечно были умные и чрезвычайно опытные генералы, которые могли бы идти къ этой цѣли хоть медленно, но вѣрно, и во всякомъ случаѣ сдержать дальнѣйшій напоръ мюридизма. Но вотъ въ чемъ сотстоитъ главный недостатокъ человѣческой власти въ цѣломъ мірѣ;—полное пониманіе современности принадлежитъ только умамъ первостепеннымъ, которыхъ мало на свѣтѣ; кругъ идей людей обыкновенныхъ, хоть и умныхъ, также какъ и массы, опредѣляется не дѣйствительною современностію, но періодомъ непосредственно ей предшествовавшимъ, который успѣлъ уже высказать, согласить свои понятія и пропитать ими общее мнѣніе. Если въ текущемъ періодѣ складывается что-нибудь новое и развивается быстро, очень умные люди все таки подступаютъ къ нему со старыми пріемами, покуда долгая неудача ихъ не забракуетъ, и постоянно отстаютъ отъ дѣйствительнаго положенія вещей. Совершенно такъ случилось на Кавказѣ. Послѣ того, какъ мюридизмъ покорилъ населеніе восточныхъ горъ и преобразовалъ его въ воинствующій мусульманскій орденъ, кавказскіе начальники долго еще не хотѣли понять, что двадцатилѣтніе труды для покоренія этой страны пропали, что объ нихъ надо забыть и приняться за дѣло вновь, какъ будто мы только-что пришли на Кавказъ; что противъ горцевъ, слившихся въ одно политическое цѣлое, нельзя дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовали противъ горцевъ разъединенныхъ, не только генералъ Ермоловъ, но даже генералъ Розенъ въ 1832 году, принуждая общества къ покорности, погромомъ ихъ земли; что теперь уже отдѣльныя общества не могли покориться, еслибъ и хотѣли; что землю непокорныхъ горцевъ надобно было обрывать клочекъ по клочку, прочно утверждаясь въ занятой мѣстности. Для методической войны, конечно, нужны значительныя силы. Но вѣдь нашли же тогда 18 батальоновъ для Черноморской береговой линіи, которую должно было бросить при первомъ непріятельскомъ выстрѣлѣ; имѣли средства дѣлать сильныя экспедиціи за Кубанью, что не составляло самой спѣшной потребности въ кавказской войнѣ; и даже въ Чечнѣ и Дагестанѣ собирали отряды въ 10 и 12 баталіоновъ такой же силы, какъ отряды, нынѣ покорившіе Кавказъ. За этими отрядами не было столько резервовъ какъ теперь, правда; но этотъ недостатокъ резервовъ былъ причиной дѣйствовать медленнѣе, а

не причиной дѣйствовать фальшиво. Но воспоминанія предшествующаго періода слишкомъ сильно еще тяготѣли надъ рѣшеніями кавказскихъ начальниковъ. Трудно было также и признаться, что огромныя жертвы, принесенныя для покоренія Кавказа, пропали даромъ, что за дѣло надо приниматься съизнова. Не признаваясь въ этомъ, на горцевъ устремились съ ожесточеніемъ, чтобы разомъ исправить ошибку многихъ лѣтъ. Главные удары были направлены на Шамиля лично,—на его резиденціи и поборниковъ, въ надеждѣ ниспровергнуть мюридизмъ и разбить его власть надъ горцами. Но мюридизмъ былъ уже не партіей, онъ былъ государствомъ. Наши войска вездѣ встрѣтили единодушное сопротивленіе. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ неутомимо производили экспедиціи въ Чечню, Эчикерію и страны окружающія Аварію, съ тою цѣлію, чтобы раззореніемъ земель заставить горскія общества отложиться отъ Шамиля. Иногда войска углублялись довольно далеко въ непріятельскую страну, иногда съ первыхъ шаговъ упирались въ неодолимыя препятствія; но всегда эти экспедиціи имѣли одинъ и тотъ же результатъ: нѣсколько сожженныхъ мазанокъ, стоившихъ намъ нѣсколько сотъ, иногда нѣсколько тысячъ солдатъ. Эта безпрерывная, но почти безвредная для горцевъ война, до того подняла ихъ, что нѣсколько десятковъ человѣкъ, засѣвшихъ въ своей трущобѣ, не боялись завязывать дѣло съ колонною въ нѣсколько баталіоновъ и отвѣчая однимъ выстрѣломъ на сто нашихъ наносили намъ гораздо большую потерю, чѣмъ мы имъ. Въ продолженіе этихъ годовъ случалось не разъ, что горцы, надѣясь на крѣпость своей земли, въ то самое время когда наши войска углублялись въ нее, бросались сами въ наши предѣлы, возмущали покорное населеніе и иногда утверждались совсѣмъ въ занятыхъ ими участкахъ. Кругъ, охваченный мюридизмомъ расширялся медленно, но постоянно, вытѣсняя насъ шагъ за шагомъ съ восточнаго Кавказа.

Чообы положить конецъ этому несчастному ходу дѣлъ, въ 1842 году былъ присланъ на Кавказъ бывшій военный министръ князь Чернышевъ. Незнакомый съ положеніемъ страны, онъ не могъ замѣнить одной системы другою, и чтобы прекратить постоянныя неудачи, вовсе прекратилъ военныя дѣйствія. Мюридизму былъ данъ цѣлый годъ отдыха, въ продолженіи котораго онъ окончательно устроился. Въ 1843 году горцы сами ринулись изъ глубины своихъ ущелій, отняли у насъ Аварію

и Кайсубу, не смотря на то, что населеніе этихъ странъ храбро стояло за насъ, истребили нѣсколько отрядовъ, взяли девять укрѣпленій и разлились по всему Дагестану, гдѣ въ нашихъ рукахъ остались только два пункта: Темиръ-Ханъ-Шура и укр. Низовое. Не смотря на то, что войска кавказскаго корпуса постоянно усиливались съ 1831 года увеличеніемъ числа баталіоновъ въ полкахъ и сформированіемъ 47-ми новыхъ линейныхъ баталіоновъ, весной 1844 года пришлось двинуть на Кавказъ еще массу въ 40 т. штыковъ. Въ этомъ году наши войска дѣйствовали противъ горцевъ не отрядами, а цѣлыми корпусами; и совсѣмъ тѣмъ, какъ ни странно сказать это теперь, нравственный перевѣсъ оставался на сторонѣ горцевъ. Войска хорошо знали свое превосходство; но начальники боялись рѣшиться на чтобы то ни было, постоянно ожидая отъ мюридовъ какого нибудь необыкновеннаго и сокрушительнаго маневра; такъ пріучили ихъ къ этому опасенію происшествія двухъ предшествовавшихъ годовъ. Событія кавказской войны до того обманывали самыя вѣроятныя ожиданія, что наконецъ даже опытные люди стали считать ее совершенно необычайнымъ явленіемъ, выходящимъ изо всѣхъ правилъ и разсчетовъ.

Но главная опасность для русскаго владычества на кавказскомъ перешейкѣ состояла не столько въ неодолимости горъ, какъ въ настроеніи племенъ, окружающихъ горы. Если бы враждебная намъ сила ограничивалась независимыми горцами, эту опасность можно было бы расчитать математически и всегда противупоставить ей достаточныя средства. Но какъ уже сказано, вся разница между покорными и непокорными мусульманскими племенами состояла только въ относительной крѣпости ихъ земли; однимъ этимъ они мѣряли свои отношенія къ намъ. Всякое вторженіе мюридовъ влекло за собою возстаніе мирныхъ, такъ что въ случаѣ внѣшней войны невозможно было разсчитать обширность пожара, который могъ разгорѣться въ нашемъ тылу. Все вокругъ мюридовъ не только сочувствовало имъ, но даже было направлено почти офиціально къ тому, чтобы при первой возможности протянуть имъ руку. Въ этомъ отношеніи управленіе краемъ было еще болѣе ошибочно, чѣмъ самый образъ веденія войны.

Въ мусульманствѣ вся общественная и частная жизнь людей, всѣ отношенія, опредѣлены разъ на всегда шаріатомъ;

такъ что въ чисто мусульманскомъ духѣ всякое законодательство становится невозможнымъ: оно на вѣки утверждено неизмѣнною волею Божіею и всѣ люди, совершенно равные между собою, одинаково обязаны ему повиноваться. На практикѣ, въ мусульманскихъ земляхъ существуютъ многія нарушенія этого кореннаго закона; но правило неизмѣнено и мюридизмъ, подчинивъ все духовному закону безпрекословно, только довелъ до конца ученіе общее всѣмъ мусульманамъ. Истолкователями закона естественно должны быть духовные, которые этому учатся, и потому введеніе въ какую нибудь страну законоположенія по шаріату, предаетъ всю власть надъ народомъ духовенству. Нечего и говорить, что на Кавказѣ мусульманское духовенство было въ тайнѣ предано мюридизму. Это ученіе осуществляло самыя задушевныя убѣжденія и желанія его. При прежнемъ племенномъ устройствѣ духовенство не пользовалось вліяніемъ. Горскія и подгорныя племена подчинялись или владѣтелямъ, или высшему сословію, или народному собранію; но вообще управлялись по древнему обычаю, иногда очень сложнымъ и уравновѣшеннымъ образомъ. Съ двадцатыхъ годовъ началось уничтоженіе властей, созданныхъ народною жизнію и стало распространяться господство шаріата. Къ этому одинаково стремились и кавказское начальство, и Шамиль съ своими послѣдователями. Мюридизмъ напрягалъ всѣ силы чтобы истребить мѣстныхъ правителей и высшія сословія, искоренить стародавніе народные обычаи, раздѣлявшіе и отличавшіе племена, замѣняя ихъ повсемѣстнымъ владычествомъ шаріата и духовенства. Кавказское начальство дѣлало тоже самое въ покорныхъ обществахъ, по весьма понятной причинѣ: ему легче было основать народное управленіе на шаріатѣ, писанномъ законѣ, чѣмъ на неизвѣстныхъ племенныхъ обычаяхъ, которые надо было еще привести въ ясность и узаконить въ такое время, когда на Кавказѣ не существовало даже правильно организованныхъ мѣстныхъ властей. Но только по этой системѣ русскими руками обработывали почву, на которой потомъ сѣялъ мюридизмъ. Ученіе исправительнаго тариката разносилось по Кавказу лицами, состоявшими на русскомъ жалованьи. Чего было ждать отъ населенія, вооруженнаго и невѣжественнаго, которому ежедневно проповѣдывали самыя зажигательныя идеи, между тѣмъ какъ оно видѣло своими глазами безсиліе русскаго оружія противъ мюридизма, сбросившаго маску? Есте-

ственно, все подгорное населеніе ждало только удобнаго случая и мюридизмъ могъ питать самыя фантастическія надежды.

Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ главное начальство на Кавказѣ было ввѣрено покойному князю М. С. Воронцову, облеченному полномоченными правами. Постоянныя неудачи предшествовавшихъ походовъ приписывали тогда не ложной системѣ, но неискусному командованію лицъ, которымъ было ввѣрено начальство. Полагаясь на громкую извѣстность князя Воронцова, ждали самыхъ рѣшительныхъ успѣховъ съ перваго шага его на Кавказъ. Первоначальное военное предпріятіе князя Воронцова, даргинскій походъ, было рѣшено подъ вліяніемъ этихъ ожиданій и исполнено по образцу прежнихъ экспедицій, только въ большихъ размѣрахъ; но оно же было и послѣднимъ предпріятіемъ въ этомъ родѣ. Урокъ былъ достаточный. Походъ, предпринятый въ горы съ многочисленнымъ и превосходнымъ войскомъ, снабженнымъ всевозможными средствами, одушевленнымъ личнымъ предводительствомъ знаменитаго и уполномоченнаго генерала, кончился потерею пяти тысячъ человѣкъ и трехъ орудій, безъ малѣйшаго результата.—Съ этихъ поръ произошелъ переломъ въ кавказской войнѣ. Нельзя сказать, чтобы князь Воронцовъ замѣнилъ прежнія головоломныя экспедиціи цѣльной системой, вполнѣ примѣненной къ настоящему положенію дѣла. Во время его начальствованія, наступленіе происходило систематически только въ одномъ углу военнаго театра, на чеченской плоскости. Тамъ, въ первый разъ при мюридизмѣ добились положительнаго результата; хорошо соображенною и неуклонно исполняемою вырубкою просѣкъ черезъ лѣса, враждебное населеніе было выбито изъ малой Чечни и начата разработка большой. — На другихъ предѣлахъ непріятельской земли — въ Дагестанѣ, Владикавказскомъ округѣ и на Лезгинской линіи экспедиціи все еще происходили ощупью, были попытками безъ твердо опредѣленной цѣли. Невозможно сказать, при самомъ большомъ желаніи, чтобы осады Гергебиля, Салтовъ и Чоха, походы въ Джурмутъ или Капучу, были звеньями какой нибудь общей системы, или ступенями, которыя бы подвигали насъ къ чему нибудь положительному. Со всѣмъ тѣмъ, образъ дѣйствій князя Воронцова былъ проникнутъ одною общею идеею и дѣйствительно произвелъ благодѣтельный переломъ въ кавказской войнѣ. Главный характеръ этого образа

дѣйствій состоялъ въ томъ, что мы на время вовсе отказались отъ покоренія горъ, котораго прежде такъ настойчиво и такъ тщетно добивались, не отказываясь однакожъ дѣйствовать и пользоваться обстоятельствами, гдѣ это оказывалось возможнымъ. Экспедиціи стали вести осторожно, недалеко отъ нашихъ предѣловъ, не подвергая дѣйствующія войска большимъ случайностямъ. Кавказскій корпусъ, усиленный по отбытіи 5-го пѣхотнаго, новою дивизіею въ 20 баталіоновъ, сталъ вокругъ горъ тѣснѣе, потому что войска не отвлекались больше въ дальніе концы края или въ глубь непріятельской земли; непокорные горцы вездѣ увидѣли вокругъ себя желѣзную стѣну. и такимъ образомъ положенъ былъ конецъ побѣдамъ и распространенію мюридизма, въ чемъ состояла великая заслуга князя Воронцова. Конечно въ десять лѣтъ можно было сдѣлать больше. Но также точно какъ до 1846 года, увлекаясь старыми воспоминаніями, хотѣли сломить горцевъ сразу, такъ, послѣ этого времени, напуганные необычайными успѣхами мюридовъ, стали опасаться ихъ чрезъ мѣру. Мы брали дорогою цѣною крѣпости, теряя для осады цѣлое лѣто и нѣсколько тысячъ солдатъ, съ тою цѣлію только чтобы занять неріятеля, и потомъ бросали ихъ; между тѣмъ какъ половина отряда, употребляемаго для осады, могла бы безъ потери разбить горцевъ, еслибъ они вздумали вторгнуться въ наши предѣлы. Соображеніями опять руководили впечатлѣнія не текущаго, но предшедствовавшаго періода. Тѣмъ не менѣе, тѣсное десятилѣтнее обложеніе подѣйствовало на непокорныхъ горцевъ. Хотя враждебное расположеніе подгорнаго населенія нисколько не ослабѣло, потому что зажигательное владычество шаріата и вліяніе духовенства были въ этотъ періодъ времени окончательно возведены въ систему, но фанатизмъ утратилъ отчасти свои неопредѣленныя надежды, составлявшія половину его силы. Непокорные, безвыходно запертые въ своихъ горахъ, не могли уже думать объ томъ, чтобы сбить насъ съ Кавказа своими собственными силами и остыли сердцемъ. Власть, основанная мюридизмомъ, по немногу осѣлась. Поборники ея сдѣлались значительными людьми и заняли мѣсто аристократіи, вырѣзанной ими въ тридцатыхъ годахъ. Шамиль привыкъ къ положенію азіятскаго султана, заставилъ горскія общества признать своего сына наслѣдникомъ по себѣ и сталъ думать объ основаніи владѣтельнаго дома. Отчаянныя предпріятія

уже не привлекали устарѣвшихъ витязей мюридизма. Народъ, на первыхъ порахъ предавшійся всею душою новому ученію, охладѣлъ къ нему, когда испыталъ на дѣлѣ чудовищный деспотизмъ управленія, обѣщаннаго ему вначалѣ какъ идеалъ земной жизни. Увлеченіе проходило по немногу, но мѣсто его заступали привычка и чрезвычайное развитіе политической власти, основанной мюридизмомъ. Матеріальныя средства горцевъ неимовѣрно возрасли;—они имѣли уже отличныя крѣпости, пороховые заводы, литейныя,—замѣняя пылъ фанатической толпы общественнымъ и военнымъ устройствомъ. Восточный Кавказъ, какъ Протей, всякое десятилѣтіе мѣнялъ свой видъ, оставаясь въ одинаковой степени неодолимымъ для нашего оружія.

Къ концу управленія князя Воронцова военныя дѣйствія происходили исключительно на Чеченской плоскости, гдѣ начальствовалъ нынѣшній главнокомандующій князь Барятинскій. Тамъ мы шли впередъ, постепенно раскрывая просѣками большую Чечню; тамъ же было положено начало разумному управленію туземнымъ населеніемъ, основанному на племенной самобытности, съ устраненіемъ по возможности духовнаго элемента. Но дѣйствія начальника лѣваго фланга были ограничены и недостаточностію средствъ и подчиненностію его положенія. На остальномъ протяженіи враждебныхъ предѣловъ войска стояли, можно сказать, ружье у ноги, не смѣя ничего предпринять, но не смѣя также ослабить себя одною ротою. чтобъ снова не дать простора покушеніямъ мюридизма. Мысль о покореніи горъ, сначала отложенная на неопредѣленное время, стала исчезать совсѣмъ, даже въ умахъ людей посвятившихъ свою жизнь кавказской войнѣ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ очень немногіе люди, вѣрившіе возможности побѣдить мюридизмъ, только удивляли, но никого не убѣждали своими словами. Пятидесятилѣтняя борьба на кавказскомъ перешейкѣ привела къ тому результату, что имперія должна была приковать къ восточной группѣ горъ цѣлую армію, исключивъ ее не только изъ общаго итога русскихъ силъ, но даже изъ числа подвижныхъ силъ кавказскихъ, не предвидя, притомъ, никакого исхода изъ этого положенія.

Въ 1853-мъ году вспыхнула внѣшняя война. До тѣхъ поръ, борьба съ мюридизмомъ происходила среди глубокаго мира, позволявшаго имперіи свободно располагать своими силами.

Тогда въ первый разъ предсталъ въ дѣйствительности вопросъ, давно уже тревожившій дальновидныхъ людей: каково будетъ наше положеніе, когда кавказскому корпусу придется, при внутренней войнѣ, принявшей такіе громадные размѣры, выдерживать еще натискъ внѣшнихъ силъ. Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ богатырствомъ кавказскихъ войскъ, нѣсколько разъ побѣждавшихъ въ четверо и въ пятеро сильнѣйшія регулярныя арміи. И однакожъ въ продолженіе трехъ-лѣтней войны участь русскаго владычества на Кавказѣ нѣсколько разъ какъ говорится, висѣла на волоскѣ. Кавказскія войска должны были биться лицемъ въ обѣ стороны, встрѣчая непріятеля и съ сѣвера и съ юга, посреди населенія, ожидавшаго только перваго успѣха единовѣрцевъ. Устарѣвшіе предводители мюридизма, не предприняли въ это время ничего рѣшительнаго; но они могли предпринять и предприняли бы навѣрное, еслибъ наши оборонительныя линіи съ ихъ стороны были ослаблены: излишняя увѣренность могла обратиться намъ въ гибель; стоило только вспомнить 1843 годъ. Не смотря на то, что кавказскія войска были усилены въ теченіи войны 4-мя дивизіями и вся масса ихъ простиралась до 270000 человѣкъ подъ ружьемъ, способныхъ, при своемъ превосходномъ качествѣ, сломить какого бы то ни было европейскаго врага, необходимость сдерживать внутренняго непріятеля до такой степени поглощала всѣ силы кавказскаго корпуса, что на поляхъ сраженія въ Турціи, участь войны, отъ которой зависѣла участь Кавказа, рѣшилась въ 1853 году—9-ю, въ 1854—17-ю баталіонами. Эти отряды должны были биться въ пропорціи одного противъ пяти и побѣждать во чтобы то ни стало, потому что съ мюридизмомъ въ тылу, отступленія не было; даже нерѣшенное дѣло имѣло бы для насъ всѣ послѣдствія полнаго пораженія. Войска, дѣйствовавшія на кавказской границѣ съ 1853 по 1855 годъ, были сильны духомъ и увѣренностію въ себѣ; но такъ слабы численностію, что небольшое еще приращеніе непріятеля, что было такъ легко для союзной арміи, неизмѣнно склонило бы вѣсы на его сторону. Теперь, послѣ паденія Шамиля, можно сказать откровенно, несмотря на цѣлый рядъ подвиговъ истинно безпримѣрныхъ, мы удерживались на Кавказѣ благодаря только тому обстоятельству, что Франція, располагавшая главными сухопутными силами въ истекшей войнѣ, чуждая собственно азіятскому вопросу, не имѣла интереса сбить насъ съ Кавказа;

а когда англійская армія была доведена въ 1856 году до такой численности, что могла начать самостоятельныя дѣйствія, внезапный миръ положилъ конецъ ея предпріятіямъ. При томъ положеніи, которое создалъ намъ на Кавказѣ мюридизмъ, было болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы въ 1855 или 1856 году, изъ 270000 человѣкъ подъ ружьемъ, составлявшихъ кавказскій корпусъ, можно было безопасно отдѣлить силы, достаточныя для отраженія 50-ти тысячнаго европейскаго десанта. Зимой 1855—1856 года, въ трехмѣсячный срокъ не могли собрать за Сурамскимъ хребтомъ довольно войскъ, чтобъ дать сраженіе Омеръ-Пашѣ, вторгнувшемуся въ Мингрелію съ 25000 турокъ.

Истекшая война привела въ ясность положеніе русской силы на Кавказѣ, какъ и многія другія вещи въ имперіи. Послѣ подобнаго примѣра нельзя уже было считать кавказскую борьбу дѣломъ мѣстнымъ, вліяніе котораго простирается только на одинъ уголъ русскихъ владѣній. На дѣлѣ оказалось, что эта борьба отымала у государства половину дѣйствующей силы, которою оно могло бы располагать для внѣшней войны. Изъ 270 тысячъ войска, неподвижно прикованнаго къ Кавказу съ 1854 до половины 1856 года, оборона Кавказа отъ внѣшнихъ враговъ, считая тутъ и всѣ гарнизоны пограничныхъ крѣпостей, занимала едва ли 70 тысячъ человѣкъ; остальныя 200 тысячъ представляли безплодную жертву, вынуждаемую отъ государства мюридизмомъ. При высокой стоимости войскъ на Кавказѣ, эти 200 тысячъ равнялись, для матеріальныхъ средствъ государства, по крайней мѣрѣ 300-мъ тысячамъ въ Россіи,. т. е. почти всей массѣ нашихъ дѣйствующихъ силъ, состоящихъ изъ гвардейскаго, гренадерскаго, резервнаго кавалерійскаго и 6-ти армейскихъ корпусовъ. Притомъ эти 200 тысячъ кавказскихъ солдатъ и казаковъ были не ополченіемъ или запасными баталіонами, которыхъ, пожалуй, въ случаѣ нужды можно набрать сколько угодно, но которые могутъ служить только для внутренней обороны края; это было первое войско въ свѣтѣ, именно тотъ элементъ, котораго у насъ недоставало въ крымской войнѣ и который у союзниковъ состоялъ въ 20-ти тысячахъ алжирскихъ солдатъ, рѣшавшихъ всѣ дѣла. Отсутствіе такой массы отборнаго войска съ театра войны низводило дѣйствительную силу русской имперіи въ силу государства не съ 70-ю, а съ 30-ю милліонами жителей. Какой же былъ конечный результатъ этой безмѣрной жертвы? Тотъ, что

при внѣшней войнѣ 270000 войска оказывались недостаточными для обороны Кавказа, покуда въ срединѣ его стоялъ вооруженный мюридизмъ.

Послѣ подобнаго опыта нельзя было колебаться. Русская имперія немогла бросить Кавказа, неотказываясь отъ половины своей исторіи, и прошедшей, и будущей; стало быть она должна была воспользоваться миромъ, чтобъ покорить горцевъ какъ можно скорѣе. Необходимость безотлагательнаго завоеванія горъ была сознана, но это сознаніе еще нисколько не облегчало разрѣшеніе самой задачи. Для кавказской войны были употреблены такія силы, она прошла чрезъ столько системъ, удовлетворительныхъ на бумагѣ, но оказывавшихся совершенно несостоятельными на дѣлѣ, что тутъ уже не было мѣста сомнѣнію. Для окончанія войны нужны были не однѣ силы и не одни военные планы, какъ бы хорошо они ни были составлены; нуженъ былъ полководецъ. Оставалось только найти его.

III.

ПОКОРЕНІЕ КАВКАЗА,

Съ окончаніемъ заграничной войны Государь Императоръ избралъ главнокомандующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ генералъ-адъютанта князя А. И. Барятинскаго, приготовленнаго къ этому званію долгой и дѣятельной службой на Кавказѣ. Въ распоряженіи новаго главнокомандующаго были оставлены, сверхъ силъ кавказскаго корпуса, черезъ нѣкоторое время переименованнаго въ армію, 13-я и 18-я пѣхотныя дивизіи; кромѣ того были сформированы еще три новые драгунскіе полка. Съ 1856 года правительство постоянно поддерживало на Кавказѣ силы и матеріальныя средства, достаточныя для самаго настойчиваго веденія войны.

Кавказское войско и кавказское населеніе приняли назначеніе князя Барятинскаго съ единодушною радостію. Кто былъ тогда на Кавказѣ не забудетъ какой видъ праздника принимала вся страна, по мѣрѣ того какъ распространялось это извѣстіе. Общее чувство весьма понятно въ этомъ случаѣ; назначеніе князя Барятинскаго было назначеніемъ естественнымъ, котораго весь Кавказъ желалъ и ожидалъ. Особенность этой страны, столь отличной отъ другихъ частей имперіи, также какъ исключительный характеръ войскъ, занимающихъ ее и воспитанныхъ въ ней, давно уже выразились рѣзкими и самостоятельными чертами, которыя надобно вполнѣ понимать для того, чтобы разумно начальствовать на Кавказѣ. Одному Богу извѣстны всѣ послѣдствія, происшедшія отъ внесенія идей à priori въ управленіе Кавказомъ и веденіе кавказской войны со стороны людей, которымъ надобно было учиться, прежде

чѣмъ брать на себя отвѣтственность распоряженій. Независимо отъ личности князя Барятинскаго, давно уже высокоцѣнимой, Кавказъ вѣрилъ ему какъ своему человѣку, который зналъ и людей и вещи и могъ прямо взяться за дѣло. Назначеніе его главнокомандующимъ произвело глубокое впечатлѣніе въ войскахъ, въ народѣ, въ непокорныхъ горахъ. Газета Кавказъ наполнилась радостными отзывами со всѣхъ концовъ страны. Ей писали между прочимъ: «двѣсти тысячъ кавказ-«скихъ солдатъ считаютъ назначеніе князя Барятинскаго на-«градою за свою службу. Заброшенные въ край, совершенно не-«похожій на остальную Россію, поставленные въ исключитель-«ныхъ обстоятельствахъ, они поневолѣ должны были выдѣлать «себѣ своеобразную личность; и конечно никто объ этомъ не «пожалѣетъ. когда въ этой личности есть такія черты напри-«мѣръ, что кавказскій солдатъ на царской службѣ не считаетъ «смерть или побѣду» послѣднею степенью энергіи воина; что «онъ поклянется своему полководцу побѣдить и исполнитъ клятву «хоть бы противъ непріятеля, въ четверо сильнѣйшаго, потому «что онъ не считаетъ никого сильнѣе себя, пока оружіе у него «въ рукахъ. Но чѣмъ развитѣе и чѣмъ своеобразнѣе личность «кавказскаго воина, тѣмъ важнѣе для него быть подъ рукою «начальника, который его понимаетъ. Вотъ отчего, когда раз-«неслась вѣсть о назначеніи князя Барятинскаго командующимъ «нашимъ корпусомъ, на всѣхъ концахъ Кавказа старые служи-«вые говорили молодымъ товарищамъ: смотрите, «за Богомъ мо-«литва, за Царемъ служба никогда не пропадаютъ». Въ тоже время, въ первый разъ отъ начала горской войны, имамъ мюридизма, встревоженный общимъ народнымъ опасеніемъ, разослалъ по племенамъ объявленіе, что русскіе собираются въ два года покорить всѣ горы и что теперь настала пора когда каждый истинный мусульманинъ долженъ положить жизнь за вѣру.—Совсѣмъ не такъ думали горцы при назначеніи прежнихъ главнокомандующихъ, или лучше сказать, они вовсе объ этомъ не думали, мало заботясь, посреди своихъ твердынь, кто начальствуетъ русскими. Но жизнь не рѣдко подтверждаетъ тотъ опытъ, что великимъ событіямъ дѣйствительно какъ будто предшествуетъ тѣнь ихъ, которую массы, всегда одаренныя дивнымъ инстинктомъ, уже ощущаютъ, между тѣмъ какъ самые передовые люди еще ничего не видятъ. Такъ было при назначеніи князя Барятинскаго главнокомандующимъ. До тѣхъ

поръ мысль о покореніи горъ мелькала только какъ возможность, въ неопредѣленно далекомъ будущемъ. Когда новый главнокомандующій принялъ начальство, войска пошли въ походъ съ мыслію, что они дѣлаютъ теперь не одну изъ безчисленныхъ экспедицій, но начинаютъ завоеваніе горъ; между тѣмъ какъ тревожное ожиданіе рѣшительныхъ событій разлилось въ непокорномъ населеніи. Я не знаю почему такое общее настроеніе овладѣло краемъ; военная слава князя Барятинскаго тогда не была еще довольно утверждена, чтобы внушить подобную увѣренность; но это было такъ.

Одновременно съ своимъ назначеніемъ, князь Барятинскій исходатайствовалъ новое раздѣленіе военныхъ командованій на Кавказѣ. До тѣхъ поръ они существовали въ томъ же видѣ какъ были установлены до мюридизма, отвѣчая потребностямъ совсѣмъ другой эпохи, когда цѣлью военныхъ дѣйствій было только охраненіе нашихъ предѣловъ или наказаніе хищныхъ обществъ, ни чѣмъ несвязанныхъ между собою. Съ тѣхъ поръ племена восточнаго Кавказа слились въ одно политическое тѣло и непріятель, окруженный сѣтью мелкихъ командованій, сталъ сильнѣе каждаго изъ противупоставленныхъ ему военныхъ начальниковъ, такъ что дѣло вышло совсѣмъ на оборотъ: единство со стороны непріятеля и раздробленіе съ нашей. Приступая къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, надобно было на каждомъ самостоятельномъ военномъ театрѣ вручить власть самостоятельному начальнику. Въ августѣ 1856 года, по естественному дѣленію Кавказа, учреждены 5-ть командующихъ войсками, облеченныхъ правами корпусныхъ командировъ. Противъ адыговъ западнаго Кавказа два: съ сѣверной стороны горъ—командующій войсками праваго крыла, съ южной—кутаисскій генералъ-губернаторъ. Противъ мюридовъ восточной группы три: одинъ на сѣверномъ склонѣ—командующій войсками лѣваго крыла, которому подчинены Чечня (бывшій лѣвый флангъ), Владикавказскій округъ и Кабарда (бывшій центръ); другой въ Дагестанѣ и ему ввѣренъ весь Прикаспійскій край; третій — на Лезгинской линіи, съ южной стороны горъ, обращенной къ Грузіи.—Дѣленіе это было непроизвольное. Каждый изъ означенныхъ большихъ отдѣловъ очерченъ самою природою, имѣя свои рѣзко отличныя климатическія и мѣстныя условія; особое основаніе—военное и продовольственное и передъ собою другаго непріятеля и отдѣльный военный те-

атръ, который мѣстнымъ войскамъ нужно было разработать прежде, чѣмъ приступить къ совокупнымъ дѣйствіямъ.

Главнокомандующій не могъ самъ вести операцій, пока они носили мѣстный характеръ; исполненіе своего плана онъ долженъ былъ предоставить помощникамъ, отъ таланта и энергіи которыхъ зависѣла половина успѣха. Выборъ корпусныхъ командировъ для кавказской войны былъ еще затруднительнѣе, чѣмъ для европейской, потому что дѣйствія ихъ независимѣе; личность людей была въ этомъ случаѣ дѣломъ особой важности. Первымъ помощникомъ главнокомандующаго сталъ, разумѣется, начальникъ главнаго штаба арміи. Князь Барятинскій пригласилъ на это мѣсто генерала Милютина, который, не занимая еще до того времени высокихъ должностей, пріобрѣлъ уже общую извѣстность какъ отличный офицеръ, какъ писатель и какъ творецъ военной статистики, возведенной имъ въ первый разъ въ науку. Кромѣ чрезвычайно трудной должности начальника главнаго штаба такой разнородной арміи какъ кавказская, на генерала Милютина было возложено еще приведеніе въ систему новаго военнаго управленія Кавказомъ, котораго только главныя черты были обозначены учрежденіемъ командующихъ войсками. Въ военно-административномъ отношеніи можно было перечесть почти всѣ годы русскаго владычества на Кавказѣ по разнымъ существовавшимъ въ то время учрежденіямъ, выражавшимъ каждое характеръ и потребности различной эпохи; между тѣмъ на Кавказѣ, гдѣ ведется война мѣстная, даже боевыя дѣйствія относятся къ общей администраціи, какъ приложеніе къ теоріи. Генералъ Милютинъ развилъ по идеѣ главнокомандующаго новую систему военнаго управленія съ такою полнотою и стройностію, которыя надолго останутся памятникомъ нынѣшнему кавказскому начальству. Неоконченная во всѣхъ частяхъ еще и донынѣ по чрезвычайной обширности труда, новая административная система обняла уже главные предметы, положила основаніе разумному управленію горцами, и распредѣляя учрежденія по дѣйствительнымъ потребностямъ края, стала замѣнять живой организаціей прежнее единство бюрократизма или произвола, распространеннаго на разнообразнѣйшую въ мірѣ страну. Основаніемъ и образцомъ для новой системы послужило управленіе чеченскимъ народомъ, устроенное княземъ Барятинскимъ въ бытность его начальникомъ лѣваго фланга и въ это

время уже оправданное долголѣтнимъ опытомъ. Совершеніе этого истинно-государственнаго труда, въ которомъ генералъ Милютинъ былъ единственнымъ помощникомъ главнокомандующаго, не могли замедлить ни походы, ни другія его безчисленныя занятія. Труды и дѣйствія генерала Милютина доставили ему рѣдкое нравственное положеніе: всеобщее уваженіе арміи и края, безъ малѣйшаго оттѣнка мнѣнія.

По плану главнокомандующаго, самыя обширныя и трудныя военныя дѣйствія предстояли командующему войсками лѣваго крыла. На эту должность, вмѣстѣ съ новымъ раздѣленіемъ Кавказа, былъ назначенъ генералъ (нынѣ генералъ-адъютантъ и графъ) Евдокимовъ. Лѣсистая Чечня была классической страной неудачъ, чтобы не сказать пораженій, которыя мы испытывали отъ горцевъ; но покореніе должно было начаться отсюда; нашимъ войскамъ предстояло проникнуть въ глубь этой земли въ то время, когда мюридизмъ стоялъ еще во всей своей силѣ. При такомъ условіи, планъ главнокомандующаго могъ состояться только при совершенно безукоризномъ исполненіи. Здѣшняя мѣстность была вездѣ мѣстностію ичикеринской и даргинской экспедицій; одинъ неловкій шагъ привелъ бы къ тѣмъ же результатамъ; а значительная неудача съ нашей стороны, только одна, снова отодвинула бы покореніе горъ на неопредѣленное время. Графъ Евдокимовъ исполнилъ планы главнокомандующаго съ рѣдкимъ совершенствомъ. Можно сказать положительно, что онъ ни разу въ продолженіе трехлѣтней войны не допустилъ горцевъ дать намъ дѣло тамъ, гдѣ они хотѣли, или гдѣ это могло быть для нихъ выгоднымъ. Совершая предпріятія, повидимому самыя рискованныя, графъ Евдокимовъ всегда успѣвалъ рѣшить дѣло маневрами, спокойно кончалъ предположенныя работы и заставлялъ горскія скопища разойтись безъ боя, что болѣе всего роняло духъ въ непріятелѣ. Его система дѣйствій, въ которой не штыкъ, а топоръ былъ главнымъ орудіемъ завоеванія, по необходимости обременяла войска чрезмѣрными трудами и причиняла имъ такую же убыль отъ болѣзней, какъ прежде отъ огня; но нравственное послѣдствіе для войны той или другой потери со всѣмъ не одинаково. Снявши голову по волосамъ не плачутъ, а Кавказъ теперь покоренъ.

Въ Прикаспійскомъ краѣ былъ оставленъ прежній командующій войсками генералъ-адъютантъ князь Орбеліанъ, опыт-

ный генералъ, пользовавшійся довѣріемъ и любовью войскъ. Черезъ годъ князь Орбеліанъ получилъ другое назначеніе и сдалъ свою должность генералъ-адъютанту барону Врангелю которому досталось окончить дѣло графа Евдокимова и въ послѣднемъ походѣ, подъ личнымъ предводительствомъ главнокомандующаго, нанести смертельные удары мюридизму. Командующимъ войсками на Лезгинской линіи былъ назначенъ отважный баронъ Вревскій, сложившій голову въ этой войнѣ и по смерти его, молодой но уже опытный генералъ князь Меликовъ. Я ограничиваю этотъ обзоръ предметомъ сочиненія. восточнымъ Кавказомъ. Выборъ и распредѣленіе главныхъ начальниковъ, совершенно принаровленное къ характеру предстоявшихъ имъ дѣйствій, обезпечивали точное исполненіе военнаго плана главнокомандующаго.

Главныя усилія были направлены противъ восточныхъ горъ, по причинамъ уже изложеннымъ выше. Эта часть Кавказа отрѣзывала нашъ тылъ, постоянно угрожая сообщеніямъ, и въ тоже время служила мюридизму крѣпостію, откуда онъ держалъ въ постоянномъ волненіи покорное мусульманское населеніе. Восточныя горы составляли главную опасность и главную препону для русскаго владычества на кавказскомъ перешейкѣ. Князь Барятинскій оставилъ на западномъ Кавказѣ ограниченныя силы, достаточныя для того, чтобъ постепенно разработывать доступъ въ горахъ и исполнить всѣ пріуготовительныя работы къ сроку, когда кончится война на восточномъ. За тѣмъ, всѣ наличныя силы были двинуты противъ послѣдняго.

Планъ покоренія восточнаго Кавказа, задуманный княземъ Барятинскимъ еще за долго до назначенія главнокомандующимъ, былъ исполненъ въ три года, слово въ слово и черта въ черту, какъ, можетъ быть, еще никогда не исполнялся военный планъ, что совершенно извѣстно людямъ, читавшимъ письма или даже донесенія князя, писанныя за годъ и болѣе до событій; со временемъ, эта вѣрность соображеній будетъ доказана исторіей. Планъ этотъ въ главныхъ чертахъ но въ огромныхъ размѣрахъ, былъ похожъ на правильную осаду крѣпости, соединяя всѣ предшествовавшія системы въ должной постепенности.—Главныя средства обороны горцевъ находились не въ срединѣ ихъ земли, но по ея окружности. Пограничная черта была какъ брустверъ, къ которому мы подходили откры-

тые, между тѣмъ какъ непріятель сидѣлъ уже за сильными мѣстными преградами; на пограничной чертѣ были расположены крѣпости мюридовъ; на ней жило населеніе,[1] воспитанное ежечасною войною, состоявшее поголовно изъ закаленныхъ воиновъ, обращенныхъ полувѣковою борьбою въ нашихъ личныхъ враговъ. Большей части этихъ препятствій не существовало въ глубинѣ горъ. Ставъ разъ въ самыхъ горахъ, мѣстныя преграды уравновѣшивались для врага и для насъ; заранѣе устроенныхъ средствъ обороны тамъ не существовало; населеніе, удаленное отъ насъ и никогда не тревожимое, было гораздо менѣе воинственно, гораздо менѣе пропитано ненавистію къ намъ и болѣе дорожило своимъ благосостояніемъ, чѣмъ полукочевые абреки пограничныхъ обществъ. Главная задача состояла въ томъ, чтобы проложить себѣ обезпеченный путь въ средину горъ. Первымъ условіемъ для успѣха такого предпріятія былъ вѣрный выборъ пути наступленія. Затѣмъ оставалось дѣйствовать какъ при осадѣ: прочно занять подступы къ горамъ, подвигаться впередъ методически, сбивая съ обѣихъ сторонъ мѣшающія намъ преграды, твердо стать въ самыхъ горахъ, на избранныхъ пунктахъ, и тогда перейти къ быстрому наступленію всею массою войскъ, разрывая непріятельскую страну изъ средины и заставляя пограничную линію пасть безъ сопротивленія. Очевидно, что по самой сущности этой программы, завоеваніе должно было пройти чрезъ три періода: періодъ пріуготовительный для занятія должныхъ подступовъ, періодъ методической войны въ горахъ и наконецъ періодъ рѣшительнаго наступленія.

Сравненіе съ осадою крѣпости выражаетъ только общую идею плана. Исходъ зависѣлъ отъ вѣрнаго выбора предметныхъ пунктовъ и операціонныхъ линій, рѣшающихъ скоро и полно успѣхъ предпріятія. До тѣхъ поръ опредѣленіе непосредственно цѣли дѣйствій составляло камень преткновенія въ кавказской войнѣ. Постоянно оказывалось, что занятіе пунктовъ, считаемыхъ рѣшительными, не доставляло никакой пользы и мы сами бросали ихъ. Въ такой загроможденной мѣстности какъ кавказская, этотъ выборъ чрезвычайно труденъ; но въ немъ и выказалось умѣнье полководца.

Съ тѣхъ поръ какъ мюридизмъ соединилъ всѣ восточныя племена въ одинъ народъ, горскія общества стали частями организма, одинаково чувствовавшимъ удары, съ какой бы

стороны они ни наносились; племенная самобытность уже на половину растаяла въ политическомъ единствѣ. Подчиненные общей власти, передвигаемые толпами изъ одной части края въ другую для защиты своихъ предѣловъ, вынужденные мѣняться произведеніями исключительно между собою, потому что подгорный край былъ запертъ для нихъ, горцы отчасти стали уже гражданами одного государства. При такомъ состояніи общественнаго быта, покореніе значительныхъ племенъ съ одной какой-либо стороны должно было отозваться во всѣхъ горахъ, поколебать мужество и увѣренность всего населенія. Завоеваніе Дагестана рѣшало нравственно участь Чечни и обратно. Стало быть, выборъ пути для наступленія зависѣлъ главнѣйше отъ относительной легкости съ какою можно было совершить вторую часть операціи—методическую войну въ горахъ.

Съ южной стороны непокорное населеніе было ограждено снѣжнымъ хребтомъ, чрезъ который перевалы протаиваютъ только на три лѣтніе мѣсяца. Въ остальное время года переходъ чрезъ этотъ хребетъ невозможенъ для массы войскъ. При наступленіи съ южной стороны, надобно было оставлять войска безъ сообщенія по 9-ти мѣсяцевъ въ году посреди сплошной массы враждебнаго населенія. На Лезгинской линіи были возможны только быстрыя вторженія лѣтомъ. Экспедиціями этого рода, какъ давно уже было доказано, нельзя покорить горцевъ; но войска всего надежнѣе прикрывали подгорный край, наступая на непріятеля; въ тоже время онѣ постепенно обезсиливали его ко времени рѣшительныхъ ударовъ. Для дѣйствительнаго наступленія оставался только выборъ между Дагестаномъ и Чечнею.

Десятилѣтнія экспедиціи на предѣлахъ непокорнаго Дагестана, съ Ахульго до Чоха, доказали тщетность подобныхъ попытокъ. Каждая деревня въ этой странѣ была Сарагоссою. Мы брали укрѣпленный аулъ цѣною нѣсколькихъ тысячъ жертвъ, для того чтобъ открыть за нимъ цѣлый рядъ такихъ же ауловъ, требующихъ такихъ же жертвъ. Дагестанъ былъ гнѣздомъ мюридизма. Духовная власть рабски подчинила себѣ дагестанское населеніе, овладѣла и мыслію и волею людей и царствовала надъ ними безпрекословно. Невозможно было надѣяться поколебать въ этой странѣ политическое могущество мюридизма, пока онъ стоялъ еще во всей цѣлости, располагая

всѣми средствами горъ. Но еще меньше можно было надѣяться разбить открытою силою широкій поясъ крѣпостей и укрѣпленныхъ ауловъ, ограждавшихъ Дагестанъ съ нашей стороны, покуда жители ихъ готовы были защищаться съ рѣшительностію. Потери были бы такъ громадны въ подобномъ предпріятіи и успѣхъ такъ сомнителенъ, что нельзя было и предлагать его.

Чеченцы безспорно храбрѣйшій народъ въ восточныхъ горахъ. Походы въ ихъ землю всегда стоили намъ кровавыхъ жертвъ. Но это племя никогда не проникалось мюридизмомъ вполнѣ. Изъ всѣхъ восточныхъ горцевъ, чеченцы больше всѣхъ сохраняли личную и общественную самостоятельность и заставили Шамиля, властовавшаго въ Дагестанѣ деспотически, сдѣлать имъ тысячу уступокъ въ образѣ правленія, въ народныхъ повинностяхъ, въ обрядовой строгости вѣры. Газаватъ (война противъ невѣрныхъ) былъ для нихъ только предлогомъ отстаивать свою племенную независимость и производить набѣги. Многія тысячи чеченцевъ изъ отложившихся въ 1840 году, съ тѣхъ поръ снова переселились къ намъ и пользовались подъ образцовымъ управленіемъ, для нихъ созданнымъ, благосостояніемъ, соблазнявшимъ ихъ одноплеменниковъ. Шамиль никогда не довѣрялъ чеченцамъ и не считалъ ихъ прочно укрѣпленными за собою. Распаденіе горскаго союза, основаннаго мюридизмомъ, всего скорѣе могло начаться съ Чечни. Въ военномъ отношеніи наступленіе въ этой странѣ было также удобнѣе. Въ Дагестанѣ мы встрѣчали сопротивленіе въ опредѣленныхъ пунктахъ, которыхъ нельзя было миновать, между тѣмъ какъ овладѣваніе ими всегда стоило большихъ жертвъ. Въ Чечнѣ, и плоской и нагорной, почти нѣтъ мѣста, гдѣ непріятель могъ бы удержаться противъ нашего натиска; тамъ всегда происходило одно застрѣльщичье дѣло на движеніи, если только наши цѣпи были довольно сильны, чтобы удержать натискъ непріятеля. Расчистивъ мѣстность въ извѣстныхъ направленіяхъ, по Чечнѣ можно было ходить безъ выстрѣла; а съ достаточными силами, при методическомъ образѣ дѣйствій, гораздо легче рубить просѣку въ лѣсу, занятомъ непріятелемъ, чѣмъ осаждать крѣпость, въ которой защитники сѣли на смерть; тѣмъ больше, что расчищенная мѣстность принадлежитъ намъ навсегда, между тѣмъ какъ взятый аулъ до тѣхъ поръ только нашъ, покуда занятъ. Можно было осно-

вательно расчитывать, что въ извѣстный срокъ мы прорубимся сквозь лѣса, составляющіе оплотъ чеченцевъ и раскрывъ ихъ жилища, заставимъ покориться этотъ воинственный, но не фанатическій народъ, откроемъ чрезъ его землю доступъ въ самую глубь горъ и зайдемъ такимъ образомъ въ тылъ оплотамъ, которыми горцы уставили свои предѣлы со стороны Дагестана.

До тѣхъ поръ экспедиціи производились періодически, въ извѣстное время года, смотря по мѣстности; за тѣмъ войска распускались по квартирамъ. Это перемежка давала горцамъ отдыхъ, совершенно для нихъ необходимый, такъ какъ ихъ сила состоитъ въ народномъ ополченіи, которое должно кормиться собственнымъ трудомъ. Князь Барятинскій положилъ вести войну безостановочно, не давая горцамъ ни сроку, ни отдыха до совершеннаго покоренія. Въ тоже время онъ измѣнилъ самый характеръ занятія покоряемыхъ странъ. Вмѣсто городовъ, воздвигаемыхъ въ каждой новой штабъ-квартирѣ, устройство которыхъ на долго поглощало всю дѣятельность выдвинутыхъ войскъ, по плану князя Барятинскаго было положено на вновь занимаемыхъ пунктахъ устраивать только валъ, располагая войска въ баракахъ и кибиткахъ; сохранивъ такимъ образомъ силы войскъ для войны, бросать пунктъ, исполнившій свое временное назначеніе и безостановочно идти впередъ; утверждаться же прочно лишь на тѣхъ пунктахъ, за которыми и послѣ покоренія горъ должна была оставаться неоспоримая стратегическая важность.

Расположеніе войскъ по отдѣламъ было соображено съ значительностію предполагаемыхъ дѣйствій. На правомъ крылѣ и трехъ военныхъ отдѣлахъ восточнаго Кавказа, кромѣ линейныхъ баталіоновъ и казачьихъ войскъ, находилось по пѣхотной дивизіи, въ составѣ 21-го баталіона, равняющейся численностію двумъ нынѣшнимъ дѣйствующимъ дивизіямъ. Изъ прикомандированныхъ 13-й и 18-й дивизій, первая раздѣлена была по б, и дѣ между правымъ крыломъ, слишкомъ обширнымъ для одной дивизіи, и лѣвымъ, откуда предполагалось повести главное наступленіе. 18-я дивизія осталась за Кавказомъ, какъ резервъ и наличная сила для производства дорожныхъ работъ, необходимость которыхъ была указана истекшею войною. (Въ 1859 году 13-я пѣхотная дивизія возвратилась къ своему корпусу и была замѣнена кавказскою резервною). Кутаисское ге-

нералъ-губернаторство, не смотря на чрезвычайную важность этого края, прикрывающаго весь Кавказъ со стороны Чернаго моря и спѣшную надобность разработать его въ стратегическомъ отношеніи, могло быть занято, за недостаткомъ войскъ, только одною бригадою линейныхъ баталіоновъ.

Военныя дѣйствія были расчитаны на основаніи изложенныхъ выше соображеній. На Лезгинской линіи наши отряды должны были ежегодно раззорять непріятельскія общества и довести ихъ къ рѣшительной минутѣ до изнеможенія. Въ Прикаспійскомъ краѣ было положено прежде всего прочно занять Салатавію, разъединявшую Дагестанъ съ восточною оконечностію лѣваго крыла, чтобы открыть путь въ горы съ сѣверной стороны и прочно связать оба войска къ тому времени, когда имъ придется дѣйствовать совокупно. На лѣвомъ крылѣ рѣшено было сначала кончить покореніе чеченской плоскости, чтобы твердо стать у подножія горъ; за тѣмъ перенести войну въ самыя горы, никогда еще невидавшія русскихъ знаменъ; направить первый ударъ въ ущелье Аргуна и занятіемъ его до снѣжнаго хребта отдѣлить малую Чечню отъ большой и отрѣзать весь западный уголъ страны, подвластной мюридизму потомъ перейти въ Ичикерію, гдѣ находилась резиденція Шамиля—Ведень и тѣмъ довершить покореніе чеченскаго племени. Когда эти завоеванія будутъ совершены и мы станемъ твердою ногою въ глубинѣ горъ, а Шамилю останется одинъ Дагестанъ, разомъ двинуть всю массу войскъ и кончить дѣло съ мюридизмомъ однимъ ударомъ.

Таковъ былъ въ главныхъ чертахъ военный планъ князя Барятинскаго, рѣшившій въ три года полувѣковую борьбу, окончанія которой не надѣялись уже ни войска, бившіяся противъ горцевъ, ни Россія.

Занятіе плоскости и предгорій (большой Чечни, Ауха и Салатавіи), было въ сущности только пріуготовительнымъ дѣйствіемъ; оно еще не давало намъ видимаго перевѣса, но создавало уже новое положеніе, изъ котораго можно было перейти въ рѣшительное наступленіе. Періодъ этихъ пріуготовительныхъ дѣйствій обнимаетъ осень 1856 и весь 1857 годъ.

Первую зиму съ ноября по апрѣль, войска лѣваго крыла подъ предводительствомъ генерала Евдокимова, въ четыре похода окончили сѣть просѣкъ въ большой Чечнѣ, начатую еще при князѣ Воронцовѣ и раскрыли эту страну по всѣмъ направле-

ніямъ, преодолѣвая на каждомъ шагу сильное сопротивленіе чеченцевъ, поддержанныхъ огромными сборами изъ Дагестана. Дремучіе лѣса были повалены въ одну зиму. Въ тоже время особый отрядъ, дѣйствовавшій на Кумыкской плоскости подъ начальствомъ генерала барона Николаи, расчистилъ входъ въ Аухъ. Туземное населеніе, разсыпанное по лѣсамъ мелкими хуторами, еще осталось покуда на своихъ мѣстахъ; но большая Чечня была уже какъ крѣпость съ отбитыми воротами, гарнизонъ которой долженъ положить оружіе по первому требованію.

Лѣтомъ 1857 года, войскамъ лѣваго крыла не предстояло похода. Дѣйствія должны были открыться со стороны Дагестана и Лезгинской линіи, гдѣ высокая мѣстность, полгода засыпанная снѣгами, бываетъ проходима только въ лѣтніе мѣсяцы. Въ этотъ періодъ времени надобно было устроить, сообразно съ новыми видами, матеріальное положеніе лѣваго крыла, гдѣ по расположенію укрѣпленій и дислокаціи войскъ, были перепутаны всѣ системы, поочередно смѣнявшіяся въ кавказской войнѣ. Полкамъ лѣваго крыла приходилось отдохнуть въ послѣдній разъ и потомъ вступить въ непрерывный походъ до послѣдняго выстрѣла, который раздастся въ восточныхъ горахъ.

Отряды дагестанскій и лезгинскій вступили въ горы почти одновременно. Генералъ-адъютантъ князь Орбеліанъ долженъ былъ основать въ Салатавіи постоянную штабъ-квартиру одного изъ своихъ полковъ, чтобы связать прямымъ сообщеніемъ Прикаспійскій край съ лѣвымъ крыломъ и дать дагестанскому войску опорный пунктъ для наступленія въ горы съ сѣверной стороны. Для исполненія этого плана надобно было преодолѣть упорное сопротивленіе горцевъ. Салатавія уже была наводнена непріятельскими скопищами подъ личнымъ предводительствомъ Шамиля. Князь Орбеліанъ быстро преодолѣлъ первое препятствіе—Теренгульскій оврагъ, столько разъ безплодно орошаемый русскою кровію, и занялъ по другой сторонѣ позицію у стараго Буртуная, признанную удобной для возведенія штабъ-квартиры. Горцы, сбитые почти безъ бою съ первой позиціи, разсыпались вокругъ отряда и отрѣзали наши сообщенія завалами, устроенными по дорогѣ изъ Буртуная въ укр. Евгеніевское, откуда войска получали продовольствіе. Отряженная изъ лагеря колонна сбила ихъ съ этого пункта и ра-

скрыла сообщенія, положивъ на мѣстѣ нѣсколько сотъ мюридовъ. Тогда Шамиль занялъ въ 4-хъ верстахъ отъ возводимой штабъ-квартиры непроходимую лѣсную мѣстность и сталъ съ своей стороны строить крѣпость, которая должна была постоянно блокировать нашу. Князь Орбеліанъ не тревожилъ его въ этомъ убѣжищѣ до самой осени, заботясь только о скорѣйшемъ окончаніи предпринятыхъ работъ. Когда новая штабъ-квартира была достаточно устроена, чтобъ принять на зиму войска, нашъ отрядъ внезапнымъ ночнымъ движеніемъ овладѣлъ непріятельскими укрѣпленіями и разметалъ ихъ. Въ Салатавіи былъ прочно водворенъ дагестанскій пѣхотный полкъ; но разбѣжавшіеся по лѣсамъ салатавцы еще не покорялись.

Въ тоже лѣто генералъ Вревскій перешелъ становой хребетъ со стороны Кахетіи и въ нѣсколько недѣль разорилъ бóльшую часть сильнаго Дидойскаго общества, сожигая аулы и вытаптывая хлѣба. Это былъ единственно возможный образъ дѣйствій на Лезгинской линіи; отъ него ждали не покоренія, но только ослабленія горцевъ и безопасности нашихъ предѣловъ. Непомѣрные труды, сопряженные съ походомъ въ самую высокую и непроходимую часть Кавказа, невозможность везти съ собой достаточное продовольствіе, всегда чрезвычайно сокращали срокъ похода на Лезгинской линіи и дѣлали изъ него только большой набѣгъ. Отвлеченный салатавскими дѣлами, Шамиль предоставилъ оборону этой части края мѣстнымъ средствамъ и потому сопротивленіе непріятеля было слабо. Немногіе дидойцы держались въ своихъ башняхъ и гибли. Уже къ концу похода, когда наши войска предприняли обратное движеніе, на выручку опустошаемаго края явился съ сильнымъ скопищемъ сынъ Шамиля—Кази-Магома и пытался обойти нашъ отрядъ. Но отбитый съ перваго шага онъ принужденъ былъ неподвижно смотрѣть съ высотъ на удалявшіяся войска, оставлявшія за собою однѣ развалины. Дидойское населеніе, доведенное до крайности, должно было провести жестокую зиму безъ крова и пищи, живя подаяніемъ сосѣднихъ обществъ. Но надежда на будущее еще не была достаточно потрясена въ душѣ горцевъ; изъ всей этой бѣдствующей массы, на этотъ разъ къ намъ никто не вышелъ.

Мюридизмъ такъ крѣпко сплотилъ общественное устройство горцевъ, что въ продолженіе цѣлаго года, съ осени 1856 до осени 1857 года, нанося имъ цѣлый рядъ пораженій и зани-

мая мѣстность за мѣстностію, мы не покорили еще ни одного человѣка. Но рѣшимость обществъ, надъ которыми больше всего разражались наши удары, уже колебалась, особенно въ Чечнѣ, менѣе фанатической, чѣмъ другія племена. Съ открытія зимнихъ дѣйствій начался переломъ войны.

Генералу Евдокимову предстояло въ теченіе зимы сдѣлать первый шагъ въ горы — занятіемъ устья Аргунскаго ущелья; но этотъ походъ можно было совершить только при томъ условіи, чтобы въ тылу наступающихъ войскъ не оставалось непріятеля. Вторженію въ горы необходимо должно было предшествовать совершенное покореніе плоскости. Въ октябрѣ 1857 года генералъ Евдокимовъ внезапно поднялся по р. Гойтѣ въ лѣсныя предгорія, гдѣ жило населеніе малой Чечни, сбитое съ плоскости еще экспедиціями генерала Фрейтага. Послѣ кровопролитнаго, хотя короткаго дѣла, горцы были разогнаны по лѣсамъ и жилища ихъ истреблены на всемъ пространствѣ между Гойтою и Аргуномъ. Очистивъ отъ непріятеля правую сторону предположенной операціонной линіи, генералъ Евдокимовъ перешелъ въ большую Чечню и направился къ Мичику, показывая видъ, что всѣ наши силы сосредоточиваются противъ Мичиковскаго общества. Скопища Шамиля стеклись для защиты этого наибства. Утвердивъ ихъ въ увѣренности, что мы идемъ на Мичикъ, генералъ Евдокимовъ быстро перешелъ Качкалыковскій хребетъ, соединился съ Кумыкскимъ отрядомъ и вторгнулся въ Аухъ, куда доступы были раскрыты еще съ прошлаго года. Эта страна была занята во всю глубину прежде чѣмъ горское скопище, стоявшее на Мичикѣ, узнало о цѣли нашего движенія. Горцамъ пришлось не защищать свою землю, но сбивать насъ съ твердо занятыхъ позиціи, что было имъ не подъ силу. Чеченскій отрядъ спокойно прорубилъ просѣку сквозь ауховскіе лѣса и заложилъ въ глубинѣ ихъ укрѣпленіе Кишень-Аухъ. Окончивъ это предпріятіе, генералъ Евдокимовъ снова перешелъ въ большую Чечню, постоянно разъединяя своимъ движеніемъ чеченское населеніе, жившее къ сѣверу отъ большой подгорной просѣки, и шамилевскія скопища, которыя онъ оттѣснялъ въ лѣсныя горы, къ югу. Ставъ въ этомъ положеніи, онъ потребовалъ покорности отъ жителей большой Чечни. Страна ихъ, раскрытая просѣками еще съ прошлаго года, была доступна во всѣхъ направленіяхъ; между ними и мюридами стояло русское войско. Измученное 17-ти лѣтнею войною, всегда

холодное къ дѣлу исправительнаго тариката, населеніе большой Чечни покорилось и было переселено на лѣвый берегъ Аргуна.

Обѣ стороны устья аргунской тѣснины были очищены отъ непріятеля, тылъ нашъ обезопасенъ, можно было наконецъ вступить въ горы. Въ январѣ 1858 года генералъ Евдокимовъ подступилъ къ аргунскимъ воротамъ, гдѣ непріятель сосредоточилъ свои силы въ крѣпкихъ завалахъ. Бой могъ быть чрезвычайно кровопролитнымъ; но искусное обходное движеніе предало намъ горскія укрѣпленія безъ потери. Овладѣвъ долиною, образуемою за аргунскими воротами сліяніемъ двухъ рѣкъ этого имени—Чанты и Шаро-Аргуна, генералъ Евдокимовъ заложилъ здѣсь укрѣпленіе, названное аргунскимъ, которое должно было служить начальнымъ этапомъ въ завоеваніи горъ. Новое укрѣпленіе выросло изъ подъ снѣга съ необыкновенною быстротою. Съ первою оттепелью главный чеченскій отрядъ могъ уже идти далѣе.

Влѣво отъ Аргунскаго укрѣпленія, съ берега Шаро-Аргуна, подымается высокая гряда Даргинъ-Дукъ, обросшая по скатамъ дремучимъ лѣсомъ, но голая на верху, соединяющаяся далѣе съ Андійскими горами и выводящая рядомъ высокихъ, удобно проходимыхъ горныхъ полянъ, въ тылъ Ичикерій и находящемуся въ ней Веденю, столицѣ Шамиля. Окончивъ работы по возведенію укрѣпленія, генералъ Евдокимовъ внезапно взобрался на вершину Даргинъ-Дука, предупредивъ сопротивленіе непріятеля въ мѣстности, которая при достаточной оборонѣ была бы непроходима; занявъ командующіе пункты, чеченскій отрядъ безъ выстрѣла прорубилъ просѣку, открывшую намъ свободный доступъ къ этой природной горной дорогѣ. Даргиндукская просѣка достигала одинаково двухъ цѣлей: Еслибъ признано было выгоднѣйшимъ обойти Ичикерію, она вела насъ въ тылъ этой страны удобною дорогою; еслибъ найдено было лучшимъ дѣйствовать въ другомъ направленіи, опасность, которой подвергалъ горцевъ вновь открытый путь, приковывала все таки ихъ вниманіе и силы къ Даргинъ-Дуку, что значительно облегчало наши предпріятія.

Какъ только чеченскій отрядъ возвратился съ хребта въ Аргунскую долину, горцы сейчасъ же заняли Даргинъ-Дукъ сильнымъ скопищемъ и стали преграждать просѣку рвами и укрѣпленіями. Оставляя ихъ спокойно сидѣть на этой высотѣ,

генералъ Евдокимовъ устремился чрезъ Аргунскую долину въ тылъ ауламъ малыхъ чеченцевъ, которымъ еще прошлою осенью былъ нанесенъ сильный ударъ. Это племя поняло свою участь и покорилось. Ему нельзя было уходить дальше въ горы, гдѣ за нимъ жили другія общества, дорожившія своею землею. Жители малой Чечни, больше 10-ти лѣтъ укрывавшіеся въ лѣсныхъ предгоріяхъ и производившіе оттуда безпрерывные набѣги въ наши предѣлы, были выселены на свои прежнія мѣста между горами и Сунжей.

Покореніемъ малой Чечни кончились зимнія дѣйствія съ 1857 на 1858 годъ; сѣверныя плоскости и предгорія были завоеваны, входъ въ горы открытъ. Съ лѣтомъ начались походы въ глубину горъ, сокрушившіе мюридизмъ въ теченіе 15-ти мѣсяцевъ. Но, не смотря на смѣлое направленіе нашихъ войскъ въ сердце трущобъ, до того времени неизвѣстныхъ и считавшихся недоступными, эти экспедиціи надобно было въ продолженіе еще цѣлаго года производить методически, разработывая мѣстность на каждомъ шагу и считая нашею только ту землю, на которой непріятель не могъ больше сопротивляться. Горскій союзъ, початый только по краямъ, былъ еще слишкомъ силенъ, чтобъ наступать на него открыто.

Въ іюнѣ войска должны были двинуться въ горы съ трехъ сторонъ. Чеченскій отрядъ вверхъ по ущелью Чанты-Аргуна, дагестанскій отъ Буртуная къ Мачикалу, угрожая вторженіемъ въ Андію; лезгинскій чрезъ Канучу во внутреннія горы Лезгистана, лежащія на востокъ отъ Дидойскаго общества. Главная операція была возложена на чеченскій отрядъ, которому предстояло занять теченіе Аргуна до снѣжнаго хребта. Дагестанскій отрядъ совершалъ только диверсію. Лезгинскій отрядъ вмѣстѣ и развлекалъ непріятеля и продолжалъ начатое предпріятіе—разореніе непокорныхъ обществъ южнаго Лезгистана.

Между тѣмъ старый имамъ, стѣсненный какъ ему еще никогда не доводилось, видя невозможность удержать наши стремленія съ лица, старался возобновить средство столько разъ ему удававшееся прежде,—возжечь народное возстаніе въ нашемъ тылу. Мюридическая пропаганда работала среди мирнаго населенія, какъ въ сороковыхъ годахъ; но на сторонѣ горцевъ уже не было увлеченія удачи, и самые жаркіе приверженцы исправительнаго тариката не смѣли начать возстанія. Въ это время приказано было Назрановскому обществу, живущему

подъ Владикавказомъ и давно мирному, но безпокойному и хищническому, селиться большими аулами по примѣру чеченцевъ, въ слѣдствіе доказанной невозможности управлять горскимъ населеніемъ, разсыпаннымъ мелкими хуторами. Поджигаемые агентами Шамиля, назрановцы возмутились. Радостный кликъ отвѣчалъ ихъ возстанію во всѣхъ горахъ; до тѣхъ поръ довольно бывало искры для произведенія пожара. Шамиль, готовый заранѣе, устремился къ Назрану черезъ малую Чечню, надѣясь что и это племя, только что покоренное, увлечется примѣромъ сосѣдей. Но съ нашей стороны также были приняты мѣры заблаговременно. Колонны, тѣсною сѣтью окружавшія подгорье, мгновенно стянулись къ пункту, гдѣ Шамиль вышелъ на равнину и отбросили его назадъ. Въ тоже время Назранъ былъ усмиренъ оружіемъ. Движенія, вынужденныя этимъ происшествіемъ, не замедлили ни однимъ днемъ предположенной экспедиціи.

Чеченскому отряду предстояло побѣдить мѣстность самую неприступную, можетъ быть, на всемъ Кавказѣ. Выше по Аргуну лежитъ богатая Шатоевская долина, занятіе которой на половину рѣшало дѣло; но она была за хребтомъ и къ ней вела только одна тропинка, по правому обрыву глухой тѣснины, прорытой Аргуномъ въ высочайшихъ горахъ. Одинъ завалъ могъ остановить здѣсь цѣлую армію. Кругомъ и горы и ущелье одѣты дремучимъ лѣсомъ, безъ слѣда и дороги. Покуда собирался отрядъ, наши войска сдѣлали нѣсколько демонстрацій къ подошвѣ Даргинъ-Дука, окончательно убѣдившихъ горцевъ, что русскіе пойдутъ по этому пути. Главное непріятельское скопище расположилось надъ даргиндукской просѣкой, откуда оно уже никакъ не могло поспѣть во-время на шатоевскую дорогу; но ущелье Чанты-Аргуна было такъ же занято партіей въ нѣсколько сотъ человѣкъ, совершенно достаточной чтобъ не пропустить насъ. Генералъ Евдокимовъ повелъ въ ущелье просѣку; горскіе наибы, хорошо зная непроходимость этой мѣстности, приняли наши работы за демонстрацію и еще бдительнѣе стали стеречь Даргинъ-Дукъ. Тогда генералъ Евдокимовъ перевелъ ночью отрядъ на лѣвый берегъ Аргуна по мосту, скрытно устроенному въ глубокомъ корытѣ рѣки, и съ разсвѣтомъ устремился къ Шатоевской долинѣ, безъ дороги, прямо черезъ лѣсной хребетъ Микенъ-Дукъ. Движеніе чеченскаго отряда было основано только на тайнѣ и

расчетѣ времени, необходимаго горцамъ, для того чтобъ перейти Аргунъ и взобраться на высокій хребетъ; потому что встрѣча значительнаго числомъ непріятеля въ Мексендукскомъ лѣсу была бы для насъ пораженіемъ. Расчетъ былъ сдѣланъ вѣрно. Дрались только нѣсколько мѣстныхъ жителей и голова отряда уже вышла на Варандинскую поляну, когда противъ нея показалась первая запыхавшаяся толпа горцевъ. Мюриды должны были безъ боя воротиться въ ущелье.

Главное препятствіе было пройдено; но за отрядомъ разстилался Мексендукскій лѣсъ, черезъ который надобно было проложить сообщеніе. Почти цѣлый мѣсяцъ войска чеченскаго отряда разработывали дорогу назадъ, по обойденному ими ущелью, и впередъ, къ Шатоевской долинѣ. Въ это время наши колонны вступили въ горы и съ другихъ сторонъ. Дегестанскій отрядъ подъ предводительствомъ генералъ-адъютанта барона Врангеля, заступившаго мѣсто князя Орбеліана, двинулся къ Мичикалу, разрушая завалы, ограждавшіе доступъ въ Андію. Генералъ Вревскій съ лезгинскимъ отрядомъ перешелъ снѣжный хребетъ и проникъ въ Капучинское общество, между тѣмъ какъ другой небольшой отрядъ дѣйствовалъ съ той же стороны на встрѣчу генералу Евдокимову, на верховьяхъ Аргуна. Атакованный разомъ нѣсколькими массами, опытный предводитель мюридизма сейчасъ же понялъ откуда ему наносится главный ударъ и оставляя своимъ наибамъ начальство въ другихъ пунктахъ, обратился съ сыновьями и главнымъ скопищемъ противъ генерала Евдокимова. Горцы заняли у аула Большія Варанды чрезвычайно сильную позицію, прикрывавшую единственный доступъ къ Шатоевской долинѣ. Но Шамиль, наученный опытомъ, не довѣрялъ больше крѣпкимъ позиціямъ; зная къ чему приведетъ дальнѣйшее движеніе русскихъ въ глубь страны, онъ рѣшился остановить его вторженіемъ въ наши предѣлы. Оставя половину своего многочисленнаго скопища на позиціи передъ Шатоемъ, имамъ устремился съ другою половиною къ Владикавказу, гдѣ онъ надѣялся найти союзниковъ въ назрановцахъ; при счастіи, Шамиль могъ тамъ взять верхъ надъ нашими слабыми войсками, что повело бы къ возстанію племенъ всего центральнаго Кавказа, еще вѣрившихъ мюридизму. Но счастіе давно уже измѣнило старому военачальнику; его отважное намѣреніе обратилось ему въ гибель. Предпринимая походъ въ глубь горъ, генералъ Евдо-

кимовъ расположилъ на плоскости колонны такимъ образомъ, что онѣ взаимно поддерживали одна другую и могли сосредоточиться на всякомъ угрожаемомъ пунктѣ. Въ одинъ и тотъ же день Шамиль, спустившійся на плоскость близъ Владикавказа, былъ на голову разбитъ генераломъ Мищенко; а генералъ Евдокимовъ, пользуясь отсутствіемъ имама, разсѣялъ скопище, занимавшее Варандинскую позицію и овладѣлъ Шатоемъ. Шамиль былъ отрѣзанъ и долженъ былъ подняться по Аргуну почти до снѣжнаго хребта, для того только, чтобы бѣжать домой.

Тогда все нагорное чеченское населеніе, общество за обществомъ, возстало противъ мюридизма. Предупреждая движеніе нашихъ колоннъ, жители аргунскаго края стали вездѣ изгонять или рѣзать своихъ наибовъ, духовныхъ и всѣхъ дагестанцевъ, ктобы они ни были. Чеченскія племена однѣ за другими присылали къ генералу Евдокимову депутатовъ съ изъявленіемъ покорности. Это движеніе распространилось далеко; даже на такія племена, которыхъ мы не могли поддержать за отдаленностію и которымъ, по этому, должны были сами совѣтовать, чтобъ онѣ подождали болѣе благопріятнаго времени. Чеченцы мстили мюридизму за осьмнадцатилѣтній гнетъ, давившій ихъ своевольную личность, и съ свойственною имъ пылкостію искренно протягивали намъ руку. Изъ всего чеченскаго народонаселенія, у Шамиля осталась только Ичкерія, которою онъ управлялъ лично, и полученское, полутавлинское общество Чаберлой. Но онъ не могъ уже сомнѣваться, что и эти племена, при первомъ появленіи русскихъ, послѣдуютъ общему движенію.

Въ концѣ октября 1858 года обширное пространство горъ отъ военно-грузинской дороги до Шаро-Аргуна признавало русскую власть. Для свободнаго движенія войскъ вдоль Чанты-Аргунской долины была разработана удобная дорога, прикрытая тремя укрѣпленіями; въ Шатоѣ водворена штабъ-квартира навагинскаго пѣхотнаго полка. Оставалось только раскрыть вновь пріобрѣтенный край продольными путями и привести въ порядокъ мелкія разбойничьи общества, населявшія его западную оконечность.

Пока происходили дѣйствія на Аргунѣ, генералъ баронъ Вревскій перевалился за снѣжный хребетъ и чрезъ общество Капучу вторгнулся во внутреннія земли Анкратля, куда еще

никогда не проникало русское оружіе. Главныя силы Шамиля были далеко; но многочисленное мѣстное населеніе, помня прошлогоднее опустошеніе Дидойскаго общества и опасаясь подобной участи для себя, стеклось подъ знамена своихъ наибовъ, съ ожесточеніемъ оспаривая каждый шагъ у наступающаго отряда. Препятствія, противуполагаемыя въ этомъ краѣ нашему движенію природою и упорствомъ жителей, были чрезвычайны. Заоблачные хребты, бездонные обрывы, лѣса, каменные аулы составляли почти непроницаемый лабиринтъ, гдѣ каждая десятина земли была крѣпостію для лезгинъ. Все время похода наши войска должны были пробиваться впередъ открытою силою, штурмуя огражденныя завалами кручи, колеблющіеся мостики, повѣшенные надъ бездной, и аулы съ башнями, вѣнчающіе вершину почти отвѣсныхъ скалъ. Не смотря на упорное сопротивленіе лезгинъ, защищавшихъ такую мѣстность, нашъ отрядъ въ теченіи 5-ти недѣль опустошилъ семь обществъ Анкратля, разорилъ болѣе сорока каменныхъ ауловъ и взялъ три укрѣпленія съ артиллеріей. Но успѣхъ этой экспедиціи дорого намъ стоилъ. На приступѣ аула Китури генералъ Вревскій и нѣсколько отличныхъ офицеровъ были смертельно ранены. Принявши начальство надъ отрядомъ полковникъ Коргановъ продолжалъ наступленіе, разорилъ послѣдніе дидойскіе аулы, оставшіеся на восточныхъ предѣлахъ этого общества отъ прошлогодняго истребленія, и затѣмъ только спустился съ горъ. Двукратное опустошеніе и потеря вѣры въ Шамиля, все лѣто терпѣвшаго пораженія, произвели свое дѣйствіе на жителей неприступнаго Лезгистана. Видя невозможность отразить наши удары и не смѣя принести покорность въ своей землѣ, которой съ наступленіемъ осени мы не могли оградить, четыре тысячи анцухцевъ и капучинцевъ выселились съ горъ въ наши предѣлы.

Движеніе генералъ-адъютанта барона Врангеля къ Мичикалу было, какъ уже сказано, только демонстраціей, назначенной для отвлеченія силъ и вниманія Шамиля отъ Шатоя. Для рѣшительнаго наступленія со стороны Дагестана еще не пришло время. Въ 1858 году дагестанскимъ войскамъ предстояло много невидныхъ, хотя весьма важныхъ трудовъ; надобно было вполнѣ достигнуть цѣли, для которой была занята Салатавія, разработкою изъ Буртуная путей на Аухъ и на Кумыкскую плоскость. Завоеваніемъ Салатавіи связывались

въ одну дѣйствующую силу, сосредоточенную противъ сѣверной стороны горъ, войска Прикаспійскаго края и лѣваго крыла; но для того, чтобы они связывались дѣйствительно, надобно было провести изъ Буртуная къ оконечностямъ страны нѣсколько просѣкъ, собрать разсѣянное и до тѣхъ поръ еще враждебное салатавское населеніе и покорить ауховцевъ, упорно державшихся въ своихъ лѣсныхъ хуторахъ. Салатавскій отрядъ былъ занятъ исполненіемъ этихъ предпріятій все лѣто 1858 года и всю слѣдующую зиму. Кромѣ дѣйствій въ Салатавіи, дагестанскимъ войскамъ приходилось еще охранять длинную пограничную линію отъ Сулака до снѣжнаго хребта. Съ основаніемъ Буртуная, главныя силы Прикаспійскаго края были стянуты въ сѣверо-западномъ углу этой страны, отчего необходимо ослабѣли оборонительныя средства собственнаго Дагестана; а между тѣмъ, какъ ни былъ стѣсненъ непріятель, онъ располагалъ еще большими силами, и необходимость отчаянныхъ мѣръ могла устремить его на покорный Дагестанъ, какъ устремляла въ этомъ году къ сторонѣ Владикавказа. Въ Прикаспійскомъ краѣ надобно было дѣйствовать весьма осторожно.

Главныя дѣйствія зимою, какъ и истекшимъ лѣтомъ, предстояли генералу Евдокимову. Съ занятіемъ аргунскаго края, войска лѣваго крыла были раскинуты на слишкомъ обширномъ пространствѣ, а между тѣмъ на нихъ лежало исполненіе самыхъ важныхъ предпріятій. Главнокомандующій усилилъ лѣвое крыло 8-ю баталіонами изъ гренадерской и 18-й пѣхотной дивизій. При этомъ подкрѣпленіи генералъ Евдокимовъ могъ раздѣлить свои силы. Оставляя на Аргунѣ отрядъ, достаточный для прикрытія послѣдняго завоеванія и новыхъ чеченскихъ поселеній, онъ сосредоточилъ другія войска въ Галашкахъ, на западной оконечности страны, занятой чеченскимъ племенемъ, у предѣловъ военно-осетинскаго округа. Галашевскій отрядъ приступилъ къ разработкѣ этой глухой страны, составлявшей до тѣхъ поръ одну безвыходную дебрю, въ которой гнѣздились разбойничьи деревушки и бѣглецы со всего лѣваго крыла. Войска расчистили просѣки; но имъ невозможно было настигнуть малочисленное населеніе абрековъ, скрытое по самымъ дикимъ мѣстамъ. Для этого генералъ Евдокимовъ послалъ въ горы двѣ тысячи наѣздниковъ изъ только что покореннаго населенія малой Чечни, подъ предводительствомъ

ихъ наиба. Чеченцы разсыпались по лѣсамъ, истребили упорствовавшихъ разбойниковъ, а прочихъ заставили выселиться на плоскость. Къ концу года эта часть края была раскрыта и успокоена.

Покуда генералъ Евдокимовъ находился въ предѣлахъ военно-осетинскаго округа, Шамиль, съ дѣятельностію, возроставшею по мѣрѣ обрушившихся на него бѣдствій, задумалъ новый походъ, въ надеждѣ изгнать насъ изъ вновь завоеваннаго аргунскаго края. Выше Шатоевскаго укрѣпленія было заложено укрѣпленіе Евдокимовское, составлявшее верхній пунктъ нашей линіи по Аргуну; далѣе начинаются отроги снѣжнаго хребта, преграждающіе всякій путь войску въ эту пору года. Между Шатоевскимъ и Евдокимовскимъ укрѣпленіями Аргунъ течетъ въ каменной трещинѣ неизмѣримой глубины, въ которой вьется, изгибаясь по карнизамъ скалъ, единственная тропинка, сообщающая два укрѣпленія. Шамиль расположилъ въ предгоріяхъ большой Чечни сильное скопище, съ цѣлію привлечь къ этой сторонѣ наши войска, а съ другой партіей бросился внезапно къ ущелью между Шатоевскимъ и Евдокимовскимъ укрѣпленіями; онъ надѣялся захватить ущелье, разрѣзать наши силы, растянутыя по Аргуну и открыть себѣ доступъ въ за-Аргунскій край, гдѣ быстрыя движенія были не возможны для регулярныхъ войскъ въ эту пору года. Оставленнымъ въ Чечнѣ силамъ онъ приказалъ, при первомъ извѣстіи объ успѣхѣ его предпріятія, устремиться къ этому же пункту. Планъ Шамиля былъ соображенъ съ истинно-военнымъ вглядомъ и могъ поставить насъ въ затруднительное положеніе. Но мюриды дѣйствовали посреди чеченскаго населенія, разорвавшаго уже нравственно союзъ съ ними. Ихъ движенія не могли оставаться для насъ тайною. Шамиль встрѣтилъ баталіоны на пунктахъ, которые онъ надѣялся захватить нечаянно и долженъ былъ отказаться отъ своего смѣлаго предпріятія.

Для полнаго покоренія всего чеченскаго племени оставалось только овладѣть Ичикеріей. Шамиль предвидѣлъ куда направятся наши силы и цѣлый годъ занимался укрѣпленіемъ своей столицы—Веденя. Не надѣясь на туземцевъ, онъ созвалъ для защиты Ичикеріи сборы изо всего Дагестана. Передъ Рождествомъ генералъ Евдокимовъ двинулъ въ Ичикерію три отряда. Первый отрядъ, подъ его личнымъ предводительствомъ, всту-

пилъ въ ущелье Басса изъ Шали; второй, подъ начальствомъ полковника Бажанова, направился къ этой же рѣкѣ горами изъ укрѣпленія Аргунскаго; князь Мирскій привелъ третій отрядъ съ Кумыкской плоскости черезъ большую Чечню. Къ Новому году отряды сошлись на Бассѣ. Наши войска, по мѣрѣ движенія впередъ, рубили лѣсъ и прокладывали дорогу. Дагестанцы дрались упорно, никогда не уступая безъ боя чужой для нихъ земли; но ичикеринскіе чеченцы оказывали сопротивленіе только подъ глазами тяготѣвшихъ надъ ними союзниковъ и сейчасъ же сдавались, какъ скоро дагестанцы бывали принуждены отступить отъ ихъ жилищъ. Въ три недѣли до тысячи семействъ этого племени было выселено на плоскость. Подвигаясь вверхъ по ущелію Басса, чеченскій отрядъ подступилъ къ сильной позиціи въ урочищѣ Таузень, заблаговременно укрѣпленный непріятелемъ. Генералъ Евдокимовъ отрядилъ колонну въ обходъ заваловъ по горамъ, засыпаннымъ глубокими снѣгами; когда появленіе ея на хребтѣ, выше Тауземя, распространило между горцами колебаніе, генералъ Кемфертъ, подступившій къ позиціи съ фронта, сбилъ ихъ однимъ быстрымъ ударомъ. Послѣ этого дѣла, разработка мѣстности потребовала опять значительнаго времени. Въ началѣ февраля ущелье Басса было расчищено до аула Алистанжи, пункта, откуда дорога въ Ведень выходитъ изъ ущелья на горы. Эта часть страны представляла горцамъ всѣ удобства для самой сильной обороны. Генералъ Евдокимовъ предпочелъ пробиться до Ведена разомъ и поставить войска въ укрѣпленномъ лагерѣ передъ непріятельскою крѣпостію, а потомъ уже разработывать дорогу въ тылъ. Особая колонна была направлена по хребтамъ для обходнаго движенія, фланкировавшаго линію, по которой слѣдовало наступать главнымъ силамъ. Этотъ маневръ, совершенный нечаянно и чрезвычайно быстро, открылъ отряду путь къ Веденю. Наши войска заняли гору, въ двухъ верстахъ отъ укрѣпленной резиденціи Шамиля. Здѣсь чеченскій отрядъ долженъ былъ остановиться на продолжительный срокъ, пока въ тылу позиціи не откроется удобное сообщеніе до нашихъ предѣловъ. Сбивъ горцевъ съ окрестныхъ высотъ, генералъ Евдокимовъ окружилъ свои лагери засѣками и приступилъ къ устройству дороги назадъ, по пройденному пути. Ненастное время года дѣлало работы чрезвычайно затруднительными. Между тѣмъ войска, расположенныя передъ Веденемъ, зало-

жили постоянную крѣпость, которая возвышалась по немногу въ виду непріятельской. Дорога къ Бассу, нѣсколько разъ смываемая дождями, была кончена и обсохла только къ половинѣ марта. Тогда лишь, съ прибытіемъ къ отряду артиллеріи (чеченскій отрядъ имѣлъ до тѣхъ поръ съ собою однѣ горныя орудія), можно было приступить къ осадѣ.

Веденъ расположенъ въ долинѣ, при сліяніи двухъ глубокихъ овраговъ, ограждающихъ его съ сѣверной стороны, откуда пришли наши войска. Съ востока его огибаетъ цѣпь бугровъ, постепенно понижающихся отъ хребта; на ней былъ устроенъ горцами рядъ сомкнутыхъ редутовъ. Горскія укрѣпленія состояли изъ толстыхъ и высокихъ брустверовъ, сложенныхъ изъ бревенъ, пересыпанныхъ землей, съ прикрытіемъ для стрѣлковъ, рвами, полисадами, блиндажами и туръ-бастіонами. Веденъ былъ занятъ гарнизономъ изъ семи тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ 14-ти наибовъ, подчиненныхъ сыну Шамиля—Кази-Магомѣ. 17-го и 18-го марта заложены первыя траншеи, одна съ западной стороны крѣпости, другая противъ отдѣльнаго укрѣпленія, названнаго Андійскимъ, замыкавшимъ съ нашей стороны линію редутовъ. Особая колонна была поставлена для прерванія сообщеній непріятельскаго гарнизона съ Ичикеріей; ему оставалось отступленіе только на Андію, которое было незаставлено нарочно, чтобъ не доводить сопротивленія горцевъ до крайности. Главныя силы непріятельскихъ укрѣпленій заключались въ линіи редутовъ, окружавшихъ Веденъ съ востока; онѣ командовали собственно крѣпостію, такъ что и штурмовать ее, и держаться въ ней послѣ штурма надобно было подъ ихъ огнемъ. Для того чтобъ сбить эту линію, слѣдовало только стать на одной высотѣ съ нею, занявъ одинъ изъ редутовъ. Въ послѣднихъ числахъ марта атака была доведена съ западной стороны до оврага, откуда наша артиллерія обстрѣливала подножіе редутовъ, обращенное къ крѣпости, и разрывала непріятельскій гарнизонъ на двѣ половины безъ сообщенія; съ восточной она подвинулась на 60 шаговъ къ андійскому редуту; 1-го апрѣля назначена была штурмовая колонна подъ начальствомъ генерала Кемферта. На закатѣ, послѣ сильной канонады, засыпавшей андійскій редутъ снарядами, онъ былъ атакованъ и взятъ мгновенно. Случилось какъ разсчитывалъ генералъ Евдокимовъ. Гарнизонъ сосѣдняго редута, видя несравненно превосходнѣйшія силы атакующихъ возлѣ

себя и на одной высотѣ, счелъ сопротивленіе невозможнымъ и отступилъ въ редутъ лежащій далѣе. Это отступленіе, сообщилось всей линіи и черезъ два часа редуты были брошены непріятелемъ. Съ этой минуты крѣпость была открыта прицѣльному огню сверху. Движеніе колонны полковника Черткова по ущелью Хулхулау, на единственную линію отступленія, остававшуюся горцамъ, покончило дѣло. Непріятель зажегъ крѣпость и ушелъ на гору. Послѣ кровавыхъ штурмовъ предшествовавшей эпохи, стоившихъ столько тысячъ людей, штурмъ, рѣшившій участь Веденя, обошелся въ 26 человѣкъ выбывшихъ изъ строя.

Пока продолжалась осада Веденя, генералъ-адъютантъ баронъ Врангель вступилъ въ Ичикерію съ востока, для проложенія просѣкъ въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, по которымъ наши войска отступали изъ Дарго въ 1845 году. Новыя просѣки были проложены съ этой стороны. Къ началу лѣта, безпрерывными дѣйствіями чеченскаго и салатавскаго отрядовъ, разбросившихъ колонны по всѣмъ направленіямъ, Ичикерія была раскрыта и покорены населенія этой страны, Ауха и выходцы большой Чечни, скрывшіеся отъ нашей власти въ лѣсныхъ предгоріяхъ. Большая Чечня снова заселилась своими прежними жителями, собранными въ большіе аулы. Совершенная безопасность, даже для одиночнаго путника, водворилась на всемъ пространствѣ только-что покореннаго края.

Сейчасъ же послѣ покоренія Веденя значительное габерлоевское общество, послѣдняя чеченская земля Шамиля, не дожидаясь русскихъ колоннъ, само возстало противъ его власти, выгнало мюридовъ и прислало депутацію генералу Евдокимову.

Весь чеченскій народъ былъ покоренъ до послѣдней деревни. Шамилю оставался одинъ Дагестанъ. Но покуда Дагестанъ стоялъ подъ знаменемъ мюридизма, наше господство на Кавказѣ осталось столь же шаткимъ при владѣніи Чечнею, какъ и безъ нея. Въ Дагестанѣ заключалась вся нравственная сила мусульманскаго возстанія.

Этотъ обширный, малоизвѣстный въ своихъ глубинахъ, неприступный край, населенный воинственными и изувѣрно-фанатическими племенами, рабски покорствующими передъ духовною властію, могъ отстаивать свою независимость и безъ содѣйствія Чечни, какъ это было доказано прежними годами. Во время ахульгинскаго похода, еще до возстанія чеченцевъ.

когда мы владѣли въ срединѣ горъ преданными намъ Аваріей и Койсубу, когда далеко еще не всѣ дагестанскія племена стояли за мюридизмъ, противъ Шамиля были направлены съ двухъ сторонъ главныя силы кавказскаго корпуса. Въ то время русскія войска положили пять тысячъ человѣкъ передъ одной деревней, разрушеніемъ которой ограничился результатъ похода. Теперь Шамилю повиновался весь Дагестанъ, устроенный и обставленный крѣпостями; силы мюридизма были гораздо значительнѣе, чѣмъ въ 1839 году. Разница состояла только въ относительномъ положеніи нашемъ и непріятельскомъ; но въ этой разницѣ уже заключалась вся послѣдующая судьба войны. Завоеванія двухъ предыдущихъ годовъ измѣнили коренным образомъ стратегическія условія наступленія на Дагестанъ и глубоко потрясли увѣренность горскаго населенія въ неодолимости его убѣжищъ. До сихъ поръ мы могли проникать въ Дагестанъ только съ двухъ сторонъ: съ южной и восточной. Южная сторона защищена снѣжнымъ хребтомъ, за которымъ нельзя было утвердиться; восточная—широкой оборонительной полосой, гдѣ продолжительная война обратила каждую деревню въ крѣпость. И тамъ и здѣсь наступающія войска должны были тѣснить горцевъ отъ окружности къ центру, въ неизвѣданныя глубины края, слишкомъ обширнаго, чтобъ его можно было пройти въ одинъ разъ; съ каждымъ шагомъ внутрь страны, силы горцевъ возрастали, а для насъ увеличивались затрудненія продовольствія и сообщенія. Эти условія до сихъ поръ дѣлали возможною въ горахъ только войну методическую. Съ завоеваніемъ Аргунскаго края и Ичикеріи, мы открыли наступленію третью сторону Дагестана, гдѣ ничто не было приготовлено для энергической обороны—ни люди, ни жилища ихъ; поставили свое военное основаніе подлѣ той самой неизвѣстной глубины горъ, на которую опирались пограничныя племена. Опытъ лезгинскихъ походовъ показалъ уже какъ было слабо сопротивленіе горцевъ внутри Дагестана,—отрядъ, который тамъ бралъ штурмомъ по три аула въ день, былъ бы недостаточенъ для осады одной деревни на пограничной восточной полосѣ. Во всякомъ случаѣ, съ сѣверной стороны, открытой послѣдними завоеваніями, Дагестанъ былъ естественно не сильнѣе, чѣмъ лезгинская линія, съ которой сняли бы прикрытіе снѣжнаго хребта. Но, кромѣ того, вступая въ Дагестанъ съ этой стороны, мы съ перваго шага овладѣвали самымъ серд-

щемъ края и тѣснили горцевъ уже не отъ окружности, опрокидывая ихъ на наши пограничныя линіи и заходя въ тылъ ихъ оплотамъ. Это новое стратегическое положеніе было послѣдствіемъ и цѣлью всѣхъ предыдущихъ походовъ. Пока происходило завоеваніе Чечни, войска Прикаспійскаго края упрочивались въ Салатавіи; къ лѣту 1859 года прежній базисъ наступленія на Дагестанъ со стороны моря былъ уже брошенъ; оба войска, лѣваго крыла и дагестанское, сосредоточились на одной линіи, въ твердо занятыхъ пунктахъ, противъ сѣверной, вновь раскрытой стороны горъ. Только отрядъ лезгинской линіи, дѣйствовавшій со стороны Грузіи, по необходимости составлялъ совершенно отдѣльную массу.

Увѣренность въ себѣ горскаго населенія, такъ долго составлявшая силу мюридизма, была глубоко потрясена послѣдними событіями. Въ 1858 и первыхъ мѣсяцахъ 1859 года всѣ пораженія обрушивались на тавлинцевъ, такъ какъ чеченское населеніе, имѣвшее уже свою очередь, по возможности уклонялось отъ боя и покорялось при первомъ успѣхѣ съ нашей стороны. Тавлинцы изведали достаточно въ чужомъ краю, на сколько самыя сильныя позиціи, ввѣренныя ихъ оборонѣ, удерживали въ послѣднее время русскія войска; они не могли ждать для себя ничего другаго и дома. Народный энтузіазмъ и рѣшимость защищаться до послѣдняго поддерживались увѣреностію въ возможности отбиться; съ паденіемъ этой увѣренности, необходимо должна была ослабѣть и энергія массы. Оставался Шамиль съ своею прочно-утвержденною властію, за которую стояли всѣ присяжныя лица мюридизма, то есть вся мыслящая часть населенія, выходящая изъ народной толпы. Шамиль располагалъ еще большими силами; онъ могъ выставить противъ насъ много тысячъ храбрыхъ воиновъ, имѣлъ вѣрныхъ и опытныхъ помощниковъ, неприступныя крѣпости, значительныя матеріальныя средства. Но въ это время, съ ослабленіемъ надежды отбиться отъ русскихъ, каждый горецъ естественно сталъ думать о себѣ лично, о своемъ семействѣ и имуществѣ. Не подлежало сомнѣнію, что толпы, собранныя подъ глазами Шамиля или его главныхъ наибовъ, будутъ драться рѣшительно; но съ ослабленіемъ народной вѣры въ успѣхъ, эти толпы становились войсками, въ опредѣленномъ смыслѣ слова, войсками, за которыми не сражался уже каждый камень; на нихъ можно было наступать

по чисто-стратегическимъ соображеніямъ, какъ во всякой другой войнѣ и рѣшить дѣло быстрымъ вторженіемъ.

Теперь это ясно. Но въ прошломъ іюнѣ Дагестанъ представлялся еще такою непроходимою трущобою, такъ была свѣжа память кровавыхъ и безполезныхъ попытокъ, двадцать лѣтъ сряду повторявшихся противъ этой земли, что казалось невозможнымъ кончить дѣло однимъ разомъ. Никто не сомнѣвался, что теперь стало возможнымъ сломить Дагестанъ; но сломить его въ нѣсколько пріемовъ, методически, какъ это происходило въ Чечнѣ, расчитывая дѣйствія на извѣстное число лѣтъ. Всѣ были тогда убѣждены въ этомъ, положительно всѣ, кромѣ одного человѣка; къ счастію этотъ человѣкъ былъ главнокомандующій. Завоеваніе Дагестана совершилось въ пять недѣль, и Кавказъ навсегда избавился отъ мюридизма, грызшаго, какъ язва, его внутренности *).

Общее наступленіе предположено было начать со всѣхъ сторонъ одновременно, въ первыхъ числахъ іюля. Главный чеченскій отрядъ, въ числѣ 14-ти тысячъ человѣкъ подъ ружьемъ, подъ личнымъ начальствомъ графа Евдокимова, былъ сосредоточенъ около Веденя; другой небольшой отрядъ лѣваго крыла, полковника Кауфмана, готовился выступить изъ Шатоя. Въ Прикаспійскомъ краѣ главный отрядъ, салатавскій, въ составѣ около 9-ти тысячъ, которыя должны были впослѣдствіи еще усилиться, собрался въ Буртунаѣ. Всѣмъ этимъ войскамъ, составлявшимъ массу около 25-ти тысячъ штыковъ и коней, назначено было произвести наступленіе съ сѣверной стороны горъ. Восточная сторона Дагестана, обращенная къ Каспійскому морю, охранялась отрядомъ въ пять баталіоновъ, расположеннымъ на Турчидагѣ подъ начальствомъ генерала князя Тарханова, готовымъ сейчасъ перейти въ наступленіе. Изъ Темиръ-Ханъ-Шуры также готовы были двинуться, въ случаѣ надобности, около 2-хъ тысячъ человѣкъ въ промежутокъ между салатавскимъ и турчидагскимъ отрядами. Эти три отряда состояли въ распоряженіи генералъ-адъютанта барона Вран-

---

*) Понятно, что источники, изъ которыхъ почерпнуто это показаніе, какъ и многія другія въ этомъ сочиненіи, въ настоящее время еще не могутъ быть обнародованы. Но самъ фактъ совершенно извѣстенъ лицамъ, сколько нибудь посвященнымъ въ планы совершившагося покоренія. Когда будетъ написана исторія кавказской войны, это обстоятельство станетъ внѣ всякаго сомнѣнія

теля, находившагося при салатавскомъ отрядѣ. На Лезгинской линіи, подъ начальствомъ командующаго войсками генерала князя Меликова, сосредоточился на горѣ Пахалистова отрядъ въ 7000 человѣкъ, фланкируемый двумя небольшими отрядами со стороны крѣпости новыхъ Закаталъ и Тушетія, подъ предводительствомъ князя Шаликова и князя Челокаева. Вся масса войскъ, собранная съ величайшими усиліями для наступленія въ горы съ трехъ сторонъ, не превышала 40 тысячъ человѣкъ подъ ружьемъ изъ 240 тысячъ, составлявшихъ въ эти мѣсяцы кавказскую армію (изо 160-ти, если не считать войскъ праваго крыла и кутаисскаго генералъ-губернаторства). Разительный примѣръ локализированія, можно сказать поглощенія войскъ, для потребностей мелкой обороны и занятія края, бывшихъ послѣдствіемъ кавказской войны.

Дѣйствія трехъ отрядовъ—чеченскаго, дагестанскаго и лезгинскаго, фланкируемыхъ зависѣвшими отъ нихъ второстепенными колоннами, были подчинены одному общему плану; но каждый командующій войсками былъ самостоятеленъ на своемъ военномъ театрѣ и руководствовался мѣстными соображеніями для достиженія поставленныхъ ему цѣлей. Наибольшая сила оборонительной системы непріятеля состояла въ линіи Андійскаго-Койсу, прикрывавшей непокорныя горы съ сѣвера, отъ снѣжнаго хребта до Сулака, прочно укрѣпленной и занятой многочисленными скопищами горцевъ. Эта линія останавливала наступленіе чеченскаго и дагестанскаго отрядовъ почти съ перваго ихъ шага въ горы. Лезгинскій отрядъ, дѣйствовавшій съ южной стороны, находился нѣкоторымъ образомъ въ тылу этой линіи, но отдѣленный отъ нея обширнымъ пространствомъ самыхъ недоступныхъ горъ, въ которыя наши войска еще никогда не пытались проникнуть. По плану князя Барятинскаго, отряды должны были сойтись противъ средняго теченія Андійскаго-Койсу, разрушая совокупнымъ усиліемъ оборонительную линію горцевъ. Главная, хотя пассивная роль въ общемъ наступленіи принадлежала чеченскому отряду, напиравшему противъ самой неприступной части непріятельской линіи; къ этимъ войскамъ прибылъ самъ главнокомандующій, чтобы находиться въ центрѣ дѣйствій. Чеченскій отрядъ, многочисленнѣйшій изъ трехъ, шелъ кратчайшимъ путемъ къ среднему теченію Андійскаго-Койсу; черезъ нѣсколько времени, съ углубленіемъ въ горы другихъ колоннъ, онъ долженъ былъ стать связующей и

опорной массой для всѣхъ наступающихъ войскъ. Присутствіе въ чеченскомъ отрядѣ главнокомандующаго и самое направленіе отряда,—въ сердце непокорной земли,—необходимо заставляло мюридовъ обратить все вниманіе на эту часть нашихъ силъ, ждать рѣшительнаго удара только отъ нея и сообразовать свои дѣйствія съ ея дѣйствіями. Подвигаясь медленно, ничѣмъ не обнаруживая своихъ намѣреній, главнокомандующій приводилъ Шамиля въ недоумѣніе и заставлялъ его держать въ массѣ свои главныя силы; тѣмъ легче фланговые отряды могли нанести горцамъ внезапный ударъ. Достаточно было одному изъ нихъ достигнуть праваго берега Андійскаго-Койсу, чтобъ ниспровергнуть всю оборонительную систему непріятеля. По всей вѣроятности, дѣйствующая роль должна была выпасть на долю дагестанскаго отряда. Онъ наступалъ рядомъ съ чеченскимъ; успѣхъ съ каждой стороны былъ общимъ. Въ нижней части теченія Койсу непріятель имѣлъ менѣе силъ, чѣмъ въ средней. За рѣкой, противъ Гумбета, лежатъ Койсубу и Аварія, общества твердо-стоявшія за насъ въ 1843 году и претерпѣвшія потомъ долгое гоненіе отъ Шамиля. Прорвавшись за рѣку въ нижней части теченія, мы прямо вступали въ этотъ край, единственный въ Дагестанѣ, на дружелюбіе котораго можно было разсчитывать немедленно. Съ возстаніемъ Аваріи въ Дагестанѣ должно было начаться такое же разложеніе, какое предало намъ Чечню. Во всякомъ случаѣ, съ содѣйствіемъ или безъ содѣйствія Аваріи, разъ прорвавшись за рѣку, дагестанскому отряду стоило только протянуть правый флангъ вверхъ по ея берегу, чтобъ взять въ тылъ укрѣпленія, нагроможденныя горцами противъ Технуцала. Тогда чеченскій отрядъ могъ свободно перейти Койсу и протянуть руку лезгинскому, который до тѣхъ поръ былъ отдѣленъ, какъ бездною, отъ силъ дѣйствующихъ съ сѣвера. Но, если бы дагестанскій отрядъ встрѣтилъ съ своей стороны препятствія неопреодолимыя, то въ этой крайности лезгинскій отрядъ могъ проникнуть въ глубину горъ и выйти въ тылъ непріятельской линіи, хотя съ гораздо большимъ рискомъ и значительною тратою времени. Во всякомъ случаѣ, тотъ или другой долженъ былъ обойти Шамиля и овладѣть переправами черезъ Койсу. — Тогда всѣ три отряда соединялись съ сердцѣ горъ и исходъ борьбы становился несомнѣннымъ; оставалось только быстро преслѣдовать Шамиля, не давая ему утвердиться въ какой-либо части края.

По этому плану, чеченскій отрядъ долженъ былъ въ началѣ похода дѣйствовать методически, разработывая дорогу изъ Веденя въ Андію; лезгинскій отрядъ—продолжать систему, которой онъ держался уже два года,—разорять непріятельскій край, подвигаясь понемногу въ глубь горъ; рѣшительное наступленіе съ перваго шага предстояло только дагестанскому отряду. Какъ на графа Евдокимова было возложено исполненіе плановъ главнокомандующаго въ методической войнѣ, такъ теперь возлагалось на барона Врангеля нанести мюридизму быстрые и окончательные удары.

Сѣверная сторона Дагестана, на которую наступали соединенныя силы лѣваго крыла и Прикаспійскаго края, ограждена по всему протяженію чрезвычайно высокимъ, но не снѣжнымъ хребтомъ, который тянется сплошною стѣною къ сѣверо-востоку, отъ предѣловъ Хевсуріи до Салатавіи, отдѣляя чеченское населеніе отъ тавлинскаго. За хребтомъ, на разстояніи отъ 15 до 20 верстъ, течетъ въ глубочайшей пропасти Андійское-Койсу. Чрезъ хребетъ нѣтъ ни одного ущелья; надобно лѣзть на его вершину и потомъ опять спускаться въ страшную глубину. Черезъ рѣку переправы существуютъ только въ немногихъ мѣстахъ, гдѣ пробиты тропинки, ведущія къ руслу наискось по отвѣснымъ скаламъ. Длинная полоса между хребтомъ и рѣкою разрѣзана на нѣсколько отдѣльныхъ клѣтокъ контръ-форсами хребта, упирающимися въ самый берегъ Койсу. Шамиль устроилъ съ глубокимъ военнымъ взглядомъ оборону этой страны. Войска лѣваго крыла и Прикаспійскаго края должны были наступать отдѣльно, имѣя особое основаніе военное и продовольственное, одно въ недавно-покоренной Ичкеріи, другое въ Салатавіи. Передъ чеченскимъ отрядомъ лежала Андія, передъ дагестанскимъ Гумбетъ, раздѣленные высокимъ контръ-форсомъ, чрезъ который эти страны сообщаются только по двумъ путямъ: верхнимъ, черезъ такъ называемыя Андійскія ворота и нижнимъ, надъ рѣкою. Шамиль укрѣпилъ правый берегъ Койсу и этотъ перпендикулярный къ рѣкѣ контръ-форсъ. Противъ Технуцальской долины, около аула Конхидать, куда долженъ былъ спуститься чеченскій отрядъ и гдѣ рѣка течетъ въ плоскихъ берегахъ, на противоположной сторонѣ, была устроена горцами цѣлая система укрѣпленій, каменныхъ стѣнъ съ бойницами и батарей, въ 8 верстъ длиною. Брать силою эти укрѣпленія, которымъ бѣшеная рѣка служила

природнымъ рвомъ, могло считаться почти невозможнымъ. Далѣе, на значительномъ разстояніи, Койсу непроходимъ по самой мѣстности. Противъ Гумбета, на пути наступленія дагестанскаго отряда, Шамиль укрѣпилъ Согритлохскій мостъ блиндированными галлереями, скрытыми въ скалахъ и недосягаемыми ни съ какой стороны, даже для артиллерійскаго огня. Мосты черезъ Койсу онъ оставилъ только въ недоступныхъ для насъ мѣстахъ, оградивъ ихъ завалами. На остальномъ теченіи не только мосты были сняты, но даже скалы надъ рѣкою оборваны отвѣсно. Верхній путь, соединяющій Андію и Технуцалъ съ Гумбетомъ, былъ перерѣзанъ башнями и завалами въ Андійскихъ воротахъ и на сосѣднихъ тропинкахъ. На нижнемъ пути, въ томъ мѣстѣ гдѣ контръ-форсъ упирается въ рѣку, Шамиль сильно укрѣпилъ Килитлинскую гору и расположился на ней съ главными силами, какъ въ центральномъ пунктѣ. Все населеніе Андіи, Технуцала и Гумбета было принуждено перевести семейства и стада на другой берегъ рѣки и сжечь свои аулы. При такомъ расположеніи обороны, всѣ стратегическія выгоды были на сторонѣ горцевъ. Съ первымъ шагомъ въ непріятельскую землю, дагестанскій и чеченскій отряды разъединялись занятымъ горцами контръ-форсомъ и упирались въ препятствіе почти неодолимое,—Андійское-Койсу; между тѣмъ какъ непріятель могъ отказываться отъ боя когда хотѣлъ, запираясь въ своихъ укрѣпленіяхъ; могъ также устремлять противъ разъединенныхъ отрядовъ или колоннъ, отряжаемыхъ ими, всю массу своихъ силъ, нисколько не опасаясь за тылъ и фланги. Лежавшій передъ нашими отрядами военный театръ представлялъ шахматную доску, въ которой всѣ границы между клѣтками во власти непріятеля. Мы имѣли только одно преимущество—тактическое превосходство нашихъ войскъ. Если можно было найти случай гдѣ нибудь воспользоваться этимъ преимуществомъ и только въ одномъ пунктѣ прорвать оборонительную сѣть непріятеля, дѣло было выиграно, потому что горцы не могли возвратить себѣ утраченной выгоды открытымъ боемъ. Предстоявшія дѣйствія были расчитаны на этомъ соображеніи.

Къ 1-му іюля въ крѣпости Грозной собрались: начальникъ главнаго штаба, начальники спеціальныхъ оружій арміи и походный штабъ. 4-го іюля прибылъ къ войскамъ главнокоман-

дующій, прямо изъ Петербурга, куда онъ уѣзжалъ на короткое время. Черезъ нѣсколько дней началось наступленіе.

14 іюля главный чеченскій отрядъ выступилъ изъ Веденя и расположился у озера Япіамъ. Два дня сряду потомъ главнокомандующій производилъ рекогносцировки къ сторонѣ Андіи. 17-го отрядъ перешелъ къ озеру Ретло. 18-го снова была большая рекогносцировка. Въ это время Шамиль жегъ андійскія и технуцальскія деревни. 22-го чеченскій отрядъ опять подвинулся впередъ и сталъ на краю андійскаго хребта, надъ долиною Технуцала. При каждой стоянкѣ войска разработывали черезъ горы удобную колесную дорогу. Шамиль напряженно слѣдилъ за дѣйствіями главнаго отряда изъ своихъ укрѣпленныхъ позицій. Тѣмъ временемъ участь первой половины похода была уже рѣшена на другомъ пунктѣ.

Генералъ-адъютантъ баронъ Врангель въ первыхъ числахъ іюля занялъ съ бою позицію у Мичикала, на сѣверной подошвѣ гумбетовскаго хребта. Получивъ здѣсь послѣднія инструкціи главнокомандующаго, онъ двинулся впередъ въ тотъ же день какъ и чеченскій отрядъ, 14-го іюля. За хребтомъ, на дорогѣ отряда, горцы заняли крѣпкій аулъ Аргуани, взятіе котораго въ 1839 году стоило намъ 800 человѣкъ; но дагестанскій отрядъ, достигнувъ послѣднихъ вершинъ хребта, направился по отрогу, выходящему въ тылъ деревни. Горцы должны были бросить эту позицію безъ боя. Съ высотъ около Аргуани открылось расположеніе половины, по крайней мѣрѣ, шамилевыхъ скопищъ. Онѣ тѣснились у Андійскихъ воротъ и по всему контръ-форсу, ожидая очевидно, что дагестанскій отрядъ будетъ силою открывать сообщеніе съ чеченскимъ. За рѣкой никого не было видно; владѣя нѣсколькими мостами, горцы могли безпрепятственно переходить съ одного берега на другой и потому не озаботились предварительно занять противуположную сторону. Баронъ Врангель, не теряя минуты, воспользовался этою оплошностію. Не смотря на чрезвычайное утомленіе войскъ послѣ усиленнаго перехода по горамъ, зная что у его дагестанскихъ солдатъ всегда станетъ силы, когда впереди есть нужное дѣло, баронъ Врангель сейчасъ же двинулъ къ согритлохскому мосту колонну подъ начальствомъ генерала Ракуссы. Эти войска нашли мостъ снятымъ и вокругъ такую мѣстность, что къ рѣкѣ можно было подойти только правильными работами, подъ убійственнымъ непріятельскимъ огнемъ;

поэтому онѣ не могли перейти рѣку немедленно. Но на другое утро найдено было, въ верстѣ ниже, мѣсто, на которое горцы не обратили вниманія и гдѣ было возможно, хотя съ величайщими затрудненіями, накинуть мостъ. Выше и ниже совершенно отвѣсные берега не позволяли даже спуститься къ водѣ, Прибывъ на передовую позицію, генералъ Врангель рѣшилъ переправляться въ этомъ пунктѣ. Войска заняли высоты лѣваго берега, командующаго правымъ только въ одномъ этомъ мѣстѣ, и сейчасъ же покрыли ихъ завалами для стрѣлковъ и артиллеріи, прежде чѣмъ непріятель успѣлъ занять противуположную сторону значительными силами. Съ этой минуты мы владѣли переправой; нашъ огонь засыпалъ другой берегъ до такой степени, что когда опоздавшія скопища горцевъ прибыли къ Согритло и привезли свои пушки, онѣ не могли уже ни спуститься къ рѣкѣ, ни строить противъ насъ заваловъ, ни ударить въ голову переходящей колоннѣ; все дѣйствіе ихъ ограничилось тѣмъ, что они съ окрестныхъ горъ обстрѣливали лагерь и переправу. Оставалось только сладить съ бѣшеною рѣкою; но это была самая трудная часть дѣла. Всѣ матеріальныя средства для переправы, принесенныя на солдатскихъ рукахъ, состояли въ веревкахъ и нѣсколькихъ доскахъ. Два дня работа не удавалась. Нѣсколько человѣкъ переправились въ люлькѣ, скользившей надъ пучиной по канату и засѣли въ пещерѣ противуположнаго берега, вырѣзавъ защищавшихъ ее мюридовъ. Но по канату нельзя было переправить отряда, а между тѣмъ горскія скопища съ часу на часъ усиливались и покрыли всѣ окрестныя горы. Только на третій день черезъ Койсу была перекинута зыбкая веревочная плетенка *) въ 15-ть сажень длиной и нѣсколько вершковъ шириной, по которой люди должны были переходить въ одиночку. На разсвѣтѣ нѣсколько ротъ стянулись на другомъ берегу и смѣло пошли въ тылъ галлереямъ, ограждавшимъ согритлохскій мостъ. Не смотря на чрезвычайное численное превосходство, горцы уклонились отъ открытаго боя и отступили на горы. Въ Согритло, гдѣ скалы надъ рѣкою почти сходятся, немедленно былъ устроенъ постоянный мостъ.

Чтобъ открыть доступъ въ Аварію, оставалось взять ахъ-

---

*) Подполковникомъ Девелемъ.

кентскую гору, круто подымающуюся надъ рѣкой и уже огражденную завалами. 21-го іюля, какъ только сообщеніе между двумя берегами было прочно установлено, баронъ Врангель двинулъ впередъ штурмовую колонну, подъ начальствомъ генерала Ракуссы. Войскамъ надобно было подняться по извилистой тропинкѣ на два чрезвычайно высокіе уступа и черезъ густой лѣсъ, у подошвы отвѣснаго каменнаго гребня, взойти на вершину, отъ которой рядъ высокихъ горныхъ полянъ тянется до самой Аваріи. Войска двинулись передъ разсвѣтомъ, взобрались на первый уступъ, сбивая непріятеля снизу вверхъ, прорвались черезъ лѣсъ; но тутъ увидѣли передъ собою крѣпкіе завалы съ бойницами и туръ-бастіонами, къ которымъ нельзя было подойти иначе, какъ медленно карабкаясь на крутизну, подъ прицѣльнымъ огнемъ горцевъ; успѣхъ штурма былъ сомнительный, а потеря неизбѣжно была бы огромная. Съ быстротою и увѣренностію въ себѣ, отличающими кавказскаго солдата, баталіоны поворотились направо и полѣзли прямо на гребень, подъ которымъ шли. Люди взбирались на отвѣсную крутизну, подсаживая другъ друга, цѣпляясь за расщелины и растенія, проросшія въ скалу, подъ градомъ сбрасываемыхъ на голову камней; черезъ часъ передніе баталіоны были уже на вершинѣ; горцы бѣжали съ обойденныхъ заваловъ.—Въ тотъ же вечеръ дагестанскому отряду покорился аулъ Цатаныхъ, гдѣ прежде было наше укрѣпленіе, взятое въ 1843 году Шамилемъ.

22-го іюля весь дагестанскій отрядъ расположился на горахъ, у аула Ахкентъ. Когда войска разбивали палатки, цатаныхцы прискакали въ лагерь просить помощи противъ угрожавшей имъ партіи мюридовъ. Партія оказалась депутаціей всѣхъ аварскихъ селеній, присланной къ барону Врангелю. Аварцы говорили: «мы уже шестнадцать лѣтъ грыземъ желѣзо «Шамиля, дожидаясь, чтобъ вы протянули намъ руку. Теперь «пришелъ конецъ его царству.»

Покуда баронъ Врангель наступалъ со стороны Андійскаго-Койсу, собранныя въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ войска, соединившись съ турчидагскимъ отрядомъ, взошли подъ начальствомъ генерала Манюкина на хребетъ, ограждающій Койсубулинское общество съ восточной стороны и разрушили горское укрѣпленіе Бурундукъ-Кале. Съ 22-го числа койсубулинцы перестали сопротивляться; пограничная крѣпость Улли-Кале открыла

намъ ворота. Генералъ Манюкинъ занялъ гарнизонами эту крѣпость и многіе пункты на пути и приступилъ къ устройству переправы черезъ Аварское-Койсу, чтобы открыть барону Врангелю прямое сообщеніе съ Темиръ-Ханъ-Шурою.

Въ нѣсколько дней Аварія и Койсубу были приведены въ подданство русскому престолу. Вмѣстѣ съ этимъ дружелюбнымъ населеніемъ покорилось самое враждебное, гумбетовское, неуклонно стоявшее за мюридизмъ со дня его появленія на Кавказѣ. Въ Койсубу и Гумбетѣ было возстановлено народное управленіе, подавленное мюридизмомъ. Власть надъ Аваріей, по предварительному разрѣшенію ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, вручена Ибрагимъ-хану Мехтулинскому, ближайшему родственнику угасшаго аварскаго дома. Покорившіеся жители сейчасъ же выставили ополченіе противъ мюридовъ. Но, кромѣ того, съ завоеваніемъ сѣверо-западной части горъ, дагестанскій отрядъ могъ располагать мѣстными перевозочными средствами, которые жители охотно предлагали и тѣмъ чрезвычайно облегчили главное затрудненіе горной войны, — продовольствіе войскъ. Жительскіе транспорты могли передвигать склады провіанта всюду, гдѣ была въ нихъ надобность, не требуя никакого прикрытія. Съ этимъ пособіемъ, быстро и искусно организованнымъ, дагестанскій отрядъ получилъ подвижность, о какой прежде нельзя было и думать; непроходимая мѣстность горъ раскрылась для него.

Съ занятіемъ Койсубу и Аваріи оборонительная линія горцевъ падала сама собою; дагестанскій отрядъ могъ въ два перехода зайти ей въ тылъ. 18-го іюля Шамиль прискакалъ съ килитлинской горы къ Согритло, чтобъ удостовѣриться въ переходѣ русскихъ черезъ Койсу, и видѣлъ своими глазами наши баталіоны на правомъ берегу. Съ этой минуты предводителю мюридизма оставалось одно изъ двухъ: или запереться въ завалахъ килитлинской горы, откуда ему уже не было выхода, но гдѣ его не легко было взять; или сейчасъ же очистить берега Койсу и отступить со всѣмъ скопищемъ въ Карату (ставшую столицей горъ послѣ паденія Веденя), пока въ окружавшей его толпѣ не начался еще разбродъ. Подъ глазами имама горцы не положили бы оружія и Шамиль могъ продлить еще нѣсколько времени свое владычество надъ народомъ. Но тотъ и другой шагъ доказывали безсиліе мюридизма передъ русскимъ оружіемъ. Шамиль колебался нѣсколько дней

и потерялъ все разомъ. Вѣсть объ изъявленіи покорности аварцами и койсубулинцами мгновенно разнеслась по горамъ и вызвала наружу чувства, давно накипѣвшія на сердцѣ народа; каждый сталъ думать о своей личной безопасности, отказываясь приносить жертвы очевидно проигранному дѣлу. Установленныя мюридизмомъ власти лишились всякаго значенія въ глазахъ толпы. Народная партія, тридцать лѣтъ безмолствовавшая передъ духовнымъ деспотизмомъ, вдругъ выступила впередъ и вездѣ взяла верхъ. Политическое могущество мюридизма рухнуло въ три дня.

Съ этой минуты русскіе лагери наполнились бывшими предводителями горцевъ и народными депутаціями. Значительные люди наперерывъ другъ передъ другомъ торопились заявить преданность новой власти, въ надеждѣ сохранить пріобрѣтенное положеніе; общества спѣшили принести покорность, чтобъ избавиться отъ погрома и опеки бывшихъ начальниковъ, полетѣвшихъ къ ставкѣ побѣдителя. Все, имѣвшее какое-нибудь положеніе, устремилось куда было ближе,—къ главнокомандующему, барону Врангелю или князю Меликову. Не много достоинства и характера выказали въ этомъ переломѣ люди, тридцать лѣтъ удивлявшіе Россію своею непреклонною твердостію; но къ такимъ явленіямъ при общественныхъ переворотахъ исторіи уже не привыкать, ни въ Европѣ, ни въ Азіи.

Когда Шамиль, послѣ нѣсколькихъ дней колебанія, рѣшился наконецъ отступить въ Карату, собранныя имъ толпы не признавали уже ничьей власти. Люди, принадлежавшіе къ покорившимся обществамъ, первые бросили ввѣренные имъ посты и воротились домой; ихъ примѣръ увлекъ прочихъ. Только что Шамиль съѣхалъ съ килитлинской горы, ввѣривъ оборону крѣпости одному изъ наибовъ, занимавшій ее гарнизонъ разграбилъ склады провіанта и разбѣжался. Изъ нѣсколькихъ тысячъ горцевъ, занимавшихъ берегъ Койсу, только нѣсколько десятковъ человѣкъ послѣдовали за Шамилемъ. Каратинцы, не смотря на свою крѣпкую мѣстность, отказались защищаться. Всѣ средства сопротивленія разомъ иссякли для Шамиля. Видя свое дѣло окончательно проиграннымъ въ сѣверномъ Дагестанѣ, онъ рѣшился броситься на юго-востокъ, въ тотъ поясъ крѣпостей и воинственнаго населенія, о который до сихъ поръ разбивались всѣ усилія русскихъ. Дальновидный имамъ давно уже приготовилъ себѣ въ этомъ краѣ убѣжище, на не-

приступной горѣ Гунибѣ. Явившись въ пору въ Андалалѣ, Шамиль могъ надѣяться удержать въ повиновеніи многочисленное и фанатическое населеніе этой страны и если не поправить, то по крайней мѣрѣ затянуть дѣла на неопредѣленное время.—Андалалъ огражденъ природою со всѣхъ сторонъ: съ юга—снѣжными горами, съ востока и сѣвера—бездонными пропастями, въ которыхъ текутъ три Койсу. Населеніе этой части горъ сгруппировано въ огромныхъ каменныхъ аулахъ, которые могутъ, каждый, выдержать правильную осаду. Утвердившись въ срединѣ Андалала на гунибской горѣ, дѣйствительно не приступной при достаточныхъ средствахъ обороны, Шамиль могъ поддерживать рѣшительность окрестнаго населенія, привлечь въ Андалалъ толпы фанатиковъ и преданныхъ ему людей изо всѣхъ горъ, и противупоставить намъ сопротивленіе, котораго никакими силами нельзя было сломить сразу. Остаткамъ мюридизма надобно было только удержать оружіе въ рукахъ до наступленія зимы. Наши войска не могли продолжать похода по горамъ, засыпаннымъ снѣгами, за невозможностію продовольствовать лошадей и Шамиль остался бы съ глазу на глазъ съ населеніемъ, двадцать пять лѣтъ дрожавшимъ передъ его именемъ. Въ Андалалѣ долженъ былъ рѣшиться исходъ войны.

Покореніе Аваріи отозвалось въ этомъ краѣ, какъ и въ другихъ. Враждебная Шамилю партія сейчасъ же выступила впередъ; но во главѣ ея сталъ не приверженецъ старины, а одинъ изъ основателей мюридизма, цѣлый годъ боровшійся съ Шамилемъ за верховную власть, извѣстный Кибитъ-Магома. Лишенный офиціальнаго значенія, но чрезвычайно вліятельный въ горахъ, этотъ человѣкъ увлекъ за собой населеніе Тилитля, одного изъ главныхъ андалальскихъ ауловъ, и послалъ депутацію къ генералу Врангелю. Поборники мюридизма были однакожъ еще сильны въ Андалалѣ и прочіе аулы молчали. Исходъ дѣла зависѣлъ отъ того, какая партія возьметъ тамъ верхъ. Получивъ депутацію Кибитъ-Магомы, баронъ Врангель немедленно двинулъ къ предѣламъ Андалала князя Тарханова, стоявшаго на восточномъ рубежѣ Дагестана; но въ турчидагскомъ отрядѣ, послѣ занятія столькихъ пунктовъ, оставалось очень немного людей. Князь Тархановъ, извѣстный своею рѣшительностію, двинулся прямо къ Чоху, одной изъ главныхъ твердынь Шамиля, взбунтовалъ населеніе аула, заставилъ мю-

ридовъ бѣжать изъ крѣпости и ввелъ въ нее русскій гарнизонъ. но Чохъ поглотилъ его послѣднія силы; дальше ему не съ чѣмъ было идти. Другія войска дагестанскаго отряда были разбросаны быстрымъ вторженіемъ по Гумбету, Койсубу и Аваріи; правыя колонны его протянулись къ Каратѣ, для открытія сообщенія съ чеченскимъ отрядомъ. Тѣмъ временемъ Шамиль ускакалъ съ немногими приверженцами изъ Караты въ Андалалъ. Два раза ограбленный на дорогѣ, отброшенный въ лѣса Караха людьми Кибитъ-Магомы, онъ успѣлъ однакожъ добраться до Гуниба. Присутствіе имама на неприступномъ Гунибѣ, посреди Андалала, котораго главные аулы еще не изъявили покорности, снова запутывало дѣло и требовало самыхъ быстрыхъ мѣръ.

Сообщеніе между дагестанскимъ и чеченскимъ отрядами черезъ Каруту было открыто 27-го іюля. Черезъ три дня потомъ въ главный отрядъ прибылъ генералъ-адъютантъ баронъ Врангель. Съ обѣихъ сторонъ путь въ глубину горъ былъ свободенъ. Главнокомандующій рѣшился немедленно двинуть на Андалалъ всѣ наличныя силы, какими только могъ располагать, чтобы подавить въ этомъ краѣ приверженцевъ имама прежде, чѣмъ они успѣютъ соединиться; тѣсно окружить Гунибъ и запереть на немъ безвыходно Шамиля съ его послѣдними мюридами. При видѣ развитыхъ нами силъ партія Кибитъ-Магомы должна была взять верхъ въ Андалалѣ; но все зависѣло отъ быстроты дѣйствій.

Главнокомандующій былъ увѣренъ въ спокойствіи вновь покорившагося населенія, которое не могло послѣ такого крутаго перелома снова перейти черезъ нѣсколько дней во враждебный станъ. Полагаясь на энергію, если не на вѣрность толпы, князь Барятинскій двинулъ въ Андалалъ всѣ колонны разсѣянныя по Аваріи, Гумбету, Койсубу и Кара-Койсу, оставляя въ только что завоеванныхъ горахъ лишь нѣсколько ротъ, для прикрытія мостовъ и складовъ провіанта. Изъ чеченскаго отряда была направлена туда же колонна черезъ Карату. Главное затрудненіе при этомъ непредвидѣнномъ сосредоточеніи войскъ въ юго-западномъ углу горъ, состояло въ ихъ продовольствіи. Заготовленные для похода провіантскіе склады дагестанскихъ войскъ находились въ Салатавіи; на предѣлахъ Андалала ничего не было запасено. Немедленно были приняты чрезвычайныя мѣры. Энергическое исполненіе ихъ начальни-

комъ штаба Прикаспійскаго края княземъ Мирскимъ позволило развить военную операцію со всею самостоятельностію, безъ малѣйшей потери времени; мѣстными средствами, найденными въ горахъ, черводарскимъ транспортомъ, полковыми вьюками войска собранныя въ Андалалѣ продовольствовались со дня на день черезъ хребты Гумбета, Койсубу и Аваріи; между тѣмъ какъ обозы, внезапно сформированные въ покорномъ Дагестанѣ вывозили запасенный въ горахъ провіантъ къ ближайшимъ пунктамъ, откуда, послѣ первыхъ дней, андальскій отрядъ долженъ былъ уже правильно продовольствоваться.

Со вступленіемъ значительныхъ силъ въ Андалалъ, враждебная Шамилю партія немедленно восторжествовала. Вся страна и окружающія ее горныя общества изъявили покорность передъ барономъ Врангелемъ. Наши войска тѣсно обложили Шамиля, засѣвшаго съ нѣсколькими стами отчаянныхъ людей на недоступной вершинѣ Гуниба.

Двинувъ генералъ-адъютанта Врангеля въ Андалалъ, главнокомандующій спустился 4-го августа съ чеченскимъ отрядомъ въ долину Технуцала и сталъ лагеремъ на Андійскомъ-Койсу, около селенія Конхидатль, противъ покинутыхъ горскихъ укрѣпленіи. На другой день въ конхидатльскій лагерь прибылъ съ кавалеріей командующій войсками лезгинской линіи генералъ князь Меликовъ.

Покуда происходили описанныя дѣйствія въ сѣверномъ и западномъ Дагестанѣ, лезгинскій отрядъ наступалъ на страны, лежащія по истокамъ Андійскаго-Койсу, въ самыхъ дикихъ, едва проходимыхъ горахъ. Князь Меликовъ двинулся въ походъ ранѣе другихъ отрядовъ. Стянувъ свою главную массу у подножія горы Пахались-Тави, онъ сталъ 6-го іюля на хребтѣ, разграничивающемъ Дидойское и Капучинское общества, устраивая здѣсь вагенбургъ и разработывая дорогу къ иланховскимъ деревнямъ. Въ то же время вышли на горы боковыя колонны, въ двухъ оконечностяхъ лезгинской линіи: тушинская — въ верхнее ущелье Андійскаго-Койсу, закатальская — противъ истоковъ Аварскаго-Койсу. Оставивъ тяжести въ вагенбургѣ, князь Меликовъ перешелъ на хребетъ Бешо и предпринялъ оттуда рядъ движеній противъ лезгинскихъ обществъ. Онъ разорилъ поочередно селеніе Китури, стоившіе въ прошломъ году жизни генералу Вревскому, деревни въ верховьяхъ дидойскихъ притоковъ Койсу, большой аулъ Хупро, вновьо т-

строенный послѣ разгрома 1857 года. Тушинскій отрядъ, между тѣмъ, привелъ къ покорности жителей верхняго ущелья Андійскаго-Койсу, и черезъ дидойское общество, истребляя лежащіе на пути аулы, присоединился къ князю Меликову. Не видя конца опустошеніямъ, многія лезгинскія селенія стали выдавать аманатовъ. Въ это время разлилось по горамъ движеніе, начавшееся съ Аваріи. Выборные и значительные люди изо всѣхъ окрестныхъ обществъ стеклись въ лагерь лезгинскаго отряда. Въ нѣсколько дней покорились общества: Дидо, Иланхеви, Тиндалъ, Кварешно. Въ началѣ августа, исполняя планъ главнокомандующаго, князь Меликовъ предпринялъ смѣлое движеніе къ Технуцалу, черезъ снѣжные отроги Богоскаго хребта, по глубинамъ края, никогда еще невидѣвшаго русскихъ. Этотъ походъ былъ совершенъ съ особенною быстротою и точностію. Лезгинскій отрядъ дошелъ до селенія Тинды надъ Андійскимъ-Койсу. Оттуда князь Меликовъ продолжалъ путь съ одной конницей и вышелъ на Конхидатль, слѣдуя между чеченскимъ обществомъ Джамалалъ и лезгинскимъ Богулалъ, которые Шамиль прозвалъ своею Сибирью. — Такимъ образомъ непокорный край былъ пройденъ по всѣмъ направленіямъ. Три отряда, вступившіе въ горы съ разныхъ сторонъ,—сѣверо-западной, сѣверо-восточной и южной,—вошли въ связь, какъ было предположено, въ средней части Андійскаго Койсу, опираясь на центральную массу чеченскаго отряда. По возвращеніи изъ Конхиталя, князь Меликовъ долженъ былъ перейти съ своимъ отрядомъ съ верховьевъ Андійскаго-Койсу-на верховья Аварскаго, приводя къ покорности южныя лезгинскія общества, занять Ирибъ, считавшійся главнымъ пунктомъ всего Лезгистана, и прибыть подъ Гунибъ, гдѣ главнокомандующій назначилъ ему новое свиданіе. Какъ въ первой половинѣ похода, такъ и во второй, операціонныя линіи всѣхъ дѣйствующихъ силъ должны были пересѣчься въ одной точкѣ, опредѣляющей общее направленіе похода; теперь, эта точка была перенесена съ средины Андійскаго-Койсу къ югу-восточной оконечности горъ, въ Андалалъ. Заложивъ на самомъ мѣстѣ лагернаго расположенія мостовое укрѣпленіе, названное Преображенскимъ, главнокомандующій выѣхалъ 10-го августа подъ прикрытіемъ небольшаго конвоя, къ войскамъ, сосредоточеннымъ въ Андалалѣ, черезъ Койсубу и Аварію. Чеченскій отрядъ

остался въ Андіи, подъ начальствомъ генерала Кемферта, оканчивать предпринятыя работы.

Путешествіе побѣдителя Кавказа черезъ покоренный имъ край имѣло видъ торжественнаго шествія. Его встрѣчали рѣчами и адресами, салютаціонные залпы гремѣли въ аулахъ, безчисленныя толпы стекались, чтобы взглянуть на него. Князь Барятинскій проѣзжалъ Аварію, покорившуюся только двѣ недѣли тому назадъ, не въ головѣ войскъ, но какъ правитель, съ одною конвойною сотнею; иногда даже его сопровождали исключительно туземцы. Горцы поняли, что теперь война дѣйствительно кончена.

18-го августа главнокомандующій обогнулъ гунибскую гору и прибылъ на кегерскія высоты, въ главную квартиру дагестанскаго отряда. Съ этого мѣста можно было обнять глазомъ всю массу Гуниба, встающую къ востоку за глубокимъ обрывомъ Кара-Койсу.

Гунибъ, мѣтко прозванный солдатами Горой-гитарой, имѣетъ дѣйствительно очертаніе этого инструмента безъ шейки, наклоненнаго съ востока на западъ, къ лѣвому берегу Кара-Койсу. Онъ стоитъ уединенно въ группѣ окрестныхъ горъ, господствуя надъ ними. Скаты Гуниба чрезвычайно круты, болѣе 45° и подымаются на версту и болѣе, оканчиваясь отвѣснымъ каменнымъ поясомъ въ нѣсколько десятковъ саженъ вышины, которымъ окружена вся верхняя площадь горы, составляющая не менѣе 100 квадратныхъ верстъ; этотъ поясъ поднятъ и надъ внутренною стороною, такъ что самая поверхность горы образуетъ какъ бы чашку. У подошвы окружность Гуниба около 60-ти верстъ. Съ высшей, восточной окраины, по наклонной площади течетъ небольшая рѣчка, низвергающаяся потомъ каскадами въ Койсу. На Гунибѣ находятся аулъ и нѣсколько хуторовъ, мельницы, березовыя рощи, пастбища и пахатныя поля,—все что нужно для жизни человѣка. На гору ведетъ только одна тропинка, съ берега Кара-Койсу, спертая на нѣкоторомъ протяженіи отвѣсными скалами. Шамиль перегородилъ это мѣсто высокою стѣною съ бойницами. На сѣверной сторонѣ вѣнецъ скалъ, оканчивающій крутизну, въ одномъ мѣстѣ немного раздвигается, оставляя узкій проходъ; горцы перерѣзали его завалами, хотя туда вовсе нѣтъ дороги. Съ другихъ сторонъ въ каменномъ поясѣ есть нѣсколько дождевыхъ промоинъ, по которымъ смѣлые охотники подымались съ помощію

веревки: но на глазъ эти всходы совершенно недоступны. При силѣ, достаточной для занятія стрѣлками всей верхней окружности Гуниба, на что нужно не менѣе полуторы тысячи человѣкъ, эта гора дѣйствительно неприступна. Но у Шамиля было только четыреста ружей (считая въ томъ числѣ населеніе аула) и 3 пушки. Но даже при такихъ силахъ защитниковъ, гунибская позиція была чрезвычайно крѣпка; глядя на гору, нельзя было придумать съ какой стороны подступить къ ней.

При Шамилѣ находились только три или четыре человѣка, замѣтные по ихъ прежнему положенію. Онъ привелъ съ собою на Гунибъ небольшое число своихъ домашнихъ мюридовъ, нѣсколько отчаянныхъ абрековъ, нѣсколько изувѣрныхъ послѣдователей тариката и сотню бѣглыхъ солдатъ, до того обремененныхъ преступленіями, что они не смѣли воспользоваться дарованнымъ всепрощеніемъ и явиться съ повинной, вмѣстѣ съ товарищами. Созданное мюридизмомъ государство, тридцать лѣтъ боровшееся противъ русской имперіи, началось горстью фанатиковъ и кончалось шайкою разбойниковъ.

Еще до прибытія главнокомандующаго, баронъ Врангель тѣсно обложилъ Гунибъ. Всѣ тропинки, ведущія на подъ горы изъ лежащихъ внизу ауловъ, были заняты отдѣльными колоннами. Съ восточной стороны, обращенной внутрь горъ, блокада была ввѣрена полковнику Радецкому; противъ юго-восточнаго угла и всей южной стороны—полковнику Тергукасову; по берегу Койсу—полковнику Кононовичу; съ сѣверной стороны—генералу князю Тарханову. Засѣвшіе на горѣ мюриды были заперты безвыходно.

17 августа Шамиль прислалъ къ барону Врангелю парламентеровъ съ предложеніемъ перемирія. Предложеніе было принято. По прибытіи главнокомандующаго въ кегерскій лагерь, немедленно начались переговоры о сдачѣ, но не привели ни къ чему, не смотря на самыя великодушныя условія, объявленныя Шамилю и полную безопасность, обѣщанную его людямъ. Старый предводитель мюридизма очевидно колебался между убѣжденіями всей жизни, заставлявшими его биться противъ невѣрныхъ до послѣдняго вздоха и привязанностію къ многочисленному семейству, которое находилось съ нимъ на Гунибѣ; кромѣ того, взросшій въ непримиримой враждѣ къ русскимъ, онъ еще не вполнѣ довѣрялъ нашимъ обѣщаніямъ. Послѣднія

слова Шамиля. заключившія переговоры, были: «Гунибъ высокая гора; я сижу на ней. Надо мной еще выше, Богъ. Русскіе стоятъ внизу. Пусть штурмуютъ».

Во время переговоровъ. въ кегерскій лагерь прибылъ генералъ князь Меликовъ, исполнившій предписанное ему движеніе. Лезгинскій отрядъ прошелъ глубиною горъ съ верховьевъ Андійскаго-Койсу на правый берегъ Кара-Койсу, привелъ къ покорности остальныя племена Лезгистана, вездѣ встрѣчавшія наши войска съ радушіемъ, занялъ Ирибъ и разрушилъ укрѣпленія этого аула. Изъ Ириба князь Меликовъ выступилъ съ одною конницею. Восточныя горы были покорены до послѣдней деревни, кромѣ Гуниба, на которомъ соединилось все остававшееся отъ мюридизма.

23 августа атака Гуниба была поручена, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта барона Врангеля, начальнику инженеровъ кавказской арміи генералу Кеслеру. 24, колонна князя Тарханова заняла съ боя сады, лежащіе на сѣверной сторонѣ Гуниба, и стала у самой подошвы горы; колонна полковника Кононовича поднялась изъ русла Койсу и заложила стрѣлковъ на первомъ уступѣ берега. Въ ночь съ 24 на 25-е предположено было устроить на полу-горѣ ложементы для этихъ двухъ колоннъ; но войска, разъ ринутыя въ бой, пошли дальше и дальше. Полковникъ Кононовичъ, подымаясь по дорогѣ, встрѣтилъ самое сильное сопротивленіе и долженъ былъ остановиться. Но въ тоже время полковникъ Тергукасовъ, стоявшій противъ юго-восточнаго угла Гуниба, высмотрѣвъ предварительно большую промоину въ скалистомъ поясѣ, вѣнчающемъ гору, устремился къ ней на разсвѣтѣ и съ помощію веревокъ и лѣстницъ, взошелъ на верхнюю площадь. Князь Тархановъ сдѣлалъ ночью фальшивую атаку, заставившую мюридовъ сбросить внизъ заготовленныя ими груды камней. Два часа гора гудѣла подъ прыгающими обломками скалъ. Когда кончился этотъ каменный дождь, князь Тархановъ двинулъ свои колонны вверхъ къ прорыву, раздвигающему въ этомъ мѣстѣ скалы карниза, разметалъ непріятельскіе завалы и сталъ на горѣ. Наши войска заняли двѣ противуположныя окраины Гуниба. Большая часть защитниковъ горы была истреблена или взята. Шамиль съ остальною частью заперся въ аулъ, около котораго сошлись всѣ три колонны.

Въ полдень прибылъ на Гунибъ главнокомандующій и по-

требовалъ отъ Шамиля немедленной сдачи. Вокругъ небольшаго аула, занятаго сотней мюридовъ, тѣсно стояли 14 баталіоновъ. Остатку непріятеля не было возможности ни уйти, ни отбиться. Послѣ двухъ часовъ колебанія, старый имамъ вышелъ изъ аула и сдался на волю побѣдителя.

Въ березовой рощѣ, на камнѣ, гдѣ сидѣлъ князь Барятинскій, принимая плѣннаго Шамиля, вырѣзаны годъ, день и часъ окончанія кавказской войны «1859 года, 25-го августа, 4 часа пополудни».

Шамиль былъ взятъ ровно черезъ три года, изо дня въ день, съ назначенія князя Барятинскаго главнокомандующимъ — 25-го августа 1856 года.

Князь Барятинскій извѣстилъ изъ подъ Гуниба армію о совершившихся событіяхъ двумя послѣдовательными приказами.—Первый приказъ былъ отданъ 22-го августа:

«Воины Кавказа! Въ день моего пріѣзда въ край, я призвалъ васъ къ стяжанію великой славы Государю нашему и вы исполнили надежду мою».

«Въ три года вы покорили Кавказъ отъ моря Каспійскаго до военно-грузинской дороги».

«Да раздастся и пройдетъ громкое мое спасибо по побѣжденнымъ горамъ Кавказа и да проникнетъ оно со всею силою душевнаго моего выраженія до сердецъ вашихъ».

Второй приказъ отъ 26-го августа:

«Шамиль взятъ—поздравляю кавказскую армію».

Во время начальствованія князя Барятинскаго, до личнаго его выступленія въ походъ, у горцевъ взято 8-мь орудій; при окончательномъ покореніи горъ 52,—всего 60 орудій. Нашихъ плѣнныхъ освобождено свыше 2-хъ тысячъ обоего пола.

Восточныя горы покорены навсегда. Такое явленіе какъ мюридизмъ не повторяется дважды въ жизни народовъ. Но даже мюридизмъ, выразившій послѣднюю степень фанатизма самаго фанатическаго изъ вѣрованій, превращавшій всего человѣка въ страсть и взросшій на самой благопріятной почвѣ, какая только могла встрѣтиться для того въ мірѣ, соединилъ противъ насъ горцевъ лишь въ слѣдствіе обстоятельствъ, совершенно исключительныхъ. Когда началась на Кавказѣ проповѣдь исправительнаго тариката, глубина горъ была еще не-

извѣстна и почти недоступна; все совершавшееся въ ней было скрыто отъ нашихъ глазъ. Не вглядѣвшись хорошо въ характеръ вновь пріобрѣтеннаго края, русская власть начала свои дѣйствія ложной системой—уничтоженіемъ самобытныхъ общественныхъ учрежденій, ломкою властей, взросшихъ изъ народной почвы, заставлявшихъ каждое племя дорожить своею самостоятельностію; русское начальство собственными руками разбило плотины, чрезъ которыя мюридизму трудно было бы прорваться. За тѣмъ, для наружнаго удобства управленія, стали повсемѣстно вводить законодательство по шаріату, предавая горское населеніе безграничному вліянію враждебнаго намъ ученія. Какъ только мюридизмъ, бывшій еще малочисленною сектою, укрылся въ горахъ, какъ нарочно усилія кавказскаго корпуса были направлены въ другую сторону и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ поборники исправительнаго тариката имѣли полный просторъ на восточномъ Кавказѣ. Горцы тридцатыхъ годовъ были подготовлены вѣками для нравственнаго пожара, внезапно охватившаго Кавказъ. Эти богато-одаренные люди жили только непосредственными впечатлѣніями, дожидаясь первой идеи, которая могла бы проникнуть въ ихъ умы. Въ кавказскихъ горцахъ сливаются свойства двухъ породъ, которыя они разграничиваютъ. Съ страстною впечатлительностію азіятцевъ, они соединяютъ энергію, независимость личности и предпріимчивость европейцевъ, такъ рѣзко отличающія ихъ отъ разслабленныхъ единовѣрцевъ, живущихъ за ними до самаго края азіятскаго материка. Мюридизмъ увлекъ горцевъ съ обѣихъ сторонъ ихъ природы, создавъ для нихъ идеалъ жизни, не требующій никакого нравственнаго усилія человѣка надъ собою, состоящій изъ битвъ, приключеній, опасностей и грабежа, увѣнчанныхъ раемъ. Пока нужно было только дѣйствовать, горцы стекались подъ знамена имама съ безпримѣрною ревностію. Но когда мюридизмъ сталъ устроивать ихъ жизнь на основаніи шаріата и наложилъ на человѣка религіозную опеку, они обратились противъ него. Предоставленные самимъ себѣ, глазъ на глазъ съ шаріатомъ, горцы не выдерживаютъ мусульманскаго характера. Черезъ нѣсколько времени религіозная сторона мюридизма исчезнетъ въ народномъ воспоминаніи; объ немъ останется только преданіе, какъ о великой борьбѣ кавказскихъ племенъ противъ русскихъ. Теперь, съ паденіемъ мюридизма, горское населеніе опять распа-

лось на отдѣльныя племена. Древнія народныя учрежденія, сообразованныя съ потребностями русской власти, отчасти уже возстановленныя, будутъ вездѣ приведены въ ясность и формально узаконены. Восточный Кавказъ, раздѣленный на двѣ большія области—Лѣваго крыла и Прикаспійскаго края, подраздѣленъ на 11-ть округовъ; въ каждомъ округѣ должны находиться судъ и расправа по обычаю, изъ народныхъ старшинъ и выборныхъ. Обществами, составляющими округъ, управляютъ наибы изъ почетныхъ, преданныхъ намъ туземцевъ. Этотъ образъ управленія, въ первый разъ основанный въ Чечнѣ княземъ Барятинскимъ, во время его командованія лѣвымъ флангомъ, оправданъ долголѣтнимъ опытомъ. Вновь покоряемые чеченцы твердо стояли за насъ даже при сомнительной еще борьбѣ; страна ихъ пользовалась относительно безопасностію, между тѣмъ, какъ нельзя было пройти безъ сильнаго конвоя черезъ земли другихъ обществъ, покорныхъ уже полъ-столѣтія. На Кавказѣ народное самоуправленіе, основанное на ясно опредѣленныхъ правахъ, съ устраненіемъ духовнаго вліянія, лучше охраняетъ спокойствіе края, чѣмъ тысячи штыковъ. По мѣрѣ того, какъ въ разныхъ частяхъ Кавказа замолкали выстрѣлы, храброе, но голодное населеніе горъ складывало ружья и жадно принималось за мирный трудъ. Съ развитіемъ народнаго благосостоянія, непремѣнно возникнутъ новыя общественныя потребности, неудовлетворяемыя древнимъ обычаемъ, и сами вызовутъ постепенное введеніе просвѣщеннаго законодательства. — Внутренность горъ дѣятельно раскрывается удобными дорогами. Въ послѣдніе три года, наши войска подвигались впередъ не иначе, какъ съ лопатою и топоромъ въ рукахъ; гдѣ прошли они, тамъ теперь по бывшимъ горнымъ тропинкамъ ѣздятъ на колесахъ; а дороги въ горахъ тоже, что окна въ домѣ; ими только проходитъ свѣтъ снаружи. Черезъ годъ группа восточнаго Кавказа будетъ прорѣзана искусственными путями по всѣмъ направленіямъ; переправы и дефилеи будутъ ограждены небольшими сомкнутыми укрѣпленіями, требующими лишь нѣсколько ротъ гарнизона для всей страны. Кавказъ будетъ покоенъ, потому что будетъ доступенъ во всѣхъ глубинахъ и со всѣхъ сторонъ. Кромѣ того, воинственное населеніе горъ станетъ само себѣ охраной. Набранныя изъ туземцевъ войска служатъ также вѣрно какъ и русскія, что давно извѣстно на Кавказѣ, а для охраненія спо-

койствія въ горахъ, они гораздо дѣйствительнѣе послѣднихъ. Туземныя дружины, привлекая къ себѣ самую рѣшительную молодежь, облечены въ глазахъ горскаго населенія не только матеріальною, но чрезвычайною нравственною силою, которой оно не смѣетъ противиться; эти дружины составятъ звено между горными племенами и русскою властью. Продолжительная, ожесточенная война слишкомъ сильно развила и безъ того воинственный духъ кавказскихъ племенъ, чтобъ не дать ему исхода; въ горахъ слишкомъ много людей, привыкшихъ кормиться однимъ оружіемъ, чтобъ оставить ихъ голодать безъ занятія. Эти самые люди — качаги, абреки, разбойники всякихъ наименованій, дѣлавшіе окрестности горъ непроѣздными на сто верстъ кругомъ, поступивъ охотниками въ горскія дружины, будутъ вѣрными солдатами, какъ это доказалъ конно-дагестанскій полкъ, лучшею полиціею въ горахъ и превосходнымъ войскомъ для внѣшней войны, — французскими туркосами,—только гораздо высшаго качества. Для содержанія спокойствія въ горахъ, устроенныхъ и раскрытыхъ, потребуется весьма немного войскъ. Кавказъ, поглощавшій до сихъ поръ половину дѣйствующихъ силъ имперіи, скоро самъ станетъ для нея источникомъ новыхъ силъ.

Покореніе восточныхъ горъ внезапно измѣнило условія оборонительнаго и наступательнаго положенія кавказской арміи. Съ нынѣшняго года перешеекъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями на вѣки укрѣпленъ за Россіею, какія бы политическія сочетанія ни произошли въ сосѣднихъ странахъ, какія силы ни были бы направлены противъ Кавказа.—Но до сихъ поръ имперія только обезпечила себѣ владѣніе перешейкомъ. Для устройства этой страны въ томъ видѣ, какъ оно должно быть, чтобы вполнѣ соотвѣтствовать цѣлямъ и пожертвованіямъ государства, остается сдѣлать еще очень многое. Только черезъ нѣсколько лѣтъ напряженныхъ усилій, при неослабленныхъ средствахъ, можно будетъ сказать: готово!

Первое дѣло, предстоящее на Кавказѣ, дѣло, которое должно окончить какъ можно скорѣе, есть покореніе западныхъ горъ. Съ паденіемъ Шамиля тылъ кавказской арміи обезпеченъ, разсѣянныя силы ея собраны; но то и другое совершенно еще не вполнѣ, покуда кутаисское генералъ-губернаторство отдѣлено отъ кубанской линіи широкимъ поясомъ непокорныхъ горъ, покуда значительная масса войскъ неподвижно прикована

жъ одной части края. Враги Россіи, кто бы они ни были, все еще имѣютъ союзника на Кавказѣ. Одна возможность бороться противъ русской имперіи, постоянно доказываемая на дѣлѣ, въ какомъ бы отдаленномъ углу страны ни происходила борьба, необходимо держитъ все населеніе въ тревожномъ состояніи и разжигаетъ надежды, которыя безъ этого не могли бы существовать. Тѣмъ болѣе такой примѣръ опасенъ въ мусульманскомъ краѣ. Кромѣ того, непокорные адыги владѣютъ берегомъ моря, открывающимъ имъ сообщеніе съ цѣлымъ свѣтомъ. Я нисколько не раздѣляю мнѣнія, чтобы земля адыговъ была воротами, раскрытыми для вражескаго вторженія въ сердце Кавказа. Пройти эту землю также трудно союзникамъ, какъ и врагамъ; а буйные убыхи или шапсуги, кромѣ того, могутъ быть чьими нибудь союзниками развѣ только на три дня. Но и безъ посторонней поддержки, существованіе открытаго врага между Кубанью и Абхазіей довольно обременительно и опасно. Теперь, съ паденіемъ восточныхъ горъ, борьба на Кавказѣ нравственно рѣшена. Противъ такихъ дѣйствующихъ силъ. которыми располагаетъ кавказская армія, адыги не могутъ долго держаться; но только противъ такихъ силъ. Уменьшеніе арміи ранѣе полнаго успокоенія страны снова затянуло бы дѣло на Кавказѣ и въ сложности стоило бы гораздо дороже, чѣмъ сильныя, но кратковременныя дѣйствія. Еслибъ въ 1816 году, съ назначеніемъ генерала Ермолова на Кавказъ, ему отдѣлили нѣсколько полковъ возвратившихся изъ заграницы, имперія избѣжала бы тридцатилѣтней войны съ мюридизмомъ и сократила свои жертвы сотнями милліоновъ рублей и сотнями тысячъ людей. Западныя горы должно покорить неотлагательно, не щадя для того никакихъ жертвъ.

Второе дѣло, необходимое для Кавказа и въ военномъ, и въ общественномъ отношеніи, для арміи и для края вмѣстѣ, есть сооруженіе закавказской желѣзной дороги. Я не могу развить здѣсь этотъ вопросъ, уже обсужденный властію; для подобнаго развитія понадобилась бы другая книга, такихъ же размѣровъ; но укажу его главныя черты. Если въ истекшей войнѣ судьба страны, занятой слишкомъ двухсоть-тысячной арміей, рѣшалась на полѣ сраженія 9-ю баталліонами, это происходило столько же отъ поглощенія нашихъ силъ горскою войною, сколько отъ чрезвычайной медленности сообщеній, заставлявшей разбрасывать войска по всѣмъ пунктамъ, на которыхъ

могъ показаться непріятель; иначе мы не поспѣли бы туда во время; а на Кавказѣ, при извилистомъ очертаніи границы и сухопутной и морской, есть нѣсколько линій, ведущихъ прямо отъ окружности къ центру; линій, владѣніе которыми стратегически рѣшаетъ судьбу войны. Продовольствіе надобно было заготовлять за долго впередъ, съ величайшими затрудненіями, сообразно съ первоначальнымъ расположеніемъ войскъ, котораго потомъ уже нельзя было измѣнить, за невозможностію двигать магазины. Войска были прикованы къ своимъ провіантскимъ складамъ, не смотря на то, что военныя обстоятельства принимали иногда совсѣмъ другой оборотъ; отчего происходили раздробленность и слабость массы, въ совокупности довольно значительной.—Для того, чтобы сила русскихъ войскъ въ Закавказьѣ и въ оборонительномъ и въ наступательномъ отношеніи соотвѣтствовала ихъ дѣйствительной численности, надобно прорѣзать край желѣзною линіею отъ моря до моря. Тогда закавказскія войска, бывшія до сихъ поръ слабыми по своей раздробленности, составятъ одну массу и ударъ ихъ во всякую сторону станетъ неотразимъ. При быстромъ развитіи волжскаго и каспійскаго пароходства, Закавказье, связанное въ одно цѣлое желѣзною дорогою, станетъ во всѣхъ своихъ пунктахъ на трехнедѣльномъ маршрутномъ пути отъ главныхъ центровъ государства, войдетъ въ общій составъ русскихъ областей. Вмѣсто многочисленной арміи, которую теперь по необходимости, даже и безъ горской войны, надобно содержать въ этомъ отдаленномъ пограничномъ краѣ, Закавказье надобно будетъ занимать сильно только въ военное время, какъ и всякую часть границы, соразмѣряя эти силы съ видами правительства или дѣйствительною опасностію, а не со всякою возможною случайностію, какъ теперь, когда загорный край отстоитъ отъ внутренности Россіи на полгода пути. Экономія для государства будетъ огромная, могущество его со стороны кавказскаго перешейка утроится, а въ тоже время кавказская армія сдѣлается подвижною, какъ всѣ дѣйствующія войска имперіи. На благосостояніе загорнаго края желѣзная дорога будетъ имѣть тоже вліяніе, какое имѣетъ орошеніе на плодородную, но спаленную солнцемъ почву. До сихъ поръ всѣ природныя силы Закавказья спали въ землѣ; единственнымъ потребителемъ здѣсь была казна. Желѣзная дорога сдѣлаетъ эти области, доставлявшія покуда только одинъ рас-

ходъ, самостоятельною и богатѣйшею частію имперіи. Наконецъ, линія желѣзной дороги отъ Баку до Поти, вѣнчающая наше положеніе на Кавказѣ, обезпечена въ экономическомъ отношеніи гораздо болѣе, чѣмъ всякая изъ русскихъ линій, которымъ предстоитъ возбудить и привлечь къ себѣ движеніе, пока еще не существующее; между тѣмъ какъ груды товаровъ на 25 милліоновъ рублей, ежегодно наводняющія Персію и всю верхнюю Азію черезъ Трапезонтъ, дожидаются только удобнаго пути, чтобы направиться по Закавказью и Каспійскому морю. Въ настоящую пору эта торговля пробивается черезъ самую негостепріимную страну — высокую горную площадь турецкой Арменіи, безъ дорогъ и на вьюкахъ. Желѣзная дорога между двумя морями необходимо притянетъ ее къ себѣ и удвоитъ количество товаровъ, уменьшивъ ихъ продажную цѣну. Стоимость дороги, по сдѣланнымъ уже исчисленіямъ, развѣ очень немногимъ превзойдетъ стоимость русскихъ линій; цѣнность груза трапезонтской торговли должна съ избыткомъ окупить эту сумму, даже при высокихъ процентахъ. Это предпріятіе, необходимое въ политическомъ и военномъ отношеніи, въ тоже время выгодно въ отношеніи экономическомъ.

Съ завоеваніемъ западныхъ горъ и устройствомъ желѣзной дороги между Чернымъ и Каспійскими морями, кавказская армія войдетъ въ составъ дѣйствующихъ силъ имперіи. Покуда нельзя опредѣлить даже приблизительно на сколько это возвращеніе двухъ сотъ тысячъ солдатъ, можетъ быть первыхъ въ свѣтѣ, исключенныхъ до сихъ поръ изъ итогá русскихъ силъ, возвыситъ военное могущество государства. Безпрерывная и безпощадная война образовала на Кавказѣ цѣлый рядъ поколѣній, воспитанныхъ въ боевомъ ремеслѣ почти наслѣдственно. Новобранецъ, вступивъ въ кавказскій полкъ и еще невидавши непріятеля, привыкаетъ уже къ мысли о войнѣ, какъ о натуральномъ и повседневномъ дѣлѣ жизни; сдѣлавъ нѣсколько походовъ, онъ развивается лично, не только какъ солдатъ, но какъ боецъ. Онъ безпрестанно встрѣчается съ врагомъ одинъ на одинъ,—въ лѣсной цѣпи, на горной тропинкѣ, въ штурмуемой саклѣ и привыкаетъ надѣяться только на себя, — на свое сердце и свое ружье. Когда потомъ смыкается колонна изъ этихъ людей, совершенно увѣренныхъ въ себѣ по одиночкѣ, въ ней рождается такое убѣжденіе въ своей неодолимости, что

устоять противъ нея можетъ только несоразмѣрная матеріальная сила. Мы довольно видѣли примѣровъ этому въ минувшей войнѣ. Подобное воспитаніе давалось только древнимъ войскамъ, гдѣ каждый солдатъ былъ боецъ. и утратилось совершенно въ войскахъ европейскихъ съ той минуты, когда долгъ солдата сталъ стоять лишь въ томъ, чтобы идти массой за своимъ знаменемъ и слушать команды. Каковъ кавказскій солдатъ, таковъ въ своемъ родѣ и офицеръ. Русской отвагѣ нужно широкое поле; въ мирное время только на Кавказѣ гремитъ оружіе и манитъ въ эту сторону людей съ военными наклонностями. Молодые офицеры, которыхъ сердце влечетъ къ боевой жизни, понемногу сами собою стекаются на Кавказъ. Горская война быстро развиваетъ ихъ военный инстинктъ, выдѣлываетъ изъ офицера настоящаго начальника, способнаго управлять людьми и распоряжаться боемъ. И въ лѣсу и въ горахъ, какъ бы ни былъ многочисленъ отрядъ, ротный командиръ, вступившій въ дѣло. становится отдѣльнымъ начальникомъ, однимъ изъ виновниковъ общаго успѣха или неудачи; ему предоставляется вести почти независимое дѣло, въ которомъ его характеръ и распорядительность получаютъ самостоятельныя права. Отвѣтственность за военныя соображенія спускается на Кавказѣ гораздо ниже, чѣмъ въ европейской войнѣ и люди, поставленные предъ ежедневною разцѣнкою опыта, сортируются сами собою. Кромѣ того, особенныя обстоятельства жизни и дѣйствія развили въ кавказскихъ полкахъ, въ самой сильной степени, духъ военной семьи, гордость своего полковаго мундира и своего знамени, оправдываемыя всегда какимъ нибудь высокимъ военнымъ качествомъ, которое полкъ исключительно себѣ усвоилъ. Отношенія взаимной отвѣтственности между людьми всякихъ степеней выдѣлялись въ нихъ гораздо тѣснѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было войскѣ и естественно внушили отдѣльному лицу полную увѣренность въ своей части, какъ части возможность полагаться на каждаго изъ составляющихъ ее людей. Безпрерывные походы закалили кавказскаго солдата, сдѣлали изъ него перваго ходока въ свѣтѣ, научили жить гдѣ бы то ни было и чѣмъ бы то ни было. Кавказская война образовала для Россіи армію, которая, подъ своимъ знаменемъ. готова считать себя дома на краю свѣта, которая сразу понимаетъ всякое приложеніе военнаго дѣла, которую противникъ долженъ истребить, для того чтобъ побѣдить. Когда кавказскій баталіонъ

становится лицомъ противъ врага, онъ считаетъ сраженіемъ только то время, которое ему нужно для того, чтобы добѣжать до непріятельскихъ рядовъ; эту увѣренность раздѣляютъ по опыту всѣ чины его, отъ командира до барабанщика.

Кромѣ регулярной арміи, кавказская война взростила для Россіи еще другое превосходное, единственное въ своемъ родѣ войско, — казаковъ линейныхъ и черноморскихъ. Одинаково способные къ сомкнутому строю и наѣздничей службѣ, конница и пѣхота вмѣстѣ, эти люди, безстрашные, неутомимые, быстрые какъ вѣтеръ, могутъ осуществить, употребляемые въ значительномъ числѣ, такія стороны военнаго дѣла, о которыхъ не слыхали прежде, — блокировать непріятельскую армію въ ея собственной странѣ, разъединить ее, обхватить съ тыла и фланговъ, разорвать сообщеніе между отдѣльными колоннами. До сихъ поръ линейные казаки бывали въ европейской войнѣ только дивизіонами и оставили однакожъ живыя воспоминанія о себѣ. Съ окончаніемъ кавказской войны, сорокъ тысячъ казаковъ, при надобности и больше, могутъ присоединиться къ арміи. Въ этомъ удивительномъ войскѣ выразились стороны русской природы, которыхъ нельзя и замѣтить въ спокойномъ быту. Лучшіе линейные полки формировались на нашихъ глазахъ, изъ поселянъ; до такой степени духъ казачества живетъ еще, если не въ умѣ, то въ крови русскаго человѣка. Въ нѣсколько лѣтъ эти поселяне, поставленные на порубежной непріятельской чертѣ, дѣлались самыми отважными и ловкими наѣздниками, настоящими абреками, превосходящими чеченскихъ, и въ тоже время послушными, вполнѣ дисциплинированными солдатами, способными ко всякаго рода службѣ. Такъ быстро развивался въ этихъ поселянахъ военный духъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ дѣвушка, вчерашняя крестьянка, не хотѣла на посидѣлкахъ сказать ласковаго слова казаку, не слывшему удальцомъ. Россія, при своемъ безмѣрномъ протяженіи, живетъ еще жизнію разныхъ столѣтій. На украйнахъ — кавказской, сибирской, киргизской, казачество существуетъ еще въ тѣхъ же условіяхъ, какъ въ 16-мъ вѣкѣ оно существовало на Днѣпрѣ и на Дону. Воины и вмѣстѣ поселяне, казаки разработываютъ землю, занятую ими съ оружіемъ въ рукахъ, вносятъ русское отечество въ чуждыя пустыни и должны быть для имперіи тѣмъ же, чѣмъ американскіе передовые колонисты для Соединенныхъ Штатовъ. На Кавказѣ было бы невозможно управить-

ся съ горцами безъ заселенія казаками передовыхъ линій. Черезъ нѣсколько времени кавказскіе казачьи полки будутъ еще далеко выдвинуты впередъ и казачье населеніе, подкрѣпляемое новыми выходцами, значительно возрастетъ. Тогда уже не сорокъ, а можетъ быть семьдесятъ тысячъ кавказскихъ казаковъ готовы будутъ стать подъ знамена, при первомъ призывѣ отечества.

Третій элементъ новой силы, которою покоренный Кавказъ дарить имперію, состоитъ въ горскихъ войскахъ. При системѣ, принятой нынѣ, число ихъ можетъ быть велико, а въ качествѣ нельзя сомнѣваться. Лучше конно-дагестанскаго полка и анапскаго эскадрона не можетъ быть войска. Для кавказскихъ горцевъ битвы и опасности такая же необходимость, какъ для древнихъ скандинавовъ. Надобно только дать правильный исходъ ихъ воинственности, чтобы Кавказъ выбросилъ изъ своихъ нѣдръ дружины, которымъ, можетъ быть придется удивить свѣтъ подъ русскими знаменами.

Покореніе восточнаго Кавказа стоило имперіи большихъ жертвъ; покореніе западнаго будетъ еще стоить, можетъ быть, въ продолженіе нѣкотораго времени. Но покореніе это будетъ совершено въ возможно короткій срокъ, естественныя и личныя силы страны будутъ правильно развиты; въ этомъ можно повѣрить человѣку, которому весь Кавказъ, хорошій оцѣнщикъ практическихъ людей, повѣрилъ съ перваго его шага сюда. Съ окончательнымъ усмиреніемъ перешейка, эта часть русской имперіи вполнѣ вознаградитъ государство въ политическомъ и военномъ отношеніи, отчасти даже въ экономическомъ. Уже одно возвращеніе кавказской арміи въ итогъ дѣйствующихъ силъ, прекращеніе безплодныхъ жертвъ и всегдшняго опасенія за эту страну, составляютъ успѣхъ чрезмѣрной важности.— Можно съ основательностію думать, что, еслибы горы были усмирены въ 1853 году, истекшая война приняла бы совсѣмъ другой оборотъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, это великое дѣло совершено; исполненіе остальнаго, при томъ же сильномъ управленіи, можно расчитать впередъ навѣрное. Утвержденіе безспорнаго русскаго владычества на кавказскомъ перешейкѣ, вполнѣ устроенномъ, будетъ событіемъ всемірнымъ, всѣхъ послѣдствій котораго не исчерпаютъ и нѣсколько поколѣній. Въ настоящее время еще невозможно обнять человѣческимъ соображеніемъ всего, что можетъ развиться изъ окончательнаго по-

коренія Кавказа, этого моста, переброшеннаго съ русскаго берега въ сердце азіятскаго материка. Будущее не во власти человѣка; но люди властны быть достойными великаго будущаго. Покуда, будемъ довольны совершеннымъ и скажемъ съ Богданомъ Хмѣльницкимъ; будетъ что будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ.

ПИСЬМА СЪ КАВКАЗА.

ПИСЬМА СЪ КАВКАЗА.*)

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Истекшій 1864 годъ былъ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ отмѣченныхъ годовъ нашей тысячелѣтней жизни. Русскій народъ, соединенный въ тѣ памятные мѣсяцы какъ одинъ человѣкъ, видѣлъ рядомъ усмиреніе польскаго возстанія и окончаніе вѣковой кавказской борьбы.

Имена Польши и Кавказа поставлены рядомъ не случайно. Наружной связи между ними нѣтъ; матеріяльно эти страны составляютъ два совершенно отдѣльные центра дѣйствія; однакоже внутренняя связь не только существуетъ, но даже обнаруживается довольно явственно. Недавно одинъ изъ значительныхъ европейскихъ дипломатовъ въ Константинополѣ говорилъ: «Европа не можетъ видѣть съ равнодушіемъ покоре-«ніе Кавказа. Независимый Кавказъ для нея также желате-«ленъ, какъ была бы желательна независимая Польша. Неза-«висимость Кавказа могла бы даже сильно содѣйствовать въ удобную минуту независимости Польши.» Дѣйствительно, дѣло шло для Россіи объ одномъ и томъ же вопросѣ на Кавказѣ, какъ въ Польшѣ; тотъ же моментъ нашей исторіи выразился одинаково на двухъ окраинахъ имперіи. Почти одновременно русскій народъ встрѣтилъ въ своемъ естественномъ ростѣ два препятствія, передъ которыми онъ не могъ остановиться, не отказываясь отъ половины уже совершеннаго пути: одно на европейскомъ, другое на азіятскомъ рубежѣ. И тамъ, и здѣсь необходимость преодолѣть эти препятствія вызвала столѣтнюю

*) Письма эти были первоначально напечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, въ 1864 и 1865 годахъ и впослѣдствіи изданы въ 1865 г. особою книгою съ пополненіями, изъ которой онѣ перепечатаны въ настоящемъ изданіи. Письма эти служатъ разъясненіемъ событій, изложенныхъ въ общемъ очеркѣ: Шестьдесятъ лѣтъ кавказской войнѣ.

борьбу, то явную, то подземную, но непрерывную и не допускавшую никакихъ сдѣлокъ, до такой степени, что всякая сдѣлка, какъ доказалъ опытъ, положительно вредила окончательному результату. И тамъ, и здѣсь покореніе противниковъ было не цѣлью, а только средствомъ навсегда обезопасить отъ враждебныхъ покушеній, прочно укрѣпить за собою свое родное, несомнѣнно намъ принадлежащее. Въ продолженіе почти цѣлаго столѣтія Кавказъ былъ для насъ буквально «азіятскою Польшей.»

Извѣстно, что не честолюбіе, а честь и состраданіе вынудили русское Правительство присоединить Грузію къ своимъ владѣніямъ; но тѣмъ не менѣе нельзя считать занятіе закавказскихъ областей событіемъ случайнымъ. Россія была приведена къ этому занятію своею исторіей и своимъ географическимъ положеніемъ; не совершись оно въ 1800 году, оно произошло бы позже, но произошло бы несомнѣнно. Государство, упирающееся въ Черное и Каспійское моря, не можетъ быть равнодушно къ тому, что происходитъ на кавказскомъ перешейкѣ, который въ полномъ смыслѣ слова командуетъ этими морями. Географическія очертанія страны входятъ, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ, въ созданіе той постоянно дѣйствующей роковой силы народной исторіи, которая помимо всѣхъ случайныхъ событій увлекаетъ ее преимущественно въ ту, а не въ другую сторону. Въ XVI вѣкѣ Каспійское море и Волга связывали въ одинъ политическій міръ мусульманскія царства отъ Персіи до устья Оки. Когда русскій народъ сѣлъ на развалинахъ сѣверныхъ татарскихъ царствъ и захватилъ въ Астрахани ключъ этого длинаго бассейна, онъ прямо вступилъ въ права мусульманскаго наслѣдства: главный торговый путь Россіи, Волга, выводилъ насъ въ пустынное Каспійское море—море безъ хозяина и кораблей, по берегамъ котораго стояли однакожъ многолюдные города и жили промышленные и богатые народы. Мы знаемъ изъ восточныхъ историковъ какой трепетъ объялъ всѣхъ мусульманъ каспійскаго прибрежья, когда они узнали о паденіи Казани и Астрахани. Связанные ежедневными сношеніями съ этими странами, считая себя за одинъ почти народъ, они не понимали зачѣмъ русскимъ останавливаться на устьяхъ Волги. По ихъ мнѣнію, Ширванское царство должно было немедленно подвергнуться участи Астраханскаго, и они были правы: когда ка-

зачьи атаманы распоряжались какъ хотѣли на всемъ каспійскомъ прибрежьи, то дѣло это не было бы слишкомъ мудренымъ для московскаго царя. Въ тоже время молила насъ о спасеніи единовѣрная Грузія, истерзанная мусульманскими нашествіями. Въ тоже время казаки селились на Терекѣ; пятигорскіе черкесы принимали подданство Россіи. Если бы продолжился блестящій періодъ дѣятельности Грознаго, можетъ быть кавказскій перешеекъ былъ бы занятъ тремя вѣками ранѣе. Какъ бы ни было, съ XVI вѣка мысль о владычествѣ на Кавказѣ стала наслѣдственною въ русской исторіи; въ періоды слабаго управленія она какъ будто гасла; но всякое сильное царствованіе вновь выводило ее наружу. Сейчасъ же послѣ Грознаго, Годуновъ посылалъ стрѣльцовъ въ Грузію. Затѣмъ періодъ самозванцевъ отбросилъ Россію на много лѣтъ назадъ и заставилъ ее думать только о возвращеніи утраченнаго. Но вотъ вступаетъ на престолъ Петръ и, только что кончивъ войну за Балтійское море, сейчасъ же начинаетъ ее за Каспійское; если бы Богъ далъ ему жизни еще на нѣсколько лѣтъ, русское владычество утвердилось бы тогда же окончательно на Кавказѣ. Между Петромъ и Екатериной правительство во внѣшней политикѣ и внѣ польскихъ дѣлъ почти ничего не преслѣдовало систематически. Мысли о Кавказѣ воскресли только при Екатеринѣ. Хотя Екатерина колебалась и не желала занимать навсегда Закавказье, тѣмъ не менѣе она послала въ прикаспійскія области графа Зубова, и еслибы не смерть императрицы, то русскія войска не вернулись бы за Терекъ. Съ того времени какъ имперія, давно уже владѣвшая Каспійскимъ моремъ, доросла наконецъ до Чернаго, можно было безошибочно предвидѣть, что нѣсколько ранѣе, нѣсколько позже кавказскій перешеекъ будетъ занятъ русскими. Можно сказать только «слава Богу», что занятіе это совершилось при Павлѣ; если бы промедлили три-четыре года, то конечно въ періодъ непрерывныхъ европейскихъ войнъ первой половины царствованія Александра было бы уже не до Кавказа; а съ 1815 года всякое посягательство съ нашей стороны на этотъ край вызвало бы на свѣтъ кавказскій вопросъ въ размѣрахъ вопроса европейскаго.

Виды русскаго правительства на Кавказъ, питаемые въ продолженіе вѣковъ, не всегда были вполнѣ сознательны; но не въ томъ дѣло; они существовали и переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе; это видно изъ того, что каждая благопріятная

минута, каждое энергическое царствованіе вновь вызывали ихъ къ жизни. Развѣ убѣжденія нынѣшняго русскаго общества по польскому дѣлу были сознаваемы отчетливо при царяхъ, при Петрѣ, при Екатеринѣ? а между тѣмъ рѣшеніе этого вопроса все шло впередъ къ своей естественной развязкѣ; и конечно большинство русскихъ дѣятелей, участвовавшихъ въ рѣшеніи этого международнаго спора, въ какой бы мѣрѣ оно ни сознавало выработавшіяся нынѣ идеи, дѣйствовало болѣе или менѣе въ ихъ общемъ смыслѣ, такъ какъ въ этомъ смыслѣ именно развивалось и наконецъ рѣшилось все дѣло. На томъ и держится послѣдовательность исторіи, что такія полусознательныя идеи всетаки заключаютъ въ себѣ всю массу побужденій, нужныхъ для настойчиваго дѣйствія. То же было съ вопросомъ кавказскимъ. Русское общество и теперь еще также смутно судитъ о немъ, какъ за двадцать лѣтъ предъ этимъ судило о польскомъ дѣлѣ; оно больше полувѣка смотрѣло съ равнодушнымъ удивленіемъ на нескончаемую кавказкую борьбу и такъ къ ней привыкло, что уже и не ожидало развязки. Тысячи русскихъ семействъ, носившихъ трауръ по роднымъ, падшимъ на Кавказѣ, даже не задавали себѣ вопроса какому богу приносятся эти жертвы. Кто изъ насъ не слыхалъ такихъ домашнихъ разсужденій, что Закавказье надо бросить, какъ не окупающее расходовъ на войну; или разсужденій иностранныхъ въ такомъ родѣ, что мы длимъ нарочно кавказскую войну для того, чтобъ упражнять свою армію! Можно навѣрное сказать, что далеко не всѣ русскіе государственные люди XIX столѣтія, имѣвшіе вліяніе, каждый по своему вѣдомству, на ходъ кавказскихъ дѣлъ, сознавали цѣль этой настойчивой борьбы. Но правительство шло къ своей цѣли неуклонно и не жалѣя никакихъ жертвъ, особенно въ два послѣднія царствованія, при императорѣ Николаѣ I и нынѣ царствующемъ Государѣ— и достигло цѣли. Ожесточенные возгласы, которыми въ Англіи, Франціи и Австріи государственные люди, газеты и народныя сборища привѣтствовали паденіе Шамиля, а въ 1864 г. окончательное покореніе Кавказа должны, наконецъ, просвѣтить русское общество на счетъ той истины, что на Кавказѣ рѣшается нѣчто весьма значительное. Въ 1859 году былъ поданъ королевѣ Викторіи адресъ, обвинявшій министерство въ измѣнѣ за то, что оно покинуло Шамиля, защищавшаго доступъ въ Азію. Въ прошломъ году потокъ всевозможныхъ про-

клятій на насъ за успѣхъ, на свои правительства за мнимую слабость къ намъ, разразился еще сильнѣе. Послѣдняя преграда русскимъ со стороны Азіи рухнула, объявляли ораторы на митингахъ. Угнетеніе черкесовъ сдѣлалось такою же публичною темой, какъ угнетеніе поляковъ. Но не изъ-за благополучія черкесовъ скорбили сердобольныя сердца; намъ не прощали исхода борьбы, раздвинувшаго не только русскую имперію, но русскій народъ до Абхазіи. «Можетъ ли Европа видѣть равнодушно», говорилъ одинъ изъ европейскихъ посланниковъ въ Константинополѣ, «какъ Черное море географически дѣлается русскимъ?» «Теперь господствующая роль въ Турціи опять принадлежитъ русскимъ», сказалъ другой, «первое замѣшательство въ Европѣ, и съ своихъ азіятскихъ рубежей они сдѣлаютъ что захотятъ!» Можетъ ли Европа видѣть равнодушно! было общимъ возгласомъ.

Конечно, все это только слова перваго переполоха. Самая откровенность ихъ выказываетъ душевное волненіе ихъ вызвавшее. Но надобно замѣтить, что вообще люди, сдѣлавшіе себѣ ремесло изъ оцѣнки нѣкоторыхъ вещей, кончаютъ почти всегда тѣмъ, что понимаютъ ихъ недурно.

Съ первыхъ словъ этого письма я назвалъ Кавказъ Польшей русско-азійскаго предѣла; выраженіе это я понимаю въ буквальномъ смыслѣ. Россія имѣетъ только двѣ границы—европейскую въ 3 т. и азіятскую въ 10 т. верстъ, отъ устья Дуная до устья Амура (въ политическомъ смыслѣ Турція должна быть причислена къ Азіи). Въ Россіи твердо укоренилось теперь мнѣніе, что мы не можемъ бросить Польшу, не подвергая всевозможнымъ случайностямъ нашу западную границу; надобно также, чтобы русское общество вполнѣ уяснило себѣ очевидную истину, что безопасность всей южной границы имперіи, отъ Одессы до китайскихъ предѣловъ, заключается въ обладаніи кавказскимъ перешейкомъ, не говоря уже о возможности великаго будущаго, зерно котораго лежитъ тамъ же.

Географическое положеніе кавказскаго перешейка придаетъ этой странѣ господствующее, всемірное значеніе, политическое и торговое, значеніе, которое бы еще удвоилось, еслибъ она очутилась въ рукахъ морской державы.

Между тѣмъ какъ западный берегъ Закавказья лежитъ въ нѣсколькихъ дняхъ пароходнаго плаванія отъ Мальты и Тулона, съ восточнаго можно протянуть руку въ самую глубь

Азіи. При желѣзной дорогѣ изъ Поти въ Баку, Астрабадъ будетъ такой же европейскій городъ какъ Одесса. Европейскій властитель Закавказья можетъ господствовать безпрекословно надъ Азіятскою Турціей, Персіей и Закаспійскимъ краемъ, перешагнуть на Аральское море и Аму-Дарью, которая судоходнымъ путемъ доставитъ его до Балха, куда уже заглядывали англо-индійскія войска. Со стороны Россіи Закавказье ограждено страшнымъ горнымъ хребтомъ, заселеннымъ, сплошь до мая 1864 года, самыми варварскими и воинственными племѣнами. Достаточно было поддерживать такую границу въ состояніи независимости, чтобы никто и никогда не могъ черезъ нее перешагнуть. Еслибы мы не заняли благовременно закавказскій край, стоило бы только морской державѣ стать туда ногою и спустить нѣсколько военныхъ судовъ въ Каспійское море,—и мы не могли бы даже мечтать о томъ, чтобъ атаковать ее въ подобной позиціи, не превзойдя морскимъ могуществомъ нашихъ соперниковъ.

Положеніе азіятскихъ дѣлъ довольно мало извѣстно русскому обществу. Но всякій, занимавшійся исторіею, знаетъ, что паденіе общественное продолжается въ Азіи уже нѣсколько столѣтій. Самъ собою предстаетъ вопросъ: при нынѣшнемъ разложеніи азіятскаго міра въ политическомъ и всякомъ другомъ отношеніи, такомъ разложеніи, что надобно видѣть его, чтобы понять до чего оно простирается; при нынѣшнемъ безцеремонномъ обращеніи европейскихъ, особенно же морскихъ, державъ со всѣмъ, что только есть азіятскаго въ мірѣ,—какъ долго оставался бы безъ хозяина такой господствующій по своему положенію кусокъ земли, какъ закавказскій край? Послѣ восточной войны, напримѣръ, когда союзники могли распоряжаться въ Черномъ морѣ какъ хотѣли? Да и теперь, съ тѣхъ самыхъ поръ какъ безсиліе Турціи растворило настежь двери обоихъ проливовъ? Собственныя средства обороны Закавказья, какъ мы его застали, были совершенно ничтожны. Истерзанная Грузія приняла бы всякое покровительство, менѣе охотно чѣмъ наше, конечно, но все-таки приняла бы; ей было не до разборчивости, когда ни одинъ изъ жителей ея не былъ обезпеченъ въ одномъ часѣ жизни. Остальныя страны Закавказья были въ нѣсколько лѣтъ покорены десятью тысячами русскихъ войскъ, несмотря на войну съ Персіей и Турціей. Вотъ итогъ силъ, который былъ нуженъ для того, чтобы занять и удер-

жать Закавказье. Оборбна его противъ Россіи была бы дѣломъ чисто морскимъ.

Я глубоко убѣжденъ, что кавказскій перешеекъ не остался бы до 1864 года при однихъ своихъ туземныхъ хозяевахъ, и что если онъ не обращенъ въ чудовищный Гибралтаръ, преимущественно противъ насъ, то этимъ мы обязаны исключительно тому обстоятельству, что успѣли заблаговременно перешагнуть горы.

Но еслибы закавказскій край былъ дѣйствительно обращенъ въ громадный Гибралтаръ, каковы были бы для насъ послѣдствія?

Я думаю, очень нехорошія. Первымъ послѣдствіемъ было бы то, что Черное и Каспійское моря, изъ внутреннихъ бассейновъ, какими они должны быть, стали бы достояніемъ недруговъ, и намъ бы не дали выпустить на ихъ воды ни одной лодки, и это ужъ навсегда. Но этого мало. Мы были бы тогда относительно морской державы, занимающей Кавказъ, въ положеніи безсильной Греціи, и каждый Пасифико сталъ бы командовать Россіей. Надобно вспомнить, что вся южная часть европейской Россіи создана Чернымъ моремъ. Покуда мы не овладѣли сѣверными берегами его, Россія кончалась къ югу пустыней, гдѣ могли жить только разсѣянные хуторяне, довольствовавшіеся всѣмъ съ своего куска земли, такъ какъ ни продавать, ни покупать тамъ было нечего. Край этотъ заселился тогда лишь, когда открылись ему сообщенія съ цѣлымъ свѣтомъ. Черное море есть окошко, которымъ воздухъ и свѣтъ входятъ въ южную Россію, считая тутъ Новороссію, Малороссію, кіевское генералъ-губернаторство, донскую землю и сѣверный Кавказъ. Наша южная желѣзная дорога примкнетъ къ Черному морю всю южную половину Россіи и вѣроятно сдѣлаетъ его первымъ по важности изъ русскихъ морей. Но европейскій владѣлецъ Закавказья могъ бы каждую минуту запереть это окошко. Черезъ 24 часа послѣ написанія телеграфической депеши въ Лондонѣ или Парижѣ, Черное море обращалось бы для насъ въ ту же безвыходную степь, какая замыкала Россію съ юга до временъ Екатерины. То что теперь можетъ предпринять только великій европейскій союзъ, находилось бы тогда въ рукахъ одной морской державы. Пользованіе Чернымъ моремъ было бы для насъ чѣмъ-то въ родѣ награды за хорошія отношенія къ владѣльцу Закавказья.

Но эти невыгоды не ограничивались бы только Чернымъ моремъ. Далѣе къ востоку наше положеніе было бы еще хуже. Не говоря уже о томъ, что съ потерею исключительнаго господства на Каспійскомъ морѣ, намъ пришлось бы при каждой войнѣ занимать Астрахань, какъ мы занимали Кронштадтъ и Севастополь; что въ случаѣ паденія ея, Волга, на извѣстномъ протяженіи, могла бы послужить для непріятеля такимъ же военнымъ путемъ какъ Миссиссипи для федералистовъ. Но все огромное протяженіе нашей границы отъ Каспійскаго моря до китайскихъ предѣловъ сдѣлалось бы политическою границей въ полномъ смыслѣ слова, потребовало бы крѣпостей и армій для своего охраненія. Еслибъ одна изъ морскихъ державъ успѣла во время утвердиться на кавказскомъ перешейкѣ, весь закаспійскій край сталъ бы въ непродолжительномъ времени прямо или косвенно ея достояніемъ. Мы видимъ какъ скоро въ рукахъ нѣкоторыхъ европейцевъ факторіи для торговли ситцами обращаются въ крѣпости, купеческіе прикащики въ губернаторовъ и верблюжьи погонщики въ сипаевъ. Теперь степи внутренней Азіи составляютъ неисчерпаемый запасъ земель, куда понемногу распространяется русское населеніе; мы имѣемъ въ нихъ не только для имперіи, но для русскаго народа свой *фаръостъ*. Тогда же вмѣсто двухъ сотъ солдатъ, которые на Сыръ-Дарьѣ бьютъ коканскія арміи, пришлось бы держать далеко позади цѣлые корпуса для охраненія оренбургской и сибирской линій; а каждая война охватывала бы предѣлы имперіи кругомъ отъ Архангельска до Семипалатинска. Всѣ природныя военныя средства безпредѣльныхъ пустынь средней Азіи были бы направлены противъ насъ. Намъ конечно, не подарили бы кочевниковъ. Киргизскія орды, вмѣсто того чтобы быть послушными пастухами, были бы обращены въ тѣхъ же черкесовъ и чеченцевъ, постоянно угрожающихъ нашествіемъ нашимъ предѣламъ; съ винтовками и поддержкою сзади киргизы стоили бы черкесовъ. А мы знаемъ по опыту, что охраненіе только тысячи-верстной кавказской линіи требовало массы войскъ, съ которою можно было начать европейскую кампанію; не потому чтобы непріятель былъ силенъ, а потому только, что онъ могъ внезапно появиться на каждомъ пунктѣ. Отъ устья Кубани до Китая мелкая война стала бы нормальнымъ состояніемъ нашихъ предѣловъ. Въ такомъ положеніи вещей было бы уже не до Амура; занятіе илецкой

линіи стало бы для насъ труднѣе тогда, чѣмъ было теперь занятіе Манжуріи.

Но что всего важнѣе, утвержденіе чуждаго европейскаго владычества въ Закавказьѣ рѣшило бы безвозвратно азіятскій вопросъ, величайшій изъ вопросовъ всемірныхъ, и рѣшило бы противъ насъ. Англичане ли, французы ли захватили бы Закавказье, все равно, сумма европейскаго вліянія въ Азіи была бы, помимо всякихъ личныхъ разборовъ, всегда направлена во вредъ намъ. Индія и Кавказъ всегда были бы согласны между собою на этотъ счетъ, и русское вліяніе въ Азіи ограничилось бы нашими военными линіями; а для государства, которое на пространствѣ 13-ти тысячъ верстъ не только соприкасается, но безраздѣльно сливается съ мусульманскою и языческою Азіей, не будучи раздѣлено съ нею никакимъ естественнымъ предѣломъ, постоянно вдвигаясь въ нее,—то что называютъ вообще азіятскимъ вопросомъ, составляетъ первый, величайшій интересъ будущаго. Въ послѣдующихъ письмахъ я еще возвращусь къ этому предмету, о которомъ упомянулъ вскользъ, для полноты очерка.

Прочное утвержденіе русскаго владычества на кавказскомъ перешейкѣ не только устранило подобную опасность въ будущемъ, но можно сказать, рѣшило уже будущее въ нашу пользу, тѣмъ что устранило даже возможность соперничества на всей нашей азіятской границѣ. Нынѣ весь южный предѣлъ русской имперіи, отъ Дуная до Китая, вполнѣ обезпеченъ. Мимолетныя въ народной жизни обстоятельства, подобныя восточной войнѣ, могли обезсилить насъ на Черномъ морѣ; но положимся покуда на константинопольскаго дипломата, слова котораго я привелъ, и который знаетъ что говоритъ, утверждая что «море это географически становится русскимъ». Кавказскій перешеекъ, навсегда за нами укрѣпленный, закрываетъ покуда Среднюю Азію не только отъ дѣйствія, но даже отъ нескромнаго взгляда другихъ европейцевъ; отъ насъ зависитъ сдѣлать эту позицію неприступною со всѣхъ сторонъ. Съ покореніемъ горъ, кавказская армія стала свободною, и предѣлы русскаго вліянія въ Азіи зависятъ теперь только отъ воли самой Россіи.

Тяжкою и чрезвычайно долгою борьбой купленъ такой результатъ; но историческое значеніе его для государства, для русской народной семьи, далеко покрываетъ всѣ жертвы. Мало было занять Закавказье. Покуда горы не были покорены, за-

нятіе это ничего не значило: каждая война ставила на карту судьбу кавказскаго перешейка и сопряженную съ нею участь всѣхъ южно-русскихъ предѣловъ. Великимъ торжествомъ своимъ Россія обязана исключительно, безусловно, только настойчивости правительства. Между тѣмъ какъ общество смотрѣло съ равнодушіемъ, даже съ невниманіемъ на кровавую горскую войну, не давая себѣ отчета въ ея цѣли и смыслѣ, забывая на другой же день имена богатырей взрощенныхъ кавказскою арміей, не помня геройскихъ самопожертвованій, которыми вѣчно гордился бы каждый народъ, считая только матеріальныя жертвы и показывая одно утомленіе; между тѣмъ какъ легкомысленныя мнѣнія о безплодности этой войны имѣли такой ходъ въ обществѣ и много людей, высокопоставленныхъ, были въ отношеніи понятій о кавказскомъ дѣлѣ нисколько не выше толпы; въ то же время два государя, далеко прозиравшіе въ будущее, не останавливались ни передъ какими трудами, ни передъ какими усиліями и жертвами, и настойчивостію, ни разу не ослабѣвшею въ продолженіе сорока лѣтъ, достигли полнаго торжества Россіи и измѣнили великую опасность въ великое могущество.

Сравнивая то что есть, съ тѣмъ что могло быть, я не боюсь обвиненія въ преувеличеніи, когда скажу, что покореніе Кавказа есть величайшее изъ внѣшнихъ событій русской исторіи въ XIX вѣкѣ. Чрезъ тридцать лѣтъ каждый русскій человѣкъ будетъ знать и видѣть по непосредственнымъ послѣдствіямъ, вправду ли это такъ!

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Въ прошломъ письмѣ я говорилъ о чрезвычайномъ значеніи для Россіи кавказскаго перешейка, значеніи, которое до сихъ поръ было ясно только для правительства. Въ восточную войну, когда вниманіе общества и народа въ Россіи было исключительно приковано къ Севастополю, несмотря на потребность войскъ по всѣмъ границамъ имперіи, несмотря на то, что къ зимѣ 1855 года наша крымская армія уступала численностію союзной, правительство содержало 280,000 войска на Кавказѣ и не только не думало выводить отсюда ни одного солдата, даже въ самыя критическія минуты, но еще постоянно усиливало его составъ. Между тѣмъ очевидно, что содержаніе на

Кавказѣ такой массы войскъ, незамѣнимыхъ милліонами резервовъ и ополченій, стоившихъ вдобавокъ вдвое болѣе, чѣмъ стоятъ войска въ Россіи, чрезвычайно ослабляло военное могущество государства. Можно утвердительно сказать, что Россія въ 1855 году черезъ отвлеченіе, произведенное Кавказомъ, сдѣлалось слабѣе, чѣмъ въ 1815 г., хотя населеніе ея въ этотъ періодъ времени почти удвоилось. Но покуда Закавказье отдѣлялось отъ Россіи сплошнымъ населеніемъ непокорныхъ горцевъ, потерять его на одинъ часъ значило потерять навсегда. Лучше было прямо очистить загорный край, чѣмъ ослаблять кавказскую армію. Необходимость заставляла насъ быть всегда побѣдителями въ этомъ краѣ, при какой бы ни было несоразмѣрности въ силахъ, не мечтая даже о томъ, чтобы воспользоваться плодами побѣды, для того только, чтобы не погибнуть. Горская война до такой степени развлекла наши силы, что изъ 280,000 войска, занимавшаго Кавказъ, можно было выставить только 9,000 подъ Башъ-Кадыкляръ и 17,00 подъ Кюрукъ-Дара, несмотря на то, что на этихъ поляхъ сраженія рѣшалась участь всего Кавказа. Никакое искусство соображеній не могло помочь въ этомъ положеніи дѣла. Надобно было держать непокорныхъ горцевъ въ тѣсной блокадѣ непрерывною цѣпью самостоятельныхъ отрядовъ такой силы, чтобы каждый изъ нихъ могъ вовремя встрѣтить и разбить самое значительное горское скопище. Еслибъ одинъ только промежутокъ образовался въ блокадной линіи, горцы могли бы хлынуть на равнину и поднявши сочувствовавшее имъ подгорное населеніе, поставить насъ между двухъ огней. При несравненномъ численномъ превосходствѣ непріятеля, наступавшаго на границу, такой оборотъ дѣла поставилъ бы насъ въ крайнее положеніе, и потому, естественно, мы предпочитали встрѣчать опаспоность съ лица, чѣмъ рисковать ею съ тыла.

Обѣ группы непокорныхъ горъ, каспійская и черноморская, были для насъ одинаково опасны, хотя по разнымъ причинамъ. Горцы каспійской группы, связанные мюридизмомъ въ одно цѣлое подъ властію Шамиля, могли при первой оплошности съ нашей стороны зажечь пожаръ отъ Терека до Аракса, увлекая вездѣ сунитское населеніе, достаточно приготовленное къ бунту проповѣдью исправительнаго тариката; не подавленное сразу возстаніе въ этой странѣ грозило намъ потерею сообщеній съ Каспійскимъ моремъ и, можетъ быть, пресѣченіемъ

пути на военно-грузинской дорогѣ, такъ какъ при разливѣ мусульманскаго возстанія нельзя было отвѣчать и за Кабарду. Горцы западной группы, окруженные христіанскими народами, кромѣ одной стороны, гдѣ они прикасались къ покорнымъ мусульманскимъ племенамъ Карачая и Кабарды, не могли увлечь за собою сосѣдей и въ этомъ отношеніи не были опасны; но занимаемая ими страна, простиравшаяся на триста верстъ по морскому берегу и входившая глубокимъ клиномъ въ сѣверную часть Кавказа, могла служить открытыми воротами непріятельскому вторженію съ моря. Европейскій дессантъ, поддержаный тучею горцевъ, могъ совершено безопасно для себя пройти такъ далеко въ глубь нашихъ владѣлій, что одно неудачное дѣло на первомъ пунктѣ, гдѣ представилась бы намъ возможность оказать сопротивленіе, подвергало кавказскую армію неотвратимой опастности потерять разомъ всѣ сообщенія съ Россіею. Нѣтъ сомнѣнія, что при подобномъ нашествіи горцы восточнаго Кавказа ринулись бы всѣми силами на равнину и обѣ опасности нагрянули бы насъ разомъ. Опасеніе подобнаго дессанта въ 1855 году парализовало всѣ силы сѣвернаго Кавказа и заставило держать ихъ цѣлый годъ въ бездѣйствіи ружье у ноги, въ ожиданіи неосуществившейся опасности.

Таково было положеніе Кавказа, покуда продолжалась горская война. Съ первымъ появленіемъ непріятеля на Черномъ морѣ, сто лѣтъ гигантскихъ усилій ничего не значили на вѣсахъ судьбы. Многочисленная закаленная въ бою армія, назначенная для одной этой частной цѣли, армія, отсутствіе которой оставляло страшный недочетъ въ итогѣ дѣйствующихъ русскихъ силъ, оказывалась въ случаѣ внѣшней войны недостаточною для обороны Кавказа. До такой степени приходилось раздроблять войска, не имѣвшія уже потомъ между собой никакого сообщенія, что на всякомъ пунктѣ, куда захотѣлъ бы придти непріятель, онъ всегда могъ быть гораздо сильнѣе насъ и намъ приходилось разсчитывать вездѣ не на соразмѣрность силъ, какъ бываетъ во всякой войнѣ, а исключительно на геройскіе подвиги и на счастіе. Во время восточной войны одно проигранное дѣло, гдѣ бы оно ни случилось, на турецкой ли границѣ, на кутаисскомъ ли прибрежьѣ, на Кубани, на Алазани, въ Дагестанѣ ли, одинаково было бы для насъ гибельно; тѣмъ болѣе, что при чрезвычайной разобщенности войскъ не было уже потомъ почти никакой возможности возстановить

дѣло. Въ самыхъ блестящихъ своихъ кампаніяхъ Наполеонъ имѣлъ частные неуспѣхи, нисколько не мѣшавшіе конечному торжеству; кавказская же армія была поставлена въ необходимость побѣждать вездѣ, всегда, во что бы то ни стало, или погибнуть. Въ противоположность стоглавой гидрѣ, она была тѣломъ уязвимомъ смертельно въ каждой точкѣ. Покуда продолжалась горская война, русское владычество на Кавказѣ было не владычествомъ, а только временнымъ занятіемъ до первой неудачи.

Если Россіи было необходимо, въ виду великихъ народныхъ интересовъ, удержать за собою кавказскій перешеекъ, то было также точно необходимо покорить горцевъ; одно безъ другаго ничего не значило.

Въ Европѣ, также точно какъ въ Госсіи, не понимали причинъ нескончаемости кавказской войны. Всѣмъ казалось удивительнымъ, что такое могущественное государство, какъ Россія, въ продолженіи болѣе полувѣка не можетъ сладить съ нѣсколькими стами тысячъ варваровъ; вообще всѣ думали, что наступленіе наше на Кавказѣ продолжается настойчиво и непрерывно, и не постигали, какъ мы не можемъ, хоть шагъ за шагомъ, достигнуть цѣли.

Надобно сказать съ перваго же слова, что ничего подобнаго въ дѣйствительности не было. Систематическое и непрерывное наступленіе, съ твердою волей кончить, началось только въ 1856 году осенью и заключилось въ маѣ 1864 года, безусловнымъ покореніемъ горъ, продолжавшись всего $7^1/_2$ лѣтъ.

До тѣхъ поръ усилія съ нашей стороны противъ горцевъ были только разрозненными попытками. Кавказская война нѣсколько разъ измѣняла свой характеръ, нѣсколько разъ перерывалась вовсе, и послѣ этихъ перерывовъ принимала до того новый видъ, что все старое какъ бы не существовало; всякій разъ потомъ приходилось приниматься за дѣло съизнова.

Горская война началась собственно только съ 1817 года, по возвращеніи генерала Ермолова изъ Персіи. Тогда западный Кавказъ принадлежалъ еще нарицательно Турціи; наши усилія могли быть обращены лишь противъ восточной группы горъ, но усилія эти вовсе не имѣли тогда характера, который былъ имъ приданъ въ послѣдствіи; ни въ документахъ, ни въ воспоминаніяхъ того времени не сохранилось даже намека на какой-либо систематическій планъ общаго покоренія горъ; да

и силы кавказскаго корпуса были до такой степени не соразмѣрны съ этою цѣлію, что объ ней нечего было и думать. Всѣ военныя дѣйствія того времени носили характеръ случайности, были вызываемы движеніями самыхъ горцевъ! Генералъ Ермоловъ сдѣлалъ возможное по своимъ силамъ; но это возможное заключалось поневолѣ лишь въ томъ, чтобы были покорены нѣкоторыя плоскости и предгорія, необходимыя для нашихъ сообщеній; самая масса горъ осталась нетронутою. Мысль о систематическомъ покореніи горъ и соединеніе необходимыхъ для того средствъ, принадлежитъ царствованію Императора Николая.

Но кромѣ твердой рѣшимости правительства покончить съ горцами и соразмѣрныхъ тому средствъ, для полнаго успѣха, нужны были еще двѣ вещи: положительное знакомство съ препятствіями, которыя предстояло преодолѣть и неуклонное преслѣдованіе разъ предположенной цѣли. То и другое, разумѣется, было дѣломъ мѣстныхъ исполнителей. Но прошло много времени прежде чѣмъ познакомились съ особенностями кавказской войны и еще больше времени прежде чѣмъ двинулись прямо къ цѣли.

Я не имѣю въ виду писать въ этихъ очеркахъ исторію кавказской войны, кромѣ послѣднихъ событій, которыя и составляютъ собственно предметъ писемъ; но для того, чтобы показать наглядно въ нѣсколькихъ словахъ, какъ долго въ кавказской войнѣ не было положительно опредѣленной цѣли, я приведу на память читателямъ главныя усилія, которыми думали одолѣть горцевъ и слѣдовавшіе за ними годы затишья.

Съ конца 1825 по 1830 годъ по поводу персидской и турецкой кампаній совершенный перерывъ въ горской войнѣ. Въ 1830 году дѣйствія въ большомъ размѣрѣ на двухъ противоположныхъ концахъ Кавказа, въ землѣ черкесовъ, вновь пріобрѣтенной по андріанопольскому трактату и въ землѣ джарскихъ лезгинъ, на южной подошвѣ восточнаго Кавказа.

Въ 1831 году ученіе мюридизма увлекло весь Дагестанъ въ поголовное возстаніе противъ насъ, и мы должны были обороняться на каспійскомъ прибрежьѣ.

Въ 1832 году опасность отъ мюридизма заставила обратить все вниманіе на восточный Кавказъ. Дѣйствія были направлены въ Чечню и сѣверный Дагестанъ. Но послѣ однолѣтней

экспедиціи, счастливо для насъ окончившейся, главныя силы опять были переведены на Кубань.

Съ 1832 по 1839 годъ, въ продолженіи семи лѣтъ, восточный, шамилевскій Кавказъ былъ предоставленъ самъ себѣ и въ это время мюридизмъ успѣлъ разлиться по всѣмъ горамъ. Въ этотъ періодъ было совершено въ Дагестанѣ лишь нѣсколько военныхъ прогулокъ со слабыми средствами, больше для вида, чѣмъ для дѣла. Серіозныя же усилія были направлены на противоположный конецъ Кавказа, гдѣ стали закладывать съ великими усиліями и потерями черноморскую береговую линію, которую потомъ пришлось бросить при первомъ появленіи непріятеля на Черномъ морѣ. Одновременныя съ этимъ сухопутныя экспедиціи на западномъ Кавказѣ не принесли также ни малѣйшаго матеріальнаго результата, потому что мы нигдѣ не подвигались впередъ систематически.

Въ 1839 году главныя массы опять воротились на восточный Кавказъ, взяли послѣ кровопролитной осады и затѣмъ опять бросили, аулъ Ахульго, на сѣверной оконечности Дагестана; въ то же время другія войска совершили экспедицію на южную оконечность этой страны.

Возстаніе въ слѣдующемъ году полупокорной до тѣхъ поръ Чечни привлекло туда главныя усилія кавказскихъ войскъ. 1840 и 41 годы были употреблены на то, чтобъ убѣдиться въ невозможности покорить эту страну одними движеніями и передвиженіями войскъ.

Въ 1842 году были совершены въ Чечнѣ и Дагестанѣ двѣ экспедиціи, въ которыхъ мы понесли сильное пораженіе. Вторженіе Шамиля отбито въ южномъ Дагестанѣ.

Въ этомъ же году пріѣхалъ на Кавказъ военный министръ князь Чернышевъ и, видя что горская война не приводила ни къ чему до тѣхъ поръ, кромѣ потери людей и времени, остановилъ всѣ дѣйствія. Но только этотъ миръ вышелъ еще неудачнѣе предшествовавшей войны. Нетревожимый болѣе русскими, Шамиль одолѣлъ послѣднее противодѣйствіе, которое до тѣхъ поръ онъ встрѣчалъ со стороны нѣкоторыхъ племенъ и въ слѣдующемъ году самъ ринулся на насъ со всею силой соединенныхъ горцевъ, побралъ наши дагестанскія укрѣпленія и захватилъ весь край до самаго Каспійскаго моря, такъ что пришлось посылать въ подкрѣпленіе изъ Россіи на Кавказъ

5-й пѣхотный корпусъ для возвращенія давно намъ принадлежавшаго.

Съ назначеніемъ главнокомандующимъ князя Воронцова, прекратились дальнѣйшіе успѣхи Шамиля; онъ не сдѣлалъ больше шага впередъ. Прекратились и съ нашей стороны безплодныя экспедиціи. Война приняла характеръ постоянной блокады съ очень осторожными наступательными движеніями.

Никто на Кавказѣ не забудетъ великихъ заслугъ князя Воронцова какъ воина и государственнаго человѣка, заслугъ, слѣдъ которыхъ остался на всемъ. Но нельзя не сказать, что и въ этотъ періодъ мы почти нисколько не подвинулись впередъ.

Вотъ короткій перечень главнымъ экспедиціямъ при князѣ Воронцовѣ.

Въ 1845 году даргинская экспедиція, принадлежащая по мысли еще къ прежнему образу дѣйствій, болѣе уже не повторявшемуся.

Въ Дагестанѣ три лѣтнія наступленія съ 1847 по 1849 годъ, результатомъ которыхъ было взятіе трехъ пограничныхъ ауловъ, вслѣдъ затѣмъ же брошеныхъ.

Нѣсколько движеній въ горы съ Лезгинской линіи, которыя имѣли только характеръ набѣга и не могли вести за собой никакихъ послѣдствій.

Съ 1846 года постоянныя зимнія экспедиціи въ Чечнѣ, для постепеннаго расчищенія страны, продолжавшіяся недѣль по шести въ году и вообще увѣнчанныя хорошимъ успѣхомъ.

На западномъ Кавказѣ, занятомъ небольшими силами, необходимыми для обороны нашихъ линій, съ 1839 года до послѣдней турецкой войны, военное дѣло, кромѣ постепеннаго заселенія лабинской линіи, вовсе не подвигалось впередъ. Во время восточной войны опять трехлѣтній перерывъ наступленія противъ горцевъ.

Очень естественно, что рядомъ такихъ несвязныхъ дѣйствій какъ съ 1830 по 1845 г., и такихъ осторожныхъ какъ съ 1845 по 1853 г. нельзя было покорить трудно доступную мѣстность въ 1200 верстъ длины и 200 ширины, защищаемую чрезвычайно воинственнымъ населеніемъ, часто болѣе опаснымъ въ своихъ трущобахъ, чѣмъ могло быть лучшее европейское войско.

Притомъ, какъ уже сказано, кавказская война нѣсколько разъ совершенно измѣняла свой характеръ. Фанатическая секта

мюридовъ, противъ которой намъ пришлось бороться съ 1830 г., требовала совсѣмъ другаго образа дѣйствій, чѣмъ наступленія на разобщенныя и часто враждебныя между собой племена временъ Ермолова; также точно война противъ государства, основаннаго Шамилемъ въ горахъ съ 1840 года, не подходила уже подъ условія преслѣдованія мюридскихъ скопищъ прежняго десятилѣтія. Война на западномъ Кавказѣ, то-есть въ землѣ черкесовъ, представляла опять совсѣмъ особенныя обстоятельства. Приходилось черезъ каждыя десять лѣтъ измѣнять свою цѣль и иначе прилаживать къ ней средства дѣйствія. Къ несчастію, общій итогъ нашей кавказской опытности постоянно отставалъ отъ дѣйствительности именно десятью годами; такъ что противъ перваго мюридизма мы дѣйствовали какъ можно было дѣйствовать только во времена Ермолова; а при Шамилѣ,—какъ слѣдовало дѣйствовать противъ перваго мюридизма; наконецъ противъ Шамиля пятидесятыхъ годовъ, когда горское населеніе начинало уже охладѣвать къ мюридизму,—какъ противъ Шамиля сороковыхъ годовъ, когда горцы дрались за вѣру съ увлеченіемъ. Очень естественно, что результаты выходили не совсѣмъ удачные.

Надобно сказать и то, что въ двухъ главныхъ періодахъ, на которые естественно дѣлится кавказская война, до 1845 года и послѣ того, выразилась, какъ я полагаю, одна особенная черта нашего, не знаю какъ сказать, народнаго ли, общественнаго ли, однимъ словомъ, русскаго характера; именно, похвальба передъ дѣломъ и ни на чемъ не основанное недовѣріе къ себѣ послѣ первыхъ неудачъ, въ которыхъ мы же сами были виноваты; тотъ же легкомысленный поворотъ, который произошелъ въ мнѣніи общества по поводу восточной войны и держался довольно долго. До сороковыхъ годовъ наши военныя дѣйствія на Кавказѣ основывались на аксіомѣ «какъ русской имперіи не задавить горцевъ сразу», а потомъ на аксіомѣ противоположной «горцевъ вовсе нельзя задавить». Очевидно, то и другое грѣшило крайностію.

Между тѣмъ на Кавказѣ проходилъ цѣлый рядъ высокоталантливыхъ военныхъ людей. Россія помнитъ еще много именъ, прогремѣвшихъ въ былое время; для успѣха не доставало только объединенія, т. е. правильной оцѣнки положенія и направленія всѣхъ усилій къ одной цѣли.

Такимъ образомъ прошло 33 года въ перемежающихся уси-

ліямъ, ни разу даже не приблизившихъ насъ къ цѣли. Въ постоянныхъ стычкахъ, которымъ тогда не предвидѣлось никакого конца, мы дожили понемногу до 1853 года.

Громъ восточной войны заставилъ насъ, русскихъ, перекреститься не на одномъ только Кавказѣ.

Надо вспомнить дѣло какъ оно было. Съ разстоянія, отдѣляющаго насъ отъ этихъ событій, они видны очень ясно. Въ 1855 году дѣло шло подъ Севастополемъ только о народной чести и вліяніи, которое энергія обороны могла имѣть на дипломатическіе переговоры; все остальное было уже рѣшено въ 1854 году. На Кавказѣ же дѣло шло о существованіи.

Не знаю на сколько успѣлъ я высказать значеніе Кавказа для русской имперіи. Лично я убѣжденъ, что Кавказъ составляетъ половину всей политической будущности Россіи и потому естественно смотрю на дѣло съ этой точки зрѣнія.

Теперь спросите каждаго кавказскаго солдата 1855 года и каждаго закавказскаго уроженца, въ какомъ положеніи мы были на Кавказѣ зимой съ 1854 по 1855 годъ, во время вторженія Омеръ-Паши, когда на тифлисскомъ базарѣ не хотѣли мѣнять русскихъ ассигнацій. Здѣсь не мѣсто рисовать эту картину, для которой пришлось бы написать десять лишнихъ писемъ, но спросите и каждый вамъ отвѣтитъ, что въ то время оборона Кавказа противъ европейскаго союза лежала на 10-ти тысячахъ солдатъ безъ провіанта, собранныхъ около Кутаиса; и еслибы въ то время изъ 200 тысячъ союзниковъ, стоявшихъ въ бездѣйствіи на развалинахъ Севастополя, отдѣлили какой-нибудь сикурсъ Омеръ-Пашѣ, то исходъ войны не подлежалъ бы никакому сомнѣнію. Мы не могли соединиться. Десять тысячъ кутаисскихъ бойцовъ обложили бы себя трупами враговъ и сами легли бы костьми. А затѣмъ, Кавказъ былъ бы безвозвратно потерянъ для Россіи.

Отчего союзники не прислали сикурса Омеръ-Пашѣ, это теперь также достаточно извѣстно. Англія хотѣла перенести весной военныя дѣйствія на Кавказъ и даже послѣ взятія Севастополя усиливала свою армію сколько было возможно; Франція, достигшая въ то время своихъ цѣлей, рѣшилась покончить и заключила миръ. Этому только обстоятельству мы обязаны спасеніемъ Кавказа.

достаточно сильна, чтобы нанести рѣшительные удары перво-класной европейской державѣ.

Нечего было дожидаться второй восточной войны. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ заключенія парижскаго мира мы возобновили кавказскую войну, съ возможною энергіей, не съ тѣмъ, чтобы на этотъ разъ покончить. Началось непрерывное и рѣшительное семилѣтнее наступленіе, заключившееся прошлою весной исходомъ, котораго никакія случайности будущаго уже не передѣлаютъ.

Надобно сказать однакожъ, что если въ ту пору урокъ 1855 года былъ памятенъ для всѣхъ, и всѣ чувствовали необходимость покончить съ горцами во что бы ни стало, то это общее чувство нисколько еще не облегчало разрѣшенія дѣла. Я ссылаюсь на всѣхъ кавказцевъ 1856 года безъ исключенія: было ли тогда въ нашей арміи десять человѣкъ, которые бы вѣрили въ возможность близкаго покоренія горъ? А кавказская армія знала положеніе непріятеля и могла надѣяться на себя. Русское общество должно помнить, что покореніе Кавказа совершено длиннымъ рядомъ военныхъ подвиговъ; что не судьба и не утомленіе, какъ говорили нѣкоторые, а вѣрное энергическое направленіе, данное дѣламъ княземъ Барятинскимъ, поддержанное послѣдовательностію дѣйствій намѣстника его, великаго князя Михаила Николаевича, рѣшило судьбу Кавказа; что въ этомъ случаѣ невѣроятное по сужденію самой боевой арміи въ свѣтѣ, совершено съ безостановочнымъ успѣхомъ, свидѣтельствующимъ о вѣрности плана и энергіи исполненія. Неужели намъ нужно напоминать имена людей, оказавшихъ столь великія услуги отечеству?

Завоеваніе восточнаго Кавказа совершено въ три года. Плѣнъ Шамиля и покореніе прикаспійскихъ горъ избавили насъ отъ страшной домашней опасности, разъѣдавшей, какъ язва, внутренности Кавказа. Покуда вооруженный врагъ стоялъ посреди подвластнаго Россіи мусульманскаго населенія, пользуясь всѣмъ его сочувствіемъ, мы не были обезпечены ни въ одномъ днѣ спокойствія и должны были въ мирное время напрягать силы цѣлой арміи, чтобы только сдерживать покушенія непріятеля. Покончивши съ опасностію домашней, надобно было приступить съ такими же усиліями къ другой кавказской опасности, внѣшней, къ землѣ черкесовъ, манившей враговъ Россіи,

какъ открытыя ворота, въ самую сердцевину Кавказа. Въ три съ половиной года палъ и этотъ послѣдній притонъ врага.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію событій, рѣшившихъ судьбу западнаго Кавказа, я полагаю нужнымъ очертить особенный характеръ кавказской войны, то необыкновенное соединеніе всякаго рода матеріяльныхъ и нравственныхъ препятствій, о которое въ продолженіе полувѣка сокрушались усилія могущественной имперіи. Упорство сопротивленія превзошло всѣ ожиданія. До 1830 года Европа была убѣждена въ неодолимомъ превосходствѣ своего оружія надъ остальнымъ міромъ. Обученіе азіятцевъ регулярному строю, принятое въ послѣдствіи, нисколько не поколебало этого убѣжденія; регулярные полки, персидскіе, турецкіе и индійскіе, также не могли выдерживать натискъ европейцевъ, какъ въ прежнія времена не могли выдерживать его азіятскія скопища. Оказалось, что рѣшительный перевѣсъ европейскихъ войскъ зависѣлъ не только отъ ихъ тактическаго превосходства, но еще болѣе отъ неизмѣримаго превосходства нравственнаго. Естественно, что въ виду такихъ результатовъ, остальной міръ казался какъ бы безоружнымъ предъ Европой; его считали неспособнымъ къ серьезному сопротивленію, и потому въ тридцатыхъ годахъ алжирская война чрезвычайно всѣхъ удивила. Свидѣтели и участники наполеонскихъ войнъ не могли понять какимъ образомъ французская армія не можетъ одолѣть сопротивленіе полудикихъ горцевъ и кочевниковъ, какимъ образомъ даже побѣды ея остаются безплодными, какъ сегодняшній успѣхъ нисколько не облегчаетъ успѣха на завтра, какъ занятіе какихъ бы то ни было пунктовъ не усмиряетъ страны, между ними лежащей. После полутораста лѣтъ сокрушительнаго превосходства, европейцы встрѣтили, наконецъ, внѣ своей части свѣта серьезныхъ противниковъ и стойкое сопротивленіе. Дѣло было совершенно новое, но объяснялось просто. Посреди растлѣнныхъ государствъ азіятскаго міра, извѣстныхъ до того Европѣ, сохранились кой-гдѣ, въ мало-доступныхъ мѣстностяхъ, обрывки древнихъ населеній, которыхъ не коснулась язва, отравившая Востокъ; племена простыя, воинственныя, сильныя именно

отсутствіемъ всякой централизаціи, которыхъ потому невозможно было сокрушить однимъ ударомъ, а приходилось покорять человѣка за человѣкомъ. Люди эти мужествомъ равнялись европейцамъ, а превосходство регулярнаго оружія оказывалось часто безплоднымъ въ дикой мѣстности, гдѣ нельзя было дѣйствовать сомкнутымъ строемъ. Прошло много времени, пришлось претерпѣть много неудачъ, прежде чѣмъ примѣнились къ новымъ условіямъ войны. Кавказъ, также какъ и Алжирія, былъ въ военномъ отношеніи открытіемъ особеннаго рода; мы встрѣтили здѣсь азіятцевъ, которые, какъ воины, были вовсе не азіятцами; да кромѣ того, — такія сложныя мѣстныя условія, что они сбивали съ толку самыхъ опытныхъ военныхъ людей. Надобно вспомнить еще, что Алжирія только миніатюръ Кавказа. Въ нашей Алжиріи все, и природа и люди, далеко переросли размѣры французской. Тамъ — основаніемъ всѣмъ дѣйствіямъ служило море; у насъ—нужно было все перевозить степью; тамъ — приморская равнина, на которой регулярное войско сохраняло свои преимущества, а за нею узкая полоса Атласа, не достигающая высотой даже второстепенныхъ отроговъ Кавказа. Главный горный центръ Алжиріи, Большая Кабилія, въ которую французы не рѣшались вступить прежде чѣмъ не было покорено все вокругъ, несмотря на свое названіе, не больше чѣмъ отдѣльная группа Табасарани и Кайтага, которую мы даже не покоряли, которая пала сама какъ только былъ побѣжденъ восточный Кавказъ. Съ кавказскихъ вершинъ падаютъ ледяные завалы, не уступающіе массою любой горѣ Атласа; вмѣсто алжирскихъ рощъ, скаты Кавказа осѣняются темными первобытными лѣсами, въ нѣсколько десятковъ верстъ ширины и въ нѣсколько сотъ верстъ длины. Тутъ есть сосѣднія страны, до того разъединенныя вѣчными снѣгами, цѣлою Лапландіей поднявшеюся въ небо, что онѣ совсѣмъ не знаютъ одна другой. Всегда обледенѣлые перевалы; долины до того глубокія, что цѣлый день нужно спускаться ко дну ихъ; горныя рѣки, увлекающія каменныя глыбы какъ булыжникъ и такой ширины, что черезъ нихъ нельзя перекинуть другой мостъ кромѣ веревочнаго; тысячи котловинъ, въ которыя можно проникнуть только по козьей тропинкѣ, висящей между небомъ и землей,—вотъ театръ дѣйствій кавказской арміи, театръ имѣющій 1.200 верстъ длины отъ Чернаго до Каспійскаго моря и слишкомъ 200 верстъ ширины. Кавказскіе горцы во столько

же грознѣе алжирскихъ арабовъ и кабиловъ, во сколько окружающая ихъ природа громаднѣе африканской. Достаточно указать на одинъ фактъ. Никогда алжирцы не могли взять, сколько не пытались, ни одинъ блокгаузъ, ни одну деревянную башенку, защищаемую двумя десятками солдатъ. Кавказскіе горцы брали крѣпости, гдѣ сидѣлъ гарнизономъ цѣлый батальонъ, обрекшійся на смерть и бившійся до послѣдняго человѣка. Русскіе встрѣтили на Кавказѣ соединеніе всѣхъ препятствій въ людяхъ и въ природѣ, какія только можно представить, точно Кавказъ былъ нарочно устроенъ на сѣверномъ рубежѣ Азіи, чтобы навѣки оградить эту часть свѣта. Съ южной подошвы Кавказа начинается уже коренная—растлѣнная и беззащитная Азія.

Покореніе кавказскихъ горъ, какъ восточныхъ, такъ и западныхъ, требовало великаго таланта, необычайной энергіи со стороны руководителей, и не только мужества и опытности, но еще безграничнаго самопожертвованія со стороны войскъ. Всякій благоразумный человѣкъ можетъ разсудить, легко ли было исполненіе дѣла, на которое безплодно истощались, въ продолженіе сорока лѣтъ, постоянно возраставшія усилія громадной имперіи, не смотря на рѣшительную волю правительства кончить какъ можно скорѣе. Въ теченіе трехъ десятилѣтій, нѣсколько разъ подвигались мы впередъ и были вынуждены отступать передъ отчаяннымъ и часто очень искуснымъ сопротивленіемъ непріятеля. Можно положительно сказать, что въ 1856 г., когда началось непрерывное семилѣтнее наступленіе, заключившееся нынѣ безъусловнымъ покореніемъ горъ, мы стояли въ томъ же положеніи, въ какомъ застала насъ персидская война, не подвинувшись ни на шагъ впередъ. Непріятель же въ это время сдѣлалъ огромные успѣхи: развилъ силы, какихъ никогда не предполагали въ немъ, пріобрѣлъ твердую увѣренность въ себѣ, и на долю кавказской арміи выпало совершить дѣло въ десять разъ труднѣйшее, чѣмъ было оно вначалѣ.

Русская печать мало говоритъ о Кавказѣ, не зная его; но по этой же причинѣ въ ней раздаются по временамъ голословные приговоры кавказскимъ событіямъ. Не разъ уже мнѣ случалось читать отрывочныя сужденія объ истощеніи горцевъ, о паникѣ, распространившейся между ними послѣ восточной войны, облегчившей ихъ покореніе. На дѣлѣ мы не видѣли ничего подобнаго; горцы сопротивлялись сколько стало ихъ

силъ. Еще въ 1863 г.. горецъ, случайно отрѣзанный отъ своихъ и окруженный цѣлымъ отрядомъ, не сдавался и умиралъ съ оружіемъ въ рукахъ. Горскія скопища были также многочислены какъ прежде. Если подъ конецъ ими дѣйствительно овладѣла паника и они сдались массой, то потому только, что были доведены до невозможности защищаться. Не знаю, было ли бы въ тридцатыхъ или сороковыхъ годахъ встрѣчено сопротивленіемъ, или нѣтъ, исполненіе военныхъ плановъ князя Барятинскаго и великаго князя Михаила Николаевича. Но знаю навѣрное, и весь Кавказъ знаетъ это со мною, что еслибы мы дѣйствовали въ послѣднее время какъ въ тридцатыхъ или сороковыхъ годахъ, Кавказъ еще долго не былъ бы покоренъ.

Особенности кавказской войны были такъ рѣзки и многочисленны, что постоянно смущали, можно сказать—сбивали съ толку опытнѣйшихъ генераловъ, заслужившихъ справедливую репутацію въ европейскихъ войнахъ. Вопросъ «что дѣлать, чтобы нанести противникамъ рѣшительный ударъ?» долго стоялъ неразрѣшимою загадкой. Люди знаютъ только двѣ системы наступленія въ непріятельскую землю: быстрое вторженіе, съ тѣмъ чтобы побить дѣйствующія силы врага и захватить главные центры его земли, при чемъ сопротивленіе должно пасть само собою, и методическую войну, въ которой шагъ за шагомъ обрываютъ непріятельскую землю, утверждаясь прочно въ завоеванныхъ частяхъ, и оттѣсняютъ противника отъ окружности къ центру, пока наконецъ не доведутъ его до безсилія. Обѣ системы испытывались въ кавказской войнѣ и долго не приводили ни къ какому результату. Икчеринская экспедиція напримѣръ принадлежала къ системѣ вторженія. Наши войска ринулись массой въ горы, съ цѣлію занять резиденцію Шамиля и другіе пункты, считавшіеся самыми важными. Частная цѣль экспедиціи была достигнута, но вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что подобный успѣхъ не ведетъ ни къ чему. Нравственнаго потрясенія, подобное занятіе не производило, потому что непріятель зналъ, что чѣмъ дальше мы зайдемъ, тѣмъ скорѣе должны будемъ воротиться. Матеріяльныхъ результатовъ также не могло быть, потому что нашему отряду принадлежало только мѣсто, на которомъ онъ стоялъ. Пройденное пространство смыкалось за нами враждебнымъ поясомъ: за сто сажень въ сторону отъ лѣсной дороги, по которой вытягивалась колонна, непріятель былъ въ безопасности. Углубившись въ горы,

мы не могли оставаться въ занятыхъ пунктахъ, такъ какъ непріятель стоялъ на нашихъ сообщеніяхъ; самая страна не представляла никакихъ средствъ для продовольствія войскъ, а посылать за провіантомъ отдѣльныя колонны, въ виду горцевъ, сторожившихъ каждый шагъ нашъ, значило по большей части посылать ихъ на гибель, какъ неоднократно доказалъ опытъ. Вторженія въ горы, даже съ многочисленнымъ войскомъ, постоянно оказывались безплодною военною прогулкой, стоившею каждый разъ нѣсколькихъ тысячъ жертвъ. Съ 1846 года приняли систему методическаго, постепеннаго завоеванія. Но тутъ явилось другое затрудненіе. Какъ только мы начали дѣйствовать по такому плану, сосредоточивая массу подвижныхъ войскъ на одномъ пунктѣ, непріятель, не безпокоимый на остальномъ протяженіи своихъ предѣловъ, могъ также противупоставить намъ всѣ свои силы, и за обладаніе спорнымъ пунктомъ возгаралась борьба, стоившая непомѣрныхъ жертвъ; съ 1847 по 1849 годъ, осада одной деревни занимала все лѣто. Мы брали подъ рядъ горскіе аулы, зная, что за ними откроются ряды новыхъ ауловъ, изъ-за которыхъ прольются новые потоки крови. Завоеваніе Кавказа по этой системѣ приходилось разсчитывать геологическими періодами. Но надо было подумать, что покуда эта домашняя борьба раздирала нѣдра Кавказа, русское владычество въ краѣ зависѣло отъ всякой случайности.

Между тѣмъ кавказская война, каковы бы ни были ея особенности, не была чѣмъ-нибудь совершенно исключительнымъ; она требовала только, чтобъ общее, всѣмъ извѣстное дѣло вѣрно примѣнялось къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, какъ во всякой войнѣ. Только примѣненіе было здѣсь гораздо труднѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Вліяніе мѣстныхъ обстоятельствъ такъ усложняло дѣло, что установленіе вѣрно соображенной системы дѣйствій требовало большаго таланта, прочнаго опыта и сильнаго характера, условія, которыя не такъ часто соединяются въ одномъ лицѣ;—требовало неуклонной энергіи, неотступной послѣдовательности исполненія въ продолженіе семи лѣтъ, что̀ случается еще рѣже. Къ счастію, все это осуществилось.

Два главнокомандующіе, изъ которыхъ одинъ началъ, а другой кончилъ эту войну, дѣйствовали какъ одинъ человѣкъ, съ тою же энергіею, не отступая ни на шагъ отъ принятаго разъ плана завоеванія—примѣръ едва ли не единственный.

При этихъ же условіяхъ нуженъ былъ для покоренія горъ только опредѣленный срокъ времени, какъ очевидно доказало событіе.

При несомнѣнномъ тактическомъ превосходствѣ съ нашей стороны, каждый разъ когда мы знали положительно что хотимъ дѣлать, а потому заранѣе соображали средства съ цѣлію, мы всегда могли дойти куда хотѣли; могли на походѣ очищать мѣстность, рубить просѣки, разбрасывать дороги, строить укрѣпленія, однимъ словомъ, раскрывать непріятельскую страну такъ, чтобы въ послѣдствіи можно было проходить ее безъ большихъ усилій; непріятель, лишенный своихъ естественныхъ прикрытій, долженъ былъ или покориться, или бѣжать дальше въ горы. Частной цѣли похода можно было всегда достигнуть на извѣстномъ, ограниченномъ пространствѣ. Но въ тоже время было очевидно, что расчистить всѣ ущелія, занять всѣ аулы такой обширной страны—это превосходило средства самой многочисленной арміи, или требовало вѣковъ для своего исполненія. Вопросъ о покореніи Кавказа сводился стало быть на чисто-стратегическій, и состоялъ въ томъ, чтобы не раздробляя силъ и не разсыпаясь въ достиженіи частныхъ цѣлей, важныхъ только въ глазахъ мѣстныхъ начальниковъ, умѣть отъискать самыя чувствительныя для непріятеля мѣста и бить въ нихъ массой. Надобно было выбрать такія стороны для наступленія, такія линіи для движенія внутрь непріятельскаго края, овладѣніе которыми наиболѣе бы разъединяло и стѣсняло врага, намъ же позволяло бы дѣйствовать сосредоточенными силами, наивѣрнѣе бы обезпечивало послѣдующія движенія. Для того, чтобы приступить къ покоренію горъ, надобно было обдумать съ достаточною вѣрностію, заранѣе, всѣ шаги, отъ перваго до послѣдняго, потому что покуда горцы держались стойко, невозможно было думать объ измѣненіи операціонныхъ линій; надобно было держаться однажды принятаго направленія. Въ горахъ и лѣсахъ дорога прокладывается медленно, особенно когда все надобно было везти съ собою, до послѣдняго сухаря и до послѣдняго гарнца овса; ошибочный выборъ направленія одного только отряда стоилъ бы года потеряннаго времени и многихъ напрасныхъ жертвъ. Чтобы достигнуть цѣли, надобно было не ошибаться и видѣть за нѣсколько лѣтъ впередъ. Вѣрное стратегическое направленіе было не только главнымъ, но исключительнымъ условіемъ успѣха. Но въ этомъ

и состояло затрудненіе. Смотря на карту Кавказа — рябить въ глазахъ. Трудно разглядѣть что-нибудь въ этомъ лабиринтѣ ущелій и хребтовъ, въ этомъ хаосѣ скалъ и лѣсовъ, гдѣ для перехода въ нѣсколько верстъ изъ одной долины въ другую, надобно справляться не только о дорогѣ, но еще о времени года, о часѣ дня когда можно пуститься въ путь, — гдѣ всѣ условія движеній войскъ, сообщеній и продовольствія представляются въ несравненно болѣе сложномъ видѣ, чѣмъ на какомъ-либо другомъ военномъ театрѣ. Стратегія и на Кавказѣ оставалась стратегіей, только труднѣе она давалась. Не одни глаза изрядно разбиравшіе войну по картѣ Европы или Персіи съ Турціей, теряли эту способность, глядя на пеструю карту Кавказа.

Кромѣ большаго таланта, война эта требовала необыкновенной энергіи. Непремѣннымъ условіемъ для успѣха было дѣйствовать безостановочно. Имѣя дѣло съ непріятелемъ, силы котораго состояли не въ арміи, а въ самомъ населеніи, во всѣхъ взрослыхъ людяхъ, мы должны были заставить его постоянно быть подъ оружіемъ, чтобъ отнять у страны работниковъ, а стало быть и средства къ довольствію и возможность постоянно содержать сильные сборы предъ нашими аванпостами. Въ прежнее время, когда мы дѣйствовали и отдыхали періодически, въ удобное время, горцы, вообще очень умѣренные въ своихъ нуждахъ, имѣли время обезпечить себя на весь годъ и потомъ шли противъ насъ не только бодро, но весело. Война принимала видъ какого-то турнира, потѣшавшаго обѣ стороны. Совсѣмъ другой характеръ получила она, когда мы пошли впередъ не останавливаясь. Постоянно оттѣсняемые нашимъ наступленіемъ, не имѣя времени работать въ полѣ, теряя каждый мѣсяцъ часть своихъ пашень и пастбищъ, выгоняемые зимой на морозъ съ семействами, горцы стали видѣть въ войнѣ уже не удалую потѣху, а бѣдствіе. Непрерывное наступленіе русскихъ отрядовъ заставляло горскія общества отодвигаться все дальше въ глубь самыхъ высокихъ и безплодныхъ горъ, какъ сдѣлало бы медленное, но постоянно подымающееся наводненіе. Безустанное преслѣдованіе, возрастающая нужда, гибель семействъ и больше всего очевидность, что положеніе это каждый день будетъ становиться все хуже, сломили наконецъ сопротивленіе горцевъ. Но для того, чтобы довести ихъ до такого сознанія, надобно было совершить вещь безпримѣрную въ

военной исторіи—вести семь лѣтъ сряду непрерывное наступленіе, безъ одного дня отдыха, и это буквально. Вторую половину войны противъ черкесовъ Кубанской области, съ 1861 года до лѣта 1864, нельзя даже дѣлить на кампаніи; она вся была одною четырехъ-лѣтнею кампаніей, не ослабѣвавшею ни въ какое время года, ни въ морозъ, ни въ слякоть. За то черкесскія племена не успѣли даже заключить между собою твердый союзъ, сколько ни хлопотали о томъ, и пали отдѣльно подъ нашими ударами; за то объявленіе Англіи, что она не признаетъ русскаго владычества на Кавказѣ, обращено въ ничто быстротой нашихъ успѣховъ, какъ признался Пальмерстонъ въ полномъ парламентѣ *). Читатель не военный, не совершившій самъ многихъ походовъ, не пойметъ что̀ значатъ семь лѣтъ непрерывной кампаніи, въ продолженіе которой войска постоянно на бивакѣ подъ открытымъ небомъ, постоянно въ бою, на маршѣ или на работѣ съ заряженнымъ ружьемъ, не видя ни кровли, ни осѣдлой семьи; семь лѣтъ такой жизни, что промокши подъ холоднымъ дождемъ, нельзя высушиться иначе какъ дождавшись солнечнаго дня, и семь зимъ, въ продолженіе которыхъ ни разу не случится ощутить теплоту всѣмъ тѣломъ разомъ, а приходится грѣть передъ костромъ грудь, покуда стынетъ спина, и потомъ грѣть спину, оставляя стыть грудь: въ промежуткахъ боя рыть мерзлую землю, или, подъ полуденнымъ солнцемъ таскать на себѣ бревна, считая отдыхомъ только тѣ часы, когда служишь мишенью горскимъ винтовкамъ. Къ такимъ тягостямъ и къ такому самоотверженію способенъ въ свѣтѣ только русскій солдатъ. Но чтобы заставить даже русскаго солдата вынести подобную жизнь, нужно было начальникамъ всѣхъ степеней дѣлить ее съ ними, не жалѣя себя, а главное, нужно было вѣрно разсчитать каждый часъ и каждую подробность этого исполинскаго труда, чтобы не продлить срока дальше мѣры человѣческихъ силъ и не положить армію лоскомъ прежде достиженія цѣли. Въ этой войнѣ нельзя было ошибаться безнаказано ни въ матеріяльномъ разсчетѣ труда, ни въ чисто военныхъ соображеніяхъ; каждое ружье и каждый топоръ надобно было поставить на своемъ мѣстѣ и въ свое время; каждую подробность надобно было

*) Засѣданіе 26 мая 1864 г.

предвидѣть заранѣе и неусыпно наблюдать за ея исполненіемъ. Безъ напряженія всей энергіи, къ какой только способенъ человѣкъ, отъ главнокомандующаго до солдата, нельзя было ожидать успѣха. Только такою цѣной могъ намъ достаться Кавказъ, прежде чѣмъ какія-нибудь случайныя обстоятельства не перевернули всего положенія дѣлъ.

Кромѣ того, для успѣшности дѣйствій нужно было измѣнить сверху до низу весь порядокъ распредѣленія силъ и управленія кавказской арміи Въ 1856 году кавказскій военный театръ представлялъ странную мозаику, въ которой отражались всѣ прежнія системы, брошенныя въ теоріи, но оставившія слѣды свои во всѣхъ учрежденіяхъ и въ самомъ подраздѣленіи края. Устройство арміи выражало такимъ образомъ потребности не настоящаго времени, а давно минувшихъ лѣтъ. Почти весь подгорный край былъ разбитъ по управленію на мелкія клѣтки. подчиненныя, каждая, особому независимому начальнику; такъ что, не смотря на огромную численность войскъ, мы ни въ одномъ пунктѣ не были достаточно сильны ни для настойчиваго наступленія, ни даже для надежной обороны въ нѣкоторыхъ крайнихъ случаяхъ; соперничество между мѣстными начальниками заставляло каждаго изъ нихъ расчитывать только на свои силы: общія начальствованія, какъ напр. командующаго войсками на кавказской линіи, стали не болѣе какъ нарицательными. Дѣйствительное распоряженіе всѣми мелочами войска и управленіе сосредоточилось въ главномъ штабѣ, который не имѣлъ возможности слѣдить за правильнымъ ходомъ такого множества разнообразныхъ дѣлъ. Естественно, подобная организація власти не могла не отзываться на дѣлѣ безсвязностію дѣйствій. Наконецъ не было никакого общаго плана для управленія покорными и вновь покоряющимися горцами для уравновѣшенія различныхъ общественныхъ элементовъ, боровшихся въ средѣ ихъ, элементовъ, изъ которыхъ одни былъ благопріятны, другіе враждебны намъ и къ которымъ мы не могли, не должны были относиться равнодушно; тѣмъ болѣе, что состояніе мирныхъ имѣло величайшее вліяніе на умы непокорныхъ, на степень ожесточенности ихъ сопротивленія. Мы дѣйствовали одною силою оружія, безъ политики и отъ того вездѣ встрѣчали только враговъ и ни одного доброжелателя. хотя всѣ люди стараго порядка между горцами, подавленные

но еще не въ конецъ уничтоженные мюридизмомъ, могли представить намъ значительную точку опоры.

Съ 1856 года направленіе въ дѣлахъ измѣнилось разомъ и оттого все пошло иначе. Князь Барятинскій испросилъ новое раздѣленіе края на самостоятельные раіоны, вполнѣ соотвѣтствующіе топографіи страны и стратегическимъ цѣлямъ, надѣленные средствами для независимаго дѣйствія въ обширныхъ размѣрахъ и ввѣрилъ ихъ опытнымъ начальникамъ, поставленнымъ въ возможность и потому обязаннымъ неукоснительно содѣйствовать исполненію общаго плана. Новымъ положеніемъ обязанности были распредѣлены сообразно съ отвѣтственностію. такъ чтобы каждый, по возможности, утверждалъ своею подписью только тѣ дѣла, въ которыя онъ могъ вникнуть и за которыя потому долженъ былъ серіозно отвѣчать. Вмѣсто отрывочныхъ экспедицій предшествовавшаго времени началось общее, непрерывное наступленіе, отчего вдругъ ясно высказалось преимущество постоянной арміи передъ скопищами горцевъ, которые не могли выдерживать слишкомъ продолжительныхъ походовъ, потому что должны были сами содержать себя полевою работою. Положено основаніе разумной системы управленія покорными, обезпечившей ихъ участь и вслѣдствіе того привлекшей къ намъ тѣ элементы въ горскомъ союзѣ, которые не были непримиримо враждебны, какъ ясно высказалось при покореніи Чечни, а потомъ и въ Дагестанѣ. Въ то же время глубоко задуманная стратегическая система, состоявшая въ томъ, чтобы, наперекоръ установившимся мнѣніямъ, обойти съ тыла неприступный Дагестанъ, о который до тѣхъ поръ тщетно разбивались наши усилія, проникнуть въ незащищенную глубину его со стороны болѣе доступныхъ чеченскихъ горъ и потомъ покончить все однимъ сильнымъ и вѣрно расчитаннымъ ударомъ — увѣнчала наши надежды. Половина неодолимаго Кавказа была покорена. Но оставалась еще другая половина, къ которой до тѣхъ поръ, можно сказать, еще не приступали. Путь къ покоренію западнаго Кавказа казался еще болѣе загадочнымъ, чѣмъ къ покоренію восточнаго. Князь Барятинскій установилъ въ общихъ чертахъ планъ этого новаго завоеванія, но не успѣлъ еще приступить къ исполненію, какъ здоровье его, подорванное трудами боевой и постоянно напряженной жизни, которой онъ посвятилъ себя съ молодыхъ лѣтъ, пошатнулось. Но судьба уже приговорила конецъ этому тяжкому

испытанію Россіи. Дѣло на Кавказѣ не остановилось. Новый главнокомандующій великій князь Михаилъ Николаевичъ осуществилъ съ рѣдкою послѣдовательностію и твердостію надежды князя Барятинскаго и на вѣки установилъ русское владычество на кавказскомъ перешейкѣ.

Россія можетъ гордиться покореніемъ Кавказа не только какъ великимъ государственнымъ успѣхомъ, но еще болѣе какъ подвигомъ нравственнымъ, дающимъ мѣру того напряженія всѣхъ душевныхъ силъ, какого она можетъ ожидать отъ сыновъ своихъ. Кавказская армія и ея предводители показали себя достойными другъ друга. Кавказскій солдатъ явилъ свѣту соединеніе всѣхъ качествъ несравненнаго воина, вызывавшее искреннее удивленіе иностранныхъ офицеровъ, заѣзжавшихъ въ наши отряды; и кромѣ того, ту непреклонную твердость въ борьбѣ съ людьми и съ природой, тотъ буднишній, никогда не измѣняющій себѣ героизмъ, которые несравненно надежнѣе воспламенительности и энтузіазма, и въ хорошихъ рукахъ дѣлаютъ армію навѣрное непобѣдимою. Съ другой стороны, эти образцовыя войска были употреблены въ дѣло безспорно наилучшимъ образомъ. Рѣдко случается видѣть трудныя предпріятія, исполненныя съ совершеннымъ знаніемъ дѣла, въ которыхъ каждый шагъ соотвѣтствуетъ задуманной цѣли, безъ поправокъ, безъ оглядокъ, безъ напрасной растраты силъ; въ которыхъ каждая подробность исполненія сознательна, и ничего не предоставлено случаю. Таковы были послѣднія семь лѣтъ кавказской войны. Мы можемъ быть увѣрены, что Европа подтвердитъ это заключеніе, когда исторія этой войны будетъ изложена систематически. Подобные исключительные эпизоды вполнѣ сознательнаго, безупречно-искуснаго управленія великимъ общественнымъ дѣломъ, встрѣчаемъ съ удовольствіемъ даже въ чужой исторіи; въ отечественной же, они укрѣпляютъ душу, потому что могутъ служить залогомъ справедливой довѣренности народа къ своимъ силамъ.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Въ 1859 году палъ восточный Кавказъ. Среднія горы между Терекомъ и Кубанью, заселенныя на половину христіанскими племенами, были покорены еще при Ермоловѣ и князѣ Паске-

вичѣ. Оставалась независимою только нынѣшняя Кубанская область, страна очень обширная—отъ верхней Кубани почти до Керченскаго пролива; населенная двумя воинственными и хищными народами—адыгами (которыхъ мы прозвали черкесами) и абадзой, всего въ числѣ около полумилліона душъ *), кромѣ покорныхъ, жившихъ между Лабой и Кубанью. Закубанское населеніе дѣлилось на четыре главныя племени и нѣсколько мелкихъ. Четыре главныя были: 1) абадзехи, занимавшіе центральное положеніе по сѣверному склону хребта отъ истоковъ рѣки Бѣлой до Шебша; 2) шапсуги, на западъ отъ абадзеховъ, до рѣки Адагума на закатъ и до рѣки Псезуапсе на полдень, по обоимъ склонамъ хребта; 3) натухайцы еще западнѣе, въ треугольникѣ между Адагумомъ, Кубанью и моремъ; 4) убыхи на южномъ склонѣ хребта противъ абадзеховъ, между рѣками Псезуапсе и Мзымтой. Мелкія общества жили разсѣянно вокругъ этихъ большихъ: бжедухи между абадзехами и средней Кубанью; мохоши, егерухаевцы, темиргоевцы, бесленеевцы и другія адыгскія племена между Бѣлой и Лабой, передъ нашею военною линіей, прикрывая собою абадзеховъ. Горная полоса между покорнымъ Карачаемъ на истокахъ Кубани и истоками Бѣлой занята была абазинцами разныхъ наименованій. Наконецъ пространство между Убыхскою землей и Абхазіей заселяли нѣсколько мелкихъ обществъ абзазскаго происхожденія: джигеты, псху, ахчипсхоу, аибга. Непокорные горцы владѣли тремя стами верстъ морскаго берега, и потому доступъ въ ихъ страну былъ открытъ цѣлому свѣту. Наши силы въ Черномъ морѣ, послѣ размѣра, даннаго имъ парижскимъ трактатомъ, были далеко не достаточны для того, чтобы держать вочточный берегъ въ дѣйствительной блокадѣ. Всѣ недруги Россіи широко пользовались такимъ положеніемъ дѣлъ. Турція офиціяльно признавала кавказскихъ горцевъ русскими подданными, но имъ самимъ постоянно твердила другое. Турецкія начальства позволяли пріѣзжимъ горцамъ обращаться къ себѣ, какъ къ законной власти; турецкіе эмиссары наполняли закубанскій край; каждый паша, назначенный въ

*) Абадзеховъ 140 т., шапсуговъ 120 т., натухайцевъ 60 т., мохошевцевъ, егерухавцевъ, темиргоевцевъ; бесленеевцевъ, вольныхъ кабардинцевъ 40 т., бжедуховъ 30 т., убыховъ 25 т., абазинцевъ по ту и по сю сторону главнаго хребта 40 тыс.

одну изъ прибрежныхъ черноморскихъ областей, считалъ непремѣнною обязанностію написать прокламацію къ горцамъ; турецкіе пароходы подвозили къ кавказскимъ берегамъ шайки авантюристовъ, составлявшіяся въ Константинополѣ изъ разныхъ національностей и партій, враждебныхъ Россіи. Общественное мнѣніе въ Англіи поощряло эти противозаконные поступки. Посредствомъ этихъ англійскихъ складчинъ, нѣсколько разъ были заготовляемы для горцевъ матеріяльные запасы, нарѣзныя пушки, порохъ и проч. На англійскія деньги и подъ турецкимъ покровительствомъ главными дѣйствователями были, разумѣется, поляки. Предполагалось даже сформировать польскія войска на кавказскомъ берегу, и съ этою цѣлью въ 1861 году былъ выгруженъ въ Туапсе складъ польскихъ національныхъ мундировъ, амуниціи и ружей; думали набирать полки изъ дезертировъ-поляковъ кавказской арміи подъ предводительствомъ прибывшихъ эмигрантовъ. Однакожь дезертиры не явились; а горцы растащили заготовленные склады; шайки флибустьеровъ, высаженныя на кавказскій берегъ, таяли и разбѣгались. Тѣмъ не менѣе все, что можно было задумать зловреднаго противъ Россіи, было задумано и отчасти исполнено. Европа знакомилась понемногу съ непокорнымъ Кавказомъ. Въ случаѣ войны надобно ждать съ этой стороны самыхъ серіозныхъ покушеній.

Усилія недруговъ Россіи парализовались покуда безладицей, царствующей у закубанскихъ и береговыхъ горцевъ. Народы эти, имѣвшіе прежде сильную аристократическую организацію, свергли съ себя власть дворянства нѣсколькими послѣдовательными возстаніями, начавшимися съ конца прошлаго столѣтія, и не успѣли выработать новое общественное устройство *). Каждый свободный человѣкъ дѣлалъ что хотѣлъ, не признавая надъ собою власти; у нихъ какъ въ польской республикѣ одиночный голосъ равнялся по праву съ приговоромъ всего общества. Рѣшенія народныхъ собраній оста-

*) Конечно, въ домашнихъ революціяхъ закубанцевъ не принималъ участія ни одинъ европеецъ, и они даже не слыхали о томъ, что одновременно дѣлалось въ Европѣ. Но это совпаденіе оригинально. Точно будто въ атмосферѣ нашей планеты разносятся въ извѣстную эпоху однородныя идеи. Это совпаденіе явленій у народовъ, не имѣющихъ никакого соприкосновенія между собою —далеко не единственный примѣръ въ исторіи.

вались безъ дѣйствія вслѣдствіе укоренившейся анархіи. Все что могло общество сдѣлать противъ непослушнаго лица состояло въ томъ, что оно лишало его покровительства круговой поруки, объявляло внѣ закона, опредѣлявшаго цѣну крови; но такъ какъ горцы были связаны родовымъ началомъ и многочисленныя фамиліи, на которыя они дѣлились, считали себя солидарными относительно каждаго изъ своихъ членовъ, несмотря ни на какія народныя постановленія, то объявляемый внѣ закона нисколько не заботился о приговорѣ; поддержка многочисленныхъ родныхъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ мстить за него, была достаточною порукой за его безопасность. Очевидно, что при такомъ общественномъ устройствѣ, или, лучше сказать, отсутствіи устройства, между племенами также не могло существовать никакой политической связи. Самое существованіе племени обусловливалось только сознаніемъ кровнаго единства, тѣмъ, что составлявшія его фамиліи считали себя родственными и смыкались между собой въ болѣе тѣсный кругъ. Сверженное дворянство находилось не въ одинаковомъ положеніи у разныхъ племенъ. Вообще оно утратило всѣ свои привиллегіи и обязательно ничего не могло требовать отъ народа, кромѣ нѣкоторыхъ церемоній, этикета, строго удержавшихся въ обычаѣ. Политически оно ничего не значило; но въ иныхъ племенахъ за дворянами оставался еще блескъ стариннаго имени, и сохранилась нѣкоторая доля нравственнаго вліянія; въ другихъ же племенахъ, какъ напримѣръ у бжедуховъ, дворяне были изгнаны изъ ауловъ, отчуждены отъ народа и должны были жить особо поселками. Одно только право, худшее изо всѣхъ, прошло у закубанцевъ безъ измѣненій черезъ всѣ перевороты: право крѣпостное. Треть народа была въ рабствѣ. Всякій свободный человѣкъ могъ имѣть рабовъ, а дворянинъ не могъ существовать безъ нихъ, потому что личный трудъ считался для него стыдомъ и клалъ пятно на весь его родъ. Богатство значительныхъ фамилій мѣрялось исключительно числомъ рабовъ.

Во время высшаго своего могущества, Шамиль пытался подчинить закубанцевъ своей власти. Старанія его долго оставались безплодными. Агенты его не могли привести съ собой войска, такъ какъ Закубанье отдѣлялось отъ восточныхъ горъ обширною страной, давно покорною русскимъ; проповѣдь мюридизма также не имѣла большаго вліянія на людей, остав-

шихся и до сихъ поръ мусульманами только по имени; общественная анархія, неприкосновенность личнаго права, долго препятствовали соединенію черкесовъ въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Но послѣдній изъ агентовъ Шамиля, наибъ его Мегметъ-Аминь, былъ счастливѣе своихъ предшественниковъ. Онъ ловко воспользовался неурядицей и племеннымъ соперничествомъ между горцами и составилъ себѣ сильную партію между абадзехами; потомъ былъ выгнанъ оттуда и укрылся у убыховъ, которые хотя не покорились ему ни въ этотъ разъ, ни въ послѣдствіи, но дали вспомогательное войско, съ помощію котораго онъ поддержалъ свою партію у абадзеховъ и заставилъ, наконецъ, этотъ народъ признать свое верховное начальство. До паденія Шамиля и послѣдовавшихъ затѣмъ событій, Мегметъ-Аминь властвовалъ, хотя въ довольно ограниченномъ смыслѣ, на пространствѣ отъ Шебша до Лабы, надъ абадзехами, бжедухами и мелкими абазинскими обществами, жившими на востокъ отъ Бѣлой. Онъ пытался основать религіозное мюридское государство по образу шамилевскаго, но не достигъ этого идеала даже на половину. Мюридизмъ, съ его все поглощающимъ и все замѣняющимъ фанатизмомъ не привился къ закубанцамъ. Казни, совершенныя Магметъ-Аминемъ, были не жертвоприношеніями, какъ казни Шамиля, предъ божественною властію котораго жертвы сами склоняли голову, а нечаянными убійствами. При содѣйствіи своей партіи, Мегметъ-Аминь добилъ политически остатки черкескаго дворянства, ввелъ у абадзеховъ нѣкоторыя обрядности мюридизма, взыскивалъ положенную шаріятомъ духовную подать на мечеть и собиралъ войско противъ русскихъ: этимъ ограничивалась его власть. Въ послѣдствіи распространеніе проповѣдей его стало оказывать вліяніе на шапсуговъ съ нотухайцами и тѣснѣе связало ихъ въ сопротивленіи противъ насъ; можетъ быть, власть Мегметъ-Аминя расширилась бы по немногу; но Турція, считавшая первымъ интересомъ поддерживать на Кавказѣ непокорныхъ горцевъ, сама же сдѣлала непростительную ошибку противъ своей политики, выставивъ Мегметъ-Аминю соперника въ лицѣ натухайскаго князя Сеферъ-паши. Человѣкъ этотъ, имѣвшій когда-то вліяніе между соплеменниками, жилъ уже около тридцати лѣтъ въ Адріанополѣ. Турецкое правительство, не довольствуясь тѣмъ, что мюриды признавали верховный имаметъ султана, желало болѣе дѣйствительной вла-

сти надъ черкесами; во время восточной войны оно выкопало этого человѣка и съ титуломъ паши отправило его къ черкесамъ. Униженное закубанское дворянство ухватилось за эту новую власть, въ надеждѣ возстановить сколько нибудь свои права. Въ короткое время Сеферъ-паша пріобрѣлъ начальство, впрочемъ болѣе номинальное, надъ шапсугами и натухайцами. Между нимъ и Мегметъ-Аминемъ произошла междоусобная война, имѣвшая слѣдствіемъ окончательное ослабленіе авторитета и того и другаго. По смерти Сеферъ-паши, сынъ его не наслѣдовалъ мимолетныхъ правъ его. Надъ Мегметъ-Аминемъ, власть котораго была уже потрясена этимъ соперничествомъ, разразилось кромѣ того паденіе Шамиля со всѣми своими послѣдствіями. Мегметъ-Аминь былъ только наибомъ своего имама. Съ паденіемъ послѣдняго изсякалъ источникъ его власти, или онъ долженъ былъ самъ принять званіе имама, полновластнаго повелителя, въ самое неудобное время, когда даже присвоенныя имъ права наибства расшатались отъ междоусобія. Новый Шамиль находился въ самомъ неопредѣленномъ положеніи въ ту именно минуту, когда всѣ свободныя силы кавказской арміи собирались на Кубани для рѣшительнаго наступленія. Онъ ухватился за первый представившійся предлогъ, чтобы выйдти изъ этого положенія; послѣдствіемъ чего былъ достаточно извѣстный договоръ съ абадзехами. Чрезъ годъ потомъ Мегметъ-Аминь покинулъ бывшее свое наибство и переселился въ Турцію, награжденный русскою пенсіей. Турецкое правительство добилось своими интригами только того, что закубанскіе горцы, предметъ самой тревожной его заботливости, остались въ критическую минуту, когда на нихъ готовы были обрушиться всѣ силы кавказской арміи, болѣе разъединенными и несогласными чѣмъ когда нибудь.

Усилія имперіи для покоренія Закубанскаго края начались немедленно послѣ присоединенія его отъ Турціи по адріанопольскому трактату. До тѣхъ поръ ходили иногда набѣгомъ въ Черкесскую землю въ отместку за набѣги горцевъ, и дѣло тѣмъ ограничивалось. Война открылась походомъ подъ личнымъ начальствомъ главнокомандовавшаго кавказскимъ корпусомъ князя Паскевича въ 1830 году. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе восьми лѣтъ, главныя силы дѣйствовали постоянно въ землѣ черкесовъ. Наступленіе производилось съ суши и съ моря. Со стороны Кубани, войска исходили всю черкесскую лѣсную

плоскость и даже часть горъ отъ Геленджика къ Анапѣ; сожгли много ауловъ, на другой же день отстроенныхъ вновь; основали нѣсколько укрѣпленій, скоро покинутыхъ, потому что снабженіе ихъ продовольствіемъ черезъ непріятельскую землю отвлекало слишкомъ много силъ; потеряли множество людей и не достигли даже малѣйшаго результата. Второй, третій, десятый походъ въ тѣ же мѣста встрѣчалъ то же сопротивленіе, отъ того же непріятеля, жившаго на тѣхъ же мѣстахъ. Блестящіе походы генерала Вельяминова, блестящіе въ тактическомъ отношеніи, какъ военная школа, остались совершенно безплодными относительно цѣли и оставались бы такими еслибъ повторялись еще двадцать лѣтъ, по самой сущности дѣла, какъ я старался изобразить ее въ предыдущемъ письмѣ. Со стороны моря наши войска заняли постепенно, съ содѣйствіемъ черноморскаго флота, устья главныхъ ущелій восточнаго берега и выстроили рядъ приморскихъ укрѣпленій. Наступленіе со стороны моря оказалось столь же безуспѣшнымъ, какъ и со стороны суши; шестнадцать батальйоновъ, разставленные вдоль берега въ семнадцати укрѣпленіяхъ и фортахъ, не могли сдѣлать шага за брустверъ, таяли отъ болѣзней и, не принося никакой пользы, могли считаться какъ бы не существующими въ итогѣ кавказскихъ силъ. Появленіе непріятельскаго флота въ Черномъ морѣ заставило поспѣшно отозвать эти войска и взорвать укрѣпленія, стоившія столько труда, денегъ и людей. Конечнымъ послѣдствіемъ значительныхъ усилій, предпринятыхъ на западномъ Кавказѣ съ 1830 по 1839 годъ, оказалось лишь то обстоятельство, что въ восточныхъ горахъ, почти забытыхъ все это время, мюридизмъ разлился до такой степени, что основалъ государство, грозившее сбыть насъ съ Кавказа. Съ 1839 года до 1859, въ продолженіе двадцати лѣтъ, всѣ усилія были направлены противъ Шамиля. Западный Кавказъ, за исключеніемъ войскъ береговой линіи, поглощенныхъ гарнизонами, остался при мѣстныхъ казачьихъ войскахъ и нѣсколькихъ батальйонахъ. При сформированіи новой кавказской дивизіи въ 1846 году, только одинъ пѣхотный полкъ былъ оставленъ въ районѣ Прикубанской страны.

За неимѣніемъ войскъ для экспедицій, съ 1840 года, въ этой части края прибѣгли къ системѣ заселенія передовыхъ линій, скромные результаты которой скоро оказались гораздо болѣе положительными, чѣмъ шумные и безплодные походы

предыдущаго періода. Совершая движеніе съ опредѣленною цѣлію; имѣя вслѣдствіе того возможность вѣрно различать нужныя средства, занимая постепенно позиціи не слишкомъ удаленныя отъ основанія нашихъ дѣйствій, мы не представляли непріятелю никакихъ шансовъ успѣха и не рисковали большою потерей; а между тѣмъ прочно подвигались впередъ. Черезъ нѣсколько времени лагерь превращался въ станицу, которая въ послѣдствіи могла сама защищать себя. Когда выростало такимъ образомъ нѣсколько станицъ въ одномъ направленіи, онѣ составляли передовую военную линію; занятая часть края дѣлалась русскою. Это было тоже историческое разростаніе русскаго народа, въ головѣ котораго всегда были казаки, подарившее государству девятью десятыми его территоріи, отъ Оки до Чернаго моря, Сыръ-Дарьи и Амура, но только разростаніе, направляемое и поддерживаемое правительствомъ.

Устройство станицъ на непріятельской землѣ требовало всякій разъ особаго отряда, а военныя средства Прикубанскаго края были не велики въ сороковыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ, и потому дѣло подвигалось медленно. Въ 1840 году началось занятіе станицами Лабинской линіи, значительно сокращавшей протяженіе нашихъ кордоновъ и закрѣплявшей за нами обширное пространство земли, населенной полупокорными обществами. Ко времени назначенія главнокомандующимъ князя Барятинскаго занятіе этой части края не было еще окончено: но были заселены уже 15 станицъ и сформирована новая казачья бригада Лабинская, изъ двухъ полковъ.

Позвольте мнѣ теперь небольшое отступленіе. Въ нашей печати не разъ уже было говорено, что образованіе новыхъ казаковъ въ настоящее время не возможно, что оно могло происходить только само собою въ прежнее время, но что правительственныя мѣры въ этомъ случаѣ производятъ лишь вооруженныхъ крестьянъ, а вовсе не казаковъ. Очевидно, что говорящіе такимъ образомъ не знакомы съ тѣми, кто въ настоящее время наиболѣе заслуживаетъ имени казаковъ,—съ линейцами. Я вспомнилъ эти разсужденія именно по поводу упомянутой новой бригады, лабинской, и другой новой, сунженской, не говоря о послѣднихъ поселенныхъ полкахъ, которые еще слишкомъ новы. Обѣ эти бригады выросли на нашихъ глазахъ. Ядромъ ихъ служили линейные казаки, вызываемые по жребію изъ старыхъ полковъ, населеніе которыхъ переросло опре-

дѣленную пропорцію; но гораздо большая часть поселенцевъ состояла изъ женатыхъ солдатъ, государственныхъ крестьянъ и разныхъ неосѣдлыхъ людей, искавшихъ себѣ новаго рода жизни; линейцы служили только закваской, безъ которой, какъ извѣстно, и хлѣбъ не поднимается. Черезъ нѣсколько лѣтъ новые казаки стали образцовыми. Изъ западнаго европейца никакими средствами не сдѣлаешь казака. Французскіе офицеры, присланные своимъ правительствомъ на Кавказъ для примѣненія въ Алжиріи нашихъ кордонныхъ линій, признавались, что дѣло это у нихъ не примѣнимо, что французъ не выдержитъ такой жизни и нѣтъ у него той жилки, изъ которой выливается казачья душа. Даже изъ поляковъ, сидѣвшихъ надъ степью, не выходило казаковъ. Но въ русской натурѣ до сихъ поръ живетъ еще столько кочеваго, рискованнаго, такъ влечетъ ее къ удалымъ приключеніямъ, такъ сроденъ ей просторъ и вольный разгулъ, что русскій человѣкъ, забредшій на одну изъ нашихъ украинъ, просыпается казакомъ. Русскіе не идутъ разработывать дикое поле въ одиночку, какъ американцы фаръ-вестъ; у насъ натура общежительная, мы живемъ роями; за то эти рои готовы идти хоть на край свѣта и дѣйствуя міромъ, разомъ вносятъ Россію въ самую чуждо-враждебную страну. У Россіи были бы обрѣзаны крылья, если бы въ ней изсякъ источникъ казачества. Передъ нами слишкомъ много еще кочевыхъ ордъ и безмѣрныхъ пространствъ, въ которыхъ будущія русскія губерніи спятъ покуда, какъ младенецъ въ утробѣ материнской. Къ счастію, на русскихъ украинахъ выростаютъ еще настоящіе казаки. Сунженцы и лабинцы не только стали поголовно удалыми казаками и бойкими джигитами, но, что составляетъ пробный оселокъ истинно-боеваго войска, приняли уже своебразный видъ, отличаемый опытнымъ глазомъ, выработали себѣ особый оттѣнокъ въ ряду другихъ линейныхъ полковъ, какъ въ мирной жизни, такъ и въ боевыхъ привычкахъ. Сунженцы и лабинцы теперь уже кровные казаки. Иные полки изъ линейцевъ превосходятъ ихъ въ томъ или другомъ отношеніи, но ни одинъ не превосходитъ ихъ въ итогѣ военныхъ качествъ.

Возвращаюсь къ предмету. Со времени присоединенія Закубанскаго края къ Россіи по трактату 1829 года до 1856, мы подвинулись только съ Кубани на Лабу и заняли двѣ трети теченія этой рѣки. Съ 1856 года дѣло пошло скорѣе, но все

еще имѣло видъ приготовительной работы. Покуда война на восточномъ Кавказѣ поглощала наличныя силы арміи, въ Закубанскомъ краѣ надобно было обходиться мѣстными средствами и думать только объ устройствѣ прочнаго основанія для будущихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Для занятія Кубанскаго края, названнаго правымъ крыломъ, была сформирована 19-я пѣхотная дивизія; кромѣ того, находились тамъ пять линейныхъ батальйоновъ и казачьи войска. Эти ограниченныя силы надобно было раздѣлить еще на три части, для исполненія трехъ операцій, требуемыхъ видами будущаго. Дѣйствія открылись одновременно осенью 1857 года на двухъ оконечностяхъ и въ центрѣ Закубанскаго края: при обширности военнаго театра надобно было приготовить нѣсколько исходныхъ пунктовъ. Всѣ три операціи были окончены въ срокъ къ 1860 году, къ покоренію восточнаго Кавказа, когда главныя силы арміи сосредоточились на Кубани.

Восточный отрядъ, раздѣленный на нѣсколько колоннъ, раскрылъ дорогами предгорную полосу между Кубанью и Лабой, заселилъ ее станицами, составившими новую казачью бригаду Урупскую, и рядомъ военныхъ дѣйствій принудилъ къ покорности мелкія абхазскія племена, гнѣздившіяся въ горахъ позади этой бригады, на истокахъ двухъ Зеленчуковъ, Урупа и Лабы. Большая часть вновь покорившихся горцевъ, до тѣхъ поръ постоянно тревожившихъ съ тыла Лабинскую линію, тогда же ушла въ Турцію. Наши линіи между Лабой и Кубанью образовали такимъ образомъ плотно замкнутый со всѣхъ сторонъ, безопасный внутри треугольникъ, изъ котораго можно было открыть наступленіе, не безпокоясь больше о своемъ тылѣ.

Центральный отрядъ подъ начальствомъ командующаго войсками генерала Козловскаго, двинулся съ нижней Лабы къ урочищу Майкопу, гдѣ рѣка Бѣлая вытекаетъ изъ предгорій, и основалъ тутъ укрѣпленную штабъ-квартиру кубанскаго пѣхотнаго полка, передъ самою гущей абадзехскаго населенія. Горцы сопротивлялись сильно; исполненіе этого предпріятія стоило намъ значительныхъ потерь. За то владѣніе Майкопомъ позволяло въ послѣдствіи, помимо многихъ приготовительныхъ дѣйствій, перенести войну прямо въ землю абадзеховъ, самаго могущественнаго изъ черкесскихъ племенъ.

Западный отрядъ, названный адагумскимъ, двинулся съ

нижней Кубани. Рядомъ непрерывныхъ дѣйствій зимой и лѣтомъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, отрядъ этотъ овладѣлъ линіей отъ Кубани до Новороссійской бухты, по рѣчкѣ Адагуму и Неберджайскому ущелью, и отрѣзалъ такимъ образомъ натухайцевъ, заключенныхъ въ углу между Кубанью и моремъ, отъ сосѣдей ихъ шапсуговъ. Двѣ опустошительныя зимнія экспедиціи сокрушили упорство этого племени, разъединеннаго съ соплеменниками. Въ январѣ 1860 года натухайцы принесли покорность.

Кромѣ того, въ этотъ же періодъ времени были покорены бжедухи, считавшіеся прежде полумирными, но перешедшіе на вражескую сторону въ началѣ восточной войны. Замиреніе этого племени значительно облегчило охраненіе средне-кубанской линіи. Когда палъ восточный Кавказъ, мы имѣли уже на западномъ три прочныя основанія, съ которыхъ можно было предпринять завоеваніе непокорной страны; съ востока — Лабинскую линію, съ запада Адагумскую, въ центрѣ Майкопъ.

Въ подкрѣпленіе войскамъ Кубанской области были двинуты съ восточнаго Кавказа и изъ Закавказьи $16^1/_2$ стрѣлковыхъ баталіоновъ, всѣ драгунскіе полки, а потомъ еще 8 баталіоновъ резервной кавказской дивизіи. Въ послѣдствіи, изъ Кубанской области были отозваны 4 стрѣлковые баталіона въ безпокойную Чечню, но взамѣнъ ихъ даны остальные 8 баталіоновъ резервной дивизіи. Въ этомъ размѣрѣ войска оставались до конца 1863 года.

Сосредоточеніе войскъ и заготовленіе огромныхъ матеріальныхъ средствъ, нужныхъ при обширности замышляемыхъ дѣйствій, требовали однакоже времени. Нельзя было кончить всѣ приготовленія раньше слѣдующаго года. До тѣхъ поръ надобно было продолжать войну съ прежними средствами.

Осенью 1859 года генералъ Филипсонъ, замѣнившій генерала Козловскаго въ командованіи войсками Кубанской области, двинулся съ отрядомъ съ Лабинской линіи къ верховьямъ Фарса (между Лабой и Бѣлою). Паденіе Шамиля произвело уже въ это время свое дѣйствіе, если не на массу закубанскихъ горцевъ, то на болѣе разумныхъ предводителей ихъ и больше всѣхъ на Мегметъ-Аминя. Абадзехи не были до такой степени запуганы, чтобъ искать спасенія въ безусловной покорности, но естественно желали уклониться отъ готовившихся имъ ударовъ хоть временно, хоть для того, чтобы приготовиться

къ оборонѣ и согласиться на счетъ дѣйствій съ сосѣдями. Къ этому присовокупились личныя затрудненія Мегметъ-Аминя, о которыхъ я говорилъ выше. Онъ видѣлъ непрочность захваченной власти, сомнѣвался въ исходѣ борьбы, сокрушившей самаго Шамиля, и боялся за свое богатое имущество. Мегметъ-Аминю не трудно было склонить старшинъ къ заключенію съ русскими условій замиренія, которыя, не обязывая абадзеховъ ни къ чему особенному, остановили бы готовившееся наступленіе; другой вопросъ, насколько намъ было выгодно принимать отъ абадзеховъ покорность, на условіяхъ, ими же продиктованныхъ?

Но командующій войсками тѣмъ не менѣе согласился на эти обременительныя условія, дававшія намъ въ замѣнъ вынужденнаго бездѣйствія и неопредѣленной отсрочки въ усмиреніи Кавказа только одну номинальную покорность. 20 ноября 1859 года въ урочищѣ Хомасты генералъ Филипсонъ принялъ отъ Мегметъ-Аминя и старшинъ присягу вѣрности абадзехскаго народа на слѣдующихъ условіяхъ (представляю вкратцѣ, но подлинными словами):

Абадзехи клянутся въ вѣрности императору всероссійскому на вѣчныя времена.

Они принимаютъ на себя обязательства:

1) Повиноваться начальству, которое будетъ надъ ними поставлено. 2) Хищничествъ въ предѣлахъ Россіи не производить, а виновныхъ въ томъ открывать. 3) Съ непокорными племенами въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ не участвовать. 4) Людей неблагонамѣренныхъ у себя не держать. 5) Русскихъ бѣглыхъ возвращать.

Выдаютъ нѣсколькихъ аманатовъ. (Эта послѣдняя мѣра давно уже была оставлена на Кавказѣ, какъ ни къ чему не ведущая).

Они выговариваютъ себѣ права:

1) Неприкосновенность вѣры и свободный отъѣздъ въ святыя мѣста. 2) Освобожденіе навсегда отъ всякихъ податей, повинностей рекрутства и обращенія въ казачье сословіе. 3) Тѣмъ изъ нихъ, которые пожелаютъ, дозволяется служить въ Россіи, и они могутъ быть увѣрены, что служба ихъ безъ вознагражденія не останется. 4) Права всѣхъ сословій абадзехскаго народа остаются неприкосновенными. 5) Земля остается навѣки ихъ собственностію и никакая часть ея не будетъ за-

нята подъ станицы. 6) Крѣпостные остаются во владѣніи господъ, и если кто изъ нихъ убѣжитъ, то русское начальство должно возвратить его хозяину. 7) Абадзехамъ предоставляется устроить управленіе по своему вѣковому обычаю; для завѣдыванія абадзехами будетъ назначенъ особый русскій начальникъ. 8) Этотъ начальникъ можетъ вступаться въ народныя дѣла въ тѣхъ только случаяхъ, если увидитъ измѣнническія дѣйствія или ему будутъ жаловаться на совѣтъ старшинъ, составляющихъ управленіе.

Въ договорѣ не было сказано ни слова о тысячахъ русскихъ плѣнныхъ и бѣглыхъ, находившихся въ Абадзехской землѣ.

Условія, заключенныя съ абадзехами, названы въ присяжномъ листѣ милостію, которую ген. Филипсонъ объявилъ имъ отъ себя.

Переговоры продолжались только три дня. Главнокомандующій получилъ донесеніе о заключеніи договора вмѣстѣ съ подписаннымъ уже присяжнымъ листомъ.

Очевидно, въ этомъ договорѣ покорность абадзехскаго народа составляла только заглавіе; прочія условія нисколько не показывали покорныхъ. Можно было сомнѣваться притомъ, чтобъ даже такія снисходительныя условія были выполнены абадзехами; чтобъ на перекоръ всѣмъ народнымъ понятіямъ они считали себя связанными подписью Мегметъ-Амини и нѣсколькихъ старшинъ. Командующій войсками представлялъ, что даже наружное замиреніе этого народа облегчитъ намъ завоеванія края тѣмъ, что обезпечивая Лабинскую линію, позволитъ сосредоточить всѣ силы противъ непокорныхъ шапсуговъ. Но на такомъ планѣ нельзя было основать систематически свои дѣйствія. Трудно было ждать, чтобъ абадзехи остались равнодушными зрителями уничтоженія своихъ сосѣдей, съ тѣмъ чтобы сдаться потомъ безусловно на произволъ побѣдителя; возстаніе же ихъ во время войны, основанной на довѣріи къ ихъ покорности, заставило бы внезапно и съ чрезвычайными затрудненіями переносить опять свое военное и продовольственное основаніе съ нижней Кубани на Лабу и бросать все совершенное за время войны. Такъ случилось и безъ возстанія абадзеховъ, какъ только привели въ исполненіе раціональный планъ дѣйствій. Идти впередъ, подставляя флангъ многочисленному племени, которое могло внезапно перейдти къ непріяз-

неннымъ дѣйствіямъ, было бы дѣломъ вовсе не военнымъ. Наконецъ покореніе восточнаго берега, составлявшее главную цѣль войны, было бы даже немыслимо въ тылу непочатыхъ, стоящихъ подъ ружьемъ абадзеховъ.

Пока на Кавказѣ воевали такимъ образомъ, т. е. пренебрегали стратегическими соображеніями, принимались за второстепенное, обходя главное и, надѣясь единственно на тактическое превосходство, шли не оглядываясь на препятствія, оставляемыя въ тылу и во флангѣ, до тѣхъ поръ Кавказъ оставался неодолимымъ. Истина эта давно была всѣми сознана, но только въ массѣ войскъ, дѣйствовавшихъ на восточномъ Кавказѣ. Кубанская область жила въ то время еще старыми преданіями.

Съ какой стороны ни смотрѣть на договоръ 20-го ноября, онъ былъ для насъ только бременемъ и двухгодовою задержкой.

Но совсѣмъ иное дѣло было заключать абадзехскій договоръ, и совсѣмъ иное отвергнуть его, когда онъ былъ уже заключенъ. Въ текущую минуту неудобство уничтожить закрѣпленныя условія далеко превышало невыгоду признать за абадзехами преувеличенныя права, которыя они имъ предоставляли. Во-первыхъ, отвергнуть торжественно заключенный договоръ, подписанный командующимъ войсками, хотя бы превысившимъ въ этомъ случаѣ свои права, значило лишиться навсегда довѣрія горцевъ. Во вторыхъ, не было бы даже добросовѣстно отринуть только что принесенную абадзехами клятву вѣрноподданства и насильно заставлять ихъ драться; такой образъ дѣйствій, хотя и оправдываемый обстоятельствами, непремѣнно возбудилъ бы въ Россіи большое недоумѣніе *). Въ третьихъ, нельзя было совершенно пренебречь единственною выгодой, представляемою договоромъ, положить конецъ роли, которую Мегметъ-Аминь игралъ до тѣхъ поръ въ Закубанскомъ краѣ и окончательно разъединить предводимыхъ имъ горцевъ. Наконецъ, что всего важнѣе, невзгоды абадзехскаго договора

*) Французское правительство было поставлено однажды въ такое точно положеніе: маршалъ Бюжо, покоритель Алжиріи, тогда еще простой генералъ и губернаторъ Оранскій, заключилъ съ только что оперившимся Абдель-Кадеромъ договоръ въ Тафнѣ, совершенно подобно абадзехскому. Правительство осталось чрезвычайно недовольно договоромъ, однакожъ утвердило его.

не касались настоящей минуты. Планъ завоеванія западныхъ горъ, развитый потомъ съ такою рѣдкою послѣдовательностью, былъ въ то время еще проектомъ; исполненіе же его фельдмаршалъ предполагалъ ввѣрить графу Евдокимову, занятому покуда первоначальнымъ устройствомъ только что покоренной Чечни. Приготовленія къ сильному наступленію далеко еще не были кончены. Нечего было, поэтому, торопиться войной; можно было облегчить задачу до той минуты, когда исполненіе ея будетъ отдано въ сильныя руки испытаннаго начальника, и всѣ средства будутъ готовы. Главнокомандующій счелъ за лучшее не отвергать заключенныхъ условій и обратить покуда дѣйствующія войска противъ шапсуговъ. Первоначальный, планъ завоеванія нисколько не былъ измѣненъ, но исполненіе, его отсрочено на нѣкоторое время. Можно было спокойно ожидать, когда абадзехи сами нарушатъ условіе, а до тѣхъ поръ пользоваться ихъ бездѣйствіемъ, чтобы нанести возможно сильные удары шапсугамъ, не придавая, однакожъ, этой операціи слишкомъ большаго значенія, считая ее лишь временною *).

---

*) Генералъ Филипсонъ помѣстилъ возраженіе въ Московскихъ Вѣдомостяхъ противъ этого письма, немедленно послѣ того, какъ оно было напечатано. Къ сожалѣнію я не могу перемѣнить ни слова изъ всего сказаннаго, потому что сказанное не только вѣрно, но извѣстно, въ такой же мѣрѣ какъ мнѣ, двухъ-сотъ тысячной арміи и цѣлому краю. Абадзехи никогда не покорялись, но заключили съ командующимъ войсками условія, выгодныя для нихъ и обременительныя для насъ, отдалившія на два года покореніе Кавказа, что могло быть намъ гибельно, если-бъ въ 1863 году вспыхнула война, которой всѣ ждали въ ту пору. Абадзехи, по старинному кавказскому выраженію, замирялись, т. е. перестали открыто ходить на насъ войною; такимъ образомъ въ былое время замиряли нѣсколько разъ Шамиля, разумѣется только на бумагѣ; подобные договоры, прозванные маслагатами, давно уже обратились въ пословицу. Дѣйствительно же абадзехи ни въ какой мѣрѣ не подчинялись русской власти, что будетъ очевидно для читателей изъ слѣдующихъ короткихъ фактовъ: 1) Они не впускали въ свою землю ни одного русскаго и менѣе всѣхъ приставленнаго къ нимъ начальника. 2) Они не допустили къ пограничной чертѣ даже начальника главнаго штаба кавказской арміи и стрѣляли въ него. 3) Земля ихъ оставалась послѣ замиренія, какъ и прежде, притономъ для нашихъ дезертировъ, турецкихъ эмиссаровъ и всякихъ европейскихъ бродягъ. 4) Вслѣдъ за договоромъ адъютантъ генерала Филипсона и потомъ еще одинъ топографъ, посланные для обозрѣнія маленькаго пограничнаго куска покорившейся земли, могли пробраться черезъ него не иначе, какъ переодѣтыми, по лѣснымъ тропамъ, и въ сопровожденіи подкупленныхъ лазутчиковъ. 5) Черезъ полтора года потомъ депутація абадзехскихъ старшинъ, которую я самъ со

На мѣстѣ, гдѣ былъ заключенъ договоръ, въ урочищѣ Хамкеты, построено укрѣпленіе, имѣвшее въ послѣдствіи довольно

сопровождалъ въ Тифлисъ, объявили рѣшительно главному начальству, что народъ ихъ неможетъ уступить іоты болѣе условій, предложенныхъ генералу Филипсову и принятыхъ имъ. 6) Вслѣдъ за тѣмъ, во время Высочайшаго путешествія по Кубанской области, абадзехскіе старшины представили лично могущественнѣйшему монарку міра, нашему Великому Государю тѣже условія съ добавленіемъ просьбы, чтобы русскіе очистили весь край до Кубани и Лабы; на требованіе же выдачи нашихъ плѣнныхъ и бѣглыхъ, они даже не отвѣчали. Довольно мало вѣроятно, чтобъ абадзехи были уступчивѣе передъ генераломъ Филипсономъ, чѣмъ были они при этомъ великомъ случаѣ, если-бъ все вышесказанное позволяло еще сомнѣваться въ томъ.

Возможность покоренія загорнаго края на основаніи предложеннаго генераломъ Филипсовомъ плана дѣйствій, т. е. обходя абадзеховъ, онъ старается доказать тѣмъ, что въ послѣдствіи шапсугскіе отряды перешли горы по предположеннымъ имъ путямъ, между тѣмъ какъ въ **послѣдствіи** было совершено буквально противоположное: именно—сначала сломили абадзеховъ, что и позволило безопасно двинуть шапсугскіе отряды къ морю. Такимъ родомъ доказательства легко доказать, что угодно.

Ссылка на одобреніе фельдмаршала вѣрна въ такой степени, что въ состоявшемся въ тоже время планѣ дѣйствій для покоренія Западнаго Кавказа, договоръ 20-го ноября и мнимая покорность абадзеховъ не были приняты даже во вниманіе.

Наконецъ, что же значила кровопролитная война противъ абадзеховъ, рѣшившая участь Западнаго Кавказа, если покореніе 20-го ноября 1859 г, было чѣмъ нибудь не только на бумагѣ, но на самомъ дѣлѣ?

Планъ завоеванія Закубанскаго края не принялъ его даже во вниманіе. Зачѣмъ же было намъ воевать со всѣмъ закубанскимъ населеніемъ, если мы могли воевать только съ половиною его? Одно изъ двухъ: или планы кн. Барятинскаго, планы и подвиги Великаго Князя и графа Евдокимова, поддержанные сознательнымъ убѣжденіемъ цѣлой арміи, были возбуждены однимъ ненасытнымъ честолюбіемъ, ставившимъ ни во что русскую кровь; или абадзехи никогда не покорялись серіозно и ихъ должно было принудить къ тому силою. Рядъ фактовъ, ясныхъ какъ солнце и голословное утвержденіе генерала Филипсона не могутъ стоять на одной доскѣ. Я бы охотно пропустилъ этотъ эпизодъ, если-бъ то было возможно; но мнимое покореніе абадзеховъ два года тяготѣло надъ положеніемъ нашихъ дѣлъ на Кавказѣ, обусловливало всѣ наши дѣйствія въ теченіе этого времени. Не могъ же я писать фантастическую исторію.

Я помѣстилъ эту выноску только для читателей. совершенно незнакомыхъ съ Кавказомъ. Полемика можетъ состояться о мнѣніяхъ, а не о фактахъ, о которыхъ желающіе могутъ справиться въ Военномъ Журналѣ или спросить у ста тысячъ русскаго войска, дѣйствовавшаго въ Закубанскомъ краѣ, если ужъ великая государственная мѣра, какъ абадзехская война, не составляетъ для нихъ достаточнаго доказательства, чтобъ рѣшить, кто правъ въ этомъ дѣлѣ.

важное стратегическое значеніе. Абадзехи жаловались на занятіе этого пункта, какъ нарушеніе договора, однако же не препятствовали работамъ.

Дѣйствія противъ шапсуговъ продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ, до назначенія графа Евдокимова командующимъ войсками Кубанской области, и не принесли большихъ плодовъ. Изъ многочисленныхъ операцій этого періода только раскрытіе мѣстности отъ Екатеринодара къ горамъ, по теченію Афипса и Шебша, съ заложеніемъ укрѣпленій Григорьевскаго и Димитріевскаго, осталось въ послѣдствіи какъ положительный результатъ. Нѣсколько просѣкъ было вырублено въ шапсугской землѣ, но систематическое соединеніе ихъ въ одну линію, открывавшую намъ путь вдоль предгорій отъ Адагума до Шебша, совершенно уже въ зиму 1860—61 г., при графѣ Евдокимовѣ, отрядами генераловъ Карцева (нынѣ начальникъ главнаго штаба арміи) и князя Мирскаго.

Поведеніе абадзеховъ за это время было двусмысленно, хотя невраждебно; тѣмъ не менѣе, очевидно оказалась невозможность основывать на ихъ номинальной покорности какіе-либо дальнѣйшіе планы. Въ первые мѣсяцы послѣ договора, абадзехи дѣйствительно сдержали своихъ разбойниковъ, вліяніе ихъ обуздало также мелкія адыгскія племена между Лабой и Бѣлой, и на обѣихъ нашихъ линіяхъ—верхнекубанской и лабинской—стало гораздо спокойнѣе. Но, понемногу, закубанцы воротились къ своимъ привычкамъ, и разбои стали усиливаться, особенно со стороны мелкихъ племенъ, хотя абадзехи стояли на томъ, что и эти племена включены въ договоръ; въ шапсугскихъ партіяхъ также стали показываться абадзехи. Но, кромѣ того, даже офиціально, абадзехскіе старшины показали, что они считаютъ обузданіе хищниковъ единственною обязательною для себя статьей договора. Они замкнули отъ насъ свою сторону, не впуская въ нее ни одного русскаго безъ исключенія, даже назначеннаго къ нимъ пристава; не допускали ни малѣйшаго вмѣшательства съ нашей стороны въ свои народныя дѣла; а между тѣмъ принимали, какъ прежде, всякихъ враждебныхъ намъ людей, нашихъ бѣглыхъ, турецкихъ эмиссаровъ и европейскихъ авантюристовъ. Требовать уступокъ отъ старшинъ было бы дѣломъ излишнимъ; они не могли сладить съ народомъ.

Въ сентябрѣ 1860 года генералъ-адъютантъ графъ Евдоки-

мовъ былъ назначенъ командующимъ войсками Кубанской области, и въ то же время окончательно рѣшенъ планъ завоеванія и заселенія русскими западнаго Кавказа, исполненный въ послѣдствіи. Громадность такого предпріятія требовала большихъ матеріальныхъ приготовленій, заставлявшихъ отложить начало дѣйствій еше на нѣсколько мѣсяцевъ. Притомъ у насъ было сильно уваженіе къ данному слову, надъ которымъ французы или англичане, имѣя дѣло съ варварами, не задумались бы пяти минутъ; мы ожидали случая, который явно выказалъ бы враждебность абадзеховъ, не хотѣвшихъ ни воевать, ни покоряться.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Цѣль и образъ дѣйствія въ задуманной войнѣ были совсѣмъ иныя, чѣмъ при покореніи восточнаго Кавказа и во всѣхъ предшествовавшихъ походахъ.

Исключительное географическое положеніе черкесской страны на берегу европейскаго моря, приводившаго ее въ соприкосновеніе съ цѣлымъ свѣтомъ, не позволяло ограничиться покореніемъ населявшихъ ее народовъ въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Не было другаго средства укрѣпить эту землю за Россіею безспорно, какъ сдѣлать ее дѣйствительною русскою землей. Мѣры, пригодныя для восточнаго Кавказа, не годились для западнаго. Горькій опытъ шестидесятилѣтней войны научилъ насъ осторожности.

Долгое время кавказское начальство ограничивалось при покореніи горскихъ племенъ отобраніемъ отъ нихъ аманатовъ и назначеніемъ къ нимъ русскаго пристава. Постоянно оказывалось, что покорность въ такомъ видѣ была лишь маской, болѣе вредною для насъ, чѣмъ открытая вражда. Горскія общества присягали на подданство, чтобъ отклонить отъ себя неровную борьбу, когда перевѣсъ съ нашей стороны становился очевиднымъ. Затѣмъ они назывались мирными; старшины ихъ получали жалованье и подарки; но молодежь ихъ постоянно наѣзжала на разбой въ наши предѣлы вмѣстѣ съ явными врагами и ходила помогать противъ насъ непокорнымъ. Послѣ всякаго дѣла, въ мирныхъ аулахъ, ни вѣсть откуда появлялись раненые. Наше управленіе всегда оказывалось безсильнымъ

противу круговой поруки, составлявшей основу общественнаго быта горцевъ. Но хуже всего было то, что эта мнимая покорность убаюкивала русское начальство и отвлекала вниманіе отъ населеній, называвшихся мирными, а на дѣлѣ нисколько за нами не закрѣпленныхъ. Всякая оплошность съ нашей стороны, всякая случайность, развлекавшая наши силы, всегда служили сигналомъ къ возстанію мирныхъ. Покорные во время затишья, когда возстаніе могло быть немедленно подавлено, они становились чрезвычайно опасными въ трудныя для насъ минуты, именно въ то время, когда спокойствіе ихъ было всего нужнѣе, чтобы свободно располагать войсками. Между тѣмъ всякое возстаніе, въ какихъ бы ничтожныхъ размѣрахъ оно ни началось, всегда было одинаково опасно, какъ пожаръ на пороховомъ заводѣ; нельзя было опредѣлить заранѣе предѣловъ, на которыхъ оно остановится, или вѣрнѣе, предѣлы эти зависѣли только отъ степени нашей энергіи; иначе каждая искра кончалась бы всеобщимъ пожаромъ. Все кавказское мусульманство было связано одною порукой, все оно было насквозь проникнуто, подъ названіемъ мюридизма, самыми зажигательными ученіями, представлявшими тройной характеръ религіознаго фанатизма, мистическаго масонства и самаго революціоннаго демократизма,—ярость первобытныхъ мусульманъ, 1793 годъ и карбонаризмъ вмѣстѣ. Не легко было сдерживать открытою силой чудовище мюридизма, до сихъ поръ еще показывающее несомнѣнные признаки жизни. При такомъ расположеніи нѣсколькихъ милліоновъ народа, пламя бунта находило вездѣ самый горючій матеріялъ, а потому всякую минуту, на всякомъ пунктѣ, можно было ожидать взрыва. Вы видѣли изъ предшествующихъ писемъ чего намъ стоило сдержать Кавказъ во время восточной войны. Боевая, испытанная, на все готовая 280-ти-тысячная армія, съ которою можно было разгромить весь материкъ отъ Египта до Японіи, была на вѣсахъ европейской политики обращена въ нуль враждебною независимостію и двуличною покорностію кавказскихъ населеній.

Очевидно, надобно было завоевать горы разъ навсегда, какихъ жертвъ подобное завоеваніе ни стоило бы и намъ и туземному населенію. Покорность горцевъ, оставляемыхъ съ оружіемъ въ рукахъ посреди скалъ и лѣсовъ, нисколько не обезпечивала будущаго, безъ самыхъ крутыхъ мѣръ, требующихъ постояннаго присутствія военной силы; иначе первая внѣшняя

война могла поднять ихъ и возстановить прежнее положеніе, которое стало бы тѣмъ опаснѣе, чѣмъ было бы неожиданнѣе. Въ кавказскихъ горахъ почти нѣтъ общества, которое по нѣскольку разъ не бывало бы мирнымъ, и не стоптало бы столько же разъ своей клятвы. Чтобы достигнуть прочнаго результата, надобно было положить коренную разницу между замиреніемъ и покореніемъ горцевъ; надобно было завоевать не только населеніе, но землю, служившую ему крѣпостію.

Въ этомъ отношеніи, какъ и во всемъ остальномъ, положеніе вещей было совсѣмъ иное на западномъ Кавказѣ, чѣмъ на восточномъ. Начиная съ того, что лезгины и чеченцы были уже пріучены къ повиновенію, сплочены въ общественное тѣло властію Шамиля: русскому государству нужно было побороть имама, стать на его мѣсто, чтобы повелѣвать этими народами. На западномъ Кавказѣ приходилось имѣть дѣло съ каждымъ человѣкомъ отдѣльно; надобно было бы покорять закубанцевъ по одному, и покоряя, учреждать у нихъ гражданскій порядокъ, котораго они не знали. Потомъ, прикаспійская группа горъ лежитъ въ глубинѣ нашихъ владѣній, далеко отъ границы, можно сказать въ захолустьѣ. Населенія лезгинъ и чеченцевъ некуда сдвинуть массою. Небольшіе участки свободной земли по Тереку и въ восточной части Ставропольской губерніи не могутъ вмѣстить третьей части всего чеченскаго племени; а вокругъ Лезгистана нѣтъ даже пяди незанятыхъ земель. Кромѣ того нельзя было и думать о заселеніи Дагестана русскими. Только туземцы могутъ мириться съ необычайно дикою природой этой страны, исключительною даже въ кавказскихъ горахъ. Чечня и Дагестанъ не омываются моремъ, чрезъ которое покоренное населеніе могло бы понемногу уйдти въ другія мѣста. Наконецъ географическое положеніе восточнаго Кавказа давало правительству возможность быть гораздо снисходительнѣе къ его населеніямъ, чѣмъ къ жителямъ черноморскаго прибрежья. Дагестанъ и Чечня внутреннія области, огражденныя широкимъ поясомъ русскихъ владѣній отъ всякаго враждебнаго покушенія; никакая непріятельская армія не придетъ ихъ бунтовать. Даже во время восточной войны, несмотря на шаткость тогдашняго положенія дѣлъ въ краѣ, хотя опасались предпріятій Шамиля противъ нашего тыла, но нисколько не опасались, чтобы внѣшній врагъ могъ подать ему руку, или чтобы Шамиль подалъ руку внѣшнему врагу: съ

Чернаго моря и даже съ турецкой границы слишкомъ далеко до Дагестана. По всѣмъ этимъ причинамъ можно было ограничиться простымъ покореніемъ лезгинъ и чеченцевъ, не требуя поголовнаго выселенія ихъ съ мѣстъ жительства, и даже нельзя было сдѣлать иначе. Но въ частности, въ ограниченныхъ предѣлахъ, необходимость подобной мѣры выселенія была сознана и при завоеваніи восточныхъ горъ; въ 1858—59 г. замирившееся населеніе Большой и Малой Чечни было сведено съ предгорій на плоскость, на которой оно жило прежде. Общаго передвиженія не позволяла мѣстность и не требовали обстоятельства.

Надо сказать и то, что въ этихъ горахъ, когда наши силы были развлечены между восточнымъ и западнымъ Кавказомъ, когда самые опытные люди не вѣрили еще близкому окончанію горской войны и планъ конечнаго покоренія Кавказа зрѣлъ въ умѣ одного человѣка, истребленіе горцевъ, поголовное изгнаніе ихъ вмѣсто покоренія, было еще дѣломъ немыслимымъ. На Восточномъ Кавказѣ ограничились по необходимости занятіемъ завоеванной земли; учредили надъ горцами разумное управленіе, приноровленное къ дѣйствительнымъ потребностямъ страны и русской власти; привлекли лучшую молодежь въ нашу службу, стали раскрывать горы хорошими дорогами, занимать главные стратегическіе пункты прочными укрѣпленіями, предоставляя времени, выгодному труду, возникающимъ новымъ потребностямъ, постоянному соприкосновенію съ образованіемъ, укротить дикій характеръ горцевъ и обратить ихъ въ мирныхъ и трудолюбивыхъ людей. Система эта ведетъ къ цѣли вѣрно, хотя медленно; она требуетъ положительнаго занятія покоренной страны войсками, чтобы сейчасъ же подавить всякую попытку къ возстанію. Но въ горахъ восточнаго Кавказа она одна только и возможна. Можетъ быть и тамъ еще будетъ необходимо передвинуть нѣкоторыя части населенія, но все же въ видѣ частной мѣстной мѣры, ограниченной извѣстною мѣстностію. Масса населенія всегда останется тамъ на своихъ вѣковыхъ мѣстахъ.

Совсѣмъ другое дѣло съ западнымъ Кавказомъ. Тотъ же главнокомандующій князь Барятинскій, удовольствовавшійся приведеніемъ къ покорности лезгинъ и чеченцевъ, поставилъ цѣлію войны на западномъ Кавказѣ безусловное изгнаніе черкесовъ изъ ихъ горныхъ убѣжищъ. Новый главнокомандующій,

Великій Князь Михаилъ Николаевичъ совершенно раздѣлялъ этотъ взглядъ и довелъ покореніе до такой полноты результата, какой, можетъ быть, никогда еще не было видано.

Между восточнымъ и западнымъ Кавказомъ существовала та коренная разница, что черкесы, по своему приморскому положенію, никакимъ образомъ не могли быть прочно закрѣплены за Россіей, оставаясь въ своей родной странѣ. Надобно было вести кровавую, продолжительную, чрезвычайно дорого стоившую войну для того только, чтобы подчинить закубанцевъ русскому управленію на время мира, въ полной увѣренности, что первый выстрѣлъ въ Черномъ морѣ опять подыметъ ихъ противъ насъ и обратитъ въ ничто всѣ прежнія усилія. Перевоспитать народъ есть дѣло вѣковое, а въ покореніи Кавказа главнымъ элементомъ было именно время, данное намъ, можетъ быть, въ обрѣзъ, можетъ быть въ послѣдній разъ, для исполненія одной изъ жизненныхъ задачъ русской исторіи. Было бы черезчуръ легкомысленно надѣяться передѣлать въ данный срокъ чувства почти полумилліоннаго варварскаго народа, искони независимаго, искони враждебнаго, вооруженнаго, защищаемаго неприступною мѣстностію, предоставленнаго постоянному вліянію всей суммы враждебныхъ Россіи интерсовъ. Послѣ отрицанія Англіею самаго права нашего владычества на Кавказѣ, послѣ безчисленныхъ интригъ и покушеній Турціи, послѣ явнаго пристрастія выказаннаго къ черкесамъ французскимъ посольствомъ въ Константинополѣ, мы не могли разсчитывать на время. Подчиненіе горцевъ русской власти нисколько не избавило бы насъ отъ иноземныхъ интригъ въ этомъ краѣ. Мы не имѣли возможножности присмотрѣть за каждой деревней и даже въ мирное время горцы развѣ только назывались бы русскими подданными. Въ случаѣ же войны Кубанская область стала бы открытыми воротами для вторженія непріятеля въ сердце Кавказа. При первомъ слухѣ о войнѣ пришлось бы ставить кавказскую армію на ту же ногу какъ въ 1855 году и видѣть ее столь же парализованною и безсильною какъ тогда. Такое покореніе не стоило великихъ жертвъ, необходимыхъ для достиженія цѣли; оно даже не стоило никакой жертвы. Намъ нужно было обратить восточный берегъ Чернаго моря въ русскую землю и для того очистить отъ горцевъ все прибрежье. Для исполненія такого плана надо было сломить и сдвинуть съ мѣста другія массы заку-

банскаго населенія, заграждавшія доступъ къ береговымъ горцамъ. Конечно, война веденная съ такою цѣлію, могла вызвать отчаянное сопротивленіе и потому требовала съ нашей стороны удвоенной энергіи,—надобно было истребить значительную часть закубанскаго населенія, чтобы заставить другую часть безусловно сложить оружіе,—но за то побѣда кончала все разомъ. Принимая на себя исполненіе этого громаднаго дѣла, графъ Евдокимовъ говорилъ: «первая филантропія — своимъ; я считаю себя «въ правѣ предоставить горцамъ лишь то, что останется на «ихъ долю послѣ удовлетворенія послѣдняго изъ русскихъ интересовъ.» Такъ и было сдѣлано.

Изгнаніе горцевъ изъ ихъ трущобъ и заселеніе западнаго Кавказа русскими, таковъ былъ планъ войны въ послѣдніе четыре года. Русское населеніе должно было не только увѣнчать покореніе края, оно само должно было служить однимъ изъ главныхъ средствъ завоеванія; ряды станицъ должны были непосредственно подвигаться за войсками. Боевымъ полкамъ предстояло выбивать непріятеля изъ его убѣжищъ, прокладывать дороги, строить станичныя ограды и, если ставало времени, даже дома для поселянъ; казакамъ-переселенцамъ—отстаивать за своими оградами новую русскую землю и обрабатывать поля, обагренныя еще свѣжею кровью. Каждый шагъ впередъ долженъ былъ сопровождаться устройствомъ новыхъ станицъ. Горцы сейчасъ же поняли опасность, которою грозилъ имъ новый образъ дѣйствій. Они говорили: «укрѣпленіе — это камень брошенный въ полѣ, вѣтеръ и дождь «снесутъ его; станица, это растеніе, которое впивается въ «землю корнями и понемногу охватываетъ поле». Безъ сомнѣнія, исполненіе плана общаго заселенія страны, совершаемаго подъ огнемъ ожесточеннаго врага, было сопряжено съ величайшими затрудненіями, которыя можно было отвратить только безошибочною предусмотрительностію. Съ ежегодными планомъ военныхъ операцій, съ обширностію страны, которую предполагалось отбить у непріятеля, надобно было соображать за годъ впередъ, пропорціональное количество населенія, мѣста откуда его можно привлечь, должную соразмѣрность элементовъ, чтобы населеніе это представляло задатки хорошаго военнаго развитія, матеріальныя средства, нужныя для его водворенія, денежныя средства. образъ передвиженія черезъ об-

ширныя и опасныя пространства, провіантъ, лечебныя пособія, и все это въ размѣрахъ, до тѣхъ поръ невиданныхъ, для нѣсколькихъ десятковъ тысячъ душъ разомъ. Надобно было предварительно разработать глухую страну сообразно съ предполагаемымъ распредѣленіемъ населенія. По прибытіи поселенцевъ на мѣста, нужно было довольно продолжительное время зорко охранять ихъ отъ непріятеля, потому что нельзя было переѣхать изъ станицы въ станицу безъ колонны, выйдти въ поле безъ прикрытія. Удовлетвореніе самыхъ жизненныхъ потребностей въ новыхъ поселеніяхъ надобно было ежеминутно соображать съ военными операціями, съ передвиженіемъ войскъ. Трудъ былъ гигантскій и требовалъ неусыпной заботливости.

Положеніе о заселеніи предгорій западнаго Кавказа утверждено Высочайше 10-го мая 1862 года; но исполненіе по этому плану началось за годъ ранѣе. Предъ этимъ линейскіе полки, находившіеся въ районѣ Кубанской области, соединены съ черноморскими казаками въ одно войско подъ названіемъ кубанскаго.

Сначала было предположено двинуть впередъ населенія цѣлыхъ полковъ, оставшихся въ заднихъ, давно уже удаленныхъ отъ непріятеля линіяхъ. При этомъ, кромѣ особаго пособія переселенцамъ, полагалось вознагражденіе по оцѣнкѣ за недвижимое имущество, котораго они не успѣютъ сбыть въ частныя руки въ теченіе опредѣленнаго срока. Въ прежнее время заселеніе передовыхъ линій происходило именно такимъ образомъ. Казакамъ объявлялся Высочайшій указъ и они цѣлымъ полкомъ передвигались впередъ. Въ 1861 году къ перенесенію были назначены 1-й Хоперскій полкъ и нѣкоторыя станицы бывшаго черноморскаго войска. Чтобъ ускорить дѣйствія, воля правительства была объявлена назначеннымъ въ переселеніе еще до воспослѣдованія Высочайшаго указа. Для казаковъ, жившихъ уже десятки лѣтъ на своихъ мѣстахъ, переселеніе цѣлыми станицами показалось разорительнымъ, какъ ни было оно выгодно въ военномъ отношеніи и какъ ни было оно хорошо вознаграждаемо правительствомъ; они уперлись на томъ обстоятельствѣ, что царская подпись имъ не показана. Въ 1-мъ Хоперскомъ полку и въ Черноморіи произошли волненія, впрочемъ весьма различнаго характера. У хоперцевъ они были чисто народнымъ движеніемъ, шумнымъ и кратковременнымъ; въ Черноморіи же сопротивленіе высказалось какъ обдуманный

планъ, было искусственно вызвано высшимъ классомъ. Въ этой странѣ подстрекателями внезапнаго сопротивленія новымъ порядкамъ были люди жившіе злоупотребленіемъ старыхъ, не хотѣвшіе выйдти изъ замкнутаго, почти отчужденнаго положенія бывшаго черноморскаго войска. Волненіе улеглось скоро, само собою безъ крупныхъ мѣръ; предоставленныя переселенцамъ льготы были довольно значительны, и необходимость переселенія для окончанія дѣла, лежавшаго на сердцѣ каждаго кавказца, такъ очевидна, что должна была открыть глаза казакамъ. Чрезъ нѣсколько недѣль можно было бы двинуть ихъ на назначенныя мѣста, не встрѣчая никакого противодѣйствія. Тѣмъ не менѣе произошла остановка, вслѣдствіе великодушнаго рѣшенія правительства, исходатайствованнаго въ пользу ослушниковъ самимъ же кавказскимъ начальствомъ. Мѣстная власть, облеченная почти что полномочіемъ, имѣвшая всѣ средства немедленно подавить мимолетное упорство, не придавая ему никакой важности въ глазахъ правительства, увидѣла сама, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ упорствующіе были правы, хотя не всѣ источники ихъ побужденій были чисты,—и добровольно созналась въ ошибкѣ. Какъ ни выгодна была предположенная мѣра въ военномъ отношеніи, какъ ни важно было ускорить переселеніе, и хотя сами упорствующіе покорились безусловно послѣ нѣсколькихъ дней волненія, но тѣмъ не менѣе переселеніе массами было отложено до новаго положенія, которое должно было принять во вниманіе частные интересы, обойденные прежнимъ постановленіемъ. Признавъ справедливость нѣкоторыхъ жалобъ ослушниковъ, ихъ уже не хотѣли считать преступными; кромѣ нѣсколькихъ временныхъ арестовъ, за этимъ дѣломъ не послѣдовало никакихъ наказаній. Черезъ всю исторію проходятъ сцены, въ которыхъ мы видимъ силу, уступающую передъ силой еще большей, неосторожно ею вызванной; но рѣдко случается видѣть силу, добровольно сознающую свою ошибку; такими чертами никакой европейскій народъ не избалованъ.

По новому положенію рѣшено было заселить закубанскую страну отъ сѣверныхъ ея предѣловъ до главнаго хребта и рѣки Мокупсе, впадающей въ Черное море. Распоряженіе землями Убыховъ и Абазинцевъ, лежащихъ южнѣе этой черты, не было включено въ первоначальный проектъ, исполненіе котораго казалось тогда, и справедливо, достаточно громаднымъ. Означенное выше пространство дѣлилось на двѣ части: южная по-

лоса, лежащая въ предгорьяхъ и горахъ, 1.360,000 десятинъ, удобныхъ для хозяйства, назначалась для казаковъ; сѣверная, примыкающая къ Кубани и Лабѣ, 1.014,000 десятинъ—для горцевъ, которыхъ должно бы вытѣснить на плоскость. Въ проектѣ предполагалось основательно, какъ доказало потомъ событіе, что значительная часть горцевъ не захочетъ подчиниться русской власти и уйдетъ въ Турцію. Остающіеся, поселенные въ назначенныхъ имъ открытыхъ мѣстахъ, не могли уже быть опасными.

Обширныя пространства, вновь отводимыя казакамъ, превосходятъ своимъ плодородіемъ и обиліемъ всѣхъ хозяйственныхъ статей, лучшія земли въ имперіи. Земельный отводъ былъ отъ 20 до 30-ти десятинъ на душу. Для населенія назначенной казакамъ земли требовалось 17,000 семействъ, свыше 100,000 душъ обоего пола. Вызовъ ихъ былъ раздѣленъ слѣдующимъ образомъ:

Отъ кубанскаго войска	12,400	сем.
» азовскаго	800	»
» донскаго.	1,200	»
» государственныхъ крестьянъ . . .	2,000	»
» женатыхъ солдатъ кавказской арміи.	600	»
	17,000	»

Кромѣ того 170 офицерскихъ казачьихъ семействъ и неопредѣленное число охотниковъ, а въ случаѣ надобности даже все азовское войско, такъ какъ залишней земли оставалось достаточно.

Заселеніе должно было совершиться въ нѣсколько лѣтъ, по первоначальному проекту — въ шесть. Каждый годъ, смотря по успѣху нашего оружія, должно было назначать къ будущему году извѣстное число переселенцевъ, и весною отправлять ихъ въ путь, такъ чтобы къ 15-му мая они были на мѣстахъ.

Положено было прежде всего вызывать охотниковъ и затѣмъ только назначать по жеребью недостающее число семей изъ казачьяго населенія, съ предоставленіемъ имъ права нанимать за себя другихъ. Недвижимое имущество, которое переселяемые не успѣвали сбыть въ частныя руки, войско оставляло за собой по оцѣнкѣ.

Пособіе поселенцамъ было ассигновано изъ государственнаго казначейства и войсковаго кубанскаго капитала. Изъ обо-

нчъ источниковъ вмѣстѣ оно составляло,—съ пособіемъ на вооруженіе:

Для семейства офицерскаго	435 р.	71½	к.
» » казачьяго	156 »	42⁶/₇	»
» » крестьянскаго	122 »	14½	»
» » солдатскаго	121 »	43¹/₇	»

Кромѣ того выдавалось пособіе по разнымъ статьямъ 6 р. 40 к. на душу въ общественныя суммы; переселенцы получили въ пути кормовыя деньги; на церковь каждой станицѣ отпускалось 10 т. руб.

Вышедшіе на поселеніе добровольно, то-есть охотники, получали, внѣ общественнаго земельнаго надѣла, въ полную потомственную собственность, офицеры до 50, а казаки до 10 десятинъ.

Прибывъ на мѣсто, новые казаки пользовались въ продолженіе трехъ лѣтъ казеннымъ провіантомъ и порціонными деньгами по первой категоріи.

Въ первый же годъ поселенія по окончаніи полевыхъ работъ каждыя 300 семействъ должны были выставить конную сотню (143 всадника), поступавшую на содержаніе правительства, но обязанную, въ продолженіе льготнаго времени, только внутреннею службой въ своемъ районѣ.

Для покрытія издержекъ переселенія было ассигновано изъ государственнаго казначейства 8.045,000 руб., изъ войсковаго капитала 2.094,000 р., всего 10.139,000 руб.

Государственный расходъ на заселеніе Закубанскаго края долженъ былъ воспользоваться экономіей отъ немедленнаго сокращенія кавказской арміи, изъ котораго были исключены только войска, дѣйствовавшія на западномъ Кавказѣ. Кромѣ уменьшенія многихъ расходовъ вслѣдъ за покореніемъ восточныхъ горъ, въ 1862 году было произведено значительное сокращеніе арміи; эта мѣра впрочемъ не надолго облегчила государственную казну, такъ какъ въ слѣдующемъ же году пришлось снова ставить армію на военную ногу, какъ всѣ прочія силы имперіи. Съ окончательнымъ покореніемъ Кавказа издержки эти покрываются сами собою.

Войсковой капиталъ долженъ былъ пополняться продажею въ частную собственность залишнихъ земель, остающихся на заднихъ линіяхъ отъ передвиженія части населенія.

Какъ сказано, положеніе о заселеніи предгорій вошло въ

законную силу въ 1862 году, но еще ранѣе этого времени было дозволено двинуть переселенія на главныхъ вышеозначенныхъ основаніяхъ.

Предположенное заселеніе вражескаго края было, разумѣется, только проектомъ завоеванія, который самъ по себѣ еще ничего не рѣшалъ. Все зависѣло отъ исполненія.

Вновь задуманный планъ стратегическихъ дѣйствій рѣзко отличался отъ системы господствовавшей въ прежнихъ походахъ. Закубанская страна, весьма обширная, прорѣзана въ длину, отъ Эльборуса почти до окрестностей Анапы, главнымъ кавказскимъ хребтомъ, который на половинѣ своего протяженія, отъ истоковъ Кубани до истока Пшиша, тянется рядомъ снѣжныхъ пиковъ и восемь мѣсяцевъ въ году совершенно непроходимъ; но отъ истока Пшиши понижается и образуетъ обрывистую лѣсную гряду. Противоположныя покатости хребта — сѣверная, склоняющаяся къ Кубани, и южная, ниспадающая къ морю, составляли въ военномъ отношеніи, пока страна была занята непріятелемъ, двѣ совершенно отдѣльныя сферы дѣйствія, какъ бы два особенные міра, не имѣвшіе никакого соприкосновенія между собою. Довольно сказать, что ближайшая дорога, по которой можно было переводить войска съ сѣвернаго склона на южный, пролегаетъ нѣсколько сотъ верстъ далѣе къ востоку, въ центральномъ Кавказѣ. При нынѣшнемъ размѣрѣ нашего черноморскаго флота, дѣйствія этихъ двухъ военныхъ театровъ не могли связываться и моремъ. По этому, чтобы не раздроблять силъ, всѣ наличныя военныя средства были сосредоточены въ Кубанской области; въ Кутаисскомъ генералъ-губернаторствѣ, въ военный районъ котораго входили черкесскія земли южнаго склона, оставлено лишь небольшое число войскъ для оборонительныхъ дѣйствій. Наступленіе съ южной стороны должно было пріобрѣсти особенное значеніе, но только въ послѣдствіи, къ концу войны; такъ предполагалось и въ первоначальномъ планѣ. Обширная страна, слишкомъ въ 300 верстъ длины и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 150 ширины, принадлежавшая горцамъ между хребтомъ и Кубанью, раздѣляется въ длину на двѣ полосы различнаго характера; сосѣдняя съ хребтомъ очень гориста, хотя не представляетъ еще вполнѣ горнаго характера; ближайшая къ Кубани — равнина: обѣ покрыты дремучимъ, но не сплошнымъ лѣсомъ, часто переме-

жаемымъ полями. Вся страна перерѣзана въ ширину, отъ горъ до Кубани, большимъ числомъ рѣкъ, изъ которыхъ многія не переходимы въ бродъ. Главныя рѣки, считая съ востока: Бѣлая съ ея лѣвыми притоками Курджипсомъ и Пшехой, потомъ Пшишъ, Псекупсъ, Афипсъ съ притокомъ Шебшемъ, Иль, Хабль и Адагумъ. Главный хребетъ имѣетъ нѣсколько десятковъ верстъ ширины, съ сѣвера стелется постепенно возвышающими грядами, а съ юга спускается къ морю крутыми ущельями. Густыя массы черкесскаго населенія занимали равнины и предгорія; въ самыхъ горахъ жителей было мало. Это обстоятельство полагало коренное различіе между войной на восточномъ Кавказѣ, гдѣ надобно было брать силой самыя горы, и войной на западномъ, гдѣ приходилось выбивать населеніе преимущественно изъ предгорій. Впрочемъ тактическое дѣло отъ того облегчалось еще немногимъ: главное затрудненіе въ горской войнѣ заключается не столько въ громадности природы, какъ въ мелкихъ препятствіяхъ—въ лѣсѣ, скалахъ, оврагахъ и бездорожьѣ; но въ отношеніи стратегическомъ можно было гораздо удобнѣе связать операціи въ странѣ, где мы сами выбирали направленіе дорогъ, чѣмъ въ мѣстности, гдѣ надобно лѣзть въ единственную каменную трещину, составлявшую путь, какъ было въ Дагестанѣ; надобно было только понять мѣстность такъ вѣрно и пользоваться ею такъ кстати, какъ сдѣлано въ послѣдніе годы войны. Самыя горы представляли такія же чрезвычайныя препятствія, если не болѣе, какъ и въ другихъ мѣстахъ Кавказа; но поле битвы лежало, къ счастію, не въ самыхъ горахъ. Во время дѣйствія на восточномъ Кавказѣ, наши операціонныя линіи всегда направлялись какъ радіусы отъ окружности къ центру; такое направленіе было неизбѣжно обусловлено топографіей края. Въ предшествовавшихъ походахъ на западномъ Кавказѣ и наши отряды также дѣйствовали всегда перпендикулярно къ главнымъ своимъ основаніямъ—Кубани и Лабѣ. Но въ этой странѣ такое направленіе нисколько не было вынуждено очертаніемъ мѣстности и ни въ какомъ отношеніи не было выгодно. Главная задача черкесской войны состояла прежде всего въ томъ, чтобы сбить непріятельское населеніе съ лѣсной равнины и холмистыхъ предгорій и загнать его въ горы, гдѣ ему было невозможно долго прокормиться; а затѣмъ перенести къ подошвѣ горъ самое основаніе нашихъ операцій. Такъ было

сдѣлано на восточномъ Кавказѣ, гдѣ всѣ усилія были направлены сначала къ покоренію чеченской плоскости съ предгоріями. Но закубанскій военный театръ былъ гораздо обширнѣе Чечни; онъ имѣлъ такое протяженіе въ длину и ширину, что его невозможно было пройти разомъ. Наши отряды, сколько бы ихъ ни было, двигаясь перпендикулярно къ горамъ отъ кубанской и лабинской военныхъ линій, не могли идти сплошною стѣной во всю длину страны, взаимно поддерживая другъ друга. Каждый дѣйствовалъ отдѣльно, расчитывая только на себя, и потому каждый былъ какъ на воздухѣ; тылъ и фланги его находились во власти непріятеля. Экспедиція, вмѣсто того, чтобы стремиться къ постепенному урѣзыванію непріятельскаго края, къ систематическому занятію его, имѣла видъ прежнихъ вторженій, никогда не приводившихъ ни къ какому результату. Вырубленныя просѣки оставались, но непокорные горцы, какъ будто на смѣхъ намъ, засѣвали хлѣбомъ и въ тылу ихъ, предъ нашими кордонными линіями, продолжали держать хутора. Обширность Закубанскаго края не позволяла устроить военную линію по всей подошвѣ горъ, отъ Лабы до Новороссійска, отрѣзывая плоскость у непокорныхъ горцевъ. Направлять операціи перпендикулярно отъ Кубани и Лабы къ горамъ, чтобы современемъ запереть выходъ каждаго ущелья на плоскость, было бы трудомъ непомѣрнымъ и безконечнымъ. Главнокомандующій принялъ другой почти противоположный планъ дѣйствій, предложенный первоначально графомъ Евдокимовымъ — подвигаться не перпендикулярно къ главному хребту, но параллельно съ нимъ; переходить постепенно съ одного притока Кубани на другой, обрѣзывая непріятельскій край въ длину. Двѣ отдѣльныя операціи должны были быть направлены: одна главная — отъ Лабы на западъ, другая второстепенная — отъ моря на востокъ и сходиться на встрѣчу одна другой. Нашимъ основаніемъ на востокѣ служила заселенная казаками Лабинская линія; на западѣ—линія Адагумская, прочно занятая отъ Кубани до моря. Двинувшись отъ той и другой впередъ къ слѣдующимъ, ближайшимъ отъ нихъ притокамъ Кубани, мы съ обоихъ концовъ значительно обрѣзывали непріятельскій край. Второй шагъ обрѣзывалъ его еще болѣе; наступающіе съ обоихъ концовъ войска должны были, наконецъ, сойтись въ срединѣ горскихъ земель. Сосредоточивая всѣ дѣйствующія силы на поперечной линіи, по теченію одного

нія притоковъ Кубани, относительно короткой, мы могли стать на ней твердо, оградить какъ стѣной лежащее позади пространство, если не отъ мелкихъ хищниковъ, то отъ вторженій непріятеля массами. Туземное населеніе не могло оставаться въ полосѣ земли, охваченной съ двухъ сторонъ нашими кордонами; заселеніе ея совершалось за тѣмъ безпрепятственно. При такомъ образѣ дѣйствія всѣ выгоды оставались на нашей сторонѣ. Вновь занятая линія сдерживала массы оттѣсненнаго непріятельскаго населенія; оставшіеся кой-гдѣ въ горныхъ трущобахъ хуторяне могли производить только разбои, въ военномъ же отношеніи ихъ нечего было принимать во вниманіе; однимъ словомъ, мы шли впередъ вѣрными шагами. Раждался только одинъ вопросъ. Подвигаясь съ Лабы вдоль Закубанскаго края, съ одной поперечной линіи на другую, мы необходимо должны были упираться плечомъ въ главный хребетъ. За хребтомъ этимъ, къ морю, жили другія, многочисленныя и враждебныя намъ племена. Прикрывалъ ли надежнымъ образомъ главный хребетъ нашъ флангъ и тылъ отъ ихъ натиска? До тѣхъ поръ горскіе народы южнаго и сѣвернаго склона, хотя находившіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою, были въ нашихъ глазахъ совсѣмъ отдѣльными мірами. Но тутъ надобно было опредѣлить безошибочнымъ образомъ, на сколько главный хребетъ дѣйствительно разъединяетъ южныхъ и сѣверныхъ горцевъ; потому что, еслибъ оказалось въ послѣдствіи, что снѣжный хребетъ не составляетъ дѣйствительной преграды, то вся задуманная операція очутилась бы на фальшивомъ основаніи; наши поперечныя линіи были бы до такой степени подвержены обходу, что не могли бы служить основаніемъ для дальнѣйшихъ дѣйствій. По всему вѣроятію, надобно было опасаться такого оборота дѣла; но графъ Евдокимовъ, глубоко знавшій характеръ горцевъ, полагалъ, что нѣтъ, мы увидимъ дальше на какихъ основаніяхъ. Событіе показало, что онъ былъ совершенно правъ.

Наступленіе должно было начаться съ весны 1861 года. Проектъ заселенія, въ главныхъ чертахъ, былъ уже составленъ, войска сосредоточены по мѣстамъ; матеріальные запасы, заготовленные для прошлогоднихъ дѣйствій на нижней Кубани, передвинуты на Лабу.

Фельдмаршалъ распоряжался всѣми подробностями готовившагося похода, несмотря на тяжкую болѣзнь, удручавшую

его уже нѣсколько мѣсяцевъ. Къ началу весны болѣзнь еще усилилась. Вслѣдствіе положительной воли Государя Императора, въ мартѣ 1861 года князь Барятинскій отправился за границу для излеченія; но здоровье его долго не поправлялось. Тѣмъ не менѣе дѣло двинулось, основанія были положены. Завоеваніе было довершено въ послѣдствіи другимъ главнокомандующимъ, въ томъ же духѣ и съ тою же энергіей, какія отличали этотъ рядъ необыкновенныхъ походовъ съ 1856 года; не смотря на перемѣну главнокомандующихъ, не произошло никакого перерыва не только во внутренней связи дѣйствій, но даже во внѣшней обстановкѣ этой войны.

За отсутствіемъ фельдмаршала, командующимъ арміей остался генералъ-адъютантъ князь Орбеліани. Начальство Кубанской области находилось въ рукахъ графа Евдокимова.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Весною 1861 года все было готово къ немедленному открытію военныхъ дѣйствій. Перемиріе съ абадзехами еще не было нарушено съ нашей стороны; но поведеніе этого народа, по всей справедливости, избавляло насъ отъ принятыхъ обязательствъ. Князь Барятинскій разрѣшилъ, передъ отъѣздомъ, требовать отъ абадзеховъ безусловной покорности и, въ случаѣ отказа, въ которомъ заранѣе нельзя было сомнѣваться, внести войну въ ихъ предѣлы. По плану, дѣйствія 1861 года должны были обнять съ востока все пространство между Лабой и Бѣлой, которое предполагалось заселить станицами; съ запада— часть страны впереди Адагумской линіи и Натухайскій округъ, куда также должно было ввести казачье населеніе. Внезапное сопротивленіе назначенныхъ къ переселенію казаковъ, о которомъ я говорилъ въ предшествующемъ письмѣ, разомъ остановило исполненіе плана. Въ принятой системѣ дѣйствій, завоеваніе и заселеніе края были связаны чрезвычайно тѣсно, должны были идти объ руку. Пока переработывалось положеніе о правилахъ передвиженія казаковъ, можно было располагать лишь небольшимъ количествомъ населенія, назначеннаго жребіемъ, по старому обычаю; а потому необходимо было остановить движеніе впередъ. Все лѣто 1861 года прошло подъ вліяніемъ этого неблагопріятнаго обстоятельства, но не оста-

лось безплоднымъ; графъ Евдокимовъ умѣлъ выгодно употребить періодъ невольной остановки. Не имѣя возможности открыть дѣйствія немедленно, онъ рѣшился не показывать даже вида неудовольствія абадзехамъ до зимы и воспользоваться ихъ бездѣйствіемъ, чтобъ очистить безъ боя всѣ подступы къ ихъ странѣ, закончивъ въ то же время многія важныя работы, исполненіе которыхъ было значительно облегчено затишьемъ. Такъ какъ число жеребьевыхъ переселенцевъ этого года не было достаточно для того, чтобъ основать передовую линію по Бѣлой, то они были назначены для усиленія существовавшихъ линій новыми станицами. Большая часть войскъ лабинскаго отряда была обращена на тотъ же предметъ. Такимъ образомъ Кубанская линія протянулась до выхода рѣки изъ горной тѣснины, Лабинская линія была продолжена въ самыя горы; крайняя станица ея, Псеменская, была первымъ опытомъ поселенія русскихъ людей въ горахъ. Кромѣ того верхняя часть Лабинской линіи была прикрыта тремя станицами, основанными на лѣвомъ, вражескомъ берегу, замиренномъ покуда только шаткимъ договоромъ съ абадзехами. Усиленіе передовыхъ линій позволило тогда же значительно сократить кордоны, охранявшіе безопасность Прикубанскаго края.

Пространство между Лабой и Бѣлой, въ прежнее время густо населенное, въ послѣдніе годы сильно обезлюдило и стало пастбищнымъ мѣстомъ горцевъ; на правомъ берегу Бѣлой значительное населеніе держалось только въ сосѣдствѣ съ абадзехами и подъ ихъ покровительствомъ—мохошевцы и егерухаевцы въ мѣстныхъ трущобахъ вверхъ отъ Майкопа и горныя общества даховское и хамышейское еще выше, на истокахъ рѣки. Нѣсколько мелкихъ обществъ самыхъ хищныхъ и воинственныхъ, между которыми первое мѣсто принадлежало бесленеевцамъ и бѣглымъ кабардинцамъ, жили разсѣянно въ верхней, предгорной части этого пространства и въ сосѣднихъ горахъ вплоть до Урупа; послѣ абадзехскаго договора, эти общества приняли покорность, но только на словахъ, и безпрестанно производили мелкія хищничества. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ абадзеховъ, мелкія племена, занимавшія промежуточный край, были бы сильною опорой для непріятеля и большимъ препятствіемъ для насъ; но безъ поддержки абадзеховъ, они были слишкомъ слабы для сопротивленія, особенно каждое отдѣльно. Зная, что абадзехи рады

длить настоящее положеніе дѣлъ, столь выгодное для нихъ, и безъ прямаго вызова съ нашей стороны не начнутъ войны явно, графъ Евдокимовъ, не обращая вниманія на ихъ протесты, сталъ выгонять промежуточныя племена одно за другимъ изъ ихъ убѣжищъ. Наши отряды располагались около мѣстности, занимаемой упорнымъ обществомъ, прорубали прикрывавшій ее лѣсъ и потомъ внезапно окружали горцевъ, предоставляя имъ или селиться за нашими линіями, или бѣжать за горы. Послѣ такого примѣра, сосѣди ихъ покорялись безъ сопротивленія. Такимъ оразомъ бесленеевцы были выведены на Урупъ и оттуда ушли въ Турцію; вольные кабардинцы и темиргоевцы поселены въ виду Лабинской линіи; баракаевцы, баговцы и другія абазинскія племена прогнаны на южную сторону снѣжнаго хребта. Къ осени кромѣ мохошевцовъ, егеруваевцевъ и даховцевъ, составлявшихъ одно тѣло съ абадзехами и жившихъ въ крѣпкихъ мѣстахъ по берегамъ Бѣлой, страна между этою рѣкой и Лабой, была совершенно очищена отъ горцевъ. Въ теченіе осенняго періода, такими же дѣйствіями, безъ боя, были совершены пріобрѣтенія еще болѣе важныя, о которыхъ я скажу въ послѣдствіи.

Превосходное качество угодій за Лабой, ставъ извѣстнымъ, привлекло множество охотниковъ переселенцевъ изъ тѣхъ же казаковъ, которые упорствовали весной. Представилась возможность расширить кругъ дѣйствій. Охотниками были населены еще три станицы, довершившія устройство военныхъ линій съ Лабы къ Майкопу и Хамкетамъ.

Видя постоянное приближеніе нашихъ поселеній къ своей пограничной чертѣ, абадзехи нѣсколько разъ грозили заступится за сосѣдей, но не двигались. Въ августѣ графъ Евдокимовъ выступилъ изъ Хамкетовъ къ ур. Мамрюкогой, освященному древними языческими преданіями, на самой границѣ абадзеховъ. Старшины просили его остановиться, чтобы послать предварительную депутацію въ Тифлисъ. Изъ этой депутаціи ничего не вышло; абадзехскіе выборные предложили опять тѣ же условія, на которыхъ былъ основанъ прежній договоръ. Было очевидно, что старшины не могутъ предложить болѣе, что народъ не понимаетъ своего положенія и не позволяетъ уступокъ.

Въ другихъ отрядахъ, расположенныхъ противъ шапсуговъ, война продолжалась. Со стороны моря положено было занять

подъ станицы Натухайскій округъ и продолжать оттуда заселеніе казаками Шапсугской земли съ рѣки на рѣку, вдоль предгорій. Натухайцамъ назначались земли вдоль Кубани. Разстройство плана дѣйствій на текущій годъ, вслѣдствіе неожиданнаго упорства казаковъ, отозвалось и въ этомъ концѣ края: покуда Натухайскій округъ не кѣмъ было населять. Въ ожиданіи новаго положенія, адагумскій отрядъ, состоявшій подъ начальствомъ генерала Бабича*), употребилъ лѣто на обзоръ и опустошеніе Шапсугской земли. Онъ заложилъ въ 15 верстахъ передъ Адагумскою линіей укрѣпленный лагерь въ Абинѣ, на мѣстѣ укрѣпленія, брошеннаго нами въ началѣ восточной войны. Изъ этого пункта, долженствовавшаго служить основаніемъ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, былъ предпринятъ рядъ движеній по плоскости и въ горы къ Геленджику. Во время послѣдняго похода, наши войска прошли чрезъ развалины Николаевскаго укрѣпленія, взятаго горцами въ 1840 году и котораго съ тѣхъ поръ русскіе не видѣли больше. Надъ костями гарнизона былъ совершенъ погребальный обрядъ черезъ 21 годъ послѣ его геройской смерти. Зимой съ 1861 на 1862 годъ адагумскій отрядъ приступилъ наконецъ къ устройству въ Натухайской землѣ станицъ, для которыхъ населеніе было уже назначено и дожидалось только весны.

Шапсугскій отрядъ, занимавшій укрѣпленіе Григорьевское, тѣмъ же лѣтомъ устроилъ оттуда прочное сообщеніе до города Екаринодара. Григорьевское укрѣпленіе не служило покуда основаніемъ для какихъ нибудь особыхъ операцій и потому не имѣло большаго военнаго значенія. Но его сохранили въ видахъ будущаго, какъ центральный пунктъ между отрядами, дѣйствовавшими съ востока и запада Закубанскаго края. Въ послѣдствіи оно должно было получить немаловажное значеніе какъ опорный пунктъ для перевала въ землю приморскихъ шапсуговъ.

Осенью 1861 года Государь Императоръ совершилъ путешествіе по Кубанской области. Для кавказскихъ войскъ, постоянно удаленныхъ отъ лица Государя и совершавшихъ въ то время сверхчеловѣческіе труды въ нескончаемыхъ походахъ, посѣщеніе Государя и чрезвычайно милостивое, сердечное

*) Генералъ Бабичъ давно уже командовалъ этимъ отрядомъ. Онъ занялъ Адагумскую линію и покорилъ натухайцевъ.

обращеніе Его съ кавказскою арміей, было поощреніемъ удвоившимъ ихъ силы. Кромѣ того Высочайшее путешествіе имѣло великое значеніе для окончательной судьбы этого края. Какъ ни настоятельно чувствовалась необходимость покончить разъ навсегда съ внутреннею войной на Кавказѣ, но огромность жертвъ, сопряженныхъ съ предположеннымъ планомъ изгнанія горскихъ населеній изъ ихъ убѣжищъ, даже кажущаяся жестокость такой мѣры, смущали энергію исполненія. Государь Императоръ убѣдился лично на мѣстѣ, въ недѣйствительности всякой другой мѣры. Покорные и непокорные горцы были извѣщены о скоромъ прибытіи Его Величества; и всѣ племена, даже отдаленнѣйшія, прислали своихъ депутатовъ. Они всѣ были не прочь отъ покорности съ договоромъ подобнымъ абадзехскому, который ограждалъ бы ихъ отъ нашихъ вторженій, не стѣсняя ни въ чемъ свободы ихъ собственныхъ дѣйствій. Въ лагерѣ около Хамкетовъ, Государь благосклонно принялъ горскихъ депутатовъ, обѣщалъ милость и покровительство, предложилъ имъ сохраненіе обычаевъ ихъ и имуществъ, льготу отъ повинностей, щедрый замѣнъ земель, которыя окажутся нужными для нашихъ военныхъ линій, другими, съ единственнымъ условіемъ немедленной выдачи всѣхъ русскихъ плѣнныхъ и бѣглыхъ. На это послѣднее требованіе горскіе старшины отвѣчали чрезвычайно уклончиво; видно было, что они не могутъ исполнить требуемое, что не въ ихъ власти понудить къ тому народъ. На другой день старшины представили свою челобитную. Изъявляя въ самыхъ покорныхъ выраженіяхъ желаніе стать подъ русскую державу, они кончили просьбой—подаваемою прямо въ руки величайшему Монарху міра—не забудьте, немедленно вывести русскія войска за Кубань и Лабу и срыть наши крѣпости. Какіе переговоры были возможны съ такими людьми?

Первый человѣкъ по своему положенію между горцами,—Карабатыръ Заноко, сынъ Сеферъ-паши прислалъ сказать генералу Бабичу, что онъ не пріѣдетъ представляться Государю изъ уваженія къ Его особѣ; что онъ не можетъ позволить себѣ говорить русскому Императору пустыя слова отъ имени народа, который не имѣетъ никакой общественной власти и за который, стало-быть, никто отвѣчать не можетъ.

По отбытіи Государя Императора, немедленно было приступлено къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. Но абадзеховъ еще не

трогали; имъ предоставляли сдѣлать первый выстрѣлъ. Пользуясь кончавшимся, но еще не кончившимся перемиріемъ, графъ Евдокимовъ предпринялъ отрѣзать отъ абадзеховъ массу мохошевцевъ и егерухаевцевъ, жившихъ въ дремучей чащѣ на правомъ берегу рѣки Бѣлой. Съ сѣвера по окраинѣ ихъ страны была уже прорублена просѣка и устроена военная линія съ Лабы въ Майкопъ. Осенью и зимой войска разчистили широкую просѣку въ тылу мохошевской чащи отъ Хамкетовъ до Майкопа, и устроили на этомъ протяженіи 4 станицы, связанныя кордонною линіей; передовыя племена были такимъ образомъ отрѣзаны отъ массы горскаго населенія. Работы продолжались, несмотря на угрозы абадзеховъ, все еще колебавшихся. Наконецъ, въ январѣ, абадзехи сдѣлали первое нападеніе на наши войска, послѣ 26-ти мѣсячнаго перемирія; но тогда дѣло было уже совершено; лѣсная трущоба, въ которой жили воинственные мохошевцы и егерухаевцы, составлявшіе сильнѣйшій оплотъ абадзеховъ, была обойдена военными линіями и находилась, можно сказать, въ нашихъ рукахъ.

Съ весны 1861 года до весны 1862 года въ Закубанскомъ краѣ воздвигнуто 35 станицъ, съ населеніемъ 5,482 семейства, образовавшихъ 4 конные полка.

1861 годъ не ознаменовался блестящими военными подвигами; выстрѣлы гремѣли только въ адагумскомъ отрядѣ и вдоль кордонныхъ линій, постоянно тревожимыхъ хищниками; но въ теченіе этого года заложено было твердое основаніе всѣмъ послѣдующимъ успѣхамъ. Безъ боя, съ топоромъ и лопатой въ рукахъ, мы заняли и заселили обширное пространство, которое, при другихъ обстоятельствахъ, намъ не отдали бы даромъ, и такимъ образомъ, сошлись съ абадзехами грудь съ грудью; при первомъ ихъ выстрѣлѣ, мы могли внести войну въ сердце Абадзехской земли. На востокъ, все уже было наше. Значительное протяженіе сѣверной покатости хребта, отъ Урупа почти до Бѣлой, оставалось пустымъ послѣ изгнанія живущихъ здѣсь мелкихъ племенъ; только кой-какіе хутора скрывались еще въ самыхъ недоступныхъ мѣстахъ. Загорныя населенія начали тревожиться: уже не люди, а только снѣга прикрывали ихъ съ сѣверной стороны.

Конечно, мирныя завоеванія 1861 г. замѣчательны только какъ умѣнье извлечь пользу даже изъ неблагопріятныхъ об-

стоятельствъ. Экономія была въ людяхъ; во всемъ остальномъ успѣхи этого года стоили также дорого, какъ стоили бы они при самой кровопролитной войнѣ. Чтобы заставить абадзеховъ сохранять такъ долго перемиріе, надо было стоять во всегдашней готовности мгновенно дать имъ отпоръ. Войска лабинскихъ отрядовъ несли всѣ тягости боевой службы, безъ ея блеска и потому съ радостію привѣтствовали начало войны.

Рѣшено было идти впередъ съ возможною быстротой; ничего не строить, кромѣ станицъ и постовъ: бросать прежнія штабъ-квартиры, отнимавшія большое число людей; вывести всѣ войска съ ихъ штабами на передовыя линіи и выдвигаться снова впередъ при первой удобности, однимъ словомъ, не терять дня сверхъ времени, необходимаго для выполненія самыхъ спѣшныхъ работъ. Графъ Евдокимовъ не жалѣлъ себя, не жалѣлъ ни начальниковъ, ни солдатъ, и сказавъ въ началѣ, что никто не будетъ отдыхать прежде, чѣмъ война не окончится, буквально исполнилъ програму.

3-го января 1862 г. абадзехи сдѣлали первое нападеніе на наши войска. Съ этого дня всѣ предпріятія должны были совершаться открытою силой; однакожъ вначалѣ непріятель дѣйствовалъ еще не рѣшительно. Полный разгаръ войны начался только съ первыхъ дней весны.

Прежде всего надобно было овладѣть послѣдними убѣжищами непріятеля на рѣкѣ Бѣлой—мохошевскими лѣсами и горною даховскою долиной—и стать на обоихъ берегахъ этой рѣки. Покуда лежали глубокіе снѣга, всѣ предварительныя работы были окончены: устроена военная линія отъ Майкопа до Хамкетовъ въ обходъ мохошевцевъ; начата изъ Хамкетовъ просѣка въ горы по направленію къ Дахо и другая просѣка туда же вверхъ по Бѣлой къ Каменному мосту, гдѣ было главное судилище абадзехскаго народа. Занята переправа черезъ Бѣлую у ханскаго брода, ниже Майкопа. Кромѣ того отдѣльный отрядъ подъ начальствомъ кубанскаго атамана генерала Иванова былъ двинутъ съ Кубани вверхъ по Пшишу для двоякой цѣли; для отвлеченія непріятеля въ сторону, противоположную той, гдѣ готовились ему удары и для проложенія по берегу Пшиши просѣки, въ виду будущихъ операцій.

Съ первыхъ дней марта закипѣла ожесточенная война. Абадзехи не знали еще новыхъ войскъ, собравшихся къ ихъ предѣламъ отъ самыхъ боевыхъ, самыхъ испытанныхъ полковъ

кавказской арміи, далеко превосходившихъ военными качествами полки недавняго формированія, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло прежде. Для перваго раза они рѣшились прорвать линію, устроенную въ обходъ мохошевцевъ. Многочисленное скопище горцевъ, давшихъ присягу не отступать, захватило самое трудно-проходимое мѣсто этой линіи, называемое Семь-Колѣнъ. Въ тотъ же день подошелъ туда апшеронскій стрѣлковый батальйонъ, обремененный большимъ транспортомъ. Отчаянное дѣло на Семи-Колѣнахъ могло служить абадзехамъ предзнаменованіемъ ожидавшей ихъ участи. Они сдержали слово, не отступали, но батальйонъ все-таки пробился штыками сквозь ихъ массу, несравненно превосходившую его числомъ, какъ пролетѣло бы сквозь нее ядро. Попытка разорвать нашу линію, не удалась.

Вслѣдъ за этимъ дѣломъ наши колонны ринулись съ разныхъ сторонъ въ мохошевскіе лѣса, разрушая аулы, искрещивая самыя глухія мѣста лѣсной чащи. Отрѣзанные отъ абадзеховъ мохошевцы и егерухаевцы не могли удержаться долго и по немногу бѣжали за Бѣлую. Къ концу марта обширный Мохошевскій лѣсъ, имѣющій до 40 верстъ въ поперечникѣ, былъ очищенъ отъ непріятеля.

Отрядъ, перешедшій чрезъ Бѣлую ниже Майкопа, былъ долго задержанъ на мѣстѣ разливомъ бѣшеной рѣки, сносившимъ мосты; продовольствованіе его было сопряжено съ величайшими затрудненіями; тѣмъ не менѣе занятая позиція была удержана, и лѣсъ на лѣвомъ берегу разчищенъ.

Въ апрѣлѣ были кончены предварительныя просѣки по направленію къ Дахо; снѣгъ между тѣмъ проталъ на высокихъ горахъ, ограждавшихъ эту долину. Въ концѣ мѣсяца графъ Евдокимовъ двинулся къ Дахо, до тѣхъ поръ невидамому русскими и почти неизвѣстному. Абадзехи сосредоточились большими силами для обороны этой мѣстности, и безъ того страшно защищенной природой. Но съ самаго начала завоеванія, съ чеченскихъ походовъ, горцамъ никогда не удавалось дать графу Евдокимову настоящаго упорнаго боя, въ заранѣе избранной позиціи; онъ всегда успѣвалъ упасть имъ какъ снѣгъ на голову съ той стороны, откуда его не ждали и внезапно рѣшить дѣло отважными, искусно разсчитанными маневрами. Быть разбитыми безъ боя для горцевъ было всего обиднѣе. Такъ случилось и здѣсь. Къ сожалѣнію, я пишу не военное

сочиненіе я не могу изложить интересныхъ маневровъ, рѣшившихъ столько дѣлъ въ этой войнѣ; мѣсто позволяетъ мнѣ издавать общую связь операцій. Послѣ трехдневнаго сопротивленія въ самой трудно-проходимой мѣстности, скопище, защищавшее Дахо, постоянно обманываемое нашими движеніями, нигдѣ не успѣвшее дать рѣшительнаго отпора и наконецъ обойденное разбѣжалось. Даховская долина была занята; въ глубинѣ ея заложена станица; двѣ дороги разработаны въ глубину долины, одна по направленію, пройденному отрядомъ, другая внизъ по Бѣлой къ Каменному мосту. Съ занятіемъ этого послѣдняго пункта открылось прямое сообщеніе по рѣкѣ между Дахо и Майкопомъ. Горцы, однакожъ, долго еще потомъ могли обстрѣливать съ высоты скалъ эту послѣднюю дорогу, ставшую главнымъ путемъ въ Дахо.

Къ 1-му іюня все теченіе Бѣлой, по обоимъ берегамъ, было въ нашей власти. Только въ самыхъ истокахъ ея, выше Дахо, находилось еще маленькое общество Хамешки.

Рядъ такихъ быстрыхъ успѣховъ чрезвычайно смутилъ не только абадзеховъ, но все закубанское населеніе, горцы видѣли, что война ведется не попрежнему, и понимали, что если не найдутъ средства остановить наступленіе, то судьба ихъ скоро будетъ рѣшена. Первою мыслію ихъ было соединиться для дружнаго отпора. Абадзехи обратились за помощію къ сосѣдямъ. Съ этого времени выступаютъ на сцену убыхи и принимаютъ на себя гегемонію въ горскихъ дѣлахъ. Кутаисскій генералъ-губернаторъ Н. П. Колюбякинъ *) выразилъ это состояніе умовъ въ своемъ донесеніи командующему арміей. Онъ писалъ:

«Дѣйствія войскъ, командуемыхъ генералъ-адъютантомъ «графомъ Евдокимовымъ, нося характеръ той энергіи и послѣ«довательности, которыя принадлежатъ не случайному увлече«нію, а зрѣло обдуманному и прочно усвоенному плану, убѣ«дили непокорныхъ горцевъ, что приближается послѣдній часъ «ихъ независимости. Не должно отдать справедливость и про«тивникамъ нашимъ: черкесы не потеряли головы, и не упали «сердцемъ; напротивъ, они рѣшились отстаивать самостоятель«ность свою не только оружіемъ, но еще внутренними преобра-

*) Нынѣ сенаторъ.

«зованіями и энергическимъ обращеніемъ къ иностраннымъ дер-
«жавамъ. Если главная роль въ борьбѣ оружіемъ пала по не-
«обходимости на абадзеховъ, то убыхи, не уступающіе имъ въ
«энтузіазмѣ къ общему дѣлу, взяли на себя иниціативу и на-
«правленіе мѣръ административныхъ и дипломатическихъ, со-
«отвѣтствующихъ принятой ими рѣшимости. Такимъ образомъ,
«прежде всего, они обратили вниманіе на внутренній бытъ свой
«и захотѣли замѣнить разслабляющую усобицу сильною центра-
«лизаціей, въ которую въ минуты большой опасности, всегда и
«вездѣ слагались формы общественнаго устройства. Для возста-
«новленія аррахійской власти и для огражденія независимости
«всѣ черкесы были приглашены на совѣтъ. Всѣ они единогласно
«рѣшили: учредить чрезвычайный союзъ и не отставать отъ
«онаго, съ тѣмъ чтобы сохранить порядокъ внутренній, а отсту-
«пающихъ отъ него наказывать. Въ черкесскомъ владѣніи учреж-
«денъ меджлисъ изъ 15 человѣкъ, которому дано названіе ве-
«ликаго и свободнаго засѣданія. Появленіе войскъ графа Евдо-
«кимова у подошвы главнаго хребта, то-есть въ двухъ перехо-
«дахъ отъ Убыхской земли, подавало поводъ къ чрезвычайному
«собранію меджлиса. Въономъ постановлено было: а) отправить
«посольство въ Константинополь, Парижъ и Лондонъ съ прось-
«бой о заступничествѣ. Для покрытія расходовъ посольства на-
«ложить на все населеніе денежный сборъ; б) обнародовать при-
«зывъ къ священной войнѣ и отправить въ землю абхадзеховъ,
«на все лѣто, нѣсколько тысячъ воиновъ; в) принудить къ та-
«кому же содѣйствію джигетовъ *), которые оказываются до-
«вольно холодными къ общему дѣлу. Въ концѣ мая и въ на-
«чалѣ іюня, постановленія меджлиса были приведены въ испол-
«неніе. Посольство къ иностраннымъ державамъ отправлено.
«На помощь къ абадзехамъ посланы отъ 4 до 5 тысячъ убы-
«ховъ, подъ начальствомъ испытанныхъ предводителей. Была
«сдѣлана вооруженная попытка для принужденія джигитовъ къ
«отправленію контингента».

Несмотря на всѣ старанія горцевъ, заключеніе общаго союза представляло непреодолимыя трудности. Старшинамъ племенъ легко было собраться и условиться насчетъ дружнаго дѣйствія, не трудно также было вызвать къ бою все населеніе, присты-

---

*) На юго-востокъ отъ убыховъ.

дить равнодушныхъ, казнить измѣнниковъ. Возбужденная до энтузіазма народная воля замѣняла въ этомъ случаѣ положительное право. Но какъ было управлять собранными массами, какъ было заставить совершенно свободныхъ людей слушаться и кого слушаться? Какъ было устроить въ средѣ каждаго племени управленіе, которое дѣйствительно могло бы располагать народными силами? Мы, взросшіе въ средѣ обществъ, организованныхъ съ незапамятныхъ временъ, не можемъ представить себѣ суммы вліянія, которое воспитанная вѣками привычка имѣетъ на всѣ наши общественныя дѣйствія. Черкесы испытали на себѣ, что значитъ общественный контрактъ, единодушное рѣшеніе общества, хотя бы движимаго величайшимъ энтузіазмомъ, но нескрѣпленное историческою привычкой. Воля ихъ была без якоря. Всѣ хотѣли слушаться, всѣ требовали предводителей, но десять человѣкъ не могли согласиться единодушно кого именно слушаться на сколько и въ чемъ слушаться. Въ нашемъ русскомъ мнѣніи, роль главнаго предводителя игралъ нѣкоторое время убыхъ Гаджи-Гагамукъ-Берзекъ; но скоро оказалось, что безплодная дѣятельность этого человѣка не приводила ни къ чему. Въ рядахъ горцевъ виднѣлись значки предводителей; они выходили противъ насъ густыми толпами; тѣмъ не менѣе каждый горецъ дрался, погибалъ или уходилъ съ поля, когда ему вздумается. Такъ продолжалось до конца. Исторія послѣдней борьбы и гибели храбрѣйшаго народа осталась безъ собственныхъ именъ. Вѣроятно, это было даже лучше для горцевъ. Никакое единство начальствованія не спасло бы ихъ отъ нашихъ ударовъ; оно увеличило бы только число жертвъ, и такъ слишкомъ достаточное.

Въ теченіе подходившаго лѣтняго періода наступленіе должно было по необходимости замедлиться. Пришла пора сѣнокоса, заготовленіе фуража, необходимаго для зимнихъ дѣйствій, отчего число рядовъ въ дѣйствющихъ войскахъ уменьшалось на половину. Кромѣ того, устройство занятой части края требовало еще обширныхъ работъ; надобно было вырубить просѣки, связать многія станицы дорогами, обставить эти дороги постами, окончить мосты и переправы. Надобно было также изгнать послѣдніе остатки горцевъ съ сѣверной покатости хребта отъ Урупа до Бѣлой. Отдѣливъ значительное число войскъ на работы и прикрытіе передовыхъ линій, съ остальными предприняли въ восточной части Закубанскаго края только одну лѣтнюю операцію для

раскрытія лѣсной плоскости между Бѣлой и Пшишемъ. Если провести отъ Майкопа линію прямо на западъ, она обозначитъ приблизительно подошву предгорій и границу равнины, стелющейся между Кубанью и первыми высотами. Эту равнину, прикрытую темными лѣсами и густо населенную абадзехами надобно было занять въ теченіе лѣтняго періода до берега Пшиша, чтобы съ наступленіемъ осени внести войну въ предгорія и захватить все русло Пшехи, текущей между Пшишемъ и Бѣлою.

Войска Закубанскаго края были раздѣлены лѣтомъ на 5 отрядовъ: Адагумскій долженъ былъ дѣйствовать противъ шапсуговъ; Шебшскій, прикрывать центральную линію между Григорьевскимъ и Екадеринодаромъ, Пшишскій и Пшехскій назначались для исполненія упомянутой наступательной операціи; на Даховскій отрядъ возлагалось прикрывать вновь заселенный край со стороны верхняго теченія Бѣлой и Становаго хребта. Горцы собирались также большими массами. Попытки ихъ къ общему союзу хотя не соединили ихъ въ одно цѣлое, но возбудили сильный энтузіазмъ въ населеніяхъ и поставили весь край подъ ружье. Чтобъ отвлечь вниманіе горцевъ отъ готовившагося наступленія, въ маѣ и началѣ іюня, были совершены два опустошительные набѣга въ предгорія, обнимающія Майкопъ, въ которыхъ гнѣздилось густое населеніе абадзеховъ.

Въ іюнѣ Пшехскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Тихоцкаго, открылъ наступленіе за Бѣлую съ Ханскаго брода, занятаго, какъ было сказано, еще весною. Сильное скопище горцевъ смѣло вступило въ бой съ нимъ; оно было разбито и бѣжало, оставивъ 600 тѣлъ на мѣстѣ; но побѣда не избавляла насъ въ кавказской войнѣ отъ необходимости драться ежедневно и ежечасно. Постоянно провожаемый непріятелемъ, отрядъ достигъ рѣки Пшехи, большаго западнаго притока Бѣлой, и заложилъ на берегу ея станицу съ редюитомъ. Работы по возведенію станицы, расчистка окрестной страны и заготовленіе сѣна, сопровождаемыя безпрерывными дѣлами съ непріятелемъ, заняли три съ половиной мѣсяца. Въ то же время Пшишскій отрядъ, предводимый генераломъ Кухаренко*),

*) Замѣчательная судьба генерала Кухаренка; она обрисовываетъ характеръ кавказской войны лучше длинныхъ разсказовъ. Совершивъ самымъ удачнымъ

выступилъ по вырубленной весною просѣкѣ и заложилъ на Пшишѣ въ 25 верстахъ отъ Кубани первую станицу новой Пшишской линіи. Покуда эти два отряда еще не имѣли прямаго сообщенія между собою, они обозначали только двѣ крайнія точки готовившагося завоеванія.

Думали ограничить лѣтнія дѣйствія этою экспедиціей. Вдругъ положеніе дѣлъ круто измѣнилось. Горцы сами открыли сильнѣйшее наступленіе на занятую нами часть края.

Между тѣмъ какъ абадзехи развлекали войска на передовыхъ линіяхъ безпрерывными стычками, приморскіе горцы, въ головѣ которыхъ стояли убыхи, устремились въ нашъ флангъ и тылъ черезъ перевалы главнаго хребта, достаточно протаявшіе подъ лѣтнимъ солнцемъ. Войска и поселенцы съ величайшимъ удивленіемъ увидѣли предъ собой массы враговъ, никогда прежде неслыханныхъ, покрытыхъ вмѣсто папахъ остроконечными войлочными колпаками, пришедшихъ по направленію, откуда наши не ждали никакого непріятеля. Загорные съ яростію бросились въ тылъ передовымъ линіямъ, напали на станицы и укрѣпленія. Одна партія двинулась въ укрѣпленіе Хамкеты и отчаянно полѣзла на приступъ; обнесенный валомъ форштатъ былъ занятъ горцами; храбрый гарнизонъ съ величайшими усиліями отстоялъ укрѣпленіе. Другая партія бросилась на станицу Псеменскую, замыкавшую съ юга Лабинскую линію, и также занятую, кромѣ жителей, гарнизономъ изъ пѣхоты, взяла ее штурмомъ и увела половину жителей въ плѣнъ; прибывшія войска съ трудомъ спасли другую половину. Чрезъ нѣсколько дней горцы повторили нападеніе на Псеменскую станицу и довершили ея раззореніе. Потомъ они штурмовали, но неудачно, Баговскую станицу, занятую сильнымъ гарнизономъ. Шапсуги, соревнуя съ сосѣдями въ общемъ дѣлѣ, предприняли наступленіе съ своей стороны. Многочисленныя скопища ихъ бросились на укрѣпленія Григорьевское и Дмитріевское, въ надеждѣ очистить отъ русскихъ сердце своего края. Штурмъ Григорьевскаго былъ отбитъ легко; но участь укрѣп-

---

образомъ порученную ему экспедицію, генералъ Кухаренко поѣхалъ въ Ставрополь для полученія новыхъ приказаній; возвращаясь, онъ былъ схваченъ горцами на большой почтовой дорогѣ, давно уже считавшейся безопасною, и чрезъ нѣсколько недѣль, умеръ, замученный жестокимъ плѣномъ, въ ямѣ, служащей у горцевъ тюрьмой.

ленія Дмитріевскаго висѣла на волоскѣ, пока со стороны не подошла помощь. Позднѣе Шапсуги предприняли вторженіе въ Натухайскій округъ, штурмовали Бақанскую станицу, но были отбиты и при отступленіи понесли сильную потерю; удача горцевъ съ этой стороны могла повлечь за собою очень опасное возстаніе не давно замиренныхъ натухайцевъ, въ тылу Адагумской линіи. Кромѣ нападеній массами, горцы разсыпались хищническими партіями по вновь заселенной странѣ. Хотя кордонныя линіи были усилены тремя драгунскими полками, нѣсколькими казачьими и большимъ числомъ пѣхоты, но эти силы оказались недостаточными противъ множества и дерзости хищниковъ и, очевидно, не могли долго сдерживать подобный напоръ. Лошади подъ драгунами и казаками выбились изъ силъ и не могли скакать. Можно было опасаться, что содержаніе кордоновъ положитъ лоскомъ всю кавалерію, прежде чѣмъ дальнѣйшіе успѣхи измѣнятъ такое положеніе дѣлъ. Притомъ распространившіяся лихорадки, всегдашній бичъ кавказскихъ походовъ во второй половинѣ лѣта, до того изнурили войска, что въ ротѣ и эскадронѣ оставалось едва ли по пятидесяти человѣкъ; люди чередовались на службѣ въ льготные отъ лихорадки дни. Не кѣмъ было занимать надлежащимъ образомъ передовыя линіи. А между тѣмъ, несмотря на изумительную, изнуряющую дѣятельность кордоновъ, даже въ полномъ комплектѣ они не могли прикрыть лежавшія за ними поселенія, постоянно осажденныя непріятелемъ. Этимъ поселеніямъ, если-бы не казенный провіантъ, грозила бы голодная смерть, потому что полевыя работы и сообщеніе между станицами были почти прерваны разбойниками, занимавшими каждый оврагъ и каждый лѣсокъ. Между переселенцами распространилось сильное уныніе. Со стороны шапсуговъ разбои приняли такой дерзскій характеръ, что были совершены большія нападенія на станицы, огражденныя Кубанью, какъ въ двадцатыхъ годахъ.

Положеніе казалось затруднительнымъ и теперь позволительно сказать, смутило почти всѣхъ. Можно было напередъ ждать отъ горцевъ сильнаго сопротивленія и смѣлыхъ разбоевъ. Но оказалось гораздо худшее—именно, что главный хребетъ, вдоль котораго мы должны были постепенно подвигаться, нисколько не прикрываетъ нашего фланга и тыла отъ загорныхъ. Это обстоятельство, еслибы вліяніе его оказалось

постояннымъ, могло ниспровергнуть весь планъ завоеванія. Чѣмъ дальше подвигались мы впередъ, заселяя страну, тѣмъ обширнѣе становилось въ нашемъ тылу пространство, подверженное ежеминутной опасности нападенія; наши передовыя линіи оказались висящими на воздухѣ и всегда могли быть обойдены непріятелемъ. Пришлось бы оставлять столько войска для прикрытія тыла, что скоро не съ чѣмъ было бы идти впередъ. Вотъ къ какому исходу, казалось, приводило положеніе дѣлъ лѣтомъ 1862 года.

Но, если большинство дѣйствительно было смущено, графъ Евдокимовъ не былъ смущенъ нисколько. Въ веденіи войны есть двѣ стороны—матеріальная и нравственная, такъ тѣсно связанныя между собою, что нельзя принять никакого дѣльнаго военнаго рѣшенія, не имѣя обѣихъ ихъ разомъ предъ глазами. Каждый профессоръ стратегіи могъ бы быть полководцемъ, еслибы война происходила между двумя отвлеченными сторонами. Въ живой же дѣйствительности, прежде вопроса: что можно сдѣлать? идетъ вопросъ: съ кѣмъ и противъ кого? не только въ смыслѣ національной характеристики, но въ смыслѣ положенія дѣлъ и настроенія духа настоящей минуты, потому что человѣкъ не всегда бываетъ похожъ самъ на себя. Графъ Евдокимовъ зналъ горцевъ въ совершенствѣ и потому билъ навѣрное. Онъ зналъ, что горячность ихъ не продлится, что она не выстоитъ противъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, и что убыхи и другіе загорные ничего не предпримутъ на сѣверной, чуждой имъ сторонѣ горъ, безъ сильной поддержки абадзеховъ. Имѣя всѣ средства удержаться въ занятомъ положеніи до той поры, когда новые снѣга закроютъ перевалы, графъ Евдокимовъ обѣщалъ себѣ довести абадзеховъ къ будущему лѣту до такого состоянія, что на ихъ поддержку нечего будетъ разсчитывать; а потому загорные, достаточно озабоченные собственнымъ сохраненіемъ, не выйдутъ больше къ намъ въ тылъ. Все это сбылось буквально. Одинъ изъ извѣстныхъ кавказскихъ генераловъ, человѣкъ очень умный и хорошій военный, не раздѣлявшій въ то время взглядовъ графа «Евдокимова, говорилъ мнѣ въ послѣдствіи: «очень понятно» «что графъ Евдокимовъ умѣлъ искусно вести войну; но я не «понимаю какъ онъ умѣлъ влѣзть въ душу горца, чтобы въ ту пору еще знать всѣ фазисы, черезъ «которые она должна пройдти».

Вліять въ душу непріятеля,—въ этомъ и задача военнаго начальника.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Періодъ лѣтнихъ занятій продолжался до конца сентября. Войска, воздвигавшія станицы Пшехинскую и Габукаевскую, оставались на позиціи, такъ что съ іюля наши дѣйствія въ восточной части края приняли чисто оборонительный характеръ, кромѣ нѣсколькихъ набѣговъ, совершенныхъ съ передовыхъ линій. Безпрерывныя нападенія горцевъ заставляли держать въ готовности войска и безъ того обремененныя работами и ослабленныя болѣзненностію. Но по немногу натискъ непріятеля, постоянно отражаемый, сталъ ослабѣвать. Скопища убыховъ и ахчипсовцевъ стояли еще подъ перевалами, на сѣверной сторонѣ хребта, и вынуждали насъ къ осторожности; но, охлажденные рядомъ неудачъ, прибрежные горцы только грозили и выжидали. Подходило время, когда первыя мятели, очень раннія на такой высотѣ, должны были снова оградить нашъ тылъ непроходимою стѣной. Съ первою осеннею прохладой войска ожили отъ лихорадокъ; лѣсъ началъ осыпаться*). Въ концѣ сентября можно было опять двинуться впередъ.

До будущаго лѣта предположено было занять и приготовить къ заселенію обширное пространство предгорій отъ Бѣлой до ущелья Пшехи, выгнать черкесовъ изъ плоскости между Пшехой и Пшишемъ и подвинуться вверхъ по послѣдней рѣкѣ. Занятіе значило, какъ и прежде, раскрытіе горскихъ земель просѣками и дорогами, изгнаніе туземныхъ населеній, перенесеніе впередъ кордонныхъ линій и постройка станицъ, жители которыхъ должны были прибыть въ маѣ въ крѣпленныя ограды и, если можно, въ готовые дома.

---

*) Въ кавказскихъ походахъ, кромѣ дагестанскихъ, лѣсъ составлялъ главную оборону непріятеля. Дѣйствуя въ разсыпную, невидимые за густою зеленью, горцы могли держаться чрезвычайно упорно. Поэтому съ нашей стороны всегда предпочитали для наступательныхъ дѣйствій время, когда лѣсъ былъ обнаженъ.

Исполненіе этой операціи должно было считаться конченнымъ въ то время, когда отряды даховскій и пшехскій сосредоточатся на линіи, проведенной отъ верховьевъ Пшехи до выхода Пшиша изъ предгорій.

Мы отнимали такимъ образомъ половину абадзехскихъ земель и далеко подвигались на западъ вдоль хребта, до того пункта, гдѣ оканчивается рядъ снѣжныхъ пиковъ и открываются удобные перевалы на южную сторону.

Въ концѣ сентября мы двинулись впередъ; начальство надъ войсками за Лабою было ввѣрено генералу Преображенскому.

Даховскій отрядъ долженъ былъ выйдти съ Бѣлой на верхнюю Пшеху черезъ Курджипсъ, разчистивъ предварительно промежуточную страну, стало-быть, еще не скоро. Пшехинскій отрядъ сдѣлалъ диверсію вверхъ по рѣкѣ, чтобъ отвлечь вниманіе горцевъ отъ его первыхъ шаговъ, и потомъ воротился на плоскость. Съ этихъ поръ онъ дѣйствовалъ всю зиму поочередно, то въ бассейнѣ Пшехи, то на плоскости между Пшехой и Пшишемъ. Сначала онъ двинулся къ пшишскому отряду, который съ этой поры пересталъ существовать отдѣльно и вступилъ въ его составъ. Соединенные отряды прорубили просѣку вверхъ по Пшишу, устраивая по ней кордонную линію и потомъ загнули ее къ станицѣ Пшехинской; такимъ образомъ вся часть плоскости между Пшехой и Пшишемъ очутилась въ нашихъ рукахъ. Потомъ отрядъ дѣйствовалъ въ бассейнѣ Пшехи, прокладывая просѣку и дорогу вверхъ по ея теченію. Въ половинѣ декабря, когда наступили морозы и глубокіе снѣга завалили ущелье, отрядъ снова воротился на плоскость, изгналъ остатки горскаго населенія изъ полосы земли между нижнею Пшехой и Пшишемъ, раскрылъ ее поперекъ дорогами и въ концѣ января воротился къ прежнимъ трудамъ въ ущелье Пшехи, гдѣ устроилъ двѣ новыя станицы. Тяжелыя работы въ самое суровое время года и постоянныя дѣла съ горцами, иногда очень кровавыя, шли рядомъ.

Тѣмъ временемъ даховскій отрядъ, подъ начальствомъ полковника Геймана, перешелъ съ Бѣлой на Курджипсъ, въ середину самаго густаго населенія абадзеховъ, построилъ въ долинѣ этой рѣки станицу и открылъ отъ нея прямое сообщеніе въ Майкопъ. Въ началѣ ноября войска даховскаго отряда, въ присутствіи посѣтившаго Кавказъ принца Альберта прусскаго, проникли въ первый разъ до Пшехи. Но время еще не

приспѣло утвердиться на вершинахъ этой рѣки. Отрядъ воротился на Курджипсъ и рядомъ безпрерывныхъ походовъ въ теченіе ноября раскрылъ бассейнъ его просѣками; послѣ неудачныхъ попытокъ сопротивленія, горское населеніе должно было покинуть самыя завѣтныя мѣста свои и удалиться къ Пшехѣ, или выше, въ безплодныя скалы, къ истокамъ рѣки. Въ декабрѣ дѣйствія на Курджипсѣ были прерваны. Отрядъ снова сосредоточился въ Дахо, чтобъ овладѣть послѣднимъ убѣжищемъ горцевъ на Бѣлой, Хамышеевскою котловиной, лежащею подъ самымъ перевадомъ. Долина эта служила прошлымъ лѣтомъ главнымъ притономъ партіямъ загорныхъ, бросавшихся противъ нашего тыла. Ничего быть не можетъ недоступнѣе страшной мѣстности въ истокахъ Бѣлой, но тѣмъ не менѣе предпринятая экспедиція увѣнчалась полнымъ успѣхомъ; наши войска обманули горцевъ и спустились съ такихъ обрывовъ. гдѣ не было пути даже для людей, свившихъ гнѣздо подъ переваломъ Кавказа. Въ Хамышкахъ былъ сформированъ въ послѣдствіи небольшой отрядъ для постройки укрѣпленія и разработки постоянной дороги черезъ ущелье Бѣлой. Прочія войска воротились на Курджипсъ и въ январѣ снова начали преслѣдованіе горцевъ, укрывавшихся въ его верховьяхъ. Въ теченіе января и февраля наши колонны совершенно очистили бассейнъ этой рѣки, до мѣстъ, гдѣ человѣкъ не можетъ уже поставить жилья. Затѣмъ онѣ продѣлали путь отъ Курджипса къ Пшехѣ и на половинѣ его основали станицу.

Покуда эти дѣйствія происходили въ восточной сторонѣ Закубанскаго Края, адагумскій отрядъ, дѣйствовавшій съ западной стороны, отъ моря, послѣ зимнихъ и весеннихъ работъ въ Натухайскомъ округѣ, двинулся далѣе въ землю шапсуговъ. Опустошивъ еще разъ плоскость отъ Абина до *Хабля*, на которую выгнанные горцы постоянно возвращались изъ своихъ ущелій для полевыхъ работъ, генералъ Бабичъ заложилъ станицу при выходѣ Хабля изъ горъ. Работы надъ станицей и устройствомъ отъ нея прямой дороги къ Кубани, продолжались до октября, перемежаемыя впрочемъ частными набѣгами съ обѣихъ сторонъ. Это было самое жаркое время войны, когда горцы массами бросались въ наши предѣлы. Осенью адагумскій отрядъ началъ неутомимое преслѣдованіе горцевъ. Въ теченіе октября и ноября шапсугское населеніе было поголовно изгнано изъ горныхъ пространствъ, на сѣвер-

номъ склонѣ до Антхыря, а на южномъ—по морскому берегу до Мезыби. Въ послѣдующіе зимніе мѣсяца шапсуги отодвинуты также изъ длинной полосы лѣсныхъ предгорій между Антхыремъ и Шебшемъ. Одни ушли дальше, частію въ горныя ущелья, частію за горы къ соплеменникамъ; другіе переселились къ намъ; въ предгоріяхъ остались кой-гдѣ только хутора, разбросанные по самымъ глухимъ мѣстамъ. Въ тоже время предпринята разработка дороги вверхъ по Хаблю. Съ этой стороны намъ стала уже видѣться перспектива дѣйствій за горами.

Съ восточной стороны было еще далеко до перехода черезъ горы. Но и тамъ въ пространствѣ, совершенно очищенномъ отъ непріятеля, между Кубанью и Ходземъ, можно было предпринять предварительныя работы для устройства дороги черезъ перевалъ. Дорога отъ Лабы къ морю, если только возможно сладить съ природой, была бы чрезвычайно важнымъ стратегическимъ путемъ. Государь Императоръ лично указалъ на особенное значеніе этого предпріятія. Въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія, съ октября 1862 года, былъ сформированъ мало-лабанскій отрядъ, для разработки горныхъ ущелій въ этомъ направленіи.

Осенью этого года фельдмаршалъ князь Барятинскій, возвращавшійся на Кавказъ, былъ снова остановленъ тяжкою болѣзнію. Въ продолженіе двадцати мѣсяцевъ отсутствія, фельдмаршалъ могъ лишь издали слѣдить за дѣлами и указывать только главнѣйшія мѣры. Тѣмъ не менѣе виды его были вполнѣ исполнены на сколько позволило время, хотя это была трудная эпоха для Кавказа, особенно въ началѣ. Не говоря объ управленіи только что покоренными восточными горцами и другими обширными областями, въ завоеваніи западнаго Кавказа много трудовъ и заботъ пало на командующаго арміей и начальника его главнаго штаба. Временному управленію гораздо труднѣе дѣйствовать, чѣмъ настоящему. Но, однакожъ. несмотря на препятствія, возникавшія какъ нарочно при исполненіи предначертанныхъ мѣръ, дѣло шло впередъ безостановочно.

Назначенный главнокомандующимъ кавказскою арміей и намѣстникомъ кавказскимъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ прибылъ на Кавказъ въ половинѣ февраля.

Великій Князь нашелъ дѣло на западномъ Кавказѣ въ хо-

рошемъ положеніи, но еще очень далекомъ отъ окончательнаго рѣшенія. Сопротивленіе горцевъ было на высшей степени своей энергіи; никто еще не могъ знать чѣмъ разыграется будущее лѣто. Абадзехи, сбитые съ Бѣлой и Курджипса, твердо держались покуда между Пшехой и Шебшемъ; каждый шагъ наступленія дорого намъ стоилъ. Массы шапсуговъ подавались къ горамъ и частію за хребетъ; но лѣсныя трущобы предгорій были еще наполнены отдѣльно разбросанными хуторами. Если очищеніе плоскости стоило намъ такихъ усилій; если приходилось безпрестанно бѣгать взадъ и впередъ по равнинѣ, для того, чтобы въ десятый и двадцатый разъ уничтожать съ *боя* жилища, постоянно возникавшія на тѣхъ же мѣстахъ, то можно посудить какъ легко было достигнуть полнаго, невозвратнаго изгнанія горцевъ изъ едва проходимой мѣстности, гдѣ каждый камень воевалъ за нихъ. Чѣмъ выше къ хребту оттѣсняли мы массы горцевъ, тѣмъ крѣпче они могли держаться въ своихъ воздушныхъ убѣжищахъ, покуда имѣли только чѣмъ просуществовать. За ними было непочатое еще, многочисленное и воинственное приморское населеніе, подстрекаемое, вспомоществуемое всѣмъ, что ненавидитъ Россію, поддерживаемое подъ рукою, иногда даже съ беззастѣнчивою откровенностью, сильными европейскими правительствами. Въ Европѣ не вѣрили скорому окончанію кавказской драмы; чѣмъ настойчивѣе мы дѣйствовали, тѣмъ дружнѣе работали недруги Россіи. Въ Трапезонтѣ образовался настоящій комитетъ «вспомоществованія черкесамъ» изъ всѣхъ европейскихъ консуловъ, кромѣ прусскаго. Душою этого комитета, почти признаннымъ предсѣдателемъ его, былъ полякъ Подайскій, драгоманъ французскаго консульства. Всякій авантюристъ, желавшій оказать помощь черкесамъ противъ «русскаго варварства», былъ снаряжаемъ и отправляемъ на счетъ безымянныхъ благотворителей. На ихъ же счетъ посылались къ восточному берегу запасы пороха, снарядовъ, аммуниціи, нарѣзныя пушки и проч. При возраставшемъ рвеніи въ пользу черкесовъ и въ обстоятельствахъ 1864 года, легко было ожидать, что тѣ же неизвѣстные благотворители не поскупятся поддержать большими подвозами провіанта стѣсненное черкеское населеніе. Эта послѣдняя поддержка была бы гораздо дѣйствительнѣе подвоза авантюристовъ, которые только интриговали, хвастали и прятались отъ нашихъ пуль, такъ что ни одинъ изъ нихъ не былъ никогда раненъ.

Надобно было ждать всего и не слишкомъ разсчитывать на голодъ, какъ на одно изъ средствъ одолѣть сопротивленіе горцевъ. Чѣмъ болѣе мы оттѣсняли горское населеніе къ берегу, тѣмъ удобнѣе было нашимъ завистникамъ протянуть ему руку помощи; мѣстность же южнаго склона горъ еще неприступнѣе чѣмъ сѣвернаго; а на дѣйствія моремъ въ 1863 году нельзя было положиться. Однимъ словомъ за многочисленнымъ горскимъ населеніемъ, исполненнымъ отваги, твердо еще державшимся на сѣверномъ склонѣ, стоялъ многочисленный резервъ приморскихъ горцевъ, непочатыхъ, самоувѣренныхъ, поддерживаемыхъ нравственно и матеріально Турціей и чуть не всею Европой. Наши недруги видимо обѣщали себѣ не дать второй разъ того же промаха съ независимымъ Кавказомъ, какой дали они во время восточной войны. Въ то же время все мусульманское населеніе Кавказа волновалось самою зажигательною религіозною проповѣдью и часто повторяемыми обѣщаніями скорой подмоги. Надъ этою картиной вставалъ 1863 годъ съ польскимъ бунтомъ, съ нотами и всеобщимъ вооруженіемъ. Вотъ положеніе, въ какомъ принялъ Кавказъ великій князь Михаилъ Николаевичъ раннею весной 1863 года.

Надобно было кончить покореніе западнаго Кавказа такъ скоро, чтобы намъ не успѣли помѣшать. Къ этой цѣли была направлена вся дѣятельность послѣдняго времени.

Великій князь ни въ чемъ не измѣнилъ плана войны, установленнаго при князѣ Барятинскомъ, и служившаго съ тѣхъ поръ основаніемъ всѣмъ дѣйствіямъ на западномъ Кавказѣ. Планъ этотъ, безъ сомнѣнія, былъ наилучшій въ данныхъ обстоятельствахъ; онъ рѣшалъ дѣло вѣрнѣе и полнѣе всякаго другаго. Тѣмъ не менѣе, почти всѣ на Кавказѣ ожидали измѣненій, а другіе, въ то время еще не убѣжденные результатомъ, даже желали ихъ. Было столько же голосовъ «за», какъ и «противъ» и даже вторыхъ было едва ли не больше. Великому князю предстояло не слѣдовать установленному порядку вещей, но выбирать—и онъ выбралъ лучшее. Я не знаю примѣра, чтобы за перемѣной главнокомандующаго не послѣдовало большихъ измѣненій въ самомъ характерѣ дѣйствій. Слишкомъ трудно вложить въ свою душу чужую мысль и развивать ее послѣдовательно: это также творчество; не многіе люди, облеченные полномочіемъ власти, пойдутъ по чужой дорогѣ, потому только что она лучшая. Великій князь принялъ чужой планъ,

оттого что онъ былъ самый вѣрный въ предстоявшемъ дѣлѣ, и развилъ его до изумительной полноты результата. Смѣю выразить мнѣніе всѣхъ моихъ сослуживцевъ, — это рѣшеніе показываетъ вмѣстѣ и вѣрный военный взглядъ и высокое сердце.

Но если дѣйствія продолжались на основаніи установленнаго плана то исполненіе значительно ускорилось противъ прежняго. Въ началѣ 1863 года многое было совершено; но никто еще не мечталъ о близкомъ окончаніи войны; тѣмъ больше, что самая цѣль ея, не покореніе, а изгнаніе черкесовъ изъ горъ, заставляла ждать отчаяннаго сопротивленія. Между тѣмъ внѣшнія событія не позволяли терять ни одного дня. Со времени назначенія главнокомандующимъ Его Высочества, наступленіе пошло съ необыкновенною быстротой, операція слѣдовала за операціей безъ прерыва, пока послѣдніе остатки горцевъ, прижатые къ морю, не сложили оружія.

Первый походъ противъ горцевъ, подъ личнымъ предводительствомъ Великаго Князя, былъ совершенъ въ послѣднихъ числахъ февраля и первыхъ марта, отъ рѣки Хабля и рѣки Пшехи, параллельно Кубани, но въ значительномъ разстояніи отъ нея, чрезъ лѣсистую и бездорожную страну, большая часть которой никогда еще не была пройдена русскими войсками. 25-го февраля Великій Князь выступилъ изъ станичнаго окопа на Хабли по просѣкѣ, вдоль подошвы горъ. На другой день къ адагумскому отряду присоединился на рѣкѣ Убинѣ шебскій. Во время пути продолжалось безпрерывное дѣло съ шапсугами. 27-го отряды, выступивъ изъ укрѣпленія Григорьевскаго, проникли въ сторону, гдѣ еще упорно держались массы непріятеля. Абадзехи смѣнили шапсуговъ и пробовали задержать движеніе; но атакованные кавалеріей, были опрокинуты. 28-го, оставивъ подъ прикрытіемъ части войскъ обозъ, стѣснявшій движеніе въ этой глухой сторонѣ, Его высочество двинулся съ остальною частью къ рѣкѣ Псекупсу. Абадзехи заняли, на перерѣзъ пути, сильную позицію въ заросшей лѣсомъ балкѣ; но обойденные внезапно кавалеріей, попались между двухъ огней и понесли сильное пораженіе; все поле было покрыто ихъ трупами. На Псекупсѣ дожидалась часть пшехскаго отряда, пришедшая туда обходною дорогой, налегкѣ. Великій Князь отпустилъ пришедшія съ нимъ войска и продолжалъ движеніе черезъ непріятельскую землю съ пшехинскимъ отрядомъ. 1-го марта войска шли постояннымъ боемъ; правая цѣпь и кавале-

рія два раза должны были выбивать горцевъ изъ опушекъ. 2-го марта предстояла переправа черезъ Пшишъ, противъ только-что основанной Бжедуховской станицы. Абадзехи стеклись сюда во множествѣ, въ надеждѣ отплатить за вчерашнее пораженіе; они устроили сильный завалъ параллельно дамбѣ, по которой приходилось вытягиваться отряду. Завалъ былъ взятъ стремительнымъ натискомъ, но жаркій бой продолжался въ лѣсу во все время переправы. 3-го марта, на походѣ изъ станицы Бжедуховской въ станицу Пшехинскую, движеніе кончилось новою кавалерійскою атакой, нанесшей опять чувствительную потерю непріятелю. Съ прибытіемъ въ Пшехинскую станицу войска находились уже на русской землѣ.

Послѣ этой кратковременной, хотя довольно кровопролитной экспедиціи, особенно для горцевъ, нѣсколько разъ сильно пространившихъ, отряды воротились на свои мѣста.

Въ теченіе марта и апрѣля пшехинскій отрядъ строилъ новыя станицы на Пшишѣ и въ ущельѣ Пшехи и прокладывалъ между ними дороги. Даховскій отрядъ въ то же время продѣлалъ отъ Курджипса еще новую, верхнюю просѣку къ Пшехѣ и занялся постройкой станицы на верхнемъ теченіи послѣдней рѣки. Кругъ дѣйствія двухъ отрядовъ такъ сблизился, что они могли войдти въ соприкосновеніе. Войсками за Лабою въ это время командовалъ генералъ Зотовъ. Подъ его начальствомъ пшехинскій отрядъ двинулся отъ предѣловъ своего района вверхъ по ущелью Пшехи, черезъ мѣста еще принадлежавшія непріятелю. Жившіе на берегахъ Пшехи горцы, ежедневно все болѣе стѣсняемые, рѣшились стать грудью, чтобы не допустить соединенія двухъ отрядовъ. Они загромоздили ущелье сильными завалами, не спасшими ихъ однакожъ отъ пораженія. Пшехинскій отрядъ прошелъ по ихъ тѣламъ и соединился съ даховскимъ. Все теченіе Пшехи, кромѣ самыхъ ея истоковъ, было въ нашихъ рукахъ. Въ маѣ, по берегу рѣки была готова кордонная линія, отъ расположенія даховскаго отряда до низовьевъ.

Воротившись на мѣсто изъ кратковременнаго движенія, пшехинскій отрядъ продолжалъ постройку станицъ вверхъ по Пшишу. Наконецъ приступлено было къ важной операціи, долженствовавшей связать прямымъ путемъ военныя линіи этихъ двухъ рѣкъ и довершить рядъ дѣйствій, продолжавшихся непрерывно съ прошлой осени. Просѣка съ дорогой проложена

по теченіи рѣчки Тухъ, притока Пшехи, до урочища Хадыжи на верхнемъ Пшишѣ. Изъ Хадыжей отрядъ прошелъ съ сильнымъ боемъ внизъ по рѣкѣ и потомъ къ станицѣ пшехинской. Наши линіи обогнули обширный край отъ устья Пшиша до верхней Пшехи и оттуда черезъ верховья Курджипса въ Дахо. Планъ дѣйствій, предположенный прошлою осенью, былъ въ точности исполненъ.

По проѣздѣ Великаго Князя главнокомандующаго, адагумскій отрядъ выгналъ непріятельское населеніе изъ лѣсныхъ предгорій между Афипсомъ и Шебшемъ. Дороги вверхъ по Хаблю и Абину чрезъ горы разрабатывались усиленно, чтобъ открыть къ данному времени доступъ на южный склонъ, къ приморскимъ шапсугамъ. Въ длинной полосѣ лѣсныхъ предгорій отъ Абина до Шебша оставались только развалины деревень. Съ мая адагумскій отрядъ, раздѣлившись на колонны, заложилъ въ этой землѣ отъ Адагума до Иля цѣлый рядъ станицъ для будущаго абинскаго казачьяго полка.

Лѣто воротилось, но не привело съ собою возврата прошлогоднихъ затрудненій. Относительное положеніе наше и горскихъ племенъ было уже совсѣмъ не то. Абадзехи, усиленные укрывшимися между ними мелкими племенами, стояли еще массой на сѣверной сторонѣ хребта и не показывали никакого расположенія къ уступкамъ; они энергически защищали каждую пядь земли; но положеніе ихъ съ каждымъ днемъ становилось затруднительнѣе. Сбитые кучей въ тѣсномъ пространствѣ между верхнею Пшехой и Шебшемъ, на половину бездомные, такъ какъ они сбѣжались сюда толпами изо всѣхъ концевъ своего обширнаго края, они были въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ осаждены съ трехъ сторонъ русскими отрядами. Шапсуги, окончательно выбитые съ равнины и изъ предгорій, частію укрывались въ безплодныхъ горныхъ ущельяхъ, частію переваливали къ одноплеменникамъ — загорнымъ шапсугамъ; не имѣя средствъ основать вдругъ новое хозяйство и потерявъ старое, они сильно обременяли своихъ хозяевъ. Хотя операціонная линія дѣйствующихъ отрядовъ со стороны Лабы стала вдвое длиннѣе, чѣмъ въ прошломъ году, и потому еще болѣе обширное пространство въ тылу было подвержено обходу приморскихъ горцевъ, но всѣ перевалы черезъ хребетъ въ этой тыльной полосѣ были въ нашихъ рукахъ по малой Лабѣ, по Ходзу и по Бѣлой. Главное же, — между загорными населе-

ціями уже распространялось смущеніе. Видя постепенное, но неотразимое наступленіе русскихъ колоннъ, приближавшееся по немногу къ ихъ предѣламъ, они начинали бояться за себя. Убыхи и другіе загорные не покинули общаго дѣла; они храбро дрались въ рядахъ абадзеховъ, но только объ руку съ ними, въ ихъ землѣ. Отдѣльныя самостоятельныя дѣйствія противъ нашего тыла, между рядами воздвигнутыхъ съ тѣхъ поръ станицъ и укрѣпленій, уже не шли имъ на умъ. Ничего похожаго на событія прошлаго лѣта не повторилось.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ.

Изъ послѣдняго письма вы видѣли какъ тревожныя политическія событія 1863 года удвоили дѣятельность кавказской арміи. Съ весны военныя дѣйствія стали развиваться чрезвычайно быстро. Но матеріальныхъ потребностей все-таки нельзя было обойти. Съ приближеніемъ лѣта надобно было отдѣлить значительное число войскъ для покоса и для прикрытія переселенцевъ, изъ которыхъ одни только что водворились, другіе еще двигались. Наступленіе было пріостановлено, но дѣятельность не ослабѣла, только приняла покуда другое направленіе. Громадность работъ, совершенныхъ въ этотъ лѣтній періодъ, превосходитъ вѣроятіе. Надобно было додѣлать столько дорогъ, достроить столько станицъ и мостовъ, постоянно отражая непріятеля, подвезти въ разные пункты столько матеріальныхъ запасовъ по опаснымъ дорогамъ, открытымъ одной вооруженной силѣ, что срокъ въ 2½ мѣсяца могъ быть достаточнымъ лишь при усугубленной дѣятельности. Работы, совершенныя въ это лѣто, имѣли значительное вліяніе на дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій. Съ окончаніемъ линій, станицъ и кордоновъ по шапсугскимъ предгоріямъ, по русламъ Пшиша и Пшехи, мы становились на твердомъ основаніи въ глубинѣ непріятельской земли и могли безъ риска идти до самаго моря. Въ концѣ августа войска снова были готовы къ дѣйствіямъ.

Для окончанія войны на сѣверной сторонѣ горъ надобно было исполнить два предпріятія: подавить абадзеховъ, скопившихся между верхнею Пшехой и притоками Шебша, и выгнать изъ лѣсныхъ ущелій, по всей длинѣ хребта, множество

укрывшихся тамъ горцевъ. Эти люди, разбѣжавшіеся тысячами по самымъ глухимъ мѣстамъ послѣ отступленія массъ, хотя не составляли сплошнаго непріязненнаго населенія, но все таки были такъ опасны, что край, ихъ скрывавшій, ни въ какомъ случаѣ мы не могли назвать покореннымъ. Исполненіе двухъ этихъ предпріятій требовало совсѣмъ противуположныхъ средствъ. Для перваго, имѣвшаго серіозный военный характеръ, нужно было сосредоточенное дѣйствіе массъ; для втораго—раздѣленіе войскъ на множество не большихъ летучихъ отрядовъ, которые обыскали бы по очередно всѣ глухія долины горнаго лабиринта.

Окончательное покореніе абадзеховъ было не легко, могло стоить чрезвычайно много крови и, что было тогда особенно важно, много времени. Многочисленное абадзехское населеніе сперлось въ тѣсномъ относительно пространствѣ. Если бы для насъ время было такъ дешево какъ къ бывалые годы, можно было бы попробовать покорить абадзеховъ голодомъ. Но какъ разсчитывать на время и заниматься долгою блокадой въ 1863 году? Не говорю уже о политическихъ событіяхъ этого года; но съ тѣхъ поръ какъ Европа стала видимо принимать независимый Кавказъ подъ свое покровительство, мы должны были исключить время изъ своихъ соображеній: тѣмъ болѣе, что блокада была бы полумѣрой, когда абадзехи имѣли открытое сообщеніе съ моремъ.

Въ прямой же борьбѣ удвоенная густота населенія удвоивала оборонительныя средства. Покореніе оставшейся за абадзехами страны открытою силой, при систематическомъ наступленіи и необходимости раскрывать каждый лѣсъ, разчищать каждую долину и вездѣ строить станицы, потребовало бы также достаточно времени, слишкомъ для насъ дорогаго. Абадзехская война была рѣшена внезапно и съ незначительной потерей превосходнымъ стратегическимъ маневромъ. Вмѣсто того чтобы ломить абадзеховъ силой, ихъ обошли и заперли какъ въ клѣткѣ.

Оставшаяся за абадзехами страна имѣла видъ удлиненной трапеціи, тянувшейся вдоль хребта; острые углы ея лежали: нижній—на водораздѣльномъ отрогѣ между Псекупсомъ и Шепсомъ, верхній—на самомъ хребтѣ у Гойтхскаго перевала, соотвѣтствующаго истокамъ Пшиша. Сѣверная, восточная и западная стороны трапеціи были обложены нашими войсками.

Съ южной стороны, образуемой хребтомъ, абадзехи сосѣдили съ приморскими шапсугами, которые падали уже и скоро совсѣмъ пали подъ нашими ударами. Главную и давнишнюю поддержку абадзеховъ составляли убыхи, земля которыхъ также подходила клиномъ къ Гойтхскому перевалу, такъ что этотъ перевалъ составлялъ точку соприкосновенія между двумя народами.

Абадзехи ждали наступленія въ сердце своей страны. Вмѣсто того, всѣ наши силы были вдругъ обращены противъ оконечности ихъ земли въ страну между Пшехой и Пшишемъ, въ направленіи къ Гойтхскому перевалу. Въ концѣ августа даховскій отрядъ сосредоточился между этими рѣками на ручьѣ Шекадзѣ, пшехинскій отрядъ подъ укрѣпленіемъ Хадыжи на Пшишѣ. Рекогносцировка къ вершинѣ Тхухи и собранныя въ этихъ мѣстахъ свѣденія объяснили топографію верхней страны и Гойтхскаго перевала, до тѣхъ поръ еще никѣмъ изъ нашихъ не виданнаго. Районъ дѣйствій двухъ отрядовъ былъ обозначенъ теченіемъ Тхухи. Полковнику Гейману съ даховскимъ отрядомъ поручено очищеніе полосы между Пшехой и Пшишемъ, къ югу этой рѣчки; пшехинскому отряду, поступившему подъ команду полковника Граббе,—къ сѣверу. Дѣйствовали съ возможною быстротой. Къ 1-му октября верхнее междурѣчье было раскрыто по всѣмъ направленіямъ, и туземное населеніе изгнано за Пшишъ; остались, какъ вездѣ, горные хутора въ верховьяхъ ущелій. Затѣмъ оба отряда, не теряя ни одного дня, сосредоточились въ Хадыжахъ, гдѣ былъ устроенъ главный складочный пунктъ для задуманной операціи. Ударъ долженъ былъ пасть немедленно.

Но враги наши еще не унывали; чѣмъ далѣе мы шли впередъ, тѣмъ яростнѣе дѣйствовали покровители черкесовъ. Множество новыхъ авантюристовъ наѣхало на восточный берегъ, гдѣ, не видя русскихъ, они пріобрѣтали увѣренность, что всѣ успѣхи наши—басня, и къ счастію, поддерживали это мнѣніе въ Европѣ. Съ ними прибылъ горскій выходецъ Измаилъ-паша и привезъ между другими пособіями четыре нарѣзныя пушки. Убыхи писали къ абадзехамъ въ народномъ посланіи, чтобъ они отнюдь не покорялись, держались бы до послѣдней возможности, что скоро положеніе дѣлъ разомъ измѣнится. Подкрѣпляя слова дѣломъ, они послали на помощь къ нимъ сильный сборъ. Измаилъ-паша извѣщалъ абадзеховъ, что въ под-

крѣпленіе имъ собирается на берегу отрядъ французовъ и поляковъ съ пушками, и также заклинаіъ ихъ держаться.

Тѣмъ временемъ соединенные отряды, пшехинскій и даховскій, быстро двинулись вверхъ по Пшишу къ Гойтхскому перевалу, расчищая ущеліе просѣкой. Убыхское скопище, шедшее въ подмогу абадзехамъ по этой самой, единственной дорогѣ, наткнувшись на отряды, поняло куда мы протягиваемъ руку, и спѣшило укрѣпить Гойтхскій перевалъ, но было предупреждено: быстро двинутая обходная колонна заняла перевалъ 9-го октября. Вслѣдъ за тѣмъ отряды сосредоточились на этомъ рѣшительномъ пунктѣ, и сейчасъ же заложили тамъ временное укрѣпленіе.

Въ это время адагумскій отрядъ стоялъ уже за горами, посреди приморскихъ шапсуговъ, опустошая ихъ жилища; джубскій отрядъ шелъ туда же черезъ шебшскій перевалъ. Было ясно, что черезъ мѣсяцъ эта часть берега будетъ окончательно покорена. Абадзехи увидѣли себя окруженными съ южной стороны и, что хуже всего, отрѣзанными отъ убыховъ. Все время войны они дѣйствовали заодно съ убыхами; теперь они остались одни передъ русскими. Кромѣ того, сообщеніе было имъ необходимо для подвоза продовольствія столпившемуся въ кучу народу, хоть бы въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Какъ только мы овладѣли верхними землями между Пшишемъ и Пшехой, черезъ которыя сообщались оба народа, еще до занятія Гойтхскаго перевала, абадзехи поняли свою участь и смирились. Въ урочищѣ Мельгашинъ, въ присутствіи графа Евдокимова, лично управлявшаго всѣми послѣдними дѣйствіями, старшины ихъ подписали присяжный листъ на безусловную покорность. Абадзехамъ было предоставлено оставаться на занимаемыхъ имъ мѣстахъ только до 1-го февраля слѣдующаго года, а потомъ идти или на прикубанскую плоскость, или въ Турцію. Абадзехи сдались ровно чрезъ четыре года послѣ договора, заключеннаго ими съ генераломъ Филипсономъ. Они выдержали два года самой упорной войны.

Гойтхскій перевалъ былъ занятъ налетомъ; надо было укрѣпить его и связать съ задними линіями удобною дорогой, огражденною кордономъ. Исполненіе этого труда въ началѣ зимы на страшной высотѣ, подъ жестокими непогодами, заняло оба отряда въ продолженіе октября и ноября. Убыхи однакожъ не хотѣли считать покореніе абадзеховъ совершившимся фактомъ

и надѣялись, сбивъ насъ съ перевала, опять ихъ возмутить. Сильное убыхское скопище, съ отрядомъ европейскихъ флибустьеровъ, и нарѣзными пушками, расположилось около перевала у Чилинса, и собиралось строить батареи. 8-го ноября полковники Граббе и Гейманъ скрытно подступили къ непріятельскому лагерю и разсѣяли новыхъ союзниковъ; однакожъ не успѣли захватить пушки, поспѣшно увезенныя къ берегу. Кромѣ этого дѣла, отряды безпрестанно отдѣляли отъ себя летучія колонны для истребленія деревень въ высокихъ горныхъ долинахъ и лѣсныхъ ущельяхъ, по притокамъ Пшиша и Пшехи. Хотя масса абадзеховъ покорилась, но часть населенія, жившая подъ перевалами, въ самыхъ глухихъ котловинахъ, еще не просила мира, надѣясь на крѣпость своей мѣстности. Къ этимъ горцамъ изъ горъ стекались всѣ отчаянные люди и всѣ недовольные замиреніемъ. Какъ нѣсколько разъ было сказано, изгнаніе такихъ разсѣянныхъ хуторянъ представляло во всѣхъ районахъ чрезвычайныя трудности. Для довершенія этого дѣла весь пшехскій отрядъ былъ направленъ въ концѣ ноября въ верхній бассейнъ Пшиша и жегъ мелкіе аулы, пока декабрьскія метели, невообразимо страшныя въ горахъ, не заставили отвести его къ Хадыжамъ. Даховскій отрядъ одинъ окончилъ Гойтхское укрѣпленіе и для той же цѣли сошелъ къ верьховьямъ Пшехи. Работы и поиски двухъ отрядовъ продолжались весь январь. Тѣмъ временемъ летучій отрядъ, составленный преимущественно изъ кабардинской милиціи, обыскивалъ горы въ давно занятомъ районѣ, между Бѣлой и Пшехой, и даже тамъ нашелъ много селеній, забившихся между недоступными крутизнами.

Въ верховьяхъ пшехинскаго бассейна оставались еще два небольшія общества, не изъявившія покорности и до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстныя. Одно, тубинское, было разорено на половину генераломъ Гейманомъ; сильныя метели, захватившія отрядъ, не дали кончить предпріятіе. Другое, хакучинское, жившее въ вѣковой непріязни съ сосѣдями, малочисленное, но занимавшее очень крѣпкую мѣстность, было покуда обойдено. Ничтожное, по значенію, покореніе его отвлекло бы войска отъ серьезнаго непріятеля, и потому было отложено до общаго усмиренія края.

Покуда громили абадзеховъ, два отряда, адагумскій и джубскій (сформированный въ концѣ августа въ укр. Григорьев-

скомъ, подъ начальствомъ атамана Кубанскаго войска графа Эльстона-Сумарокова), настойчиво продолжали дѣйствія противъ шапсуговъ. Проработавъ дорогу по Адырбею къ Геленджику и очистивъ еще разъ ущелія, лежащія въ тылу вновь основаннаго абинскаго казачьяго полка отъ разбѣжавшихся горцевъ, адагумскій отрядъ двинулся, разрабатывая дорогу, къ морскому берегу и въ половинѣ октября пришелъ въ Пшаду, бывшее Новотроицкое укрѣпленіе. Мы снова стали занимать прежніе береговые форты, но уже не прежнимъ способомъ; гдѣ становилась теперь нога русскаго солдата, тамъ земля дѣлалась русскою. Оставивъ на Пшадѣ часть войска въ укрѣпленномъ лагерѣ, генералъ Бабичъ двинулся параллельно берегу, по направленію къ Джубѣ (бывшему укр. Тенгинскому), куда шелъ также джубскій отрядъ, заранѣе названный этимъ именемъ по предназначенной ему цѣли; на пути адагумскій отрядъ прокладывалъ дорогу и жегъ шапсугскіе аулы. Въ ноябрѣ онъ разработалъ два перевала черезъ горы, потомъ снова двинулся по морскому берегу далѣе къ югу-западу, дѣйствуя въ связи съ джубскимъ отрядомъ, и захватилъ устье рѣки Шапсуго. Во время всѣхъ этихъ дѣйствій, отрядъ постоянно отдѣлялъ летучія колонны, искрестившія всю сторону и раззорившія множество ауловъ. По окончаніи послѣдняго похода, назначенія адагумскаго отряда было исполнено; передъ нимъ уже не было непріятеля, до района дѣйствій джубскаго отряда все было покорено. Въ началѣ декабря отрядъ былъ расформированъ. Начальникъ его, старый воинъ генералъ Бабичъ, командовавшій войсками въ этой части края все время, отъ перваго перехода русскихъ за Кубань въ 1857 году до послѣдняго дня, имѣетъ право назваться завоевателемъ шапсуговъ. Онъ умѣлъ дѣлать много, сберегая силы солдатъ, и, по справедливости, заслужилъ хорошую славу въ войскахъ.

Джубскій отрядъ началъ дѣйствія въ послѣднихъ числахъ августа. Въ продолженіи полутора мѣсяца, до половины октября, онъ разработалъ дорогу вверхъ по Шебшу черезъ перевалъ, выгналъ населеніе, занимавшее этотъ басейнъ этой рѣки и построилъ на берегу ея станицу. Осенью, когда вниманіе приморскихъ шапсуговъ было обращено исключительно на адагумскій отрядъ, временно командовавшій джубскимъ отрядомъ полковникъ (нынѣ генералъ) Левашовъ сдѣлалъ быстрый набѣгъ на Джубу и взялъ тамъ у горцевъ пять орудій.

Къ 1-му ноября раскрытіе и опустошеніе бассейна Шебша были кончены: по возвращеніи графа Сумарокова дѣйствія перенесены на южную сторону. Шапсуги, тѣснимые двумя отрядами, отодвигались все дальше въ глубь страны, но нигдѣ не могли найдти убѣжища; наши колонны неотступно шли по ихъ пятамъ. Они были доведены до крайности и начинали сдаваться цѣлыми деревнями, и ихъ немедленно отсылали, подъ прикрытіемъ войскъ, для водворенія на Нижней Кубани. Въ половинѣ ноября графъ Сумароковъ перенесъ дѣйствія въ устье Шапсуго, взятое предъ тѣмъ войсками адагумскаго отряда. Изъ этой позиціи онъ разработывалъ дорогу назадъ, изгоняя туземное населеніе отовсюду, куда проникали наши колонны. Въ декабрѣ джубскій отрядъ прошелъ, сожигая аулы, по верховьямъ рѣчекъ, нижнее теченіе которыхъ было уже въ рукахъ адагумскаго отряда; въ то же время отряженныя отъ него колонны очистили на сѣверной плоскости лѣвый берегъ Псекупса. Обширная страна отъ впаденія Кубани въ море до теченія Псекупса и Шапсуго была въ нашихъ рукахъ. Слѣдуя правилу, принятому съ самаго начала войны, упрочивать немедленно каждый шагъ впередъ, на окраинѣ завоеваннаго пространства, по теченію Псекупса и Шапсуго, отъ Кубани до моря, на протяженіи слишкомъ полутораста верстъ, начато устройство новой кордонной линіи. Предпріятіе это было исполнено въ теченіе зимы частію войскъ джубскаго отряда.

Подходилъ срокъ выселенія абадзеховъ. По условію, они могли оставаться на своихъ мѣстахъ только до 1-го февраля. Съ половины января графъ Евдокимовъ двинулъ въ ихъ землю пшехинскій отрядъ, раскрывшій просѣками нѣсколько долинъ; жители не оказывали сопротивленія. Съ наступленіемъ срока абадзехамъ дана была семидневная отсрочка для сбора имущества: по прошествіи этихъ семи дней, они должны были двинуться массой, съ семействами, или въ отведенныя имъ низовыя земли, или къ указаннымъ портамъ Чернаго моря. Затѣмъ 8-го февраля въ абадзехскія земли двинуты единовременно три отряда, съ приказаніемъ жечь аулы и гнать отсталыхъ. Пшехинскій отрядъ очистилъ страну между Пшишемъ и рѣкой Марте; джубскій—отъ Марте до Псекупса; даховскій —верховья Пшиша. Абадзехское племя раздѣлилось почти на двѣ равныя части: одна часть потянулась къ низовьямъ Бѣлой для поселенія; другая — къ Тамани для отплытія моремъ въ

Турцію; нѣсколько тысячъ ушло къ Туркамъ черезъ вольныя горскія земли. Непослѣдовавшіе за массою народа должны были подвергнуться участи военно-плѣнныхъ. Приблизительно, число выселившихся и разбѣжавшихся абадзеховъ составляло около 70-ти тысячъ, т. е. половину количества, которое считалось до войны, хотя абадзехское населеніе было усилено многими бѣжавшими къ нимъ мелкими племенами.

Съ выходомъ абадзеховъ война, на сѣверной сторонѣ горъ могла считаться конченною. Вся страна отъ Кубани до хребта была покорена, часть берега до рѣки Шапсуго также была занята. Оставались независимыми часть загорныхъ шапсуговъ, убыхи и абхазскія племена, жившія на югъ отъ нихъ. Послѣдующія дѣйствія въ предгорной странѣ имѣли характеръ, если можно такъ выразиться, чистой отдѣлки работы, совершенной до тѣхъ поръ вчернѣ. За выселеніемъ горскихъ массъ, все равно отступали ли онѣ передъ нашими погромами или выходили по добровольному соглашенію, всегда оставалось большое число людей, упорно укрывавшихся въ трущобахъ. Для изгнанія отставшихъ абадзеховъ съ верховьевъ Псекупса, отдѣлены были части войскъ отъ даховскаго и джубскаго отрядовъ, продолжавшія свои поиски до 1-го марта. Съ этого времени страна между притоками Шебша и Пшиша, въ которой укрывались абадзехи, была окончательно очищена: въ нее можно было ввести русское населеніе, какъ только оно прибудетъ въ концѣ весны.

Но смести совершенно туземное населеніе съ горъ, было почти также трудно, какъ осушить море. Чтобы достигнуть этой цѣли, нужна была необыкновенная настойчивость графа Евдокимова. Только-что послѣдніе остатки абадзеховъ были изгнаны, новыя толпы горцевъ стали возвращаться съ берега, куда они ушли передъ тѣмъ для отплытія въ Турцію; зная коротко свою землю, они разсѣялись въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, гдѣ всего труднѣе было ихъ открыть. Снова нужно было разослать по всѣмъ горамъ летучія колонны, чтобы сгонять бѣглецовъ или къ берегу, или въ назначенныя для поселенія мѣста. Поиски, съ разными перерывами, продолжались до середины лѣта. Оказалось необходимымъ даже сформировать особый отрядъ въ верховьяхъ Псекупса, чтобы не допускать горскихъ бѣглецовъ въ эти скрытныя мѣста.

Пшехинскій отрядъ долго былъ занятъ такими же поисками.

Въ то время уже были открыты дѣйствія на южномъ склонѣ. Сначала пшехинскій отрядъ дѣйствовалъ въ связи съ войсками, перешедшими на южную сторону и раззорялъ аулы за хребтомъ въ вершинѣ рѣки Туапсе. Но какъ только стали протаивать горныя дороги, и остаткамъ черкесскаго населенія въ верховьяхъ Пшехи, противъ которыхъ дѣйствовалъ зимой генералъ Гейманъ, открылся доступъ на равнину, стало необходимымъ для безопасности нашихъ поселеній раззорить въ конецъ эти разбойничьи гнѣзда. Въ половинѣ марта отрядъ генерала Граббе былъ отозванъ на сѣверную сторону и въ концѣ мѣсяца двинутъ въ бассейнъ верхней Пшехи, въ которомъ дѣйствовалъ до половины апрѣля. Онъ докончилъ раззореніе тубинскаго общества, согналъ съ горъ его жителей, также многихъ разсѣянныхъ хуторянъ, и обогнувъ съ юга эту часть хребта, возвратился на сѣверъ чрезъ бѣлорѣченскій перевалъ. Въ теченіе остальной части весны пшехинскій отрядъ разработалъ съ верхняго Пшиша на Гойтхъ прочную дорогу, по которой установилось главное сообщеніе съ приморскими отрядами; за тѣмъ онъ былъ расформированъ. Одни изъ составлявшихъ его войскъ поступили на усиленіе прочихъ отрядовъ; другіе были отданы въ распоряженіе атамана кубанскаго войска, для возведенія станицъ въ пустынной странѣ оставленной абадзехами. Съ раздѣленіемъ пшехскаго отряда кончились дѣйствія на сѣверной сторонѣ.

Горцы потерпѣли страшное бѣдствіе; въ этомъ нечего запираться, потому что иначе и быть не могло. Они отказались отъ милостивыхъ предложеній, сдѣланныхъ имъ лично Государемъ Императоромъ, и гордо приняли вызовъ на войну. Никакіе договоры съ тѣхъ поръ уже не были возможны, да и не съ кѣмъ было ихъ заключить, при царившей у нихъ безладицѣ. Горцы сопротивлялись чрезвычайно упорно, не только въ открытомъ бою, но еще больше энергіей массы: они встрѣчали наши удары съ какимъ-то безчувствіемъ; какъ отдѣльный человѣкъ въ полѣ не сдавался передъ цѣлымъ войскомъ, но умиралъ убивая, такъ и народъ, послѣ раззоренія до тла его деревень, произведеннаго въ десятый разъ, цѣпко держался на прежнихъ мѣстахъ. Мы не могли отступить отъ начатаго дѣла и бросить покореніе Кавказа, потому только, что горцы не хотѣли покоряться. Надобно было истребить горцевъ на половину, чтобъ заставить другую половину положить оружіе. Но

не болѣе десятой части погибшихъ пали отъ оружія; остальные свалились отъ лишеній и суровыхъ зимъ, проведенныхъ подъ мятелями въ лѣсу и на голыхъ скалахъ. Особенно пострадала слабая часть населенія — женщины и дѣти. Когда горцы столпились на берегу для отправленія въ Турцію, по первому взгляду была замѣтна неестественно малая пропорція женщинъ и дѣтей противъ взрослыхъ мущинъ. При нашихъ погромахъ множество людей разбѣжалось по лѣсу въ одиночку; другіе забивались въ такія мѣста, гдѣ и нога человѣка прежде не бывала. Летучіе отряды находили людей совсѣмъ одичавшихъ отъ долгаго одиночества. Разумѣется, такіе особняки большею частію гибли; но что было дѣлать? Позволяю себѣ повторить нѣсколько словъ графа Евдокимова по этому поводу. Онъ сказалъ мнѣ разъ: «Я писалъ графу Сумарокову, для чего онъ «упоминаетъ въ каждомъ донесеніи о замерзшихъ тѣлахъ, по«крывающихъ дороги? Развѣ Великій Князь и я этого не зна«емъ? Но развѣ отъ кого-нибудь зависитъ отвратить это бѣдствіе?»

Съ окончаніемъ дѣла на сѣверной сторонѣ горъ, всѣ дѣйствующіе отряды должны были перейти на южную.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

Покореніе береговыхъ горцевъ требовало особенныхъ мѣръ. Въ пятомъ письмѣ я упоминалъ, что еще въ первоначальномъ планѣ завоеванія предполагалось къ концу войны, когда Прикубанская страна будетъ усмирена, открыть наступленіе изъ Кутаисскаго генералъ - губернаторства и поставить береговое населеніе между двухъ огней. Главное кавказское начальство не упускало этой мысли изъ виду во все продолженіе войны. Въ 1862 году, когда положеніе передовыхъ линій въ Кубанской области стало на нѣкоторое время затруднительнымъ, возникла мысль о немедленныхъ, параллельныхъ съ сѣверными, дѣйствіяхъ въ предѣлахъ Абхазіи. Но затрудненія скоро прошли, а достаточныхъ наличныхъ силъ для южнаго отряда покуда еще не откуда было взять; нельзя было ослабить дѣйствующія войска на Кубани отозваніемъ какихъ-либо частей. Въ 1863 году, по мѣрѣ того какъ наши колонны тѣснили все болѣе абадзеховъ и шапсуговъ, предположеніе одновременныхъ дѣй-

ствій съ юга и сѣвера явилось само собою; когда же абадзехи изъявили покорность, оно перешло въ дѣйствительность. Начались приготовленія къ будущей веснѣ. Въ то время нельзя было разсчитывать на скорое покореніе приморскихъ горцевъ съ сѣвера. Шапсугская война продолжалась съ упорствомъ и могла затянуться гораздо долѣе чѣмъ это случилось. Все зависѣло отъ степени бодрости или унынія горцевъ — разсчетъ шаткій! Убыхи не только не думали о покорности, но энергически поддерживали сосѣдей и заклинали ихъ не замиряться; земля ихъ стала притономъ внѣшнихъ интригъ. Туда стекались авантюристы, туда везли пушки, военные и всякіе другіе припасы. Трапезонтскій комитетъ и его несогласные покровители работали въ это время съ удвоеннымъ рвеніемъ. Война съ убыхами и другими загорными вовсе не была легкимъ дѣломъ, даже послѣ покоренія сѣвернаго края. Земля ихъ всегда считалась самою неприступною на всемъ Кавказѣ. Глубокія ущелья, покрытыя чрезвычайно роскошными, но потому и чрезвычайно непроходимыми лѣсами, круто спускаясь отъ вѣчныхъ снѣговъ къ теплому морю, образуютъ неисходный лабиринтъ, въ которомъ каждая пядь земли была природною крѣпостью. Въ этой исключительной мѣстности жили исключительные народы, слывшіе самыми воинственными по всѣму Кавказу. Число защитниковъ было еще весьма достаточно для самой упорной обороны этихъ неприступныхъ мѣстъ: толпы горцевъ, бѣжавшихъ со всѣхъ окрестныхъ земель, удвоили населеніе береговой страны. Продолжительность борьбы зависѣла отъ состоянія духа этихъ горцевъ, а покуда ничто еще не показывало его упадка. Естественно также являлось сомнѣніе въ возможности продовольствовать черезъ снѣжный хребетъ отряды, которымъ должно будетъ спуститься съ горъ въ приморскую страну. Потому, какъ только внѣшнія обстоятельства перестали грозить немедленною европейскою войной, сильная экспедиція съ юга, моремъ и сухимъ путемъ, стала очевидною необходимостію. Разумѣется, ее можно было предпринять только весной.

Къ концу 1863 года и въ началѣ 1864, вслѣдствіе общаго вооруженія въ Имперіи, на Кавказѣ были сформированы три новыя пѣхотныя дивизіи, усилившія большою массой войскъ силы Кубанскаго края. Можно было отозвать стрѣлковые батальоны, находившіеся тамъ съ 1859 года. Весной въ Кутаис-

скомъ генералъ-губернаторствѣ были сосредоточены, кромѣ мѣстныхъ войскъ, 9 батальйоновъ гренадерской дивизіи. Запасы провіанта были заготовлены на берегу, для немедленной перевозки моремъ, куда потребуется. Суда черноморскаго флота и торговые пароходы должны были явиться по первому призыву. Великій князь, главнокомандующій, принималъ личное начальство надъ войсками, назначенными для дѣйствій съ южной стороны. При этихъ мѣрахъ можно было спокойно дождаться весны въ увѣренносcти, что какое сопротивленіе ни оказалъ бы непріятель, какія ни возникли бы неожиданныя затрудненія и сколько усилій ни употребляли бы наши недруги, къ лѣту 1864 года весь Кавказъ будетъ покорною русскою областью.

Планъ дѣйствій противъ убыховъ и ихъ сосѣдей былъ задуманъ широко. Чтобъ одновременнымъ развитіемъ силъ подавить въ самое непродолжительное время сопротивленіе этихъ воинственныхъ народовъ, было предположено наступать на эту часть края концентрически пятью отрядами. Два первые должны были двинуться съ юга: одинъ сухимъ путемъ отъ Гагръ въ верьховья Бзыби, другой моремъ и высадиться въ одномъ изъ центральныхъ пунктовъ Убыхской земли. Тремъ отрядамъ назначено вступить въ непокорную землю изъ Кубанской области: одному изъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Шапсугсксй землѣ, по берегу; другому съ верховья Бѣлой; третьему съ Малой Лабы. Предполагался еще шестой отрядъ съ Большой Лабы, но въ эту пору года Лабинскій перевалъ оказался недоступнымъ. Эти пять отрядовъ должны были обхватить непріятельскую землю кольцомъ и сойдтись въ срединѣ.

Въ ожиданіи весны, дѣйствія изъ Кубанской области продолжались своимъ порядкомъ. Хотя кубанскимъ войскамъ предстояло еще много матеріяльнаго труда—изгнать изъ лѣсовъ разсѣянные остатки горцевъ, кончить дороги, построить нѣсколько десятковъ станицъ,—но такъ какъ трудъ этотъ совершался съ этой поры въ мирномъ краѣ, то можно было сейчасъ же одтѣлить часть войскъ для продолженія дѣйствій. Наступленіе съ сѣвера не прерывалось ни на одинъ день. Во второй половинѣ февраля, какъ только ушли абадзехи, отряды даховскій и джубскій, сосредоточенные первый на Гойтхскомъ перевалѣ, второй въ укрѣпленіи Григорьевскомъ, были дви-

путы за горы. Они должны были дѣйствовать сосредоточенно отъ крайняго предѣла нашихъ завоеваній съ рѣкѣ Туапсе и занять ея теченіе. Желательно было покончить съ шапсугами до мая, чтобы потомъ обратить всѣ силы разомъ на убыховъ и джигетовъ; но нельзя было предписывать положительно такой цѣли. Дальнѣйшее наступленіе обоихъ отрядовъ, имѣвшее только мѣстный характеръ, зависѣло отъ успѣха предположенной операціи на Туапсе.

Но тутъ съ горцами случилось то же самое, что пятьдесятъ лѣтъ предъ тѣмъ случилось съ французами подъ Ватерлоо. Истощивъ всю энергію до остатка въ отчаянной борьбѣ, они совершенно потеряли присутствіе духа. Въ послѣднія минуты, когда счастіе обратилось противъ нихъ, все разомъ пало ницъ или бѣжало. Вотъ какъ это произошло:

Джубскій отрядъ выступилъ изъ укрѣпленія Григорьевскаго 19 февраля, перевалился черезъ горы и шелъ впередъ, расчищая дорогу и раззоряя по сторонамъ аулы. Къ 4-му марта онъ дошелъ до Тенгинскаго поста. Въ это время даховскій отрядъ генерала Геймана, при которомъ находился лично графъ Евдокимовъ, спустился 21-го февраля съ Гойтхскаго перевала на Чилипсъ, гдѣ въ прошломъ году было разбито убыхское скопище; онъ также раскрывалъ просѣкой дорогу и жегъ аулы. Спустившись на русло Туапсе, графъ Евдокимовъ угадалъ по слабому сопротивленію непріятеля упадокъ его духа и, не обращая больше вниманія на горы и лѣса, быстрымъ движеніемъ впередъ, занялъ 28-го февраля устье Туапсе, гдѣ стояло прежде Вельяминовское укрѣпленіе. Шапсугское населеніе, жившее между Туапсе и Шапсуго, было отрѣзано этимъ движеніемъ; за Туапсе оставалась еще часть вольной шапсугской земли; но народъ этотъ, истощенный продолжительною войной, не прерывавшеюся съ 1857 года и страшными потерями послѣдней зимней кампаніи, видя внезапное появленіе русскаго войска въ сердцѣ послѣдняго своего убѣжища, счелъ невозможнымъ длить сопротивленіе. На другой день, послѣ прибытія отряда къ развалинамъ Вельяминовскаго укрѣпленія, шапсугскіе старшины явились къ графу Евдокимову и весь берегъ отъ Шапсуго до рѣки Псезуапсе, составляющей границу между шапсугами и убыхами, покорился. Остаткамъ шапсугскаго народа приказано немедленно отправиться или къ нижней Кубани для поселенія, или къ

приморскимъ пунктамъ для отплытія въ Турцію. Джубскій отрядъ, находившійся теперь посреди замиренной уже земли, былъ отосланъ назадъ и вслѣдъ за тѣмъ расформированъ.

Оставались не покоренными одни убыхи и джигеты, и тѣ не надолго.

По отъѣздѣ графа Евдокимова, генералъ Гейманъ, оставшись съ отрядомъ на берегу, занялся съ начала обезпеченіемъ своихъ сообщеній. Путь съ Гойтхскаго перевала къ устью Туапсе былъ только пройденъ, но не раскрытъ; даховскій отрядъ приступилъ къ разработкѣ этой дороги. Но скоро необходимость ускорить выселеніе покорившихся шапсуговъ, которые, какъ всѣ горцы, какъ бы ни клялись въ исполненіи условій, но безъ понужденія открытою силой не двигались, заставила его выступить впередъ, къ Псезуапсе. Къ 18-му марта даховскій отрядъ заставилъ шапсуговъ подняться и идти куда имъ приказано. Не видя сопротивленія отъ убыховъ, хотя онъ стоялъ на пограничной чертѣ, предпріимчивый генералъ Гейманъ перешелъ рѣку Псезуапсе и двинулся впередъ берегомъ, а далѣе по рѣкѣ Шахе. Убыхи между тѣмъ давно уже готовились къ сопротивленію; многочисленный сборъ ихъ занималъ сильную позицію на рѣчкѣ Гадликъ, въ перерѣзъ пути нашего наступленія. Въ первый же день движенія 18-го марта, генералъ Гейманъ открылъ непріятеля, стремительно атаковалъ его тремя колоннами и разбилъ наголову. Преслѣдуя бѣгущихъ по пятамъ, даховскій отрядъ на другой день, 19-го, занялъ бывшее укрѣпленіе Головинское. 25-го наши войска стояли въ Сочѣ, бывшемъ укрѣпленіи Навагинскомъ. Къ рѣкѣ Дагомысъ пріѣхалъ въ отрядъ гаджи Дагамукъ-Берзекъ, о которомъ я упоминалъ, игравшій нѣкоторое время въ нашихъ глазахъ роль новаго Шамиля. Убыхи, оставшись одни противъ русскихъ и потерпѣвъ въ первый же день войны на своей землѣ сильное пораженіе, потеряли послѣднюю надежду. Старшины ихъ явились къ генералу Гейману съ изъявленіемъ покорности. Съ замиреніемъ убыховъ окружавшія ихъ мелкія племена не могли больше сопротивляться.

Кавказъ былъ завоеванъ, но оставалось еще выселить вновь сдавшіяся племена: операція, какъ вы видѣли, бывшая всегда гораздо затруднительнѣе самаго покоренія, особенно когда дѣло шло о людяхъ, не испытавшихъ еще бѣдствій войны, жившихъ въ неприступной мѣстности, нетронутой покуда ни то-

поромъ, ни лопатой, не знавшихъ отъ вѣка, что̀ такое вторженіе непріятеля. Въ такомъ положеніи были племена псхоу, ахчипсху, аибго, джигеты, да и самые убыхи, кромѣ прибрежныхъ, по землѣ которыхъ прошло наше войско. Довольствоваться покорностію этихъ племенъ, не трогая ихъ съ мѣста, мы никакъ не могли. Три года мы ломили абадзеховъ, для того только, чтобы добраться наконецъ до берега и очистить его отъ непріятеля. Горцы на берегу,—это была новая кавказская война въ перспективѣ, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ на Черномъ морѣ. Но для того, чтобы выселить вновь покорившихся изъ ихъ дикихъ убѣжищъ, надобно было стоять надъ ними съ такою же силой, какая была бы потребна и безъ всякихъ предварительныхъ условій замиренія.

Великій Князь главнокомандующій прибылъ 2-го апрѣля въ Сочу. Его высочество принялъ изъявленіе покорности отъ старшинъ убыховъ и всѣхъ ихъ сосѣдей, но тѣмъ не менѣе приказалъ ускорить приготовленія предположенной экспедиціи пятью концентрическими отрядами во вновь покорившуюся землю.

Это рѣшеніе было основано на самыхъ серьозныхъ причинахъ и, въ послѣдствіи, было вполнѣ оправдано событіями. Убыхи и джигеты покорились не силѣ, а паникѣ,—и не даховскому отряду, а тѣмъ шести отрядамъ, которые сломили абадзеховъ и шапсуговъ и заранѣе внесли ужасъ въ ихъ души,—также тѣмъ приготовленіямъ, которыя дѣлались для нападенія на нихъ съ юга, хорошо имъ извѣстнымъ. Но покуда масса войскъ стояла за горами, впечатлѣніе могло пройдти, а силы даховскаго отряда были достаточны только для того, чтобы разбить скопище прибрежныхъ горцевъ, еслибъ оно напало на него, но ни въ какомъ случаѣ не для того, чтобы покорить и изгнать возставшихъ убыховъ, джигетовъ, ахчипсовцевъ и другихъ. Для этого нужна была совсѣмъ иная пропорція войскъ. Попытки же сопротивленія, при будущемъ выселеніи, можно было предвидѣть навѣрное. Безъ достаточной силы могъ произойдти общій взрывъ, послѣдствія котораго были бы очень опасны. Не надобно упускать изъ виду, что въ это время берегъ Чернаго моря отъ Псезуапсе до Тамани былъ покрытъ толпами горцевъ, ждавшихъ судовъ для отправленія въ Турцію. Эти люди утратили почти все имущество, но каждый изъ нихъ сохранилъ оружіе и патроны, которые горецъ отдаетъ

только съ жизнію. Подъ вліяніемъ обуявшей ихъ паники, переселяющіеся горцы были покуда какъ стадо барановъ; но нельзя было шутить съ искрою, которая могла бы вдругъ поджечь эти толпы. Въ это самое время и долго еще потомъ, до совершеннаго очищенія края, сильнѣйшая интрига извнѣ была направлена противъ нашихъ успѣховъ на Кавказѣ. Хотя турецкое правительство офиціяльно согласилось принять кавказскихъ эмигрантовъ, и сдѣлало всѣ распоряженія для того, но главнокомандующему было извѣстно, что наши благопріятели не отчаявались въ своихъ умыслахъ и осаждали турецкое правительство убѣжденіями отказать горцамъ въ убѣжищѣ и этимъ отказомъ отбросить назадъ въ горы стѣснившееся на берегу населеніе; ихъ поддерживали сотни европейскихъ авантюристовъ, улетѣвшихъ съ восточнаго берега въ чемъ были, при стремительномъ нашествіи генерала Геймана. Нельзя было ручаться за турецкую политику. А при такомъ оборотѣ дѣла, когда происходили еще перестрѣлки съ разбойниками въ Кубанской области, вновь отхлынувшія отъ берега толпы горцевъ были бы въ первое время большимъ затрудненіемъ. И еслибы въ это время, за неимѣніемъ съ нашей стороны достаточныхъ силъ, вдругъ возгорѣлась война за Псезуапсе, она могла вновь разлиться по Кавказу. Играть въ азартную, когда дѣло шло объ увѣнчаніи шестидесятилѣтнихъ непомѣрныхъ жертвъ и трудовъ, было болѣе чѣмъ легкомысленно. Предположенное движеніе сосредоточенными силами должно было состояться, чтобы не подвергать риску, въ послѣднюю минуту. всего свершеннаго дѣла.

Апрѣль прошелъ въ приготовленіяхъ. Сѣверные отряды съ киркой и лопатой прорывались изъ Кубанской области на южный склонъ, чрезъ занесенные снѣгомъ перевалы. Въ Абхазіи собирались и грузились суда. Въ это время даховскій отрядъ работалъ дорогу вверхъ по Туапсѣ и на всякій случай устраивалъ кордонную убыхскую линію отъ устья Дагомыса до истока Шахе.

Первый изъ назначенныхъ къ наступленію отрядовъ—псхувскій, генерала Шатилова, двинулся изъ укрѣпленія Гагры въ началѣ апрѣля, сначала разработывая дорогу по морскому берегу къ Адлеру, а потомъ вверхъ по Бзыби къ горному обществу Псху. 29-го апрѣля высадился въ Адлерѣ (быв. укр. Св. Духа) кутаисскій генералъ-губернаторъ, князь Мирскій, съ отря-

домъ составленнымъ изъ гренадерской дивизіи; отрядныя лошади были доставлены туда изъ Гагръ по прибрежной дорогѣ, разработанной генераломъ Шатиловымъ. Отрядъ занялъ позицію въ урочищѣ Акштырхъ посреди Адлера. Вновь прибывающія войска были распредѣляемы такимъ образомъ, чтобы твердо занять весь край и немедленно приступить къ выселенію горцевъ. Генералъ Гейманъ былъ двинутъ съ частію своихъ войскъ вверхъ по Сочѣ, а потомъ къ истокамъ Мзымты. Въ первыхъ числахъ апрѣля хамышейскій отрядъ, то есть правая колонна, направлявшійся на южный склонъ черезъ перевалъ Бѣлой, вошелъ въ связь съ даховскимъ отрядомъ. Потомъ отрядъ генерала Граббе, средняя колонна, перевалился съ малой Лабы въ Ахчипсоу. Великій Князь главнокомандующій прибылъ къ войскамъ 6-го апрѣля въ гренадерскій отрядъ (князя Мирскаго) на позицію Акштырхъ и на другой же день двинулъ авангардъ къ урочищу Псага для разработки дороги по направленію къ Ахчипсоу.

Между тѣмъ оказался вдругъ тотъ именно поворотъ въ мысляхъ вновь покорившихся, въ предвидѣніи котораго Великій Князь рѣшилъ не отмѣнять предположеннаго сосредоточенія войскъ. Какъ только горцы увидѣли, что грозившее имъ выселеніе, на которое они легко согласились, пока дѣло состояло въ словахъ, обращается въ неизбѣжную дѣйствительность, они снова взялись за оружіе. Скопище отчаянныхъ людей изъ всѣхъ племенъ сбѣжалось въ недоступную долину Аибго и съ помощію коренныхъ жителей этой горной страны, всегда слывшихъ разбойниками, загромоздили горныя тропинки завалами и преградами путь генералу Шатилову. Псхувскій отрядъ, разобравъ дорогу и оставивъ свои тяжести, шелъ по назначенію въ долину Аибго и вдругъ былъ неожиданно остановленъ этимъ препятствіемъ. Неоднократныя попытки взять завалы силою, не удались по причинѣ чрезвычайно крѣпкой мѣстности. Отрядъ понесъ чувствительную потерю и въ продолженіе 4 дней, отъ 7 до 11 мая, не могъ сдѣлать шагу впередъ. Еслибы прибрежный край не былъ уже занятъ нѣсколькими отрядами, это сопротивленіе и успѣхъ мятежниковъ неизмѣнно произвели бы общій взрывъ со всѣми его послѣдствіями. На Кавказѣ всегда было достаточно малѣйшаго благопріятнаго случая, чтобы сейчасъ поднять духъ горцевъ. При силахъ, занимавшихъ край въ началѣ мая, мимолетная неудача ничего не значила. На-

селеніе вездѣ было сдержано. 9-го мая Его Высочество двинулъ въ обходъ Аибго отрядъ подъ начальствомъ генерала Батизатула. Послѣ слабаго сопротивленія обойденные горцы бросили завалы и долина Аибго была занята. Наши колонны заставили вездѣ туземное населеніе бросить свои жилища и идти къ мо[illegible] гдѣ ему предстоялъ путь или въ Турцію, или въ отведенныя для поселеній мѣста.

16-го мая Великій Князь двинулся съ отрядомъ на позицію Псага, по разработанной авангардомъ дорогѣ. Надобно было раскрыть еще путь въ Ахчипсоу. 20-го мая Его Высочество вступилъ въ землю этого общества, гдѣ были сосредоточены, кромѣ гренадерскаго, отряды: псхувскій, ахчипсовскій и даховскій. 21-го выстроились на единственной полянѣ, находящейся въ Ахчипсоу, 23 батальйона, 10 орудій, 6 казачьихъ сотенъ и 6 сотенъ милиціи. Передъ войсками, въ присутствіи великаго князя, было отслужено благодарственное молебствіе Богу, даровавшему намъ великую побѣду.

Его Высочество донесъ изъ Ахчипсоу о совершившемся событіи Государю Императору слѣдующею телеграфическою депешей:

21-го мая, Ахчипсоу.

Имѣю счастіе поздравить Ваше Величество съ окончаніемъ славной кавказской войны. Отнынѣ не остается болѣе ни одного непокореннаго племени. Вчера сосредоточились здѣсь отряды князя Мирскаго, генералъ-маіора Шатилова, генералъ-маіора Геймана и генералъ-маіора Граббе. Сегодня отслужено благодарственное молебствіе въ присутствіи всѣхъ отрядовъ. Войска въ блестящемъ видѣ и совсѣмъ не болѣютъ. За все время послѣднихъ движеній потеря не превышаетъ ста человѣкъ.

«МИХАИЛЪ».

Эта депеша была послѣднею военною реляціей изъ безконечнаго ряда кавказскихъ военныхъ реляцій.

Дѣйствія порохомъ и желѣзомъ кончились. Но нельзя было отдыхать на лаврахъ, покуда вооруженныя горскія населенія толпились на берегу, ожидая отправленія.

Переселеніе кавказскихъ племенъ въ Турцію, о которомъ такъ много и такъ безтолково шумѣли въ Европѣ, не было дѣломъ нашей воли; оно произошло помимо насъ. Правительство имѣло одну цѣль въ западно-кавказской войнѣ: сдвинуть горцевъ съ восточнаго берега Чернаго моря и заселить его русскими; эта мѣра была совершенно необходима для безопасности нашихъ владѣній. Затѣмъ, не было никакой надобности гнать

горцевъ въ Турцію. У насъ было довольно мѣста для нихъ, во-первыхъ, въ милліонѣ десятинъ по лѣвому берегу Кубани, отведенныхъ исключительно для этого назначенія; во-вторыхъ въ 300,000 десятинъ хорошихъ земель, оставшихся въ Пятигорскомъ уѣздѣ за выселеніемъ части кочевыхъ ногайцевъ въ Турцію еще въ 1860 году; въ-третьихъ, въ казачьихъ земляхъ, покинутыхъ населеніемъ, передвинутымъ на передовыя линіи. Все количество земель, которымъ правительство располагало по сосѣдству для помѣщенія горцевъ, можно считать въ 1.500,000 десятинъ. Масса, ушедшихъ въ Турцію горцевъ въ 1863 и 1864 годахъ, не превышаетъ 250 тысячъ обоего пола; поселилось въ нашихъ владѣніяхъ около 70 тысячъ. Вотъ все количсство непокорныхъ горцевъ, уцѣлѣвшихъ отъ войны. Стало быть на 160,000 душъ мужескаго пола, приходилось свободныхъ земель около 10 десятинъ на душу, пропорція весьма достаточная. Поселенные на равнинахъ, окруженные со всѣхъ сторонъ станицами, вышедшіе горцы ни въ какомъ отношеніи не могли быть опасными. Разразившійся надъ ними погромъ сломилъ ихъ нравственно до такой степени, что теперь горца нельзя узнать по наружности; у него совсѣмъ другая осанка. Для безопасности будущаго, неебходимо было соблюсти при поселеніи покорившихся только одно условіе: чтобы нигдѣ они, не примыкали къ морю, чтобы по крайней мѣрѣ нѣсколько десятковъ верстъ отдѣляли ихъ отъ берега. По этому, натухайцевъ было дѣйствительно опасно оставлять на отведенныхъ имъ первоначально мѣстахъ, по самой нижней Кубани; и не смотря на то, ихъ оставляли, чтобы не нарушить даннаго слова. Прочіе были достаточно удалены отъ моря. Слѣдовательно не было никакой причины опасаться и вынуждать горцевъ къ выселенію за предѣлы государства.

Но не было также причины удерживать ихъ противъ воли. Кавказская война затянулась бы вѣроятно на лишній годъ, если бы главнокомандующій не согласился отпускать въ Турцію желающихъ. Надобно помнить, что черкесы и абазинцы были въ полномъ смыслѣ слова варварами, со всѣми хорошими, но и со всѣми ребяческими сторонами варварской природы Изъ всѣхъ народовъ земли, они знали, положительно только насъ и турковъ — насъ какъ враговъ и гяуровъ, тур-

ковъ какъ друзей и святой народъ *). Когда враги побѣдили, у нихъ естественно явилось желаніе искать убѣжища у друзей, тѣмъ больше, что въ своей родинѣ они покидали только камни, такъ какъ имущество почти у всѣхъ было истреблено войной. Горцы упорно защищали свою землю, но еслибъ мы хотѣли непремѣнно простереть завоеваніе не только на землю, но и на личность ихъ, сопротивленіе было бы еще вдвое упорнѣе. Покоряясь, горцы всегда ставили первымъ условіемъ свободный выходъ всѣмъ желающимъ въ Турцію. Читатели помнятъ вѣроятно содержаніе послѣдняго договора съ абадзехами. Земля закубанцевъ была нужна государству, въ нихъ самихъ не было никакой надобности. Въ отношеніи производства народнаго богатства, десять русскихъ крестьянъ производятъ больше, чѣмъ сто горцевъ; гораздо было выгоднѣе заселить прикубанскія земли своими. Очевидно, не изъ чего было лить русскую кровь для того, чтобы насильно удерживать въ предѣлахъ государства варваровъ, не хотѣвшихъ быть его подданными.

Первое выселеніе горцевъ съ Кавказа началось еще вслѣдъ за паденіемъ Шамиля. Этотъ фактъ ясно показывалъ, что многіе кавказскіе мусульмане сносили русскую власть только въ надеждѣ, что единовѣрные братья скоро избавятъ ихъ отъ гнета; когда же увидѣли конецъ своей надеждѣ, рѣшились бросить родную землю, на вѣки порабощенную невѣрными. Большая часть выходцевъ принадлежали къ кочевымъ татарамъ ставропольскихъ степей и мирнымъ обществамъ Закубанскаго края. Кавказское начальство не только не поощряло выселенія, но даже противодѣйствовало ему въ законной мѣрѣ; однакожъ не взяло на себя, и весьма основательно вовсе запретить выходъ въ Турцію, чтобы не быть потомъ вынужденнымъ ежечасно надзирать за людьми, открыто выказавшими свою враждебность. Съ тѣхъ поръ выселеніе каждый годъ повторялось

*) Понятія ихъ о другихъ народахъ выражаются довольно рельефно слѣдующимъ анекдотомъ. Во время восточной войны экипажъ одного французскаго судна высадился на шапсугскій берегъ, къ тогдашнимъ своимъ союзникамъ для закупки скота. Пока горцы пошли за быками, французы наловили въ болотѣ лягушекъ и стали варить изъ нихъ супъ. Когда шапсуги воротились и посмотрѣли на эту стряпню, они сказали гостямъ: «Э! мы воевали съ русскими изъ-за того только, что они ѣдятъ свинину, теперь мы посовѣтуемъ своимъ соединиться съ русскими чтобъ истребить вашъ народъ до послѣдняго человѣка».

по немногу. Въ 1859 году и 1860 ушла большая часть абазинцевъ, жившихъ въ горной полосѣ между Кубанью и Урупомъ. Въ 1861 году пошли въ Турцію всѣмъ племенемъ бесленеевцы и нѣкоторыя мелкія общества. Въ слѣдующемъ году выселенія не было; горцы надѣялись отстоять свою родину. Но какъ только они стали слабѣть въ борьбѣ, выселеніе сейчасъ же приняло большіе размѣры. Къ 1-му декабря 1863 года въ Трапезонтѣ было уже до 4 тысячъ горцевъ, къ концу февраля прибыло ихъ въ Турцію до 20 т., къ половинѣ марта свыше 40 т. Переселеніе это происходило помимо насъ, съ вольныхъ береговъ, на контрабандныхъ турецкихъ кочермахъ, пріѣзжавшихъ за горцами десятками. Очень естественно, что переѣздъ сопровождался безчисленными безчеловѣчіями и страданіями. Турецкіе судохозяева привыкли плавать къ восточному берегу почти исключительно для торговли рабами; они внесли тотъ же духъ и въ перевозку свободныхъ людей. За неимѣніемъ денегъ или вещей расплата происходила женщинами и дѣтьми. Для черкешенокъ это было, впрочемъ, все равно, потому что въ какомъ бы качествѣ онѣ не достигали турецкаго берега, ихъ потомъ все-таки гуртами отправляли на базаръ.

По мѣрѣ того какъ русскія войска подвигались вдоль берега, переселеніе принимало совсѣмъ иной видъ. Еще за два года передъ тѣмъ графъ Евдокимовъ, предвидя въ концѣ войны большую эмиграцію горцевъ, ходатайствовалъ предъ правительствомъ о средствахъ перевезти ихъ массами въ Турцію. Положительнаго распоряженія на этотъ счетъ тогда еще не было сдѣлано. Но Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, какъ только представился этотъ вопросъ, разрѣшилъ зафрахтованіе нужнаго числа пароходовъ и парусныхъ судовъ. Съ открытіемъ судоходства въ 1864-мъ году были учреждены три коммиссіи для отправленія переселяющихся горцевъ: въ Таманѣ, Новороссійскѣ и Туапсе. Турецкое правительство съ своей стороны прислало за горцами нѣсколько обезоруженныхъ военныхъ пароходовъ. Дѣло приняло правильный видъ. Неимущихъ горцевъ приказано было перевозить на казенный счетъ; имѣющимъ средство заплатить за переѣздъ. было выдаваемо казенное пособіе по 1 р. сер., считая въ томъ числѣ и дѣтей, кромѣ грудныхъ. Вольные судохозяева не имѣли права требовать съ горцевъ платы выше условія, на пароходахъ 3 р. сер., на судахъ парусныхъ 1 р. 75 коп., такъ что даже состоятельнымъ горцамъ приходилось

доплачивать въ первомъ случаѣ только 2 руб., во второмъ 75 коп., кромѣ того грузовые компанейскіе пароходы, нанятые правительствомъ, перевозили горцевъ безплатно. Кромѣ коммиссій, за безобидною отправкой горцевъ смотрѣли командированные для того адъютанты Его Высочества; назначены были особые морскіе офицеры для наблюденія, чтобы пассажировъ не грузили слишкомъ тѣсно. Для бѣднѣйшихъ горцевъ открыта была дача казеннаго провіанта; для больныхъ учреждены лазареты съ содержаніемъ на счетъ казны. Совсѣмъ другаго рода сцены происходили на противоположномъ берегу. Хотя турецкое правительство не жалѣло пособій, но тамъ они расходились по рукамъ, и горцы бѣдствовали, вымирали на половину въ нѣсколько недѣль. Заграничныя газеты, разумѣется, сваливали на насъ всѣ бѣдствія горцевъ, которыхъ корреспонденты ихъ видѣли уже на турецкомъ берегу.

Вслѣдъ за вновь покорившимися горцами потянулось въ Турцію довольно значильное число другихъ, жившихъ уже нѣкоторое время подъ русскою властію. Однихъ побуждалъ фанатизмъ, другіе не хотѣли отстать отъ родственниковъ, третьи шли потому, что міръ идетъ; всѣ ждали щедрыхъ и богатыхъ милостей отъ хункяра (султана), который представляется имъ идеаломъ всемогущества и неисчерпаемаго богатства. Что бы ни говорили выходящимъ, у нихъ былъ одинъ отвѣтъ: «намъ хорошо у васъ, но мы хотимъ положить свои кости на святой землѣ». Такимъ образомъ вышли въ Турцію всѣ натухайцы и шапсуги. Ихъ не удерживали, потому что не къ чему было удерживать, какъ я старался объяснить выше.

Эмиграція горцевъ въ 1864 году представляетъ слѣдующіе итоги:

До половины марта съ вольныхъ береговъ вышло	60,000
Съ тѣхъ поръ переѣхавшихъ на кочермахъ внѣ нашего надзора можно считать	15,000
Черезъ Тамань вышло.	27,000
Черезъ Новороссійскъ вышло до 1-го іюня.	63,000
Послѣ 1-го іюня.	25,000
Черезъ Туапсе	21,000
Всего слишкомъ . .	211,000 *)

*) Въ 1865 г. выселилось около 40,000. Всего 250,000.

Переселеніе горцевъ въ Турцію нисколько не усилило турокъ. Правительство султана воспользовалось однакожъ переселеніемъ черкесскаго племени наилучшимъ для себя образомъ. Вмѣсто того, чтобы дать ему расплыться въ массѣ малоазійской татарщины, какъ хотѣли сами черкесы, оно цѣликомъ перевезло его въ Европу и подкрѣпило имъ мусульманскій элементъ въ христіанскихъ областяхъ. Отъ русскаго правительства не зависѣло помѣшать турецкому распоряжаться какъ оно хотѣло новыми подданными, хотя такой оборотъ дѣла, конечно, не былъ намъ выгоденъ. Но и турки далеко не извлекутъ изъ этого подкрѣпленія той пользы, которой они пожелаютъ. Черкесы, пожившіе въ Турціи, бросаются на шею человѣку, на которомъ они узнаютъ русскій мундиръ. Русскіе нещадно покорили ихъ, но всегда обращались съ ними, какъ съ людьми; они хорошо это понимаютъ. Притомъ, довольно посмотрѣть на донесенія консуловъ, чтобы знать какъ таютъ черкесы въ Турціи; ихъ выбыло уже на половину, между ними нѣтъ больше женщинъ, а новыхъ женщинъ въ Турціи можно достать только за деньги. Турецкіе черкесы просуществуютъ лишь въ одномъ поколѣніи, а на это поколѣніе, въ случаѣ войны, и взявшись за дѣло какъ слѣдуетъ, мы можемъ разсчитывать едва ли не больше, чѣмъ турки. Говоря фигурно, турки, принимая къ себѣ черкесовъ, нашили только на прорѣху гнилаго платья гнилую заплату.

Въ Кубанской области поселилось вновь до 70-ти тысячъ покорившихся горцевъ; съ прежними мирными горское населеніе этой области составляетъ 130 тыс. Послѣ новой эмиграціи, число это не превышаетъ 80 тыс. Туземцы, успѣвшіе сдѣлаться осѣдлыми, находятся въ очень хорошемъ положеніи. Надъ ними учреждено разумное управленіе, какъ вообще всѣ военно-туземныя управленія на Кавказѣ.

Въ теченіе первой половины лѣта 1864 года, восточный берегъ Чернаго моря представлялъ необычайное зрѣлище. До тѣхъ поръ не было въ свѣтѣ берега пустыннѣе кавказскаго. Населенный разбойниками, торговавшими только рабами, содержимый въ постоянной блокадѣ нашими крейсерами, онъ казался съ моря необитаемою землей. Ни хижины, ни дымка на зеленомъ берегу; ни одного челнока въ голубыхъ заливахъ. Только подъ ночь, когда разыгрывалась буря или начиналъ стлаться туманъ, можно было иногда замѣтить, на темномъ

морѣ, очеркъ крадущейся подъ берегомъ кочермы. Если она шла къ землѣ, на ней была военная контрабанда; если отъ земли, на ней были рабы. Никакое судно, занимающееся правильною торговлей, не смѣло приставать къ этому краю. На морѣ его встрѣчали пушки нашихъ крейсеровъ; на сушѣ— винтовки и кинжалы горцевъ. Это былъ заколдованный берегъ, какъ въ сказкѣ, на который не дозволено ступать человѣку. И вдругъ все перемѣнилось. Весь берегъ унизался судами и покрылся народомъ. На каждой верстѣ изъ 400 верстъ его протяженія бѣлѣли большіе и малые паруса, подымались мачты, дымились трубы пароходовъ; на каждомъ мыску развѣвались флаги нашихъ пикетовъ; въ каждой балкѣ толпился народъ и стоялъ базаръ. Глядя съ моря, никогда никакой берегъ Англіи или Голландіи не представлялъ такой суматохи, такой жизни. Правда, то были похороны исчезавшаго народа: движеніе рѣдѣло, по мѣрѣ того, какъ пустѣлъ берегъ. Но онъ пустѣлъ не на долго. На покинутыхъ пепелищахъ осужденнаго черкесскаго племени, стало великое племя русское; въ одно лѣто вдоль моря выросло 12 станицъ. И главное: восточный берегъ съ его великолѣпною красотой составляетъ теперь часть Россіи. Очарованіе снято съ него. Береговая полоса ожидаетъ теперь, какъ неразработанный рудникъ, только людей, которые воспользовались бы ея природными богатствами. Нечего жалѣть, что она пуста покуда. Вырваны плевела, взойдетъ пшеница.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ.

Въ 1864 году Западный Кавказъ впервые заселялся уже не силой. Страна эта, стоявшая въ теченіе тысячелѣтій неприступною крѣпостію, громаднымъ разбойничьимъ притономъ, къ которому ни одинъ завоеватель не подступалъ безнаказанно, обратилась разомъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, въ необитаемую землю, принадлежащую по праву каждому трудолюбивому русскому человѣку. Съ началомъ военнаго заселенія Закубанскаго края, число охотниковъ всегда превышало положенную норму. Никому не отказывали, принимали каждаго, кто записывался охотникомъ въ своей губерніи или самъ добирался до Кубани, откладывая въ сторону, по

чувствительности, всякія формальности. Русское населеніе въ Закубанскомъ краѣ стало расширяться необыкновенно быстро; черезъ это и завоеваніе пошло скорѣе. Обезпечивъ свой тылъ рядомъ станицъ, можно было смѣло подвигаться впередъ. Вмѣсто предназначенныхъ примѣрно Высочайшимъ положеніемъ 1862 года шести лѣтъ, завоеваніе совершено въ 3 1/2 года. Теперь государство можетъ свободно располагать стотысячнымъ войскомъ, до сихъ поръ неподвижно прикованнымъ къ западному Кавказу и какъ бы несуществовавшимъ въ политическомъ итогѣ силъ Имперіи. Цѣлая мѣстная армія не составляетъ уже мертваго капитала, не обременяетъ русскихъ финансовъ неизбѣжною жертвой. Кубанское казачье войско не только достаточно для обороны завоеваннаго края, оно можетъ дѣйствовать внѣ своихъ предѣловъ и составляетъ источникъ новой силы для Имперіи. Сокращеніе войны двумя съ половиной годами избавило государственную казну отъ необходимости содержать лишнее время за Кубанью стотысячное войско и само по себѣ составляетъ экономію, которую нельзя считать ниже 25 милліоновъ.

Съ 1861 года населеніе, можно сказать, лилось въ этотъ край; но хотя казачій поземельный надѣлъ очень великъ, хотя подъ станицы выбирались преимущественно самыя выгодныя въ хозяйственномъ отношеніи мѣста, и много пространствъ, между ними лежащихъ, осталось впустѣ, тѣмъ не менѣе новые переселенцы и до сихъ поръ не успѣли наполнить эту страну до ея послѣднихъ предѣловъ. Вновь завоеванный край равняется обширностію Волынской губерніи. Если исключить самыя высокія горныя мѣста, неудобныя для жизни человѣка, то количество хозяйственныхъ угодій не уступаетъ обширностію Кіевской губерніи. При несравненномъ плодородіи почвы, почти вездѣ еще дѣвственной, при чрезвычайномъ обиліи и разнообразіи природныхъ богатствъ, при самомъ выгодномъ географическомъ положеніи, между большою судоходною рѣкой и берегомъ никогда не замерзающаго моря, Закубанскій край можетъ современемъ вмѣстить двойное населеніе противъ Кіевской губерніи. Нѣтъ сомнѣнія, что вновь покоренная область есть богатѣйшая природными дарами не только изъ всѣхъ русскихъ, но изъ всѣхъ кавказскихъ областей. Нынѣшнее населеніе ея—только авангардъ населенія будущаго.

Къ веснѣ 1864 года, большая чсать земель сѣвернаго склона

была уже обстроена заселенными станицами; онѣ протянулись въ нѣсколько рядовъ вдоль предгорій; между хребтомъ и линіей, проведенною параллельно Кубани, въ 25—30-ти верстахъ отъ ея берега. Низовое пространство между Кубанью и этою линіей, предназначенное для горцевъ, осталось наполовину пустымъ, послѣ выхода столькихъ племенъ въ Турцію; теперь оно составляетъ обширный запасъ хозяйственныхъ земель въ распоряженіи правительства. Весной станицы лежали непрерывною цѣпью отъ Лабы до Пшиша и отъ моря до Шебша; но въ срединѣ онѣ разрывались пустымъ пространствомъ между Шебшемъ и Пшишемъ, откуда только что были сдвинуты послѣдніе абадзехи. Въ 1864 году предстояло заселить этотъ промежутокъ и вновь завоеванный морской берегъ. Количество переселенцевъ, опредѣленное по предварительному разчету на этотъ годъ, было далеко недостаточно для занятія всей покинутой горцами земли. Нельзя было внезапно увеличить его размѣры; передвиженіе колонистовъ массами составляетъ дѣло чрезвычайно сложное, требующее цѣлаго ряда приготовительныхъ мѣръ. Поэтому ограничились покуда заселеніемъ промежутка, разрывавшаго наши линіи и части берега отъ Новороссійска до Туапсе.

Непріятеля уже не существовало, переселенцы шли въ мирную землю; вслѣдствіе этого была измѣнена самая система поселенія. Жители группировались исключительно по соображенію хозяйственныхъ удобствъ. Устройство большихъ станицъ въ видѣ крѣпостей, обнесенныхъ валами и оборонительными плетнями, обставленныхъ пушками, какъ ихъ строили до сихъ поръ, было оставлено; вновь прибывшіе казаки распредѣлены обыкновенными поселками, безъ всякихъ укрѣпленій. Въ нагорной полосѣ, посреди ущелій, заросшихъ непроницаемымъ лѣсомъ, удобныя для первоначальнаго хозяйства земли не лежатъ сплошными массами: надобно было пользоваться разбросанными участками, разчищенными для хозяйства прежними жителями: а потому разселеніе хуторами было въ этой полосѣ наивыгоднѣйшимъ. Во время войны устройство отдѣльныхъ хуторовъ считалось невозможнымъ; но безопасность водворилась очень кстати, именно къ тому времени, когда пришлось заселять нагорныя земли. Съ концомъ весны можно было употребить всѣ наличныя силы исключительно на работы, не отдѣляя половины людей въ прикрытіе рабочихъ. Какъ только

настало затишье, неутомимыя кубанскія войска связали главные военные пути поперечными дорогами и заселили пустынный край необыкновенно скоро. Къ срединѣ лѣта западныя и восточныя линіи станицъ, разрывавшіяся по серединѣ, тянулись уже непрерывными рядами. Колонны, переходившія въ концѣ весны за горы, видѣли между Шебшемъ и Пшишемъ безлюдную пустыню, населенную только лѣсными звѣрями; возвращаясь черезъ нѣсколько недѣль назадъ, съ первымъ шагомъ на сѣверный склонъ, онѣ вступали въ русскую область, шли населенными деревнями, на каждомъ перекресткѣ встрѣчали земляковъ. Даже привычный человѣкъ, видавшій съ какимъ волшебствомъ въ послѣднее время враждебный Кавказъ обращался въ Россію, останавливался съ изумленіемъ передъ такимъ сказочнымъ превращеніемъ и едва вѣрилъ своимъ глазамъ.

Поселенцамъ 1864 года выпала особенно счастливая доля: они пришли на готовое хозяйство. Переломъ войны совершился такъ скоро, что горцы, не думавшіе о покорности осенью, обработавшіе въ то время свои поля по обычному порядку, исчезли внезапно весной; всѣ посѣвы ихъ остались въ наслѣдство русскимъ поселенцамъ, которые съ перваго же года могли жить не сѣявъ.

Въ пустынной землѣ, покинутой абадзехами, было воздвигнуто и населено 40 станицъ; вдоль морскаго берега, отъ Геленджика до Туапсе—12.

Во время командованія арміей Велилаго Князя Михаила Николаевича было устроено:

въ 1863 году	24	станицы	съ	3,867	семейст.
» 1864 »	52	»	»	4,374	»
Всего	76	станицъ	съ	8,241	семейст.

Съ поселеніемъ 1862 и 1861 годовъ, отъ начала систематической войны, эта цифра составляетъ 111 станицъ съ 14,233 семействами.

Численность населенія, привлеченнаго въ эти четыре года во вновь завоеванный край, считается 85,000 душъ. Оно сформировано покуда въ 9 конныхъ полковъ.

Населеніе всего Закубанскаго края, со станицами, основанными съ 1840 по 1861 годъ, и съ остатками туземцевъ, простирается до 220 тысячъ душъ обоего пола: русскихъ 150 тысячъ и туземцевъ 60 тысячъ. Послѣдняя эмиграція умень-

шила это число до 240 т., а общій итогъ населенія до 530 т.

Закубанскій край составляетъ только часть страны, принадлежащей многочисленному кубанскому войску, раскинувшемуся отъ рѣки ея близъ устьевъ Дона, до Абхазіи и отъ Керченскаго пролива до Кумы. Все войсковое населеніе составляетъ теперь около 440 тысячъ душъ обоего пола; а съ разбросанными въ промежуткахъ станицъ обрывками черкесскихъ племенъ до 520 тысячъ.

Окончательное устройство кубанскаго войска еще не рѣшено правительствомъ. Но такъ какъ важнѣйшіе вопросы относительно основанія этого устройства уже обсуждены въ подробности; такъ какъ разрѣшеніе ихъ вытекаетъ не изъ теорій, но изъ близкаго знакомства съ дѣйствительностію, изъ неизмѣнныхъ топографическихъ условій и хорошо извѣстнаго быта казачьихъ населеній, то надобно думать, что въ главныхъ чертахъ оно будетъ осуществлено. Поэтому я считаю возможнымъ сказать теперь же нѣсколько словъ о положеніи, которое кубанское войско должно, какъ войско, занять въ ряду русскихъ военныхъ силъ и какъ край, въ ряду русскихъ областей*).

Многіе у насъ смотрятъ съ предубѣжденіемъ на существованіе военныхъ особенныхъ областей, каковы всѣ казачьи войска. Они видятъ въ нихъ въ юридическомъ отношеніи: государства въ государствѣ—нарушающія равноправность цѣлаго; въ экономическомъ—отвлеченіе большаго числа рукъ отъ производительнаго труда. Но такой взглядъ, основанный на общихъ началахъ права и политической экономіи, грѣшитъ какъ всякое теоретическое заключеніе своею отвлеченностію, тѣмъ что упускаетъ изъ виду мѣстныя и временныя условія, дающія совсѣмъ иную постановку вопросу. Казачество есть явленіе чисто русское, оно составляетъ одну изъ образовательныхъ силъ нашей исторіи, не только въ прошедшемъ, но въ настоящемъ и даже въ будущемъ. Казачество нарушаетъ равноправность и уменьшаетъ производительность страны, это вѣрно; но когда человѣкъ что нибудь покупаетъ, онъ жертвуетъ и не жалѣетъ о жертвѣ, если покупка ея стоитъ жертвы; что далъ

*) Писано въ 1864 г.

и что получилъ въ замѣнъ, въ этомъ вся рѣчь. Россія при своихъ безпредѣльныхъ украйнахъ не можетъ обойдтись безъ казаковъ; а такъ какъ русскій человѣкъ складывается въ казака самъ собой, то естественное разростаніе казачьихъ войскъ на далекихъ предѣлахъ, есть одна изъ величайшихъ внутреннихъ силъ русскаго народа. Постепенный ходъ исторіи нисколько не измѣнилъ этого отношенія. Пятнадцатое столѣтіе стоитъ въ полномъ характерѣ своемъ на нынѣшнихъ русскихъ украйнахъ; оно убѣгаетъ изъ глазъ центральныхъ населеній государства не исторически, но только географически. Казачье хозяйство, требующее большаго приволья, не извлекаетъ изъ земли всего что она можетъ дать; но за то на пространствѣ десятитысячеверстнаго русско-азійскаго рубежа одно казачество обращаетъ въ населенныя и русскія земли такія, которыя безъ него были бы дикою пустыней или враждебнымъ разбойничьимъ притономъ. Нечего опасаться слишкомъ большаго распространенія казачьихъ войскъ. Казаки—это береговой прибой русскаго народа, размывающій понемногу его предѣлы; когда берегъ отодвинулся, на томъ мѣстѣ, гдѣ кипѣлъ прибой, стоитъ гладкое море; когда казачьи населенія остаются далеко въ тылу передовыхъ линій, они естественно сливаются съ массой народа. Недавній примѣръ—Малороссія. Такимъ образомъ всегда разливалась русская народная волна. Отъ Петра до вступленія на престолъ императора Николая Павловича, казачество было сдерживаемо. Послѣдствіемъ вышло то, что во второй половинѣ XIX вѣка приходится совершать вещи, которыя совершились бы сами собою, и тѣми же средствами, въ XVIII. Доказательствъ много передъ глазами, отъ устья Кубани до устья Амура. Не говоря уже о естественномъ разростаніи русскаго племени, въ головѣ котораго идутъ казаки, естественномъ потому, что оно разливается какъ вода въ ту сторону, гдѣ препятствіе слабѣе напора; но даже при statu quo охраненіе нашихъ украйнъ безъ казаковъ совершенно невозможно. Казаки защищаютъ предѣлы не только дѣйствующими полками, стоящими казнѣ третью часть противъ регулярныхъ, и число которыхъ можетъ быть внезапно удвоено и утроено, но еще болѣе массой вооруженнаго населенія. На полевой ли работѣ, дома ли, все населеніе, всегда стоитъ на часахъ у опасной границы. Если бы захотѣли замѣнить ея дѣйствительную силу соотвѣтственною силой регулярной кавалеріи, то государственные финансы рухнули

бы подъ несоразмѣрною тяжестію. Отвлеченіе рукъ отъ труда было бы еще гораздо большее: казаки на данномъ пространствѣ производятъ не столько какъ свободное населеніе, но войско ничего не производитъ. Наконецъ, какъ боевая сила въ итогѣ государственныхъ силъ, казачьи войска имѣютъ великую для насъ важность. Здѣсь не мѣсто развивать эту мысль въ ея специяльно-военномъ значеніи; но не могу не выразить, хоть мимоходомъ, твердаго моего убѣжденія. Такіе казаки какъ линейскіе, покуда въ нихъ сохраняется характеръ воспитанный кавказскою войной (а видовой характеръ казачьихъ полковъ, есть дѣло вѣковое), введенные большимъ числомъ въ европейскую кампанію, могутъ внести въ войну новый элементъ и доставить намъ во многихъ случаяхъ чрезвычайныя преимущества надъ непріятелемъ. Хотя казаки всегда сопровождали русскія арміи, но употреблялись почти исключительно для охранной аванпостной службы; притомъ, тѣ казаки были иного свойства и не съ такимъ вооруженіемъ *): я убѣжденъ, и знаю многихъ опытныхъ военныхъ людей, раздѣляющихъ это мнѣніе, что казачья сила, какъ военный элементъ, у насъ далеко еще не вполнѣ оцѣнена и приложена къ дѣлу.

Съ другой стороны казакъ гордится своимъ званіемъ и не хочетъ быть ни чѣмъ другимъ кромѣ казака. Преданія и родовые обычаи въ казачьихъ населеніяхъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ остальномъ русскомъ народѣ. Мнѣ случалось видѣть, какъ вздорный слухъ, пущенный между казаками объ обращеніи въ податное сословіе, выводилъ ихъ изъ себя. Они въ этомъ случаѣ стояли не за интересъ, потому что повинность крестьянина гораздо легче казачьей, а за свою родовую гордость. Казаки необходимы, казаки удовлетворены своимъ званіемъ и гордятся имъ. Довольно подобныхъ причинъ, чтобъ оцѣнить, какъ слѣдуетъ, эту типическую особенность русской жизни, хоть бы она не подходила подъ мѣрку теорій равноправности и выгоднѣйшаго труда.

Закубанскій край не могъ быть обращенъ въ русскую об-

---

*) Я нисколько не думаю оспаривать высокія военныя качества донцевъ; никто болѣе меня ихъ не уважаетъ. Но я думаю, на основаніи множества видѣнныхъ примѣровъ, что донскіе казаки, какъ они суть теперь, могутъ быть скорѣе регулярною конницей — скажу больше — первою въ свѣтѣ регулярною конницей, чѣмъ партизанами.

часть иначе, какъ подъ видомъ казачьяго войска. Одно только казачье населеніе жило на его предѣлахъ, одно это населеніе можно было двинуть впередъ для занятія непріятельской страны; только боевые люди могли селиться передъ лицомъ многочисленныхъ и отважныхъ враговъ. Посторонняя примѣсь была необходима для численности и ею смѣло наполняли казачьи кадры, зная по опыту какъ легко русскіе люди, при хорошей обстановкѣ, становятся удалыми наѣздниками. Но основнымъ элементомъ заселенія могли быть только казаки; по самой сущности дѣла Закубанскій край могъ перейдти изъ рукъ враждебныхъ горцевъ лишь въ руки казаковъ. Съ давнихъ поръ каждый главнокомандующій говорилъ линейцамъ, объѣзжая передовые края: «завоюйте, ребятушки, непріятельскую землю «что возьмете, все будетъ ваше.» Одни казаки, конечно, не завоевали бы неприступнаго Кавказа, котораго ни Чингисъ-Ханъ ни Тамерланъ, ни Солиманъ Великолѣпный не могли одолѣть но безъ казаковъ Кавказъ также нельзя было завоевать.

Военное заселеніе Закубанскаго края было не только потребностію минуты, по необходимымъ условіемъ будущаго, для того чтобы прочно оградить весь кавказскій перешеекъ со стороны Чернаго моря. Восточная война чрезвычайно полно выяснила всѣ основанія нашего военнаго положенія на Кавказѣ, не только вслѣдствіе того, что дѣйствительно случилось, но еще болѣе вслѣдствіе того, что могло случиться, чего каждый день опасались. Тогда узнали всю огромность стратегическаго значенія западной группы горъ. Пока она принадлежала врагамъ и разъединяла наши силы по обѣимъ сторонамъ хребта, сообщенія Закавказья съ Россіей въ случаѣ внѣшней войны, были подвержены всегдашней опасности. Прикрывая свой флангъ горами, непріятель могъ всякій день предпринять наступленіе съ Чернаго моря по южной или сѣверной окраинѣ ихъ, въ бассейнѣ Кубани или Ріона; первое удачное дѣло въ одномъ изъ этихъ бассейновъ, выводило его въ тылъ нашъ, въ середину мелкихъ отрядовъ, разъединенныхъ по необходимости горскою войной, сосредоточить которые не было никакой возможности. Одно появленіе непріятеля въ томъ или другомъ бассейнѣ, парализовало наши войска въ Азіятской Турціи; а сколько нибудь серіозная неудача заставила бы немедленно отозвать ихъ. Князь Барятинскій нашелъ выходъ изъ этого опаснаго положенія перенесеніемъ военнаго основанія закав-

казскихъ войскъ съ военно-грузинской дороги на недоступное непріятелю Каспійское море, связанное Волгой съ центрами государства; преимущественно въ этихъ видахъ онъ такъ много заботился о развитіи каспійскаго пароходства, объ учрежденіи складочныхъ пунктовъ для кавказской арміи на каспійскомъ берегу. Покуда западныя горы не были завоеваны, опасность можно было предупредить только измѣненіемъ военнаго основанія; съ завоеваніемъ же ихъ, стало возможнымъ отстранить ее вовсе, но для этого надобно было занять Западный Кавказъ такъ твердо, чтобъ онъ остался въ русскихъ рукахъ такою же твердыней противъ внѣшняго врага, какою былъ онъ противъ насъ въ рукахъ черкесовъ, и для того ввѣрить оборону его людямъ, которые могутъ постоять за себя, не нуждаясь въ прикрытіи регулярныхъ войскъ. Теперь, когда закубанскія и прибрежныя долины заняты линейцами, бассейны Кубани и Ріона недоступны непріятелю; онъ не можетъ ступить шага вверхъ по этимъ рѣкамъ, не открывая намъ своего тыла. Пойдетъ ли онъ по Кубани, воинственное зарѣчное населеніе отрѣзываетъ его отъ моря; пойдетъ ли онъ по Ріону, полки, переброшенные черезъ горы, сейчасъ станутъ въ его тылу. Мы не будемъ вынуждены, въ случаѣ войны, раздроблять войска. Казаки продержутся въ горахъ, конечно, не хуже черкесовъ; регулярныя войска будутъ имѣть возможность маневрировать изъ этой крѣпости въ какомъ угодно направленіи, не оглядываясь назадъ; небольшой отрядъ, поддержанный казачьимъ населеніемъ, будетъ въ состояніи оградить кавказскій перешеекъ отъ всякаго покушенія со стороны Чернаго моря. Съ заселеніемъ черкесскихъ горъ казаками, внѣшнему непріятелю нѣтъ больше хода на Кавказъ съ моря.

Вопросъ: какимъ населеніемъ занять Закубанскій край? не могъ быть и поставленъ; онъ былъ рѣшенъ необходимостію. Но въ тоже время великолѣпіе природы, неисчерпаемыя естественныя богатства вновь завоеванной области, первой безъ сравненія въ ряду русскихъ областей, заставляли желать оградить ея будущее развитіе всѣми мѣрами, какія только можно было принять, не противорѣча главной цѣли. Великій Князь главнокомандующій старался согласить, по возможности, оба эти условія. Основаніемъ положенія о кубанскомъ войскѣ послужило въ главныхъ чертахъ нынѣшнее устройство войска линейскаго, но оно развито сообразно съ духомъ вновь возни-

кающихъ земскихъ учрежденій, избавлено отъ регламентаціи, наложенной на бытъ казаковъ истекшимъ историческимъ періодомъ, соглашено, сколько возможно, съ выгоднѣйшими экономическими условіями. Новый бытъ казаковъ будетъ ближе къ ихъ коренному, древнему быту, чѣмъ въ непосредственно предшествовавшемъ времени; имъ можно будетъ сказать во всеподданнѣйшемъ адресѣ, какъ сказали московскіе старообрядцы: «въ новизнахъ Твоего царствованія намъ старина наша слышится».

Въ положеніи необходимо было воспроизвести въ главныхъ чертахъ видовой бытъ линейскаго войска, такъ какъ линейцы составляютъ основу войска кубанскаго; кромѣ того, бытъ ихъ представляетъ и въ военномъ отношеніи самыя выгодныя условія. Не только въ характерѣ, но и во внѣшнемъ устройствѣ нашихъ казачьихъ войскъ существуетъ большая разница. У линейцевъ нѣтъ особеннаго высшаго класса, выдѣляющагося изъ народа. Въ линейскомъ войскѣ общая связь выражается только въ администраціи, но не въ народной жизни; на дѣлѣ каждый отдѣльный полкъ или бригада составляетъ особенное общество, имѣющее по большей части значительные видовые оттѣнки. Дѣйствующій линейскій полкъ не состоитъ, какъ донской или уральскій, изъ случайно соединенныхъ между собой людей, собранныхъ съ цѣлаго округа, перемѣняющихся каждый срокъ, не имѣющихъ внѣ службы никакой связи ни между собой, ни съ своими офицерами. Линейскій полкъ есть извѣстный поземельный участокъ. Служащіе въ немъ казаки и офицеры всѣ дѣти одной семьи, всѣ сосѣди и односельцы, мѣняющіеся только очередью, но никогда не перемѣняющіе знамени. Эта особенность проводитъ глубокое различіе между линейскими и другими казачьими полками. У линейцевъ глубоко вкорененъ полковой духъ, безъ котораго нѣтъ настоящаго войска. Полкъ для нихъ вмѣстѣ знамя и родина; полковая слава дорога имъ какъ воинамъ и какъ гражданамъ. Это дѣленіе перешло за Кубань съ линейцами и распространено на бывшихъ черноморскихъ казаковъ, которые прежде его не знали. Предполагается все кубанское войско раздѣлить на самобытные полковые округа, причемъ конечно сохранятся всѣ старыя прославленныя имена полковъ. Не такъ давно еще линейцы пользовались почти неограниченною свободой въ своей домашней жизни; въ двадцатыхъ годахъ гребенцы выбирали

сами своего полковаго командира, подъ именемъ атамана. Съ тѣхъ поръ, хотя оставались еще формы самоуправленія, но потребности войны, принявшей съ тридцатыхъ годовъ самый серьезный характеръ, вынудили ввести у казаковъ строгую дисциплину и подчинить ихъ военнымъ начальствамъ. Съ замиреніемъ края новое положеніе выдвигаетъ опять начала самаго широкаго самоуправленія. Кромѣ начальника полковаго округа и его небольшаго штаба, всѣ служебныя мѣста предоставляются народному выбору; всѣ мѣстныя дѣла передаются рѣшенію міра. Коллегіяльное управленіе по выборамъ при начальникѣ полковаго округа и при главномъ войсковомъ управленіи, существовавшее до сихъ поръ, сохраняется и расширяется.

Положеніе обратило особенное вниманіе на то, чтобы снять съ казаковъ, сколько можно замкнутость ихъ сословія, отчуждавшую его отъ всѣхъ населеній Имперіи. Казакамъ предоставлено право, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ нетрудныхъ условій, выходить изъ своего званія, которое въ свою очередь дѣлается доступнымъ для постороннихъ людей при согласіи общества; при такомъ порядкѣ казачье населеніе будетъ представлять не только потомственную породу, но извѣстный типъ русскихъ людей. Казакамъ и офицерамъ предоставляется пріобрѣтеніе личной недвижимой собственности, чтобы посредствомъ этой мѣры снять съ общественной жизни исключительныя формы юртоваго быта. Я не могу вдаваться въ подробности положенія, составляющаго покуда проектъ, но постарался избрать главныя его черты.

Въ военномъ отношеніи каждый округъ выставляетъ двѣ очереди людей полнаго полковаго состава, съ однимъ комплектомъ офицеровъ; они будутъ смѣняться по-очередно. Въ обыкновенное время для облегченія казаковъ можно вызывать на службу небольшое число людей; при надобности — цѣлый полкъ. Такимъ образомъ, когда все будетъ тихо, страна не будетъ терпѣть отъ отсутствія рабочихъ силъ; но за то, когда потребуетъ государство, кубанское войско легко выставитъ двойной комплектъ людей. Недостатокъ офицеровъ не можетъ служить препятствіемъ къ тому, такъ какъ въ линейскомъ войскѣ офицеры не составляютъ особаго класса: они только лучшіе изъ казаковъ. При надобности весь первый комплектъ кубанскихъ полковъ можетъ присоединиться къ русскимъ

арміямъ, между тѣмъ какъ другой комплектъ останется для обороны родныхъ горъ и, поддержанный всѣмъ населеніемъ, будетъ достаточно силенъ, чтобъ обратить ихъ въ неодолимую крѣпость.

Составъ дѣйствующихъ силъ кубанскаго войска полагается въ 18 конныхъ полковъ, 18 стрѣлковыхъ ротъ, 2 или 3 морскіе береговые полка и 5 батарей: всѣ въ двухъ комплектахъ одинаковой численности, кромѣ артиллеріи. До сихъ поръ внѣ Кавказа дорожили двумя и тремя сотнями линейцевъ; какою же силой будутъ 18 линейскихъ полковъ, да кромѣ того еще 10 полковъ терскихъ, всего 28 полковъ, которые всѣ могутъ присоединиться къ дѣйствующимъ войскамъ? 28 полковъ—это значитъ слишкомъ 25 тысячъ никогда не сдающихся линейскихъ казаковъ, одинаково страшныхъ какъ конница и какъ пѣхота. Не надобно забывать и 18 ротъ пластуновъ (въ двойномъ комплектѣ 36), этихъ типическихъ людей, изъ которыхъ почти каждый стòитъ куперовскаго патфайндера, которые ходятъ по сту верстъ въ день, безъ лодки переправляются черезъ широкую рѣку, неслышною поступью подбираются къ лѣсному звѣрю, какъ кошки прокрадываются сквозь непріятельскія цѣпи и готовы, пожалуй, выкрасть вражескаго генерала изъ его палатки.

Береговые полки должны нести не конную, а морскую службу. Въ прибрежныхъ долинахъ нѣтъ обширныхъ пастбищъ, нужныхъ для содержанія мѣстной кавалеріи; съ другой стороны оборона берега требуетъ моряковъ. Въ этихъ видахъ старались соединить въ прибрежномъ населеніи элементы, имѣющіе въ себѣ задатки морскаго развитія,—азовскихъ казаковъ и женатыхъ матросовъ, съ добавленіемъ изъ общей массы переселенцевъ, которые въ этой средѣ и при этой обстановкѣ скоро станутъ моряками, также какъ между линейцевъ они стали линейцами. Служба приморскихъ казаковъ будетъ состоять преимущественно въ береговомъ крѣйсерствѣ; они должны быть вмѣстѣ матросами и стрѣлками и какъ другіе, въ двухъ комплектахъ, дѣйствующемъ и резервномъ. Учрежденія соображены такъ, чтобъ привлечь этихъ людей исключительно къ морю. Положеніе о береговомъ населеніи способно къ значительному развитію въ послѣдствіи; населеніе это можетъ служить готовымъ морскимъ резервомъ будущему черноморскому флоту

Сколько мнѣ извѣстно, Великій Князь главнокомандующій имѣетъ въ виду согласить въ устройствѣ кубанскаго войска два условія: сохранить въ цѣлости воинственный духъ, основанный на преданіяхъ и превосходной боевой организаціи линейцевъ, но въ тоже время предоставить войсковому населенію всѣ средства къ хорошему экономическому развитію. Несмотря на особенности казачьяго быта; эти два условія нисколько не противорѣчатъ одно другому: можно сказать только, что въ нѣкоторомъ отношеніи они ограничиваютъ себя взаимно. Въ новомъ положеніи ограниченіе это будетъ весьма незначительно. Съ отмѣной вѣковой замкнутости казачьяго сословія, съ предоставленіемъ всякихъ льготъ для пріобрѣтенія личной собственности, съ возможностію отстраниться отъ дѣйствительной службы при извѣстной общирности дѣлъ, также какъ при нѣкоторыхъ спеціяльныхъ занятіяхъ, казаки могутъ безъ стѣсненія предаваться производительному труду. Но дѣло не ограничивается этими облегченіями. Богатства великолѣпнаго Закубанскаго края должны быть разработаны вполнѣ. Поэтому всѣ земли, остающіяся за непосредственнымъ надѣленіемъ казаковъ, хотя заключающіяся въ предѣлахъ войска, не будутъ составлять войсковую собственность, какъ на Дону, и подлежать ряду ограниченій, на половину уменьшающему ихъ стоимость. Онѣ остаются въ рукахъ правительства и будутъ предоставлены частному труду на общихъ основаніяхъ. Количество такихъ свободныхъ земель не опредѣлено, но приблизительно его можно считать около двухъ милліоновъ десятинъ; сюда принадлежатъ прикубанскія земли, только на половину занятыя горцами, и прибрежная полоса отъ Туапсе до Абхазіи, назначеніе которой не рѣшено еще окончательно, но гдѣ во всякомъ случаѣ будетъ предоставлена значительная доля свободному труду; также многіе участки, разбросанные между станицами. При такихъ условіяхъ можно предсказать новой области, не будучи пророкомъ, самую блестящую будущность.

Росссія не знаетъ еще вполнѣ какое пріобрѣтеніе для нея составляетъ Закубанскій край. Не говоря о великомъ политическомъ результатѣ, однѣ матеріяльныя выгоды новаго завоеванія дѣлаютъ его неоцѣненнымъ. Богатства его, не баснословныя богатства края, лежащаго въ антиподахъ. Кубанская область, изобильнѣйшая всѣми дарами природы, дѣвственная земля, вмѣстѣ съ тѣмъ омывается европейскимъ моремъ, отстоитъ на

день плаванія отъ Ростова и Трапезонта, на нѣсколько дней отъ Одессы и Константинополя Марселя и Тріеста. И однакожъ Закубанская страна дѣйствительно столь же дѣвственна, какъ берега Амура. Прежнее туземное население прошло по этой почвѣ, но не смяло ея. Странно видѣть до какой степени полумилліонное горское населеніе оставило мало слѣдовъ человѣческаго труда посреди могущественной закубанской природы; точно жила здѣсь какая-нибудь орда бродячихъ дикарей. Есть циклопическія развалины: но онѣ принадлежатъ другимъ людямъ баснословной эпохи; за то вездѣ свѣжая нетронутая человѣкомъ земля, вездѣ первобытные лѣса; обработанныя поляны составляютъ исключеніе. Конечно, роскошная растительность быстро заглушаетъ въ этомъ краѣ завоеванныя человѣкомъ поля, какъ только перестаютъ ихъ поддерживать; чрезвычайное плодородіе почвы дозволяло жителямъ ограничиваться небольшими хозяйственными участками; но тѣмъ не менѣе, поразительно видѣть непочатыя богатства природы, урывокъ бразильской пустыни, на берегу покрытаго пароходами европейскаго моря.

Кубанская область представляетъ всѣ условія неизмѣннаго плодородія. Нависшіе надъ нею вѣчные снѣга, неизмѣримые ледники Гренландіи посреди теплыхъ краевъ, растекаются тысячами тысячъ ручьевъ и рѣчекъ, и заливаютъ жирную почву, согрѣваемую жаркимъ солнцемъ; вода постоянно размываетъ горныя породы и застилаетъ подгорныя земли слоемъ нужныхъ для растеній минеральныхъ веществъ; всякій ручей для этаго края то же, что Нилъ для Египта. Въ странѣ между хребтомъ и Кубанью плодороднѣйшія поля, какъ шахматныя клѣтки, перемежаются съ темными лѣсами, то строевыхъ, то фруктовыхъ деревьевъ; и замѣчательно, что эти фруктовыя деревья, по большей части не дикія, но садовыя, дающія отличные плоды; переселенцы стали уже вывозить ихъ сотнями возовъ на продажу. На влажной почвѣ ростутъ кормовыя травы въ полъ-роста человѣка. Въ предгоріяхъ волнистыя поля до такой степени испещрены цвѣтами, что при каждомъ дуновеніи вѣтра будто радуга разсыпается передъ глазами. Во всемъ просторъ человѣку; въ тепломъ и здоровомъ климатѣ пашни, пастбища, лѣса и вездѣ вода, все у него подъ рукой. На южномъ склонѣ растительность роскошна не по-европейски. Прибрежная страна Кавказа не узкая полоса земли между горой и моремъ, какъ южный

берегъ Крыма; она сама по себѣ составляетъ цѣлую область, обставленную, какъ теплица, закрытую отъ сѣверныхъ вѣтровъ и открытую южнымъ. Глубокія долины, спускаясь отъ вѣчныхъ снѣговъ къ морю, разсыпаются у берега холмами, образующими прелестнѣйшую страну, какую только можно видѣть. Непроницаемые лѣса южнаго склона состоятъ на третью часть изъ драгоцѣнныхъ породъ мебельнаго дерева: кавказской пальмы и негноя, продаваемаго на пуды, по 3 и 4 р. пудъ, стоитъ только подвести его къ берегу. Колосальные каштаны и грецкіе орѣхи, сверху до низу обвитые виноградомъ, покрываютъ цѣлыя долины непроницаемымъ зеленымъ пологомъ; выше тянутся дубовые и чинаровые лѣса. Горное пространство между сѣвернымъ и южнымъ склономъ представляетъ иной характеръ; но и въ этой мѣстности природа щедро вознаградитъ трудъ человѣка. Высокія земли, лежащія у подошвы вѣчныхъ снѣговъ, одѣваются лѣтомъ такими тучными травами, что стада, сгоняемыя съ нихъ осенью, едва могутъ двигаться отъ жира. Эти земли будутъ лѣтнимъ пастбищемъ всей области, какъ прежде у черкесовъ. Верховья горныхъ долинъ заросли корабельными сосновыми лѣсами; богатыя рудныя жилы во многихъ мѣстахъ видны на поверхности; изъ-подъ скалъ бьютъ ключи минеральной воды. Въ трехъ параллельныхъ поясахъ, сѣверномъ, нагорномъ и южномъ, природа Кубанской области одинаково великолѣпна, но въ каждомъ поясѣ она блистаетъ своею особенною, оригинальною красотою. Жизнь животная также разнообразна, какъ растительная. Неисчислимыя стада кабановъ и оленей, пасутся на сѣверной покатости; туры и дикіе быки живутъ въ горахъ; пестрый барсъ прыгаетъ въ цвѣтныхъ лѣсахъ южнаго склона. И эта роскошная, можно сказать новооткрытая страна, лежитъ не на Тихомъ океанѣ, а на берегу Чернаго моря. Неистощимыя пашни, вѣковые лѣса, сады, виноградники, рудныя жилы Кубанской области заключены въ треугольникѣ между судоходною рѣкой, замерзающею только на одинъ мѣсяцъ въ году, и берегомъ никогда не мерзнущаго моря. Когда будетъ построена черноморская желѣзная дорога, житель Москвы на третій день пристанетъ въ восточному берегу.

Кубанская область выроститъ породу людей, о которыхъ мы не слыхали даже въ сказкахъ. Мы увидимъ русскихъ горцевъ. Круглолицый, бѣлокуренькій русскій мальчикъ повезетъ

заѣзжую туристку на своихъ лошакахъ по обрывистымъ горнымъ тропинкамъ, смотрѣть съ сосѣдней вершины какъ встаетъ солнце изъ-за снѣговъ и тѣнь горы вдругъ притягивается черезъ цѣлую область.

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ.

Очеркъ покоренія западнаго Кавказа доведенъ до конца. Есть однакожъ вещи, хотя не истекающія прямо изъ предмета этихъ писемъ, но имѣющія къ нему такое тѣсное отношеніе, что заключеніе читателя было бы не полно, еслибъ онѣ не были поставлены передъ его глазами. Вещи эти—новое положеніе, въ которое завоеваніе Кавказа ставитъ насъ относительно всего азіятскаго вопроса и кавказская армія, составляющая не только часть силъ Русской имперіи, но органическое цѣлое, особый типическій оттѣнокъ русскаго войска, созданный Кавказомъ. Сначала объ арміи. Съ завоеваніемъ горъ, кавказская армія, заключавшая въ себѣ до сихъ поръ около трети дѣйствующихъ силъ государства, стала подвижною. Помимо всякихъ завоевательныхъ видовъ, нравственное вліяніе этого событія не можетъ остаться безъ большихъ послѣдствій; оно измѣняетъ численную пропорцію европейскихъ силъ въ такой же мѣрѣ, какъ еслибы населеніе равное прусскому, со всѣми своими военными средствами, сдѣлалось частію Россіи. Матеріяльныя средства государства не увеличились, но сосредоточились, что въ итогѣ составляетъ тоже самое.

Я сказалъ: какъ если бы Пруссія, со всѣми своими военными средствами, стала частію Россіи. Дѣйствительно, численность кавказской арміи представляетъ довольно близко итогъ дѣйствующихъ прусскихъ войскъ, считая регулярные и иррегулярные полки и баталіоны, вмѣстѣ съ прикомандированными дивизіями. Но кавказская армія еще не вся покуда стала подвижною. Я выразилъ общую мысль, осуществленіе которой двинулось впередъ быстрыми шагами. Совершился фактъ, послѣдствія неизбѣжны. Но восточный Кавказъ до сихъ поръ еще парализуетъ часть нашихъ силъ. Тамъ населенія остались въ горахъ и лѣсахъ; ихъ необходимо сдерживать присутствіемъ войскъ, пока они не обезоружены поголовно. Въ прошломъ году случились вспышки въ Чечнѣ и у подгорныхъ

лезгинъ; неугомонный мюридизмъ не остылъ еще въ душахъ. Положеніе это не представляетъ никакой опасности политической. Мюридская война была сложнымъ результатомъ многихъ особенныхъ обстоятельствъ, которыя не могутъ больше повториться; общее возстаніе въ горахъ никогда не состоится. Тѣмъ не менѣе Чечню и Дагестанъ покуда еще необходимо занимать войсками. Двѣ кавказскія дивизіи и 13 линейныхъ баталіоновъ парализованы охраненіемъ горъ. Но съ нынѣшнимъ годомъ открылась возможность устранить въ близкомъ будущемъ и это послѣднее затрудненіе. Страшный погромъ западнаго Кавказа грянулъ въ души прикаспійскихъ горцевъ такимъ же сокрушительнымъ впечатлѣніемъ, какъ покореніе страны ихъ въ 1859 г. Нынѣшнимъ лѣтомъ весь Кавказъ былъ завоеванъ вторично, и это второе, нравственное завоеваніе, упрочиваетъ наше положеніе въ восточныхъ горахъ лучше перваго, матеріяльнаго. Теперь стало возможнымъ предпринять послѣдовательный рядъ мѣръ, которыя низведутъ чеченцевъ и лезгинъ на ту же степень мирныхъ поселянъ, на которой уже поставлены разбитые остатки черкесскихъ племенъ. Черезъ нѣсколько времени кавказская армія станетъ въ полномъ смыслѣ слова дѣйствующею арміею.

Впрочемъ и теперь уже итогъ подвижныхъ силъ, которыми располагаетъ кавказская армія, совершенно удовлетворяетъ цѣли и круто измѣняетъ прежнія отношенія, такъ что покуда больше и не нужно. Стотысячное войско, дѣйствовавшее въ Кубанской области, стало свободнымъ. Я считаю сто тысячъ, по спискамъ, потому что если многія мѣстныя силы, входившія въ его составъ, остаются дома, за то онѣ могутъ быть замѣщены другими подвижными кавказскими войсками, всегда совершавшими азіятскіе походы, какъ гренадерская дивизія. Кубанскіе казаки, въ своемъ дѣйствующемъ комплектѣ, также не мѣстное войско. Сто тысячъ по спискамъ составляютъ не менѣе 70 тысячъ дѣйствительно стоящихъ подъ ружьемъ. Въ Кубанской области никогда не находилось въ рядахъ такого числа людей; но тамъ происходила мѣстная война, полки стояли въ штабъ-квартирахъ и множество рукъ было отвлечено на хозяйственныя потребности; при походѣ всѣ эти люди займутъ мѣсто въ рядахъ, причемъ дѣйствительную численность войска, ставшаго подвижнымъ, нельзя считать ниже 70 тысячъ, даже безъ дѣйствующаго комплекта кубанскихъ казаковъ. Сегодня

70-ти-тысячная, завтра стотысячная русская армія, составленная изъ закаленныхъ въ битвахъ и походахъ полковъ, готовая съ кавказскаго перешейка протянуть руку куда угодно. Этотъ фактъ, совершившійся покуда Европа волновалась по поводу Польши, конечно, не можетъ нравиться людямъ, которые видятъ общественное бѣдствіе въ каждомъ внутреннемъ и внѣшнемъ успѣхѣ Россіи. Всѣмъ понятно, что восточная война пропала для Европы даромъ. Нельзя забывать этого обстоятельства при оцѣнкѣ настоящаго положенія политическихъ дѣлъ.

На Кавказъ возлагались большія надежды. Фраза: «Россія прикована къ Кавказу и не можетъ располагать своими войсками», стала пословицей у европейскихъ дипломатовъ въ Азіи. Вдругъ, совершенно неожиданно, перспектива измѣнилась,—непокорные горцы исчезли, какъ будто никогда не бывали, и на Кавказскомъ перешейкѣ видна лишь подвижная русская армія. И какая армія!

Чего бы ни стоили государству шестьдесятъ лѣтъ мѣстной войны, о жертвахъ нечего жалѣть, когда цѣною ихъ Россія пріобрѣла кавказскую армію. Эта армія составляетъ вмѣстѣ съ коренными алжирскими полками, которыхъ очень немного, единственныя европейскія войска, способныя выдержать безъ разстройства походы въ глубь варварскихъ странъ. Англичане достигаютъ этой цѣли только тѣмъ, что ходятъ муравьиными шагами, обремененные нескончаемыми обозами; англійскіе полки никогда не становятся способными къ азіятскимъ походамъ; но правительство, цѣною непомѣрныхъ жертвъ, переноситъ Англію въ азіятскую глушь; если позволятъ мнѣ такое выраженіе, оно всюду возитъ за своими солдатами искусственную англійскую атмосферу, безъ которой они жить не могутъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ возможно содержать лишь самыя ограниченныя силы, достаточныя противъ непріятеля, которому надобно показать европейцевъ, чтобы заставить его бѣжать, но совершенно недостаточныя противъ серіознаго противника. Сохранять числительность и бодрость людей, бѣгая по недѣлямъ безъ отдыха и живя, когда случится, чѣмъ Богъ послалъ, — безъ этой способности, пріобрѣтаемой войскомъ только долголѣтнею походною жизнію, нельзя разсчитывать на значительные успѣхи, даже въ европейской войнѣ, посреди самой изобильной страны;

азіятскіе же походы становятся возможными только при этомъ условіи. Мы видѣли разительный примѣръ того на трехъ пѣхотныхъ дивизіяхъ, присланныхъ въ подкрѣпленіе кавказскому корпусу во время турецкой войны. Войска эти потомъ обтерпѣлись и, послѣ шестилѣтняго пребыванія въ краѣ, вышли отсюда боевыми и походными. Но въ первое время, покуда продолжалась турецкая война, хотя мы держались около своихъ предѣловъ и войска продовольствовались изъ магазиновъ, находившіеся въ дѣйствующемъ корпусѣ россійскіе полки (какъ ихъ называли) съ трудомъ выдерживали походъ и требовали самыхъ мелочныхъ попеченій. Кромѣ того, что больше половины людей лежало въ госпиталяхъ, остальные, выстоявшіе въ рядахъ, привыкши жить на всемъ готовомъ, долго не могли удовлетворять сами собою первымъ жизненнымъ потребностямъ, не умѣли, ни въ какомъ случаѣ, замѣнить казенную поставку своею изобрѣтательностію; ихъ надобно было кормить съ ложечки какъ малыхъ дѣтей. Притомъ же ихъ нельзя было ни послать въ отдѣлъ, ни ставить на передовой позиціи: такъ они были неопытны. Еслибъ мы отошли дальше и войскамъ пришлось жить исключительно средствами страны, россійскіе полки были бы отчасти парализованы. Во французской арміи существуетъ тоже самое отношеніе между алжирскими и собственно-французскими полками. Одинъ капитанъ зуавовъ говорилъ мнѣ, показывая на свѣжій, будто съ иголочки линейный полкъ: эти господа не умѣютъ поставить палатки на косогорѣ безъ нашей помощи. Вести азіятскій походъ со свѣжими казарменными европейскими войсками, значитъ повторять сцены крестовыхъ походовъ, терять безчисленное множество людей, не достигая цѣли. Относительное могущество европейскихъ государствъ во всемъ, что̀ касается азіятскихъ дѣлъ, надо мѣрять только силою флота и количествомъ обтерпѣвшихся боевыхъ войскъ, съ которыми можно предпринять дальній походъ въ варварскую страну. Флотъ имѣетъ тутъ значеніе лишь какъ средство соприкосновенія между отдаленными странами: Англія и Франція, по этому, единственныя западно-европейскія націи, сильно заинтересованныя въ азіятскомъ вопросѣ. Мы не имѣемъ сильнаго флота, но имѣемъ непосредственное соприкосновеніе съ центрами Азіи, вполнѣ его замѣняющее. Выгода даже на нашей сторонѣ. Относительное могущество трехъ державъ въ рѣшеніи азіятскихъ дѣлъ опре-

дѣляется, стало-быть, только численностью войскъ, приспособленныхъ къ дальнему азіятскому походу. Численность эту я считаю у французовъ, по количеству боевыхъ алжирскихъ войскъ, которыми они могутъ располагать, никакъ не выше 30-ти тысячъ человѣкъ. Притомъ едва ли французское правительство рѣшится когда-нибудь отдѣлить больше одного корпуса въ чисто-азіятскую войну. Читатели помнятъ на сколько общее мнѣніе Европы считало Францію парализованною мексиканскою войной. Въ случаѣ серіознаго столкновенія въ Азіи, нужно будетъ напряженіе силъ и на европейскомъ материкѣ. Крымская же кампанія не примѣръ. Это была война чисто европейская, въ которой Франція и Англія могли спокойно сосредоточить всѣ свои силы на одномъ приморскомъ пунктѣ. Притомъ Франція можетъ перевезти свои войска въ Азію только моремъ, т. е. совершить полусухопутную экспедицію безъ достаточнаго числа кавалеріи и обозовъ. Возможный кругъ дѣйствій для нея—Малая Азія и Сирія. Для дѣйствій же на востокъ отъ Евфрата, основаніемъ которыхъ необходимо долженъ служить Индійскій океанъ, Франція едва ли можетъ поставить половину показаннаго числа. Англичане вовсе не имѣютъ настоящихъ походныхъ войскъ, но дѣлаютъ ихъ такими цѣною чрезвычайныхъ пожертвованій, обременяя полки нескончаемыми обозами, такъ что англійскій солдатъ въ Индіи обходится гораздо дороже, чѣмъ у насъ офицеръ. При такой стоимости трудно выставить сколько-нибудь значительное войско. Послѣдняя война англичанъ съ Персіей явно показала, какъ трудно имъ удаляться отъ моря, до какой степени они слабы въ сухопутной кампаніи. Даже на своей почвѣ, въ Индіи, въ самыхъ серіозныхъ обстоятельствахъ, они никогда не могли сосредоточить болѣе 12-ти тысячъ англичанъ; а внѣ предѣловъ Индіи и внѣ приморскихъ районовъ, даже такая норма будетъ преувеличенною. При столкновеніи съ европейцами, сипаевъ нельзя считать ни во что, а потому дѣйствительную силу англичанъ для какого бы то ни было предпріятія на азіятскомъ материкѣ, въ сколько-нибудь значительномъ разстояніи отъ берега европейскихъ морей, никакъ нельзя считать выше 15-ти тысячъ человѣкъ на самый большой конецъ. Кавказская армія въ полномъ составѣ однихъ подвижныхъ старыхъ пяти батальйонныхъ полковъ, съ кавалеріей, артиллеріей и нѣкоторымъ числомъ казаковъ, безъ прикомандиро-

ванныхъ дивизій и линейныхъ батальйоновъ, составляетъ не менѣе ста тысячъ человѣкъ; значительная часть этой силы стала теперь подвижною и скоро наступитъ время, когда вся армія будетъ такою же. Съ заселеніемъ западныхъ горъ казаками и обезоруженіемъ восточныхъ горцевъ, Кавказъ можетъ быть защищаемъ весьма ограниченными силами; трехъ нынѣ прикомандированныхъ дивизій вполнѣ будетъ достаточно для оборонны и для занятія края. Я вовсе не знаю нашихъ войскъ на Сыръ-Дарьѣ и Сибирской линіи; но судя по обстановкѣ, ихъ можно считать походными войсками. Съ ними итогъ силъ, которыми Россія располагаетъ для азіятскихъ войнъ, не отвлекая ни одного человѣка отъ европейской границы, составляетъ не менѣе 120 тысячъ подъ ружьемъ; между тѣмъ какъ Англія имѣетъ ихъ едва ли 15 тысячъ, а Франція не болѣе 30 тыс. Владѣя внутренними азіятскими бассейнами и всѣми центральными позиціями, сливаясь безраздѣльно съ независимою Азіей на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ верстъ, протягивая руки одновременно отъ Трапезонта до Кореи, Россія вмѣстѣ съ тѣмъ располагаетъ на своей азіятской границѣ дѣйствующими силами, втрое превосходящими соединенныя силы ея соперниковъ. Вотъ положеніе, созданное Россіи покореніемъ Кавказа.

Прошу читателей не приписывать этимъ словамъ смысла, котораго они не имѣютъ. Я восе не желаю моему отечеству завоевательныхъ плановъ Александра Македонскаго. Я представляю только положеніе вещей какъ оно есть. До покоренія Кавказа европейскіе дипломаты оказывались правы: со стороны Азіи Россія была прикована къ Кавказу и не могла разорвать своей цѣпи. Ничтожность силъ, которыя мы могли отдѣлить въ послѣднюю турецко-азіятскую войну, слишкомъ очевидно доказывала этотъ фактъ. Но теперь положеніе дѣлъ совсѣмъ иное. На азіятской почвѣ сила туземныхъ государствъ даже съ помощію, которую могутъ дать имъ европейскіе союзники, совершенно ничтожны противъ силы кавказской арміи, свободно распологающей всѣми своими средствами. Никакіе перевороты не могутъ болѣе измѣнить этого отношенія, окончательно установленнаго судьбою въ нашу пользу. Азіятскіе же вопросы имѣютъ для державъ морскихъ, или сопредѣльныхъ съ восточнымъ міромъ, какъ Австрія, т. е. для всѣхъ самостоятельныхъ представителей Европы, не менѣе важности,

чѣмъ самые первоклассные вопросы европейскіе. Начиная хоть съ Турціи, которая держится въ Европѣ тѣмъ только, что она сильна въ Азіи; три четверти ея арміи состоитъ изъ азіятскихъ подданныхъ, безъ содѣйствія которыхъ европейскія области не остались бы подъ турецкою властью 24 часовъ. Вся Азія находится болѣе или менѣе въ такомъ же отношеніи къ Европѣ. Каждая страна этого великаго материка связана, какъ клавишъ со струной, съ какимъ-нибудь значительнымъ европейскимъ интересомъ; въ настоящее время, если потребуютъ обстоятельства, Россія можетъ наложить руку на эти клавиши. Новое положеніе, созданное Россіи завоеваніемъ горъ и превращеніемъ самой боевой въ свѣтѣ арміи изъ мѣстной въ подвижную, изъ кавказской въ азіятскую, есть очевидная дѣйствительность. Объ ней можно сказать то же, что сказалъ Наполеонъ о французскомъ знамени: Il, est comme le soleil, tant pis pour celui qui ne le voit pas. Покореніе Кавказа составляетъ великое приращеніе русской силы; помимо всякихъ завоевательныхъ замысловъ, Россія должна понять его истинный смыслъ.

Какъ боевое войско, кавказская армія не замѣнима во всякой войнѣ, азіятской и европейской. Понимающіе французскіе офицеры откровенно сознаются теперь, что успѣхомъ крымской войны они почти исключительно обязаны двадцати тысячамъ испытанныхъ походныхъ войскъ, взятыхъ ими изъ Алжиріи. Войска эти были всегда впереди; они нанесли намъ главные удары. Мы могли бы разбить линейное французское войско; у насъ было много храбрыхъ полковъ, готовыхъ на отчаянную битву; но храбрыми полками нельзя замѣнить полковъ боевыхъ; а этого элемента у насъ не было на театрѣ войны. Россія имѣла въ то время на Кавказѣ тысячъ семьдесятъ старыхъ солдатъ, по нашему убѣжденію превосходящихъ алжирцевъ; но они были поглощены мѣстною войной, ни одинъ кавказскій батальйонъ не принялъ участія въ рѣшеніи европейскаго спора подъ Севастополемъ. Только одиночныя лица переходили изъ кавказской арміи въ крымскую и сейчасъ же заслуживали извѣстность.

Я пишу эти письма не для военныхъ читателей; но о характеристикѣ кавказской арміи, о тѣхъ особенностяхъ, которыя отличаютъ ее отъ другихъ войскъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ. Въ военномъ дѣлѣ есть вещи, которыя должны

быть извѣстны всякому гражданину, потому именно что онъ гражданинъ, соучастникъ общественнаго интереса, а не оторванная личность. Военное же могущество для великой націи, ограждаемой только собственною силой, то же въ нынѣшнемъ состояніи свѣта, что для отдѣльнаго человѣка личная самостоятельность, та сила воли и положенія, при которой онъ недасть себя въ обиду, постоитъ за свои права и права своихъ близкихъ и не склонитъ головы противъ убѣжденія. Какъ въ прижатомъ человѣкѣ заглохнетъ всякій талантъ, такъ и въ запуганной націи, которая въ серіозномъ международномъ случаѣ побоится кого-нибудь, не разовьется ничего высокаго. Божьи дары разцвѣтаютъ только въ тѣхъ людяхъ и у тѣхъ народовъ, которые смѣютъ высоко держать голову. Я полагаю, что основанія, на которыхъ лежитъ военное могущество государства, составляютъ одинъ изъ первыхъ общественныхъ интересовъ для каждаго гражданина. Полагаю также, что въ главныхъ чертахъ это дѣло далеко не такъ специяльно, чтобъ общественное мнѣніе не имѣло къ нему такого же доступа, какъ и ко всѣмъ вопросамъ народной жизни. Наилучшее устройство народныхъ силъ есть дѣло чисто практическое, истекающее прямо изъ свойствъ и особенностей народа, къ которому оно прилагается; въ главныхъ чертахъ оно сливается съ самою сущностію народнаго быта; правильное отношеніе военной организаціи къ формамъ жизни и характера народа вліяетъ, съ одной стороны, на всѣ отправленія національной дѣятельности, съ другой, отъ него зависитъ степень могущества государства. По этому общественное мнѣніе не должно чуждаться обсужденія этого великаго дѣла и оставлять его исключительному кружку спеціялистовъ, слишкомъ расположенныхъ смотрѣть на не готеоретически, забывая иногда личность народа, изъ котораго образуется войско; общество должно относиться къ этому дѣлу сознательно. Всѣ главные военные вопросы, которые общество считаетъ чисто спеціальными, темны для него по большей части оттого только, что не поставлены передъ его глазами или не освѣщены надлежащимъ образомъ.

Упоминая объ особенностяхъ кавказской арміи, хотя онѣ дѣйствительно очень рѣзки, я вовсе не подразумѣваю мѣстнаго цвѣта. Оригинальная страна, въ которой эта армія развилась, отпечатлѣлась на ней многими мелкими наружными чертами. Но въ томъ, что составляетъ существенное отличіе этой арміи отъ дру-

этихъ войскъ, въ ея военныхъ понятіяхъ, въ ея духѣ, сказались не особенности страны, въ которой она развилась, а наклонности русской природы, предоставленной самой себѣ. Въ кавказской арміи русская душа вылилась со всею полнотой, и въ этомъ главная ея сила. Вторая сила ея—боевой опытъ, идетъ потомъ. По моему понятію, первая гораздо важнѣе. Эти два качества относятся одно къ другому какъ способность и знаніе. Способный человѣкъ всему выучивается легко.

Рѣзкій переворотъ въ воспитаніи войскъ, предпринятый въ началѣ нынѣшняго царствованія, ведетъ къ той же цѣли. Въ одной чрезвычайно интересной статьѣ, генералъ Лебедевъ разсказалъ какимъ образомъ извѣстный гатчинскій гарнизонъ былъ разсадникомъ той механической выправки, взятой изъ школы Фридриха II, которая какъ бы обезцвѣтила нашего солдата. Войска Петра Великаго, Елисаветы и Екатерины были иного характера, они были характера русскаго, весьма близко подходящаго къ нынѣшней кавказской арміи. Черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти великой императрицы, Жомини, могъ уже написать о нашемъ войскѣ, говоря отъ лица Наполеона *): Beaucoup de gens ne voyaient dans cette troupe qu'une raideur desagréable. Je n'ai jamais aimé les armées automates; cependant je fus surpris de la précision et de l'aplomb de cette infanterie, точно будто дѣло шло о нѣмецкомъ или англійскомъ войскѣ. Такое понятіе о нашей арміи господствуетъ въ Европѣ. Между тѣмъ, кто только видѣлъ кавказскаго солдата или моряка бывшаго черноморскаго флота, кто понялъ характеристику румянцовскихъ и суворовскихъ войскъ, тотъ знаетъ, что нѣтъ ничего на свѣтѣ болѣе противоположнаго русской натурѣ, какъ автоматичность и машинность, свойства исключительно нѣмецкія. Русскій солдатъ въ своей настоящей природѣ не такъ живъ и скоръ какъ французскій, но не только болѣе упоренъ, а еще гораздо болѣе самостоятеленъ. Онъ дѣлаетъ всякое дѣло сознательно, на войнѣ примѣняется къ каждому новому обстоятельству необыкновенно вѣрно и скоро, понимаетъ противника удивительно мѣтко. Съ этимъ вмѣстѣ, во всемъ что касается военнаго отличія, онъ очень честолюбивъ, дорожитъ мнѣніемъ товарищей и начальниковъ и высоко цѣнитъ славу полка. На-

*) Vie politique et militaire de Napoleon.

шего солдата можно сдѣлать машиной только цѣною большей части его качествъ, которыя онъ при этомъ утрачиваетъ. Вся Россія знаетъ по наслышкѣ характеръ екатерининскихъ войскъ. То были самыя стремительныя, самыя рѣшительныя, всегда нападавшія войска. Всѣ сраженія Суворова, хоть напримѣръ противъ французовъ, были наступательныя. Какъ только, со введеніемъ прусской школы, частные начальники стали у насъ хвалиться тѣмъ, что по слову смирно, воробьи садятся на штыкахъ, этотъ характеръ началъ ослабѣвать въ русскихъ войскахъ. Они остались столь же отважными, потому что русскому человѣку не учиться-стать глядѣть въ глаза смерти; но въ значительной степени утратили предпріимчивость, стали исключительно позиціонными войсками. Весь рядъ нашихъ войнъ противъ тѣхъ же французовъ, на которыхъ Суворовъ всегда нападалъ, представляетъ преимущественно рядъ оборонительныхъ сраженій. Этотъ фактъ можно оспаривать, но нельзя оспорить. Въ продолженіе этихъ войнъ всѣ попытки наступленія съ нашей стороны, постоянно обращались въ оборону, какъ только дѣло доходило до серіозной развязки, даже въ 1814 году, когда союзныя войска несравненно превосходили непріятеля числомъ; для подтвержденія можно назвать всѣ большія сраженія съ Аустерлица, гдѣ мы въ послѣдній разъ наступали до 1815 года. Крымская война подтвердила тоже самое, мы были преимущественно сильны въ оборонѣ. Въ турецко-кавказской войнѣ, стоя рядомъ съ присланными изъ Россіи полками мы видѣли тоже самое. Кавказскіе пѣхотные полки были вооружены кремнями, полки, вновь присланные изнутри Россіи, были всѣ съ пистонами, и однакожъ, опытъ показалъ, что эти послѣдніе, твердые на позиціи, были не такъ надежны для наступленія. Въ оборонительномъ сраженіи можно также разбить непріятеля и преслѣдовать его, и мы одержали довольно побѣдъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Но необходимость ограничиваться оборонительнымъ боемъ доказываетъ, что войску многаго недостаетъ. И это очень понятно. Въ наступленіи противъ серіознаго непріятеля, когда обѣ стороны напрягаютъ всѣ силы и всю изобрѣтательность, чтобы взять верхъ, машинный полкъ собьетъ противника развѣ одинъ разъ изо ста. Стройные батальйоны, марширующіе и равняющіеся подъ картечью, ломящіе врага гранитною стѣной, принадлежатъ изобрѣтенію кабинетныхъ тактиковъ. Подходя къ непріятельскому фронту,

всякая часть обращается въ толпу; подходя къ непріятельскому фронту, даже на довольно значительномъ разстояніи, войсками уже нельзя командовать, каждая рота предоставлена себѣ, а машинныя войска безъ команды—неодушевленное тѣло. Для удачи натиска, встрѣчающаго стойкое сопротивленіе, нужно поголовное умѣнье, то-есть личная предпріимчивость, самостоятельность сужденія и воли, готовность предпринять безъ положительнаго приказанія все, что можетъ служить къ успѣху — и это нужно со стороны каждаго ротнаго командира, даже каждаго унтеръ-офицера. Отбиваться же стоя на мѣстѣ можно при одной храбрости и дисциплинѣ.

Вотъ отчего, со введеніемъ въ нашихъ войскахъ фридриховской школы — механическаго строя — пришлось отказаться отъ наступательнаго боя. Я знаю, что у насъ никогда не отказывались отъ него сознательно; но за то безсознательный результатъ, всегда выходившій въ концѣ, свидѣтельствуетъ объ этомъ фактѣ еще сильнѣе.

Кавказскія войска были заброшены въ отдаленный уголъ Имперіи въ самомъ началѣ вліянія прусской школы, когда оно обнаруживалось только въ маршировкѣ, но еще не въ характерѣ солдата. Въ тотъ годъ, когда Суворовъ съ своими очаковскими гренадерами выгналъ французовъ изъ Италіи, другія русскія войска заняли Тифлисъ. Съ тѣхъ поръ они 64 года находились въ постоянныхъ походахъ. Вновь прибывшія на Кавказъ части скоро переработывались въ мѣстномъ духѣ. Какъ пришелъ русскій полкъ въ этотъ край — полкомъ суворовскимъ, такимъ онъ и остался. Главное отличіе и главная сила кавказскихъ войскъ въ ряду нашей арміи состоятъ въ томъ, что они развивались въ духѣ наиболѣе свойственномъ русскому человѣку, что они остались изо всѣхъ наиболѣе русскими войсками. Россія имѣетъ теперь 100 тысячъ такихъ солдатъ. Коренное преобразованіе, совершаемое въ воспитаніи русской арміи съ начала нынѣшняго царствованія, есть, въ сущности своей, возвращеніе къ духу суворовскихъ и кавказскихъ войскъ.

Различіе въ духѣ и пониманіи вещей войсками того и другаго образца очень велико. Механическое воспитаніе войскъ не состоитъ только въ одной искусственной выправкѣ солдата; начинаясь съ этого пункта, оно распространяется на всѣ отправленія военной жизни и развивается наконецъ въ мысль, что

хорошее войско должно быть, по возможности, обращено въ исправную машину, послушную каждому обороту руки механика —какъ извѣстная артиллерійская машина, много разъ предлагавшаяся, стрѣляющая разомъ изъ нѣсколькихъ тысячъ стволовъ по одному спуску, но какъ артиллерійская машина, такъ и механическое войско подвержены ломкѣ, разомъ останавливающей ихъ дѣйствіе. Чтобы достигнуть такого идеала, надобно стереть личность людей. При такой системѣ нельзя ожидать выдающихся личностей, самостоятельныхъ умовъ и характеровъ, — въ механическомъ войскѣ они не только излишни, но даже вредны, — и потому при ней выдвигаются впередъ преимущественно люди скромные, аккуратные въ мелочахъ; качества похвальныя, но очень трудно согласуемыя съ энергіей настоящаго боеваго человѣка. Потомъ изъ этихъ же людей выходятъ начальники, отъ которыхъ становится уже невозможнымъ требовать противуположныхъ свойствъ. По немногу печать однообразія кладется на все; изчезаетъ личность и вмѣстѣ съ нею великая нравственная связь между людьми одной части; остаются только формальныя отношенія.

Есть арміи, въ которыхъ подобный характеръ выливается естественно изъ самаго общественнаго склада. Но совсѣмъ иначе развивается русскій военный человѣкъ, когда онъ развивается натурально. Живой примѣръ тому — кавказская армія.

Первое, что въ кавказской арміи бросается въ глаза, это типическій характеръ полковъ, вовсе не существующій въ другихъ войскахъ. Кавказскій полкъ не есть численное собраніе людей, отличающееся отъ другаго подобнаго собранія только цвѣтомъ воротника; онъ есть организмъ, нѣчто въ родѣ маленькой національности, проникнутой однимъ духомъ, сложившей себѣ свои понятія и обычаи, высоко цѣнящей свои преданія; выработавшей свой особенный боевой характеръ, иногда рѣзко противуположный характеру другаго полка, — какъ слѣдуетъ между людьми, которые не только существуютъ, но дѣйствительно живутъ вмѣстѣ, и потому сростаются нравственно въ одно цѣлое. Каждый изъ старыхъ кавказскихъ полковъ отличается въ военномъ отношеніи своеобразными достоинствами, потому что все естественно развивающееся выходитъ своеобразно. Одинъ полкъ живой какъ огонь, смѣлый до дерзости, совершающій атаку не иначе какъ бѣгомъ, особенно искусный въ разсыпномъ бою и лѣсной войнѣ; другой полкъ — не столь

живой, но твердый какъ кремень, упорный до чрезвычайности, привыкшій дѣйствовать связно, умѣющій ходить не задыхаясь по самымъ страшнымъ крутизнамъ, обдуманно-рѣшительный, и такъ далѣе. Сколько я видѣлъ, въ русскихъ полкахъ некавказскихъ, между солдатами не живутъ полковыя преданія; съ очевидцами изчезаетъ память о минувшемъ. На Кавказѣ преданія составляютъ священное дѣло, ихъ знаетъ, ими хвалится каждый служащій въ полку. Для кавказскихъ офицеровъ, дурное слово объ ихъ полкѣ, даже о его прошедшемъ, есть дуэльное дѣло — и натурально: здѣшній полкъ не собраніе единицъ, но живая личность. Своеобразный характеръ полковъ есть всегда пробный оселокъ и основаніе боевыхъ качествъ войска. Онъ доказываетъ зрѣлость его, развитіе нравственной силы, связывающей людей въ одно цѣлое. Безъ единаго духа, проникающаго какое ни есть отдѣльное общество, нельзя ожидать ничего особеннаго ни въ войнѣ, ни въ мирѣ.

Сосредоточеніе жизни въ кавказскомъ полку, дѣлающее изъ него личность, происходитъ отъ большаго простора въ отношеніяхъ между людьми; отношенія эти устанавливаются сами собою. Конечно, постоянная война много способствовала тому, что люди сортировались здѣсь возможно правильно, по силамъ и способностямъ. Поставленные предъ ежедневною разцѣнкой опыта, они хорошо узнавали другъ друга, и растасовывались по достоинству, на сколько это отъ нихъ зависѣло. Но еслибы кавказскіе полки не сохранили своего первобытнаго характера, не остались екатерининскими войсками, какими пришли сюда, то именно это и не зависѣло бы отъ нихъ. Развитіе было возможно потому только, что сохранилось основаніе для него. Вліяніе общественнаго мнѣнія простиралось здѣсь не на однихъ офицеровъ, но на всю массу полка. До открытія стрѣлковой школы, измѣнившей нѣсколько пропорцію, но не сущность выработавшагося порядка, въ унтеръ-офицеры люди выдвигались мнѣніемъ самой роты. Ротный командиръ имѣлъ причину не дѣлать произвольныхъ выборовъ, такъ какъ съ унтеръ-офицерами, неимѣющими нравственнаго вліянія на людей, онъ былъ бы наказанъ первою перестрѣлкой.

Всякое войско воспроизводитъ характеръ и общественныя понятія народа, въ которомъ оно набрано. Въ русскомъ войскѣ, какъ и въ русскомъ народѣ, между высшимъ классомъ, преобразовавшимся на чужой ладъ, и простолюдинами, прове-

дена очень рѣзкая черта, рѣдко допускающая возможность прямаго нравственнаго влiянiя первыхъ на толпу; ею владѣютъ обыкновенно ея довѣренные люди, сильнѣйшiя личности изъ нея же самой; покуда посредствомъ ихъ только возможно дѣйствительное нравственное соприкосновенiе между двумя общественными слоями. Такiя личности сейчасъ же выдвигаются впередъ во всякомъ собранiи людей; въ критическiя минуты онѣ не замѣнимы, потому что въ эти минуты толпа, привыкшая довѣряться имъ, слушаетъ ихъ безъ разсужденiя. Если въ нашемъ войскѣ, выражающемъ такой же народный характеръ, унтеръ-офицеровъ выдвигаетъ не мнѣнiе части, т. е. если офицiяльную власть передаютъ не этимъ влiятельнымъ людямъ, выносимымъ впередъ общественнымъ понятiемъ о нихъ, а другимъ, отличаемымъ по какой нибудь произвольной оцѣнкѣ, то нравственная связь между начальниками и солдатами отчасти разрывается, потому что исчезаетъ посредствующее звѣно; остается только одна дисциплина. Кавказская армiя всегда была сильна именно тѣмъ, что въ ней отношенiя между людьми слагались естественно, безъ посторонней натяжки. При значительномъ влiянiи общественнаго мнѣнiя на всякой ступени, каждый бралъ по большей части то, что ему принадлежало и потому старшихъ слушались безъ принужденiя, какъ признанныхъ руководителей. Оттого войско было проникнуто серiезною дисциплиной, тою основною дисциплиною, которая состоитъ въ сознательномъ и совѣстливомъ исполненiи существенныхъ обязанностей военнаго званiя. Отъ служащихъ требовали только необходимаго, за то это необходимое исполнялось неукоснительно, какъ въ глазахъ, такъ и за глазами.

Я вовсе не думаю, чтобы кавказская армiя была совершенствомъ. Она можетъ сдѣлаться еще несравненно лучше, чѣмъ есть; даже очень многое остается ей дополнить въ себѣ. Находясь въ постоянныхъ походахъ, кавказскiе полки не занимались многими, довольно важными сторонами военнаго образованiя—систематическою цѣльною стрѣльбой, маневрированiемъ сомкнутыми массами и проч. Для того, чтобы вести ихъ въ европейскую войну, ихъ надобно подготовить 3-мя, 4-мя мѣсяцами лагерныхъ упражненiй, какъ сдѣлали французы съ своими алжирскими войсками передъ восточною войной. Кавказскiй солдатъ, какъ человѣкъ разсуждающiй, выучивается всему чрезвычайно скоро, вчетверо скорѣе другаго солдата;

это мы достаточно видѣли на опытѣ. Все это однако же наружная сторона, имѣющая свою долю значенія въ военномъ дѣлѣ, но только долю. Существенная, незамѣнимая вещь на войнѣ та, чтобы войско было не собраніемъ людей въ мундирахъ, даже людей отлично обученныхъ, но чтобъ оно было войскомъ органическимъ, цѣлымъ, насквозь проникнутымъ военнымъ духомъ,—такимъ цѣлымъ, въ которомъ всѣ привычки и понятія людей, всѣ ихъ взаимныя отношенія были бы естественнымъ плодомъ военной жизни и практики.

И другая вещь еще, чтобы вся военная система, сверху донизу, была основана на вѣрномъ пониманіи народнаго духа, чтобъ она была выраженіемъ національнаго, а не какого либо заимствованнаго, искусственнаго характера. Каждый человѣкъ вѣрнѣе представляетъ себя, чѣмъ другаго.

Въ этомъ существенномъ основаніи, старые кавказскіе полки не имѣютъ себѣ равныхъ; они войско чисто русское и военное въ высшемъ и полномъ значеніи слова. Каждый увѣренъ въ себѣ какъ одиночный боецъ и каждый увѣренъ въ товарищѣ; у всей части одна душа. Органическое развитіе и боевыя преданія положены въ здѣшнихъ полкахъ такъ крѣпко, что нѣсколько лѣтъ мира, не могутъ оказать вліянія на ихъ воинственность. Россія имѣетъ въ нихъ отборную боевую силу и можетъ смѣло на нее положиться, потому что эти люди никогда и никого не считаютъ сильнѣе себя, пока оружіе у нихъ въ рукахъ. Мы имѣемъ право сказать положительно, потому что это доказано постояннымъ опытомъ внѣшней и мѣстной войны: баталь͏іонъ старыхъ кавказскихъ полковъ можно сломить превосходною силой, какъ все на свѣтѣ, или остановить неодолимымъ физическимъ препятствіемъ; но нѣтъ такого огня, которымъ бы можно было отбить его. Всѣ русскіе солдаты безстрашно идутъ на огонь. Но въ атакѣ бываетъ минута, которую выдерживаютъ только войска, совершенно увѣренныя въ себѣ. Эта минута, если непріятель довольно стоекъ, чтобы не податься назадъ передъ ринувшеюся на него силой, наступаетъ когда нападающій, обливаемый огнемъ, подойдетъ къ вражескому фронту на разстояніе, съ котораго темная масса непріятеля превращается для него въ плоть и кровь, когда виденъ уже рядъ мрачныхъ лицъ, склоненныхъ надъ стволами. Въ эту минуту остается пробѣжать самый убійственный огонь въ упоръ, для того чтобы потомъ наткнуться на штыки. Если

нападающій, всегда разстроенный въ подобный мигъ, не увѣренъ заранѣе, что онъ сломитъ непріятеля рукопашнымъ боемъ, онъ не пойдетъ дальше и послѣ минутной остановки, шарахнется назадъ. Если обороняющійся не подается, то изъ десяти атакъ девять кончаются на такомъ разстояніи, безплодно и съ огромною потерей. Вотъ этой самой критической минуты не существуетъ для старыхъ кавказскихъ полковъ; они такъ увѣрены въ себѣ, что считаютъ боемъ только время, которое имъ нужно, чтобы добѣжать до непріятельскаго фронта. Не одинъ личный опытъ отдѣльныхъ людей, но боевой опытъ полка, которымъ всѣ настроены, даетъ ему эту увѣренность; каждый солдатъ-дядька, учитъ рекрута, что чѣмъ дольше мѣшкать подъ огнемъ, тѣмъ хуже, надо его скорѣй пробѣжать. Кромѣ рѣшительности удара, кавказскія войска имѣютъ на своей сторонѣ то несравненное преимущество, что въ главную минуту боя, когда управленіе становится невозможнымъ и все разомъ бываетъ поставлено на карту, каждая рота сдѣлаетъ посильное дѣло и не упуститъ никакой случайности, которою можно воспользоваться. Приказаній она не будетъ спрашивать. Не командиръ, такъ младшій офицеръ, фельдфебель, старый солдатъ, надоумятъ ее. Въ такую минуту, одна нравственная сила личности беретъ верхъ; а въ кавказскихъ войскахъ личность не заглушена, и опытныхъ людей много. Наконецъ, можно сказать съ увѣренностью, что въ одинаковыхъ обстоятельствахъ, кавказскій полкъ понесетъ половиной меньше потери противъ другаго, потому что съумѣетъ лучше подступить къ непріятелю. Иностранные офицеры, бывавшіе въ кавказскихъ экспедиціяхъ, откровенно сознавались въ этомъ преимуществѣ. Въ сраженіи подъ Кюрукъ-Дара, гдѣ семь кавказскихъ батальйоновъ сломили непріятельскій центръ, состоявшій изъ 22 батальйоновъ при сильной артиллеріи, наши колонны безъ приказанія размыкались при наступленіи и шли широко, чѣмъ значительно уменьшили свою потерю; а передъ ударомъ сами собой тѣсно смыкались. Съ войсками, движущимися по командѣ, нельзя сдѣлать ни того, ни другаго; подъ батальйоннымъ огнемъ нѣтъ больше приказаній и даже главнокомандующій лично не соберетъ разсыпанной роты, если она сама не знаетъ что дѣлаетъ и люди не настроены всѣ на одинъ ладъ.

Всѣ роды оружія старыхъ кавказскихъ войскъ стóятъ другъ

друга. Изъ кавказскихъ драгунскихъ полковъ есть два, нижегородскій и сѣверскій, родные братья, равные по достоинству, сформированные изъ того же нижегородскаго полка, который въ продолженіе послѣдней войны ни разу не былъ отбитъ огнемъ пѣхоты и ни разу не атаковалъ каре, съ которымъ бы онъ не покончилъ на-чисто хоть въ нѣсколько пріемовъ. Вновь сформированные драгунскіе полки находятся въ слишкомъ хорошей школѣ, и не могутъ не развиться по тому же образцу. Кто въ Россіи не знаетъ линейскихъ казаковъ? Кавказская артиллерія, хоть до сихъ поръ ѣздитъ на деревянныхъ осяхъ, но за то ходитъ тамъ, гдѣ не пройдетъ иная конница; а въ дѣлѣ надобно ее видѣть, чтобъ оцѣнить ея солидность, нетороцливую быстроту и невозмутимую отважность. Кавказскіе саперы знаютъ свое дѣло также практически, столько же разъ покрылись славой, какъ и товарищи ихъ другихъ оружій.

Въ предѣлахъ Азіи кавказская армія одна изо всѣхъ русскихъ и почти изо всѣхъ регулярныхъ войскъ міра можетъ нести войну безъ остановокъ и разстройства. При европейской войнѣ, кавказскія войска внесутъ въ нынѣшнюю великолѣпную русскую армію элементъ боевой опытности, органической военной развитости, незамѣнимыя никакимъ мужествомъ и никакимъ превосходствомъ тактическаго обученія; особенно въ случаяхъ, когда великое по своей важности дѣло должно быть ввѣрено небольшому числу войскъ, или въ минуты, когда участь большаго сраженія колеблется какъ на остріѣ ножа. Въ кавказскихъ войскахъ сказалась вся разумная мощь русской природы. При своей многосторонней опытности, они принадлежатъ къ тѣмъ рѣдкимъ боевымъ войскамъ, воспитываемымъ лишь періодами долгихъ войнъ, которыя не клянутся побѣдить или умереть, но даютъ слово побѣдить и сдерживаютъ его.

ПИСЬМО ДВѢНАДЦАТОЕ.

Остается представить еще другую сторону дѣла,—показать особенности новаго положенія, въ которое завоеваніе Кавказа ставитъ насъ относительно всего азіятскаго вопроса, и тѣмъ закончить этотъ рядъ писемъ. Покореніе горцевъ, которыхъ вся Европа, кромѣ Англіи, признала de jure русскими поддан-

ными, составляло наше домашнее дѣло, ни до кого другаго не касавшееся. Предоставивъ черкесовъ и Шамиля ихъ судьбѣ, союзники 1856 года могли заранѣе предвидѣть исходъ неравной борьбы. И однакожъ, когда событіе совершилось, серіозное безпокойство, овладѣвшее не только общественнымъ мнѣніемъ, но и дипломатическими кругами, особенно на Востокѣ, ясно показало, что этого исхода не ожидали, по крайней мѣрѣ такъ скоро, что еще надѣялись помѣшать ему; однимъ словомъ, видно было, что западная Европа считала этотъ фактъ очень важнымъ, но не была къ нему приготовлена. Судя по дѣйствіямъ французскихъ агентовъ въ Турціи прошлымъ лѣтомъ, надобно думать, что Франція, мало еще интересовавшаяся азіятскими дѣлами въ 1856 году, но съ тѣхъ поръ замѣтно измѣнившая отношенія къ этому вопросу, стала смотрѣть на кавказскія дѣла такими же глазами какъ и Англія. Обѣ державы видѣли въ покореніи Кавказа событіе, полное великими послѣдствіями и потому тревожившее ихъ. Но послѣдствія принадлежатъ будущему; ихъ можно только выжидать, невозможно противодѣйствовать имъ немедленно. Потому все дѣло кончилось разговорами и безсильными попытками дѣйствовать во вредъ намъ со стороны второстепенныхъ агентовъ. Важное во всемірной политикѣ **возможными** послѣдствіями въ будущемъ, покореніе Кавказа составляетъ въ настоящемъ домашнее русское дѣло; прямое значеніе его состоитъ въ томъ, что оно избавляетъ государство отъ разорительныхъ расходовъ, отдаетъ въ его распоряженіе несравненную боевую армію, до сихъ поръ, какъ будто, не существовавшую, ограждаетъ безопасность всѣхъ нашихъ южныхъ предѣловъ. Этотъ двойной характеръ событія, положительный и возможный, относящійся къ настоящему и будущему, долженъ для насъ имѣть тотъ же смыслъ, какой имѣетъ онъ для иноземцевъ. Пользуясь благоразумно прямыми плодами побѣды, не вызывая послѣдствій, мы не должны однакожъ закрывать предъ ними глаза. Положеніе дѣлъ измѣнилось въ основаніи, и русскимъ не приходится понимать эту перемѣну меньше, чѣмъ понимаютъ ее англичане или французы. Возможность не есть еще необходимость; но возможность чего-либо значительнаго имѣетъ положительное вліяніе на соображенія, а стало-быть и на дѣла; она должна быть вѣрно оцѣнена. Я буду говорить не о фактахъ, но о положеніи дѣла, изъ котораго могутъ произойдти

особенные факты. Надобно помнить, что практическое разрѣшеніе даннаго положенія дѣлъ никогда не совпадаетъ вполнѣ съ теоретическимъ, что сумма фактовъ дѣйствительно извлекаемыхъ изъ него людьми, никогда не равняется суммѣ фактовъ возможныхъ. И потому, я надѣюсь, что ни одинъ читатель не смѣшаетъ теоретической постановки вопроса, данной общимъ положеніемъ дѣлъ, съ его практическими результатами въ исторіи, зависящими отъ тысячи случайностей. Во всякомъ случаѣ лучше знать куда плывешь, чѣмъ предаваться теченію воды съ закрытыми глазами.

Вы могли замѣтить, что съ начала этихъ писемъ и до конца рѣчь о вліяніи кавказскихъ событій на наши отношенія къ Азіи безпрестанно подвертывалась подъ мое перо, что вопросъ этотъ какъ будто сквозилъ въ изложеніи мѣстныхъ событій. Я повторялся невольно, не искавши этихъ упоминаній, увлекаемый самою сущностью предмета. Давно уже, чѣмъ больше я вдумываюсь въ него, тѣмъ тверже и опредѣленнѣе становится мое убѣжденіе. Въ теченіе шестидесяти лѣтъ безпощадной войны, на Кавказскомъ перешейкѣ рѣшался дѣйствительно, если и не совсѣмъ сознательно, великій азіятскій вопросъ. Я скажу потомъ, какъ я понимаю этотъ великій вопросъ. Онъ рѣшался не совсѣмъ сознательно, потому что стоялъ выше временной системы политики; онъ истекалъ изъ географическаго размѣщенія русскаго народа, изъ образовательныхъ стремленій его исторіи. Въ немъ сказалась та основная историческая сила, утратившая для многихъ свое прежнее названіе и не получившая еще новаго, которая направляетъ безсознательныя и отрывочныя усилія поколѣній къ цѣли, раскрывающейся съ полнымъ смысломъ только передъ ихъ потомками; сила вещей, которую можно понять лишь оглянувшись назадъ. Я убѣжденъ, что покореніе Кавказа откроетъ совершенно неожиданные исходы многимъ значительнымъ вопросамъ. Но потому именно въ этомъ событіи, какъ во всѣхъ капитальныхъ событіяхъ исторіи, содержится гораздо болѣе, чѣмъ сколько предполагала цѣль, которой добивалось современное поколѣніе. Правительство сознавало свои виды отчетливо: оно хотѣло утвердить безспорное русское владычество надъ внутренними азіятскими бассейнами, оградить всю нашу южную границу, о чемъ я сказалъ довольно подробно, въ первомъ письмѣ. Государство достигло этого результата; но въ ту же минуту предъ нимъ

открылись новые горизонты, вещи стали въ новую перспективу, которую нельзя по произволу принимать или не принимать во вниманіе. Сила вещей всегда сама о себѣ напомнитъ.

Я не могу не замѣтить одного обстоятельства, которому, конечно, каждый придаетъ смыслъ сообразный съ собственнымъ настроеніемъ, но въ которомъ я вижу чисто-историческую судьбу, называйте ее какъ хотите. Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ, я понимаю не только какъ историческій результатъ, но какъ историческую цѣль, потому что событіе до такой степени вѣрно пригнзно къ обстоятельствамъ, что ни прежде, ни послѣ оно не имѣло бы своего нынѣшняго значенія. Прежде, при 30 милліонномъ населеніи, русское государство не могло отдѣлить въ глухой уголъ своихъ владѣній тѣхъ громадныхъ силъ, которыя оказались нужными для покоренія Кавказа; тѣмъ болѣе, что въ прошломъ вѣкѣ мусульманская Азія не была еще въ состояніи своего нынѣшняго растлѣнія. Начавъ эту борьбу слишкомъ рано, мы могли потерпѣть полную неудачу, которая навѣки замкнула бы южный горизонтъ Россіи снѣжною стѣной Кавказа. Позже, мы могли застать дѣло уже проиграннымъ, найдти сумму азіятскихъ дѣлъ устроенную помимо насъ и противъ насъ, а на Кавказскомъ перешейкѣ встрѣтить противниковъ, которыхъ намъ было бы невозможно одолѣть безъ перевѣса на морѣ. Тотъ и другой случай могли легко осуществиться. Еслибы въ царствованіе Анны Ивановны. съ беззаботностію, отличавшею бироновскія разпоряженія, русскія войска не были вызваны изъ при-каспійскихъ областей, мы непремѣнно приняли бы тогда же Грузію подъ свое покровительство и борьба за обладаніе Кавказомъ возгорѣлась бы въ то время, когда наши силы далеко не были для нея достаточны, когда между заселенными русскими областями и Кавказомъ лежали еще дикія пустыни; слишкомъ ранній вызовъ кавказскаго вопроса на сцену свѣта вѣроятно рѣшилъ бы его противъ насъ. Еслибы занятіе перешейка не совершилось въ суматоху французской революціи, до первой войны съ Наполеономъ, то во время великихъ войнъ начала столѣтія было бы уже слишкомъ поздно; посягательство на обширныя турецкія области, столь необходимыя для огражденія всѣхъ азіятскихъ владѣній этой имперіи, всѣхъ западно - европейскихъ интересовъ въ Азіи, непремѣнно возвело бы кавказскій вопросъ на степень вопроса европейскаго. Также точно, еслибы внутренняя война

на Кавказѣ дотянулась до новаго европейскаго разрыва послѣ планов, высказавшихся въ 1855 году, наше владычество на перешейкѣ могло быть снова поставлено на карту. Нельзя не подумать, что если начало и конецъ кавказской войны безсознательно совпали съ такими исключительно удобными моментами, а въ смыслѣ человѣческаго предвидѣнія они совпали съ ними конечно безсознательно, то дѣломъ этимъ руководилъ случай чрезвычайно разумный.

Завоеваніе Кавказа составляетъ такое же рѣшительное событіе въ русско-азіятскомъ вопросѣ, какимъ было въ своое время завоеваніе Казани и Астрахани. Вся русская исторія есть преимущественно одинъ безконечный азіятскій вопросъ, съ того давняго времени когда первыя славянскія общины стали подаваться на востокъ, оттѣсняя или переработывая въ своихъ нѣдрахъ азіятскія племена. Европа кончалась прежде Вислой и устьемъ Дуная; руссіе славяне раздвинули ее далеко на восходъ и продолжаютъ раздвигать, въ силу того же историческаго стремленія, которое сказалось прежде на Кіевѣ, потомъ на Муромѣ, потомъ на Казани и Сибири, теперь сказывается на Араксѣ, на Ѳыръ-Дарьѣ и на Амурѣ. Европейская порода, ставши человѣчествомъ по преимуществу, неудержимо раздвигается по земному шару,—съ запада черезъ моря, съ востока черезъ степи и горы. На сколько судьбы Америки, Африки и Океаніи подчинены постепеннымъ ходомъ исторіи западно-европейскому племени на столько же, вслѣдствіе распредѣленія по землѣ человѣческихъ породъ, современная исторія Азіи связана съ судьбою племени восточнаго. Если европейцы могутъ удобно протянуть руку къ оконечностямъ этого материка, то мы тяготѣемъ на центры его всею массой своего огромнаго и постоянно растущаго тѣла. Съ одной стороны завоеваніе основано только на военной силѣ, съ другой происходитъ постоянное поглощеніе въ себя. Въ прошломъ столѣтіи русскій народъ доросъ до рубежей, казавшихся тогда естественными—до подошвы Кавказа и берега Урала—однакожъ не остановился на нихъ. Еслибы мы были предупреждены на Кавказскомъ перешейкѣ другими европейцами, вліяніе которыхъ необходимо и немедленно простерлось бы на закаспійскую Азію, то Уралъ и Кубань съ Терекомъ стали бы нашими вѣчными предѣлами; русскій народъ ограничился бы на всемірной сценѣ и во всемірной исторіи ролью замкнутой со всѣхъ сторонъ Германіи, населеніе кото-

рой постоянно растетъ только въ пользу другихъ національностей, ежегодно отдавая ихъ колоніямъ свой избытокъ. Но совершился противоположный фактъ, и теперь едва ли найдется такой систематикъ, который указалъ бы нашему племени новые предѣлы «ихъ же не прейдеши», тѣмъ болѣе, что ихъ нѣтъ на картѣ. Естественные рубежи, если въ нихъ выражается только географическая сила, могутъ задержать разростаніе великаго народа, но не остановить его; ростъ племени останавливается окончательно только при столкновеніи съ другимъ дѣйствительно живымъ племенемъ, съ самобытною народною личностію. Гдѣ у насъ такіе сосѣди на азіятскомъ рубежѣ? Живая личность есть выраженіе силы, постоянно дѣйствующей въ народѣ, а не окаменѣвшій отпечатокъ жизни когда-то работавшей, но давно изсякшей; не лицо муміи, какъ бы она ни была хорошо зохранена. Слабая жизнь можетъ вспыхнуть снова, грубая жизнь можетъ переродиться; но для этого всетаки нужно чтобы была какая-нибудь жизнь. Нынѣшніе азіятскіе народы составляютъ ли въ какой-нибудь мѣрѣ живые организмы, или превратились въ настоящія окаменѣлости, которыя разсыпаются по немногу въ неорганическій матеріялъ? Въ этомъ состоитъ весь азіятскій вопросъ. Для живыхъ силъ мертвый народъ все равно что необитаемая земля; онъ не можетъ составить вѣковой исторической границы.

Что касается до меня лично, я твердо убѣжденъ, по очевидной наглядности, что въ нынѣшнихъ мусульманскихъ народахъ Азіи нѣтъ больше никакого живаго источника общественной силы, что они живутъ буквально какъ механическое собраніе единицъ, ничѣмъ между собою несвязанныхъ. Я знаю нѣсколькихъ людей, долго пробывшихъ въ Азіи, которые вынесли оттуда иное мнѣніе о туземцахъ, и даже пристрастились къ окружавшему ихъ быту. Видя вокругъ себя живыхъ людей, съ такими же страстями какъ всѣ, они не замѣтили мертвенности общества (покойный Сенковскій отлично обрисовалъ такихъ обращенныхъ европейцевъ по отношенію къ Китаю). Впрочемъ ни одинъ наблюдательный человѣкъ не впалъ въ эту ошибку. Общій голосъ всѣхъ сколько-нибудь зоркихъ наблюдателей говоритъ объ азіятцахъ одно и то же. Мусульманскіе народы пришли къ своему нынѣшнему растлѣнію въ теченіе вѣковъ, шагъ за шагомъ; но глубина этого разстлѣнія обнаружилась внезапно въ текущемъ столѣтіи, какъ только они стали

въ постоянное соприкосновеніе съ Европою: такъ трупъ сохраняется вѣка въ могилѣ, пока не подуетъ на него струею свѣжаго воздуха. Въ наше время они дѣйствительно разсыпаются пылью.

Мусульманство вытравило въ азіятскихъ народахъ не только всякое сознаніе, но даже всякое чувство національности. Исламизмъ—религія до такой степени исключительная и внѣшняя, что онъ гонитъ, какъ жесточайшаго врага, все, что не истекаетъ прямо изъ него не только въ понятіяхъ, но въ малѣйшихъ отношеніяхъ, какія только представляетъ жизнь въ самыхъ простыхъ матеріальныхъ привычкахъ. Когда мюридизмъ, въ которомъ въ наше время исключительно сосредоточивается духовная жизнь исламизма, становится довольно силенъ чтобы перевести проповѣдь въ дѣйствіе; онъ прямо казнитъ за всякую черту національности, за все что напоминаетъ бытовой характеръ людей, отъ пѣсни и сказки до общественнаго управленія и суда по обычаю. Онъ втискиваетъ человѣка на всю жизнь въ чуждыя для него арабскія формы VII-го столѣтія. Въ старой Азіи исламизмъ давно уже добился этого результата,—люди стали всецѣло мусульманами и перестали быть людьми. На всѣхъ ихъ легъ одинъ отпечатокъ, общій до малѣйшихъ подробностей. Національность осталась какъ языкъ, иногда какъ костюмъ, но не какъ понятіе; она не составляетъ тамъ никакой общественной связи и не имѣетъ никакого сознательнаго значенія. Безпрестанные перевороты растасовали азіятскія племена совершенно случайно, такъ что онѣ не чувствуютъ больше когда ихъ рѣжутъ по живому тѣлу. Государство какъ національность не имѣетъ тамъ никакого смысла. Кромѣ того, такъ какъ мусульманство есть не только религіозный, но вмѣстѣ съ тѣмъ политическій, гражданскій и финансовый законъ, навѣки нерушимый, простертый до послѣднихъ подробностей общественной и семейной жизни, то прогрессъ въ чисто-мусульманскомъ обществѣ невозможенъ иначе какъ пришивная заплата. Что будетъ развивать изъ себя мусульманинъ, когда съ одной стороны въ немъ нѣтъ типическаго основанія, которое можетъ во что-нибудь развиться, когда въ немъ нѣтъ національности, и когда съ другой стороны надъ нимъ поставленъ непреложный, религіозный законъ, въ которомъ жизнь личная и общественная росписана по программѣ.

Подъ ногами его нѣтъ почвы и надъ головою его нѣтъ про-

стора, мысль его должна начаться ни съ чего, для того чтобы сейчасъ же упереться въ неодолимое препятствіе—въ арабскія понятія VII-го вѣка, регулирующія все на свѣтѣ и внѣ которыхъ все объявлено грѣхомъ и ложью.

Очень естественно, онъ разучивается жить нравственно, какъ слишкомъ долго скованный человѣкъ разучивается ходить; у него высыхаютъ органы нравственной жизни, какъ у того высыхаютъ ноги. Первоначальный халифатъ не примѣръ; въ воспаленномъ состояніи человѣкъ можетъ сдѣлать удивительныя вещи. Но когда остылъ жаръ, у мусульманъ остались только кандалы на душѣ и невозможность податься ни въ какую сторону. Единственное чувство, способное соединять ихъ, есть фанатизмъ. Это до такой степени вѣрно, что въ настоящее время, когда мусульманство, придавленное Европой, въ первый разъ почувствовало свое внутреннее безсиліе и стало искать какого-нибудь обновленія, оно могло выдумать только мюридизмъ, обвившій теперь всю Азію сѣтью тайныхъ обществъ *), мюридизмъ, который есть не что больше какъ мистическій исламизмъ, доведенный до послѣдней степени изувѣрства. Полутораста-милліонная масса мусульманства не могла выработать изъ себя ничего больше, потому что ничего другаго въ ней и не содержится.

Но какъ могутъ существовать въ обществѣ подобные люди, для которыхъ недоступна никакая мысль объ общественномъ дѣлѣ? Они существуютъ подъ гнетомъ внѣшней силы. Населеніе азіятскихъ государствъ, это — сухой песокъ, насыпанный въ ящикъ, стѣнки котораго не даютъ ему разсыпаться. Нынѣшній азіятскій деспотизмъ не обусловленъ ни нравами, ни понятіями; онъ не заключаетъ въ себѣ никакого понятія, онъ есть механическая сила, царствующая надъ мертвымъ тѣломъ. Единственное отношеніе азіятцевъ къ правительству состоитъ въ томъ, что они стараются имѣть съ нимъ какъ можно меньше дѣла; а за тѣмъ, кто держитъ власть, это для нихъ совер-

---

*) Мюридскіе кружки, которыхъ азіятскія правительства начинаютъ уже серіозно бояться, связаны между собой чрезвычайно тѣсно. Вѣроятно вы удивитесь, узнавъ, что Абдель-Кадеръ, готовясь провозгласить священную войну противъ французовъ, присылалъ святить свои знамена къ извѣстному шейху Измаилъ-Эфенди, основателю кавказскаго мюридизма, жившему въ то время въ Шемахинскомъ уѣздѣ.

женно все равно. Чужеземный или природный государь владѣетъ страной, они видятъ въ немъ ту же внѣшнюю силу. Въ прежнее время религіозный фанатизмъ былъ значительною преградой иновѣрному владычеству; но тогда человѣкъ былъ все-таки меньше въ тискахъ и могъ еще позволить себѣ нѣкоторыя прихоти; азіятское правительство стоило дешево и, несмотря на частныя усилія, масса дышала довольно свободно. Нынѣ же, съ увеличеніемъ потребностей правительствъ, со введеніемъ регулярныхъ армій, которыя стали показываться даже въ Бухарѣ, жизнь райята, подданныхъ, стала до того невыносима, что—можно сказать положительно — массы въ Азіи желаютъ отъ власти только одного, чтобъ она меньше ихъ давила, не обращая никакого вниманія на ея происхожденіе. Жители пограничныхъ съ Закавказьемъ областей Турціи и Персіи, имѣющіе передъ собою точку сравненія, громко высказываютъ желаніе, чтобы хоть русскіе избавили ихъ отъ неимѣрно-тяжелаго ига. Въ настоящее время массы азіятскихъ населеній—безъ національности, безъ малѣйшаго сочувствія и уваженія къ власти, безъ надежды на будущее, постоянно угнетаемыя все больше и больше,—живутъ со дня на день и проклинаютъ свою судьбу; большинство встрѣтило бы съ радостію всякое измѣненіе въ своей участи, каково бы оно ни было. Конечно, въ этомъ не заключается еще причины для насъ брать на себя заботу объ участи ненужныхъ намъ областей; но за то заключается достаточная причина не считать такого положенія вещей прочнымъ, не считать сосѣдей географическихъ сосѣдями историческими, ждать всевозможныхъ происшествій, и быть къ нимъ ежеминутно готовыми.

Невозможно ожидать какого-либо обновленія мусульманскихъ обществъ изнутри, ихъ собственною силой. Источникъ всѣхъ преобразованій на свѣтѣ лежитъ въ душѣ человѣческой, безсильной безъ присутствія идеала естественнаго или выработаннаго, который заставляетъ ее стремиться къ высшему. Но мусульманство съ одной стороны выѣло въ душѣ человѣка все первобытное и всецѣло наполнило ее собою, съ другой стороны не поставило передъ человѣкомъ никакого идеала, даже въ самомъ узкомъ значеніи этого слова. Мусульманство въ полномъ смыслѣ — религія натуралистическая, съ прибавкой сверхъ-естественной декораціи; религія, которая оправдываетъ человѣка какъ онъ есть, не требуетъ отъ него внутренняго

возвышенія надъ самимъ собою, освящаетъ одинаково всѣ его страсти, всѣмъ имъ даетъ законный исходъ, отъ многоженства до кровомѣстничества, и спасаетъ человѣка цѣною одного исполненія внѣшняго закона. Мусульманскій сверхъ-человѣческій міръ есть не идеалъ для души, но расплата за исполненіе закона; онъ есть та же чувственная природа, только ярче расписанная; онъ наполненъ тѣми же людьми, только въ положеніи шаха, а не подданнаго. Исламизмъ взялъ изъ христіанства опредѣленіе духа и міра, но затѣмъ смыслъ вещей остался въ немъ языческій безъ измѣненія. Къ какому идеалу будетъ стремиться мусульманинъ на землѣ, когда даже небо не представляетъ ему ничего идеальнаго? Проникнутый на сквозь религіей, составляющею весь его кругозоръ, потому что въ магометанской религіи заключается все — законы семейные, гражданскіе, уголовные, финансовые; ставъ мусульманиномъ до конца ногтей, до такой степени, что отъ Марокко до Борнео его можно узнать потому только, какъ онъ садится обѣдать и какъ держитъ ножъ въ рукѣ, мусульманинъ не можетъ выбиться изъ очерченнаго около него круга. Въ продолженіе восьми вѣковъ рядъ могучихъ личностей напрягалъ всѣ силы, чтобы расширить какъ-нибудь кругозоръ исламизма, но всѣ эти усилія остались варіяціей на одну тему, какъ азіятская музыка. Никакой геній не можетъ извлечь изъ данной темы заключеній, которыхъ она не содержитъ. Такъ было, и такъ будетъ. Мусульманскій міръ безплоденъ въ основаніи. Безплодіе личнаго духа перешло въ мертвенность общества, существующаго только механически.

Довольно извѣстно значеніе реформъ на европейскій ладъ, предпринимаемыхъ теперь по всей Азіи. Тутъ происходитъ соглашеніе элементовъ естественно несогласимыхъ, соединеніе воды и огня; вода испаряется безъ слѣда, но успѣваетъ потушить огонь: Въ продуктѣ остаются люди, которые ничему не научились, но утратили послѣдній слѣдъ убѣжденій и чувствъ, каковы они ни были, и замѣнили ихъ вѣрой въ однѣ деньги, кто бы ихъ ни давалъ.

Люди оффиціальнаго класса (и въ томъ числѣ самые близкіе къ престолу), усердно напрашиваются на службу европейскимъ интересамъ за деньги; продаютъ свою страну нисколько не скрывая этого и никого этимъ не удивляя; однимъ словомъ, показываютъ величайшее равнодушіе къ тому, что у

насъ называется отечествомъ и династіей, а для нихъ составляетъ временное соединеніе людей подъ случайною властію. Всѣ они такого же мнѣнія объ общественномъ дѣлѣ, какъ персидскій сановникъ въ Гаджи Бабѣ, который говорилъ: «англичане все твердятъ мнѣ объ отечествѣ и общемъ благѣ; но какая же мнѣ польза отъ того, что государство сильно и шахъ «получаетъ много денегъ, когда эти деньги идутъ ему, а не «мнѣ, и что мнѣ за выгода, если мои сограждане будутъ богаты,—вѣдь то будутъ ихъ деньги, а не мои». Въ этомъ отношеніи нѣтъ въ Азіи болѣе или менѣе испорченныхъ людей; подобное сужденіе составляетъ по ихнему дѣло здраваго смысла — и натурально. Надобно еще разъ повторить, что исламизмъ отнялъ у мусульманина общественную почву, и въ тоже время не развилъ въ немъ нравственнаго чувства; нравственность исламизма состоитъ въ исполненіи нѣсколькихъ условныхъ предписаній закона. Тотъ же сановникъ былъ, можетъ быть, человѣкомъ религіознымъ и свято соблюдалъ заповѣди: 1) молиться пять разъ въ день; 2) подавать милостыню; 3) не пить вина; 4) съѣздить на поклоненіе Каабѣ; 5) хоть разъ въ жизни порѣзать невѣрныхъ (газаватъ). По всей вѣроятности еще онъ былъ мистикомъ и очень хитросплетенно разсуждалъ о метафизикѣ вѣры, какъ всегда случается съ умными мусульманами подъ старость; можетъ быть, готовъ былъ при случаѣ, пожертвовать жизнію за вѣру; но все это не могло нисколько приблизить его къ понятію объ отечествѣ и гражданскихъ обязанностяхъ.

Давно уже мусульманскій міръ впалъ въ такое состояніе; давно уже народъ превратился тамъ въ численное собраніе единицъ, изъ котораго счастливые атаманы разбойничихъ шаекъ стали по нѣскольку разъ въ столѣтіе выкраивать всякія государства; эти государства жили день за днемъ, пока не столкнулись съ Европою.

При этомъ столкновеніи распался весь ихъ сгнившій механизмъ. Состояніе безнадежнаго безсилія, внѣшняго и внутренняго, стало смутно чувствоваться правительствами и массами. Правительства стали подражать наружнымъ формамъ европейскаго государства, полагая что въ нихъ вся сила; подражаніе оказалось не подъ силу экономическимъ средствамъ ихъ подданныхъ, скоро раздавленныхъ новыми требованіями; массы, глядѣвшія прежде на правительство безъ участія, съ

равнодушіемъ привычки, возненавидѣли его двойною ненавистію—какъ отступника вѣры, обольщеннаго гяурами, и какъ безжалостнаго притѣснителя. Религіозная ненависть къ отшатнувшемуся оффиціяльному слою выказалась въ чрезвычайномъ развитіи тайныхъ сектъ—мюридовъ въ суннитствѣ и бабистовъ въ шіитствѣ, принявшихъ самый рѣзкій политическій характеръ. Мюриды, въ особенности, образовали государства въ государствѣ по всей мусульманской Азіи и грозятъ страшными потрясеніями, разумѣется совершенно безплодными въ результатѣ, какъ всѣ внутреннія движенія исламизма. Матеріяльный гнетъ вызвалъ безформенную, но общую ненависть къ власти. Всѣ стали врагами настоящаго порядка вещей, — но одни ищутъ спасенія въ собственной силѣ (и ищутъ напрасно, потому что она можетъ только разрушать, а не создавать), другіе въ сознаніи своего безсилія, ждутъ избавленія отъ кого бы ни было, хоть отъ гяуровъ, только бы имъ стало полегче. Какъ ни было поверхностно соприкосновеніе азіятскихъ населеній съ европейскими, но оно было достаточно, чтобы заронить въ душу первыхъ смутное чувство своего безсилія, какое-то мерцающее сознаніе въ томъ, что судьбы міра въ наше время отданы гяурамъ. При фаталистическомъ настроеніи восточнаго человѣка и безсвязности восточныхъ обществъ, живущихъ чисто механически, одно это чувство, разростаясь по немногу, заранѣе обрекаетъ въ жертву азіятскую автономію.

Близкое соприкосновеніе Европы съ Азіей, происшедшее въ наше столѣтіе, было столкновеніемъ желѣзнаго горшка съ глинянымъ, какъ въ баснѣ.

Таково, безъ преувеличенія, современное состояніе мусульманской Азіи. Я не знаю Азіи языческой, но по всѣмъ примѣтамъ надо думать, что она еще мертвеннѣе и несостоятельнѣе. Въ нашъ вѣкъ застой Востока перешелъ въ разложеніе; послѣдняя связь — связь привычки — стала рушиться. Въ то же время европейцы вторглись со всѣхъ сторонъ въ эту разлагающуюся массу. Вчера они вломились въ восточный міръ черезъ Индію и Африку, сегодня ломятся въ него черезъ Турцію и Китай. Окончательный исходъ этого великаго движенія не представляетъ никакой загадки, хотя нельзя опредѣлить его срока. Каждая деревушка, захваченная европейцами на азіятскомъ материкѣ составляетъ зерно подвластнаго царства и разростается въ него непремѣнно, если не будетъ осилена про-

тиводѣйствіемъ другихъ европейцевъ,—по тому же закону какъ камень, брошенный въ болото, погружается, пока не дойдетъ до твердой почвы. Въ современныхъ азіятскихъ массахъ нѣтъ никакой силы, кромѣ силы инерціи; обновиться извнутри онѣ не могутъ; имъ предстоитъ участь всякой глыбы, на которую дѣйствуютъ живыя силы. Азія будетъ разнесена европейцами. Что изъ этого выйдетъ въ исторіи; какимъ образомъ азіятскія населенія могутъ быть перевоспитаны и возвращены къ жизни европейцами, толковать объ этомъ было бы вздоромъ. Но фактъ разнесенія стоитъ у всѣхъ передъ глазами; сомнѣваться въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ его нельзя, такъ какъ въ самой сущности вещей не заключается причины, которая могла бы положить ему предѣлъ.

Еслибы Россія остановилась на естественныхъ предѣлахъ Кавказа и Урала, замкнула бы себя въ положеніи мѣстнаго государства, отказываясь отъ всемірной роли, которую исполняютъ двѣ морскія державы, и тогда азіятскій вопросъ былъ бы ей ближе, относился бы къ ней прямѣе, чѣмъ ко всѣмъ другимъ. Что для Западной Европы дѣло удобства и выгоды, то для Россіи дѣло жизни. Она естественно относится къ Азіи, также какъ Соединенные Штаты до разрыва относились къ Америкѣ. Сливаясь съ Азіей на протяженіи 10-ти тысячъ верстъ, соприкасаясь непосредственно со всѣми ея центрами, живя съ азіятскими народами, можно сказать, подъ одной крышей, Россія связана съ ними необходимостью. Еслибы мы замкнулись въ географическихъ предѣлахъ, и тогда бы не могли быть равнодушными къ политическимъ сочетаніямъ, происходящимъ на нашей южной границѣ, самой слабой и открытой; даже въ этомъ случаѣ событія въ Азіи были бы для насъ не политическимъ вопросомъ, а жизненнымъ дѣломъ. Но Россія не могла остановиться ни на Кавказѣ, ни на Уралѣ. Наступленіе было удобнѣе, чѣмъ пассивная оборона въ этомъ невыгодномъ положеніи; даже прежде, чѣмъ мысль о его необходимости выработалась сознательно, первый, невозвратный шагъ былъ уже рѣшенъ событіями.

Съ того же дня какъ Россія вдвинулась въ коренную Азію и слилась съ нею безраздѣльно, она стала въ необходимость отнестись къ азіятскому вопросу какъ къ своему домашнему дѣлу. Не случайнымъ захватомъ попали мы въ Азію, какъ другіе европейцы. Огромное тѣло Россіи вросло само въ сре-

дину этого отжившаго, разсыпающагося, со всѣхъ сторонъ расхватываемаго міра и независимо отъ произвола и политической системы, должно оказать на него дѣйствіе магнита, прикоснувшагося къ кучѣ желѣзныхъ опилковъ.

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ.

Россія относится къ Азіи совсѣмъ иначе чѣмъ западные народы. Азіятскія дѣла для насъ не роскошь, не прихоть, происходящая отъ избытка силъ, не удовлетвореніе той или другой исключительной цѣли какъ торговля, политическое вліяніе, и прочее; для насъ они дѣла русскія, обойдти которыя намъ нѣтъ никакой возможности. У Россіи какъ у Януса, два лица: одно обращено къ Европѣ, другое къ Азіи. Мы не создавали себѣ такого положенія, мы родились государствомъ, сросшимся, одинаковъ съ Европой и съ Азіей. Англія владѣетъ Индіей потому только, что ей случилось нечаянно захватить эту страну; безъ Индіи она будетъ все тою же Англіей, ея острову не грозитъ ни на волосъ опасности отъ какихъ бы то ни было событій въ Азіи. Для Россіи же результатъ перелома, начинающагося на этомъ материкѣ, составляетъ жизненный вопросъ. Судьба народовъ, живущихъ вдоль нашей безмѣрной южной границы, отъ Чернаго моря до Тихаго океана, есть наше личное дѣло. Въ своемъ нынѣшнемъ состояніи эти народы не могутъ имѣть значительнее вліяніе на наши дѣла и сами по себѣ всегда оставались бы ничтожными; но какъ спутники чуждаго могущества они могутъ, по своему географическому положенію, получить великую для насъ важность. По мѣрѣ того какъ падаетъ автономія азіятскихъ государствъ, державшаяся до сихъ поръ только отчужденіемъ и замкнутостію, европейскія вліянія пріобрѣтаютъ тамъ значеніе, съ которымъ надобно считаться больше, чѣмъ съ мѣстными правительствами. Европейцы располагаютъ союзными имъ государствами Азіи, какъ въ прошломъ вѣкѣ сосѣди располагали Польшей, съ тою разницей, что всегдашняя анархія дѣлала Польшу безсильнымъ орудіемъ въ рукахъ того, кто ею повелѣвалъ, между тѣмъ, какъ азіятскій деспотизмъ, хотя несостоятельный для дѣйствительнаго управленія, тѣмъ не менѣе располагаетъ матеріяльными средствами страны. Когда евро-

пейцы налагають руку на такое правительство, они становятся неограниченными повелителями государства, могутъ организовать его силы на его же счетъ и распоряжаться ими произвольно. Подобрый протекторатъ составляетъ неотвратимую участь всѣхъ туземныхъ государствъ Азіи; въ немъ заключается первый фазисъ, первоначальная форма обладанія Европы надъ этою частію свѣта: надо быть слѣпымъ, чтобъ этого не видѣть. Всякое европейское вліяніе въ азіятскомъ владѣніи, становясь первенствующимъ, необходимо принимаетъ такой харакреръ. Нынѣшнія восточныя правительства, выдвинутыя внезапно и противъ воли изъ прежняго замкнутаго положенія, очутившись неизвѣстно какъ въ сосѣдствѣ европейцевъ, ненавидимыя массами, всегда дрожащія передъ нѣсколькими претендентам, вынуждены по своему безсилію стать на чью-либо сторону, принять чью-либо опору противъ внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей. Европейскій союзникъ не можетъ положиться на добрую волю сераля, поминутно раздираемаго интригами, и чтобы закрѣпить за собою союзное правительство, долженъ обставить его своими людьми, т. е. взять его подъ опеку, которая, усиливаясь по необходимости съ каждымъ днемъ, обращаетъ союзника въ данника. Послѣднія государства Азіи, сохранявшія доселѣ наружную самостоятельность, начинаютъ видимо клониться къ положенію европейскихъ вассаловъ. Персія, Афганистанъ и Китай находятся наканунѣ полнаго вассальства: та же участь постигнетъ неизбѣжно и скоро государства Средней Азіи, съ какой бы стороны ни пришло господство. По всей вѣроятности, обширныя восточныя царства, устоявшія до сихъ поръ, распадутся на нашихъ глазахъ: распаденіе только ускоритъ порабощеніе ихъ въ Европѣ. Западныя могущества, утвердившись въ Азіи, не могутъ остановиться на полупути и ограничить свое господство,—прямое или косвенное въ сущности это все равно,—какою-либо опредѣленною чертой. Безпрестанные перевороты у сосѣдей по неволѣ вызываютъ вмѣшательство въ ихъ дѣла, для предупрежденія опасностей на своей границѣ; а эфемерныя азіятскія владѣнія разсыпаются отъ перваго прикосновенія европейцевъ, какъ карточные домики, и опеку приходится распространять все дальше. Уже въ двадцатыхъ годахъ, кончивъ войну съ марратами, англичане зарекались идти дальше; и однакожъ теперь протекторатъ ихъ простирается до Герата и Балха; Афганистанъ и Пер-

сія интересуетъ ихъ больше чѣмъ Данія и Италія. Въ нынѣшнее время къ англійскому вліянію въ Азіи начинаетъ присоединиться французское. Не говоря о Китаѣ и Кохинхинѣ, кто не помнитъ сирійскихъ событій? На тотъ разъ ревность Англіи остановила французскіе планы.

Она же мѣшаетъ развитію полной дѣятельности международной суэцской компаніи, которая, какъ всѣ знаютъ, есть предпріятіе чисто французское со всѣми задними мыслями сирійской экспедиціи. Соперничество двухъ морскихъ державъ имѣетъ серіозный характеръ, пока споръ у нихъ идетъ съ глазу на глазъ. Однакожъ когда пойдетъ дѣло объ насъ русскихъ, объ нашихъ интересахъ, можно быть увѣренными, что Франція и Англія будутъ согласны въ своихъ видахъ въ Азіи какъ и въ Европѣ.

Каждая изъ нихъ лучше сдѣлаетъ десять уступокъ другой, чѣмъ единую уступку намъ. Нельзя не сказать, что съ своей точки зрѣнія, онѣ въ этомъ случаѣ не совсѣмъ не правы. Не говоря уже о племенномъ общественномъ религіозномъ несходствѣ нашемъ съ Европою, заставляющей ее смотрѣть на насъ какъ на чуждый и не совсѣмъ понятный для нея міръ; но самыя послѣдствія успѣха въ восточныхъ дѣлахъ не равны для обѣихъ сторонъ. Захваты на востокѣ могутъ быть очень полезны для Англіи и Франціи въ разныхъ отношеніяхъ; но они не усиливаютъ могущество метрополіи въ Европѣ, напротивъ скорѣе развлекаютъ его; эти владѣнія всегда остаются чуждою страною для господствующаго народа, никогда не могутъ служить для него источникомъ новыхъ силъ. Напротивъ, наши пріобрѣтенія, совершаемыя у предѣловъ самаго тѣла имперіи, черезъ нѣсколько времени сростаются съ нимъ и непосредственно приращаютъ его могущество. Завоеваніе Пунжаба нисколько не усилило Англію въ нашей части свѣта; завоеваніе Кавказа значительно усилило Россію даже въ Европѣ. Я не думаю чтобъ иностранные дипломаты сознательно руководствовались такою идеею; но въ политикѣ инстинкты, предчувствія и предубѣжденія играютъ такую же роль, какъ идеи. Несомнительно одно, что въ азіятскихъ дѣлахъ, еще болѣе чѣмъ въ европейскихъ, мы не можемъ надѣяться не только на сочувствіе, но даже на снисхожденіе кого бы то ни было; что если всякій охотно приметъ нашу помощь для себя, какъ это уже бывало, то тамъ, гдѣ идетъ дѣло о нашихъ собственныхъ интересахъ,

никто намъ ее не окажетъ. Какъ жнецы въ баснѣ, мы можемъ разсчитывать только на себя и на своихъ.

Но для Россіи, которой южная граница разсѣкаетъ вдоль весь азіятскій материкъ, судьба сопредѣленныхъ азіятскихъ народовъ есть, въ извѣстномъ смыслѣ, ея собственная судьба. Взявъ въ руки карту Азіи, легко увидѣть, въ какомъ положеніи очутились бы мы, еслибы враждебный намъ протекторатъ охватилъ Азію до нашихъ предѣловъ, еслибы непріязненное вліяніе достигло каспійскаго берега или прикоснулось хоть въ одной точкѣ къ массѣ кочевниковъ, наполняющихъ среднюю Азію отъ Урала до устья Амура.

Кочевыя орды Средней Азіи, столько разъ опустошавшія міръ, остались тѣми же какъ были всегда; вѣка не производятъ никакой перемѣны въ этомъ патріархальномъ быту; измѣнилось только то, что по окраинамъ ихъ пустыни стали регулярныя войска могущественнаго народа, не многочисленныя но страшныя для нихъ, какъ испанцы Кортеса были страшны для американцевъ,—пропорція силы, чисто нравственная, которую мы должны тщательно охранять. Мнѣ сдается, что на молодушіе киргизовъ, трухменъ или монголовъ полагаться нельзя. Кавказъ помнитъ какъ при Ермоловѣ двѣ роты считались въ Дагестанѣ силою неодолимою, и какъ потомъ, двадцать баталіоновъ съ осаднымъ паркомъ казались силою едва достаточною для осады одной деревни. Тѣже трухмены, которыхъ десятокъ бѣжитъ отъ одного русскаго, ходятъ въ одиночку на десять регулярныхъ персіянъ, вооруженныхъ ружьями со штыками,—доказательство, что трусость ихъ противъ насъ есть трусость не физическая, а чисто нравственная, основанная на мнѣніи о нашей неодолимости; мнѣніе же вещь перемѣнчивая. Еслибы какое нибудь европейское могущество могло раздвинуть предѣлы своихъ азіятскихъ владѣній до южной границы степи и войти въ прямое соприкосновеніе съ массою кочевниковъ, нынѣшнее положеніе вещей могло бы круто измѣниться; подстрекательство и ввозъ хорошаго огнѣстрѣльнаго оружія могли бы создать великую, для насъ опасность. Съ другой стороны, мы видѣли какое чудесное превращеніе совершалъ мюридизмъ въ мусульманскихъ массахъ, какую отвагу, какое презрѣніе къ жизни внушалъ онъ вчерашнимъ мирнымъ пастухамъ. На кавказѣ мюридизмъ уже совершилъ свое кровавое дѣло, но и теперь, хоть раздавленный, все еще шевелится

Въ закаспійскомъ же краѣ, онъ можетъ еще грозить пожаромъ. во-первыхъ, потому что Бухара, святое мѣсто всего Туркестана, есть настоящее гнѣздо мюридизма; во-вторыхъ, потому что христіанское владычество въ магометанскомъ краѣ на первыхъ порахъ всегда выказываетъ фанатизмъ, а мусульманскій фанатизмъ въ наше время постоянно вырождается въ мюридизмъ, какъ въ свою послѣднюю форму. Совокупленіе этихъ двухъ опасностей—отъ европейскаго вліянія съ его матеріяльными средствами и отъ мюридизма,—союзъ ихъ составляетъ такую сложную опасность, которой мы никакъ не должны допустить. Подобный переворотъ въ Азіи, вполнѣ сбыточный, можетъ заставить насъ податься на заднія линіи и потребуетъ непомѣрныхъ жертвъ для обороны нашихъ безконечныхъ южныхъ предѣловъ.—Повторяю сказанное въ первомъ письмѣ: подобный этому переворотъ въ горахъ, заставилъ насъ занять кавказскую линію несоразмѣрнымъ количествомъ войскъ. Это первая опасность, для предупрежденія которой Россія должна распространить твердымъ образомъ свое вліяніе далеко за свои предѣлы, чтобы не допустить враждебнаго соприкосновенія въ пунктахъ, гдѣ оно можетъ осуществиться. Вторая, еще болѣе серьезная, опасность состоитъ въ томъ, чтобы чуждое европейское вліяніе не раздвинулось со временемъ до внутреннихъ азіятскихъ бассейновъ—Каспійскаго и Аральскаго морей,—на которыхъ мы владычествуемъ только съ одной стороны. Европейское вліяніе въ Азіи очень скоро обращаетъ союзниковъ въ данниковъ. и организуетъ ихъ силы въ свою пользу; и потому, еслибъ оно стало господствующимъ въ Персіи или Бухарѣ, еслибъ предѣлы его распространились хоть только до верхняго бассейна Аму-Дарьи, то нѣтъ сомнѣнія, что обладаніе внутренними морями, которые мы такъ давно уже привыкли считать своими нераздѣльно, стало бы вновь спорнымъ дѣломъ. Безъ зоркаго вниманія съ нашей стороны, такой неблагопріятный исходъ весьма возможенъ. Во время послѣдней восточной войны, былъ періодъ времени, когда мы были вынуждены съ безпокойствомъ оглядываться на Персію; еще ранѣе того, англо-индійскія войска уже заходили въ Балхъ, лежащій въ бассейнѣ Аму-Дарьи. Подобныхъ случайностей, конечно, нечего опасаться во время всеобщаго мира, но при первой европейской войнѣ онѣ очень легко могутъ осуществиться и тогда будетъ трудно ихъ исправить. Пока внутреннія моря неокружены или русскими вла-

дѣніями, или такими землями, гдѣ русское преобладаніе утверждено непоколебимо, мы не можемъ назвать ихъ своими и быть совершенно спокойными за будущее. Завоеваніе Кавказа оградило эти моря прочнымъ образомъ отъ всякаго прямаго покушенія со стороны Европы; но нельзя не признать, что до сихъ поръ онѣ еще подвержены обходу съ юга и востока, — не обходу въ чисто-военномъ смыслѣ, посредствомъ армій, которыя нельзя посылать на такія огромныя разстоянія, — но обходу медленному, посредствомъ постоянно усиливающихся вліяній, организующихъ понемногу мѣстныя средства, которыя потомъ уже не мудрено подкрѣпить. Съ утвержденіемъ чуждаго вліянія въ Персіи, Бухарѣ или Хивѣ, съ появленіемъ перваго европейскаго парохода на Аму-Дарьѣ, Каспійское море будетъ обойдено и наше владычество на немъ станетъ спорнымъ. Но кто же изъ русскихъ не знаетъ и не убѣжденъ, что даже мысль о соперничествѣ на Каспійскомъ морѣ, т. е. на устьяхъ нашей Волги, не можетъ быть допущена, также какъ мысль о какомъ нибудь соперничествѣ на Днѣпрѣ или на Двинѣ. Тяжелая побѣда, одержанная на Кавказѣ, пропала бы даромъ въ этомъ случаѣ и Россія отодвинулась бы, въ нѣкоторомъ смыслѣ ко временамъ Грознаго, когда она была окружена врагами не только съ своихъ западныхъ, но и съ южныхъ, и съ восточныхъ предѣловъ. Прикосновеніе другаго европейскаго могущества, прямое или косвенное къ Каспійскому морю, хоть только въ одной точкѣ, разомъ измѣнило бы все положеніе русскихъ дѣлъ отъ Кубани до Амура. Мы никогда не увидимъ такого оборота дѣла, потому что Россія достаточно могущественна, чтобы противупоставить всякимъ случайностямъ соотвѣтственныя мѣры; но желательно, чтобъ эти мѣры развивались постепенно, не дожидаясь критическихъ минутъ, когда исполненіе дѣла становится вдвое труднѣе, а спѣшность предпріятія заставляетъ довольствоваться даже полу-успѣхомъ. Покуда русскій человѣкъ не можетъ высадиться въ каждомъ мѣстѣ Каспійскаго и Аральскаго берега, какъ у себя дома, дѣло это еще не кончено. Но чтобъ быть какъ у себя на Каспійскихъ и Аральскихъ берегахъ, чтобъ сдержать и усмирить въ должной степени массу пограничныхъ кочевниковъ, чтобъ не допустить запереть себя въ тѣсномъ горизонтѣ, чтобъ не дать остановить естественное разростаніе русскаго племени къ востоку, обращающее понемногу пустыни въ европейсяія обла-

сти, ко благу всего человѣчества,—Россія должна властвовать нераздѣльно, оружіемъ или вліяніемъ, надъ сопредѣльными азіятскими странами.

Независимо отъ политическихъ видовъ, разростаніе Россіи къ юго-востоку, не только въ смыслѣ государства, но въ смыслѣ племени, есть дѣло исторически неизбѣжное; тоже движеніе, которое поглотило татарскія и ногайскія орды на югѣ Россіи, поглощаетъ теперь киргизскія и трухменскія на востокѣ; тѣже казаки идутъ впереди мирныхъ населеній. Вообразить себѣ, что можно ограничить разселеніе великаго племени какою либо заранѣе опредѣленною чертою, было бы непониманіемъ исторіи человѣческихъ породъ. Направлять подобное движеніе есть дѣло власти; но полагать ему опредѣленную мѣру, превосходитъ силы человѣка. Тамъ, гдѣ послѣдовательно дѣйствуютъ поколѣнія кругозоръ современныхъ людей слишкомъ узокъ, чтобъ измѣрять силу вещей; намъ дано только видѣть ихъ направленіе, регулировать его, отстранять преграды, которыя видимо задерживаютъ движеніе.

Въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, мы не можемъ позволить, чтобъ противъ насъ устроивали со стороны востока какіе либо искуственные предѣлы. Кромѣ южныхъ полуостововъ, слишкомъ отъ насъ удаленныхъ, на собственномъ материкѣ Азіи, Россія очевидно не можетъ допустить даже тѣнь какого либо неблагопріятнаго политическаго сочетанія, безъ явнаго ущерба себѣ.

Въ предѣлахъ древняго царства Чингисхана—на всемъ протяженіи Азіятской Турціи, Персіи, Туркестана, Афганистана, Монголіи и Сѣвернаго Китая не можетъ быть терпимо никакого европейскаго вліянія, переходящаго въ господство. По географическому положенію Россіи, исключеніе западно-европейскихъ вліяній изъ этихъ странъ должно быть нашею политическою аксіомой. Но до сихъ поръ эта аксіома могла существовать только въ теоріи. Съ покореніемъ Кавказа мы получили возможность отстоять ее противъ кого бы то ни было.

Надобно видѣть дѣло какъ оно есть. Съ того времени какъ Русская имперія переступила свои естественные предѣлы со стороны Азіи, она уже не можетъ ограничить свое дѣйствіе заранѣе очерченнымъ кругомъ. Будущее теперь принадлежитъ судьбѣ. Стоя посреди разлагающаго азіятскаго міра, въ каждой

области котораго могутъ ежедневно произойти самыя неожиданныя событія, надобно быть ко всему готовымъ. Наше владычество въ Азіи подвержено той же судьбѣ, какъ и всякое европейское владычество; мы не можемъ опредѣлить заранѣе границу, на которой оно остановится окончательно. Тысяча случайностей можетъ заставить насъ выдвинуться впередъ. Насъ могутъ принудить къ тому внутренніе перевороты у нашихъ сосѣдей, взрывъ фанатическихъ сектъ, подобныхъ мюридамъ, угрожающій нашимъ предѣламъ, отраженіе враждебнаго преобладанія другихъ европейцевъ, необходимость сохранить должное вліяніе надъ сосѣдомъ, и такъ далѣе, безъ конца. Подобное тому случается и въ Европѣ, но съ тою разницей, что европейскія войны никогда не убиваютъ противника. Въ Азіи же, какъ она есть теперь, туземное государство можетъ разсыпаться отъ одного толчка, и побѣдитель, иногда противъ воли, долженъ принимать его обломки подъ свою опеку. Нравственная несостоятельность азіятскаго міра склоняетъ его неодолимою силой подъ протекторатъ живыхъ народовъ. Сохранять дипломатическимъ путемъ равновѣсіе европейскихъ вліяній на восточныя правительства, продающія свою политику съ аукціона, есть дѣло невозможное; чтобы дѣйствовать на нихъ внушительно, надобно стоять, надъ ними, съ мѣшкомъ золота или съ мечемъ. Протекторатъ одного или другаго европейскаго могущества, инаго выбора нѣтъ. Чтобъ устранить враждебныя стремленія изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ они не могутъ быть допущены, есть только одно средство,—имѣть въ этихъ земляхъ преобладающее исключительное вліяніе, поддержанное силой, обязательно обставить серальныя правительства этихъ странъ своими людьми.

Надѣяться достигнуть этого результата одиимъ дипломатическимъ путемъ, значило бы обманывать себя. Но къ счастію, кавказская война кончилась въ пору. При нынѣшнемъ отношеніи русскихъ и западно-европейскихъ силъ въ Азіи, достаточно очевидномъ для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ, при твердой волѣ и послѣдовательной системѣ дѣйствій, Россія можетъ достигнуть необходимыхъ для нея результатовъ безъ большихъ потрясеній, безъ особеннаго напряженія силъ.

Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ должно оказать рѣшительное вліяніе на всю сумму азіятскихъ дѣлъ, кромѣ китайскихъ, основанныхъ на обладаніи Восточною Сибирью.

По своему центральному положенію, Кавказскій перешеекъ командуетъ мусульманскою Азіей, за исключеніемъ южныхъ полуостровов Индіи и Аравіи, до которыхъ намъ нѣтъ дѣла. Закавказье, съ внутреннимъ русскимъ бассейномъ, Каспійскимъ моремъ, врѣзываются клиномъ между Азіятскою Турціей, Персіей и внутреннею Азіей. Непосредственный стратегическій театръ кавказской арміи, доступный для нея въ случаѣ войны, до послѣднихъ оконечностей, простирается на всю западную половину азійскаго материка до Босфора, до Суэсскаго перешейка, до Персидскаго залива и до Гималая. Я понимаю подъ непосредственнымъ стратегическимъ театромъ такой, который можетъ быть пройденъ арміей въ одну или нѣсколько кампаній, опираясь на первоначальномъ военномъ основаніи, на которомъ находятся ея рекрутскіе и коммиссаріятскіе депо, арсеналы, лабораторіи и проч. Въ этомъ смыслѣ вся страна отъ Гималая до Константинопольскаго пролива составляетъ прямой театръ дѣйствій кавказской арміи; оставляя за собой опорные пункты со складами, она можетъ пройдти это пространство до оконечностей. Для ясности я скажу, что непрямымъ военнымъ театромъ этой арміи была бы, напримѣръ, Индія, еслибъ нужно было ее атаковать, до чего, вѣроятно, никогда не дойдетъ, потому что Индія лежитъ совершенно внѣ сферы русскихъ интересовъ. Несмотря на странный планъ нападенія на эту страну, о которомъ по временамъ мечталъ Наполеонъ I, вторженіе въ нее арміи, отправляющейся съ берега Каспійскаго моря, совершенно невозможно, во-первыхъ по разстоянію, а затѣмъ еще больше потому, что Индія ограждена страшными горами, вполнѣ разъединяющими сферы дѣйствія по сю и по ту сторону. Перешедъ Инду-Кушъ, каспійская армія очутилась бы какъ Робинзонъ на пустынномъ островѣ и черезъ нѣсколько времени, оставшись безъ пороха, безъ снарядовъ, безъ аммуниціи, безъ оружейныхъ принадлежностей, съ поломанною артиллеріей, должна была бы положить оружіе. Для того чтобы напасть на Индію съ надеждой на успѣхъ, надобно было бы перенести свое военное основаніе подъ хребетъ Инду-Кушъ, прочно занять подгорную страну и устроиться въ ней. Потому Индія и не составляетъ прямаго театра дѣйствій кавказской арміи и даже, въ настоящемъ положеніи вещей, можетъ считаться недоступною для нея. Но по той же причинѣ страны отъ Инду-Куша до Босфора и Суэса входятъ, на основаніи положительныхъ

военныхъ данныхъ, въ прямой кругъ дѣйствія нашей арміи.

Этотъ обширный стратегическій театръ распадается по очертанію страны, на три сферы, соотвѣтствующія очень вѣрно ея политическому дѣленію. Кавказская армія можетъ дѣйствовать въ трехъ направленіяхъ: къ западу въ Азіятской Турціи, къ югу—въ Персіи, къ востоку—въ Закаспійской Азіи, въ Туркестанѣ *).

По мѣрѣ отдаленія съ запада къ востоку, дѣйствіе нашей политики можетъ становиться все болѣе самостоятельнымъ, имѣть болѣе иниціятивы. Такимъ образомъ наши отношенія къ Турціи, какъ къ признанному европейскому государству, зависятъ отъ общей политической системы, не могутъ быть отъ нея отдѣлены; далѣе дѣла съ дружественной Персіей представляютъ уже гораздо болѣе простора, позволяютъ развить національные виды скорѣе и шире, такъ какъ на этомъ театрѣ мы сталкивались уже не со всей Европой, какъ на Босфорѣ и въ Анатоліи, а только съ однимъ европейскимъ могуществомъ—Англіей. Въ третьей сферѣ, наконецъ, въ закаспійскомъ краѣ у насъ совершенно развязаны руки, мы не встрѣчаемъ тамъ никакого соперничества, кромѣ того глухаго и постояннаго антагонизма, не имѣющаго прямаго вліянія на дипломатическія сношенія, который сопровождаетъ наше сожительство съ англичанами въ Азіи; этотъ антагонизмъ будетъ продолжаться всегда, что бы мы не дѣлали, и потому изъ за него одного намъ невозможно себя связывать. Къ счастію важность этихъ трехъ группъ для русскихъ интересовъ идетъ въ обратномъ направленіи;—обстоятельства болѣе вызываютъ нашу иниціативу въ восточной группѣ, гдѣ мы пользуемся полною свободой дѣйствій, чѣмъ въ средней, гдѣ эта свобода уже нѣсколько ограничена, и въ средней болѣе, чѣмъ въ западной, представляющей вопросы только въ обще-европейскомъ смыслѣ. Первая наша потребность—оградить на вѣки неприкосновенность внутреннихъ азіятскихъ морей — заключаетъ наши ближайшія цѣли въ предѣлахъ закаспійскаго края, гдѣ мы покуда еще можемъ дѣйствовать безъ контроля; утвержденіе русскаго владычества на

*) При напечатаніи этого письма въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, я очертилъ въ короткихъ словахъ особый стратегическій характеръ каждаго изъ этихъ подраздѣленій, но не считаю нужнымъ повторять этотъ очеркъ, какъ не имѣющій прямого отношенія къ моему предмету.

восточномъ берегу Каспійскаго моря и на южномъ Аральскаго, поставитъ насъ въ положеніе, въ которомъ намъ можно будетъ, безъ опасенія, встрѣтить всякія обстоятельства. Конечно, время несомнѣннаго, навѣки утвержденнаго владычества на Каспійскомъ морѣ наступитъ для насъ тогда лишь, когда всякое политическое соперничество въ Персіи устранится и это государство будетъ привлечено въ сферу русской политической системы до такой степени, что персидскій или русскій берегъ будетъ значить одно и тоже; но какъ Персія, каково бы ни было ея внутреннее состояніе, имѣетъ все таки регулярное и признанное правительство, поддерживающее внѣшнія сношенія, то русскіе интересы могутъ считаться съ этой стороны болѣе огражденными, чѣмъ въ землѣ безъ хозяина, каковъ закаспійскій край и не требуютъ отъ насъ особенно спѣшной, усиленной дѣятельности. Все же, что относится къ западной части Азіи, находится въ такой тѣсной связи съ обще-европейскими интересами, что составляетъ съ ними одно и тоже и потому подлежитъ дѣйствію кавказской арміи только въ случаѣ большой войны, но не иначе.

Во всѣхъ этихъ трехъ направленіяхъ, обнимающихъ собою массу мусульманской Азіи, свобода дѣйствій открылась для Россіи, только съ покореніемъ Кавказа. Кавказская армія, по своимъ силамъ, особенностямъ и мѣстному положенію, есть не только главный, но единственный рычагъ, которымъ Россія можетъ поворотить сумму азіятскихъ дѣлъ сорбразно съ своими интересами. Наши остальныя войска въ Азіи, къ востоку отъ Кавказа, слишкомъ малочисленны для сколько нибудь значительныхъ предпріятій; увеличивать ихъ значило бы создавать вторую азійскую армію, и возвышать военный бюджетъ, и такъ достаточно высокій, безъ всякой надобности; такъ какъ кавказская армія, по своей численности и центральному положенію достаточна для охраненія русскихъ интересовъ на всемъ пространствѣ мусульманской Азіи; тѣмъ болѣе, что ее и безъ того нельзя значительно ослабить. Какъ неоднократно доказалъ опытъ, разстояніе не позволяетъ укомплектовать кавказскіе полки, при какихъ либо неожиданныхъ событіяхъ, одновременно съ другими войсками имперіи; они должны быть достаточно сильны, чтобъ отразить первый натискъ собственными средствами. Оставаясь въ такой численности, кавказская армія можетъ легко отдѣлить силы, достаточныя для серіозныхъ

предпріятій въ своей естественной сферѣ дѣйствія, къ которой прямо принадлежать внутреннія моря; силы эти, требующія одинаковаго расхода на томъ или другомъ берегу, будутъ находиться въ прямой связи съ массою, которая останется столь же грозною на Черномъ морѣ, на предѣлахъ Турціи или Персіи. Силы эти состоятъ изъ самыхъ закаленныхъ, самыхъ привычныхъ къ походамъ людей въ свѣтѣ. Удалая горская молодежь, тысячи обрековъ, жившихъ только оружіемъ и доведенныхъ миромъ до нищеты, составляющихъ въ своей землѣ причину безпорядковъ и опасности для насъ, всѣ воины, прирожденные, всегда вѣрные подъ знаменемъ, привыкшіе жить недѣли въ походѣ парою кукурузныхъ лепешекъ, составляютъ сами по себѣ силу, на которую столько же можно положиться на войнѣ, сколько желательно дать ей занятіе внѣ края. Шестидесятилѣтняя война нагромоздила на Кавказѣ военные запасы всякаго рода, устарѣвшіе для европейскихъ дѣйствій, но вполнѣ пригодные для Азіи. Въ лицѣ главнокомандующаго кавказскою арміей сосредоточена власть, безъ которой нельзя обойтись въ серіозномъ предпріятіи, власть, которой не лишены другіе мѣстные начальники на нашихъ предѣлахъ; управленіе его обставлено опытными людьми, искусившимися въ сношеніи съ азіятцами. Безъ такой власти и такого опыта, мѣстное управленіе восточными дѣлами, требующими совсѣмъ особенныхъ пріемовъ, не можетъ быть плодовито. На кавказскомъ перешейкѣ, омываемомъ Каспійскимъ бассейномъ, готовы всѣ средства для внушительнаго дѣйствія за моремъ и во всѣ стороны. Безъ достаточныхъ силъ подъ рукою, въ Азіи невозможно систематическое преслѣдованіе цѣлей. Сила вещей указала уже Россіи центръ ея дѣйствія, создавая азійскую армію и господствующее географическое положеніе на Кавказскомъ перешейкѣ. Съ другой стороны, хоть азіятскія дѣла и находятся въ связи съ общей политикой государства, но они имѣютъ столько своеобразности, что для ближайшаго вполнѣ сознательнаго заправленія ими нуженъ особый органъ. Главнокомандующій кавказской арміей, можетъ по своему положенію ближе, вѣрнѣе, чѣмъ кто нибудь, оцѣнить все прикосновенное къ азіятскимъ дѣламъ, въ этомъ званіи сосредоточиваются естественно всѣ условія, чтобы быть главнымъ органомъ русско-азійской политики.

Разрозненность дѣйствій на нашихъ южныхъ предѣлахъ

непремѣнно должна отзываться безсвязностію результатовъ. Для Россіи азіятскій вопросъ одинъ, свитый изъ многоразличныхъ нитей, по крайней мѣрѣ во всемъ что касается до мусульманскаго міра, и потому, система политики должна быть для насъ одна, какъ бы ни было разнообразно ея приложеніе по мѣстностямъ. Въ восточныхъ дѣлахъ, гдѣ постоянно надобно слѣдить за самыми мелочными событіями, гдѣ рѣшенія туземныхъ правительствъ основываются не на сознаніи государственной нужды, а на минутныхъ, всегда личныхъ побужденіяхъ, и колеблятся вмѣстѣ съ ними; гдѣ положеніе дѣлъ мѣняется внезапно и часто безъ видимой причины; гдѣ обстоятельствами надобно пользоваться немедленно, иначе все дѣло выскользаетъ изъ рукъ,—тамъ необходима, въ лицѣ пограничнаго начальника, обширная власть, какой, кромѣ намѣстника кавказскаго, лишены необходимо другіе мѣстные распорядители.

Страны, надъ которыми, въ стратегическомъ отношеніи, господствуетъ кавказская армія, входятъ естественнымъ образомъ, въ кругъ прямаго или косвеннаго дѣйствія намѣстника кавказскаго. Кругъ этотъ опредѣляется самъ собою. Вездѣ, гдѣ наши интересы не сталкиваются съ интересами обще-европейскими, гдѣ спеціальное знаніе востока, составляющаго совершенно особенный міръ, столь чуждое, даже недоступное дипломатамъ, взросшимъ на европейской почвѣ, можетъ быть приложено къ веденію дѣлъ съ нѣкоторою самостоятельностію, тамъ для хорошаго успѣха, долженъ дѣйствовать преимущественно тотъ правительственный органъ, которому эти дѣла всего извѣстнѣе. Намѣстникъ же кавказскій, по своему личному положенію, вынужденъ изучить восточный людъ, управлять имъ разумно, сохраняя спокойствіе въ краѣ; въ ежедневной практикѣ дѣлъ это знаніе приходитъ къ нему само собою. Кругъ, въ которомъ наша азіятская политика можетъ дѣйствовать съ достаточною самостоятельностію, не возбуждая тѣмъ обще-европейскихъ столкновеній, начинается только съ восточныхъ предѣловъ Турціи, — онъ обнимаетъ Персію и Закаспійскій край. Отношенія къ Персіи имѣютъ для насъ огромную важность потому лишь, что мы занимаемъ Кавказскій перешеекъ, и владычествуемъ на Каспійскомъ морѣ, составляющемъ какъ бы продолженіе намѣстничества; персидскія дѣла могутъ сильно интересовать Россію, только по значенію своему для Кавказа и для обладанія этимъ моремъ; и только съ Кавказа можно

зорко наблюдать за ними, слѣдить за событіями день за днемъ. Закаспійская Азія лежитъ столько же въ сферѣ дѣйствія кавказской арміи и кавказскаго начальства. Разрывъ въ веденіи дѣлъ по сю и по ту сторону Каспійскаго моря происходитъ только отъ неполноты нашего владычества на морѣ, неполноты, которая сама по себѣ должна быть устранена, чтобы предупредить всякія случайности будущаго. Кавказское начальство указывало на этотъ недостатокъ еще въ 1857 году; тогда еще предлагались мѣры, чтобъ установить прочное сообщеніе Каспійскаго моря съ Аральскимъ, въ которое вливаются главнѣйшія судоходныя рѣки Средней Азіи. Еслибъ восточный берегъ Каспія былъ занятъ, и сообщеніе съ Араломъ устроено, что не потребуетъ ни большихъ хлопотъ, ни большихъ издержекъ, то этимъ самымъ весь Туркестанъ былъ бы вдвинутъ въ сферу прямаго дѣйствія кавказской арміи и наши дѣла въ Азіи получили бы столь желательное объединеніе, котораго онѣ покуда вовсе лишены. Нѣтъ сомнѣнія, что исполненіе столь естественнаго и столь немногосложнаго проекта 1857 года дало бы намъ разомъ и безъ войны, преобладающее положеніе на огромномъ протяженіи азіятскаго материка; внушительный видъ силы рѣшаетъ на востокѣ всѣ вопросы скорѣе и полнѣе, чѣмъ самыя дѣйствія со средствами не вполнѣ достаточными. Въ то же время такое объединеніе покончило бы навсегда съ возможностію вопроса о внутреннихъ моряхъ, укрѣпляя прочнымъ образомъ все протяженіе ихъ береговъ, за Россіей. По моему убѣжденію, въ этомъ шагѣ заключается задача текущаго времени.

Но надобно однакожъ твердо помнить истину, что завоеваніе никогда не можетъ быть цѣлію нашей восточной политики. Вблизи нашихъ предѣловъ нѣтъ такихъ густо населенныхъ и богатыхъ природою странъ, какъ на южныхъ полуостровахъ; странъ, которыя сами по себѣ могли бы манить завоевателя. Кромѣ нѣсколькихъ пунктовъ, нужныхъ для огражденія русскаго владычества на внутреннихъ моряхъ, на остальномъ пространствѣ доступнаго намъ азіятскаго материка, мы можемъ желать не владычества, а только прочно утвержденнаго вліянія, которое устранило бы навсегда чуждое соперничество. Несомнѣнная потребность Россіи, какъ государства и народа, требуетъ дипломатическаго господства надъ континентальнымъ тѣломъ Азіи, но только такого господства и ничего болѣе. Вы-

быть не можетъ. Кромѣ того, что европейскіе подданные составляютъ самую цѣль государства, азіятскіе же—политическое средство для достиженія другихъ цѣлей; кромѣ того, что одни добровольно поддерживаютъ государство всѣми своими силами, другихъ же, напротивъ, надобно силой удерживать въ повиновеніи; но, что еще важнѣе, весь міръ понятій и потребностей, весь духовный складъ человѣка тамъ и здѣсь до того различны, что переносить европейскія формы управленія въ Азію было бы очевидно вопіющею безсмыслицей. Западные народы, какъ англичане и голландцы, владѣющіе восточными странами, понимаютъ очень хорошо, что подобное владѣніе имѣетъ смыслъ только до тѣхъ поръ, пока оно выгодно. Они управляютъ подвластными, конечно, съ соблюденіемъ общихъ началъ справедливости, но преимущественно въ своихъ интересахъ, не помышляя даже о невозможномъ перевоспитаніи мусульманскихъ и языческихъ подданныхъ въ духѣ европейской цивилизаціи. Они сохраняютъ ненарушимо въ покорной странѣ всѣ бытовыя формы управленія и налоговъ; европейская власть, заступая мѣсто азіятскаго правительства, оставляетъ за собой только политическую роль, надзираетъ надъ туземною администраціей, но не становится на ея мѣсто. Подвластные народы видятъ такимъ образомъ въ чужеземномъ господствѣ верховную власть въ ея отвлеченномъ смыслѣ, какой они всегда покорялись; они не имѣютъ прямаго соприкосновенія съ нею, она не колетъ имъ глаза какъ чуждое, иновѣрческое иго. При такой системѣ, политическій надзоръ надъ завоеванной страной всегда идетъ успѣшно. Европейскіе агенты въ областяхъ, не обременяемые мелочными занятіями, могутъ посвящать все время изученію страны, ея экономическихъ средствъ, духа жителей; они имѣютъ возможность наблюдать за всякимъ враждебнымъ проявленіемъ въ народѣ, могущимъ развиться въ опасность для господствующей власти (имѣя дѣло съ азіятцами, такого надзора нельзя ослаблять ни на часъ). Немногочисленные, и потому избираемые со строгою оцѣнкой, европейскіе чиновники исполняютъ свою обязанность сознательно, принимаютъ къ сердцу интересы метрополіи, нравственные и матеріальные. Въ туземной администраціи, стоящей подъ ними, мѣстное управленіе идетъ, какъ всегда оно шло въ Азіи; управляемые замыкаются въ своемъ быту, стараются кончать всѣ дѣла между собой, чтобы имѣть какъ можно менѣе стол-

кновенія съ властію; управляющіе, напротивъ, ищутъ всякаго средства поживиться; но вся эта домашняя грязь, мелкое взяточничество и выжиманіе—составляютъ для населенія семейное дѣло; туземцы могутъ жаловаться только на своихъ земляковъ и знаютъ, что такъ было искони вѣка. За то никакія нареканія не падаютъ на европейскую власть; неотвратимая грязь азіятскаго управленія не брыжжетъ на священное имя владычествующаго народа. Туземецъ видитъ въ европейскомъ чиновникѣ прибѣжище въ крайнемъ случаѣ. Чиновникъ этотъ, представляющій политическую власть, связанный инструкціями, а не форменностями, рѣшаетъ дѣло удовлетворительно и понятно для азіятца, которому надобно сказать «да или нѣтъ», потому что онъ умѣетъ понимать власть только какъ власть, а не какъ инстанцію. Съ своей стороны главное управленіе можетъ безбоязненно ввѣрить обширныя права своимъ агентамъ, немногочисленнымъ, выбираемымъ тщательно, обезпеченнымъ, направляемымъ установленною и строгою системой. Кратчайшую формулу этого рода управленія можно высказать такимъ образомъ: «замѣщеніе деспотическаго произвола туземныхъ правителей просвѣщеннымъ произволомъ европейскихъ агентовъ, связанныхъ духомъ, а не буквой системы».

Кромѣ разумности такого образа управленія азіятскими областями, онъ основывáется еще болѣе на необходимости, неотвратимой, абсолютной необходимости. Экономическія средства азіятскихъ земель, даже самыхъ богатыхъ, ничтожны передъ европейскими. Англичанинъ платитъ податей кругомъ 15 рублей съ души, англійскій подданный въ Индіи менѣе 2-хъ рублей; русскій платитъ 5 руб., закавказскій туземецъ 1 руб. 60 коп. Цифра государственныхъ доходовъ, разложенная на количество населеній, составляетъ по всей Азіи менѣе 2-хъ рублей съ души; при этомъ восточныя правительства содержатъ администрацію и армію, также какъ въ Европѣ. Какъ же они изворачиваются? Очень просто, тѣмъ что администрація,—по европейскому выраженію всѣ министерства кромѣ военнаго,—стóитъ имъ чрезвычайно мало. Кромѣ внѣшняго полицейскаго порядка и преслѣдованія разбойниковъ, азіятскія населенія не хотятъ никакой администраціи, не имѣютъ въ ней надобности, избѣгаютъ ея какъ чумы; къ ихъ крайнему отчаянію, администрація иногда сама впутывается въ ихъ дѣла для поживы. Для азіятца пойдти въ судъ, обратиться къ

агенту власти, значитъ запереть лавку или мастерскую, закрыть домъ для сосѣдей, потому что никто не захочетъ впередъ имѣть дѣло съ такимъ сутягой, съ такимъ опаснымъ человѣкомъ, который, пожалуй, втянетъ еще цѣлый околодокъ въ передѣлку съ властью. Для азіятцевъ то наилучшее правительство, о которомъ они меньше всего слышатъ. Третейскій судъ есть общая форма сдѣлокъ во всей Азіи; цѣль его совершенно понятна: избѣжать прикосновенія съ правительствомъ. Азіятецъ, не мошенникъ, ходитъ жаловаться чиновнику только на чиновника, почти никогда на своего брата, простаго подданнаго. Идеалъ азіятца — имѣть отношенія къ власти только въ ту минуту, когда онъ платитъ подати. Понятно, что при такомъ настроеніи населеній администрація стóитъ дешево. Одинъ губернаторъ, какъ политическій представитель правительства, одинъ казначей, одинъ кади (судья), обыкновенно ничѣмъ не занятый, и нѣсколько санджагъ-беговъ для внѣшнихъ полицейскихъ дѣлъ — вотъ вся администрація области; все остальное въ рукахъ сельскихъ старшинъ. При томъ жалованье, если только жалованье существуетъ, въ Азіи обыкновенно высоко. Но съ такими штатами управленіе, даже при высокомъ жалованьѣ, стóитъ чрезвычайно дешево. Правительство можетъ извороти ться, содержать армію, мотать много денегъ на внѣшній блескъ, при доходѣ, недостигающемъ 2-хъ рублей съ души. И замѣтьте, какъ стоитъ Азія, никто еще не жаловался, чтобы правительство было невнимательно къ нуждамъ народа; тамъ жалуются на его внимательность; реформа администраціи на европейскій ладъ вызываетъ всеобщіе вопли. Европейское владычество, заступая мѣсто туземнаго правительства, получаетъ въ наслѣдство только тотъ кругъ дѣйствія, который принадлежалъ его предшественнику. Этотъ кругъ очерченъ непроизвольною системой, а вѣковою, устоявшеюся силою вещей, духовнымъ складомъ людей, надъ которыми оно начинаетъ царствовать. Европейская власть не можетъ измѣнить формы мѣстной администраціи, во-первыхъ, потому что она произведетъ этимъ неисходную и безцѣльную путаницу, которая ее же первую собьетъ съ толку, поставитъ въ невозможность разглядѣть что-нибудь въ своемъ собственномъ дѣлѣ; во-вторыхъ, лишитъ ее средствъ къ самостоятельному существованію. Только при дешевизнѣ азіятскаго управленія возможно покрывать военные расходы низкимъ бюдже-

томъ восточной страны. Изъ этого круга нѣтъ выхода, развѣ найдется такой филантропическій европейскій народъ, который, какъ пеликанъ на воротахъ воспитательнаго дома, захочетъ питать своею кровью чужихъ птенцовъ. Азіятское владѣніе, не покрывающее всѣхъ своихъ расходовъ, военныхъ и гражданскихъ, требующее пособія отъ метрополіи, это—сущая нелѣпость, если только оно не необходимый стратегическій пунктъ, а обширное владѣніе. Въ азіятскомъ управленіи можно выѣзжать только на дешевизнѣ администраціи; стало-быть, думать о замѣнѣ ея формъ дорогими формами европейскими, невозможно.

Но развѣ это возможнѣе въ какомъ-нибудь другомъ отношеніи? Развѣ какой-нибудь здравомыслящій человѣкъ повѣритъ статочности перевоспитанія азіятскихъ массъ на европейскій ладъ, въ ихъ цѣльномъ политическомъ составѣ? Онѣ могутъ быть поглощены европейскою національностію, примѣры этому есть въ исторіи, я скажу объ этомъ въ своемъ мѣстѣ; перевоспитаны же—никогда. Между формами, въ которыя сложился человѣческій духъ на востокѣ и на западѣ, протекло три тысячи лѣтъ, между ними нѣтъ болѣе никакого сродства и потому нѣтъ сочетанія, которое могло бы дать плодъ, произвести на свѣтъ что-нибудь среднее. Какъ можетъ азіятскій язычникъ или мусульманинъ, живущій однимъ мертвымъ преданіемъ, въ которое современная жизнь уже ничего больше не вноситъ, не понимающій ничего дальше самой голой реальности, выдѣлавшій въ этомъ смыслѣ всѣ свои понятія отъ философіи до семейныхъ отношеній, живущій въ обществѣ какъ оторванная единица, а не какъ живой членъ его, получившій это настроеніе наслѣдственно, какъ можетъ онъ связать въ какомъ нибудь отношеніи свои понятія съ понятіями европейца, основанными на началахъ ему недоступныхъ? Какъ можетъ онъ, оставаясь азіятцемъ, подливать понемногу европейскую мысль въ свое міровоззрѣніе, давно законченное и замкнутое, не постигающее даже возможности постановки вопросовъ, на которыя европейская цивилизація предлагаетъ ему отвѣтъ? Реформы, предпринимаемыя европейскимъ правительствомъ на Востокѣ, не могутъ имѣть другой исходъ, какъ подобныя же реформы азіятскихъ правительствъ, разрушающія на нашихъ глазахъ послѣднюю связь, связь привычки, которою до сихъ поръ держались ихъ одряхлѣвшія государства.

Но въ азіятскихъ реформахъ производятся до сихъ поръ только опыты въ небольшомъ видѣ. Каково же было бы заблужденіе европейскаго народа, который перенесъ бы цѣликомъ свои учрежденія на Востокъ, и обложилъ бы вдругъ азіятцевъ сложными формами европейскаго судопроизводства и администраціи, выработанныхъ совсѣмъ другою жизнію, отвѣчающихъ потребностямъ діаметрально противоположнымъ, противорѣчащихъ религіи, вѣковому характеру, семейному быту управляемыхъ; который, ставя имъ себя за образецъ, создалъ бы въ безграмотной, безнравственной, безразличной массѣ восточныхъ населеній—благородное азіятское дворянство, не смотря на то, что азіятцамъ чужды понятія чести и личнаго права, что у нихъ нѣтъ ни настоящаго семейства, ни фамильныхъ преданій по многоженству? Еслибы въ добавокъ этотъ народъ внесъ въ страну подобныя учрежденія не на чужой, а на свой собственной счетъ и дошелъ бы того, что одно гражданское управленіе, не соотвѣтствующее ни нуждамъ, ни средствамъ управляемыхъ, менѣе всего соотвѣтствующее потребностямъ самой власти, поглотило бы на себя безъ остатка всѣ доходы края? Послѣдствія очевидны. Во-первыхъ, ставя на мѣсто не хитраго азіятскаго управленія свою сложную администрацію, которой жители не понимаютъ и не могутъ понимать, мы ввели бы въ край самый чудовищный произволъ, во многомъ хуже чисто-азіятскаго: когда люди не могутъ даже угадать, что съ ними дѣлаютъ, съ ними можно дѣлать все что угодно, прикрываясь дикими для нихъ формами. Во-вторыхъ, подобная администрація вовсе не достигаетъ цѣли. Законною формой слѣдствія невозможно настигнуть ни одного виновнаго въ странѣ, гдѣ сто честнѣйшихъ, по своему, людей не колеблясь, дадутъ очистительную присягу въ всѣмъ извѣстнаго злодѣя, чтобы спасти его изъ рукъ гяуровъ. Безсиліе закона заставляетъ власть поминутно обходить его, и дѣйствовать по убѣжденію, произвольно.

Въ-третьихъ, принимая на себя низшую администрацію, облекая ее въ европейскую формальность, иноземный властитель поминутно напоминаетъ своимъ подвластнымъ о чужомъ игѣ, колетъ имъ глаза, собираетъ на себѣ одномъ всѣ проклятія за притѣсненія и обиды, проклятія, которыя остались бы взаимнымъ нареканіемъ другъ на друга между туземцами, еслибы властитель стоялъ выше. Въ-четвертыхъ, при такой системѣ нельзя уже сортировать европейскихъ чиновниковъ, нельзя ихъ

обезпечить и требовать отъ нихъ многаго; приходится выкликать ихъ массой, набирать всѣхъ кто не находитъ мѣста на родинѣ, и потомъ выставлять эту сборную массу на показъ туземнымъ населеніямъ, позоря во всѣхъ видахъ неприкосновенное имя владычествующаго народа. Пріученные къ такому порядку дѣлъ чиновники, заботятся только объ огражденіи себя формальностями и не заботятся уже о политическомъ надзорѣ за населеніями—надъ головами ихъ соберутся тучи, и они ихъ не увидятъ. И наконецъ послѣднее. Такое примѣненіе европейскихъ формъ къ азіятской странѣ, равно неудобное для власти и для управляемыхъ, но поглощающее само на себя всѣ доходы края, не оставляя ничего его для обороны, можетъ существовать только въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, какъ куріозный обращикъ, какъ шотландское вино, которое лордъ Эльгинъ выдѣлывалъ изъ своей теплицы, стоившее ему 300 франковъ бутылка. Подобнымъ владѣніемъ можно забавляться только на счетъ одной изъ своихъ коренныхъ областей, обращая ея средства на покрытіе расходовъ перваго. Но представьте, что вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, это владѣніе расширяется, утраивается, учетверяется, вотъ уже четыре области, которыя придется закабалить ему; между тѣмъ какъ можно было бы повести дѣло просто, ко взаимной выгодѣ обѣихъ сторонъ. Что жъ это за управленіе? Для чьего удовольствія, для какой надобности можетъ существовать такое противорѣчіе? Кто отъ этого въ выигрышѣ?

Я не распространялся бы о такой несостоятельной теоріи, еслибъ она оставалась только теоріей; но съ покореніемъ Кавказа азіятскій вопросъ встаетъ передъ Россіей во всей его обширности и неотвратимости; система управленія азіятскими областями можетъ со дня на день получить для насъ первоклассную важность; нельзя обойдти эту сторону дѣла. Россія овладѣла въ теченіе вѣковъ нѣсколькими мусульманскими царствами и сростила ихъ съ собой органически; она доказала на дѣлѣ прирожденную ей способность царствовать надъ Азіей. доказала ее въ гораздо высшей степени, чѣмъ какой либо другой европейскій народъ. Такъ было. Но когда, съ первымъ годомъ столѣтія, русскіе заняли Закавказье, въ продолженіе шестидесяти лѣтъ не было даже поставлено вопроса: что такое этотъ край. какъ должно государство относиться къ нему? Онъ сталъ страной научныхъ опытовъ, къ которой прилагались пробы

всякихъ административныхъ системъ, безъ соображенія съ почвой, на которой хотѣли ихъ выростить. Покуда Закавказскій край считаетъ не болѣе двухъ милліоновъ жителей, бремя, происходящее отъ ложной системы, не составляетъ большой тяжести для государства. Но обстоятельство это важно какъ урокъ для будущаго.

Меридіянъ военно-грузинской дороги дѣлитъ Закавказье на двѣ части, во всемъ между собою противоположныя—христіанскую и мусульманскую. Съ изгнаніемъ черкесовъ дѣленіе это простерлось на все намѣстничество; западная половина — все равно что коренная Россія и требуетъ только хорошаго управленія, съ устраненіемъ всякихъ политическихъ взглядовъ; восточная половина—чистая Азія, покорствующая до сихъ поръ силѣ штыковъ, и надобно прибавить, едва ли не самая фанатическая часть Азіи. Сказанное выше объ условіяхъ разумнаго управленія въ Азіи не имѣетъ никакого отношенія къ грузинамъ, народу христіанскому и прогрессивному, добровольно слившемуся съ Россіей, но прилагается во всей силѣ къ восточнымъ областямъ. Можно ли управлять по одинаковой системѣ тою и другою половиной Кавказа, когда цѣли управленія, тамъ и здѣсь, совсѣмъ иныя? Эти страны и были отдѣльными до 1841 г. Въ Грузіи существовало устройство болѣе развитое, съ общимъ русскимъ судопроизводствомъ; въ мусульманскихъ областяхъ управленіе чисто-административное, сосредоточенное въ рукахъ нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ, называвшихся комендантами, — единственно пригодная форма власти для азіятской страны. Послѣднее управленіе шло неудовлетворительно; причины неудовлетворительности были очевидны. Такой порядокъ дѣлъ, существующій и теперь въ районѣ, подчиненномъ военной власти, можетъ дѣйствовать успѣшно только при двухъ условіяхъ: при строго-установленной системѣ, знающей положительно чего требовать отъ управляющихъ, и при должномъ выборѣ и подготовленіи людей, назначаемыхъ начальниками въ азіятскій край. Въ горскомъ управленіи, преобразованномъ при князѣ Барятинскомъ, эти условія теперь соблюдаются, и оно идетъ отлично. Но въ тридцатыхъ годахъ не думали еще ни о томъ, ни о другомъ; системы не было никакой, а комендантами назначались люди вовсе не подготовленные къ такому дѣлу. Вмѣсто того, чтобъ исправить этотъ недостатокъ, въ 1841 г. на Закавказскій край, безъ раз-

личія мѣстностей, было распространено общее губернское положеніе, съ неважными измѣненіями. Палаты, стряпчіе, формальныя слѣдствія, форменность исковъ и прошеній введены не только въ Грузію, но въ мусульманскій край. Въ Грузіи новыя учрежденія далеко превышали потребность общества почти еще патріархальнаго и только напрасно удвоили расходы управленія; въ восточной половинѣ края они, кромѣ того, привели дѣла въ хаотическое состояніе, проясняющееся только на казенной бумагѣ; управляющіе и управляемые, какъ послѣ вавилонскаго столпотворенія, перестали понимать другъ друга. Не соотвѣтствующія силамъ и потребностямъ края сложность и дороговизна управленія выказывались каждый день все рѣзче. Но зданіе въ европейско-форменномъ вкусѣ было заложено, и постройки пошли распространяться сами собой.

Общій результатъ вышелъ съ одной стороны тотъ, что гражданское управленіе, отлично устроенное въ теоріи, но въ дѣйствительности совершенно чуждое населеніямъ по духу, трудится теперь подобно безукоризненно построенной машинѣ, которая не приведена въ соприкосновеніе съ матеріяломъ, который она предназначена обработывать; съ другой же тотъ, что закавказскія области составляютъ для государства, въ финансовомъ отношеніи, не выгоду, а бремя;—между тѣмъ какъ главное условіе системы управленія азіятской страной, самая возможность владѣть ею, состоитъ въ томъ, чтобъ она не была бременемъ для метрополіи. Природа вещей устроила это дѣло такимъ премудрымъ образомъ, что самое разумное управленіе азіятскимъ краемъ, есть въ то же время самое дешевое.

Ошибка, какъ бѣда, никогда не приходитъ одна. Въ слѣдствіе той же теоріи, распространивъ на мусульманскія области русскія формы управленія, создали тамъ также татарское дворянство.

Въ дворянствѣ народность выражается съ сознательною силой: при чужеземномъ владычествѣ въ немъ сосредоточивается весь устой народной жизни побѣжденныхъ. Въ азіятской странѣ, гдѣ рабочія массы испоконъ-вѣку составляютъ райятъ—паству, стадо, вѣчно живущее подъ игомъ, не разбирающее происхожденія власти, лишь бы она не слишкомъ его давила, нравственное сопротивленіе чужеземному владычеству только и можетъ исходить изъ высшаго класса, еслибъ онъ существовалъ. Но такого класса нѣтъ во всей мусульманской

Азіи: мы сами его создали. Въ Закавказьѣ существовали ханскія фамиліи вчерашняго происхожденія. Потомковъ этихъ фамилій набиралось едва 30 человѣкъ, которыхъ легко было обезпечить пенсіей. Но при ханахъ служили нукеры по большей части изъ черни, пользовавшіеся, во время службы, частію доходовъ съ какой-нибудь деревни,—обыкновенный видъ азіятскаго жалованья. Изъ этого элемента, наперекоръ прямому государственному интересу, въ сороковыхъ годахъ создали невозможное дворянство, и не только создали, но роздали ему казенныя земли и деревни. То, что крестьяне платили прежде въ казну, они были вынуждены платить съ громадною лихвой бывшему односельцу, равному имъ до того дня и вдругъ ставшему ихъ помѣщикомъ. Очень понятно, что такая мѣра оттолкнула и продолжаетъ отталкивать отъ русской власти народныя массы, отдохнувшія было подъ ея крыломъ отъ персидскаго ига; и въ то же время не могла доставить ей никакой опоры въ мнимомъ, подобранномъ въ черни дворянствѣ, существующемъ лишь подъ охраной русскихъ штыковъ. Созданіе дворянства въ мусульманскихъ областяхъ умалило въ значительной степени государственный доходъ въ то время, когда новыя учрежденія, безпрерывно усложняясь, требовали все большихъ средствъ отъ края. Я не говорю о другой мѣрѣ — переводѣ всѣхъ натуральныхъ податей на деньги, — непригодной въ своемъ полномъ объемѣ для азіятскаго края, хоть тѣмъ, что она дѣлаетъ содержаніе войскъ вдвое дороже — не говорю потому, что такимъ образомъ, я никогда бы не кончилъ. Отсутствіе системы повело къ постоянной перестройкѣ учрежденій, причемъ они безпрестанно и произвольно расширялись, поглощая вновь отрывавшіеся источники доходовъ. Когда наконецъ въ 1860 году, съ отдѣленіемъ закавказскихъ финансовъ, были сведены счеты тридцатилѣтнему ряду подобныхъ сборовъ, въ итогѣ оказалось, что всѣ доходы края идутъ безъ остатка на содержаніе одного гражданскаго управленія.

Еслибы закавказскія области принадлежали Персіи или англійской Индіи, то, по пропорціи жителей, за всѣми расходами на управленіе, на счетъ ихъ содержалось бы 20 тысячъ войска, почти то же количество, которое должно находиться здѣсь по мирному положенію. Онѣ не лежали бы бременемъ на государствѣ.

Нельзя никого лично винить за такое положеніе дѣлъ; въ

немъ виновата развѣ скудость идей русскаго общества въ первой половинѣ настоящаго вѣка. Это было именно переходное время, когда наше общество окончательно утратило преданія старой Руси, умѣвшей ладить съ азіятцами, и не нажило еще себѣ новыхъ воззрѣній. Но по крайней мѣрѣ теперь долженъ установиться правильный взглядъ на предметъ, отъ котораго зависитъ возможность или невозможность рѣшить въ нашу пользу первый изъ всеміръныхъ вопросовъ.

До сихъ поръ европейское владычество въ Азіи имѣло чисто-политическій характеръ, состояло въ военномъ занятіи страны и проходило безслѣдно. Со временъ Александра Македонскаго европейцы много разъ владѣли на востокѣ обширными царствами, обхватывавшими половину Азіи; отъ господства ихъ остались медали европейскихъ династій, но не осталось даже признака какого-либо нравственнаго вліянія бывшихъ побѣдителей на побѣжденныхъ. Еслибы въ природѣ вещей содержалась возможность обновленія восточныхъ обществъ европейскимъ духомъ, она выказалась бы хоть разъ, хоть гдѣ-нибудь, въ какомъ бы то ни было видѣ. Но исторія 22-хъ вѣковъ не показываетъ даже признака чего-нибудь подобнаго. Побѣдоносная цивилизація Европы лежала на цивилизаціи азіятской, какъ масло на водѣ, не сливаясь. Имперіи, основанныя въ наши дни англичанами и голландцами въ Азіи, имѣютъ тотъ же видъ внѣшняго господства и по всей вѣроятности будутъ имѣть ту же участь, сколько бы ни продлилось ихъ существованіе. Но призваніе русскаго владычества можетъ быть иное: я говорю это не гадательно. Исторія не знаетъ восточныхъ обществъ, обновленныхъ и призванныхъ къ новой самостоятельной жизни Европой; но она представляетъ два примѣра полнаго поглощенія азіятскихъ народовъ европейскою цивилизаціей и національностью: въ западной Азіи, послѣ Македонскаго завоеванія и въ восточной Россіи — со временъ Грознаго. Греки не вытѣснили побѣжденныхъ, какъ въ Америкѣ вытѣсняютъ дикарей, однакожъ при римскомъ владычествѣ Малая Азія и Сирія были уже чисто-греческими землями, значитъ — покоренные исчезли въ чужой цивилизаціи. Въ восточной Россіи татарское дворянство обрусѣло, тамъ давно уже нѣтъ высшаго мусульманскаго класса, не существуетъ самостоятельнаго мусульманскаго просвѣщенія съ его особыми взглядами; тамъ остались кой-гдѣ татарскія деревни, населенныя простолюдинами.

Надобно только сличить русскаго татарина съ азіятскимъ, чтобы понять до какой степени онъ уже не мусульманинъ и не азіятецъ по понятіямъ, несмотря на сохранившійся обрядъ. Такое превращеніе сбыточно. Азіятскій язычникъ или мусульманинъ не можетъ привить къ своимъ понятіямъ несродныя ему идеи Запада и выработать что-либо изъ такого сочетанія; но какъ человѣкъ, онъ можетъ понять и принять европейскія духовныя начала и всецѣло стать европейцемъ. При владычествѣ Греціи и Россіи надъ восточными странами происходило прямое соприкосновеніе массъ, что много облегчало задачу. Но кромѣ того въ нашей русской натурѣ есть, кажется, способность къ этому дѣлу, которой не достаетъ у западныхъ европейцевъ. Тѣ превосходятъ насъ соединеніемъ свойствъ, нужныхъ для заселенія пустынныхъ странъ: Америка и Австралія свидѣтельствуютъ объ этомъ; но тотъ же самый характеръ, энергическій, жесткій, отстраняющій чужую опору и потому замкнутый,—который разнесъ испанскія и англійскія поселенія по Новому Свѣту—составляетъ препону для сближенія ихъ съ покоренными восточными народами. Испанцы умѣли только выгнать своихъ мавровъ, англичане проживаютъ въ Индіи чуждыми пришельцами. Русскіе по природѣ своей не особняки; они живутъ міромъ, какъ пчелы; въ одномъ этомъ признакѣ достаточно выражается мягкость характера, общительность, составляющая нашу силу въ покоренной азіятской сторонѣ, если только администрація не мѣшаетъ ей. Русскій человѣкъ не смотритъ на азіятца съ высока, не презираетъ его какъ западный европеецъ; онъ съ нимъ на столько сжился, чтобы видѣть въ немъ человѣка. Русское населеніе, возникающее въ покоренномъ краѣ Азіи, становится сейчасъ же въ самыя близкія отношенія къ туземцамъ, притягиваетъ ихъ въ свою сферу и по немногу переработываетъ въ духѣ высшей цивилизаціи, высшей религіи и высшей народности. Что произошло уже на берегахъ Волги, то можетъ повториться и далѣе. За горизонтомъ чисто-политическихъ отношеній, связывающихъ насъ съ современнымъ восточнымъ міромъ, отношеній, на которыхъ должно покуда сосредоточиваться все наше вниманіе, въ туманѣ далекаго будущаго, мелькаетъ истинное историческое разрѣшеніе азіятскаго вопроса, по крайней мѣрѣ въ сопредѣльныхъ Россіи странахъ. Такое пониманіе вещей не есть только филосо-

фія исторіи, потому что она даетъ мѣсто практическимъ слѣдствіямъ.

Можетъ протечь длинный рядъ вѣковъ, прежде чѣмъ выработанная исторіей общественная форма, со всѣмъ ея духовнымъ складомъ, безъ остатка перельется въ другую. Но въ этомъ нѣтъ и надобности. Полтораста лѣтъ тому назадъ приволжская Россія была уже въ сущности русскою, не помнила своей самостоятельности. Гдѣ надъ страной станетъ русское просвѣщеніе, то есть, гдѣ нельзя будетъ выдѣлиться изъ чернорабочей толпы иначе, какъ обрусѣвъ, тамъ будетъ Россія уже на вѣки. Толпа долго хранитъ свои понятія и еще долѣе свои обычаи; но когда она составляетъ груду развалинъ невозвратно протекшей, неспособной ни къ какому дальнѣйшему развитію жизни, то въ ней не заключается уже никакой силы. Если существуетъ нравственное общеніе побѣдителей съ побѣжденными, то дѣйствительная жизнь переходитъ въ слои населенія, притянутые высшимъ просвѣщеніемъ владычествующаго народа; изъ этихъ слоевъ, каково бы ни было ихъ происхожденіе, должны постепенно развиться высшіе, то-есть образованные и зажиточные классы народа. Для такихъ классовъ, когда они заявятъ свое существованіе, европейскія формы суда, администраціи, всей общественной жизни, станутъ не только пригодными, но необходимыми; расширившіяся вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ экономическія средства страны допустятъ болѣе сложныя учрежденія; какъ всегда на свѣтѣ, дѣйствительно нужное сдѣлается осуществимымъ. Такимъ только постепеннымъ ходомъ вещей, а не внезапною пересадкой не соотвѣтствующихъ дѣлу формъ можно внести просвѣщеніе въ восточную страну. Въ тоже время, если въ русско-азіятскомъ владѣніи высшій классъ долженъ образоваться постепенно изъ людей обрусѣвшихъ, то мы ни въ какомъ случаѣ не должны создавать искусственно высшій классъ татарскій. Цѣль указываетъ на средства. Вотъ практическія слѣдствія.

Этимъ положеніемъ, естественно вытекающимъ изъ вышесказаннаго, заключаю рядъ моихъ писемъ. Я не имѣлъ притязанія писать исторію послѣднихъ годовъ кавказской войны, которая по сложности предмета, и чрезвычайной важности своей для государства, требуетъ обширнаго труда и безъ сомнѣнія вызоветъ его въ будущемъ; литература должна поставить свой памятникъ побѣдителю Кавказа и храбрымъ войскамъ, съ ко-

торыми онъ совершилъ это славное завованіе. Но я считалъ полезнымъ представить русскому обществу, до сихъ поръ мало знакомому съ Кавказомъ, хоть краткій очеркъ великаго событія и его прямыхъ очевидныхъ послѣдствій. Я не могъ освѣтить достаточно, въ этомъ очеркѣ, всѣхъ сторонъ предмета, но долженъ былъ по крайней мѣрѣ указать на нихъ, чтобъ читатель могъ потомъ, если захочетъ, узнать ихъ ближе и вывести свои собственныя заключенія.

О МЮРИДИЗМѢ.

Названіе «зикра» есть исковерканное арабское слово «зикиръ» — славословіе или восхваленіе, употребляемое послѣ мусульманскихъ молитвъ. Въ обыкновенномъ видѣ зикиръ выражается извѣстными словами магометанскаго исповѣданія; Ля Илляге иль Алла Мухамедъ риуль Аллаха (нѣтъ Бога кромѣ Бога; Мухамедъ пророкъ божій). Слова эти всегда кричитъ муэззинъ съ минарета; они употребляются во всякой молитвѣ. Вся коренная разница между сунни и шія состоитъ въ томъ, что послѣдніе къ исповѣданію вѣры прибавляютъ еще «эмириль мёмединъ Алліянъ велли Юлла (Али намѣстникъ, или верховный предводитель мусульманъ) *.

У мусульманъ отдѣльныхъ молитвъ очень мало и онѣ коротки; можно сказать даже, что у нихъ одна настоящая молитва, которую они говорятъ въ намазѣ. Она растягивается только обрядовыми тѣлодвиженіями, колѣнопреклоненіями и проч. Хотя мусульманскіе ученые написали безчисленное множество славословій, но они въ обрядъ не перешли.—За то немногія принятыя слова молитвъ разнообразятся до безконечности въ своемъ примѣне-

* Употребленіе слова зикра вмѣсто зикиръ взято вѣроятно изъ Чечни, гдѣ этотъ обрядъ, недавно только ставшій распространяться на Кавказѣ, впервые сдѣлался извѣстнымъ русскимъ. Чеченцы же народъ полудикій, между тѣмъ какъ въ Дагестанѣ и прилегающихъ къ нему частяхъ Закавказья классическое арабское образованіе такъ развито въ духовенствѣ, что удивляло первѣйшихъ оріенталистовъ. Чеченскіе муллы всѣ полуграмотны, по арабски не знаютъ и коверкаютъ слова этого языка.

ніи, такъ что иногда одно слово курана много разъ повторяемое, составляетъ само по себѣ особую молитву.

Разные толки, существовавшіе въ исламизмѣ, философскіе и мистическіе, дѣлали такимъ образомъ изъ употребленія иныхъ словъ исповѣданія, молитвъ или названій качествъ Аллаха (которыхъ считается 99) символъ своего вѣроученія, придавая имъ особый таинственный смыслъ. Иногда они приписывали подобнымъ словамъ необыкновенную силу, полагая, что повтореніе ихъ, съ возможнымъ напряженіемъ мысли и воли, возводитъ человѣка несравненно выше человѣческаго естества, открываетъ ему вещи, закрытыя для смертныхъ глазъ, и можетъ даже, въ эти минуты вдохновенія, сдѣлать изъ него орудіе, чрезъ которое объявляется людямъ Божія воля. Подобное явленіе представляетъ правильный выводъ изъ мусульманскаго вѣроученія, по которому куранъ имѣетъ семь смысловъ, постепенно открывающихся человѣку по мѣрѣ его духовной высоты. Четыре первые смысла могутъ постигаться мудрецами и святыми: слѣдующіе три открываются, въ разныя эпохи, великимъ святымъ, избраннымъ для того предопредѣленіемъ прежде всѣхъ вѣковъ. Пророкъ, разумѣется зналъ всѣ семь смысловъ; намѣстники его—имамы, покуда они были не мірскими людьми, а святыми, также ихъ знали. Но обыкновенный человѣкъ, добродѣтельный и упражняющійся въ законѣ, можетъ въ припадкѣ вдохновенія на минуту, только на одну минуту, вознестись Богъ-знаетъ куда и проникнуть, пожалуй въ 7-й смыслъ курана; а какъ 7-й смыслъ есть вся суть мірозданія, то никто не можетъ сказать напередъ, какую вѣсточку такой человѣкъ можетъ принести съ неба на землю. Во время богослуженія въ мечети есть минута, когда каждый совершающій его мулла становится имамомъ и можетъ говорить какъ

---

* Въ этомъ отношеніи какъ во всемъ прочемъ исламизмъ, представляющій чрезвычайную простоту догматовъ и бѣдность внутренняго содержанія, разнообразится въ своихъ оттѣнкахъ такими схоластическими тонкостями, что европейцу иногда трудно даже понять: гдѣ же тутъ различіе?. Философская потребность духа, запертаго въ такую тѣсную рамку, заставляетъ его сочинять тысячу варіацій на одну и ту же тэму. Но въ этомъ же заключается причина почему эти варіаціи не развиваютъ единства вѣры, такъ что всѣ мусульмане въ мірѣ кромѣ одного раскола шіитовъ, не смотря на столько разныхъ толковъ, считаютъ одни другихъ одинаково православными мусульманами.

имамъ. Такимъ образомъ въ исламизмѣ пророчество, можно сказать, узаконено, и можетъ признаваться за человѣкомъ, котораго никто, въ общемъ смыслѣ не считаетъ пророкомъ. Конечно мусульмане, какъ и другіе люди, не повѣрятъ на слово человѣку, который вдругъ станетъ выкидывать вдохновеніе; но какъ вещь эта, сама по себѣ, допускается въ ихъ законѣ, то все дѣло тутъ въ степени довѣрія, какое человѣкъ успѣетъ пріобрѣсть въ народѣ. Такимъ образомъ у Шамиля въ первое время разгара фанатизма и въ послѣднее, когда ему приходилось плохо, пророчества и голоса свыше безпрестанно разносились по горамъ.

Съ древнихъ временъ повтореніе исповѣданія вѣры «Ля Илляге и проч.» сдѣлались особымъ обрядомъ благочестія, который употреблялся въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Слова эти произносятъ пѣвучимъ голосомъ, подъ обыкновенный тонъ азіятской музыки, такъ что русскому горлу довольно трудно съ точностію его перенять. Сколько извѣстно, мусульмане всегда ходили въ бой съ этимъ припѣвомъ и безпрестанно повторяли его во время сраженія, что̀ дѣлается и теперь. Во время горской войны, когда мюриды начинали пѣть «Ля Илляге», мы знали уже, что сейчасъ они будутъ атаковать. Слова исповѣданія, мусульманскій символъ вѣры, сдѣлались такимъ образомъ военнымъ кликомъ, что̀ совершенно въ духѣ исламизма, такъ какъ эта вѣра есть вѣра воинствующая не въ аллегорическомъ, но въ прямомъ смыслѣ, съ кораномъ въ одной рукѣ и саблей въ другой—и должна быть такою до всемірнаго халифата, который обниметъ землю передъ послѣднимъ днемъ. Кромѣ этого значенія, Ля Илляге повторяется тѣмъ же речитативомъ послѣ намаза, но не обязательно, а только желающими. Это повтореніе и есть зикиръ. Нѣкоторые учители вѣры предписывали не растягивать долго зикира при публикѣ, чтобъ не сдѣлать изъ такой святой вещи зрѣлища для толпы; дома же велѣли предаваться ему по мѣрѣ силъ и охоты. Но это предписаніе не вошло въ шаріятъ, а осталось личнымъ мнѣніемъ.

Еще съ давнихъ поръ многіе духовные учители сдѣлали изъ зикира особенный таинственный обрядъ, который со временемъ распространился въ мусульманствѣ и давно уже всѣми признается, хотя нѣкоторые только исполняютъ его. Надобно было повторять «Ля Илляге и проч.» разъ 100—200, даже до

1000, смотря по степени матеріяльной инерціи своей натуры, чтобъ этими божественными словами побѣдить матерію и освободить духъ до высоты чистаго созерцанія. При усиленномъ напряженіи, съ человѣкомъ дѣлается головокруженіе и даже обморокъ, въ которомъ онъ будетъ, или не будетъ имѣть вдохновенныя видѣнія, смотря по степени своей святости; но ужъ самый обморокъ доказываетъ значительную духовную высоту молящагося. Этотъ обморокъ и есть джазма. Такимъ образомъ зикиръ есть особая молитва, совершаемая послѣ общей обрядовой молитвы—намаза; джазма—есть результатъ напряженнаго зикира. Нѣтъ впрочемъ необходимости оканчивать зикиръ джазмою. Можно проговорить столько то разъ «Ля Илляге» и конецъ. Когда употребленіе этого обряда распространяется, то зикиръ дѣлаютъ всѣ, даже женщины; до джазмы же доходятъ только нѣкоторые, составляющіе между собою особые мистическіе кружки, обыкновенно подчиненные какому нибудь извѣстному учителю; съ этимъ всегда сопряжено преподаваніе тариката. Дойти до джазмы въ одиночку очень трудное дѣло; для этого надобно быть святымъ человѣкомъ. Поэтому во всѣ времена, ученики зикры собирались въ кружокъ, составляли цѣпь и дѣйствіе происходило несравненно быстрѣе. Въ подобномъ явленіи бываетъ много чистаго шарлатанства; но есть и дѣйствительность, которую я приписываю магнетизму. Надобно помнить, что зикристы составляютъ цѣпь и напрягаютъ волю до крайней степени. Люди, знакомые съ результатами обширныхъ глубокихъ изученій, сдѣланныхъ въ наше время въ области религій, знаютъ, что до сихъ поръ по разнымъ храмамъ и капищамъ, также между дервишами, происходятъ очень странныя вещи, которыя никакой логичный человѣкъ не можетъ приписать одному шарлатанству; во первыхъ потому, что шарлатанство не объясняетъ этихъ вещей; во вторыхъ потому, что милліоны людей не могутъ вмѣстѣ обманывать другъ друга и вѣрить, и въ продолженіе вѣковъ хранить свой обманъ въ тайнѣ.

Многіе знаменитые учители написали въ старину цѣлые томы о зикрѣ. Слава ихъ такъ велика, что теперь преданіе увѣряетъ будто эти люди написали свои многотомныя сочиненія въ потьмахъ, не имѣя надобности въ свѣчѣ, потому что пальцы ихъ, писавшіе о зикрѣ, свѣтились сами собою.

Съ ученіемъ зикры неразрывно связано преподаваніе тариката. Связь эта требуетъ нѣкотораго объясненія.

Мусульманское вѣроученіе состоитъ изъ обширнаго толкованія корана, на каждое слово котораго написанъ коментарій, и изъ многихъ священныхъ преданій. Оно раздѣляется на 5 частей.

Шаріятъ есть законъ внѣшній-обрядовый; но какъ въ мусульманствѣ все подчинено религіи и опредѣлено на вѣки неизмѣнною волею Божіею, то онъ вмѣстѣ законъ формальный обрядовый, гражданскій, уголовный и экономическій. Онъ назначаетъ какъ и когда долженъ молиться человѣкъ, какое должно быть устройство суда, какому наказанію подлежитъ конокрадъ, какъ дѣлится отцовское имѣніе между дѣтьми, сколько пошлины съ товаровъ и податей съ подданыхъ имѣетъ право собирать государь и проч. и проч. однимъ словомъ — все. Шаріятъ обязателенъ для всѣхъ. Онъ заключаетъ полный кодексъ наставленій что дѣлать для того, чтобы спасать свою душу безъ дальняго разсужденія.—Марикатъ есть законъ нравственный. Онъ учитъ не дѣломъ, а чувствомъ; дѣла потомъ уже сами собою истекаютъ изъ чувствъ, когда человѣкъ будетъ ими проникнутъ. Изученіе и исполненіе тариката вовсе не обязательны для мусульманина; но человѣкъ, слѣдующій тарикату, стоитъ гораздо выше предъ Богомъ, чѣмъ простой послѣдователь шаріята. На этомъ основаніи, если мусульманинъ стоитъ умомъ и чувствами выше ежедневныхъ потребностей жизни, онъ принимается за изученіе тариката. На тарикатѣ то исключительно и расшиваютъ узоры мусульманскіе нововводители, такъ какъ формальный законъ—шаріятъ—по самой матерьяльности своихъ законченныхъ формулъ—неприкосновененъ. Многія секты, напр., мюридизмъ, преимущественно основывались на тарикатѣ, дѣлали его обязательнымъ для всѣхъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ выводахъ. — Теперь послѣдствіе: если мусульманинъ не смотритъ далѣе обыденной жизни или равнодушенъ къ вѣрѣ, онъ довольствуется шаріятомъ, чтó и достаточно для спасенія души. Если онъ ревностенъ въ вѣрѣ и считаетъ себя нравственно выше толпы, онъ будетъ учиться тарикату. Быть зикристомъ мусульманина никто не обязываетъ, когда онъ хочетъ быть зикристомъ, это значитъ, что обыденнаго ему не довольно: потому самому, онъ недовольствуется уже шаріятомъ и обращается къ тарикату. Это связано между собой, какъ причина и слѣдствіе. Какъ только между мусульманами является ка-

кая нибудь новость, подогрѣвающая религіозное усердіе, надъ шаріятомъ является тарикатъ.

Коренная разница между шаріятомъ и тарикатомъ та, что шаріятъ есть практическое примѣненіе исламизма къ потребностямъ общественной жизни, можно сказать — сдѣлка между религіей и дѣйствительностію. Тарикатъ же есть абсолютный выводъ изъ духа закона, ставяшій дѣйствительность ни во что. По шаріяту мусульманинъ можетъ какъ нибудь ужиться съ иновѣрцами; по тарикату это невозможно. Мусульманамъ буквально приказано покорить міръ и силой обратить невѣрныхъ. Къ послѣднему дню не должно существовать ни одного гяура на землѣ. Въ святыхъ мѣстахъ мусульманскихъ, гдѣ законъ соблюдается во всей чистотѣ, иновѣрецъ никогда не можетъ быть допущенъ, чтобъ не заразить дыханіемъ воздуха, въ которомъ молятся правовѣрные. Тарикатъ до сихъ поръ допустилъ одну только сдѣлку съ невѣрными и эта сдѣлка есть ничто болѣе, какъ плутовство фанатизма съ самимъ собою въ виду совершенной невозможности сдѣлать иначе. Завоевыя обширныя христіянскія области, мусульмане должны были по строгому смыслу вѣроученія, вырѣзать упорныхъ, несоглашавшихся принять послѣднее откровеніе; но въ такомъ случаѣ имъ доставалась бы пустыня. Чтобъ сохранить себѣ подданныхъ, завоеватели приняли слѣдующій исходъ; «свѣтъ истинной вѣры такъ силенъ, что гяуры, поживъ съ мусульманами, непремѣнно обратятся; для этого нуженъ наиболѣе годовой срокъ; позволили же имъ выкупить жизнь на годъ времени, а черезъ годъ они сами поймутъ свое заблужденіе». Въ слѣдующемъ году происходило тоже самое; — опять позволяли иновѣрцамъ выкупить голову на текущій 12-ти мѣсячный срокъ и т. д. Это подать гараджъ, выкупъ жизни невѣрными на наступившій годъ существуетъ во всѣхъ мусульманскихъ государствахъ, а въ Турціи составляетъ половину дохода. Ее платятъ независимо отъ всѣхъ прочихъ податей, за позволеніе жить. Въ старинныхъ мусульманскихъ государствахъ гараджъ отчасти утратилъ уже свой страшный первоначальный смыслъ и остается лишь какъ тяжелый налогъ, обремѣняющій всѣхъ не мусульманъ. *) Но вначалѣ онъ составлялъ и составляетъ

*) Не смотря на всѣ гатигюмаюны и уравненіе правъ турецкихъ подданныхъ, мусульмане и до сего дня продолжаютъ во всей имперіи поголовно собирать гараджъ съ христіянъ и жидовъ.

въ роду, гдѣ исламизмъ продолжаетъ еще расширяться, какъ въ Африкѣ, дѣйствительный выкупъ жизни на срокъ. Таковъ подлинный смыслъ тариката.

Мусульмане, живущіе подъ властію христіянскаго правительства, могутъ стать безопасными и смирными, какъ казанскіе татары, когда съ нихъ сгладились слѣды арабскаго образованія и отъ вѣры осталась одна обрядовая сторона. Но покуда они находятся въ общеніи съ мусульманскимъ міромъ, они будутъ покорствовать только въ виду неодолимой силы. Самые ревностные приверженцы русской власти изъ кавказскихъ мусульманъ, искренно желающіе сохранить спокойствіе, увѣщеваютъ народъ вотъ какими словами: «коранъ не велитъ каждому непремѣнно умирать за вѣру; коранъ позволяетъ повиноваться необходимости и жить съ невѣрными безъ газавата, если невѣрные гораздо сильнѣе; вы сами видите могущество русскихъ, можете ли вы съ нимъ управиться? живите же какъ разумные люди и исполняйте законъ, не думая о невозможномъ покуда газаватѣ. Это покуда, видимая пропорція русскихъ штыковъ къ горскимъ винтовкамъ, есть все, чего въ настоящее время можно требовать отъ благоразумныхъ мусульманъ; покуда есть выраженіе шаріята; но тарикатъ этого слова не допускаетъ. Коранъ говоритъ: одно движеніе головы мусульманина, выступившаго на газаватъ, составляетъ бо́льшую заслугу, чѣмъ цѣлая добродѣтельная жизнь святаго отшельника». Тарикатъ требуетъ отъ мусульманъ, чтобъ они умирали за вѣру, не считая противниковъ, иначе весь обрядъ и всѣ дѣла, молитва, посты, милостыни ничего не значатъ; по тарикату и безъ того молитва, совершаемая на землѣ покорствующей невѣрнымъ, не дѣйствительна. Смерть въ бою— эта высшая ступень рая; муллы же такъ умѣютъ описывать рай, что описаніе ихъ часто дѣйствуетъ на правовѣрныхъ какъ пріемъ опіума, въ чемъ мнѣ многіе сознавались. Какъ только въ мусульманскомъ краѣ распространяется какая нибудь религіозная новизна и начинаетъ подогрѣвать усердіе, за ней какъ, необходимое слѣдствіе, является на сцену исправительный тарикатъ; гдѣ проповѣдывается тарикатъ, тамъ не можетъ уже быть мира между нами и мусульманами. Примѣромъ тому можетъ служить слѣдующій эпизодъ:

Недавно шейхъ - Гаджи - Меметъ - Эфенди вывезъ изъ Медины «бейтъ» (стихъ), написанный на поляхъ старинной,

рукописи рукою древняго и знаменитаго шейха Чархи, слѣдующаго содержанія: «Кто останется въ живыхъ, тотъ увидитъ «какъ власть имама будетъ торжествовать». Арабскія буквы, какъ славянскія, имѣютъ также значеніе цифръ; подбирая первыя буквы стиха, выходитъ 1280 (1863 годъ). Гаджи-Меметъ объѣхалъ съ этимъ стихомъ Кавказъ и Закавказье. Съ ранней весны мюридовъ уже извѣстили о готовящейся всемірной смутѣ и они не хотѣли начинать дѣйствій пока обстоятельства не выкажутся рѣзче, но бейтъ Чархи сбилъ ихъ съ толку.—Прежде они рѣшились испытать счастіе одни, возмущеніе Гаджи Муртуза, одновременно съ которымъ должна была подняться вся мусульманская страна отъ Дербенда до Аракса и до воротъ Тифлиса, какъ это ни странно сказать, было вызвано откопаннымъ въ старой рукописи стихомъ шейха Чархи.

Надобно сказать, что мусульманскія правительства также боятся тариката. Эта часть ученія, эсенція всего ислама вѣруетъ въ законность только первыхъ временъ халифата, отвергаетъ всякую свѣтскую и особенно наслѣдственную власть, всякія подати, кромѣ установленныхъ въ пользу вѣры—хумса и зеката, признаетъ право управленія за одной духовной іерархіей, во главѣ которой долженъ стоять имамъ, посредникъ между Богомъ и вѣрующими. Тарикатъ отвергаетъ въ общественной жизни все постороннее, не имѣющее корней въ словѣ откровенія; онъ преслѣдуетъ на смерть высшіе классы. Когда мюридизмъ сталъ распространяться въ горахъ, послѣдователи его систематически вырѣзывали высшее сословіе и даже простыхъ людей, если они въ чемъ нибудь стояли надъ уровнемъ толпы. Въ тарикатѣ соединяются всѣ зажигательныя идеи въ мірѣ, онъ проповѣдуетъ вмѣстѣ и варѳоломееву ночь и 1793-й годъ.

Зикра или зикиръ, давно существовала на Кавказѣ, какъ обрядъ религіи, въ которомъ многіе упражнялись, не составляя никакой особенной секты. Первымъ учителемъ систематическаго зикира былъ кажется извѣстный Исмаилъ Эффенди Ширванскій. Къ нему пріѣзжали учиться основатели кавказскаго мюридизма—Магометъ Казій-Кюринскій и знаменитый Кави-Мулла. Подъ руководствомъ этихъ учителей зикиръ сталъ сектой *) Каждый послѣдователь зикира долженъ былъ прого-

*) Набожные люди заживо рыли себѣ могилу и молились надъ ней.

ворить въ день 6 тысячъ разъ: Ля-Илляге и проч., и столько же разъ прочитать особую молитву. Отъ такого упражненія, разсказывалъ мнѣ недавно одинъ ученый мулла, эти люди сходили съ ума, всякій день умирали и уже не боялись смерти. Мулла прибавилъ, что и онъ въ молодости поѣхалъ въ Дагестанъ учиться этой наукѣ, но сколько ни твердилъ «Ля Илляге, все не сходилъ съ ума и не переставалъ бояться смерти; изъ чего онъ заключилъ, что или наука вздоръ, или онъ такой грѣшный человѣкъ, что она на него не дѣйствуетъ, и бросилъ ученіе. Послѣдователи зикира держались въ то время тариката Накшубанта, древняго учителя самаго смѣлаго въ своихъ выводахъ; они прибавили къ этому ученію много еще своего. При Шамилѣ, наконецъ, два человѣка Джемалъ Эддинъ кавказскій святой, и бѣглый кубанскій Мулла Гаджи Алискеръ, выработали изъ этихъ матеріяловъ новый тарикатъ, полный и стройный, самый строгій для послѣдователей, исполненный ненависти и самый поджигательный изо всѣхъ до нынѣ существовавшихъ. Эти два человѣка были въ горахъ въ родѣ настоятелей всѣхъ полныхъ послѣдователей зикира, т. е. зикира съ джазмой, съ обморокомъ, составлявшихъ особый кружокъ даже между мюридами.

Съ паденіемъ Шамиля исчезъ и зикиръ, по крайней мѣрѣ изъ публичнаго преподаванія; многіе держались его въ тайнѣ. Въ 1860-мъ году внесена была на Кавказѣ новая проповѣдь зикира съ усовершенствованіями и сопряженнаго съ нею шамилевскаго тариката. Она быстро охватила мусульманскія земли, Первымъ слѣдствіемъ ея былъ всеобщій вопль о переселеніи въ Турцію. Съ тѣхъ поръ проповѣдь, работавшая тайно, вышла наружу, такъ что теперь въ Чечнѣ, Андійскомъ округѣ, Южномъ Дагестанѣ, Закатальскомъ округѣ и кажется во всемъ суннитскомъ населеніи Закавказья въ простомъ зикирѣ, т. е. пѣніи Ля-Илляге, упражняется огромное большинство; джазма, священный обморокъ достигается только посвященными, которые управляютъ всѣмъ движеніемъ.

Усовершенствованіе, привезенное въ край новымъ зикиромъ, состоитъ въ прыганьи, такъ что нынѣшнихъ зикристовъ можно назвать мусульманскими прыгунами, какъ есть русскіе прыгуны между раскольниками. Совершивъ вечерній достамазъ (омовеніе) и намазъ, люди садятся въ кружокъ, локоть къ локтю, и говорятъ вмѣстѣ речитативомъ, «Ля Илляге Ля Алла, Муха-

медъ ресуль Алла, махая головою въ обѣ стороны и подергивая плечами; наконецъ они начинаютъ подпрыгивать все въ той же позѣ, поджавъ подъ себя колѣни; есть такіе искусники, которые умудрились прыгать, въ такомъ неловкомъ положеніи, на аршинъ высоты. Когда зикристы начинаютъ прыгать, они кричать уже не Ля Илляге, а «Эй Алла, эй Алла», какъ можно скорѣе и громче. Во все время зикира мысль упражняющагося должна быть сосредоточена на Аллахѣ и его 99-ти могуществахъ (свойствахъ), онъ долженъ также вспоминать имена 24-хъ пегамбаровъ (великихъ святыхъ), не останавливая на нихъ мысли, такъ чтобъ они только скользили въ головѣ; все же существо должно быть приковано къ имени Аллаха, Если человѣкъ съумѣлъ сосредоточиться какъ слѣдуетъ, то результатомъ упражненія долженъ быть полный обморокъ (джазма); тогда, значитъ молитва его принята. Если онъ не можетъ достигнуть такой высокой степени, то онъ старается, по крайней мѣрѣ, прійти въ одуреніе, и точно: есть отъ чего. Люди же самые простые просто поютъ зикиръ безъ послѣдствій.

Сколько я ни разспрашивалъ, мнѣ отвѣчали, что обыкновенно видѣній при этомъ не бываетъ, развѣ у немногихъ, очень святыхъ людей. Оснакожъ всѣ признаютъ, что джазма есть соединеніе съ Богомъ. Нѣкоторые зикристы говорятъ: мы прыгаемъ послѣ намаза въ наказаніе себѣ за грѣхи; когда съ нами дѣлается обморокъ, мы считаемъ себя очищенными.

Люди, вдавшіеся въ зикру до джазмы, ведутъ очень строгую жизнь. Они должны молиться гораздо болѣе, чѣмъ предписываетъ законъ; кромѣ пяти намазовъ, они читаютъ еще особыя молитвы и всякій день, или черезъ день, чаще или рѣже, по нѣскольку часовъ сряду, вечеромъ выдѣлываютъ зикиръ. Эти люди, кромѣ уруджа, обыкновеннаго мусульманскаго поста, держатъ постъ еще нѣсколько разъ въ годъ (мусульманскій постъ состоитъ не въ воздержаніи отъ какой либо пищи, но въ томъ, что не ѣдятъ и не пьютъ ничего отъ восхода до заката солнца). Кромѣ того зикристамъ нельзя ѣсть ничего чужаго *). Они не могутъ отвѣдать даже овощей съ чужаго огорода; должны непремѣнно имѣть все свое. Имъ воспрещается сыръ по двумъ причинамъ: во первыхъ, послѣ сыра хочется

*) Запрещеніе это снимается во время газавата, какъ и посты. Все взятое съ боя отъ невѣрныхъ разрѣшается.

пить, а лишнее питье отягощаетъ людей и мѣшаетъ имъ прыгать; во вторыхъ, сыръ дѣлаютъ изъ молока общаго стада, и потомъ дѣлятъ по числу овецъ или коровъ, принадлежащихъ каждому; слѣдовательно въ сырѣ есть чужое молоко. Какъ мюриды, они считаютъ грѣхомъ курить.

Многіе мусульманскіе духовные не соглашаются съ зикристами. Хотя всѣ они дѣлаютъ зикиръ про себя, но публичное распространеніе его, въ той напряжонности упражненія, до которой другіе стараются его довести, они считаютъ скандаломъ. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ муллъ, но въ очень маломъ числѣ, держатся мнѣній старинныхъ противниковъ зикира, которые различали два рода его: зикиръ простой, пѣніе «Ля Илляге» считаютъ благочестивымъ упражненіемъ; зикиръ же съ прыганьемъ и джазмой, куда относятся также вертящіеся дервиши, считаютъ такимъ грѣхомъ, что нельзя даже сѣсть на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ упражняющійся въ джазмѣ, не срывъ предварительно земли. Есть люди, которые говорятъ, что джазма ничто больше какъ обманъ, святотатственное шарлатанство, что джазма послѣ усиленной молитвы можетъ случиться, но что въ этомъ случаѣ она есть восхищеніе души къ Богу, т. е. смертельная. Такія мнѣнія точно были выражаемы въ старину; но теперь, когда ихъ высказываютъ русскимъ, онѣ кажутся мнѣ только отводомъ глазъ, чтобъ мы не раскапывали этого дѣла. Муллы и учителя всѣ зикристы, по крайней мѣрѣ девять десятыхъ изъ нихъ зикристы. Недавно одинъ умный и почетный Джарелъ говорилъ мнѣ: покуда не повѣсятъ или не выгонятъ нашихъ муллъ, ничего хорошаго не будетъ; всѣ они враги ваши и всѣхъ спокойныхъ людей, всѣ они поджигатели народа *).

Истинные и опасные зикристы только тѣ, которые доводятъ зикиръ до джазмы. Всѣ они сформированы въ особые тайные кружки, подъ предводительствомъ самыхъ рьяныхъ учителей; всѣ считаютъ первою обязанностію изученіе и распространеніе тариката. Каждый кружокъ джазмистовъ есть ложа заговорщиковъ, выжидающая для дѣйствія только удобной минуты.

---

*) Какъ увѣряютъ здѣсь, зикра распространена особенно сильно въ Шеки и Ширвани. Когда здѣшнихъ муллъ спрашиваютъ о зикрѣ, они говорятъ. узнайте въ Нухѣ, узнайте въ Шемахѣ, тамъ главные учителя.

Въ первое время русскаго владычества на Кавказѣ, мусульманскій фанатизмъ не былъ здѣсь организованъ и истощался во враждѣ суннистовъ съ шіями; въ горахъ господствовало совершеннѣйшее равнодушіе къ вѣрѣ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ разсѣянныя силы стали группироваться и явился мюридизмъ, надѣлавшій довольно бѣдъ. Стоитъ вспомнить, что въ 1855 году слишкомъ триста тысячъ солдатъ, стоившихъ столько же какъ 600 тыс. въ Россіи, были прикованы къ Кавказу. Мюридизмъ отнялъ у русской имперіи почти половину ея силъ. Какихъ трудовъ стоило подавить его? Теперь новая и еще худшая проповѣдь зикры и тариката опять разносится по Кавказу. Она обхватила уже горы съ юга и съ сѣвера. Если она не будетъ подавлена въ зародышѣ, можетъ выйти очень не хорошо.

Русская власть имѣетъ прямое оружіе противъ тариката— то, что онъ вовсе не обязателенъ для мусульманъ. Религіозный законъ позволяетъ имъ жить и спасать свои души по шаріяту, безъ мистическихъ тонкостей тариката. Когда мусульманскій законъ считаетъ тарикатъ и зикиръ не обязательными, то русскій законъ можетъ считать ихъ обязательно запрещенными, а затѣмъ преслѣдовать всякое нововведеніе въ мусульманскомъ обрядѣ и всякую проповѣдь тариката. Людей, которые будутъ нарушать это положеніе, немедленно высылать изъ края; строго смотрѣть также за бродягами, безпрестанно заѣзжающими въ мусульманскія области изъ Турціи.

Такое распоряженіе вѣроятно окажется дѣйствительнымъ, если будетъ исполняться. Но какъ сдѣлать, чтобъ оно исполнялось? Какія орудія употребить для этого? Надобно знать что дѣлается въ народѣ и умѣть во время прекратить вліяніе вредныхъ людей. Возложить присмотръ на земскую полицію, значило бы только обманывать себя и дать злу укорениться. Въ Терской области управляетъ не уѣздный начальникъ, а избранное и значительное лицо, а между тѣмъ дѣло это идетъ тамъ еще хуже, чѣмъ здѣсь. Я думаю, что только двѣ мѣры могутъ практически содѣйствовать искорененію зла. 1) Какъ временная мѣра—розысканіе и удаленіе изъ края распространителей тариката, уже предписанная высшею властію, но которая послѣ предварительнаго дознанія можетъ быть исполнена съ успѣхомъ только коммиссіей довѣренныхъ людей. 2) Какъ мѣра постоянная—іерархическое устройство мусульман-

скаго духовенства, соображенное съ потребностями русской власти, вещь еще не початая, кромѣ учрежденія ничтожнаго и безгласнаго тифлискаго мюфтія. При существующей нынѣ обстановкѣ управленія на Кавказѣ, только въ одной этой мѣрѣ я вижу возможную дѣйствительность. Данныхъ для развитія этой мысли покуда у меня еще недостаточно. Но когда я кончу предписанный мнѣ объѣздъ, я постараюсь представить въ общихъ чертахъ понятіе мое объ этомъ предметѣ.

Въ заключеніи укажу на вліяніе, которое шейхи имѣютъ на фанатическій народъ. Всего болѣе поразительно оно высказывается въ лицѣ шейха Гаджи Абди Эфенди. Онъ живетъ въ сел. Караджалы Бергушетскаго участка Нухинскаго уѣзда, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ганчайской станціи. Это весьма странный человѣкъ: Онъ былъ воромъ на большой дорогѣ, потомъ 3 года учился въ Турціи; несмотря на чрезвычайную строгость къ себѣ, предписываемую тарикатомъ, онъ ведетъ жизнь разгульную. Вокругъ него всегда свита изъ 150 вооруженныхъ мюридовъ; у него первая конюшня, первая соколиная охота и первый гаремъ въ губерніи. Онъ пользуется, — чего никогда еще не было видано отъ начала ислама,—всѣми мусульманскими женщинами въ краѣ по выбору; онѣ считаютъ святымъ дѣломъ провести съ нимъ ночь. Наружнымъ видомъ ш. Абди похожъ больше на персидскаго нукера, чѣмъ на сунитскаго шейха; недруги его, духовные, приписываютъ власть его договорамъ съ дьяволомъ; но самый фактъ этой необъяснимой власти не подлежитъ сомнѣнію. Вліяніе ш. Абди на своихъ приверженцевъ и на весь мусульманскій народъ таково, что я знаю въ исторіи одно только подобное явленіе: власть шейха гашишиновъ (le vieux de la montagne), который заставлялъ своихъ часовыхъ для показу передъ иностранцами бросаться внизъ съ семи-ярусной башни и вынудилъ мусульманскихъ государей и предводителей крестоносцевъ выкупать податью жизнь отъ кинжаловъ гашишинскихъ убійцъ, которые ставили собственную жизнь ни во что и отправлялись публично рѣзать людей, на которыхъ указалъ имъ шейхъ. Гашишинская секта была произведеніемъ того же тариката. Буквально тоже самое можетъ сдѣлать шейхъ Абди. Легко провѣрить на всемъ протяженіи мусульманскихъ уѣздовъ—слѣдующій фактъ: скажите встрѣчному татарину: кувырнись въ честь шейха Абди!—

онъ станетъ кувыркаться пока вы не уѣдете изъ его глазъ. Шейхъ Абди повсемѣстно считается пророкомъ и чудотворцемъ; первѣйшіе мюриды признаютъ его неограниченную власть *).

---

*) Въ распоряженіи его огромный и правильный сборъ духовной подати съ цѣлой губерніи, которую народъ представляетъ ему подъ видомъ пожертвованій. Всякую джуму собираются къ нему тысячи народа. Разъ или два въ мѣсяцъ онъ ѣздитъ на богомолье, бывающее rendez vous мюридовъ цѣлой страны.

ТОМЪ I.

ЧАСТЬ 2.

ЗАПИСКИ
О
КАВКАЗСКИХЪ ДѢЛАХЪ.

Изданіе В. В. Комарова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій, № 138—140.
1890.

Jeremiah Curtin.
Presented by the author.

Собраніе Сочиненій Р. А. Фадѣева.

ТОМЪ I.

ЧАСТЬ 2.

ЗАПИСКИ

О КАВКАЗСКИХЪ ДѢЛАХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій № 38—140.
1889.

ЗАПИСКИ О КАВКАЗСКИХЪ ДѢЛАХЪ.

СТРАТЕГИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ
ВОЕННАГО
КАВКАЗСКО-ТУРЕЦКАГО ТЕАТРА.

Всякій военный театръ, даже самый открытый, представляетъ дѣйствующимъ на немъ арміямъ естественныя операціонныя линіи, уклоненіе отъ которыхъ всегда сопряжено съ большими затрудненіями. Чѣмъ театръ войны пересѣченнѣе, тѣмъ операціонныя линія опредѣляются рѣже. Неизмѣнныя условія природы стѣсняютъ иногда расчеты полководца въ очень тѣсныя рамки и заставляютъ его неуклонно слѣдовать единственнымъ путемъ, устанавливаютъ, можно сказать, его этапы, независимо отъ всякихъ соображеній. Такая топографія края, естественно усиливаетъ до чрезвычайности положеніе обороняющагося, устраняя отъ него всякую неожиданность и заставляя наступающаго преодолѣвать съ лица каждое препятствіе, которое ему захотятъ противупоставить.

Страна, по которой пролегаетъ наша кавказо-турецкая граница, представляетъ въ высшей степени этотъ характеръ полной зависимости военныхъ дѣйствій отъ природы края. Небольшое число естественныхъ путей, прорѣзывающихъ ее и особенныя мѣстныя условія, опредѣляютъ постоянно, независимо отъ времени и силъ, направленіе каждой военной операціи. Горные хребты, пересѣкающіе эту страну по всѣмъ направленіямъ, не имѣютъ вовсе боковыхъ путей. Поперечныхъ сообщеній между главными линіями такъ мало и они такъ

неудобно-проходимы для войскъ, обремененныхъ артиллеріей и обозомъ, что каждый отрядъ, занимающій какой-либо отдѣльный военный пунктъ, имѣетъ и свой отдѣльный военный театръ и свое особое сообщеніе продовольственное и потому долженъ составлять по возможности независимое цѣлое. Разумѣется, при такихъ условіяхъ, на этой границѣ не можетъ существовать въ большомъ видѣ взаимнаго содѣйствія всѣхъ частей, образующихъ стратегическій фронтъ арміи; каждая часть должна быть достаточно сильна, чтобы обойтись во всякомъ случаѣ безъ посторонней помощи; а съ пораженіемъ одной изъ нихъ, непріятелю открывается прямой путь къ центру нашихъ владѣній,—путь, который другіе пограничные отряды не могутъ ему преградить. По этимъ причинамъ каждая изъ главныхъ линій сообщенія, выходящихъ на турецкую границу, должна быть занята отдѣльнымъ, самостоятельнымъ отрядомъ. Очевидно, что при такомъ положеніи вещей армія, дѣйствующая противъ Турціи со стороны Кавказа, необходимо бываетъ раздѣлена на нѣсколько частей относительно слабыхъ и безъ прямой связи между собою.

Параллельно большой кавказской цѣпи, тянется широкая гряда малаго Кавказа; горы, разграничивающія Грузію отъ Имеретіи, связываютъ ее съ большимъ Кавказомъ; въ прочихъ мѣстахъ она отдѣлена отъ него равнинами Куры и Ріона. Малый Кавказъ не хребетъ, но сѣть хребтовъ, образующихъ своими развѣтвленіями обширную горную страну; онъ раскидывается почти на 300 верстъ въ ширину, наполняя скалистыми хребтами, уступами, высокими и холодными горными плоскостями всю южную часть Закавказья и турецкую Арменію. Непосредственный театръ войны Россіи съ Турціей заключенъ весь въ этой горной странѣ и не выходитъ изъ ея предѣловъ.

Сѣть малаго Кавказа начинается собственно около Трапезонта и тянется вдоль моря до Батума. Эта часть ея, Лазистанъ, не имѣетъ другихъ сообщеній, кромѣ вьючныхъ тропинокъ; склоняется къ морю берегомъ, столь же мало приступнымъ, какъ и восточный берегъ Чернаго моря; и съ ЮЗ. стороны Закавказья ограждаетъ турецкія владѣнія непроходимымъ поясомъ скалъ и лѣсныхъ ущелій. Около Батума цѣпи малаго Кавказа удаляются отъ моря и развѣтвляясь образуютъ обширную съ затруднительными сообщеніями горную страну, заключающую въ себѣ большую часть Ахалцыхскаго уѣзда,

Аджарію, санджаки Ардanучскій, Ардаганскій и Чалдырскій. Отъ этой группы отдѣляется къ Сѣверу не столь высокая, обросшая густыми лѣсами гряда, подходитъ однимъ изъ своихъ побѣговъ къ самому Тифлису и загибаясь къ ЮВ. возвышается опять и широко раскидываясь въ стороны, покрываетъ большую часть пространства между Курой и Араксомъ, въ предѣлахъ уѣздовъ: Елизаветпольскаго, Ново-Баязетскаго, Нахичеванскаго, Ордубатскаго и Шушинскаго. Центральнымъ пунктомъ этихъ горъ можно считать истокъ рѣки Акстафи, вправо отъ котораго лежитъ обширный бассейнъ озера Гокчи, а влѣво отдѣляются Бомбакскія горы и высокая цѣпь, которая, подъ названіями Безабдала, мокрыхъ горъ, Ляхи, Джвари и Тріалетъ, опоясываетъ съ Юга возвышенныя долины: Лорійскую и Цалкинскую и примыкаетъ къ сѣверной цѣпи у мѣста исхода ея изъ описанной уже обширной горной страны, составлявшей прежде Ахалцыхскій пашалыкъ. Изъ этой же Ахалцыхской группы, отъ границъ Чалдырскаго санджака, отдѣляется широкая, разбитая неправильными грядами и лѣсистая цѣпь Сагандуга, опоясывающая Карскій пашалыкъ съ восточной и южной стороны гдѣ, пересѣченная русломъ Аракса, она соединяется съ горами Араратскими; другая отрасль ея, прорѣзанная Эфратомъ, связывается съ горами, отдѣляющими Баязетскій пашалыкъ отъ Ванскаго и Эрзерумскій отъ Мушскаго. Снѣжная громада Алагеза высится между Бомбакскимъ хребтомъ и отрогомъ Арарата, замыкая горный поясъ, образуемый Ахалцыхской группой, Тріалетами, Безобдаломъ, Бомбакомъ, отрогомъ Арарата и Сагандугомъ. Посреди этого кольцеобразнаго пояса разстилается высокая плоскость, поднятая на 4. т. футовъ, средней мѣрой, надъ моремъ, холодная, безлѣсная, плодородная, очень волнистая, прорѣзанная глубокими скалистыми оврагами и покрытая въ разныхъ направленіяхъ, средней высоты земляными горами. Эта обширная долина и для насъ и для турокъ, составляетъ постоянную житницу, откуда получаются главные запасы хлѣба для войскъ. Она обнимаетъ Александропольскій уѣздъ, Ахалкалакскій участокъ и Карскій пашалыкъ,

За Сагандугскимъ хребтомъ, между отрогами мало-азійскихъ цѣпей и горной группой Ахалцыхскою, простирается высокая плоскость того же самаго характера и начинаетъ те-

рять его, уже за Эрзерумомъ, склоняясь уступами на Югъ къ болѣе низменнымъ равнинамъ.

Алагезъ замыкаетъ съ Ю. В. собственно горную страну Закавказья; между нимъ, Гокчайскими горами и Араратомъ, лежитъ обширная и низменная Эриванская котловина, безлѣсная, плодородная только при орошеніи, жаркая и лихорадочная. Баязетскій пашалыкъ, отдѣляющійся отъ нея араратскою цѣпью, составляетъ собственно, одну узкую долину, окаймленную высокими горами, каменистъ и мало воздѣланъ.

Самая западная часть закавказскаго края представляетъ совсѣмъ другой характеръ: цѣпи большаго и малаго Кавказа, раздвигаясь, первый къ С. З., а второй къ Ю. З., даютъ между собою мѣсто низкой и теплой Имеретинской равнинѣ, имѣющей видъ треугольника, основаніе котораго лежитъ по морскому берегу, отъ границъ Абхазіи до Батума, а вершина въ Кутаисѣ, построенномъ около мѣста, гдѣ Ріонъ выбѣгаетъ изъ предгорій. Западная равнина почти вездѣ болотиста и покрыта едва проходимымъ лѣсомъ, въ которомъ только для пашенъ расчищены просѣки. Она прорѣзана множествомъ рѣчекъ, сильно разливающихся въ дождливое время; тогда вся почва равнины превращается еъ топь. Морской берегъ почти вездѣ плоскій и во многихъ мѣстахъ только груды песка, нанесеннаго прибоемъ, защищаютъ прибрежныя земли отъ затопленія. Климатъ на всей равнинѣ, особенно въ приморскихъ мѣстахъ, не здоровъ и въ нѣкоторые мѣсяцы гибеленъ. Западная равнина заключаетъ въ себѣ уѣзды Кутаискій и Озургетскій, Самурзаканъ, низменную часть Мингреліи и санджакъ Кобулетскій.

Наша кавказско-турецкая граница, съ берега чернаго моря, начинается устьемъ рѣчки Чалаха, на которомъ построенъ Николаевскій карантинъ и слѣдуетъ за извилинами этой рѣчки до выхода ея изъ горъ, верстъ на 20, отрѣзывая къ Турціи ЮЗ. уголъ Имеретинской равнины. Въ этой части она всегда проходима. Отъ истока Чалаха до предѣловъ Ахалцыхскаго уѣзда, граница идетъ по хребту, отдѣляющему Гурію отъ Аджаріи и для отряда можетъ считаться вовсе непроходимой. Ахалцыхскій уѣздъ не раздѣленъ съ Турціей природной границей; онъ составляетъ только сѣверную часть бывшаго Ахалцыхскаго пашалыка, отрѣзанную отъ него по Адріонопольскому трактату въ 1829 г., линіей, проходящей по извѣст-

нымъ вершинамъ и ущельямъ, горы Ахалцыхскія и Ардаганскія составляютъ одну общую группу, движеніе по которой съ обозомъ и артиллеріей возможно, но очень затруднительно. Александропольскій уѣздъ имѣетъ со стороны Турціи природную границу, рѣку Арпагай, перерѣзывающую описанную нами большую горную плоскость. Это наши ворота въ Азіятскую Турцію; доступъ въ нее черезъ Арпачай всегда открытъ намъ, и зимой, и лѣтомъ, независимо отъ средствъ продовольствія, на которыя время года имѣетъ большое вліяніе, какъ увидимъ ниже. Наконецъ отъ сліянія Арпачая съ Араксомъ, намъ служитъ границей отрогъ Арарата, высокій и крутой; сообщеніе черезъ него довольно удобно лѣтомъ, но зимой и въ слякоть почти прекращается. За Араратомъ начинается уже Персія.

Главное основаніе нашихъ военныхъ дѣйствій въ Закавказскомъ краѣ, въ какую бы сторону онѣ не направлялись,— Тифлисъ. Кромѣ того, что владѣніе этимъ городомъ рѣшаетъ дѣйствительное владѣніе краемъ. что онъ есть главный складочный пунктъ нашихъ матеріальныхъ средствъ; но кромѣ того, и въ чисто стратегическомъ отношеніи, Тифлисъ есть центральная точка, откуда военно-грузинская дорога, главный путь сообщенія Закавказья съ Россіей, разбѣгается лучами по всѣмъ границамъ края. Между многими, даже пограничными частями Закавказья, сообщеніе существуетъ только чрезъ Тифлисъ. Непріятель, грозящій Тифлису, одинаково грозенъ для всѣхъ нашихъ отрядовъ за Кавказомъ, разъединяя ихъ и отрѣзывая имъ сообщеніе съ Россіей. По этому не только прямое, но и косвенное охраненіе Тифлиса отрядами, запирающими устье, ведущихъ къ нему съ границы дорогъ, становится первою стратегическою необходимостію. При затруднительности поперечныхъ сообщеній, всякій отрядъ долженъ быть, по возможности, самостоятельнымъ. Такимъ образомъ, выходъ каждой Тифлисской дорогѣ къ границѣ, становится отдѣльнымъ военнымъ театромъ, очень мало зависящимъ отъ другихъ; и вслѣдствіе того, каждый пунктъ, гдѣ граница пересѣкается тифлисской дорогой, или мѣсто близкое къ этому пункту, требуютъ особой крѣпости, которая могла бы служить опорной точкой дѣйствующему тутъ отряду. По этой же причинѣ, каждой изъ нашихъ пограничныхъ крѣпостей противупоставлена турецкая, лежащая противъ нея по продолженію пути. Если не всѣ турецкіе города, соотвѣтствующіе этимъ пунктамъ, укрѣплены какъ слѣ-

дуетъ, то это потому, что въ Турціи воля правительства исполняется только тамъ, гдѣ ее не возможно не исполнить; тѣмъ не менѣе, эти города считаются въ Турціи крѣпостями. Наконецъ, отъ всѣхъ нихъ, дороги сходятся въ Эрзерумѣ, лежащемъ между долиною Аракса и сѣверными истоками Эфрата. Этотъ городъ для турецкой Арменіи, такой же центральный и рѣшительный пунктъ, какъ Тифлисъ для Закавказья.

Изъ Тифлиса къ турецкой границѣ ведутъ пять дорогъ: Озургетская, которую можно назвать Имеретинской, Ахалцыхская, Ахалкалакская, Александропольская и Эриванская. Эти дороги приводятъ къ четыремъ турецкимъ городамъ: Батуму, Ардагану, Карсу и Баязету.

I. Имеретинская дорога идетъ отъ Тифлиса до Сурама на разстояніи 1206 верстъ по долинѣ Куры и на этомъ пространствѣ хороша, какъ обыкновенная почтовая дорога. Но съ Сурама начинается перевалъ черезъ хребетъ (соединяющій большой Кавказъ съ малымъ) и на протяженіи трехъ переходовъ, до Квирильской станціи, тянется черезъ горы. Эта часть дороги, при дождяхъ, осенью и зимой расплывается въ непроходимую грязь, въ которой повозки, лошади и даже пѣшеходы тонутъ на каждомъ шагу. Въ это время, движеніе войскъ становится здѣсь чрезвычайно затруднительно, а перевозка артиллеріи и транспортовъ, иногда невозможна, иначе какъ на людяхъ. Въ дождливую зиму, препятствіе въ сообщеніяхъ, можно сказать, отрѣзываетъ Имеретію отъ остальнаго края. У Квирильской станціи дорога спускается въ долину рѣчки Квирилы и идетъ по ней почти до Кутаиса. Отъ Кутаиса она тянется у подошвы предгорій до р. Цхенисъ-цхали, и потомъ спускается по ея долинѣ до Марани. Тутъ дорога раздѣляется: одна переходитъ черезъ Цхенисъ-цхали и идетъ къ рѣкѣ Хони, гдѣ она развѣтвляется опять и направляется къ западу въ Редутъ-кале и къ сѣверо-востоку черезъ рѣку Ингуръ, въ Абхазію. Другая дорога лежитъ изъ Марани къ Илори, гдѣ находится переправа черезъ р. Ріонъ, и оттуда по низменнымъ равнинамъ Гуріи, къ Озургетамъ. Обѣ дороги и абхазная и гурійская, одинаково не удобны; онѣ идутъ по болотистой почвѣ и перерѣзаны множествомъ рѣчекъ, стремящихся изъ горъ. При дождяхъ, земля разбухаетъ въ тину, рѣчки разливаются и требуютъ устройства переправъ или мостовъ на каждомъ шагу.

Изъ Озергетъ двѣ дороги ведутъ къ Батуму, одна чрезъ Николаевскій карантинъ и оттуда узкимъ морскимъ берегомъ, между грядами начинающихъ скалъ, къ нависшему надъ ней замку Кинстригиле, другая прямо изъ Озургетъ, черезъ Чалахъ, нѣсколько верстъ выше устья и обходя замокъ Кинстриши, выходитъ южнѣе его на первую дорогу; оттуда соединяясь, путь идетъ по морскому берегу до Батума, гдѣ кончается сухопутное сообщеніе; далѣе ничего нѣтъ кромѣ вьючныхъ тропинокъ. Разстояніе между Николаевскимъ карантиномъ и Батумомъ около 28 верстъ.

2. Дорога ахалцынская отдѣляется отъ имиритинской въ Сурамѣ и подымается вверхъ по Курѣ, слѣдуя по лѣвому берегу ея черезъ тѣсное лѣсное Боржомское ущелье, почти вплоть до Ахалцыха; только въ 7-ми верстахъ отъ этой крѣпости начинается подъемъ къ ней съ берега Куры. При суровомъ климатѣ и ранней зимѣ этого края, во время гололедицъ, перевозъ тяжестей по ней бываетъ иногда затруднительнымъ. Ахалцыхъ лежитъ въ 14 вер. отъ границы; Ардаганъ находится отъ него 70 верстъ по прямому пути, подымающемуся къ истоку Посховъ-чая, а оттуда переваливающемуся черезъ горы. Но этотъ прямой путь мало разработанъ, и полевую артиллерію приходится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перевозить на людяхъ.

3. Ахалкалакская дорога ведетъ черезъ Манглисъ, или черезъ Бѣлый ключъ, по гористой и лѣсистой мѣстности, и соединяясь, взбирается на высокую и голую плоскость Цалкскаго округа; тамъ раздѣляясь снова, мимо озера Табисцхури, или мимо озера Топоравани, приводитъ въ крѣпость Ахалкалаки. Эта дорога почти не разработана, состоитъ вся изъ чрезвычайно крутыхъ и каменистыхъ подъемовъ и спусковъ и становится не проѣздной, какъ скоро забушуютъ мятели, очень раннія въ этой холодной сторонѣ. Но это самый близкій путь отъ границы Турціи къ Тифлису: отъ границы до Ахалакъ 27 верстъ и отъ Ахалкалакъ до Тифлиса 143 версты, всего 170 верстъ; это одно только и придаетъ ему важность. Изъ Ахалкалакъ выходитъ лучшая военная дорога отъ нашихъ предѣловъ къ Ардагану. Она огибаетъ озеро Хазапинъ и оттуда тянется по правову склону горъ, спирающихъ теченіе Куры. Обѣ дороги, ахалцыхская и ахалкалакская, сходятся въ этомъ пунктѣ; но только послѣдняя, хоть гористая и мало разработанная, позво-

ляетъ безпрепятственно перейти границу съ полевой артиллеріей. Съ октября по апрѣль, дороги Ардаганскаго пашалыка завалены снѣгомъ и непроходимы.

4. Въ Александрополь изъ Тифлиса ведутъ три дороги; но войска слѣдуютъ обыкновенно только по двумъ: черезъ Делижанъ и черезъ Безабдалъ. Первая, почтовая, отдѣляется въ Акстафинской станціи отъ большой шемахинской дороги. главнаго поперечнаго пути Закавказскаго края и подымается по лѣвому берегу рѣчки Акстафы, черезъ Делижанское ущелье. до деревни Делижана. Здѣсь она раздѣляется: одна вѣтвь идетъ на Эривань, другая, поворачивая прямо на З., продолжаетъ подыматься къ истоку рѣчки Гамзачемана, круто спускается съ этого высокаго мѣста, подымается опять по рѣкѣ Бамбаку и переваливщись черезъ Амамлинскую и Джурджурскую горы, выходитъ на плоскость въ 15 верстъ отъ Александрополя. Дорога эта самая лучшая, но и самая длинная изъ всѣхъ, послѣ имеретинской, сообщающихъ Тифлисъ съ турецкой границей. Разстояніе ея 275 верстъ. Кромѣ гололедицъ и мятелей на Амамлинской и Джурджурской горахъ, на разстояніи не болѣе 25 верстъ, на ней не бываетъ другихъ препятствій ни въ какое время года. Потому войска и отправляютси преимущественно по ней.

Вторая дорога изъ Тифлиса въ Александрополь отдѣляется отъ большой при переходѣ рѣчки Алгеуки и черезъ бродъ на храмѣ, ведетъ въ сел. Шулаверы; оттуда, по тѣсному, каменистому и лѣсному ущелью къ Волчьимъ воротамъ, выходящимъ на Лорійскую равнину къ военному поселенію Джелалъ-Оглу. Съ плоскости она подымается на Безабдалъ труднымъ и высокимъ переваломъ и выходитъ на почтовую дорогу въ Кишлякѣ въ 58 верстъ отъ Александрополя. Все протяженіе этой дороги 173 верстъ. Эта дорога была прежде главною. Но Бозобдальскій перевалъ тяжелый для повозокъ и лѣтомъ, а зимой, во время гололедицы и мятелей, почти непроходимый, заставилъ предпочесть болѣе длинное сообщеніе на Делижанъ. Изъ Джелалъ-Оглу на Александрополь есть еще другая дорога на Сѣверъ отъ этой, черезъ мокрыя горы. Она выходитъ на Арпачай нѣсколько верстъ выше Александрополя и лѣтомъ не представляетъ никакихъ затрудненій при перевалѣ, менѣе каменистомъ и болѣе отлогомъ, чѣмъ Безобдальскій. Но зимой

страшныя вьюги въ мѣстахъ совершенно не заселенныхъ, дѣлаютъ его опаснымъ.

Третья дорога къ Александрополю отдѣляется въ сел. Цынцкаро отъ ведущей въ Бѣлый ключъ, идетъ къ Квешамъ и оттуда по ущелью къ Башкичету, а отъ Башкичета черезъ Лорійскую равнину къ мокрымъ горамъ и соединяется съ предъидущей. Но эта дорога, какъ совершенно не разработанная, не служитъ никогда военнымъ путемъ.

Всѣ эти три дороги сходятся къ Александрополю, который замыкаетъ ихъ со стороны Турціи, такъ что непріятель не можетъ овладѣть собственно одной изъ нихъ; потому, въ стратегическомъ отношеніи ихъ можно считать развѣтвленіями одной и той же дороги.

Открытыя, хотя и волнистыя поля, растилающіяся за Арпачаемъ, позволяютъ двигаться изъ Александрополя къ Карсу по нѣсколькимъ дорогамъ, близко отстоящимъ одна отъ другой; поперечное сообщеніе между ними довольно ровно. Изъ Александрополя къ р. Карсъ-чаю, пересѣкающей всѣ эти пути, ведутъ нѣсколько дорогъ; отъ Карсъ-чая къ г. Карсу двѣ главныя дороги: одна на Халивъ-оглу, другая на Суботанъ, Хаджи Вали и Визанковъ. Въ Карсѣ всѣ дороги сходятся и эта крѣпость, составляя опорный пунктъ турокъ на равнинѣ, запираетъ выходъ изъ Саганлугскихъ горъ, по эрзерумской дорогѣ.

Отъ нашей границы ведетъ въ Эрзерумъ только одна большая и удобопроходимая дорога, черезъ Карсъ. Она поднимается отъ Карса и 3 перехода, идетъ черезъ очень пересѣченную горную и лѣсистую мѣстность Саганлугскаго хребта. Оттуда выходитъ къ Араксу на открытыя и волнистыя поля, подобныя карскимъ. Изъ Ардагана, черезъ горную страну, окружающую его, ведетъ въ Эрзерумъ только вьючная тропа.

5. Дорога изъ Тифлиса въ Эривань отдѣляется отъ большой александропольской дороги въ Делижанѣ, переваливается въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда черезъ хребетъ и обогнувъ озеро Гокчу, длиннымъ и отлогимъ спускомъ въ 60 верстъ, сводитъ на равнину, у сѣвернаго края котораго лежитъ Эривань. Оттуда, уже по совершенно ровнымъ мѣстамъ она идетъ къ Араксу, на которомъ устроенъ паромъ и существуетъ много бродовъ; и отъ этой рѣки, все еще по равнинѣ, направляется къ подножію горы Чангыль, возлѣ самаго Арарата. Съ Чангыльскаго перевала она спускается прямо въ Баязетъ.

Эти 5 дорогъ единственные наши выходы въ Турцію и единственные входы для турокъ въ сердце Закавказья, пробитые природою и искусствомъ, какъ коридоры, сквозь каменныя глыбы малаго Кавказа. Для одиночныхъ всадниковъ, на привычныхъ лошадяхъ, существуетъ много горныхъ тропинокъ; онѣ могутъ служить для какого нибудь отчаяннаго партизанскаго предпріятія, но для колонны непроходимы. Вблизи же отъ главныхъ дорогъ не существуетъ даже параллельныхъ тропинокъ; на большей части своего протяженія дороги тянутся или по дну глубокихъ долинъ, или по самому острію хребта, или продѣланы искусственно на крутой покатости горъ; въ первомъ случаѣ надъ ними недосягаемые утесы, въ послѣднихъ—подъ ними пропасть. Колонна можетъ идти только отдѣленіями.

При этой изолированности военныхъ дорогъ, для нихъ существуютъ, на всемъ театрѣ войны, только два поперечныя сообщенія, принимая за театръ войны даже весь Закавказскій край. Одно поперечное сообщеніе, главное, которое вмѣстѣ съ военно-грузинской дорогой составляетъ артерію Закавказья, прорѣзываетъ его во всю ширину, отъ Каспійскаго моря черезъ Шемаху, Елисаветполь, Тифлисъ и Кутаисъ до Чернаго моря. Часть его, которая составляетъ также одно изъ 5 сообщеній Тифлиса съ Турецкой границей,—имеретинскую дорогу, мы уже описали.

Другой поперечный путь лежитъ по самой границѣ. Онъ идетъ отъ Эривани черезъ Эчміадзинъ и Сардаръ-Абадъ, по равнинѣ къ южной окраинѣ Алагеза, подымается по этой окраинѣ къ Талыни и выходитъ на высокую Александропольскую плоскость, вблизи отъ города. Дорога здѣсь вездѣ хороша, но отъ Сардаръ-Абада лежитъ въ мѣстахъ совершенно не заселенныхъ, гдѣ находятся однѣ куртинскія кочевья, и частію безводныхъ. Сильныя мятели въ пустынныхъ мѣстахъ зимой и недостатокъ воды знойнымъ лѣтомъ, составляютъ неудобства этой дороги. Есть еще другое сообщеніе между Эриванью и Александрополемъ: по самому берегу Арпачая, составляющаго границу и заселеннаго частыми деревнями. Здѣсь неудобства пустынности и безводія устранены; но если непріятель еще не разбитъ и не отброшенъ отъ границы, то войска должны проходить по этой дорогѣ прямо передъ его глазами.

Далѣе отъ Александрополя дорога идетъ вверхъ по Арпачаю до Казанчинскаго поста и оттуда длиннымъ и крутымъ

подъемомъ взбирается на горы Духоборіи (такъ называется Ю. В. часть Ахалкалакскаго участка, по основаннымъ въ ней поселеніямъ раскольниковъ изъ секты духоборцевъ) и черезъ эту высокую и чрезвычайно холодную страну, мимо озеръ Мадатапа и Ханчалы, приводитъ въ Ахалкалаки. Изъ Ахалкалакъ она идетъ въ Ахалцыхъ по горамъ и развѣтвляется одна вѣтвь (большая дорога) спускается къ Ацхуру, гдѣ устроенъ черезъ Куру мостъ и выводитъ на почтовую тифлисскую дорогу въ 20 вер. отъ Ахалцыха. Другая переходитъ Куру въ Атцхелѣ и приводитъ въ Ахалцыхъ съ южной стороны.

Сообщеніе здѣсь не затруднительно для войскъ, необремененныхъ артиллеріей и обозомъ, но для тяжестей, хотя этотъ путь и возможенъ, однакожъ огромная высота крутыхъ и каменистыхъ подъемовъ составляетъ значительное препятствіе. А суровый климатъ Духоборіи и даже всего Ахалкалакскаго участка, глубокіе снѣга и сильныя вьюги съ странѣ, гдѣ сани мало извѣстны, съ первыхъ чиселъ Октября почти прерываютъ сообщеніе.

Эта большая пограничная дорога, связывающая Эривань, Александрополь, Ахалкалаки и Ахалцыхъ—Ахалцыхомъ и кончается. Черезъ высокія, обрывистыя и покрытыя дремучимъ лѣсомъ горы, отдѣляющія Ахалцыхскій уѣздъ отъ Гуріи и Имеретіи, нѣтъ никакой дороги. Чтобы пройти изъ Ахалцыха въ смежную Гурію, нужно спуститься по Боржомскому ущелью къ Сураму и выйдя на большую имеретинскую дорогу, обогнуть черезъ Кутаисъ весь хребетъ.

Черезъ сопредѣльные намъ турецкіе пашалыки также тянутся два поперечные пути. Первый, паралельный нашей границѣ, выходитъ изъ Батума вьючной тропинкой, вьется по ущельямъ Аджаріи и у истоковъ Посховъ-Чая, близко отъ нашей границы, выходитъ на дорогу изъ Ахалцыха въ Ардаганъ. Эта часть его совсѣмъ не проходима для полевой артиллеріи и повозокъ. Отъ Ардагана онъ поворачиваетъ на Ю. З., становится проходимымъ, и переваливпись черезъ Саганлугскій хребетъ, выходитъ на карскую плоскость у озера Айгыръ-Гёль. Изъ Карса онъ идетъ черезъ меньшія уже земляныя горы на Кагызманъ, переходитъ черезъ Араксъ и послѣ новаго перевала, спускается въ Эфратскую долину и подымаясь по ней приводитъ въ Баязетъ, связывая этотъ городъ съ Кагызманомъ.

Карсомъ, Ардаганомъ и, хотя мало проходимымъ путемъ, но и съ Батумомъ.

Другая, большая военная и торговая дорога, по которой производятся всѣ сообщенія между Константинополемъ и пограничными намъ пашалыками, также какъ и торговля Европы съ Персіей, начинается съ Трапезонта, проходитъ горнымъ ущельемъ къ Гюмюшъ-хане, идетъ на Байбуртъ и оттуда слѣдуетъ къ Эрзеруму. Только отъ Трапезонта до Гюмюшъ-хане дорога эта неудобна, такъ что въ 1829 г. русскій корпусъ, преодолѣвшій уже столько трудностей, не могъ пройти по ней съ артиллеріей. Отъ этого мѣста до Эрзерума, она вездѣ проходима для тяжестей. У Аракса она отдѣляется отъ карской дороги и идетъ въ долину Эфрата, гдѣ сливаясь съ первой поперечной дорогой, приводитъ въ Баязетъ и Персію.

Эрзерумъ составляетъ центральный пунктъ этой дороги и командуетъ ею совершенно, какъ и всѣмъ краемъ; владѣющій имъ отрѣзываетъ отъ Турціи ея восточные пашалыки и держитъ въ своихъ рукахъ главное торговое сообщеніе Европы съ верхней Азіей.

Какъ до сихъ поръ кругъ азіятскихъ войнъ Россіи съ Турціей не выходилъ еще изъ холодныхъ долинъ малаго Кавказа, то климатъ его и опредѣлялъ время военныхъ дѣйствій. Въ этой странѣ зимняя кампанія невозможна. Со времени нашего владычества за Кавказомъ, на турецкой границѣ произошли только два значительныя дѣйствія зимой: взятіе Котляревскимъ крѣпости Ахалкалакъ въ 1810 году, и осада аджарцами Ахалцыха, въ зиму съ 1828 на 1829 годъ. Но, въ первомъ случаѣ, это было почти партизанское предпріятіе: Котляревскій, проведшій свою боевую жизнь въ совершеніи невозможнаго, выступилъ съ Цалки съ маленькой колонной, безъ артиллеріи и обоза, и прокрадываясь по занесеннымъ снѣгомъ ущеліямъ, ударилъ ночью, въ расплохъ, на Ахалкалаки и взялъ его; подражать ему слишкомъ трудно. Во второмъ случаѣ, турки, потерявшіе Ахалцыхъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, уговорили аджарцевъ сдѣлать попытку противъ малочисленнаго гарнизона: аджарцы—горцы, свыкшіеся съ своимъ суровымъ климатомъ, дѣйствовали у себя дома; имъ нужно было пройти нѣсколько верстъ отъ своихъ жилищъ, чтобъ быть подъ стѣнами Ахалцыха.

Но значительное военное движеніе зимою здѣсь невозможно. Глубокіе снѣга заносятъ дороги такъ, что не расчищая ихъ, нельзя провести артиллерію; фуража въ опустѣлыхъ деревняхъ нѣтъ, или почти нѣтъ, и лѣтомъ въ этой полудикой сторонѣ дѣйствующее войско должно все вести съ собою, какъ въ пустынѣ; зимой же перевозка тяжестей, не только въ непріятельской землѣ, но и въ нашей собственной, становится невозможной въ большихъ размѣрахъ. Упряжныхъ лошадей въ краѣ не знаютъ, кромѣ русскихъ переселенцевъ, число которыхъ незначительно. Перевозка совершается на буйволахъ и быкахъ, эти животныя не выдерживаютъ мороза и не могутъ ходить по снѣгу. Съ первой порошей ихъ запираютъ въ теплые хлѣва и перевозка прекращается. Такимъ образомъ на кавказско-турецкой границѣ время военныхъ дѣйствій ограничивается теплыми мѣсяцами, именно когда на поляхъ есть подножный кормъ,—съ половины мая по ноябрь. Исключенія изъ этого правила сопряжены съ большими иногда непреодолимыми затрудненіями

Мы показали уже, какимъ образомъ каждое устье дороги, выводящей изъ Тифлиса на границу, составляетъ и для насъ и для турокъ отдѣльный военный театръ. Но характеръ этихъ военныхъ театровъ неодинаковъ: различіе въ топографіи края, въ климатѣ, и въ относительной ихъ стратегической важности, измѣняютъ и количество силъ, требуемыхъ каждымъ изъ нихъ, и составъ этихъ силъ, и употребленіе ихъ.

I. ИМЕРЕТИНСКІЙ ВОЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

Въ обыкновенной турецкой войнѣ западная часть военнаго театра, прилегающая къ Черному морю, будетъ всегда второстепеннымъ и даже маловажнымъ его отдѣломъ. Съ этой стороны горный поясъ Лазистона и Аджаріи отдѣляетъ отъ насъ Турцію непроходимой стѣной и доступная намъ часть ея заключается въ узкой полосѣ по берегу моря менѣе 30 верстъ длиной. Приморскій городъ Батумъ имѣетъ свою важность, какъ одинъ изъ лучшихъ портовъ на Черномъ морѣ и какъ мѣсто, которое лазы и аджарцы считаютъ за свою столицу Но занятіе его, въ этомъ случаѣ, потребовало бы только кратковременной экспедиціи, которой бы и кончились военныя дѣй-

ствія съ этой стороны. Отраженіе набѣговъ сосѣднихъ горцевъ входитъ въ предѣлы кордонной службы. Въ обыкновенной турецкой войнѣ, наше господство на Черномъ морѣ исключило бы берегъ Гуріи и Мингреліи изъ круга военныхъ дѣйствій и недопуская высадки турецкихъ войскъ въ Батумѣ, обратило бы столкновеніе съ этой стороны въ незначительныя дѣла съ горцами. Въ прошлую кампанію, одинъ или два баталіона съ милиціей были достаточны для охраненія этой границы.

Но съ той минуты, когда силы двухъ первоклассныхъ европейскихъ державъ вмѣшались въ эту борьбу и мы лишились владычества на Черномъ морѣ, имеретинскій военный театръ пріобрѣлъ огромную важность. Изъ него должно было сдѣлать оплотъ для всего Закавказья съ наиболѣе опасной стороны. Движеніе на Батумъ сдѣлалось невозможнымъ, нельзя удержать города, которымъ непріятельскій флотъ командуетъ съ моря. По самой сущности вещей, имеретинскій военный театръ получилъ характеръ чисто оборонительный; намъ оставалось только сосредоточить тамъ достаточныя средства обороны и дожидаться.

По количеству силъ, находящихся на Кавказѣ, нельзя отдѣлить постоянно къ черноморскому берегу столько войскъ, сколько нужно для рѣшительнаго сопротивленія цѣлой десантной арміи. Это парализировало бы весь дѣйствующій противъ Турціи, корпусъ. Еслибъ это обстоятельство совершилось, тогда только должно устремить туда всѣ войска, безъ которыхъ возможно обойтись въ другихъ мѣстахъ. До тѣхъ поръ, береговому отряду нужно достаточно силъ, чтобъ онъ могъ отражать турокъ и удерживать первый натискъ со стороны моря въ краѣ, гдѣ легко оборонять каждый шагъ.

Наступленіе на Имеретинскую равнину, со стороны ли моря или со стороны Батума, возможно только въ сухое время года. Когда земля превращается въ топь, безчисленныя рѣчки сливаются съ берегами, лѣсныя дорожки превращаются въ наполненныя водой канавы,—военныя дѣйствія становятся здѣсь невозможными. И лѣтомъ даже небольшія силы владѣющаго этой страной могутъ задержать гораздо превосходнѣйшаго непріятеля безчисленными препятствіями. Посреди лѣсовъ, болотъ и частыхъ рѣчекъ, воинственное христіанское населеніе. преданное единовѣрной Россіи, составляетъ одно уже такую оборонительную силу, какой мы не имѣемъ на другихъ пунк-

тахъ Закавказья и которая, при хорошемъ употребленіи, будетъ для непріятеля страшнѣе регулярнаго войска. Жилища мингрельцевъ, гурійцевъ и имеретинъ разсѣяны въ лѣсахъ и въ садахъ, еще крѣпче лѣсовъ, отдѣльными хуторами; онѣ сообщаются между собою только извилистыми тропинками, проложенными черезъ дебрю; чистыхъ луговъ почти нѣтъ и потому прокормъ обознаго скота и лошадей въ высшей степени затрудненъ. А между тѣмъ, непріятель не можетъ сдѣлать шагу въ этомъ краѣ, не обременяя себя безконечными обозами. Онъ долженъ имѣть съ собой все, даже фуражъ, такъ какъ страна не доставитъ ему ничего. Онъ будетъ находиться здѣсь въ положеніи нашего отряда, совершающаго экспедиціи въ Чечнѣ, только въ большемъ размѣрѣ, съ сильнѣйшимъ сопротивленіемъ и съ гораздо значительнѣйшими разстояніями.

Имѣя противъ себя три стороны, занятыя непріятелемъ— море, турецкую границу и горцевъ со стороны Абхазіи, фронтъ войскъ занимающихъ Имеретію, долженъ также, по необходимости, составлять три фаса. Но нападеніе со стороны Абхазіи только возможно и не составляетъ прямой опасности. Непріятель, который явился бы оттуда, способенъ къ одной партизанской войнѣ. Въ чужой, крѣпкой мѣстностію, сторонѣ, онъ плохой воинъ, и противъ него достаточно мѣстныхъ средствъ. Туземная милиція, расположенная по рѣкѣ Ингуру, прикрывающей Мингрелію съ сѣвера, довольно сильна для занятія этого фаса. На морскомъ берегу есть три пункта, въ которыхъ можно произвести высадку: Анаклія, Редутъ-кале и Поти. Но проходимая для войскъ дорога во внутрь края идетъ только изъ Редутъ-кале. Потому этотъ городъ есть ключъ морскаго берега и редутъ-кальская дорога составляетъ второй и болѣе важный фасъ нашего оборонительнаго фронта въ приморской равнинѣ. Третій фасъ естественно обращенъ къ Голаху и опорный пунктъ его, съ нашей стороны—Озургеты.

Относительная важность втораго и третьяго фасовъ зависитъ отъ обстоятельствъ. Пока противъ насъ дѣйствуетъ одно турецкое войско, хотя бы непріятель и занималъ Редутъ-кале, для редутъ-кальской дороги достаточно наблюдательнаго отряда и главное вниманіе должно быть обращено на гурійскую границу, потому что опорный пунктъ турецкой арміи — Батумъ Но еслибы произошла высадка значительнаго союзнаго войска въ Редутъ-кале, тогда очевидно, гурійскій фасъ, не теряя сво-

ей важности, становится второстепеннымъ и сообразуясь съ дѣйствіями совокупныхъ непріятельскихъ силъ, его можно отодвинуть за Озургеты, на Чохатаурскія высоты, составляющія фланговую позицію противъ арміи, подвигающейся съ Чалоха, или даже на правый берегъ Ріона, для соединенія съ общей массой. Въ случаѣ подобнаго наступленія, становятся особенно важны пункты развѣтвленія дорогъ: первый — морской и гурійскій въ Марани и лежащая въ 4 верстахъ отъ этого мѣста переправа черезъ Ріонъ; второй — раздѣленіе дорогъ: Редутъкальской и абхазской при переправѣ черезъ рѣку Хопи. Владѣя этими двумя пунктами, мы дѣйствительно владѣемъ всѣмъ краемъ, какъ бы далеко ни прошелъ непріятель съ другихъ сторонъ. Даже владѣя первымъ пунктомъ только (Мараньею и Илорійской переправой), мы еще въ грозномъ положеніи; непріятель, идущій изъ Редутъ-кале и Озургетъ не можетъ ни обойти этой позиціи, ни соединиться, не овладѣвши ею; а занимающій ее можетъ устремиться всѣми силами противъ каждой изъ этихъ частей или дѣйствовать ей во флангъ, сохраняя свои сообщенія неприкосновенными.

Пересѣченная и лѣсная мѣстность этого края, недостатокъ открытыхъ позицій, гдѣ бы значительный отрядъ могъ развернуться и самый характеръ войны чисто оборонительный, опредѣляютъ составъ войскъ имеретинскаго отряда и образъ его дѣйствія. Здѣсь кавалеріи, батарейной и даже легкой артиллеріи мало мѣста; онѣ могутъ быть употреблены какъ резервъ только для большаго сраженія, на избранной мѣстности. Главная роль въ этомъ краѣ принадлежитъ пѣхотѣ, особенно застрѣльщикамъ и горнымъ орудіямъ. Самая страшная война для непріятеля, какъ бы онъ силенъ ни былъ, на такой мѣстности, не бой открытою грудью, а мелкое, ежечасное лѣсное дѣло на походѣ, упорная оборона каждаго препятствія противъ его авангарда, быстрое отступленіе, когда перевѣсъ начинаетъ клониться на его сторону, безпрерывно повторяемый напоръ на его цѣпи, то что въ чеченской войнѣ такъ справедливо прозвано «гонять сквозь строй». Такая война стоитъ непріятелю въ нѣсколько дней, иногда въ одинъ день, больше людей, чѣмъ самое кровопролитное сраженіе; лишаетъ его всѣхъ средствъ къ существованію, приводитъ въ безпорядокъ, истомленіе и нравственное разстройство, послѣ которыхъ добить его уже не многаго стоитъ. Природа края и характеръ населенія

соединяютъ всѣ стихіи для такой войны на западномъ прибрежьѣ Закавказья. Очевидно, что въ такомъ родѣ дѣйствій главная роль предоставляется народонаселенію, исподоволь приготовленному и организованному, привычной къ такому дѣлу пѣхотѣ и горной артиллеріи. Другія войска составляютъ резервъ для рѣшительной минуты. Безъ сомнѣнія, все это относится къ наступленію непріятеля столь сильнаго, что съ нимъ опасно вступить въ неравный бой съ самаго начала. Гдѣ можно рѣшить дѣло безъ хитрости, тамъ хитрость не нужна.

Лихорадочный климатъ низменныхъ равнинъ Гуріи и Мингреліи можетъ быть гибеленъ для войскъ, если они должны находиться тамъ постоянно. Но мѣстность этого края, которую можно защищать медленно, шагъ за шагомъ и воинственный характеръ населенія, всегда готоваго оборонять свои лѣсныя тропинки, позволяютъ, когда нѣтъ рѣшительнаго наступленія со стороны непріятеля, охранять опасные пункты одними передовыми отрядами, нужными для первой встрѣчи и поддержанія жителей; а прочія войска держать на сосѣднихъ высотахъ, откуда онѣ могутъ быстро сосредоточиться въ указанныхъ пунктахъ.

II. АХАЛЦЫХСКІЙ ВОЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

Въ отношеніи къ общей оборонѣ Закавказскаго края, Имеретинскую равнину должно считать совершенно отдѣльнымъ военнымъ театромъ, нисколько не зависящимъ отъ другихъ. Не можетъ быть никакой общей связи между военными дѣйствіями по ту и по эту сторону Имеретинскаго хребта, кромѣ одновременнаго отраженія непріятеля.

Граница отъ Гуріи до Персіи находится въ другихъ условіяхъ. Хотя три различныя мѣстности, лежащія на этомъ протяженіи, ахалцыхская, александропольская и эриванская, разграничены довольно рѣзко природою и представляютъ каждая иныя обстоятельства, дѣлающія изъ нихъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, три различные военные театра; тѣмъ не менѣе между ними существуетъ общая связь. Конечно, эта связь гораздо слабѣе, чѣмъ она бываетъ обыкновенно между колоннами, составляющими стратегическій фронтъ арміи въ полѣ. Здѣсь, въ странѣ, разграниченной самой природой на разныя сферы,

кромѣ временной необходимости такого или другаго распредѣленія силъ, смотря по дѣйствіямъ непріятеля, существуетъ постоянная необходимость извѣстнаго размѣщенія войскъ. Въ горной и неразработанной землѣ, гдѣ главные военные пункты сообщаются только одной дорогой, а въ стороны идутъ лишь рѣдкія вьючныя тропинки, нельзя дѣлать большихъ фланговыхъ движеній, а потому каждое важное сообщеніе и каждый значительный пунктъ приходится охранять съ лица; чтó и ведетъ къ образованію отдѣльныхъ, самостоятельныхъ отрядовъ. Тѣмъ не менѣе, хотя каждый отрядъ имѣетъ здѣсь свое особое назначеніе и хотя сообщеніе между ними довольно затруднительное, но нѣтъ непроходимыхъ препятствій, какъ хребетъ, отдѣляющій Ахалцыхъ отъ Имеретіи и потому, на этой границѣ можно, до извѣстной степени, устремлять дѣйствіе отдѣльныхъ отрядовъ къ одной общей цѣли. Оттого изъ войскъ, выставленныхъ на турецкую границу, за исключеніемъ только Имеретіи, можно было сдѣлать одно цѣлое, ввѣренное одному начальнику.

Выходъ тифлисскихъ дорогъ къ границѣ и опредѣляетъ размѣщеніе отрядовъ. Такимъ образомъ отъ Гуріи до Персіи образовались четыре отдѣльные отряда: ахалцыхскій, ахалкалакскій, александропольскій и эриванскій.

Ахалцыхская дорога стратегически чрезвычайно важна. Она составляетъ не только удобный и короткій путь съ турецкой границы къ Тифлису, но даже огибаетъ его съ тыла, выводитъ на сообщеніе его съ Россіей; и въ то же время отрѣзываетъ безвыходно войска, занимающія Имеретію, и отъ Тифлиса, и отъ Россіи. Для наступленія турокъ, еслибъ они могли сбить насъ съ поля, это самая выгодная операціонная линія и потому самая опасная для насъ. Охраненіе ея необходимо требуетъ сильнаго отряда. Но, съ другой стороны, опасность эта уменьшается отъ природы края, на которомъ турки должны основаться для дѣйствія по ахалцыхской дорогѣ. Въ этомъ случаѣ, опорнымъ пунктомъ ихъ будетъ Ардаганъ. Мѣстность, окружающая Ардаганъ, также какъ и Ахалцыхъ, до того гориста и лишена проходимыхъ дорогъ, что войско, дѣйствующее здѣсь, можетъ возить удобно только горную артиллерію; даже легкія орудія, не говоря о батарейныхъ, по ардаганскому пашалыку часто должно тащить на людяхъ; а многочисленная армія, какая нужна чтобы дѣйствовать наступательно противъ

Тифлиса, требуетъ сильной артиллеріи и огромнаго обоза. Сосредоточить то и другое въ Ардаганѣ и привезти къ Ахалцыху не легко.

Кромѣ этого есть и другое обстоятельство, препятствующее туркамъ избрать ахалцыхскую дорогу главной операціонной линіей, противупоставленное имъ размѣщеніе силъ. Александропольскій отрядъ, по причинамъ, которыя мы укажемъ ниже, всегда сильнѣйшій изо всѣхъ. Въ случаѣ наступленія турокъ къ Сураму, онъ можетъ фланговымъ движеніемъ къ Ацх-уру отрѣзать имъ отступленіе; уже одно направленіе его въ Духоборію заставитъ непріятеля остановить свое движеніе. Чтобы идти безъ опасеній по ахалцыхской дорогѣ, турки должны имѣть въ этомъ углу края двѣ одинаково сильныя арміи: одну наступательную и другую резервную, въ Ахалкалакахъ; что́ требуетъ развитія силъ далеко превосходящаго ихъ средства. Конечно, быстрота и смѣлость, при вѣрномъ стратегическомъ направленіи, могутъ имѣть послѣдствія, которыхъ заранѣе невозможно исчислить. Но для такой быстроты и смѣлости нужно великаго полководца и не турецкихъ войскъ. Въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, мы имѣемъ такой нравственный перевѣсъ надъ турками, что опредѣленіе главныхъ линій дѣйствія принадлежитъ намъ; а непріятель долженъ по необходимости, въ размѣщеніи своего стратегическаго фронта, смотрѣть главнѣйше на то, какъ размѣщенъ нашъ фронтъ, противупоставляя ему свои силы въ той же пропорціи. Такимъ образомъ, не смотря на особенную важность линіи по Курѣ, турецкая армія принуждена сосредоточивать главныя силы въ Карсѣ и ахалцыхскій военный театръ становится второстепеннымъ, составляя правое крыло нашего фронта.

Оборона этого края сосредоточена въ крѣпости Ахалцыхѣ и селѣ Ацх-урѣ, замыкающимъ выходъ изъ Боржомскаго ущелья, гдѣ лежитъ мостъ черезъ Куру. Въ оборонительномъ отношеніи это рѣшительные пункты; но военное значеніе ихъ различно. Ацх-уръ важенъ какъ крѣпкое мѣсто, котораго нельзя обойти, командующее выходомъ на стратегическую дорогу. Значеніе его чисто мѣстное, фортификаціонное. Онъ защищаетъ доступъ въ Боржомское ущеліе матеріяльно. Однимъ словомъ, это мѣсто требуетъ не отряда, но укрѣпленій и гарнизона. Не взявъ Ацх-ура, непріятель, какъ бы многочисленъ онъ ни былъ, не можетъ пройти на боржомскую дорогу. Ахалцыхъ же нуженъ

собственно какъ опорный пунктъ дѣйствующему въ этой странѣ отряду. Собственная его важность далеко не такъ велика. Предоставленный обыкновенному гарнизону, онъ не можетъ остановить движенія значительной арміи на Тифлисъ; въ этомъ случаѣ ей всегда возможно ограничиться блокадой этой крѣпости и продолжать наступленіе. Но она не посмѣетъ сдѣлать шагу впередъ, пока въ тылу ея будетъ держаться сколько нибудь значительный нашъ отрядъ; а отрядъ этотъ можетъ устоять подъ пушками своей крѣпости, особенно въ заранѣе укрѣпленномъ лагерѣ противъ силъ, которыя смели бы его съ поля.

Въ отношеніи наступательномъ Ахалцыхскій уѣздъ никогда не можетъ служить намъ главнымъ основаніемъ. На Югъ отъ него, въ Турцію, далеко еще простирается горная страна, сообщенія по которой чрезвычайно затруднительны. Прямая дорога изъ Ахалцыха въ Эрзерумъ черезъ Ардаганъ едва проходима. Кромѣ того этотъ путь, на которомъ тогда сосредоточились бы самыя значительныя силы, оставляетъ за своимъ лѣвымъ флангомъ Карсъ, главный опорный пунктъ турецкой арміи; пока наше движеніе принудитъ эту армію воротиться за Саганлугъ, ея дѣйствія на Арпачаѣ будутъ имѣть слишкомъ большой просторъ.

Но если Ахалцыхскій уѣздъ не можетъ быть принятъ за базисъ для наступательной войны въ азіятской Турціи, тѣмъ неменѣе ахалцыхскій отрядъ имѣетъ свой мѣстный кругъ дѣйствій въ двѣ стороны: къ западу въ Аджарію и къ Югу на Ардаганъ.

Аджарія, по своей крѣпкой мѣстности, представляетъ всѣ удобства для оборонительной войны, удобства, которыми ея воинственное населеніе умѣетъ отлично пользоваться; въ этой странѣ надо драться не съ войскомъ, но съ жителями, чего не можетъ случиться на другихъ мѣстахъ военнаго театра, населенныхъ смирными татарами и расположенными къ намъ армянами. Бой съ аджирцами будетъ стоить значительныхъ потерь и нисколько не ослабитъ турецкаго войска. Кромѣ того, движеніе въ Аджарію было бы эксцентрическое, удаляющее ахалцыхскій отрядъ отъ совокупнаго дѣйствія съ другими пограничными отрядами.

Однакожъ, хотя аджарская экспедиція выходитъ изъ круга полезныхъ операцій, въ Аджаріи есть пунктъ, получившій большую важность съ обстоятельствами настоящей войны. Это—

мѣсто, лежащее въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нашей границы, тамъ гдѣ дорога изъ Батума въ Ардаганъ пересѣкаетъ истоки Посховъ-чая.

Горная тропа, соединяющая черезъ Аджарскія ущелья Батумъ съ Ардаганомъ и Карсомъ весьма проходима для войскъ на легкѣ, не встрѣчающихъ сопротивленія со стороны жителей. Съ той минуты, какъ владычество на Черномъ морѣ перешло въ руки непріятеля, Батумъ сдѣлался во многихъ отношеніяхъ основнымъ пунктомъ турецко-азіятской арміи. Тяжести и артиллерія, могутъ доставляться ей только обходнымъ путемъ на Трапезонтъ и Эрзерумъ. Но снабдить арсеналы впередъ извѣстнымъ числомъ полевыхъ орудій съ упряжью, не мудреное дѣло. Войска же, конница и особенно пѣхота, могутъ всегда довольно свободно проходить по аджарской тропѣ, связывающей по прямой линіи Карсъ и Ардаганъ съ непріятельскими силами въ Черномъ морѣ и европейской Турціи. Хотя совершенно невѣроятно, чтобъ когда нибудь европейскія войска рѣшились двинуться черезъ эту трущобу, тѣмъ болѣе, что передъ ними открыта болѣе естественная линія наступленія черезъ Имеретію, но при громадныхъ десантныхъ средствахъ союзниковъ, эта прямая связь азіятской арміи со всѣми силами Турціи черезъ Аджарію, тѣмъ неменѣе очень опасна. И въ нѣкоторыхъ случаяхъ, занятіе истоковъ Посховъ-чая на перерѣзъ аджарской дороги можетъ быть для насъ чрезвычайно важной операціей, пока мы не занимаемъ Ардагана; тѣмъ болѣе, что непріятельскія войска проходятъ эту страну на легкѣ, безъ артиллеріи и слѣдовательно неприготовленныя къ рѣшительному бою.

Изъ Батума въ Ардаганъ тянется еще одна горная тропа по р. Чарахсу, черезъ Арданучь. Но она еще непроходимѣе аджарской и гораздо длиннѣе. По этому, турецкія войска никогда не ходятъ по ней.

Къ Югу отъ Ахалцыха простирается турецкій ахалцыхскій пашалыкъ съ своимъ главнымъ городомъ Ардаганомъ. Естественная операціонная линія ахалцыхскаго отряда лежитъ на эту крѣпость, которая и составляетъ для него первый и важнѣйшій предметный пунктъ. Владѣніе Ардаганомъ для насъ очень важно по многимъ причинамъ.

Лѣвое крыло турецкой арміи опирается на Ардаганъ, какъ наше правое на Ахалцыхъ; въ немъ заключены всѣ его мате-

ріальныя средства. Со взятіемъ Ардагана, лѣвое турецкое крыло будетъ сброшено съ горъ ахалцыхскаго пашалыка на Эрзерумскую равнину и наше господство прочно утверждено надъ горной страной, командующей этой равниной. Владѣніе Ардаганомъ совершенно прерываетъ сообщеніе турецкой арміи съ Чернымъ моремъ и по аджарской и по ардаганской дорогѣ, оставляя ей только долгій путь на Трапезонтъ. Что еще болѣе важно, со взятіемъ Ардагана, если Карсъ въ то время еще не взятъ, можно дѣйствовать во флангъ его арміи. Изъ Ардагана ведетъ въ Карсъ довольно хорошая, проходимая для артиллеріи дорога, выходящая на верхнюю часть Карсъ-Чая, въ нѣсколькихъ верстахъ передъ городомъ. Движеніе сколько нибудь значительнаго отряда по этой дорогѣ должно заставить турецкую армію немедленно отступить къ Карсу, если она занимаетъ позицію впереди этой крѣпости по александропольской дорогѣ. Если же турки будутъ расположены подъ пушками Карса, занятые съ фронта александропольскимъ корпусомъ, то отрядъ, двинутый изъ Ардагана можетъ фланговымъ движеніемъ отъ озера Айгыръ-Геля угрожать сообщенію ихъ съ Эрзерумомъ, чего александропольскій отрядъ никакъ не можетъ сдѣлать не растягивая своего фронта гораздо болѣе, чѣмъ позволяютъ основныя правила искуства. Всѣ указанныя движенія, если не очень легки, то по крайней мѣрѣ совершенно возможны, потому что отрядъ, совершающій ихъ, будетъ дѣйствовать въ районѣ, ни въ одномъ случаѣ не превышающемъ разстоянія 50—60 верстъ отъ своего опорнаго пункта Ардагана. Наконецъ, со взятіемъ Ардагана, нѣтъ болѣе надобности держать отдѣльнаго ахалкалакскаго отряда, такъ какъ Ардаганъ прикрываетъ одинаково оба пути.

Суровый климатъ окрестностей Ахалцыха и Ардагана, сокращаетъ удобное для кампаніи время, болѣе чѣмъ на всѣхъ другихъ пунктахъ.

Съ первыхъ чиселъ октября до половины, а часто и до конца мая, отрядъ находящійся въ ахалцыхскихъ горахъ, скованъ невольнымъ бездѣйствіемъ.

III. АХАЛКАЛАКСКІЙ ВОЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

Ахалцыхскій уѣздъ и принадлежащій къ нему Ахалкалакскій участокъ, составляютъ, собственно говоря, одинъ нераздѣльный военный театръ и требуютъ и для обороны края и для наступленія впередъ только одного отряда. Но на Ахалкалаки выходитъ одна изъ дорогъ, соединяющихъ Тифлисъ съ границей и самая близкая изо всѣхъ. Хотя непріятелю нѣтъ возможности пройти массой на эту дорогу въ 40 верстахъ отъ ахалцыхскаго отряда, не разбивши его, но онъ можетъ наводнить ее партизанскими шайками и тревожить даже окрестности Тифлиса. Это сообщеніе казалось всегда столь важнымъ, что еще турки построили здѣсь укрѣпленіе Ахалкалаки и мы его поддерживаемъ. Но какъ дорога здѣсь не составляетъ тѣснаго ущелья, а идетъ по вершинѣ горной плоскости, то и нѣтъ точки, въ которой укрѣпленіе запирала бы ее, а потому Ахалкалаки служатъ только опорнымъ пунктомъ небольшому отряду, ограждающему тифлискую дорогу и содержащему связь ахалцыхскаго отряда съ главнымъ александропольскимъ. И въ Ахалцыхѣ и въ Ахалкалакахъ, одинаково, можетъ находиться квартира большаго отряда, дѣйствующаго въ этой горной странѣ. Каждый изъ этихъ пунктовъ прикрываетъ обѣ дороги боржомскую и цалкскую. Въ стратегическомъ отношеніи Ахалкалаки даже выгоднѣе, по двумъ причинамъ: находящееся здѣсь войско ближе къ главному отряду и совокупнѣе связано съ нимъ; удобнѣйшая дорога къ Ардагану идетъ изъ Ахалкалакъ. Но ахалцыхская крѣпость значительнѣе ахалкалакской, тамъ находится довольно большой городъ, котораго въ послѣднемъ мѣстѣ нѣтъ. Ахалцыхъ составляетъ опорный пунктъ сильнѣе и по этому предпочитается.

По своему назначенію, ахалкалакскій отрядъ чисто-оборонительный. и не имѣетъ большой военной важности. Главное дѣйствіе его: охранять границу и преслѣдовать партизанскія шайки; что̀ и опредѣляетъ его составъ: нѣсколько сотенъ иррегулярной кавалеріи для быстрыхъ движеній и небольшое число пѣхоты для поддержанія каваллеріи на всякій случай. Очевидно, что при надобности можно, не рискуя ни чѣмъ, притянуть ахалкалакскую пѣхоту къ одному изъ сосѣднихъ отрядовъ. Если же ахалкалакскій отрядъ все время дѣйствуетъ

отдѣльно то онъ также имѣетъ свой небольшой кругъ наступательныхъ дѣйствій въ чалдырскомъ санджакѣ.

IV. АЛЕКСАНДРОПОЛЬСКІЙ ВОЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

На войнѣ, какъ и въ шахматной игрѣ, первые выходы могутъ быть опредѣлены наукою безошибочно, особенно, если на томъ же театрѣ существуютъ указанія предшествующихъ опытовъ. Геній играющаго получаетъ полную свободу тамъ, гдѣ соображенія науки теряются въ безчисленности возможныхъ ходовъ. Для того, чтобъ главная операціонная линія была опредѣлена вѣрно, требуется нѣсколько условій: 1) чтобъ она была, сколько можно, кратчайшимъ путемъ къ главному предметному пункту, владѣніе которымъ наиболѣе чувствительно для непріятеля, на извѣстномъ пространствѣ; 2) чтобъ она была по возможности менѣе пересѣчена препятствіями, которыя мѣшаютъ свободному движенію и употребленію всѣхъ родовъ оружія; 3) чтобъ, по топографіи края непріятель не могъ фланкировать ее массой, или отдѣльными отрядами, сохраняющими свое сообщеніе; 4) чтобъ она имѣла твердое основаніе въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ, и 5) чтобъ она, на сколько можно, исходила изъ центральнаго пункта, для того чтобъ не открывать за своими флангами наибольшаго протяженія границы, охраненіе которой потребуетъ значительнаго раздѣленія силъ.

На турецко-азіятскомъ театрѣ войны только одна дорога изъ Александрополя въ Карсъ и Эрзерумъ удовлетворитъ стратегическимъ требованіямъ. Эта дорога составляетъ самый прямой путь отъ нашихъ предѣловъ къ главнымъ предметнымъ пунктамъ непріятельской страны. Она идетъ по мѣстности, хотя и волнистой, но на которой всѣ три рода оружія могутъ удобно быть употреблены. Непріятельская армія можетъ дѣйствовать по ней только паралельно нашему фронту: ей нельзя занять фланговой позиціи, безъ опасности быть немедленно отрѣзанной отъ своихъ сообщеній и заброшенной или въ горы Ванскаго пашалыка, или въ хребты Аджаріи и Ардануча, по которымъ она не можетъ провезти ни артиллеріи, ни обоза. Дорога эта основывается на Александрополѣ, самой сильной крѣпости и главномъ военномъ депо на турецкой границѣ; Александрополь сообщается съ Тифлисомъ лучшимъ изо всѣхъ

путей, прорѣзывающихъ поясъ съ малаго Кавказа. Наконецъ, теченіе Арпачая составляетъ самую центральную часть турецко-кавказской границы; наши главныя силы находятся въ срединѣ, опираясь на два боковые отряда и могутъ прямой дорогой, въ небольшое число переходовъ, стать на всякомъ угрожаемомъ пунктѣ. По этому Александропольская дорога есть наша постоянная и единственная операціонная линія, для вторженія въ азіятскую Турцію со стороны Кавказа. Остальныя операціонныя линіи изъ Ахалцыха, Ахалкалака и Эривани не больше какъ побочныя, служащія для фланкированія, на нѣкоторомъ разстояніи главной и для исполненія мѣстныхъ цѣлей, соотвѣтствующихъ положенію той части границы, на которой онѣ лежатъ.

Въ отношеніи къ намъ, сосѣднія съ Кавказомъ области азіятской Турціи дѣлятся на два военные театра, довольно рѣзко разграниченные между собою; одинъ близкій, непосредственный, между нашей границей и паралельнымъ ей горнымъ поясомъ; другой за горами, на эрзерумской высокой плоскости. Первый обнимаетъ пограничные пашалыки: Баязетскій, Карскій, Ахалцыхскій, Аджарно и Кабулеты, до Ванскихъ горъ, Саганлугскаго хребта и южнаго склона ахалцыхской горной группы. Вся эта страна составляетъ нашъ непосредственный военный театръ. Мы должны биться во всякомъ случаѣ, и въ наступательной, и въ оборонительной войнѣ въ его предѣлахъ.

Пока турки владѣютъ на самой нашей границѣ такимъ опорнымъ пунктомъ, какъ Карсъ, они могутъ и будутъ давать намъ сраженіе за сраженіемъ, въ ожиданіи, что которое нибудь изъ нихъ склонится въ ихъ пользу. Но со взятіемъ Карса, наша южная граница дѣлается неприступной, по крайней мѣрѣ для турокъ, единственнаго непріятеля, котораго мы можемъ ждать съ этой стороны.

Положеніе турецкой арміи надъ Арпачаемъ, съ Карсомъ за собой на всякій случай, совсѣмъ иное, чѣмъ положеніе той же арміи, наступающей на Карсъ изъ Эрзерума, за 150 верстъ отъ своего опорнаго пункта и имѣющей въ тылу, вмѣсто оплота укрѣпленнаго города, тѣсныя дефилеи Саганлугскаго хребта. Ужъ одна такая граница, какъ этотъ хребетъ, съ крѣпкими, заранѣе избранными позиціями, которыя мы можемъ тамъ занять, составитъ для турокъ неодолимую преграду. Что же касается до того, чтобъ оставить горы за собой и немедленно

атаковать нашъ отрядъ вмѣстѣ съ крѣпостію (потому что между Карсомъ и тѣснинами Саганлуга нельзя стоять по нѣскольку недѣль, какъ теперь стоятъ турки), то объ этомъ они вѣроятно и не подумаютъ или подумаютъ на свою неизбѣжную гибель. Непріятелю останется только одна линія наступленія, на Ардаганъ. Но довольно взглянуть на карту, чтобъ видѣть, что войско, идущее изъ Эрзерума на Ардаганъ, подставляетъ свой флангъ и тылъ отряду, занимающему Карсъ. Кромѣ всѣхъ этихъ обстоятельствъ занятіе Карса и Ардагана, выпрямитъ нашу границу отъ Ахалцыха до Аракса и сократитъ ее на половину. Съ такими стратегическими пунктами, какъ Карсъ и Ардаганъ, защищающими подножіе хребтовъ, вытянувшихся между ними и эрзерумской плоскостью, двѣ трети силъ, которыя находятся теперь на границѣ, будетъ достаточно противъ всякаго наступленія. Изо всѣхъ операцій, къ которымъ мы можемъ приступить въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, взятіе Карса есть важнѣйшая и можно сказать, основная операція всей войны. Поэтому, мы постараемся развить съ возможною точностію особенности карскаго военнаго театра.

Въ началѣ кампаніи 1854 г. съ нашей стороны опасались, что турки не дадутъ намъ сраженія въ полѣ, что они останутся подъ Карсомъ и поставятъ насъ въ затруднительное положеніе: осаждать цѣлую армію вмѣстѣ съ крѣпостію. Но турки были тѣже, которые въ 1853 г. вторглись въ наши предѣлы и простояли 10 дней передъ Александрополемъ, которые не колеблясь дали намъ кадыклярское сраженіе, хотя имъ ничего не стоило избѣжать его; и въ 1854 г. вмѣсто того чтобъ уклониться отъ насъ, смѣло стянули въ Хаджи-Вали свои наличныя силы и сами насъ атаковали. Это ихъ прямой расчетъ и можно быть увѣреннымъ, что пока нынѣшнія обстоятельства не измѣнятся, образъ дѣйствія ихъ останется тотъ же. Когда Кавказу грозитъ цѣлая десантная армія, кругъ нашего наступленія въ азіятской Турціи ограниченъ тѣсными предѣлами и потому наши побѣды на этой границѣ, особенно съ количествомъ войскъ, которымъ мы располагаемъ, не могутъ устрашить коалиціи, между тѣмъ какъ побѣда турокъ на Арпачанѣ можетъ много подвинуть ея дѣла. Коалиція ставитъ здѣсь ничто противъ многаго, и потому пока Карсъ въ турецкихъ рукахъ, она будетъ ставить постоянно, въ ожиданіи выигрышной карты. Теперь мы довольно знаемъ внут-

реннее состояніе турецкаго лагеря, чтобы видѣть ясно, что въ кампанію 1854 г. колебаніе и нерѣшительность принадлежали пашѣ, боявшемуся съ потерей сраженія потерять мѣсто, а планъ рѣшительнаго наступленія—правительству. По этому, мы можемъ готовиться къ новой битвѣ безъ опасеній, что турки будутъ уклоняться отъ нея.

Перейдемъ къ топографическимъ условіямъ карскаго военнаго театра.

Широкая волнистая равнина, простирающаяся отъ Арпачая до подошвы Саганлуга, прорѣзана поперегъ двумя природными линіями, за которыми можно сосредоточить оборону: рѣчкой Карсъ-чаемъ и цѣпью средней высоты земляныхъ горъ, которыя тянутся паралельно къ ней около 20 верстъ далѣе. Рѣчка Карсъ-чай выходитъ изъ саганлугскихъ горъ, течетъ на С. З. подъ самымъ городомъ, потомъ заворачиваетъ на Ю.З. и впадаетъ въ Арпачай противъ сел. Товисанъ-Кишлякъ. Она перерѣзываетъ обѣ дороги изъ Александрополя въ Карсъ, черезъ Халивъ-огзлу и черезъ Хаджи-Вали и въ нижней части своего теченія, между заворотомъ и Арпачаемъ, можетъ служить туркамъ оборонительной линіей. Черезъ нее вездѣ бродъ и она пересѣкается множествомъ проселочныхъ дорогъ, такъ что каждый пунктъ на ея берегу легко можетъ быть обойденъ. По этому, обороняющійся не можетъ защищать прямо переходъ черезъ нее, какъ обыкновенно защищается переправа рѣки. Но онъ можетъ сдѣлать другое. Высота и крутизна береговъ этой рѣчки позволила проложить дороги къ ея руслу только по оврагамъ, промытымъ стокомъ водъ. Съ правой стороны особенно, дороги отъ нея подымаются на $1^1/_2$ и на 2 версты узкими и обрывистыми дефилеями. Обороняющійся всегда можетъ немедленно сосредоточить свои силы противъ того пункта, гдѣ перешелъ противникъ и заставить его принять сраженіе на позиціи безо всякаго отступленія, съ тыломъ, припертымъ къ непроходимой крутизнѣ. Разумѣется, этотъ маневръ исполнимъ только врагамъ дѣятельнымъ, рѣшительнымъ и главное, увѣреннымъ въ себѣ: первое условіе для того, чтобъ наносимые удары имѣли дѣйствительную силу. Со стороны турокъ, такого рода оборона можетъ существовать только въ теоріи.

Вторая оборнительная линія, пересѣкающая карскую равнину, цѣпь земляныхъ горъ, тянется отъ араратскаго отрога

къ Карсъ-чаю и стѣсняетъ эту рѣчку въ нѣсколькихъ верстахъ ниже Карса. Вся выгода, которую могутъ извлечь изъ нея турки, состоитъ въ томъ, что ея сѣверный склонъ представляетъ нѣсколько позицій, болѣе крѣпкихъ, чѣмъ можно найти на равнинѣ и которыхъ нельзя обойти, не потерявъ своихъ сообщеній.

Равнина запирается укрѣпленнымъ городомъ Карсомъ, лежащимъ близь выхода эрзерумской дороги изъ саганлугскихъ горъ. Карсъ для азіятской Турціи тоже, что Александрополь для Закавказья. Взятіе его отпираетъ ворота во внутрь края. По этому онъ укрѣпленъ гораздо сильнѣе прочихъ турецкихъ городовъ и считается справедливо главнымъ опорнымъ пунктомъ турецкой арміи. Безъ него, судьба турокъ рѣшалась бы однимъ сраженіемъ. Очевидно, что для насъ, въ обратномъ отношеніи, онъ также важенъ какъ и для непріятеля.

Самъ по себѣ, какъ крѣпость далеко не первокласная, Карсъ не составляетъ для насъ особенно значительнаго препятствія. Взятіе его, безъ посторонней помощи можетъ быть, на долгій конецъ, дѣломъ нѣсколькихъ недѣль и осаднаго парка опредѣленной силы. Но какъ опорный пунктъ и цитадель турецкой арміи, Карсъ пріобрѣтаетъ совсѣмъ другое значеніе. Турки, даже сбитые съ поля, могутъ найти надежное убѣжище подъ его пушками, въ заранѣе укрѣпленномъ лагерѣ, въ ихъ власти всегда защищать армію крѣпостію и крѣпость арміею. Если же въ ихъ планѣ будетъ, не давая сраженія, держаться оборонительно подъ пушками Карса, то это даетъ опять новый оборотъ всему вопросу.

Анализируя условія, представляемыя кавказко-турецкимъ военнымъ театромъ, необходимо брать въ расчетъ внѣ стратегическихъ соображеній дѣйствительно существующее отношеніе силъ нашихъ и непріятельскихъ. Это неоспоримый фактъ, вѣроятно на продолженіе всей нынѣшней войны, что восколько наше кавказское войско выше турокъ нравственно, во столько же они сильнѣе насъ числомъ. Такимъ образомъ: что дѣлать войску, разбившему втрое сильнѣйшую армію, когда эта армія укрылась подъ пушками своей крѣпости, въ укрѣпленномъ лагерѣ и побѣдителю приходится осаждать твердыню, защитники которой гораздо многочисленнѣе его? Анализъ обстоятельствъ, на которыхъ основываются расчеты, надежды и опасенія обѣихъ армій, теперь уже довольно хорошо обнару-

женныхъ опытомъ, всего яснѣе можетъ раскрыть ихъ слабыя и слѣдственно, подверженныя ударамъ, стороны.

Годъ войны и 7 сраженій доказали намъ, по крайней мѣрѣ здѣсь, въ азіятской Турціи, что дисциплина и регулярное устройство турецкой арміи есть только лоскъ, наложенный на нее снаружи. Турки выходятъ въ бой и начинаютъ драться какъ хорошее регулярное войско; но только что имъ нанесенъ сильный ударъ, лоскъ регулярности исчезаетъ съ нихъ и они дѣлаются опять турками Кагула и Рымника: артиллерія уходитъ впередъ до окончанія боя, чтобъ не сказали, что паша потерялъ слишкомъ много орудій; батальоны бросаютъ орудія; ни одна часть арміи, втрое многочисленнѣйшей арміи побѣдителя, не думаетъ остановиться на минуту, и сколько нибудь задержать преслѣдованіе. Въ сраженіи съ такимъ противникомъ, побѣдитель не тотъ, кто собьетъ, а тотъ кто только устоитъ. Турки, при счастіи и огромномъ перевѣсѣ силъ могутъ, если случится, побѣдить; но они не могутъ отступить. Разбитое турецкое войско стаиваетъ на половину, не прося для этого непріятельской шашки и надолго уже не есть войско.

Можно основательно сомнѣваться, чтобъ турецкая армія, сбитая съ поля и горячо преслѣдуемая, была въ состояніи дать черезъ два или три дня, сильный отпоръ подъ Карсомъ. Карсъ не такого рода крѣпость, чтобы могла вмѣстить въ себѣ корпусъ, или даже значительный отрядъ; для этого назначенія устроиваются обширныя линіи наружныхъ верковъ, между которыми войско можетъ разбить свой лагерь, а Карсъ есть куча тѣсно сплоченныхъ азіятскихъ мазанокъ съ старымъ замкомъ и съ обводной стѣной. Это одна изъ тѣхъ турецкихъ крѣпостей, которыя бывали сильны въ старину, когда воинственное населеніе защищалось съ крышъ и окошекъ, какъ это дѣлается теперь въ дагестанскихъ аулахъ; образъ защиты, кончившійся вмѣстѣ съ старой военной системой Турціи. Въ настоящее время оборона Карса ввѣрена 1 гарнизону въ 3 или 4 т. человѣкъ; остальная армія должна расположиться внѣ города и ее могутъ поддерживать только выстрѣлы черезъ голову. Если эта армія передъ тѣмъ разбита, то нѣсколько лишнихъ выстрѣловъ поверхъ головъ, не придадутъ ей большой силы.

Но, въ дѣйствительности, можетъ-ли армія, разбитая въ 30

вер. передъ своею крѣпостію, когда ее преслѣдують по пятамъ, укрыться въ этой крѣпости? Во первыхъ, бѣгущей арміи каждая верста преслѣдованія стоитъ такихъ же потерь, какъ нѣсколько часовъ сраженія. Не дать ей оправиться, значитъ не дать выйти изъ положенія, въ которомъ она была въ минуту пораженія и если въ эту минуту она могла только бѣжать, то конечно не будетъ сильнѣе послѣ разстройства, еще гораздо большаго. И тогда, если за нею лежитъ не Модлинъ, съ длинной цѣпью своихъ отдѣльныхъ укрѣпленій, между которыми войска могутъ забиться какъ насѣкомые въ щель, а сплошная стѣна Карса, съ нѣсколькими десятками орудій, можетъ ли разбитая армія остановиться тамъ и устроиться въ нѣсколько часовъ?

Наконецъ, допуская предположеніе, что преслѣдованіе было чѣмъ нибудь задержано, остановилось рано, и разбитая турецкая армія успѣла стать и выстроиться подъ стѣнами Карса,—что тогда? Армія эта, конечно, уже не страшна сама по себѣ, не въ состояніи выйти въ поле и можетъ держаться только подъ крѣпостію. Это самое положеніе есть оружіе противъ нее.

Стоя передъ Карсомъ, достаточно протянуть цѣпь кавалерійскихъ пикетовъ до сел. Кичакъ-Кебъ, 3 версты выше Карса по рѣчкѣ, или поставить тамъ въ окопѣ отдѣльную колонну, чтобъ отрѣзать крѣпость и армію отъ ихъ главнаго и единственнаго повозочнаго сообщенія съ Эрзерумомъ; имъ останутся только горныя тропинки, ведущія прямо изъ города за рѣку. Если сила александропольскаго отряда не позволитъ, что весьма вѣроятно, тѣсно блокировать цѣлую армію, то къ нему, въ такомъ положеніи, уже безопасно можно притянуть нѣсколько войска изъ другихъ отрядовъ. А если къ тому времени можетъ быть взятъ Ардаганъ и ахалцыхскій отрядъ, основываясь на этомъ пунктѣ, пройдетъ нѣсколько десятковъ верстъ по карской дорогѣ и отъ озера Айгыръ-гель сдѣлаетъ фланговое движеніе къ Шоразу,—тогда Карсъ отрѣзанъ отовсюду и при томъ безъ всякой опасности для отряда, находящагося у него въ тылу; потому что турецкая армія подъ Карсомъ будетъ стоять передъ нашими глазами.

Какое положеніе арміи, отрѣзанной отъ всѣхъ своихъ сообщеній, военныхъ и продовольственныхъ? Армія не гарнизонъ крѣпости, и особенно армія турецкая, которую всегда продовольствуютъ со дня на день. Кромѣ обширности запасовъ ей

мало имѣть хлѣбъ въ магазинахъ; ей нужны мельницы, чтобъ молоть его и дрова, чтобъ печь его; лошадямъ нуженъ фуражъ, и тысяча другихъ нуждъ еще обременяютъ войска. Потерявъ свои сообщенія, турецкая армія не простоитъ долго подъ стѣнами Карса, дожидаясь съ часу на часъ неминуемой гибели. Она стаетъ отъ нуждъ и побѣговъ, и черезъ двѣ недѣли остатки ея, потерявъ всѣхъ лошадей, или взойдутъ въ городъ не довольно обширный, чтобъ помѣстить такое большое число лошадей, тѣснотой помѣшаютъ защитѣ и завалятъ улицы больными и трупами; или попробуютъ пробиться на эрзерумскую дорогу и тогда, при счастіи, можетъ быть, половина ихъ уйдетъ, или наконецъ, что всего вѣроятнѣе, положатъ оружіе.

Мы развивали здѣсь предположеніе того случая, если непріятельская армія дастъ сраженіе и будетъ разбита, что приблизительно одно и тоже, если между силами обѣихъ сторонъ существуетъ какая нибудь соразмѣрность. Но въ теоріи, если не на самомъ дѣлѣ, можетъ представиться другая сторона вопроса: когда непріятельская армія не захочетъ вовсе принимать сраженія и съ начала весны станетъ въ лагерѣ подъ Карсомъ? Но тогда положеніе наше будетъ тоже самое какъ и теперь. Если турки останутся спокойно подъ Карсомъ, то они не будутъ грозить нашей границѣ; а если отойдутъ отъ него, то предполагаемый случай уничтожится и мы опять въ прежней колеѣ.

Но, въ добавокъ, никакой укрѣпленный лагерь турокъ не можетъ наложить на дѣйствующій корпусъ вынужденнаго бездѣйствія. Для его операцій останется еще обширная сфера, и чѣмъ неподвижнѣе будетъ главный турецкій корпусъ, тѣмъ свободнѣе будутъ наши крылья; наступленіе со стороны Ахалцыха и Аракса пріобрѣтетъ тѣмъ большую независимость и силу. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ образъ дѣйствія александропольскаго отряда можетъ быть различенъ, смотря по обстоятельствамъ. Если турецкія войска въ Ардаганѣ не довольно сильны, чтобъ бороться съ ахалцыхскимъ отрядомъ въ его нормальномъ составѣ, то александропольскій корпусъ можетъ выдвинуться на цѣпь земляныхъ горъ, окружающихъ Карсъ и угрожая главнымъ силамъ непріятеля съ лица, не дозволитъ имъ отдѣлить подкрѣпленій къ Ардагану. Но, еслибъ эта демонстрація не удалась и турки, хорошо окопанные передъ Карсомъ, надѣясь на силу своихъ укрѣпленій противъ

штурма, сосредоточили бы въ Ардаганѣ массу, способную оспаривать поле у ахалцыхскаго отряда, очевидно, что, на это время, ардаганская операція сдѣлалась бы главною на всей турецкой границѣ и ахалцыхскій отрядъ потребовалъ бы значительныхъ подкрѣпленій съ Арпачая. Въ такомъ случаѣ, александропольскій отрядъ, ослабленный отправленіемъ войскъ въ Ахалцыхъ, могъ бы принять одно изъ двухъ рѣшеній: 1) окопаться передъ Александрополемъ, чтобы оставшійся подъ Карсомъ корпусъ не имѣлъ противъ него шансовъ, и не могъ бы демонстраціей въ эту сторону развлечь силы, направленныя на Ардаганъ; или 2) оставить на Арпачаѣ достаточно кавалеріи, чтобъ обезопасить границу отъ баши-бузуковъ и занять фланговую позицію на границѣ чалдырскаго и зариматскаго пашалыковъ, входя такимъ образомъ въ прямую и короткую связь, мимо Чалдырскаго озера, съ ахалцыхскимъ отрядомъ, что потребуетъ временно перенесенія продовольственной линіи отряда на Духоборію. Въ странѣ, болѣе открытой, эта операція была бы превосходна, собирая наши силы въ одинъ пучекъ и парализуя карскій корпусъ, который не могъ бы двинуться къ Арпачаю, не подставляя своего фланга и тыла, по ардаганской дорогѣ, не теряя своихъ сообщеній съ Карсомъ, но въ горной странѣ, самое близкое перенесеніе операціонной и продовольственной линіи составляетъ чрезвычайно деликатную операцію и дѣлается иногда неисполнимой отъ препятствій, которыхъ и нельзя предвидѣть; почему фланговыя движенія, въ значительномъ размѣрѣ сопряжены здѣсь съ такими случайностями, что гораздо благоразумнѣе не предпринимать ихъ, если можно безъ того обойтись.

Со взятіемъ Ардагана, еслибъ главныя турецкія силы продолжали упорно держаться подъ Карсомъ, представляется возможность новаго образа дѣйствій, перенесеніе основнаго военнаго базиса изъ Александрополя въ Ахалцыхъ и Ахалкалаки и движеніе главными силами по дорогѣ изъ Ардагана къ Эрзеруму, въ тылъ саганлугскаго хребта. Но подобнаго рода операція, исполнимая во всякой открытой и заселенной сторонѣ, здѣсь даетъ мѣсто тѣмъ же возрѣніямъ, какъ и предъидущая, только въ сильнѣйшей степени; потому что представляетъ болѣе обширные размѣры и требуетъ болѣе долгаго времени. Въ такой сторонѣ какъ сопредѣльная намъ часть азіятской Турціи можно принять за общее правило: затрудненія

каждой военной операціи возрастаютъ въ квадратномъ отношеніи къ ея сложности.

Наконецъ, можно анализировать случай, очень мало вѣроятный, но не выходящій изъ круга возможнаго,—случай нашей неудачи за Арпачаемъ и вынужденнаго отступленія нашего войска къ Александрополю. Противъ этой опасности существуетъ одно положительное средство: заранѣе приготовленные окопы укрѣпленнаго лагеря подъ Александрополемъ; тоже средство, которое хотя исполненное лишь въ половину, два раза уже спасало остатки турецкой арміи. Но средство это не окончательное. Нѣтъ сомнѣнія, что въ предположенномъ случаѣ турки будутъ смѣлы: во-первыхъ, потому, что тутъ будетъ единственный шансъ ихъ къ пріобрѣтенію результата, котораго они такъ настойчиво добиваются; во-вторыхъ, потому, что съ неудачей за Арпачаемъ, вѣроятно для насъ возникнутъ опасности и въ тылу; въ-третьихъ, главное, потому, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, рискъ для турокъ всегда и вездѣ, на этой границѣ, меньше чѣмъ для насъ; при большой неудачѣ мы можемъ потерять Закавказскій край; а они, при самой большой только Карскій пашалыкъ и часть Ахалцыхскаго.

Во всякомъ случаѣ, даже и при такомъ оборотѣ дѣла, у насъ останется еще достаточно средствъ, чтобы оправиться: александропольскій отрядъ, въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ крѣпостію, задержитъ непріятеля на долго, это не подлежитъ сомнѣнію. Однакожъ, Закавказскій край не можетъ долго оставаться осажденнымъ въ лицѣ своего главнаго отряда, не разсыпавшись у насъ въ рукахъ; и потому намъ нельзя будетъ ждать, пока непріятель, утомленный неудачными покушеніями, отступитъ самъ отъ Александрополя. Намъ должно будетъ избавиться отъ него немедленно, т. е. вторично дать ему сраженіе и разбить его; чего запертый въ своемъ лагерѣ отрядъ не въ состояніи сдѣлать безъ большаго подкрѣпленія. Диверсіи другихъ отрядовъ къ турецкимъ городамъ не помогутъ нисколько; мы видѣли, что непріятель въ нынѣшней кампаніи 1854 года вовсе не боялся обнажить Ардаганъ и Баязетъ, когда дѣло шло объ успѣхѣ на рѣшительномъ пунктѣ. Только немедленное и сильное подкрѣпленіе главному отряду будетъ въ состояніи вывести насъ изъ критическаго положенія; и подкрѣпленіе это, единственное, на которое мы можемъ расчиты-

вать, — не разсѣянные по Кавказу баталіоны, но ахалцыхскій отрядъ. Успѣхъ турокъ, какой мы предположили, возможенъ только при сосредоточеніи ихъ арміи на карской плоскости; тогда у Ардагана не останется такихъ силъ, чтобы онѣ могли отдѣльной массой идти на Тифлисъ по боржомской дорогѣ; а мѣстные успѣхи ихъ въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ обратятся въ прахъ побѣдой надъ главной турецкой арміей. Поэтому, жертвуя всѣмъ для самаго важнаго, ахалцыхскій отрядъ долженъ оставить гарнизонъ въ крѣпости и нѣсколько ротъ въ Аузурѣ, и бѣжать къ Александрополю. Соединенные отряды ахалцыхскій и ахалкалакскій составятъ такую массу, которая немедленно дастъ намъ перевѣсъ въ полѣ *).

Мы не говоримъ здѣсь о возможной неудачѣ другихъ отрядовъ. Пока наши главныя силы въ грозномъ положеніи, мѣстныя неудачи могутъ имѣть только мѣстныя послѣдствія. Онѣ остановятъ временно наступленіе съ той стороны, не болѣе.

Г. ЭРИВАНСКІЙ ВОЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

Эриванскій военный театръ составляетъ лѣвый флангъ нашей линіи, упирается въ персидскую границу и болѣе всѣхъ удаленъ отъ центра непріятельскихъ силъ. Уже это одно опредѣляетъ его второстепенное значеніе. Но кромѣ того, за пограничнымъ Баязетскимъ пашалыкомъ тянутся горы Курдистана, столь же мало доступныя, какъ и Лагистанъ. Поэтому, кругъ дѣйствій эриванскаго отряда ограничивается обороною принадлежащей намъ плоскости и наступательными дѣйствіями въ Баязетскомъ пашалыкѣ.

Эриванская крѣпость составляетъ нашъ главный опорный пунктъ въ этой странѣ. Отъ нея ведутъ къ границѣ двѣ дороги: одна через Чангильскія высоты въ Баязетѣ; другая, вверхъ по Араксу въ Кагызманъ; эта послѣдняя дорога фланкируется съ лѣвой стороны Аракса старою персидскою крѣпостію Сардаро-Абадъ, которую въ короткое время можно привести въ оборонительное состояніе. Наступленіе турокъ на эриванскую плос-

*) Баязетскій же отрядъ, при своей отдѣльности и относительной малочисленности, едва ли можетъ принять дѣятельную роль въ этой операціи. Ему будетъ довольно своего дѣла на Араксѣ.

кость можетъ быть направлено по одной изъ этихъ двухъ дорогъ: изъ Кагызмана или изъ Баязета.

Кагызманская операціонная линія самая выгодная для турокъ. Она составляетъ кратчайшій и наиболѣе удобный путь отъ границы къ Эривани. Турецкій отрядъ, дѣйствующій по этому направленію, опирается на свои главныя силы и отрѣзываетъ прямое сообщеніе между нашимъ эриванскимъ отрядомъ и александропольскимъ; и въ тоже время обезопасиваетъ Баязетъ, отвлекая отъ него наши силы; эриванскій отрядъ не можетъ перешагнуть за Зангыльскія горы, когда непріятель вторгается внизъ по Араксу въ сердце страны. Это забвеніе самаго очевиднаго интереса доказываетъ лучше всего до какой степени нашъ нравственный перевѣсъ тяготѣетъ надъ турками; они подчиняются во всемъ распредѣленію нашего стратегическаго фронта и противуполагаютъ отрядъ отряду, не смѣя рѣшиться ни на какую самостоятельную операцію.

Въ случаѣ наступленія турокъ отъ устья Арпачая внизъ по Араксу, если эриванскій отрядъ не будетъ довольно силенъ, чтобъ разбить ихъ въ открытомъ бою, то онъ имѣетъ за собой опорный пунктъ, который, если его немного усилить, отлично обороняетъ эту линію,—Сардаръ-Абадъ. Турки не могутъ обойти его никакимъ образомъ и должны или отступить, или атаковать наши войска подъ крѣпостною стѣною. За этимъ опорнымъ пунктомъ лежитъ другой, еще сильнѣе, Эривань, составляющій узелъ всѣхъ дорогъ этой страны. — По направленію отъ Баязета, нашъ отрядъ можетъ занимать постепенно три оборонительныя линіи, лежащія одна за другою: пограничный горный хребетъ, Араксъ и окрестности Эривани.

Кругъ наступательныхъ дѣйствій эриванскаго отряда заключенъ въ довольно тѣсныхъ предѣлахъ. Занимая самый отдаленный отъ центровъ уголъ границы, онъ не можетъ имѣть большаго вліянія на общій ходъ дѣла, какъ и турецкій баязетскій отрядъ, и потому формируется малочисленнѣе прочихъ. Главное назначеніе его—охраненіе эриванской равнины и, какіе бы успѣхи ни имѣли наши войска на другихъ операціонныхъ линіяхъ, онъ не можетъ на много удалиться отъ своей границы. Главныя наши операціонныя линіи направляются къ югу-западу и хоть бы дѣйствующій корпусъ взялъ Эрзерумъ и проникнулъ въ глубь Малой Азіи, передъ эриванскою границею останутся занятыя непріятелемъ горы Курдистана и ее

должно будетъ охранять отдѣльнымъ отрядомъ. Такимъ образомъ, назначеніе эриванскаго отряда есть чисто мѣстное, между тѣмъ какъ военные театры Александрополя и Ахалцыха суть только временныя основанія для дальнѣйшихъ дѣйствій. Наступательныя движенія эриванскаго отряда ограничиваются на все время войны поясомъ пограничныхъ земель.

Для насъ, какъ и для турокъ, на эриванскомъ военномъ театрѣ находятся двѣ наступательныя операціонныя линіи на Баязетъ и на Кагызманъ. Принятое турками расположеніе ихъ дѣйствующаго отряда у Баязета, заставляетъ и насъ считать баязетскую линію главною, по крайней мѣрѣ временно. Намъ нельзя перенести главнаго дѣйствія на кагызманскую дорогу, пока турки занимаютъ Чангыльскія высоты; но они могутъ это сдѣлать: наше положеніе не равное. Мы открываемъ непріятелю Эривань и тифлисскую дорогу, которую онъ можетъ занять въ тылу отряда, онъ же, въ подобномъ случаѣ опирается на всѣ свои силы и открываетъ намъ только узкую, безъ всякаго выхода долину, составляющую баязетскій пашалыкъ, на которую, въ этомъ случаѣ, мы не можемъ ничего предпринять безъ опасности быть немедленно отрѣзанными. Но, съ пораженіемъ баязетскаго отряда, когда онъ заброшенъ въ Ванскія горы, намъ представляется свобода дѣйствовать на Кагызманъ.

Только въ этомъ случаѣ главное вниманіе должно быть обращено на то, въ какой степени разбить баязетское войско, потому что при слабости эриванскаго отряда, его нельзя дѣлить пополамъ и дѣйствовать порознь съ каждою половиною. Если непріятель разбитъ на голову такъ, что на нѣкоторое время принужденъ къ бездѣйствію, тогда можно оставить нѣсколько сотенъ кавалеріи на горахъ, для защиты границы отъ партій и всѣмъ отрядомъ вступить въ долину Аракса. Если же онъ только сбитъ съ поля и можетъ еще воротиться (предположеніе, впрочемъ, совершенно теоретическое, когда дѣло идетъ о турецкомъ войскѣ), тогда лучше довольствоваться пріобрѣтеннымъ результатомъ и занимать Баязетъ.

Операція эриванскаго отряда на Кагызманъ можетъ имѣть нѣкоторую важность только въ видѣ флангового движенія противъ карскаго корпуса; кагызманской дорогой можно пройти въ тылъ Карсу, на истоки Карсъ-Чая. Для непріятеля, увѣреннаго въ себѣ и разсчитывающаго холодно, это движеніе не

покажется опаснымъ; что̀ можетъ сдѣлать колонна въ 3 или 4 баталіона, въ какомъ бы то ни было направленіи, противъ массы въ 50 баталіоновъ, кромѣ одного: пройти до извѣстнаго пункта и воротиться назадъ. Но при неизвѣстности и сбивчивости, покрывающихъ на войнѣ каждое дѣйствіе противника, фланговыя и затыльныя движенія потрясаютъ нравственно войско, противъ котораго они направлены. Операція эриванскаго отряда, изъ Кагызмана по карской дорогѣ, можетъ быть лишь демонстраціей; но, вѣроятно, подѣйствуетъ на турокъ довольно сильно. Только для насъ дѣло въ томъ, какое именно это будетъ дѣйствіе?

Если карскій корпусъ занимаетъ позицію по александропольской дорогѣ, то отрядъ направленный изъ Кагызмана можетъ сдѣлать одинъ или два перехода отъ Аракса по Карской дорогѣ и немедленно воротиться за рѣку при первомъ извѣстіи о приближеніи непріятеля. Турки, видя войска у себя въ тылу, едва ли рѣшатся ощупывать свое положеніе; по всей вѣроятности они немедленно снимутъ лагерь и отступятъ къ Карсу, то есть, примутъ положеніе, наименѣе благопріятное для насъ. Стало быть, диверсія эриванскаго отряда черезъ Кагызманъ можетъ намъ быть полезна только въ такомъ случаѣ, еслибъ мы хотѣли заставить турецкій корпусъ покинуть безъ боя позицію на александропольской дорогѣ.

Если Карсъ будетъ взятъ, то занятіе долины Аракса, въ предѣлахъ Карскаго пашалыка, входитъ также въ кругъ дѣйствій эриванскаго отряда.

Существуетъ только одинъ случай, очень отдаленный, въ которомъ эриванская граница можетъ сдѣлаться базисомъ значительной военной операціи. Еслибъ Эрзерумъ былъ уже взятъ (что составляетъ послѣдній предѣлъ успѣховъ кавказскаго корпуса, безъ перенесенія въ эту сторону главнаго театра войны) и наши войска, занявъ предѣлы высокой арманской плоскости, стали бы въ оборонительное положеніе, тогда можно было бы устремить значительный отрядъ на югъ отъ Баязета, для покоренія Ванскаго пашалыка. Это было бы полезной экспедиціей свободнаго времени. До тѣхъ поръ эта часть азіятской Турціи, примкнутая къ персидской границѣ и лишенная стратегической важности, выходитъ изъ непосредственнаго круга военныхъ дѣйствій.

Сила, необходимая отряду, основывается на важности его

назначенія и на крѣпости препятствій, которыя онъ долженъ преодолѣть. Наступленіе должно вести къ рѣшительнымъ, а не къ побочнымъ пунктамъ; и если наступленіе эриванскаго отряда въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть полезно, то лишь съ условіемъ, что оно не отыметъ силъ у колоннъ, передъ которыми лежитъ болѣе важная цѣль. Для опредѣленія дѣйствительной силы арміи въ походѣ, нужно умножить численность каждой изъ ея колоннъ на важность стратегическихъ линій. по которымъ онѣ слѣдуютъ. Каждый баталіонъ ахалцыхскаго, и въ особенности александропольскаго отряда имѣетъ болѣе вліянія на общій ходъ дѣла, чѣмъ 3 баталіона въ эриванскомъ.

МѢСТНОЕ ВОЕННОЕ УПРАВЛЕНІЕ

ПОКОРНЫМИ ПЛЕМЕНАМИ КАВКАЗА.

Покорныя племена Кавказа, не вошедшія еще въ составъ гражданскаго управленія и находящіяся подъ военною властію, составляютъ одинъ изъ отдѣловъ военнаго управленія, требующихъ особеннаго вниманія и предусмотрительности.

Силою оружія или другими обстоятельствами вынужденныя покориться намъ или искать покровительства и защиты нашего правительства, эти племена, различныя по нравамъ и общественному быту, поступили въ наше управленіе почти на одинаковыхъ условіяхъ, а именно: съ сохраненіемъ религіи, прежняго внутренняго порядка, прежнихъ отношеній между сословіями, суда и расправы по народнымъ обычаямъ.

Постепенное введеніе въ этихъ племенахъ гражданскаго благоустройства и образованія, улучшеніе ихъ нравственнаго и матеріяльнаго быта составляютъ нашу цѣль, для которой мы призваны Провидѣніемъ на Кавказъ. Но мы должны дѣйствовать съ особенною осторожностію, чтобы мѣрами преждевременными, чуждыми еще понятіямъ и нравамъ кавказскихъ горцевъ, не внушить въ нихъ неудовольствія, недовѣрія и отвращенія ко всѣмъ нашимъ нововведеніямъ и не вызвать сопротивленія съ ихъ стороны. Лучшимъ для того средствомъ будетъ примѣняться при всѣхъ нашихъ преобразованіяхъ въ

управленіи мирными горцами къ общественному ихъ устройству и народнымъ обычаямъ; каждое изъ этихъ преобразованій должно быть только переходною ступенью, которою туземныя племена нечувствительно могутъ достигнуть со временемъ до желаемаго нравственнаго и гражданскаго развитія.

Существующія въ настоящее время въ большей части кавказскаго края управленія посредствомъ приставовъ, требуютъ по многимъ причинамъ неотлагательныхъ перемѣнъ и улучшеній:

1) Разновременность принесенія покорности небольшими обществами одного и того же племени, и другія временныя большею частію военныя обстоятельства были причиною, что одно и тоже племя раздѣлено на нѣсколько приставствъ, а чрезъ это число приставскихъ управленій увеличено безъ надобности, и нѣтъ единства въ положеніи горскихъ обществъ одного и того же племени.

2) Значительное число и малозначительность приставствъ не позволяютъ всегда избирать въ эти должности людей вполнѣ способныхъ, и соотвѣтствующихъ своему назначенію; самая повѣрка ихъ дѣйствій становится весьма затруднительною.

3) По значительному числу приставскихъ управленій не представляется возможности назначить каждому изъ приставовъ содержаніе, приличное его положенію. Почти всегда приставъ затрудняется въ средствахъ жизни, а между тѣмъ горцы, какъ и всѣ вообще азіятцы, уважая власть по наружному ея блеску, и не видя у приставовъ даже необходимаго довольства, судятъ о достоинствѣ русской власти по ближайшимъ ея представителямъ.

4) Судопроизводство и разборъ жалобъ и тяжбъ почти вездѣ оставлены у горцевъ въ томъ видѣ, въ какомъ они были у нихъ до изъявленія ими покорности Россіи. Судъ по адату (по народнымъ обычаямъ) и по шаріату (духовной, по смыслу корана) производятся первый—посредниками, избираемыми обѣими спорящими сторонами, а второй—кадіями и муллами. По свойству этихъ судовъ, приставъ не можетъ принимать никакого участія въ дѣлахъ судебнаго разбирательства, и эта важная часть общественнаго благоустройства остается внѣ нашего надзора и вліянія. Судъ по адату, требующій обоюднаго согласія спорящихъ сторонъ на выборъ посредниковъ, собирается медленно и допускаетъ умышленныя проволочки, а шаріатъ

ставить дѣла въ зависимость отъ произвольнаго толкованія муллами текстовъ корана. Первое обстоятельство тѣмъ болѣе невыгодно, что общественная безопасность у горцевъ основана на кровомщеніи; а потому, если кровавая вражда не прекращается своевременнымъ судебнымъ разбирательствомъ, то кровопролитіе продолжается безконечно.

Недостатки эти были замѣчаемы и въ прежнія времена, и въ слѣдствіе того сдѣланы нѣкоторые опыты улучшенія въ управленіи туземными племенами:

a) Еще въ 1822 году генераломъ Ермоловымъ учрежденъ кабардинскій судъ въ Нальчикѣ. Судъ этотъ, преобразованный въ 1849 году, съ большою пользою для края, существуетъ и по нынѣ.

b) По примѣру кабардинскаго суда, въ 1847 году, генералъ-фельдмаршалъ князь Воронцовъ учредилъ народный судъ во Владикавказѣ, для горскихъ народовъ, входившихъ въ составъ бывшаго владикавказскаго военнаго округа. Судъ этотъ также съ большою пользою и теперь существуетъ.

c) 20 октября 1852 года, въ видѣ временной мѣры, Высочайше одобрено учрежденіе чеченскаго управленія въ крѣпости Грозной. Въ теченіи слишкомъ четырехъ-лѣтняго своего существованія, управленіе это, состоявшее изъ полной административной системы, съ раздѣленіемъ на инстанціи, и изъ народнаго суда, примѣненнаго къ народнымъ обычаямъ чеченцевъ, принесло много пользы и вполнѣ оправдало цѣль своего учрежденія. Составленное изъ людей извѣстныхъ и уважаемыхъ въ краѣ, и находясь подъ близкимъ надзоромъ высшаго мѣстнаго начальника, оно пріобрѣло полную довѣренность чеченцевъ и успѣло уже ввести нѣкоторыя полезныя улучшенія въ ихъ народныхъ обычаяхъ.

d) Въ 1855 году, также въ видѣ временной мѣры, учрежденъ судъ въ Малой Кавардѣ (въ Псидахѣ).

Эти учрежденія, оправдываемыя опытомъ, не только убѣждаютъ въ пользѣ ихъ, но и указываютъ на возможность дальнѣйшихъ, постепенныхъ преобразованій. Однако же къ преобразованіямъ этимъ не возможно приступить нынѣ же во всѣхъ частяхъ Кавказа; а потому необходимость заставляетъ, въ нѣкоторыхъ изъ главныхъ отдѣловъ края, ограничиться на первое время учрежденіемъ только временнаго порядка управ-

ленія, отлагая до другаго времени преобразованія болѣе значительныя.

1. На правомъ крылѣ кавказской линіи.

На правомъ крылѣ кавказской линіи въ настоящее время состоитъ подъ нашимъ военнымъ управленіемъ только весьма незначительное туземное населеніе, которое водворено частію между Кубанью и Урупомъ, частію на правой сторонѣ верхней Кубани. Если успѣхъ увѣнчаетъ настоящія наши военныя предпріятія, направленныя, какъ со стороны Лабы, такъ и съ нижней Кубани,—то безъ сомнѣнія враждебныя нынѣ племена, будучи болѣе и болѣе стѣсняемы въ своемъ поземельномъ распредѣленіи, принуждены будутъ или покоряться, или переселяться за наши передовыя линіи. Но пока не высказались результаты нашихъ военныхъ предпріятій въ Закубанскомъ краѣ, невозможно еще приступить въ этой части Кавказа къ какому либо систематическому преобразованію мѣстнаго управленія, и по необходимости надобно только сдѣлать нѣкоторыя частныя измѣненія въ существующихъ приставскихъ управленіяхъ.

Управленія эти образовались постепенно; но суммы на ихъ содержаніе, отпускаемыя съ 1847 года, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ *), распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

1. На главное приставство закубанскихъ народовъ	900 р. — »
2. На приставство беслинѣевскихъ народовъ и закубанскихъ армянъ	300 » — »
3. На приставство тахталышевскихъ ауловъ.	300 » — »
4. На приставство темиргоевскаго, егорукаевскаго, хатукаевскаго и бжедуховскаго народовъ .	300 » — »
5. На приставство казараевскаго народа .	300 » — »
	2,100 » р. —

*) Высочайшее повелѣніе, сообщенное бывшимъ военнымъ министромъ, отъ 17-го ноября 1847 года, за № 1903.

Въ этомъ распредѣленіи приставствъ послѣдовали послѣ 1847 года слѣдующія измѣненія:

1. Въ 1848 году карачаевскому приставу подчинены абазинскіе переселенцы и на расходы по управленію ими опредѣлено отпускать добавочныхъ приставу. . . . . 100 р. — »

2. Въ 1851 году приставство темиргаевскаго, егорукаевскаго, хатукаевскаго и бжедуховскаго народовъ упразднено, а взамѣнъ его въ 1852 году учреждено приставство нижне-прикубанскихъ народовъ и приставу его опредѣлено содержаніе. . . . . 250 » — »

3. Въ 1855 году главное приставство закубанскихъ народовъ упразднено, и взамѣнъ его учреждено приставство карамурзинскихъ и кипчаковскихъ ногайцевъ, на которое расходуется . . . . 300 » — »

4. Наконецъ въ 1856 году для ауловъ, переселенныхъ въ 1855 году на р. Теберду, учреждено приставство тебердинское съ производствомъ приставу . . . . 150 » — »

(Остаточныя суммы отъ этихъ преобразованій употреблялись до нынѣ на содержаніе другихъ вновь учрежденныхъ или усиленныхъ управленій).

Нынѣ предполагается образовать всего 4 приставства:

1. Приставство нижне-прикубанское, которое оставить въ прежнемъ видѣ.

2. Приставство закубанскихъ ногайцевъ, которое составить изъ прежняго беслинѣевскаго и закубанскихъ армянъ. съ присоединеніемъ приставства карамурзинскихъ и кипчаковскихъ ногайцевъ.

3. Приставство тахтамышевское — въ прежнемъ видѣ.

4. Приставство карачаевское — съ присоединеніемъ къ нему абазинскихъ и тебердинскихъ ауловъ.

На содержаніе этихъ 4-хъ приставствъ полагается опредѣлить слѣдующія суммы.

1. Столовыхъ денегъ каждому изъ 4-хъ приставовъ по 280 руб. 20 коп. . . . . 1,120 » 80 »

2. На канцелярскіе расходы также каждому по 30 р. . . . . 120 » — »

3. На содержаніе 4-хъ переводчиковъ по 150 руб. по одному на каждое приставство. . . . 600 » — »

4. На содержаніе при каждомъ приставѣ по писарю по 16 руб. 95 коп. . . . . 67 » 80 »

5. На содержаніе помощниковъ приставовъ карачаевскаго и тахтамышевскаго *) по 300 р. каждому, если они будутъ изъ туземцевъ; если же изъ русскихъ офицеровъ, то полагается выдавать имъ жалованья по чину. . . . . . . 600 » — »

Всего. . . 2,508 р. 60 к.

На экстраординарные расходы, въ случаѣ надобности, полагается выдавать приставамъ необходимыя суммы изъ экстраординарной суммы, отпускаемой въ распоряженіе командующаго крыломъ.

Сверхъ сего, какъ на приставѣ лежитъ исполнительная власть и какъ онъ обязанъ, проживая среди ввѣреннаго его надзору населенія, дѣлать частые разъѣзды, то признается необходимымъ имѣть при каждомъ изъ приставовъ постоянную и надежную стражу изъ азіятцевъ въ числѣ 8 человѣкъ. Учрежденіе этой стражи имѣетъ значеніе нестолько административное, сколько военное и должно быть отнесено къ военному положенію, въ которомъ находятся еще покорныя горскія племена; а потому потребныхъ къ 4 приставамъ для стражи 32 человѣка азіятцевъ полагается имѣть изъ милиціонеровъ, для чего и включать ихъ въ число той милиціи, которая ежегодно вносится въ предположеніе о военныхъ дѣйствіяхъ въ Закубанскомъ краѣ.

2. На лѣвомъ крылѣ кавказской линіи.

Примѣръ чеченскаго управленія въ Грозной успѣлъ уже

*) Помощники эти необходимы: первому—по разбросанности ауловъ, состоящихъ въ карачаевскомъ приставствѣ; а второму—въ томъ вниманіи, что въ вѣденіи тахтамышевскаго приставства должны поступить аулы бѣглыхъ кабардинцевъ и другихъ племенъ, которыя имѣютъ быть водворены между Малымъ Зеленчукомъ и Урупомъ на землѣ Высочайше указанной для поселенія туземцевъ.

указать мѣстному населенію лѣваго крыла выгоды благоустройства и порядка, а положеніе всѣхъ почти горскихъ обществъ этой части Кавказа допускаетъ уже подобныя же преобразованія безъ затрудненій.

На содержаніе приставскихъ управленій горскихъ племенъ, обитающихъ въ предѣлахъ нынѣшняго лѣваго крыла кавказской линіи, на основаніи упомянутаго выше Высочайшаго повелѣнія, *) по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ ежегодно ассигнуется.

1. На приставство уруспіевскаго, чечемскаго, хуламскаго и балкарскаго народовъ.	300 р. — к.
2. На приставство мало-кабардинское . . .	450 » — »
3. На приставство дигерское	300 » — »
4. На содержаніе канцеляріи бывшаго начальника владикавказскаго военнаго округа для управленія мирными горцами	742 » 85 »
5. На столовыя адъютанту сего же начальника по завѣдыванію дѣлами по военной части и по кордонамъ 140 р. 10 к., двумъ писарямъ при этомъ адъютантѣ 33 р. 90 к. и на канцелярскіе расходы 99 р. 75 к.	273 » 75 »
6. На содержаніе главнаго приставства горскихъ народовъ бывшаго владикавказскаго округа	914 » 85 »
7. На приставство аллагирскихъ и куртатинскихъ народовъ	414 » 28 »
8. На приставство назрановскаго народа . .	628 » 55 »
9. На приставство карабулаковъ и чеченцевъ.	314 » 28 »
10. 2-мъ старшинамъ галгаевскаго народа .	240 » — »
11. 2-мъ знаменщикамъ назрановскаго народа.	240 » — »
12. На главное кумыкское приставство . .	1,600 » — »
13. На приставство костековское	150 » — »
14. На приставство аксаевское	150 » — »
15. На приставство надтеречныхъ чеченцевъ и брагунскаго народа	750 » — »
	7,468 р. 56 к.

*) Сообщенное въ отзывѣ военнаго министерства отъ 17 ноября 1847 г. № 1903.

Съ 1847 года по настоящее время въ этихъ приставскихъ управленіяхъ воспослѣдовали слѣдующія измѣненія:

1. Въ октябрѣ 1852 года приставство надтеречныхъ чеченцевъ и брагунскаго народа, за учрежденіемъ управленія чеченскаго народа упразднено . . . . 750 р. — »

2. Тогда же учреждено главное управленіе чеченскаго народа въ Грозной съ слѣдующимъ штатомъ:

Начальнику чеченскаго народа столовыхъ .	1,000 » — »
2-мъ Старшимъ адъютантамъ.	300 » — »
Переводчику арабскаго языка.	300 » — »
» чеченскаго »	150 » — »
4-мъ писарямъ	67 » 80 »
Деньщикамъ	8 » 40 »
Главному кадію	900 » — »
3-мъ народнымъ старшинамъ (по 300 руб. каждому).	900 » — »
4-мъ окружнымъ наибамъ (по 500 руб. каждому)	2,000 » — »
На канцелярскіе расходы	300 » — »
» экстраординарные расходы	750 » — »
» заготовленіе дровъ	125 » — »
	6,801 р. 20 к.

3. Въ апрѣлѣ 1856 года прекращено содержаніе 2-мъ старшинамъ галгаевскаго народа . 240 р. — к.

4. Тогда же упраздненъ одинъ изъ 4-хъ помощниковъ главнаго пристава народовъ бывшаго владикавказскаго округа. . . . . 142 » 85 »

5. Тогда же для племенъ галгаевскаго, царинскаго, джераховскаго и кистинскаго учреждено особое приставство **нагорное**, содержаніе коему опредѣлено въ годъ . . . . 735 » 35 »

6. Съ 1853 года по распоряженію г. генералъ-адъютанта князя Воронцова производится жалованье кадію Кандреевской деревни . . . 120 » — »

Ежегодно остатки отъ этихъ преобразованій, употреблялись на содержаніе вновь учреж-

денныхъ, или усиленныхъ управленій. Этихъ остатковъ было недостачно на покрытіе новыхъ расходовъ, значительно превышавшихъ сокращенія, почему въ число приставскихъ суммъ обращены еще слѣдующіе остатки:

a) Бывшія столовыя деньги начальника верхне-сунженской линіи, 1,000 руб., на основаніи Высочайшаго повелѣнія 16-го марта 1854 года № 2,667 разрѣшено употреблять на усиленіе надзора по управленію мирными племенами бывшаго владикавказскаго военнаго округа, ...	1,000 » — »
b) Содержаніе упраздненнаго управленія верхне-сунженской линіи (по предписанію г. генералъ-адъютанта князя Воронцова ставропольской коммисаріатской коммисіи отъ 12 марта 1853 года № 434, на оснаваніи Высочайшаго повелѣнія объ учрежденіи чеченскаго управленія 30-го октября 1852 года)	852 » 14 »
c) Содержаніе упраздненнаго переводчика бывшаго лѣваго фланга (на основаніи того же распоряженія)	300 » — »
d) Часть пенсіи покойнаго генералъ-маіора Ахмедъ-Хана бывшаго правителя Мехтулинскаго ханства (согласно Высочайшему повелѣнію, сообщенному предсѣдателемъ кавказскаго комитета 24-го февраля 1849 года № 302)	2,000 » — »
Итого . .	4,152 р. 14 к.

Но какъ при всемъ томъ и за обращеніемъ этой суммы новые расходы на лѣвомъ крылѣ кавказской линіи превышали сокращенія на 3,248 руб. 50 коп., *) то эта послѣдняя сумма постоянно относилась на общіе остатки отъ содержанія всѣхъ приставскихъ управленій на Кавказѣ

*) Хотя изъ содержанія покойнаго Ахмедъ-Хана Мехтулинскаго на содержаніе приставскихъ суммъ было обращено 2,000 р., но изъ нихъ 1,000 постоянно выдавались въ столовыя деньги бывшему помощнику Ханши Мехтулинской.

Нынѣ управленіе покорными племенами лѣваго крыла предполагается образовать на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Все покорное народонаселеніе лѣваго крыла, состоящее нынѣ изъ 182,000 душъ обоего пола, раздѣлить по племенамъ на 4-ре округа: кабардинскій, осетинскій, *) чеченскій и кумыкскій.

2. Начальникомъ каждаго округа назначить такое лице, которое по своему званію и личнымъ качествамъ имѣло бы вѣсъ и пользовалось уваженіемъ въ краѣ. Для этого мѣсто окружнаго начальника положено въ чинѣ полковника или генералъ-маіора, съ содержаніемъ крайне необходимымъ для поддержанія въ глазахъ горцевъ уваженія къ представителю русской власти. Начальникъ округа подчиненъ непосредственно командующему войсками лѣваго крыла.

3. Къ начальнику округа опредѣлить нѣсколькихъ помощниковъ изъ военныхъ штабъ и оберъ офицеровъ или изъ туземцевъ; помощники эти непосредственно управляютъ частями округа; а сверхъ того; одинъ помощникъ состоитъ лично при окружномъ начальникѣ для разныхъ порученій и для исполненія его обязанности въ случаѣ отсутствія или болѣзни. Всѣ чины окружнаго управленія показаны въ прилагаемыхъ штатахъ.

4. Для судопроизводства, разбора жалобъ и тяжбъ, обсужденія вопросовъ о нуждахъ и потребностяхъ племени, въ каждомъ округѣ учредить судъ изъ постоянныхъ членовъ, по примѣру уже существующаго нынѣ чеченскаго суда въ кр. Грозной.

5. Народный судъ, подъ предсѣдательствомъ начальника округа, имѣетъ состоять изъ главнаго кадія и нѣсколькихъ депутатовъ, назначаемыхъ отъ всѣхъ отдѣльныхъ обществъ, входящихъ въ составъ округа. При судѣ находятся словесный и письменный переводчики и нѣсколько писарей для переписки. Адъютантъ начальника округа есть вмѣстѣ съ тѣмъ и производитель дѣлъ суда.

---

*) Округъ этотъ для отличія отъ нынѣ существующаго Осетинскаго округа, можно назвать Военно-осетинскимъ. Впрочемъ имѣется въ виду упразднить нынѣшній Осетинскій округъ и тогда названіе его перейдетъ къ этой части лѣваго крыла, которую на первое время предполагается именовать Военно осетинскимъ округомъ.

Примѣчаніе. Кругъ дѣятельности начальника округа, обязанности его, права и власть, равно какъ и помощниковъ его и народныхъ судовъ будутъ опредѣлены въ свое время подробною инструкціею.

Изложенныя общія основанія окружнаго управленія примѣняются къ каждому изъ 4-хъ округовъ лѣваго крыла кавказской линіи слѣдущимъ образомъ:

а) Округъ кабардинскій: Сюда войдутъ большая и малая Кабарда и настоящее приставство уруспіевскаго, балкарскаго, чечемскаго и хуламскаго народа. Кабардинскій народный судъ въ Нальчикѣ въ настоящее время имѣетъ депутатовъ только отъ большой Кабарды; теперь необходимо будетъ назначить въ него кромѣ 4-хъ прежнихъ депутатовъ еще двухъ отъ Малой Кабарды *) и одного отъ остальныхъ поименованныхъ горскихъ народовъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ балкарцевъ. Мѣстопребываніе начальника округа и суда въ Нальчикѣ.

Къ Кабардинскому же округу причисляется временно и Дигорія, отъ которой также долженъ быть депутатъ (восьмой) въ кабардинскомъ судѣ; впослѣдствіи же предполагается Дигорію перечислить къ Военно-осетинскому округу.

б) Округъ Военно-осетинскій. Въ него войдутъ главное приставство горскихъ народовъ бывшаго Владикавказскаго военнаго округа, приставства аллагирское и куртатинское, назрановское, нагорное, карабулановъ и галашевцевъ, а впослѣдствіи и дигорское. Въ народномъ судѣ Осетинскаго округа будутъ находиться 11-ть депутатовъ, а именно отъ назрановцевъ 2, отъ галгаевцевъ 1, джераховцевъ и кистинцевъ 1, отъ ингушъ 1, отъ тагоурцевъ 2, отъ аллагирцевъ и куртатинцевъ 2, отъ горскихъ осетинъ 1, отъ карабулоковъ и галашевцевъ 1, и впослѣдствіи еще 1 отъ дигорцевъ. Мѣстопребываніе начальника Осетинскаго округа и суда во Владикавказѣ.

в) Чеченскій округъ: въ него войдетъ все населеніе, состоящее нынѣ подъ главнымъ чеченскимъ управленіемъ; и всѣ будущіе переселенцы, имѣющіе водвориться на Мичикѣ, Аргунѣ и по другимъ рѣкамъ Чечни. Въ народномъ судѣ будутъ депутаты: отъ большой Чечни 1, отъ малой Чечни 1, отъ

Изъ 6-ти депутатовъ кабардинскихъ полагаются трое отъ высшаго сословія, а трое отъ простаго народа.

надтеречныхъ ауловъ 1 и отъ мичиковскихъ переселенцевъ 1. Мѣстопребываніе суда и начальника округа въ Грозной.

г) Кумыкскій округъ образуется изъ кумыковъ и нагайцевъ, а со временемъ къ нему присоединятся и тѣ изъ прилежащихъ обществъ, которыя могутъ намъ покориться. Въ народномъ судѣ этого округа будутъ находиться четыре депутата. Мѣстопребываніе начальника округа и народнаго суда въ Хасавъ-Юртѣ.

3. Въ Прикаспійскомъ краѣ.

По положенію 14-го декабря 1846 года, безъ измѣненія вошедшему въ учрежденіе 1855 года объ управленіи Закавказскимъ краемъ, Прикаспійскій край состоитъ изъ двухъ частей: Дербентской губерніи и земель сѣвернаго и нагорнаго Дагестана (ст. 28, 528 и 551 свод. закон. по 19 прод.). Въ составъ губерніи включены: городъ Дербентъ, уѣзды Дербентскій и Кубинскій, округи Самурскій и Даргинскій, ханства Кюринское и Казыкумыхское и земли, лежащія къ югу отъ Аварскаго Койсу *).

Подъ общимъ именемъ земель сѣвернаго и нагорнаго Дагестана разумѣются владѣнія: Шамхальство Тарковское и ханство Мехтулинское и невходящіе въ составъ владѣній отдѣльные аулы: Ишкарты, Каранай, Эрпели, Чиркей, Чиръ-Юртъ, Міатлы, Султанъ-Янгіюртъ и Отаръ Аухъ (ст. 551 учр. зак. по 19 прод).

На этомъ основаніи, жители частей, вошедшихъ въ составъ губерніи, должны бы принадлежать вѣденію гражданскаго управленія; жители Шамхальства Тарковскаго и ханства Мехтулинскаго—управляться своими владѣтелями на основаніи наслѣдственныхъ ихъ правъ, аулы, непринадлежащіе къ составу владѣній, должны управляться каждый отдѣльно, старшинами,

---

*) Во время изданія положенія 14-го декабря 1846 года, общества, живущія къ югу отъ Аварскаго Койсу: Андалялъ, Анкратль и Карахъ были въ мирныхъ съ нами сношеніяхъ и даже считались покорными. Нынѣ они открыто въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ намъ.

избираемыми русскимъ правительствомъ подъ надзоромъ ближайшихъ воинскихъ начальниковъ; а именно: Ишкарты, Каранай и Эрпели — командира дагестанскаго пѣхотнаго полка, Чиркей—воинскаго начальника евгеніевскаго укрѣпленія, Чиръ-Юртъ, Чантъ-аулъ и Отаръ-Аухъ—командира драгунскаго Его Королевскаго Высочества принца Виртемберскаго полка.

Въ дѣйствительности, положеніе дѣлъ въ Прикаспійскомъ краѣ не согласуется съ узаконеннымъ порядкомъ:

Жители города Дербента (до 13 т.), улускаго Магала (до 3 т.) и Кубинскаго уѣзда (118 т.) вполнѣ п[illegible]рны русскому правительству, свыклись съ нашими постановленіями и способны подчиняться нашимъ гражданскимъ учрежденіямъ. Жители Кайтака и Табасарани (до 20 т.), округа Садурскаго (до 30 т.), округа Даргинскаго (до 100 т.) и отдѣленыхъ ауловъ сѣвернаго Дагестана (до 6 т.)—требуютъ особаго рода управленія, основаннаго на народныхъ обычаяхъ. Еще ступенью ниже по понятіямъ, образу жизни и нравамъ, стоятъ жители ханствъ: Кюринскаго (до 25 т.), Казикумухскаго (до 39 т.), Мехтулинскаго (до 12 т.) и Шамхальства Тарковскаго (до 28 т.); поэтому признано было удобнѣйшимъ, всѣ четыре эти владѣнія предоставить мусульманскому управленію на ханскихъ правахъ. Наконецъ жители Сюргинскаго общества (16 т.) шести горныхъ деревень и двухъ вольныхъ магаловъ въ Кайтагѣ (Жубконь и Карадарга до 25 т.), обязались платить подати, но не приведены еще въ дѣйствительное подданство; а жители вольныхъ магаловъ обѣихъ Табасараней и четырехъ вольныхъ же магаловъ Кайтага (всего до 30 т. душъ), — хотя неоднократно и изъявляли намъ покорность, но повинуются только силѣ оружія; русскаго же управленія здѣсь вовсе еще не существуетъ.

Такая разнохарактерность составныхъ частей и постоянное военное положеніе края были причиною, что общія положенія, существующія для гражданскихъ управленій въ Имперіи, не могли быть примѣнены ко всѣмъ странамъ, включеннымъ по положенію въ составъ Дербентской губерніи. Только въ гор. Дербентѣ. въ Улускомъ Магалѣ и въ Кубинскомъ уѣздѣ гражданское управленіе успѣло установиться и дѣйствуетъ согласно съ законнымъ порядкомъ, въ другихъ же частяхъ оно оказалось преждевременнымъ, такъ что самое названіе губерніи при-

личествуетъ нынѣ не болѣе, какъ темъ названнымъ выше частямъ.

Такимъ образомъ, по самому положенію страны, необходимость заставляла, во многихъ случаяхъ, предположенное гражданское управленіе замѣнять властью военною. Такъ въ 1844 году, въ видахъ удержанія въ покорности Акушинскаго и Цудахарскаго обществъ, учреждено Даргинское приставство, на содержаніе котораго, по Высочайшему повелѣнію, сообщенному военнымъ министромъ отъ 12-го декабря 1844 года, за № 11,371, опредѣлено ассигновать ежегодно по 3,090 руб. по военной смѣтѣ. Съ 1845 года, послѣ происшедшаго въ Акушѣ мятежа и убійства бывшаго пристава маіора Оленича, Даргинское приставство само собою упразднилось, но ассигнуемая на него сумма 3,090 руб. была обращена на содержаніе другихъ вновь учрежденныхъ или усиленныхъ приставскихъ управленій, и въ 1847 году она вошла въ общее росписаніе суммъ, по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, согласно Высочайшаго повелѣнія, сообщеннаго въ отзывѣ военнаго министра отъ 17-го ноября 1847 года, за № 1,903. Надо полагать, что при этомъ по ошибкѣ цыфра 3,090 руб. замѣнена цыфрою 3,070 руб.

Эта сумма и нынѣ есть единственная ассигнуемая по смѣтѣ на содержаніе приставскихъ управленій въ Дагестанѣ.

Но съ 1847 года, по изложеннымъ выше причинамъ, разрѣшаемы были разные другіе расходы на содержаніе приставскихъ управленій въ Дагестанѣ съ отнесеніемъ на суммы военнаго вѣдомства:

1) Исправляющему должность помощника Шамхала-Тарковскаго, выдаются изъ остатковъ отъ приставскихъ суммъ, по распоряженію генералъ-адъютанта князя Воронцова, отъ 23-го октября 1851 г., столовыя деньги . . . . 1,000 руб.

2) Бывшій помощникъ Ханши Мехтулинской подполковникъ Лазаревъ получалъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія, сообщеннаго въ отзывѣ предсѣдателя кавказскаго комитета, отъ 24-го февраля 1849 года, № 302, столовыя изъ означенной же суммы, въ которую на сей предметъ и обращено изъ содержанія покойнаго Ахмедъ-хана Мехтулинскаго . 1,000 »

3) Управляющему Мехтулинскимъ ханствомъ флигель-адъютанту лейбъ-гвардіи казачьяго полка, поручику Ибрагимъ-хану, производятся на основаніи Высочайшаго повелѣнія, сообщеннаго въ отзывѣ отъ 18-го марта, № 3,072, столовыя деньги по . . . . . 1,000 »

Итого расходуется нынѣ . . . 3,000 руб.

Въ настоящее время по гражданскому вѣдомству составляется проектъ преобразованія общаго и частныхъ управленій въ Прикаспійскомъ краѣ и между прочимъ предположено учредить новое управленіе для Даргинскаго округа; а потому и сумма, ассигнуемая съ 1844 года на даргинское приставство. въ 3,090 руб., должна поступить въ штатныя суммы гражданскаго въ Прикаспійскомъ краѣ управленія.

Затѣмъ останутся на военномъ вѣдомствѣ только слѣдующіе расходы по управленіямъ въ Дагестанѣ:

1) Столовыя офицеру, состоящему въ званіи помощника Шамхала Тарковскаго . . . . 1,000 руб.

2) Столовыя правителю Мехтулинскаго ханства . 1,000 »

Всего . . 2,000 руб,

4. На лезгинской кордонной линіи.

Въ росписаніе суммъ, ассигнуемыхъ по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ на содержаніе приставскихъ управленій (17-го ноября 1847 года), значатся на лезгинской кордонной линіи слѣдующія приставства:

Джурмутское	450 руб.
Анцухо-Капучинское	611 »
Дидойское.	554 »
	1,615 руб.

Всѣ три общества: джурмутское, анцухо-капучинское и дидойское, уже болѣе 15-ти лѣтъ отложились отъ покорности

и суммы, на эти приставства отпускаемыя, поступаютъ въ числѣ свободныхъ остатковъ на другія, вновь образовавшіяся приставства, за исключеніемъ назначенныхъ завѣдывающему капучинскими выходцами *).

5. Въ Кутаисскомъ генералъ-губернаторствѣ.

Въ росписаніи 1847 года приставскихъ управленій на Кавказѣ вошли существовавшіе тогда на Черноморской береговой линіи два приставства: Цебельдинское—2104 руб. и Джигетское—2180 руб. Приставства эти по случаю оставленія войсками нашими во время минувшей войны бывшихъ укрѣпленій на восточномъ берегу Чернаго моря, были упразднены: Цебельдинское—5-го апрѣля, а Джигетское—9-го марта 1854 года.

Суммы на содержаніе ихъ, какъ во время войны, такъ и нынѣ продолжаютъ требоваться и обращаются на содержаніе вновь учрежденныхъ или усиленныхъ приставскихъ управленій.

Нынѣ, съ занятіемъ Абхазіи, возстановлено Цебельдинское приставство, о чемъ сообщено г-ну военному министру отъ 21-го іюня сего года за № 1380. Возстановленіе же джигетскаго приставства будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ.

Изъ предыдущаго краткаго обозрѣнія приставскихъ управленій видно, что только на лѣвомъ крылѣ Кавказской линіи предполагается сдѣлать въ нихъ значительное преобразованіе. единообразнымъ и правильнымъ устройствомъ военныхъ округовъ. Почти на тѣхъ же основаніяхъ имѣется въ виду образовать округа и въ Прикаспійскомъ краѣ по штатамъ гражданскаго управленія. Затѣмъ въ остальныхъ частяхъ Кавказа признается необходимымъ на первое время, по крайней мѣрѣ

*) Выходцы эти поселены близь Бежаньянъ и управляются старшиною, по назначенію нашего мѣстнаго начальства. Расходъ на содержаніе его производится по распоряженію генералъ-адъютанта князя Воронцова, отъ 20-го февраля 1849 года.

до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, оставить существующія приставскія управленія, съ нѣкоторыми только измѣненіями въ штатахъ и преимущественно въ распредѣленіи суммъ.

Остается въ заключеніи представить общій сравнительный разсчетъ какъ всѣхъ отпускаемыхъ нынѣ суммъ на управленіе покорными племенами Кавказа, такъ и требуемыхъ по предполагаемымъ новымъ штатамъ.

Выше уже объяснено, что штатная сумма на содержаніе приставскихъ управленій на Кавказѣ, въ числѣ 18,536 руб. 96 коп., вносится съ 1847 года въ смѣту министерства внутреннихъ дѣлъ, и отпускается по той же самой вѣдомости, которая была первоначально сообщена при отзывѣ г. военнаго министра отъ 17-го ноября 1847 года за № 1903. Но въ теченіи 10-ти лѣтъ (съ 1847 по настоящій 1857 годъ) произошли, какъ сказано, значительныя измѣненія въ приставскихъ управленіяхъ: нѣкоторыя изъ нихъ упразднены; иныя перемѣнили названія; другія переобразовались въ составѣ своемъ. Отъ того оказалось необходимымъ остатками отъ однихъ приставствъ покрывать расходы на другія, вновь учрежденныя или усиленныя управленія, и слѣдовательно отпускаемыя по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ суммы на приставскія управленія, хотя и употребляются сообразно съ ихъ предназначеніемъ; но расходуются уже не согласно съ первоначальнымъ распредѣленіемъ *).

Затѣмъ не всѣ новые расходы по приставскому управленію могли быть покрываемы ассигнованными на нихъ суммами; а потому необходимо было изыскивать для сего другіе еще источники; такъ что въ послѣдніе годы на содержаніе приставскихъ управленій всего поступаетъ:

1) По смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.	18.536	р. 96	к.
2) Изъ государственнаго казначейства. . .	3.545	» —	»
3) Изъ Ставропольской коммисаріатской коммисіи	2.152	» 14	»
4) Изъ мѣстныхъ сборовъ	1.680	» —	»
	25.914	р. 10	к.

*) Всѣ измѣненія послѣдовали въ приставскихъ управленіяхъ на Кавказѣ съ 17-го ноября 1847 года по настоящее время показаны въ особой, прилагаемой при семъ вѣдомости.

*) Подробнѣе исчислены эти суммы въ особой, прилагаемой вѣдомости.

Предполагаемое же нынѣ преобразованіе потребуетъ расхода:

На правомъ крылѣ кавказской линіи . . .	2,508 р. 60 к.
На лѣвомъ крылѣ кавказской линіи . . .	23,971 » 90 »
Въ Прикаспійскомъ краѣ	2,000 » — »
На Лезгинской кордонной линіи	100 » — »
Въ кутаисскомъ генералъ-губернаторствѣ .	633 » — »
	29,213 р. 50 к.
Сверхъ того какъ объяснено выше, нужно переассигновать въ гражданское вѣдомство на даргинское приставство	3,090 р. — к.
Всего потребно. .	32,303 р. 50 к.
Т. е. болѣе противъ настоящаго ассигнованія.	6,389 р. 40 к.

При томъ должно замѣтить, что суммы мѣстныхъ сборовъ нельзя обратить постоянно на содержаніе приставскихъ управленій по слѣдующимъ причинамъ:

1) Значительнѣйшую изъ нихъ сумму, собираемую съ вольно-проѣзжающихъ по военно-грузинской дорогѣ, предполагается обратить на содержаніе и улучшеніе военно-грузинской дороги, чтó будетъ совершенно согласно съ ея назначеніемъ.

2) Сумма за вывозъ дѣловаго лѣсу изъ Владикавказскаго военнаго округа, бываетъ весьма незначительна (отъ 400—500 р. въ годъ) и собирается нерегулярно.

3) Штрафная мало-кабардинская сумма зависитъ отъ числа проступковъ, за которые жители подвергаются денежной пѣни. Она также весьма незначительна, сборы ея нерегулярны, и при томъ съ улучшеніемъ нравственности въ народѣ, она можетъ и должна уменьшиться.

4) Въ штаты не включены суммы на отопленіе и освѣщеніе зданій, имѣющихъ быть занятыми подъ управленія мирныхъ горцевъ; только расходы этого рода и могутъ быть отнесены на суммы мѣстныхъ сборовъ.

Такимъ образомъ къ вычисленной выше суммѣ.	6,389 р. 40 к.
Нужно еще добавить	1,680 » — »
	8,069 р. 40 к.

Итакъ всего на учрежденіе новыхъ управленій мирными горцами потребуется по штату добавить 8,069 р. 40 к. сер.

Но сравнивая жалованье, получаемое по чинамъ военными генералами, штабъ и оберъ офицерами, входящими въ составъ вышеизчисленныхъ управленій, по прежнимъ и по вновь предполагаемымъ штатамъ оказывается:

По прежнимъ штатамъ . . . . 17,761 р. 40 к.
По новымъ . . . . 13,584 » — »

Убавлено. . . 4,177 р. 40 к.

Слѣдовательно дѣйствительнаго добавленія расходовъ по новымъ штатамъ потребуется только 3,892 р.

Но для большаго порядка въ отпускѣ и расходованіи суммъ, было бы желательно, чтобы вся внесенная въ новый штатъ сумма, именно 32,745 р. 50 к., была перечислена къ отпуску, изъ котораго либо одного мѣста или вносилась ежегодно общею статьею въ военную смѣту кавказскую.

Нѣтъ сомнѣнія, что незначительное увеличеніе расхода будетъ вполнѣ вознаграждено тою пользою, которую можно предвидѣть отъ предполагаемаго улучшенія въ управленіи покорными племенами Кавказа, но должно прибавить, что на предположеніяхъ этихъ не должна остановиться попечительность русскаго правительства, принявшаго, такъ сказать, подъ свою опеку этотъ полудикій край: нашъ долгъ и наша честь требуютъ настоятельно, чтобы вмѣстѣ съ успѣхами русскаго оружія постепенно подвигалось впередъ и развитіе гражданскаго устройства въ этомъ краѣ. Поэтому должно имѣть въ виду, что предполагаемыя нынѣ измѣненія въ штатахъ управленій покорными племенами Кавказа, составляютъ только начало предстоящаго въ будущемъ постепеннаго развитія этихъ учрежденій.

ДѢЛО О ВЫСЕЛЕНІИ ГОРЦЕВЪ.

Исполняя повелѣніе Е. И. Высочества я объѣхалъ туземныя населенія Кубанской области: округа абадзехскій, бжедуховскій и шапсугскій, приставства верхне и нижне кубанское. Вникнувъ, на сколько умѣлъ, въ настоящее положеніе туземныхъ племенъ, имѣю честь донести слѣдующее:

Количество туземнаго населенія въ Кубанской области составляетъ:

	По свѣденію.	
	Отъ штаба.	Отъ приставовъ.
Приставство верхне кубанское . .	26.348	43.932
» нижне кубанское . . .	4.540	8.252
Округъ Абадзехскій	38.434	38.434
» Бжедуховскій	37.476	37.648
» Шапсугскій	—	4.500
	106.798	132.766

Числовыя данныя штаба, командующаго войсками и у мѣстныхъ начальниковъ, различны, особенно въ итогѣ старыхъ, давно покорныхъ населеній верхне и нижне кубанскаго приставствъ, гдѣ цифры, показываемы приставами, почти вдвое превосходятъ цифры, показанныя штабомъ.

Вообще цыфры населеній можно принимать только приблизительно. потому что онѣ основаны на показаніяхъ туземцевъ. измѣнявшихся въ слѣдствіе каждаго новаго впечатлѣнія. Въ одномъ аулѣ прошелъ слухъ о близкомъ обложеніи податью и горцы до крайности уменьшали итоги; въ другомъ, сосѣднемъ говорили о надѣленіи землею по количеству показанныхъ душъ и жители чрезвычайно преувеличивали. При замкнутости жизни, не допускающей гостя проникнуть далѣе кунацкой, стоящей особнякомъ въ полѣ, нельзя было провѣрить показаній, тѣмъ болѣе, что серіозная статистическая работа какъ номеральное описаніе, до сихъ поръ далеко не по силамъ мѣстному начальству. Можно однакожъ съ достаточною вѣрностью принять итогъ туземнаго населенія Кубанской области около 130 т. душъ.

Распредѣленіе жителей по сословіямъ еще неопредѣленнѣе. Хотя нѣкоторые мѣстные начальники показали цифры, но сличая на мѣстѣ разнорѣчіе свѣденій этого рода, я не могъ придать имъ большаго значенія; чтобъ не ошибиться, ихъ надо выражать круглымъ числомъ. Такимъ образомъ можно принять съ достаточною вѣрностію численность высшаго сословія пши и вормъ, облеченныхъ закономъ дворянскими правами въ 3% къ итогу населенія. Крѣпостныхъ различныхъ наименованій въ верхнекубанскомъ приставствѣ въ 40%, въ нижне-кубанскомъ и округѣ абадзехскомъ въ 30%, а въ Бжедухскомъ округѣ число ихъ ничтожно, не выше 150 дворовъ, т.-е. 6% *).

Изо всѣхъ населеній Кубанской области одно Карачаевское можно считать вполнѣ осѣдлымъ матеріяльно и нравственно. такъ какъ погромъ послѣднихъ лѣтъ ни въ какомъ отношеніи его не коснулся и оно остается на мѣстахъ, искони имъ занимаемыхъ. Съ точки зрѣнія правительственныхъ мѣръ, Карачай подходитъ къ племенамъ Терской области, и не имѣетъ ничего общаго съ племенами Кубанской, отъ которыхъ онъ отдѣленъ въ добавокъ обширнымъ безлюднымъ пространствомъ называемомъ кордонными землями.

Остальное народонаселеніе Кубанской области рѣзко отличается своимъ положеніемъ отъ всѣхъ горскихъ племенъ Кавказа. Рядъ событій, дѣйствовавшихъ на него постоянно въ одну сторону отъ народныхъ возстаній противъ дворянства, начавшихся еще въ прошломъ столѣтіи, и до изгнанія туземцевъ изъ ихъ жилищъ русскимъ оружіемъ, смѣшалъ адыгескія племена въ хаотическую массу, почти истребилъ существовавшую прежде общественную организацію и образовалъ изъ нихъ безличный матеріялъ, изъ котораго правительство можетъ безъ малѣйшаго затрудненія выдѣлать все, что ему будетъ угодно. Адыгескія племена подверглись разложенію въ одинаковой степени, но всѣ они сильно тронуты. Народъ бжедуховъ, бывшій полумирнымъ еще современъ императрицы Екатерины, уцѣлѣлъ

*) По общемуитогу на дымъ приходится около 9 душъ обоего пола. Причина такой численности семьи заключается въ томъ, что дворовые крѣпостные (унауты) считаются нераздѣльно съ нею Всего выходитъ около 4 т. душъ обоего пола населенія дворянскаго, 100 т, вольныхъ людей и 20 т. крѣпостныхъ.

наиболѣе, но и тамъ всѣ общественныя отношенія существуютъ больше въ видѣ воспоминанія, чѣмъ закона. Мелкія племена кубанскихъ приставствъ, болѣе 30-ти лѣтъ, постоянно гоняемыя съ мѣста на мѣсто, то русскими то немирными, почти вовсе утратили племенную организацію, а новые переселенцы—абадзехи и другіе, составляютъ теперь только численное собраніе единицъ, ничѣмъ между собой несвязанныхъ. Между тѣмъ какъ Кабарда сохранила вполнѣ феодальное устройство, общее въ прежнее время всѣмъ адыгескимъ племенамъ, составляющее великое препятствіе нравственному упроченію русской власти, потому что оно противуполагаетъ законъ закону и поддерживаетъ народное единство; въ тоже время черкесскія племена Кубанской области, подорванныя возстаніями черни, топоромъ Мегметъ-Амина, безпрерывными переселеніями и послѣднимъ безпримѣрнымъ въ исторіи погромомъ, перестали быть племенами. Никакихъ обязательныхъ сословныхъ отношеній у нихъ теперь уже не существуетъ. Многіе аулы еще называются именемъ владѣльца—князя или первостепеннаго узденя; но, въ противуположность тому, что происходитъ въ Кабардѣ, свободное населеніе ауловъ считаетъ себя равноправнымъ съ владѣльцемъ. За князьями и дворянами остались только привилегіи этикета—гдѣ стать и гдѣ сѣсть, привилегіи съ каждымъ днемъ все болѣе приходящія въ забвеніе; на дѣлѣ же званіе ихъ составляетъ препятствія къ вліянію на общественныя дѣла. Народъ постоянно держитъ ихъ въ сторонѣ и старшинъ своихъ вездѣ выбираетъ изъ простолюдиновъ. Забвеніе дворянскихъ правъ такъ велико у туземцевъ Кубанской области, что даже въ аулахъ, вновь населенныхъ на владѣльческой землѣ, дарованной правительствомъ нѣкоторымъ лицамъ, нѣтъ никакихъ обязательныхъ отношеній между владѣль, цемъ и поселенцами, они пользуются его землею безвозмездно. Для того чтобъ оградить этихъ поселенцевъ даже на будущее время отъ притязаній владѣльца, по распоряженію графа Евдокимова за ними оставлено узаконенная пропорція земли въ другихъ аулахъ, къ которымъ они приписаны. Причина такого необыкновеннаго снисхожденія владѣтелей состоитъ въ ихъ родовой гордости; они соглашаются понести жертву, чтобъ видѣть вокругъ себя хоть часть своихъ бывшихъ вассаловъ и пользоваться съ ихъ стороны хоть наружнымъ почетомъ. Полковникъ Маметъ-Гирей-Ловъ, напри-

мѣръ поселилъ на отведенной ему землѣ, нѣсколько десятковъ дворовъ изъ бывшаго когда то своего аула, для того, говорили мнѣ, эти поселяне, чтобъ ему жить было не скучно. Система, преслѣдуемая графомъ Евдокимовымъ по управленію закубанскими народами, столь же неуклонна въ этомъ отношеніи, какъ и его военная система; начало ей положено еще въ бытность его начальникомъ праваго фланга. Не только свободные люди всѣхъ сословій на дѣлѣ уравнены въ правахъ, и приняты мѣры чтобъ обязательныя отношенія и впредь не могли нигдѣ возникнуть; но при основаніи новыхъ поселеній устраненъ даже обычай, неизмѣнный до сихъ поръ у адыговъ, называть ихъ именемъ владѣльца, около котораго групируются его прежніе подвластные; аулы названы просто именемъ урочища, что весьма важно въ понятіи горцевъ; при этомъ теряется даже воспоминаніе о прежней зависимости. При мѣрахъ, принятыхъ властію и распространенномъ между закубанскими черкесами духѣ равенства, нѣтъ мѣста опасенію, чтобъ нѣкоторыя лица между туземцами, какимъ бы вліяніемъ они не пользовались, могли поставить прежнихъ подвластныхъ, или новыхъ выселенцевъ, въ обязательныя отношенія къ себѣ; это вещь совершенно невозможная. Съ другой стороны очевидно, какъ много такой порядокъ вещей способствуетъ правильному развитію русскаго управленія между закубанскими горцами и вообще народному благоустройству. Правительство долго поддерживало на Кавказѣ мѣстную аристократію, для противодѣйствія мюридизму, который былъ врагомъ одинаково и ей, и намъ; но тамъ гдѣ мюридизмъ не опасенъ, мѣстная аристократія становится положительнымъ препятствіемъ для правительственныхъ цѣлей. Мюридизмъ велъ противъ насъ наступательную войну; аристократія ведетъ войну оборонительную, ограждая народъ отъ русскаго вліянія цѣлой системой отношеній, замкнутыхъ, недоступныхъ намъ, отдѣляющихъ массу, какъ бы стѣною отъ русскаго закона и обычая. Окружные начальники какъ Абдурахмановъ и Шибшіевъ, сами кабардинцы увѣряютъ (по моему понятію совершенно справедливо), что ничего нѣтъ легче, какъ обрусить абадзеховъ и шапсуговъ, лишенныхъ общественной организаціи; но что ничего нѣтъ труднѣе, какъ обрусить Кабарду, гдѣ эта организація стоитъ во всей силѣ. При отсутствіи установленныхъ сословныхъ отношеній и взаимной связи, закубанецъ теперь по необходимости прибѣгаетъ во вся

комъ случаѣ къ русскому начальству, отворяя нашему вліянію двери настежъ къ самымъ потаеннымъ уголкамъ своей общественной жизни. Въ настоящее время изо всего Кавказа только въ Закубанскомъ краѣ можетъ быть немедленно установлено чисто русское управленіе, безъ всякихъ шаріятовъ, а чрезъ непродолжительное время и безъ всякихъ адатовъ.

Кромѣ распаденія общественнаго быта, закубанскіе черкесы испытали въ послѣднее время такое неимовѣрное нравственное потрясеніе, что имъ нѣтъ уже возможности отъ него оправиться; они отданы теперь, во власть Россіи какъ малыя дѣти. Понятія ихъ до того спутались неслыханнымъ разгромомъ, что они ничему не удивятся, что бы съ ними не сдѣлали и малѣйшее снисхожденіе примутъ какъ благодѣяніе. Едва вѣрить глазамъ, смотря какъ черкесъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ отчаянно, прорывавшійся для грабежа сквозь тройной рядъ военныхъ линій, теперь въ своей землѣ, въ глухомъ лѣсу, робко сторонится передъ встрѣчнымъ крестьяниномъ; мальчишка бьетъ его и онъ не смѣетъ отводить его ударовъ, чему я самъ былъ свидѣтелемъ. Понимая безсиліе свое для борьбы противъ русской имперіи, но не понимая еще своихъ правъ русскаго гражданина, черкесы покорились постигшей ихъ участи и безропотно переносятъ безпрерывныя притѣсненія и насилія отъ своихъ сосѣдей казаковъ и всякаго чужаго человѣка. Даже глядѣть они стали какими то рабами польскаго пана. Подобной деморализаціи никогда не было видано. Все нынѣшнее закубанское туземное населеніе составляетъ запуганную толпу, которой правительство можетъ дать какое угодно направленіе. Чеченецъ плюетъ на русскаго, дагестанецъ смотритъ на него изъ подлобья, кабардинецъ—съ высоты своего узденьскаго величія; закубанскій же черкесъ снимаетъ передъ русскимъ шапку.

Графъ Евдокимовъ добился вполнѣ того результата, что во всемъ туземномъ населеніи Кубанской области, какъ старомъ, такъ и вновь покоренномъ, ни одинъ человѣкъ не выходитъ изъ дому вооруженный. Во время трехъ-недѣльной поѣздки моей отъ Карачая до Хабля, я не видѣлъ ни одного вооруженнаго горца *). Дворянамъ позволено носить шашку; но огне-

---

*) Кромѣ нѣсколькихъ милиціонеровъ при приставахъ.

стрѣльное оружіе запрещено поголовно и нарушеній этого правила нѣть и быть не можетъ. Милиціонеры, посылаемые приставами за предѣлы своего участка, положительно отказываются ѣхать съ оружіемъ даже при билетѣ, боясь казаковъ; выѣзжая изъ участка, они снимаютъ даже кинжалъ, составляющій принадлежность азіятской одежды. Теперь за Кубанью этимъ только и можно отмѣчать казаковъ отъ горцевъ; безоружный—стало быть горецъ. Черкесы не могутъ даже ходить на охоту и потому не держутъ въ домѣ патроновъ. У дворянъ ружье виситъ на стѣнкѣ, какъ знакъ досноинства; простолюдинъ продаетъ его за безцѣнокъ. Подобное запрещеніе, неукоснительно соблюдаемое, равняется обезоруженію и черезъ нѣсколько лѣтъ дѣйствительно доведетъ народъ до полнаго обеззоруженія.

Изо всѣхъ общественныхъ учрежденій закубанскихъ горцевъ уцѣлѣло только одно—крѣпостное право. Демократическія возстанія въ черкесскихъ племенахъ были споромъ свободныхъ сословій между собою и не касались отношеній владѣльца къ крестьянамъ, какъ не коснулся его и Магметъ Аминь. Крѣпостное состояніе у горцевъ имѣетъ въ настоящее время на практикѣ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ то было въ Россіи, или есть еще въ Грузіи, хотя по праву, основанія его почти тѣ же. У горцевъ три рода крестьянъ: 1) Огъ — поступившій добровольно съ своимъ потомствомъ подъ покровительство владѣльца, обязанный ему нѣкоторыми повинностями и во всемъ прочемъ свободный человѣкъ. Сословіе это въ послѣднее время чрезвычайно умалилось постепеннымъ выкупомъ, такъ что оговъ теперь мало. 2) Пшитль — крѣпостной, живущій своимъ домомъ. Классъ этотъ составляетъ три четверти всего числа крѣпостныхъ. Обязанности его опредѣлены разнообразнымъ обычаемъ, но онѣ состоятъ исключительно въ работѣ, такъ какъ черкесы не знаютъ оброка. 3) Унауты—домашніе рабы, лишенные всякихъ правъ, преимущественно женщины.

Дѣленіе это въ настоящее время можно считать только преданіемъ. Для правительства оно не можетъ имѣть значенія по самой обстановкѣ горцевъ. Закубанцы никогда не знали личной поземельной собственности; при обиліи земель каждый селился гдѣ хотѣлъ. На основаніи этого обычая имъ надѣляется земля русскимъ начальствомъ. Въ кубанскихъ приставствахъ, напримѣръ, гдѣ производится нарѣзка, то, хотя высшіе дворяне получаютъ по 150-ти десятинъ, а простые люди по

7-ми, но эти участки не лично даются владѣльцамъ, а только итогомъ ихъ опредѣляется размѣръ земли подъ каждый аулъ; а затѣмъ вся земля, все-таки, остается общественною. При этомъ число крѣпостныхъ вовсе не берется въ соображеніе, такъ какъ имъ и переписи не сдѣлано, и для нихъ не бываетъ никакой особой прирѣзки. Но какъ, между тѣмъ, безпрестанно случается, что человѣкъ высшаго класса имѣетъ мало крѣпостныхъ, а простой имѣетъ ихъ много, то участокъ въ 7-мь десятинъ приходится на него и на нѣсколько семей его крестьянъ. Хотя при общинномъ пользованіи землею и существующей еще неопредѣленности границъ, горцы покуда мало замѣчаютъ это обстоятельство; но правительство не можетъ упустить его изъ виду, такъ какъ оно кореннымъ образомъ измѣняетъ основаніе владѣльческаго права, дѣлаетъ горца, пользующагося крѣпостнымъ правомъ, не помѣщикомъ, а личнымъ рабовладѣльцемъ.

Всѣ свободныя сословія, благородныя и неблагородныя имѣютъ одинаковое право владѣть крестьянами, и какъ классъ этотъ до сихъ поръ постоянно пополнялся плѣнными, то были примѣры, что даже крестьяне ихъ покупали. Въ послѣднее время понятія о крѣпостномъ правѣ спутались у закубанскихъ горцевъ, какъ вся ихъ общественная организація; теперь отношенія крестьянина къ владѣльцу, столь же оборванному, обнищавшему и униженному какъ онъ самъ, зависятъ преимущественно отъ личности того и другаго. Тѣмъ не менѣе закубанцы чрезвычайно дорожатъ своими крестьянами и считаютъ только ими свое богатство. Со стороны дворянъ быть иначе не можетъ, потому что по черкесскимъ понятіямъ личный трудъ составляетъ для дворянина позоръ, исключающій его изъ сословія; а какъ наемныхъ людей у горцевъ достать трудно, а женщинъ невозможно, то дворянинъ долженъ держать крѣпостныхъ, чтобъ не умереть съ голоду. Я нашелъ все закубанское населеніе чрезвычайно встревоженнымъ слухами объ освобожденіи крѣпостныхъ. Съ одной стороны перепись крестьянамъ, требуемая отъ приставовъ начальствомъ, съ другой— освобожденіе крѣпостныхъ въ Гривенской станицѣ возбудили эти слухи. Цѣна на крѣпостныхъ упала и я видѣлъ уже въ краѣ чеченцевъ, которые воспользовались этимъ обстоятельствомъ и закупили за Кубанью нѣсколько десятковъ семействъ,

чтобъ вести ихъ на продажу къ себѣ за Терекъ. Такимъ образомъ въ 1864 году найденъ по дорогамъ русской имперіи караванъ рабовъ, ведомыхъ съ рынка на рынокъ. Перепись крѣпостныхъ встрѣтила чрезвычайныя препятствія. Владѣтели уклонились отъ сообщенія требуемыхъ свѣденій, такъ что верхне-кубанскій приставъ подполковникъ Агленцовъ сказалъ мнѣ, что безъ насильственныхъ мѣръ онъ не можетъ совершить переписи, а потому и прекратилъ свои требованія. Крестьянскій вопросъ за Кубанью требуетъ немедленныхъ, даже спѣшныхъ мѣръ со стороны высшаго начальства, въ томъ или другомъ смыслѣ, хочетъ ли оно удержать оставшіяся массы черкесовъ въ предѣлахъ имперіи, или изгнать ихъ въ Турцію; потому что исходъ зависитъ болѣе всего отъ этого пункта. Крестьянское дѣло находится теперь въ хаотическомъ состояніи. Съ одной стороны возбуждены слухи объ освобожденіи, заставляющіе владѣльцевъ помышлять о томъ, чтобъ скорѣе увести своихъ крестьянъ въ Турцію; съ другой стороны имъ предоставленъ такой произволъ, что владѣлецъ можетъ насильно вести въ Турцію крестьянъ, которые не хотятъ туда идти. Очень часто представляется такой вопросъ, и пристава не считаютъ себя въ правѣ отвѣчать на него отрицательно; да и дѣйствительно онъ не объясненъ. Такимъ образомъ человѣкъ, который отправляется въ мусульманское царство съ тѣмъ, чтобъ быть врагомъ Россіи и при первой войнѣ поднять на нее оружіе, имѣетъ право насильно становить въ число нашихъ враговъ людей, которые желаютъ быть вѣрными подданными Государя. Если владѣлецъ беретъ съ собой крестьянъ, то распродаетъ ихъ, что составляетъ тоже самое, потому что крестьяне соглашаются идти въ Турцію только для того, чтобъ не быть распроданными въ дурныя руки. Вообще у насъ съ самого начала не было обращено достаточнаго вниманія на крѣпостное сословіе, составляющее рѣзкое отличіе общественнаго устройства черкесовъ отъ другихъ кавказскихъ племенъ. Въ Дагестанѣ рабы находятся только у хановъ; въ Чечнѣ ихъ очень мало; у закубанцевъ же они составляютъ треть населенія. Черкесскіе крѣпостные, народъ не вооруженный, неумѣющій стрѣлять и никогда не ходившій на войну. Какъ угнетенный классъ, не знающій почти вовсе мусульманской религіи, они не могли и не могутъ быть нашими врагами; противъ насъ враждовали только свободныя и воинственныя сословія; но у насъ всегда

смѣшивали въ одно всю массу черкесскаго населенія. Позволяя выселяющимся въ Турцію горцамъ уводить массою своихъ крѣпостныхъ, мы лишаемъ себя рабочихъ рукъ, чрезвычайно трудолюбивыхъ, смирныхъ и ни въ какомъ отношеніи не опасныхъ людей. Такъ было прежде, но нѣтъ причины, чтобъ это продолжалось теперь, когда различіе двухъ классовъ черкесскаго населенія, воинственнаго и мирнаго, сдѣлалось хорошо извѣстнымъ. Горецъ, выселяющійся въ Турцію по ненависти къ намъ, не долженъ имѣть права на своихъ крѣпостныхъ, ни для того, чтобъ ихъ уводить, ни для того, чтобъ ихъ продавать, съ той минуты какъ онъ объявляетъ себя туркомъ. Конечно, подобное ограниченіе владѣльческаго права удержитъ отъ переселенія въ Турцію большую часть свободныхъ людей, которые хотятъ еще переселяться и потому подобная мѣра была, можетъ быть, несвоевременной, покуда правительство заботилось исключительно объ очищеніи Приморскаго края; но теперь она у мѣста, потому что нечего больше опасаться напуганныхъ и истерзанныхъ остатковъ черкесскаго населенія. Людей же, въ душѣ враждебныхъ намъ эта мѣра не удержитъ; они уйдутъ въ Турцію и бросятъ крестьянъ, которые станутъ свободными земледѣльцами.

Крѣпостной вопросъ у черкесовъ, невѣрно понятый властью, можетъ быть причиною великихъ затрудненій и имѣть послѣдствіемъ то, что результатъ выйдетъ совсѣмъ иной, чѣмъ желаетъ правительство. Особенности его слѣдующія:

1) У закубанцевъ крестьяне составляютъ въ настоящее время не земледѣльческое населеніе, хотя они и работаютъ въ полѣ, а личную собственность, такъ какъ землей они не надѣлены. Поэтому, даже въ послѣдствіи, никакого вида освобожденія кромѣ прямаго выкупа не можетъ быть предпринято.

2) Такъ какъ крестьяне должны чѣмъ нибудь жить, то при распредѣленіи оставшихся въ казнѣ земель Кубанской области, надобно оставить неприкосновенною пропорцію, необходимую для ихъ надѣленія. Свободныхъ земель осталось столько, что въ этомъ случаѣ не предстоитъ никакого затрудненія. Но, чтобы не переселять крестьянъ слишкомъ далеко и не разрывать односельцевъ, полезно сохранить запасы земли въ близости отъ ауловъ.

3. При нынѣшнемъ хаотическомъ состояніи населенія, которое нигдѣ еще прочно неосѣлось, въ которомъ продолжается

движенiе эмиграцiи, такъ что неизвѣстно, кто идетъ и кто остается, возбужденiе крестьянскаго вопроса можетъ только спутать все дѣло; тѣмъ болѣе, что влiянiе его простирается гораздо далѣе, чѣмъ предполагаютъ; слухи объ освобожденiи крестьянъ снова волнуютъ массы, которыя начали было уже осѣдаться: Мнѣ кажется, поэтому, что крестьянскiй вопросъ въ Закубанскомъ краѣ, нужно было бы отложить пока не устроится новый порядокъ въ краѣ и потому прiостановить всѣ мѣры, возбуждающiя несвоевременное броженiе.

4. Чтобы остановить насильственное выселенiе крестьянъ въ Турцiю, лишающее государство рабочихъ рукъ, никогда не бывшихъ опасными, я полагаю, было бы полезнымъ человѣчнымъ и политичнымъ объявить свободу тѣмъ крестьянамъ, господа которыхъ выселяются въ Турцiю. Для прекращенiя же позорныхъ сценъ публичной торговли рабами, воспретить продажу крѣпостныхъ за предѣлы области, но этой мѣры не обнародовать, чтобъ не возбудить новыхъ тревожныхъ слуховъ, а извѣстить объ ней только приставовъ. При нынѣшнемъ положенiи народа, не только признанiе, но одинъ совѣтъ пристава можетъ возбудить или прекратить всякое личное дѣйствiе.

5. Постепенное освобожденiе крестьянъ давно уже началось у закубанскихъ народовъ и большая часть бывшихъ рабовъ теперь уже свободны. Движенiе это продолжается; такъ что, когда пройдетъ смутное время для окончательнаго освобожденiя закубанскихъ крѣпостныхъ, не нужно будетъ, вѣроятно, никакихъ крутыхъ мѣръ; достаточно будетъ облегчить добровольный выкупъ крестьянъ, опредѣливъ положенiемъ его цѣнность. Такъ какъ закубанскiе крестьяне составляютъ личную собственность владѣльцевъ, и никакого поземельнаго вопроса съ этимъ дѣломъ не связано, то оно весьма просто, если предпринять его въ удобное время.

Необходимо имѣть въ виду, что, каковы бы ни были взаимныя несогласiя горскихъ сословiй, господъ и крестьянъ, все таки даже, враждующiе между ними скорѣе вѣрятъ другъ другу, чѣмъ намъ; а потому русскимъ властямъ нельзя еще покуда имѣть влiянiе отдѣльно на какое либо горское сословiе; для этого нужно чтобъ народъ осѣлся и привыкъ къ намъ. До того времени возможны только общiя мѣры упрочить поселенiе и успокоить массу.

Такому успокоенiю много мѣшаютъ частыя насилiя надъ

туземцами ихъ сосѣдей казаковъ. Горцы до такой степени запуганы послѣдними событіями, что не оказываютъ сопротивленія никому и никогда, что бы съ ними не дѣлали. Казаки же не великодушны и съ черкесами сбывается басня объ умирающемъ львѣ; всякій ихъ топчетъ. Отъ безнаказанныхъ убійствъ до мелкихъ оскорбленій, побоевъ, захватовъ отведенной имъ земли, имъ пришлось много вытерпѣть. Какъ казаки внѣ дома вооружены, а горцы безоружны, то первымъ легко позволить себѣ насиліе; побить безъ причины горца для многихъ составляетъ забаву. Когда горецъ приходитъ въ станицу для продажи своихъ произведеній, казакъ даетъ ему что хочетъ, половину, четверть того, что онъ требуетъ и затѣмъ гонитъ его вонъ; есть станицы, въ которыя горецъ и показаться не смѣетъ. Захваты земли производятся также безъ зазрѣнія совѣсти не только казаками, но войсками, которыя выкашиваютъ у горцевъ покосы, какъ сдѣлалъ ставропольскій полкъ и многія станицы по Кубани и Лабѣ, или даже хлѣба, отданные имъ начальствомъ, какъ сдѣлали крымскій полкъ. Отговоркой въ этомъ случаѣ служитъ, что у горцевъ много лишней земли; но горцы понимаютъ это такъ, что у нихъ нѣтъ собственности и что покорившій ихъ народъ можетъ распоряжаться по своему произволу отведенными имъ землями. Бываютъ насилія покрупнѣе. Я слышалъ о многихъ случаяхъ убійства и разбоя, совершонныхъ казаками надъ горцами. Когда я былъ въ армянскомъ аулѣ, неподалеку оттуда одинъ горскій мальчикъ стянулъ съ казачьяго воза арбузъ; казакъ положилъ его на повалъ ружейнымъ выстрѣломъ. Конечно, графъ Евдокимовъ не щадитъ виновныхъ и за всякимъ происшествіемъ наряжается слѣдствіе; но слѣдователи тѣже казаки, а людямъ, жившимъ съ нашимъ казачествомъ, извѣстно какъ сильна у него круговая порука и какъ рѣдко виновные бываютъ открыты и наказаны. Самая безконечность слѣдствія и суда составляютъ въ глазахъ горцевъ доказательство безнаказанности всякаго совершоннаго надъ ними насилія. Въ народѣ укореняется мнѣніе, что онъ беззащитно преданъ насилію сосѣдей-русскихъ, можетъ найти спасеніе только въ переселеніи въ Турцію. Если правительству угодно изгнать остатки черкесскаго населенія, то на это есть другія средства, безъ нарушенія справедливости. Можно положительно сказать, что вся масса шапсуговъ и абазеховъ, выдвинутая весной изъ

горъ, сначала не думали идти въ Турцію и для того чтобъ направить ее туда, приставамъ было достаточно вслѣдствіе полученныхъ приказаній, показать горцамъ суровое лице. Но если правительство не имѣетъ въ виду побуждать остальныхъ черкесовъ къ переселенію, то необходимо оградить ихъ на будущее время отъ притѣсненій сосѣдняго населенія, а для этого есть только одно средство: строгимъ циркуляромъ возложить на мѣстныхъ казачьихъ начальниковъ отвѣтственность за подобные случаи, и при повтореніи ихъ, на первые два или три раза поручить слѣдствіе не казачьимъ офицерамъ, а довѣреннымъ лицамъ, чтобъ показать скорый примѣръ на виновныхъ.

Хозяйство вновь выселенныхъ горцевъ, составляющихъ главную массу населенія, не могло еще получить характера прочности. Они живутъ большею частію въ наскоро плетенныхъ клѣтушкахъ и немогіе лишь строятъ небольшія рубленныя сакли. *) Пользованіе землями также имѣетъ покуда только временный характеръ. Графъ Евдокимовъ воспретилъ пока вывозъ на продажу лѣса, а въ Абадзехскомъ округѣ запрещена и продажа сѣна; эти горцы не могутъ перепродавать построенныя ими сакли. Мѣры эти приняты противъ выселяющихся въ Турцію, которые стараются все обратить въ деньги безъ малѣйшей заботы объ остающихся. Но тѣ, которые желаютъ остаться, показываютъ довольно заботливости о своемъ будущемъ; въ нѣсколькихъ предоставленныхъ имъ рощахъ, абадзехи отъ себя учредили лѣсную стражу, чего нѣтъ еще въ большой Кабардѣ. Скота у вновь переселенныхъ горцевъ не много; хотя они закупили весною большое количество его въ Туапсе, но сильный падежъ вновь совершенно ихъ разстроилъ. Вообще для прочнаго устройства абадзеховъ нужно еще нѣсколько лѣтъ; они вышли изъ горъ въ такомъ состояніи нищеты, что половина ихъ и теперь еще ходятъ почти нагіе и не имѣютъ никакого орудія, ни топора, ни лопаты для работы. Средства жизни однакожъ обезпечены имъ всегдашнею возможностію заработка отъ сосѣдей казаковъ, постоянно нуждающихся въ рабочихъ рукахъ. Прекращеніе продовольствія отъ казны заставило многихъ обратиться къ труду; но и теперь еще бродятъ толпами нищіе, хотя молодые и здоровые. Одни крѣпостные работаютъ

*) Которыхъ теперь не больше какъ по одной или по двѣ на аулъ.

усердно. Такую лѣность, впрочемъ, нельзя приписать народному характеру, потому что черкесы не дворяне сколько нибудь осѣдлые, вездѣ чрезвычайно трудолюбивы; она происходитъ отъ двухъ-лѣтней привычки къ бродяжнической жизни и исчезнетъ съ водвореніемъ осѣдлости.

Поведеніе всего закубанскаго народа, принявшаго покорность, примѣрно. Кромѣ убійства купца Плотникова, совершеннаго на горской землѣ неизвѣстными людьми, не было никакихъ происшествій. Сосѣди горцевъ—казаки, даже въ оправданіи своихъ насилій, не могутъ привести ни одного случая воровства или буйства со стороны горцевъ. Казачьи быки и лошади, зашедшія въ горскую землю, всегда отыскиваются, но не обратно. Безопасность не только дорогъ, но даже бездорожныхъ трущобъ во владѣніяхъ горцевъ, доказывается тѣмъ, что по лѣсамъ ихъ русскіе мальчишки собираютъ плоды полными арбами. Въ этомъ отношеніи, общій голосъ безъ изъятія, свидѣтельствуетъ о хорошемъ поведеніи горцевъ.

На сколько могъ я удостовѣриться, учрежденныя надъ закубанскими горцами мѣстныя управленія дѣйствуютъ удовлетворительно, значительныхъ злоупотребленій нѣтъ. Жители, объявившіе желаніе выселиться въ Турцію, постоянно говорили мнѣ, что они совершенно довольны управленіемъ, что они не надѣются найти въ Турціи управленія столь же справедливое и выходятъ потому только, что желаютъ служить мусульманскому государю. Общій голосъ постороннихъ людей, постоянно имѣющихъ горцевъ подъ глазами, подтверждаетъ это свидѣтельство. Взяточничества и продажности не существуетъ ни подъ какимъ видомъ, можетъ быть дѣло и необходится безъ нѣкоторыхъ доходовъ, называемыхъ безгрѣшными, но и то не вездѣ. Доказанное дѣломъ безкорыстіе полковника Русанова и маіора Шебміева не подвергается никакому сомнѣнію. На счетъ полковника Мощкорова и подполковника Абдурахманова, подполковника Агленцова, я слышалъ иногда нареканія со стороны; но нисколько не въ угнетеніи народа; въ общей массѣ мѣстныхъ кавказскихъ властей они конечно могутъ считаться удовлетворительными. Можно сказать утвердительно, что въ кубанской области не совершается по туземному управленію такихъ злоупотребленій, которые роняли бы русскую власть въ глазахъ народа.

Желающихъ переселиться въ Турцію оказывается значи-

тельное число, но безъ опредѣленнаго сознанія за чѣмъ они это дѣлаютъ. Движеніе это дѣйствуетъ какъ повѣтріе. Идетъ одинъ, за нимъ идетъ его родственникъ и такъ дальше. Есть люди, которые положительно хотятъ выселиться, которые поэтому не работали и не строились и распродали все имущество. Такихъ нечего удерживать, потому что они останутся съ недоброжелательствомъ къ намъ, и будутъ сѣять неудовольствіе вокругъ себя. Всѣ прочіе останутся или уйдутъ, смотря потому какое лице сдѣлается ихъ приставъ. Это совершенно зависитъ отъ воли начальства. Графъ Евдокимовъ говорилъ мнѣ, что онъ желаетъ выселенія бжедуховъ слишкомъ близкихъ къ морю; прочихъ будетъ удерживать; но пристава хоть и не имѣютъ на этотъ счетъ положительныхъ приказаній, руководятся совсѣмъ другимъ понятіемъ, именно, что желаніе высшаго начальства состоитъ въ томъ, чтобъ выпроваживать народъ въ Турцію. Сами они говорятъ, что безъ малѣйшей понудительной мѣры, тотъ или другой исходъ вполнѣ зависитъ отъ нихъ. Извѣстной прокламаціи, приглашающей горцевъ переселиться въ Турцію, не придаютъ здѣсь никакого значенія. Она написана на клочкѣ оберточной бумаги, скрѣплена сомнительною печатью и привезена однимъ ничтожнымъ горцемъ, нѣсколько времени передъ этимъ, ушедшимъ въ Турцію. Прокламацію эту приписываютъ какому нибудь изъ поставщиковъ морскихъ судовъ, желающему продолжать выгодную операцію.

Заявившихъ оффиціяльно желаніе ѣхать въ Турцію до сихъ поръ немного, такъ какъ списки только на этихъ дняхъ стали составляться; но въ народѣ извѣстно, кто хочетъ идти.

Такихъ желающихъ насчитываютъ:

Округа Шапсугскаго	3,000	душъ.
» Бжедуховскаго абадзеховъ	3,000	»
» » Бжедуховъ	4,000	»
» Абадзехскаго	12,000	»
Кубанскихъ приставствъ	2,000	»
	24,000	душъ.

Выселеніе этихъ людей зависитъ впрочемъ совершенно, какъ я уже сказалъ, отъ воли кавказскаго начальства. При нынѣшнемъ положеніи вещей и полной нейтральности приставовъ будетъ все таки много колебаній въ народѣ и кромѣ упорныхъ, многіе изъ заявившихъ желаніе идти, въ послѣднюю минуту

пожелаютъ остаться *). Если же будетъ принято давать свободу крѣпостнымъ господъ, переселяющихся въ Турцію, какъ требуютъ того справедливость и наша польза; если приставамъ будетъ сказано одно слово о томъ, чтобы они не содѣйствовали выселенію, то пойдетъ едва ли нѣсколько сотъ фанатиковъ, такихъ именно людей, отъ которыхъ намъ выгодно избавиться. Несмотря на желаніе графа Евдокимова, бжедуховскій народъ не идетъ въ Турцію массою; ослабленіе же его нѣсколькими стами семействами не составляетъ никкой разницы. Мнѣ кажется, что сто верстъ поперегъ казачьяго населенія, отдѣляющія бжедуховъ отъ моря, позволяютъ считать населеніе это внутреннимъ; а какъ народъ бжедухи безспорно первый по своимъ качествамъ между закубанцами и притомъ вѣковые наши союзники. Жители Шапирскаго округа, оставшіеся отъ весенняго переселенія, идутъ теперь поголовно за ними, слѣдуютъ абадзехскіе аулы, приписанные къ Бжедуховскому округу; бжедухи сами желаютъ ихъ выслать. О тѣхъ и другихъ, дѣйствительно близкихъ къ морю и притомъ людей бездомныхъ, обнищавшихъ, не осѣдлыхъ, жалѣть нечего. Но начиная отъ бжедуховъ, по Кубани сидитъ населеніе по большей части осѣдлое и по положенію своему внутреннее. Если русскія власти будутъ дѣйствовать, какъ теперь, съ затаенною мыслію способствовать выселенію, то раждается вопросъ—до какого предѣла оно должно дойти **)? Если правительству угодно изгонять постепенно все населеніе сѣвернаго Кавказа, то дѣло это пойдетъ само сабою; за каждымъ двинувшемся слоемъ населенія, будетъ двигаться слѣдующій слой. Если же правительство не имѣетъ въ виду систематическаго изгнанія всѣхъ горцевъ, то ему нужно сказать только одно слово своимъ мѣстнымъ агентамъ и движеніе остановится. Нѣтъ ничего легче какъ дѣйствовать на горцевъ, взявшись какъ слѣдуетъ за дѣло. Шапсуговъ выгнали весною съ сѣверной покатости горъ почти безъ войскъ. По мѣрѣ того какъ выходили одни, изъ нихъ набирали милицію и съ помощію ея гнали другихъ; потомъ первыхъ спускали въ Турцію, а вторыхъ собирали въ милицію и гнали

*) Но выселеніе будетъ продолжаться разновременно партіями, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

**) Надобно опредѣлить его напередъ, чтобъ не вышли случайности, противорѣчащія видамъ государства.

третьихъ и т. д. Послѣ урока, даннаго закубанцамъ послѣдними событіями, ими можно распоряжаться какъ послушными дѣтьми. Они представляютъ теперь не воинственныя племена, а рабочія руки, которыхъ Россія не имѣетъ въ такомъ изобиліи, чтобъ безъ самой крайней надобности, добровольно обращать воздѣланныя и населенныя земли въ пустыни. Но если правительство не имѣетъ въ виду поголовнаго изгнанія закубанцевъ то по моему мнѣнію надобно немедленно упрочить во владѣніе собственностію тѣхъ изъ нихъ, которые еще сомнѣваются въ своемъ правѣ; прекратить до удобнаго времени перепись крѣпостныхъ, возбуждающую тревожные слухи; отнять распоряженіе крѣпостными у выселяющихся въ Турцію; оградить строгимъ приказомъ и нѣсколькими примѣрами туземное населеніе отъ притѣсненій казаковъ и войскъ; и сдѣлать гласнымъ, что правительство не считаетъ болѣе полезнымъ выселеніе черкесовъ въ Турцію, но хочетъ упрочить благосостояніе оставшихся. Объѣзжая черкесскія племена, я вездѣ говорилъ горцамъ, что по русскому закону имъ всегда обезпеченъ, въ ихъ нуждахъ, доступъ къ В. И. Высоч. и къ самому Государю Императору, Еслибъ они могли въ этомъ убѣдиться, то, безъ всякаго сомнѣнія, истерзанные остатки адыгскаго народа очень скоро стали бы полезными и мирными подданными русской державы.

О ВОДВОРЕНІИ НОВЫХЪ СТАНИЦЪ

и распространеніи казачьяго населенія.

Неоднократныя Высочайшія повѣленія, объявленныя мнѣ г. военнымъ министромъ, выражали волю Его Императорскаго Величества облегчить службу линейныхъ казаковъ, съ тѣмъ, чтобы по мѣрѣ увеличенія и естественнаго приращенія народонаселенія число строевыхъ казаковъ могло быть раздѣлено на три и болѣе очередей для службы.

Въ кавказскомъ линейномъ казачьемъ войскѣ числительность народонаселенія простирается до 136,000 душъ мужескаго пола, число строевыхъ казаковъ 40,000; изъ нихъ постоянно на службѣ 18,300, слѣдовательно изъ общаго народонаселе-

нія служитъ 7-й казакъ, для доведенія общей массы казаковъ до числа требуемаго комплектомъ 3-хъ очередей необходимо прибавить 58 т. душъ мужескаго пола. Но для прибывающихъ казаковъ нужны земли, а въ линейномъ войскѣ, ежели распредѣлить имѣющіяся поземельныя угодія на казаковъ согласно Высочайшему положенію 1845 года, недостаетъ 1 мил. десятинъ, а съ надѣленіемъ землями еще 58-ми т. душъ мужескаго пола, не будетъ доставать 2.700,000 десятинъ. Прирѣзать земли отъ Ставропольской губерніи нѣтъ возможности, такъ какъ губернія сама терпитъ недостатокъ въ удобной землѣ. Не представляется другихъ средствъ удѣлить прибывающимъ казакамъ необходимыя для нихъ земли, какъ изъ тѣхъ же самыхъ угодій, которыми пользуется линейное войско. И дѣйствительно количество земли, назначенное положеніемъ для казака (на правомъ крылѣ 30 десятинъ, на лѣвомъ 50 десятинъ) слишкомъ велико, и потому большая часть земель остается необработанною. Для прочнаго благосостоянія казачьихъ полковъ совершенно достаточно 15 десятинъ; сверхъ этого количества, земля не будетъ обработана по недостатку рукъ.

Военные успѣхи на правомъ крылѣ предадутъ въ скоромъ времени въ распоряженіе правительства плоскость между Кубанью и Кавказскимъ хребтомъ. Чтобы прочнымъ образомъ владѣть ею, требуется заселить, по крайней мѣрѣ нѣкоторую часть ея, казаками. Для основанія новыхъ станицъ и вообще для приращенія казачьяго населенія на Кавказѣ представляются слѣдующія мѣры: 1) Переводъ въ казачье сословіе женатыхъ нижнихъ чиновъ, прослужившихъ уже нѣсколько лѣтъ во фронтѣ; 2) переселеніе государственныхъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній Россіи, 3) переселеніе казаковъ черноморскаго и линейнаго войска; 4) переселеніе донскихъ казаковъ. Успѣшное развитіе казачьяго населенія на Кавказѣ зависитъ отъ того въ какомъ размѣрѣ будутъ употребляемы упомянутыя средства. Для возможно полнаго успѣха необходимо объявить нѣкоторыя облегченія нижнимъ чинамъ, добровольно переходящимъ въ казаки, какъ то, не требовать непрѣменно чтобы они были женаты, уменьшить срокъ службы ихъ во фронтѣ и т. д. Переселеніе крестьянъ изъ Россіи и переселеніе линейныхъ и черноморскихъ казаковъ всегда будетъ средствомъ вспомогательнымъ, и можетъ быть допущено только въ небольшихъ размѣрахъ. Главнымъ средствомъ къ распро-

страненію войска должно быть переселеніе донскихъ казаковъ. Не говоря уже о томъ, что донское войско имѣетъ 3½ очереди строевыхъ казаковъ, оно пользуется благосостояніемъ какого едва ли достигнутъ когда нибудь линейные казаки, и потому свободнѣе можетъ располагать своими силами.

Наказный атаманъ предлагаетъ ежегодное назначеніе на Кавказъ добровольно или по жребію около 200 донскихъ семействъ. Его Императорскому Величеству угодно было повелѣть: число переселенцевъ въ казачьи полки Кавказа опредѣлять каждый разъ по полученіи представленій о поселеніи новыхъ станицъ. Число станицъ должно быть какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ крылѣ, сообразно съ пространствомъ земли, остающимся свободнымъ за надѣленіемъ изъявляющихъ покорность горцевъ. Сообразно съ этими указаніями, я надѣюсь, хотя постепенно, исполнить поселеніе казаковъ на закубанской плоскости въ размѣрѣ, который бы соотвѣтствовалъ потребности. Дѣло о развитіи казачьяго населенія быстро двигалось впередъ съ 1858 года, въ продолженіи котораго, построено гораздо болѣе станицъ, чѣмъ въ предъидущемъ году. Въ 1857 году на правомъ крылѣ станица Родниковская довершила казачье населеніе по Лабѣ, а станица Отрадная подвинула насъ впередъ вверхъ по Урупу; каждая изъ нихъ возведена на 300 семействъ. Кромѣ того пѣшія станицы 3-го баталіона кавказскаго линейнаго казачьяго войска, ново-лабинская, темиргоевская, курганская и зассовская переименованы въ конныя. Эта мѣра признана необходимою, въ слѣдствіе доказаннаго неудобства имѣть пѣшихъ казаковъ на передовыхъ линіяхъ по мѣстности ровной и открытой. На лѣвомъ крылѣ для продолженія кордонной линіи по Сунжѣ, возведена станица Чертугаевская на 300 семействъ, а между крѣпостью Грозною и станицею Николаевскою, Горячевская станица на 100 семействъ. Въ слѣдующемъ 1858 году заняты казаками верховья рѣкъ: Тегеня, Урупа и Большаго-Зеленчука, что дало возможность обезпечить отъ нападеній непріятеля пространство, лежащее за возведенными станицами между Тегенемъ и Кубанью. Построенныя на правомъ крылѣ 6-ть станицъ расположены слѣдующимъ образомъ.

1. На р. Тегенѣ при устьѣ р. Выченукъ стан. Спокойная.

2. У тегенской тѣснины при устьѣ р. Акеръ-Колтукъ ст. Подгорная.

3. На Урупѣ близь устья р. Джинюкъ ст. Удобная.

4. На Урупѣ при устьѣ р. Аргошъ ст. Передовая.

5. На большемъ Зеленьчукѣ Ниже-каменнаго моста станица Исправная.

6. У бывшаго Надежинскаго укрѣпленія ст. Сторожевая.

Станицы эти возведены первоначально на 270 семействъ, но въ послѣдствіи доселены до 300 семействъ.

На лѣвомъ крылѣ въ концѣ 1858 года приступлено къ работамъ по возведенію Эльдырхановской станицы, которая будетъ заселена въ 1859 году.

Наконецъ Высочайшее повелѣніе о переселеніи въ предѣлы кавказскаго намѣстничества, азовскаго казачьяго войска, до сихъ поръ еще не приведенное въ дѣйствіе, должно быстро подвинуть впередъ заселеніе приморскихъ пространствъ казачьими станицами. Какъ только берегъ отъ устья Кубани до Новоросійска будетъ окончательно покоренъ довершеніемъ работъ на Адагумской линіи, я сейчасъ же приступлю къ осуществленію этой важной мѣры.

О ЗАКАТАЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ.

1861—1862.

(МАТЕРІАЛЪ).

Возмущеніе Закатальскаго округа, столь неожиданное для русскихъ властей и высшей кавказской и мѣстной дагестанской и даже для самаго окружнаго начальника, подготовлялось уже издавна. Въ послѣдніе два года признаки близкихъ смутъ обнаруживались съ такою очевидностію, что теперь почти непонятно какъ могло мѣстное начальство быть до такой степени ослѣпленнымъ, чтобъ не предвидѣть готовившагося взрыва.

По самому характеру людей, какъ онъ сложился въ здѣшнемъ обществѣ, лезгинское населеніе Закатальскаго округа могло быть увлечено въ приключенія гораздо легче всякаго сосѣдняго племени. Лезгины въ этой странѣ — завоеватели до сихъ поръ, собирающіе подать съ покоренныхъ ими, когда то грузинъ (ингелойцевъ) и татаръ. Это положеніе, сохраненное имъ русскимъ закономъ, придаетъ имъ гордость прямо дворянскую и поддерживаетъ ихъ воинственность; имѣя подспорье къ жизни въ трудѣ покорныхъ племенъ, джаро-бѣлоканскіе лезгины считаютъ себя воинами по преимуществу. До покоренія страны

русскими они были вмѣстѣ и грабителями Закавказья и наемными войнами въ родѣ старинныхъ швейцарцевъ, рѣшавшими всѣ сосѣднія междоусобія. Турція и Персія искали ихъ дружбы. Въ 1830 году они покорились послѣ незначительнаго сопротивленія. Страна ихъ, чрезвычайно сходная по географическому положенію и даже по мѣстности съ Чечнею — предгорное полѣсье—могла бы обороняться также долго какъ и Чечня; но раздвоеніе народа на завоевателей и покоренныхъ, которые не могли вполнѣ сочувствовать господамъ своимъ, заставило лезгинъ покориться, чтобъ сохранить надъ ними власть. Джаро-бѣлоканскіе лезгины перешли подъ русское управленіе, не истерзанные страшною борьбою, какъ населеніе чеченской плоскости и слѣдовательно не напуганные, они остались горды какъ прежде. Съ тѣхъ поръ положеніе ихъ было чрезвычайно двусмысленное. Устройство кордонной оборонительной линіи у подошвы горъ, какъ она устроена на Терекѣ и на Кубани, оказалось, разумѣется, невозможнымъ. Войска, занимавшія этотъ край, могли ограждать его отъ вторженія непріятельскихъ скопищъ, но не отъ разбойниковъ, которые сходили съ горъ тысячами, жили по мѣсяцамъ въ здѣшнихъ лѣсахъ и въ сущности были господами подгорной страны болѣе, чѣмъ русскіе, постоянно запертые въ своихъ укрѣпленіяхъ. Это смутное положеніе сдѣлалось вдесятеро хуже со времени измѣны Элисуйскаго султана. Съ тѣхъ поръ султанъ, живя въ горахъ ежегодно, собиралъ подать не только съ бывшихъ своихъ владѣній, но со всей страны отъ Нухи до Картубани. Населеніе всей этой обширной полосы не знало даже что такое значитъ русское управленіе. Бывшіе начальники Лезгинской линіи могутъ засвидѣтельствовать, что до времени Шамиля, въ періодъ почти 30 лѣтняго русскаго владычества дежаро-бѣлоканское населеніе никогда ни за какимъ дѣломъ не обращалось къ русскимъ властямъ, не жаловались даже на притѣсненія, каковы бы они ни были. Общества рѣшали всѣ дѣла между собою.*) Съ другой стороны, мѣстное начальство обходилось съ населеніемъ съ чрезвычайною осторожностію, такъ что даже необходимый иногда нарядъ жительскихъ арбъ, совершался лишь въ слѣдствіе цѣлаго ряда переговоровъ.

*) Народный судъ, первое учрежденіе въ этомъ краѣ, былъ открытъ весною 1859 г.

Нашу власть признавали только тѣ, которые были ею довольны; при малѣйшемъ же неудовольствіи джарскій лезгинъ шелъ въ горы, являлся первому наибу и потомъ, если хотѣлъ, спокойно возвращался домой и считаясь качагомъ, жилъ гдѣ нибудь на хуторѣ, часто въ аулѣ подъ крѣпостію и дѣйствовалъ какъ открытый врагъ русскихъ. На другихъ окраинахъ Кавказа этого не было. Покорное населеніе въ Чечнѣ и Дагестанѣ подымалось часто противъ насъ, но въ промежуткахъ бунта все таки состояло подъ дѣйствительнымъ русскимъ управленіемъ. Понятно, что долгая безурядица Закатальскаго округа отозвалась въ народномъ характерѣ. Каждый подгорный лезгинъ бывалъ по очереди и русскимъ подданнымъ и мюридомъ, часто одновременно былъ тѣмъ и другимъ, платилъ подати на обѣ стороны, возвращая ихъ себѣ грабежомъ, привыкъ къ двуличности, къ службѣ двумъ господамъ и сталъ располагать свою лицемѣрную пріязнь по количеству штыковъ или горскихъ винтовокъ, которыя онъ видѣлъ надъ собою. Подобное нравственное состояніе людей сильно способствовало послѣднему бунту. Видя, послѣ замиренія Кавказа, постепенное уменьшеніе войскъ въ подгорномъ краѣ, лезгины изъ этого заключили, что никакой очевидной причины къ покорности теперь уже нѣтъ.

Они не испытали всей тягости болѣе, чѣмъ 30-ти лѣтней борьбы, какую выдержали настоящіе непокорные, ни гнета мюридизма, подавлявшаго въ людяхъ все человѣческое. Населеніе у нихъ не состояло къ концу на $^3/_4$ изъ вдовъ и сиротъ, какъ въ горахъ; всѣ взрослые мужчины не были у нихъ переранены; имъ не приходилось дѣлить послѣдній кусокъ хлѣба съ цѣлыми населеніями, бѣжавшими изъ своихъ мѣстъ и отданными имъ на прокормленіе; надъ ними не стоялъ наибъ, уполномоченный палачъ-шпіонъ; имъ не рѣзали головъ за трубку, за чеснокъ, за хороводъ дѣвушекъ, за игру на балалайкѣ, не заставляли ихъ насильно быть монахами и молиться съ утра до вечера. Дагестанцы не скоро забудутъ прошедшее, не откажутся охотно отъ выгоднаго труда, быстро выводящаго ихъ изъ нищеты. Но подгорнымъ лезгинамъ мюридизмъ можетъ еще мерещиться въ томъ опьяняющемъ свѣтѣ, которымъ онъ вначалѣ увлекъ дагестанцевъ. Сунитское населеніе Бакинской, можетъ быть и Тифлисской губ. раздѣляетъ въ извѣстной степени эти чувства, подогрѣтыя теперь новою проповѣдью тариката; но состоя изъ

такихъ трусовъ, хотя вооруженныхъ, каковы вообще закавказскіе татары, не осмѣливается, конечно, начать первымъ бунтъ на свой рискъ. Въ Нухѣ и Кубѣ были уже противъ насъ религіозныя возстанія, но всегда съ помощію лезгинъ. Рѣшиться на первый шагъ могли только джаро-бѣлоканцы, храбрѣйшее племя въ лезгинскомъ народѣ.

Въ Закатальскомъ округѣ существуетъ элементъ, который мы давно могли поставить на свою сторону, еслибъ умѣли. Энгилоевцы-грузины, обращенные въ мусульманство не болѣе столѣтія, говорятъ и теперь по грузински, въ Свѣтлое Воскресенье въ каждомъ энгилоевскомъ домѣ зажигается восковая свѣча. Но возвращеніе въ христіанство этого племени, предпринятое еще при князѣ Воронцовѣ, до сихъ поръ нисколько не удалось. Энгилоевцы принимали крещеніе, имъ строили церкви; черезъ два года потомъ они ужъ снова были мусульманами. Слѣдствіе, произведенное въ 1861 году ст. сов. Булатовымъ, выказываетъ наглядно и совершенно вѣрно нынѣшнее состояніе этого дѣла. Не говоря уже о томъ, что дѣйствовать правительственными мѣрами на народную вѣру, внѣ матеріяльныхъ пожертвованій—дѣло мудреное; что грузинскій народъ, который по сродству могъ бы сильнѣе всего подѣйствовать на ингелойцевъ дружнымъ общественнымъ усиліемъ, къ такому усилію пока еще не способенъ; но что за мысль была обращать ингелойцевъ въ христіанство, оставляя ихъ въ зависимости отъ мусульманъ, господъ ихъ, которымъ они платятъ подати, и какого успѣха было ожидать отъ подобной мѣры? Хоть ингелойцы не рабы лезгинъ, но все таки они ихъ называютъ господами, считаютъ ихъ высшимъ сословіемъ, образцомъ, берутъ примѣръ съ нихъ. Пока зависимость, связывающая ингелоевцевъ съ лезгинами не разорвана, пока они не стали самостоятельными людьми, нечего и думать объ ихъ обращеніи. Въ послѣднемъ возмущеніи ингелойцы были явно за одно съ своими господами, и если не встали поголовно, то потому только, что за отдаленностью не успѣли. Не смотря на полумѣры, разновременно принятыя для обращенія ингелойскихъ деревень, подгорные лезгины остались нравственно и фактически господами этого края. Въ нихъ и до сихъ поръ вся сила.

Здѣшнее мусульманское духовенство единогласно жалуется, что въ послѣднее время, въ періодъ русскаго господства, нравственность и религіозность джаро-бѣлоканскаго племени сильно

упали. Хотя подобное утвержденіе, послѣ фанатическаго возстанія, можетъ показаться страннымъ, однакожъ оно справедливо. Легкость съ какою покойный князь Шаликовъ производилъ обращеніе природныхъ лезгинъ въ христіанство лучше всего доказываетъ это обстоятельство. Охотники креститься вездѣ находились десятками. Братья Голаджіевы увѣряютъ что, еслибъ имъ не мѣшали дѣйствовать, въ Бѣлокани нѣсколько сотъ человѣкъ приняли бы крещеніе. Разумѣется въ подобномъ крещеніи совѣсти не было никакого мѣста. Лезгины не перемѣняли вѣру — они продавали ее за выгоды, или скорѣе за обѣщанія, потому что дѣйствительно угодить на всѣхъ новокрещенныхъ не было возможности. Значитъ, вѣра дѣйствительно стала шаткою.

При другой религіи, трудно было бы ждать фанатическаго взрыва отъ равнодушныхъ къ вѣрѣ людей; но при мусульманской это вещь самая понятная. Мусульманство не есть только религія, въ европейскомъ смыслѣ, оно господствуетъ не надъ одними нравственными убѣжденіями человѣка, какъ всякая другая вѣра. Мусульманство выдѣлало все на свой ладъ, все подпало подъ его власть—совершенно все,—общественное устройство, гражданскій законъ, семейныя и личныя отношенія, всѣ понятія и привычки человѣка, отъ Марокко до Малаки мусульманинъ одинаковымъ образомъ поступаетъ въ мельчайшія подробности жизни, такъ что вездѣ его можно узнать, по тому, какъ онъ рѣжетъ мясо, какъ онъ встаетъ и садится, и проч.; на него со дня рожденія наложена неизгладимая печать; онъ мусульманинъ не потому только, что вѣритъ въ семь откровеній, онъ какъ человѣкъ отлитъ въ мусульманской формѣ. Понятно, что при такомъ одностороннемъ направленіи всего существа своего, перемѣнившій вѣру мусульманинъ на 9/10 сущности остается еще мусульманиномъ и можетъ удобно для себя жить только съ мусульманами. Новыя убѣжденія не сродняются съ его природою, остаются въ его душѣ какимъ то чужимъ заносомъ, и еслибъ они вначалѣ были даже искренни, послѣ короткаго опыта онъ ихъ откидываетъ, какъ вещь, несвойственную себѣ. Мусульмане иногда равнодушны. У нихъ сомнѣній въ дѣлахъ вѣры не бываетъ, но можетъ распространиться холодность къ ней, вслѣдствіе общей нравственной разнузданности. Но когда весь горизонтъ жизни народа и общественной и личной, замкнутъ въ предѣлахъ религіи, когда ни-

какое вѣяніе мысли со стороны, не признанное напередъ вѣрою, для человѣка невозможно, это состояніе равнодушія не можетъ длиться. Холодность къ давно извѣстному, быстро смѣняется энтузіазмомъ къ новизнѣ, какъ только она появилась; отъ нея ждутъ обновленія *). Революціонный духъ между мусульманами облеченъ всегда религіозными формами: но онъ дѣйствуетъ какъ всякій революціоный духъ. Такъ случилось и въ Закаталахъ.

При преобразованіи Закавказскаго края по программѣ барона Гана, въ Джаро-Бѣлоканскомъ округѣ введено въ 1840 г. гражданское управленіе, дѣйствующее на основаніи общихъ русскихъ постановленій, хотя въ то время и долго еще спустя, даже военное управленіе было тамъ невозможно и его вовсе не существовало. Но этимъ актомъ опредѣлено было будущее округа: онъ сталъ официяльно числиться не военной территоріей, а гражданской. Какъ ни мало было смысла въ этомъ словѣ, но оно было признано и имѣло большое вліяніе на все послѣдующее. Съ покореніемъ горъ надобно было рѣшить — у кого должно оставаться управленіе округомъ. Новое раздѣленіе края было вещью капитально важною; произвола въ этомъ отношеніи быть не могло. На Кавказѣ вопросъ: кому принадлежитъ управленіе краемъ? прямо связанъ съ такимъ вопросомъ: можно-ли съ данными силами, изъ извѣстнаго центра, удерживать край въ покорности. Находившись въ то время нѣсколько разъ при совѣщаніяхъ, которыми было рѣшено новое раздѣленіе этого края и зная соображенія, на основаніи которыхъ оно было принято, я считаю обязанностію высказать ихъ.

Соединеніе всего Дагестана въ однѣхъ рукахъ считали необходимымъ по самой природѣ вещей. Первоначальное раздѣленіе страны между 3-мя командующими войсками было принято только до лѣта, чтобъ сдѣлать всѣхъ ихъ отвѣтственными за сохраненіе новаго завоеванія, тогда еще столь шаткаго. Возвращеніе Андійскаго округа командующему войсками въ Дагестанѣ замедлилось годомъ, вслѣдствіе возникшихъ тамъ смутъ. Но съ южной стороны новое раздѣленіе совершено было своевременно, съ уничтоженіемъ званія командующаго войсками Лезгинской линіи; расходы сократились такимъ образомъ вмѣ-

*) Это вещь сто разъ виданная.

сто трехъ штабовъ и управленій на восточномъ Кавказѣ, на два. Но главной мыслію при этомъ далеко еще была не экономія. Верхній Дагестанъ, раздѣленный на мелкія общества, гнѣздящіяся въ самыхъ высокихъ горныхъ долинахъ, лишенныя всякой самостоятельности, всегда находился подъ неограниченнымъ вліяніемъ большихъ племенъ, сгруппированныхъ въ среднемъ Дагестанѣ. Этотъ фактъ до такой степени вѣренъ, что въ планѣ завоеванія горъ, принятомъ княземъ Барятинскимъ, экспедиціи съ Лезгинской линіи считались только диверсіями; для покоренія же верхнихъ обществъ, фельдмаршалъ разсчитывалъ не на штыки, но на примѣръ нагорнаго Дагестана, который, покоряясь, заставлялъ тѣмъ самымъ покориться и эти общества. Расчетъ оправдался буквально. Два года баронъ Вревскій совершалъ сокрушительные походы въ горы — безъ малѣйшаго результата; занимать войсками верхнія долины, которыя имѣютъ сообщенія съ Лезгинской линіей только на 3 мѣсяца въ году было невозможно; погромы не производили и не могли произвести вліянія. Но только, что сдались Чохъ, Тилитль и Ирибъ, верхній Дагестанъ также сдался; довольно было одной конной колонны, чтобъ привести его къ покорности. И теперь верхній Дагестанъ во всемъ и всегда смотритъ напримѣръ нагорнаго. Кромѣ того, что систематическое управленіе одноплеменнымъ народомъ естественно было соединить въ однѣхъ рукахъ; кромѣ того, что одного лишняго человѣка съ качествами и специяльною опытностію, нужными для надежнаго командующаго войсками, было слишкомъ трудно, чтобъ не сказать не возможно найти; но для сохраненія званія особаго нач. Лезгинской линіи, надобно было жертвовать самою сущностію вещей, проигрывать въ дѣлѣ. 1) Доступъ изъ средняго Дагестана въ верхній труденъ, но возможенъ для пѣшихъ во всякое время года; и зимою люди изъ Анкратха и Дидо сходятъ для своихъ дѣлъ въ нагорный Дагестанъ; съ Лезгинской же линіи доступъ въ эти общества пеложительно закрытъ 8—9 мѣсяцевъ въ году, кромѣ какъ для смѣльчаковъ, рискующихъ жизнію на каждомъ шагу. 2) Въ то время, когда войскамъ нѣтъ прохода въ верхнія общества ни съ южной, ни съ сѣверной стороны, проходъ этотъ мозможенъ еще для самихъ горцевъ, которые съ удивительною отважностію перебираются черезъ ледники и снѣжныя глыбы, съ помощію веревокъ и бурокъ. Въ распоряженіи начальника Дагенстанской области находятся многочисленныя племена гор-

цевъ, которыхъ нѣтъ съ юга, посредствомъ которыхъ онъ можетъ всегда имѣть доступъ въ верхнія общества и держать ихъ въ страхѣ. Куда не дойдутъ дагестанскія войска, туда дойдутъ дагестанскія милиціи. 3) Нравственное вліяніе нагорнаго Дагестана на верхній, какъ уже сказано, полное. Верхніе лезгины глядятъ на андалальцевъ и аварцевъ, какъ хуторяне на свое село. Не только не могутъ они матеріяльно противиться силамъ своихъ могущественныхъ, относительно, сосѣдей, но даже мысльподобнаго сопротивленія едва ли взойдетъ имъ на умъ. Нѣтъ сомнѣнія, что появленіе андалальской милиціи сейчасъ же усмиритъ, безъ выстрѣла, всякую попытку волненія въ Анкратлѣ или Дидо. Начальникъ же южной стороны горъ не располагаетъ ничѣмъ подобнымъ. Нагорная страна недоступна для него 9 мѣсяцевъ въ году. Кромѣ войскъ, т. е. открытой силы, изъ чего бы она не состояла, онъ ничѣмъ не можетъ дѣйствовать на горцевъ. Джаро-бѣлоканцы, какъ племя, давно уже покорное русскимъ, 30 лѣтъ постоянно, грозимое горцами, не имѣютъ на нихъ никакого вліянія. Изъ Кахетіи можно вывести на нихъ только христіянъ.—грузинъ и тушиновъ, т. е. возжечь религіозную войну. Силы, приходящія въ верхній Дагестанъ съ сѣвера, имѣютъ за себя рѣшительное нравственное вліяніе; силы съ юга—несутъ только вызовъ на газаватъ. Такое отношеніе верхняго Дагестана къ своему сѣверу и своему югу, отношеніе матеріяльное и духовное, есть самая натура вещей, которой произвольно измѣнять нельзя. Въ виду этихъ основныхъ соображеній князь Барятинскій считалъ необходимымъ соединить весь Дагестанъ въ однѣхъ рукахъ, оставляя Закатальскій округъ, по заведенному порядку, въ гражданскомъ управленіи, примкнувъ его по военной части временно къ Дагестанской области, имѣя въ виду предоставить политическое устройство его начальнику, которому ввѣрено было такое же устройство всего лезгинскаго народа. Можетъ быть мѣра эта была не совсѣмъ удачной; можетъ быть лучше было бы поступить наоборотъ: устроить управленіе Закатальскаго округа по образцу округовъ горскихъ и подчинить его начальнику Дагестанской области, какъ самому опытному человѣку въ этомъ дѣлѣ; военное же подчиненіе, требующее иногда внезапныхъ мѣръ, по отдаленности округа отъ Шуры, оставить въ Тифлисѣ. Во всякомъ случаѣ мѣра, принятая княземъ Барятинскимъ, была только временной. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по-

томъ онъ занемогъ и уѣхалъ, отчего этотъ вопросъ, какъ десятки другихъ, остался до сихъ поръ неразработаннымъ.

Съ покореніемъ горъ управленіе, до тѣхъ поръ несуществовавшее въ Закатальскомъ округѣ, начало дѣйствовать. *) Начальникомъ военнаго отдѣла былъ назначенъ генералъ-маіоръ князь Шаликовъ, человѣкъ храбрый, примѣрной честности и вовсе не фанатикъ, какъ можно бы заключить по его дѣйствіямъ, но весьма ограниченный и чрезвычайный систематикъ, упрямый до крайности въ своихъ рѣшеніяхъ, относились ли они къ дѣлу или къ людямъ, видѣвшій въ возможно большемъ распространеніи христіянства залогъ будущей вѣрности подгорныхъ лезгинъ. Считая Закатальскій округъ, давно покореннымъ, вполнѣ безопаснымъ, князь Шаликовъ обращалъ все свое вниманіе на другой округъ, Бжетскій, и мѣстомъ жительства выбралъ Сацхенисъ, какъ центральный пунктъ для управленія нагорными землями. Но такая отдаленность мѣстопребыванія главнаго начальника имѣла вредныя послѣдствія для дѣлъ Закатальскаго округа. Во первыхъ кн. Шаликовъ не могъ имѣть изъ Сацхенисъ должнаго надзора за управленіемъ, которое тѣмъ легче могло себѣ позволить всякія злоупотребленія; во вторыхъ, ему нельзя было слѣдить оттуда за начинавшимся броженіемъ умовъ въ народѣ? Въ горскихъ, и вообще азіятскихъ странахъ, почетныя или просто праздныя лица изъ народа ежедневно толпятся около начальника; при постоянной враждѣ родовъ между собою, при желаніи выслужиться и жадности азіятцевъ «внимательный начальникъ можетъ всякій вечеръ узнавать секреты управляемыхъ. Но ѣхать къ начальнику поодиночкѣ, вдаль, когда въ народѣ есть броженіе и заговоры, значитъ почти открыто выставлять себя доносчикомъ передъ толпою; вторая подобная поѣздка можетъ стоить жизни. Очень естественно, что въ Сацхенисѣ до князя Шаликова не доходило сотой доли того, что дошло бы до него въ Закаталахъ. А какъ притомъ онъ былъ упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ, почти непоколебимъ въ чувствахъ къ людамъ, которымъ разъ отдалъ довѣренность, какъ онъ воображалъ, что народъ его обожаетъ, то ослѣпленіе его становится нѣсколько понятнымъ.

Гражданское управленіе въ округѣ, какъ только округомъ

---

*) Оно состояло изъ нач. воен. отдѣла, нач. округа и народнаго суда.

стало возможно управлять, начало дѣйствовать какъ вездѣ въ мусульманскихъ областяхъ, но въ результатѣ выходила та огромная разница, что оно распоряжалось не людьми, привыкшими еще подъ ханскимъ ярмомъ покоряться всему молча; но людьми вольными и воинственными. Первымъ дѣйствіемъ гражданскаго управленія было уничиженіе народнаго суда, который въ собственно горскихъ округахъ стараются по возможности возвысить, какъ надежнѣйшее орудіе управленія. Въ судѣ положено было, кромѣ кадія, засѣдать народнымъ выборнымъ отъ трехъ участковъ; окружной начальникъ распорядился такъ, что всѣ члены были изъ закатальскаго участка, ближе находишагося у него подъ рукою и взяты по его указанію, изъ людей незаслуживавшихъ никакого довѣрія. Народный судъ, который въ горскихъ земляхъ составляетъ лучшее наше учрежденіе, сталъ въ Закатальскомъ округѣ, по всеобщему и единогласному показанію, притономъ самаго грознаго мошенничества, взятокъ обозами; рѣшенія же его, какъ тоже увѣряютъ единогласно, покупались впередъ у окружнаго начальника. Дѣйствія разныхъ мѣстныхъ чиовниковъ, участковыхъ засѣдателей и переводчиковъ ихъ, соотвѣтствовали общему направленію; жителей безпрестанно смущали, тревожили, вводили въ споры, чтобъ продавать имъ потомъ рѣшеніе власти; воры и убійцы выпускались за деньги. Распоряженія главнаго управленія оканчивались такъ, какъ они обыкновенно оканчиваются за Кавказомъ: они испарялись въ послѣдней бумагѣ послѣдняго чиновника самой нисшей инстанціи и не доходили до народа, который откупался всѣми средствами отъ вмѣшательства въ свои дѣла русскаго дѣлопроизводства. Я не имѣлъ обязанности производить слѣдствіе надъ закатальскимъ управленіемъ, но чтобы высказанное мною не показалось голословнымъ, привожу на выдержку нѣсколько показаній изъ дѣлъ слѣдственной комиссіи объ открытіи причинъ бунта.

1. У сумайлинскаго жителя Хаджи - Сеиба убитъ сынъ. Убійца извѣстенъ, но откупился.

2. Корнетъ Иса-Гаджи-оглы убитъ въ сел. Толы днемъ, при полномъ собраніи Джемаата: убійца откупился, давши князю Тарханову 500 рублей.

3. Нынѣшнею весною между Мугаилами и Алмалами разграблены фургоны. Разбойники извѣстны, ихъ называютъ, но они отпущены за деньги.

4. По поземельному спору между аліабатцами и тальцами съ обѣихъ сторонъ взята значительная сумма. Въ дознаніи Булатова она показана въ 600 руб.; но теперь ее показываютъ: съ тальцевъ 1,500 руб., а съ аліабатцевъ 2.500 руб.

5. Земля одного качага, пожалованная въ прежнее время офицеру Дадѣ, за то что этотъ качагъ сжегъ его домъ, отнята у него Тархановымъ и за взятку возвращена бывшему разбойнику.

6. Князь Тархановъ сговорился съ подрядчикомъ Баручевымъ о доставленіи ему хлѣба и получивъ свыше 4 руб. за четверть, распредѣлилъ насильственно на жителей Енисельскаго участка по магару съ дома, цѣною по 2½ руб. за четверть. За это дѣло, по жалобѣ жителей, князь Шаликовъ приказалъ ему подать въ отставку. Это было нѣсколько дней до бунта.

Подобныхъ показаній множество.

Кромѣ того, допрашиваемые, если только отвѣчали, то всегда называли окружное начальство ворами, мошенниками и другими лестными названіями. Они много разъ восклицали: будь у насъ хорошій начальникъ, ничего бы теперь не случилось.

Корыстолюбіе окружнаго начальника и засѣдателей находило обильную пищу въ мѣрахъ, принятыхъ княземъ Шаликовымъ для распространенія христіянства. Покойный генералъ только самъ могъ бы объяснить, что за цѣль была у него когда онъ перенесъ усилія обращенія съ ингилоевцевъ на коренныхъ мусульманъ лезгинъ. Вѣроятно онъ былъ увлеченъ легкостію нѣсколькихъ продажныхъ обращеній, вслѣдствіе распущенности народной и того относительнаго индеферентизма, о которомъ было уже упомянуто выше. Но неужели онъ надѣялся обратить въ христіянство цѣлое мусульманское племя, чему еще не было примѣра со времени распространія исламизма на землѣ? Во всякомъ случаѣ пропаганда его служила поводомъ къ множеству злоупотребленій со стороны исполнителей и ускорила взрывъ. Видя, что съ обоихъ концевъ линіи подгорныхъ деревень, въ Бѣлокани и Аліабатѣ строятъ церкви, лезгины увѣрились, что ихъ хотятъ обращать въ христіяство, а какъ по ихъ понятію для правительства нѣтъ середины между хотѣть и сдѣлать, то они были убѣждены, что ихъ хотятъ обращать насильно. Дѣйствія земской власти поддерживали эту увѣренность. Засѣдатели требовали денегъ за позволеніе чинить мечеты. Люди увозили чужихъ женъ и удерживали ихъ при

обращеніи. Но болѣе всего оскорбляла народное чувство совершенная безнаказанность обратившихся преступниковъ, не было вины, которая бы не прощалась при крещеніи, ни дерзости, которой бы не могъ себѣ позволить крещеный. Показанія объ такикъ случаяхъ многочисленны. Конечно подобнаго рода дѣйствій никакъ нельзя приписать князю Шаликову. Виновные не освобождались за христіянство; но управлявшіе пользовались ихъ христіянствомъ, чтобъ взять съ нихъ деньги и умолчать о ихъ винѣ, или умалиться, зная что князь Шаликовъ въ такихъ случаяхъ всегда бывалъ снисходителенъ.

Хотя слѣдствіе ст. сов. Булатова обнаружило только малую часть подобныхъ злоупотребленій, но безпорядокъ въ округѣ все таки оказался въ такихъ размѣрахъ, что ген.-адъют. кн. Орбеліанъ усмотрѣлъ необходимость преобразовать его управленіе и предполагалъ, какъ видно изъ дѣла, поручить преобразованіе временному отдѣленію для устройства гражданскаго управленія въ краѣ. Какъ исправлявшій должность намѣстника, кн. Орбеліанъ не былъ полновластнымъ хозяиномъ и долженъ былъ слѣдовать заведенному порядку. Тѣмъ не менѣе этотъ случай показываетъ наглядно чтó такое гражданское управленіе въ Лезгинскомъ округѣ. Изученіе мусульманскаго и горскаго быта, на которомъ должно быть основано управленіе этими народами, есть почти дѣло жизни. Теоріей тутъ ничего не достигнешь. До князя Воронцова дѣла этого почти не понимали, оттого и не имѣли никакого успѣха; при князѣ Воронцовѣ оно стало объясняться, при князѣ Барятинскомъ развилось достаточно, чтобъ быть всюду, гдѣ нужно, примѣнено съ очевиднымъ успѣхомъ. Но примѣнять его могутъ только люди, знакомые съ вопросомъ. Еслибъ новое устройство округа было дѣйствительно поручено временному отдѣленію, то временное отдѣленіе составило бы для него такія же учрежденія, какія составило бы оно въ подобномъ случаѣ для Дагомейскаго королевства и всякой другой неизвѣстной земли,—теорію наилучшаго управленія въ свѣтѣ по образцу платоновой республики. На практикѣ могло выйти хуже нынѣшняго.

Соединеніе многихъ причинъ—самоувѣренность князя Шаликова, дальность его мѣстопребыванія, безрасудная и безцѣльная религіозная пропаганда, корыстное управленіе округомъ, новизна этого управленія для людей, не знавшихъ прежде никакого управленія—все это вмѣстѣ раздражало лезгинъ въ

высшей степени и безъ сомнѣнія облегчило и ускорило взрывъ, но не породило его. Отъ совокупности этихъ причинъ могли быть частныя вспышки, но не общее возстаніе; въ азіятскихъ обществахъ далеко нѣтъ того сознанія права и негодованія на его нарушеніе, которыя могутъ довести европейца до отчаянно-неравной борьбы; азіятцы почерпаютъ свой энтузіазмъ только въ религіи и должны быть предварительно къ этому подготовлены.

Прямой причиной закатальскаго бунта была новая проповѣдь исправительнаго тариката, начавшаяся вскорѣ послѣ покоренія горъ и теперь снова далеко уже разнесенная по Кавказу и во многихъ мѣстахъ глубоко проникнувшая въ народъ. Сокрушеніе Шамиля въ 1859 году разразилось громовымъ ударомъ надъ всѣмъ мусульманскимъ населеніемъ Кавказа; всѣ видѣли, что тридцатилѣтніе труды распространителей тариката пропали даромъ, что новый имаметъ, основанный въ горахъ, какъ залогъ будущаго освобожденія всѣхъ кавказскихъ мусульманъ отъ ига невѣрнаго, разсыпался прахомъ и сначала всѣ притихли. Но мусульманскій фанатизмъ стоекъ. Нашлись люди, которые не отчаявались. Какъ въ 1827—1830 годахъ началась подземная работа мусульманской проповѣди, но въ обновленномъ видѣ. Старинный мюридизмъ Казимуллы и Шамиля оказался несостоятельнымъ, потому что палъ; населеніе уже не вѣрило въ неодолимость, которую онъ свыше низводитъ на людей. Проповѣдники выбрали изъ его развалинъ обрядъ, составлявшій только одну изъ его особенностей, зикру, и развивъ эту частность до крайнихъ предѣловъ, поставили ее видимымъ основаніемъ новаго ученія. При этомъ удержанъ былъ тарикатъ Джемалъ Эддина и Гаджи Алискера, составленный этими духовными уже при концѣ управленія Шамиля, самый враждебный для насъ. Представляя одновременно особую докладную записку о подробностяхъ зикры, я не буду говорить здѣсь о сущности ученія.

Нельзя сомнѣваться, что вопль о переселеніи въ Турцію, поднятый почти всѣмъ мусульманскимъ населеніемъ Кавказа въ 1860 году, былъ внушаемъ новою проповѣдью. Вездѣ жители объявляли, что они идутъ въ Турцію по убѣжденію духовныхъ, потому что времена приближаются и имъ надобно быть ближе къ Меккѣ. Вскорѣ причина выказалась еще яснѣе. Во второмъ періодѣ переселенія стали уже говорить, что на-

мазъ, совершаемый на землѣ, которою владѣютъ христіане, не дѣйствителенъ и не ведетъ къ спасенію. Въ переселеніи выказалось еще другое чувство — то, что мирные не переставали надѣяться изгнанія русскихъ съ Кавказа пока продолжалась борьба. Когда же увидѣли паденіе Шамиля, то упали духомъ и рѣшились покинуть землю, обреченную быть навсегда достояніемъ невѣрныхъ. Вслѣдъ за этимъ періодомъ всеобщихъ требованій переселенія выплыла наружу зикра, одновременно съ сѣверной и съ южной стороны горъ, именно тамъ, гдѣ больше всего кричали о переселеніи. Съ сѣвера зикра охватила Чечню; съ юга—Закатальскій округъ и суннитскіе уѣзды Бакинской губ.: Нухинскій, Шемахинскій и Кубинскій. Въ Дагестанѣ она развилась въ большомъ размѣрѣ только въ округахъ: Андійскомъ и Самурскомъ. Не могу сказать утвердительно, но надобно полагать, что новое вѣроученіе развито достаточно и въ губ. Тифлисской: въ Барчалѣ, Казахѣ и Елисаветполѣ. Центръ зикристовъ съ этой стороны горъ въ Нухѣ.

Ученіе зикры и джемалъ эддиновскій тарикатъ были первоначально занесены въ Закатальскій округъ качагами, воротившимися на родину и прощенными послѣ покоренія горъ, Джаро-бѣлоканскія общества, по крайней мѣрѣ многія почетныя лица изъ нихъ, не желали въ то время возвращенія качаговъ, понимая, что эти буйные люди, напитанные мюридизмомъ, сдѣлаются причиною многихъ безпокойствъ. Но этой мѣры нельзя было избѣжать. Во время долгой борьбы населенія покорныя и непокорныя такъ перемѣшались, столько разъ онѣ переходили изъ рукъ въ руки, что сортировать ихъ вновь не было никакой возможности; по неволѣ приходилось покрыть прошлое всепрощеніемъ, причемъ не было повода дѣлать исключеніе для Закатальскаго округа. Кромѣ качаговъ, начавшихъ ученіе зикры и проповѣдь тариката, эту же самую зикру, развитую до настоящаго ея вида, занесли сюда мусульманскіе учители изъ Нухи. Кто они были, мнѣ пока неизвѣстно; но я знаю, что Гаджи-Алискеръ кубинскій уроженецъ, бывшій въ бѣгахъ у Шамиля и сочинявшій вмѣстѣ съ Джемалъ Эдиномъ новый тарикатъ, нынѣ проживающій въ южномъ Дагестанѣ, года два тому назадъ ѣздилъ черезъ Закаталы въ Тифлисъ и бралъ съ собою Типтинъ Магому (одного изъ ревнителей зикры нынѣ, а потомъ Типтинъ ѣздилъ съ нимъ же въ Нуху и привезъ оттуда разныя религіозныя новости. Вообще

утверждають, что изъ Нухи пріѣзжали не разъ учителя. Нуха всегда была средоточіемъ фанатической пропаганды. Еще въ 1829 г. Кази мулла передъ открытіемъ дѣйствій противъ русскихъ, ѣздилъ за благословеніемъ въ Нуху къ Магометъ-Эффендію Кюрдамирскому. Если прибавить, что Джемалъ Эддинъ, первый сочинитель мюридскаго тариката и покровитель зикры при Шамилѣ, упорно живетъ въ Киреѣ, не смотря на попытки удалить его оттуда, то представляется болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что распространеніе зикры на Кавказѣ подчинено правильному плану, что руководители зикристовъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ находятся во взаимной связи между собой и съ Турціей. Подобное сотоварищество представляетъ очевидное сходство съ польскимъ революціоннымъ комитетомъ по цѣли и даже по образу дѣйствій, хотя основанія того и другого различны между собой, какъ Азія и Европа.

Первоначальнымъ учителемъ зикры и тариката въ Закатальскомъ округѣ былъ качагъ Бурджа Али (нынѣ казненный). Къ нему присоединился мулла Занки-Эффенди, кадій джарскій (раненный на штурмѣ и приговоренный къ казни). Они начали свою проповѣдь сейчасъ же послѣ покоренія Шамиля, сначала въ тайнѣ; потомъ, видя невниманіе начальства къ этому дѣлу становились смѣлѣе и перешли къ гласной проповѣди на площадяхъ и въ мечетяхъ. Джарскій джемаатъ, увлекшиесь ученіемъ Бурджа-Али, просилъ его принять званіе народнаго проповѣдника. Типтинъ Магома былъ третьимъ извѣстнымъ учителемъ. *) Бурджа и Занки учили народъ лѣтомъ въ сел. Джары, а зимой въ Таначинскихъ лѣсахъ. Отъ нихъ новый мюридизмъ распространился по всему округу, одновременно съ развитіемъ его въ Бакинской губ. и южномъ Дагестанѣ. Кромѣ этихъ трехъ были конечно и другіе учители, мѣстные и заѣзжіе. Даже послѣ бунта, когда наиболѣе компроментированные спѣшили попрятаться, я видѣлъ здѣсь праздношатающихся людей въ бѣлыхъ чалмахъ, гаджей и духовныхъ турецко-подданныхъ, людей чрезвычайно подозрительныхъ, не могшихъ дать никакого основательнаго предлога для ихъ пребыванія въ странѣ. Въ мѣстныхъ учителяхъ не было также недостатка

*) Много также способствовалъ распространенію зикры дряхлый старикъ Сеибъ Халилъ Эфенди, переселившійся въ Таначинскій лѣсъ съ горъ послѣ покоренія Шамиля.

Училъ же кто нибудь народъ тарикату въ селеніяхъ, куда ни Бурджа, ни Занки никогда не ѣздили и которыя теперь насквозь проникнуты новымъ ученіемъ. (Мѣстнымъ мулламъ слѣдовало бы сдѣлать строгую повѣрку, кто изъ нихъ зикристъ и кто нѣтъ; иначе наши усилія будутъ усиліями людей, которые хотятъ истребить ядовитыя травы и косятъ ихъ по верху, оставляя корни въ землѣ). По немногу зикра распространилась въ народѣ; послѣ намаза, повсемѣстно люди садились въ кружокъ и запѣвали мюридскій припѣвъ «Ля Илла» и проч.; но зикра съ прыганьемъ и слѣдующая за ней джазма, вдохновенный обморокъ, составляли право и обаяніе только избраннаго кружка учениковъ, постоянно находившихся при проповѣдникѣ-зикристѣ; они же изучали тарикатъ во всей полнотѣ. Народу тарикатъ проповѣдывался только въ практическомъ примѣненіи*) «намазъ, совершаемый на землѣ, «принадлежащей невѣрнымъ, ничего не значитъ; мусульмане «должны или уйти на святую землю, или освободить свою «страну отъ невѣрныхъ. Время всемірнаго халифата близится. «Богъ укажетъ черезъ своихъ избранныхъ день, когда нужно «начать всеобщій газаватъ, истребленіе и обращеніе силою «невѣрныхъ; до тѣхъ поръ каждый мусульманинъ долженъ «быть лично врагомъ гяуровъ—убивать ихъ поодиночкѣ, гра«бить, неповиноваться имъ и другихъ учить неповиновенію, «дѣлать имъ всевозможный вредъ; считать сношеніе съ гяу«ромъ грѣхомъ и всякую клятву ему данную—не дѣйствитель«ною. При этихъ условіяхъ можно спастись на половину, но «полнаго спасенія безъ газавата быть не можетъ». Надобно впрочемъ сказать, что проповѣдь исправительнаго тариката проходила не безъ противодѣйствія со стороны многихъ благоразумныхъ туземцевъ. Въ Джарахъ, гдѣ развитіе новаго ученія болѣе обслѣдовано, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, извѣстно, что офицеръ Кизмуна Али три раза публично останавливалъ

---

*) Для спасенія своего человѣкъ не долженъ жалѣть ничего земнаго. Мусульманинъ, какъ избранникъ божій долженъ всю жизнь посвѣщать Богу и никого кромѣ Бога не бояться, а потому помнить, что сила гяуровъ есть только прахъ, поминки котораго считаетъ одинъ маловѣрный. мусульманинъ признающій власть невѣрныхъ, не думающій о томъ, что когда нибудь они должны же быть истреблены съ лица земнаго, поклоняющійся не шаріяту, а власти, хоть бы она была даже мусульманская — этимъ самымъ забываетъ Бога и Богъ его отвергаетъ.

Бурджа-Али, спрашивая куда онъ думаетъ вести народъ своею проповѣдью и просилъ его не вмѣшивать въ это дѣло по крайней мѣрѣ его тохума (рода). Также спорили публично съ Буржой Али—офицеръ Дада и ученый Бала Эфенди Тальскій. Вообще оффиціяльное духовенство вначалѣ смотрѣло съ неудовольствіемъ на самозванныхъ учителей, которые отбивали у него прихожанъ; но не видя поддержки въ мѣстныхъ властяхъ, оно или переходило по немногу на ихъ сторону, или вовсе отстранялось. Многіе духовные и теперь называютъ зикру, въ томъ видѣ какъ ее представляютъ народу, умышленнымъ поджигательствомъ, а джазму святотатственнымъ шарлатанствомъ: Тѣмъ не менѣе зикра и сопряженное съ нею ученіе сдѣлались извѣстными въ округѣ отъ мала до велика и почти всѣ имъ слѣдуютъ, хотя многіе отвергаютъ джазму.

Проповѣдь тариката довольно давно уже стала переходить отъ словъ къ дѣлу. Многія показанія заставляютъ думать, что первая организація злоумышленниковъ относится ко времени народнаго волненія въ 1861 г., когда весь округъ поголовно подавалъ прошеніе о выселеніи въ Турцію, одновременно съ мусульманскими частями Тифлисской губ. Тогда внушали народу, что оставаться въ Россіи не только гибельно для души, но опасно для временной жизни; что русскіе, съ извѣстнымъ ихъ коварствомъ, ласкали народъ пока боялись Шамиля, а теперь будутъ вводить рекрутскій наборъ и обременять народъ налогами. Переселеніе было тогда остановлено правительственною властію. Но, пользуясь общимъ смятеніемъ, коноводы успѣли устроить свои кружки, оставшіеся потомъ при нихъ и послужившіе зерномъ, изъ котораго выросъ обширный религіозно политическій заговоръ.

Безразсудная пропоганда кн. Шаликова, купившая цѣною безчисленныхъ грабежей и насилій, совершаемыхъ агентами власти обращеніе 20-ти безнравственныхъ бѣлоканцевъ, была какъ бы нарочно придумана, чтобъ раздуть тлѣвшій огонекъ въ пожаръ. И безъ того уже воинственному и гордому мусульманскому племени проповѣдывали самое фанатическое ученіе, а тутъ, съ одной стороны, упавшее на него какъ неба чиновничество принялось его грабить; съ другой онъ видѣлъ въ своихъ аулахъ постройку церквей, для которыхъ еще не было прихожанъ, видѣлъ безнаказанность крещеныхъ и естественно приходилъ къ убѣжденію, что его хотятъ силою обратить въ

христіянство. Русская власть взяла съ мусульманскихъ поджигателей половину труда на себя.

Десятки лѣтъ русскаго управленія создали въ округѣ многочисленный классъ людей, на которыхъ правительство имѣло право расчитывать: офицеровъ, юнкеровъ и другихъ почетныхъ людей. Нигдѣ на Кавказѣ нѣтъ такого множества офицеровъ какъ въ этомъ краѣ — ихъ числится около ста и столько же юнкеровъ; причисляя сюда почетныхъ, получавшихъ пенсію, выйдетъ всего не менѣе 300 лицъ изъ первыхъ семействъ, которыя должны были поддерживать русскую власть для собственной выгоды. При многочисленности и солидарности горскаго родства, эти 300 первыхъ семействъ представляли почти половину лезгинскаго населенія округа. Можно было расчитывать, что между джаро-бѣлоканцами у насъ есть своя партія. Но всѣ партіи въ мірѣ, основанныя на интересѣ противъ народнаго чувства, не могутъ собственными усиліями сохранить свою цѣльность; надобно, чтобъ заинтересованная въ этомъ дѣлѣ власть постоянно поддерживала ихъ организацію и, разумѣется была бы справедлива, возвышая только тѣхъ, которые дѣйствительно съ пользою ей служатъ. Этого то условія и не было здѣсь соблюдено. Кн. Шаликовъ жилъ далеко и не имѣлъ достаточно проницательности, чтобы съ толкомъ сортировать людей; кн. Тархановъ заботился не о русскихъ, а о своихъ собственныхъ интересахъ. Вышло на дѣлѣ, что многочисленный классъ самыхъ вліятельныхъ въ народѣ людей оказался совершенно несостоятельнымъ противъ нѣсколькихъ бунтовщиковъ. Были между офицерами измѣнники, даже главнѣйшіе измѣнники, оставшіеся, къ сожалѣнію, не изобличенными; были между ними люди, не принимавшіе участія въ заговорѣ, но сильно ему сочувствовавшіе, были такіе, и не мало, которые предупреждали начальство. Однакожъ можно сказать утвердительно, что масса офицеровъ и почетныхъ людей оставалась нейтральною, знала конечно о заговорѣ, потому что заговоръ былъ слишкомъ обширный, чтобы о немъ можно было не знать, но молчала, не помогала бунтовщикамъ, но и не мѣшала имъ дѣйствовать. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что еслибъ только половина офицеровъ Закатальскаго округа, располагающихъ вполнѣ по обычаю, своимъ многочисленнымъ родствомъ, захотѣла воспротивиться бунту, то бунтъ не могъ бы состояться.

Во все время отъ перваго зародыша возмущенія до дня, когда бар. Врангель вступилъ въ Закаталы, народъ, масса джаро-бѣлоканскихъ обществъ, играла туже роль, какъ и высшій классъ. Положителснаго возстанія населенія не было никогда. Всеобщія показанія, численность мятежниковъ, бывшихъ на штурмѣ, видимая на глазъ, густота населенія ауловъ въ самое время возстанія, внезапность съ какою бунтъ начался и кончился—все несомнѣнно показываетъ, что жители округа въ массѣ не подымались, однимъ словомъ, что сами общества не бунтовали. Но онѣ не мѣшали бунтовщикамъ набирать себѣ многочисленную партію. А между тѣмъ имъ ничего не стоило помѣшать, еслибъ хотѣли. Въ горскихъ обществахъ джемаатъ, народное собрачіе, составляетъ высшую власть, которой все повинуется. Джемаатъ собирается часто, даже по маловажнымъ дѣламъ, а въ послѣднее, смутное время онъ былъ въ постоянномъ сборѣ. Ни одинъ человѣкъ не смѣлъ бы пойти къ мятежникамъ, еслибъ джемаатъ этимъ интересовался. Но народъ поступалъ какъ офицеры, хотя и по другой причинѣ. Повсемѣстно распространенная зикра съ ея коментаріями, была слишкомъ сильна въ народѣ, чтобы онъ несочувствовалъ смѣльчакамъ, подымавшимъ на свой рискъ знамя газавата; между тѣмъ 1859 годъ сильно еще памятенъ массамъ. Какое племя могло надѣяться собственными силами отбиться отъ русскихъ, когда весь горскій союзъ не устоялъ противъ нихъ?. Масса возстала бы непремѣнно, еслибъ мятежники взяли Закаталы, или въ одномъ этомъ округѣ; но въ ожиданіи первой побѣды она оставалась нейтральною. Съ мятежниками была только партія охотниковъ.

Размѣры заговора росли по мѣрѣ распространенія зикры. Зимой съ 1861 на 1862 года Бурджа-Али и мулла Занки, переселившись на хутора въ Таначинскій лѣсъ, проповѣдывали тамъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду. Главными слушателями ихъ были джарцы, но кромѣ того къ нимъ стекались толпы изъ другихъ селеній. Въ тоже время у каждаго изъ нихъ былъ свой кружокъ учениковъ, изучавшихъ тарикатъ, чтобы разносить его потомъ въ народѣ.

Весной 1862 г. Бурджа-Али началъ набирать къ себѣ мюридовъ, одни показываютъ 60, другіе 100 и болѣе всадниковъ. Всѣ эти мюриды съ ногъ до головы одѣвались въ бѣлое. Бѣлый цвѣтъ у мусульманъ считается траурнымъ, но зикра сдѣ-

лала изъ него (что стало извѣстнымъ только теперь), отличительный признакъ своихъ поборниковъ, достигшихъ извѣстной степени посвященія. Бѣлое платье значило: эти люди собираются на газаватъ, идутъ на смерть и потому напередъ уже надѣли саванъ. Лѣтомъ, около двухъ проповѣдниковъ, кромѣ постоянныхъ мюридовъ, была собрана партія въ 500 всадниковъ, занявшая весь лѣсъ и ни кого туда не впускавшая. Охотники тифлисскаго полка чуть не были вырѣзаны въ то время и спаслись только тѣмъ, что скрылись въ самой дикой трущобѣ и длиннымъ обходомъ убѣжали изъ лѣса. Одинъ подп. Домбровскій жилъ тамъ безпрепятственно съ лезгинами. По показаніямъ, многіе люди говорили кн. Шаликову и Тарханову о тайнахъ Таначинскаго лѣса. Кн. Шаликовъ отвѣчалъ: пусть себѣ молятся если у нихъ такой обрядъ. Тархановъ также долго не хотѣлъ вѣрить. Объ участіи Муртузъ Гаджи въ этомъ первомъ сборищѣ показанія противорѣчатъ, хотя обращеніе его къ зикрѣ несомнѣнно относится къ этому времени. Послѣ уборки винограда, т. е. въ сентябрѣ, разнесся слухъ, что Таначинскіе зикристы надняхъ придутъ брать крѣпость. Слухъ былъ вѣренъ. Многіе признались, что Бурджа-Али и мулла Занки дѣйствительно хотѣли въ ту пору начать бунтъ и ждали только сбора своихъ приверженцевъ. Настоянія офицр. Кихкуна-Али, къ которому присоединился маіоръ Измайловъ, убѣдили наконецъ Тарханова, что происходитъ нѣчто серіозное. Тархановъ вызвалъ Буржа-Али, который вѣроятно успѣлъ оправдаться, потому что окруж. нач. отпустилъ его послѣ короткаго разговора и сказалъ ему на прощаньи, должно быть шутя, «молись какъ знаешь и будь мюридомъ (изъ допросовъ слѣд. коммиссіи). — Вызовъ Буржи, однакожъ, имѣлъ въ этомъ случаѣ хорошія послѣдствія. Собиравшаяся партія, испуганная вызовомъ къ начальству главнаго зачинщика въ то время, когда приготовленія не были еще кончены, большею частію разбѣжалась и предпріятіе на этотъ разъ было оставлено. Кн. Тархановъ не зналъ о важности пріобрѣтеннаго успѣха, доказательствомъ служитъ, что отъ него объ этомъ случаѣ не было даже донесено. Бурджи-Али, человѣкъ одаренный большими способностями для того, чтобъ подготовлять событіе, но нерѣшимостію послѣдняго шага струсилъ и бросилъ начатое дѣло. Мулла Занки не посмѣлъ продолжать его одинъ и предпріятіе рухнуло.

Ничего не было открыто объ сношеніяхъ двухъ начальниковъ первой попытки бунта Буржи-Занки, внѣ предѣловъ округа. Эти сношенія существовали, въ томъ нельзя сомнѣваться; подобное предпріятіе не могло совершиться силами однихъ джаро-бѣлоканцевъ. Предводители были не отчаянныя головы, напротивъ, осторожные и очень умные люди; не было имъ надобности пускаться на такое дѣло однимъ, когда вокругъ нихъ другія мусульманскія населенія были уже охвачены зикрой. Но упорство подсудимыхъ, которые по большей части шли на смерть, не выдавая соучастниковъ и спѣшность слѣдствія и казни не дали возможности добиться въ этомъ отношеніи чего нибудь положительнаго.

Буржи-Али, первый распространитель тариката въ округѣ послѣ этого происшествія исчезъ со сцены. Ученики его не покинули, но онъ училъ уже втихомолку и если пользовался еще авторитетомъ между зикристами, то скрытно. Занки эффенди не прекратилъ ни проповѣди, ни интригъ въ народѣ, но въ первое время послѣ неудавшагося предпріятія, онъ сталъ дѣйствовать осторожнѣе. Кажется онъ почувствовалъ себя созданнымъ для первой роли, держа въ своихъ рукахъ всѣ нити предпріятія человѣка, болѣе способнаго воспламенить толпу, чѣмъ былъ онъ самъ. Для роли этой нашелся Муртузъ-Гаджи.

Штабсъ-капитанъ Муртузъ-Гаджи (родомъ простой лезгинъ изъ Бѣлоканъ), былъ самый вѣрный слуга русскаго правительства, пока продолжалась горская война. Онъ первый изъ закатальскихъ мусульманъ поднялъ руку на качаговъ. Командуя охотничьей партіей изъ бѣлоканцевъ, онъ въ ту пору равновременно доставилъ начальству 60 качагскихъ головъ.—Муртузъ-Гаджи, какъ говорятъ объ немъ русскіе и его единомышленники, какъ говоритъ самое дѣло, человѣкъ не большаго ума, но здравомыслящій и страстный, именно то, что нужно для толпы. Начальники Лезгинской линіи цѣнили его заслуги и всегда были хороши къ нему. Онъ былъ любимцемъ князя Шаликова. Года три тому назадъ князь Шаликовъ отдалилъ его отъ себя, вслѣдствіе соперничества, возникшаго въ Бѣлокани, между нимъ и братьями Галаджіевыми. Князь Шаликовъ принялъ сторону послѣднихъ, какъ крещеныхъ и людей вполнѣ вѣрныхъ, чтó они и доказали; но изъ за этого онъ не разлюбилъ Муртуза. Холодность начальства, представляющаго для туземцевъ въ отдѣльныхъ частяхъ Кавказа нѣчто въ родѣ

верховной власти, сильно огорчила этого человѣка. Онъ ушелъ въ Таначинскій лѣсъ и поселился въ уединенномъ хуторѣ. Вѣроятно онъ слышалъ тамъ проповѣди учителей исправительнаго тариката (а мусульманскіе проповѣдники говорятъ иногда увлекательно). Положительно по крайней мѣрѣ, что въ это время произошла въ немъ совершенная перемѣна. Онъ всей душой предался зикрѣ. Участіе его въ предпріятіи прошлаго сентября не доказано, но по многимъ показаніямъ болѣе чѣмъ вѣроятно, хотя онъ тогда еще не игралъ видной роли между двумя зачинщиками—Буржи-Азанки и Занки-Муллой. Князь Шаликовъ, неизмѣнный въ своей привязанности, узнавши объ отшельничествѣ бывшаго любимца, спѣшилъ загладить свое обращеніе съ нимъ. Онъ вызвалъ его къ себѣ, но Муртузъ отказался ѣхать.—Вызовы эти повторялись нѣсколько разъ безъ успѣха, пока наконецъ кн. Шаликовъ далъ приказаніе доставить къ себѣ Муртуза. Осенью Муртузъ-Гаджи явился въ Сацхенисъ, гдѣ князь Шаликовъ, не смотря на многочисленныя предупрежденія, заставилъ его принять званіе наиба бѣлоканскаго. Муртузъ-Гаджи пробылъ въ этой должности нѣсколько мѣсяцевъ, но прежніе одноземцы его не узнавали. Съ почетными людьми онъ никогда не говорилъ; собиралъ къ себѣ на домъ гулходаровъ (горцевъ, приходящихъ на равнину для заработокъ) и чему то ихъ училъ,—они разсказывали, что онъ училъ ихъ тарикату, который самъ, какъ человѣкъ неученый, зналъ только по наслышкѣ. Ночью видѣли его на могилѣ бѣлоканскаго святаго (тоба), рыдающаго, судорожно обхватившаго камень. Говорятъ, что его страшно терзало раскаяніе за убійство 60-ти абрековъ, воевавшихъ за вѣру (т. е. по мнѣнію мусульманъ—мучениковъ), головы которыхъ онъ выдалъ русскимъ. Наконецъ Муртузъ-Гаджи не выдержалъ и весной 1862 года бросивъ произвольное свое наибство, бѣжалъ въ Таначинскій лѣсъ.

Въ лѣсу этомъ, бывшемъ до взятія Шамиля постояннымъ жильемъ качаговъ и неизвѣстной страной для русскихъ, сохранялись еще остатки заговора, неудавшагося въ сентябрѣ. Многіе мюриды изъ партіи, покинутой Буржой, собрались около Занки-Эфенди, не прекращавшаго проповѣди тариката. Сильное вліяніе этого человѣка въ восточныхъ лезгинскихъ деревняхъ—Джарахъ, Талѣ, Гогамѣ и проч., позволяло заговорщикамъ надѣяться, что партію всегда можно будетъ собрать, какъ только

придетъ благопріятное время. Муртузъ-Гаджи попалъ стало быть на готовое. Присоединеніе его къ бунтовщикамъ имѣло то важное послѣдствіе, что онъ принесъ имъ содѣйствіе другой, западной половины лезгинскаго общества — бѣлоканъ, кабахчали, катехъ и мацехъ. До тѣхъ поръ, партія мятежниковъ сосредоточивалась почти исключительно въ восточныхъ обществахъ, главнымъ изъ которыхъ считаются Джары; съ появленіемъ на сцену Муртуза, въ главѣ заговора стали бѣлоканцы, что̀ имѣло въ свою очередь значительное вліяніе на дальнѣйшій ходъ этого дѣла.

Съ присоединеніемъ Муртуза мятежъ сейчасъ же сталъ снова организоваться. Ранней весной зачинщики собрали значительную шайку для личной своей безопасности; но сборъ войска они отложили до удобной минуты. Изъ деревень пріѣзжали толпы людей слушать ихъ проповѣди; заговорщики внушали имъ обязанности мусульманина, брали съ нихъ присягу и отпускали назадъ, имѣя такимъ образомъ въ распоряженіи своемъ всегда готовое войско, невозбуждавшее до поры никакихъ подозрѣній. Внутреннее устройство готовившагося бунта было въ то̀ время весной, слѣдующее: признанныхъ предводителей еще не было, но главами партій были—восточныхъ селеній Гаджи Муртузъ, и съ нимъ значительнѣйшіе люди—Али Абакаръ оглы, Али Мамачи оглы, Рамазанъ Нуровъ, Рамазанъ Мурадъ оглы и Али Магометъ; западныхъ селеній поруч. Гаджи Али (тесть Хебелова) и офиц. Али Ага. Дѣйствительнымъ двигателемъ дѣла, по всѣмъ соображеніемъ, былъ Мулла Занки Эфенди, предводитель сентябрьской попытки. (Доставленный изъ Джаръ раненнымъ, надругой день послѣ штурма, онъ назвалъ нѣсколько лицъ и безъ того уже всѣмъ извѣстныхъ и отказался говорить объ остальныхъ; онъ осужденъ на смерть, но пока еще лежитъ больной въ казематѣ): Въ устройствѣ заговора Муртузъ кажется имѣлъ первостепеннаго вліянія, хотя многое дѣлалось его именемъ; настоящее значеніе онъ пріобрѣлъ только съ минуты когда явно сталъ въ главѣ мятежнаго скопища.—Бурджа Али въ этомъ послѣднемъ движеніи вовсе не участвовалъ.

По показаніямъ мулла Занки главными сообщниками заговорщиковъ были: поруч. Гаджи Али Гогамскій, (прощенный кн. Андронниковъ), шт. кап. Рамазанъ Ага Тальскій (бывшій участковымъ начальникомъ при князѣ Меликовѣ, сохранив-

шій и теперь свое почетное положеніе) и одинъ очень вліятельный человѣкъ въ Дагестанѣ (отказался назвать). По другимъ показаніямъ шт. кап. Рамазанъ Ага былъ посредникомъ въ сношеніяхъ заговорщиковъ съ Дагестаномъ. О поруч. Гаджи Али есть кромѣ того многочисленныя свидѣтельства: пока шли приготовленія къ бунту, онъ былъ такимъ же предводителемъ джарской партіи возмутителей, какъ Муртузъ бѣлоканскій и домогался верховнаго начальства. По всѣмъ показаніямъ сношенія злоумышленниковъ съ вліятельными лицами внѣ округа были очень обширны, что подтверждается всеобщимъ слухомъ. Писанныхъ документовъ не найдено, но какъ Муртузъ Гаджи еще не пойманъ, то можно думать, что они или при немъ, или может быть, истреблены имъ. Главный знаменщикъ Каракиши и кап. Хебеловъ говорятъ, что у Муртуза были писанныя обѣщанія Джабо наиба дидойскаго и Бакракали, наиба джуршутскаго. Соучастники бунта всѣ знали объ этомъ по слуху и твердо расчитывали на обоихъ. Бакракали разорвалъ при народѣ послѣднее письмо Гаджи Муртуза, когда бунтъ уже былъ въ разгарѣ; но въ эту минуту вѣрность сообщниковъ зависѣла отъ факта: возьмутъ или не возьмутъ Закаталы. Всякій изъ нихъ естественно, долженъ былъ подождать нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ рѣшиться дѣйствовать. По общему слуху и словамъ самаго Муртуза ждали содѣйствія изъ Нухи: говорили, между прочимъ, что старшина сел. Беладжинъ, Нухинскаго уѣзда, обѣщалъ помощь мятежникамъ. Въ нагорномъ Дагестанѣ былъ открытъ, раннею весною, особый заговоръ. Генералъ Лазаревъ узналъ, что Казы Магома Темтлинскій разъѣзжалъ по ауламъ и набиралъ приверженцевъ съ цѣлію захватить Гунибское укрѣпленіе. Казы Магома совѣщался со многими вліятельными людьми и впутывалъ въ это дѣло имя своего двоюроднаго брата—Кибитъ Магомы—значительнѣйшаго человѣка въ горахъ послѣ Шамиля. Заговорщикъ былъ арестованъ и сосланъ, а Кибитъ Магома, вслѣдствіе этой же исторіи, добровольно переселился изъ горъ въ Шуру, чтобы не подвергаться нареканіямъ. Теперь обнаружилось, что заговоръ этотъ былъ только развѣтвленіемъ заговора закатальскаго. Одинъ изъ послѣднихъ сотоварищей Муртуза, Бакана Шабанъ, покинувшій его послѣ долгаго скитанія въ лѣсу, показалъ: когда Муртузъ Гаджи узналъ объ арестованіи Казы Магомы, онъ сказалъ: «наше дѣло теперь на половину про-

мало!»—Я привелъ только главныя показанія и слухи. Если прибавить къ тому извѣстные уже факты: сильное распространеніе зикры и сопряженной съ нею проповѣди исправительнаго тариката въ Чечнѣ, Андійскомъ округѣ, южномъ Дагестанѣ и въ Закавказскомъ краѣ, посѣщеніе Закаталъ и Нухи Гаджи Алискеромъ, творцомъ мюридскаго тариката и постоянное пребываніе въ Карсѣ Джемалъ Эддина, главнаго вѣроучителя мюридовъ, у котораго самъ Шамиль былъ ученикомъ, то должно невольно придти, если не къ убѣжденію, то по меньшей мѣрѣ къ сильнѣйшему подозрѣнію, что закатальское возмущеніе въ сущности своей было первой попыткой зикры, переходящей отъ словъ къ дѣйствію; точно какъ нападеніе Кази Муллы на шамхальство въ 1830 г. было первой попыткой мюридизма, выступавшаго на страшную 30-ти лѣтнюю борьбу. Распущенные въ народѣ слухи о войнѣ, о всемірномъ ополченіи противъ Россіи, источника которыхъ надобно искать въ Турціи, гдѣ столько кавказскихъ эмигрантовъ, придаютъ еще болѣе достовѣрности этому предположенію, которое и безъ того само собою бросается въ глаза.

Въ продолженіи всей весны кн. Шаликовъ и кн. Тархановъ были предупреждаемы много разъ; почти всѣ извѣстные люди, особенно офицеры, показываютъ, что они говорили мѣстнымъ начальникамъ о приготовленіяхъ заговорщиковъ. Нѣкоторыхъ извѣтчиковъ Тархановъ отсылалъ къ Шаликову; но вообще, онъ не тревожился подозрѣніями, какъ видно изъ его дѣйствій. Въ дѣлахъ остался только одинъ его рапортъ о Гаджи Муртузѣ начальнику военнаго отдѣла, писанный въ мартѣ, въ которомъ кн. Тархановъ проситъ о высылкѣ Муртуза изъ края, какъ человѣка, который—вслѣдствіе своей вражды съ Александромъ Галаджіевымъ, можетъ покуситься на убійство! Это было въ то время когда Муртузъ, бросивши самовольно наибство, властвовалъ уже въ Таначинскомъ лѣсу. Князь Шаликовъ съ своей стороны не хотѣлъ даже слушать, когда дѣло шло о любимцѣ его Муртузѣ; онъ вѣрилъ въ этого человѣка. Когда старикъ Вахоевъ Джарскій, очень уважаемый человѣкъ, говорилъ ему объ измѣнѣ Муртуза и обширныхъ замыслахъ мятежниковъ, кн. Шаликовъ сказалъ, «если ты еще разъ упомянешь имя Муртуза, я велю выколоть тебѣ глаза». Такимъ образомъ онъ принималъ всѣ предостереженія. Вслѣдствіе того

многіе почетные люди, знавшіе положеніе дѣлъ, молчали изъ страха навлечь на себя неудовольствіе начальника.

Произведенное недавно расформированіе постоянной джаро-бѣлоканской милиціи имѣло также невыгодныя послѣдствія. Во всѣхъ горскихъ странахъ милиція составляетъ одно изъ необходимѣйшихъ условій русскаго владычества по многимъ причинамъ. На дняхъ я говорилъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ причинъ въ письмѣ къ нач. главнаго штаба. Уничтоженіе милиціи охладило къ русской власти многихъ вліятельныхъ людей и лишило мѣстное начальство послѣдняго средства противупоставить что нибудь бунтовщикамъ. Сто тридцать девять всадниковъ милиціи не было силой матеріальной, но заключали въ себѣ большую нравственную силу. Они представляли 139 первыхъ семействъ въ краѣ, которыя съ своимъ многочисленнымъ родствомъ располагали третью лезгинскаго населенія. Очень можно сомнѣваться—рѣшились ли бы бунтовщики стрѣлять по нимъ, имѣя въ виду, что каждый выстрѣлъ навлекаетъ месть за кровь, не только со стороны противниковъ, но со стороны своихъ же товарищей въ мятежѣ, потому что горское родство простирается чуть ли не до сотаго колѣна, а родовая честь не допускаетъ въ подобномъ случаѣ никакого уклоненія. На счетъ вѣрности постоянной милиціи достаточно сказать то, что не смотря на ея расформированіе, принятое милиціонерами за обиду, только трое изъ ея рядовъ участвовали въ мятежѣ. Можетъ быть милиціей не умѣли бы воспользоваться, еслибъ она и существовала; для того нуженъ былъ очень рѣшительный и серіозный характеръ. Но при неспособности начальника никакое орудіе не можетъ принести пользы*).

Въ половинѣ мая предводители мятежа начали собирать войско. Къ 1-му іюня они были уже въ сборѣ. Въ послѣдніе дни Мулла Занки ѣздилъ со знаменемъ по деревнямъ выкликать охотниковъ, безъ малѣйшаго противорѣчія ни со стороны офицеровъ и другихъ почетныхъ людей, ни со стороны народныхъ джемаатовъ. Въ то же время главныя лица между мятежниками рѣшили поставить во главѣ возстанія имама, т. е.

*) За мѣсяцъ до возстанія Гаджи Муртузъ выѣхалъ по вызову Тарханова въ крѣпость; но вѣроятно при этомъ о бунтѣ не было рѣчи, потому что онъ сейчасъ же былъ отпущенъ домой.

начальника вѣры. Званіе это, носимое Кази-Муллой и Шамилемъ, въ мусульманскомъ мірѣ, означаетъ человѣка, которому явнымъ и тайнымъ образомъ воля Божія вручаетъ руководство исламомъ на всей землѣ. Главы мюридизма облекались этимъ титуломъ потому, что считали за мусульманъ только людей принявшихъ исправительный тарикатъ, все же остальное мусульманство—испорченнымъ; поэтому, въ глазахъ реформаторовъ только начальникъ мюридизма былъ истолкователемъ истинной воли Божіей; слѣдовательно онъ былъ имамъ. Съ избраніемъ имама въ Таначинскомъ лѣсу, зикра прямо и открыта приняла наслѣдство мюридизма; званіе имама, снова возстановленное, по всей вѣроятности не исчезнетъ съ Гаджи-Муртузомъ, даже въ случаѣ его смерти и будетъ тайно признаваться зикристами за какимъ нибудь другимъ лицомъ, не въ предѣлахъ округа именно, а гдѣ нибудь на Кавказѣ. Вотъ какого рода безпорядки произошли въ этой странѣ.

Избраніе предводителя сейчасъ же поселило раздоръ между зачинщиками мятежа. Кажется, что Муртузъ-Гаджи не столько самъ хлопоталъ о верховной власти, сколько за него хлопотали другіе, желая очень разумно поставить во главѣ возстанія опытнаго военнаго человѣка. Поручикъ Гаджи-Али-Тольскій расчитывалъ также на первое мѣсто; сначала люди изъ восточныхъ деревень стояли за него и силы двухъ соперниковъ были равны. Но партія Гаджи-Муртуза получила перевѣсъ съ присоединеніемъ къ ней 400-тъ гулходаровъ (горцевъ, сходящихъ на равнину для заработокъ); Гаджи-Муртузъ давно уже успѣлъ привлечь къ себѣ этихъ людей, проповѣдуя имъ тарикатъ. Мулла-Занки-эфенди-джарскій имѣлъ сильное вліяніе въ своей части края и поддерживая Муртуза, привлекъ къ нему много людей изъ противной партіи. Когда джарцы и другіе жители восточныхъ деревень увидѣли перевѣсъ за Гаджи-Муртузомъ, они всѣ подали за него голосъ. Муртузъ охотно принялъ предводительство, но долго отказывался отъ имамства, говоря, что онъ человѣкъ неученый и неможетъ быть главою мусульманъ. Джарцы отвѣчали ему, что они провозглашаютъ его имамомъ не какъ ученаго, а какъ счастливаго человѣка, что это качество въ настоящихъ обстоятельствахъ всего нужнѣе. Муртузъ-Гаджи былъ благословленъ на имаметъ ученымъ муллой Абу-Салимъ-Гаджи изъ Караты (славный въ Дагестанѣ аулъ въ самой глубинѣ горъ, за Аваріей). Гаджи-

Али не показалъ неудовольствія; онъ обнимался съ Муртузомъ, далъ клятву всѣми силами содѣйствовать предпріятію и сейчасъ же уѣхалъ домой, чтобы созвать изъ восточныхъ селеній новый сборъ людей, на который мятежники сильно расчитывали и готовить, вѣроятно, матеріяльныя средства для штурма. Но въ душѣ онъ уже разорвалъ всякую связь съ новымъ имамомъ и его сообщниками.

Первоначальное намѣреніе заговорщиковъ было—отложить бунтъ до сентября. Для нихъ этотъ мѣсяцъ былъ удобнѣйшимъ временемъ—жатва и виноградъ были бы убраны, шолкъ проданъ и бунтовщики могли массою встрѣтить насъ по лѣсамъ. Сосѣди ихъ горцы, были бы также рѣшительнѣе осенью, видя себя огражденными на нѣсколько мѣсяцевъ отъ русскаго вторженія. Но, съ другой стороны, приготовленія заговорщиковъ зашли такъ далеко, что намѣреніе ихъ могло быть открыто и разстроено ранѣе срока. По настояніямъ муллы Занки рѣшено было немедленное возстаніе.

Передъ открытіемъ бунта Гаджи-Муртузъ посылалъ довѣренныхъ людей узнать о состояніи русскихъ силъ. Численность войскъ, составлявшихъ кадарскій отрядъ и занимавшихъ Лагодехи, онъ зналъ и надѣялся управиться съ ними, если счастливое начало позволитъ бунту быстро разлиться. Но онъ безпокоился на счетъ силъ, которыя могли быть двинуты отъ Тифлиса. Посланные его донесли, что по всей дороги отъ Закаталъ до Тифлиса не наберешь сто солдатъ, а изъ Тифлиса нельзя вывести больше одного баталіона.

Послѣднія извѣстія, полученныя русскими начальниками о бунтѣ, были сообщены: кн. Шаликову нарочнымъ бѣлоканскаго юзбаши, кн. Ю. Тарханову Георгіемъ Галаджіевымъ. Въ этотъ разъ кн. Шаликовъ поколебался въ слѣпомъ своемъ довѣріи и приказалъ юзбашѣ употребить всѣ средства, чтобъ удержать бѣлоканцевъ отъ бунта до его пріѣзда. Но Гаджи-Муртузъ предупредилъ его: занялъ Бѣлоканы одною пѣшею сотней и назначилъ туда своего наиба. Георгій Галаджіевъ прискакалъ изъ Бѣлоканъ въ Закаталы въ 7 часовъ утра и далъ знать обо всемъ Тарханову; но ему не вѣрили. Онъ долженъ былъ подать официяльный рапортъ о движеніи мятежниковъ на крѣпость. Тогда Тархановъ приказалъ Галаджіеву сейчасъ же ѣхать съ двумя казаками къ Муртузу и привезти его въ крѣпость, хоть тотъ и доказывалъ ему, что

это значило безъ пользы идти на вѣрную смерть. По настоянію брата своего Александра, Георгій Галаджіевъ отвѣчалъ, наконецъ, рѣшительно, что если эполеты обязываютъ его безпрекословно исполнять приказанія, то онъ сію же минуту подастъ въ отставку, чтобъ избавиться отъ невозможнаго порученія. Тогда за Муртузомъ послали Сагинова, который былъ убитъ съ провожавшими его казаками. Командиръ линейнаго баталіона и комендантъ крѣпости были извѣщены объ опасности уже послѣ полудня. Къ вечеру послано было предупрежденіе къ чапарамъ, занимавшимъ Муганлинскій постъ.

Съ покореніемъ горъ Закатальская крѣпость была обезоружена. Только три орудія стояли на мѣстахъ; банкеты разрушились и мѣсто ихъ означилась въ каменной оградѣ узкимъ карнизомъ, стоять на которомъ нельзя было, не держась рукою за верхъ стѣны. Гарнизонъ состоялъ изъ 247 ниж. чиновъ, имѣвшихъ ружья, считая тутъ и больныхъ. Но крѣпость все таки можно было считать сильной противъ скопища, не имѣвшаго артиллеріи, такъ какъ ограда ея состоитъ изъ каменной стѣны, которой нельзя взять безъ помощи лѣстницъ; будь вмѣсто стѣны земляной брустверъ, она бы не устояла. Должно отдать полную справедливость дѣятельности трехъ офицеровъ, устроившихъ оборону обезоруженной крѣпости менѣе, чѣмъ въ сутки: подполковнику Романову, окружному начальнику, князю Тарханову и артиллерійскому прапорщику Вемнякову. — Четырнадцать орудій были поставлены на платформы; трое воротъ завалено камнями, населеніе форштата переведено въ крѣпость; всѣ мущины, способные и неспособные въ числѣ 228 вооружены или своими или остававшимися при батальонѣ ружьями; каждому назначено мѣсто. Кн. Тархановъ вызвалъ изъ села Талы, на которое онъ еще надѣялся, 500 вооруженныхъ людей; но какъ во всякомъ случаѣ нельзя было достаточно на нихъ полагаться, чтобъ ввести ихъ въ крѣпость, то имъ была поручена оборона покинутаго жителями форштата. Небольшаго числа защитниковъ едва доставало къ стѣнамъ крѣпости и то ихъ приходилось разставить въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга; резервъ, раздѣленный на двое, состоялъ изъ 26-ти больныхъ и 9-ти казаковъ, такъ что судьба крѣпости зависѣла отъ самаго случайна. обстоятельства: успѣютъ ли въ какомъ нибудь пунктѣ человѣкъ 20 лезгинъ прорваться за стѣну?

Какъ только Бѣлоканы были заняты мятежниками, джемаатъ этого селенія (не выключая новообращенныхъ христіянъ, изъ за которыхъ столько потерялъ кн. Шаликовъ) далъ обѣщаніе на полное содѣйствіе; по всѣмъ даннымъ надо думать, что также поступили селенія Катехи и Мацехи. Личное вліяніе Гаджи-Муртуза было велико въ этой части края и онъ дѣйствительно увлекъ три деревни на три дня; но въ восточныхъ селеніяхъ этого не было, хотя партія мятежниковъ почти на половину состояла изъ джарцевъ, собранныхъ въ таначинскихъ хуторахъ, однакожъ ни Джары, ни другіе сосѣдніе аулы не вступали съ нимъ ни въ какіе переговоры отъ имени общества.—Но молодежь отовсюду стекалась подъ его знамя.

По занятіи Бѣлокановъ мятежники сейчасъ же бросились на разныя команды, находившіяся на сѣнокосѣ или въ слѣдованіи по дорогѣ изъ Лагодехъ въ Закаталы, считавшіеся совершенно безопасными. Ком. тифлисскагс полка баронъ Врангель успѣлъ предупредить части своего полка фуражировавшіе на Чаурской полянѣ; онѣ приняли военныя предосторожности и не понесли потери, но мелкія команды по дорогѣ были истреблены. Предоставляя это дѣло жителямъ Муртузъ-Гаджи двинулся съ собраннымъ имъ скопищемъ къ Закаталамъ и въ полночь съ 4 на 5 іюля остановился у холма Кашка-Тапа въ двухъ верстахъ отъ крѣпости. Онъ не бралъ съ собой много людей изъ Бѣлоканъ и другихъ западныхъ ауловъ, чтобъ не ослабить своего тыла въ случаѣ, еслибъ войска внезапно двинулись изъ Лагодехъ и Кодорскаго отряда. Показанія о численности шайки въ ночь въ 4 на 5 не совсѣмъ согласны по однимъ, съ Муртузомъ было тогда около 1.500 чел., изъ которыхъ около 500 бѣлоканцевъ, Катехцевъ и Мацехцевъ и столько же джарцевъ, да еще 400 гулходаровъ и около сотни разныхъ ингелойцевъ и другихъ пришлыхъ людей; по другимъ не болѣе болѣе Бѣлоканцевъ и проч., 400 джарцевъ и около сотни гулходаровъ. Послѣдній счетъ кажется вѣрнѣе, однакожъ не уничтожаетъ перваго, потому что при первоначальномъ сборѣ могло быть 1500 въ показанномъ составѣ, но довольно много людей осталось въ Бѣлоканахъ въ Таначинскомъ лѣсу, по Алазани, и вообще партизанами къ сторонѣ Лагодехъ.—Кромѣ того мятежники ждали сильнаго подкрѣпленія со стороны Гогама. Талъ и проч., откуда Гаджи-Али долженъ былъ вывести

свой сборъ. Горный перевалъ надъ Закаталами былъ покрытъ толпами джурмутцевъ, ожидавшихъ только перваго успѣха единовѣрцевъ, чтобъ сойти на равнину. Въ ночь штурма, партія Гаджи Муртуза значительно усилилась, присоединившимися къ ней поодиночкѣ жителями окрестныхъ селеній.

Въ этотъ же день Гаджи Али и 12 туземныхъ офицеровъ въ томъ числѣ маіоръ Измаиловъ, шт. кап. Рамазанъ Ага, шт. кап. Джанка Али явились въ крѣпость 7 числа. Подполковникъ Романовъ, боясь измѣны, оставилъ только нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему, а прочихъ просилъ удалиться.

На позиціи Кашка Тапа, Гаджи Муртузъ узналъ о бѣгствѣ Гаджи Али въ крѣпость и о разстройствѣ общаго плана съ этой стороны. Изъ допросовъ нельзя было съ точностію узнать, но по всей вѣроятности, мятежники разсчитывали на матеріяльныя средства, которыя долженъ былъ запасти для нихъ Гаджи Али—лѣстницы, фашины, земляные мѣшки и проч.; потому что они ничего этого не взяли съ собой и не имѣли времени изготовить, чтобы не быть настигнутыми войсками прежде взятія крѣпости. Въ этомъ и состояло, кажется, главное разстройство ихъ плана. Гаджи Муртузъ сейчасъ же послалъ въ Джары за шт. кап. тифлисскаго полка Хебелевымъ, зятемъ Гаджи Али. Хотя Хебеловъ тщательно скрываетъ настоящій разговоръ свой съ Гаджи Муртузомъ, разсказывая какіе то пустяки (какъ напр., убѣждалъ онъ Муртуза покориться безъ боя и проч.), но я не сомнѣваюсь, да и не можетъ быть сомнѣнія, что разговоръ былъ о его тестѣ—Гаджи Али, который въ рѣшительную минуту разстроилъ давно обдуманный планъ и бывши до того дня главнымъ заговорщикомъ, вдругъ передался русскимъ. Инаго разговора быть не могло, а послѣдующія дѣйствія Хебелова доказываютъ эту очевидность. Отпросившись у Муртуза посмотрѣть цѣло ли его хозяйство, какъ онъ показываетъ, Хебеловъ поскакалъ изъ Кашка Тапа не въ Джары, гдѣ оставилъ семейство и домъ, а въ Гогамъ, къ тестю; удостовѣрясь, что Гаджи Али точно въ крѣпости, поговоривъ съ тещею (зачѣмъ же другимъ было и ѣздить ему въ Гогамъ), онъ воротился къ Гаджи Муртузу и былъ имъ тогда уже отпущенъ домой въ Джары. Гаджи Муртузъ чрезвычайно цѣнилъ содѣйствіе Гаджи Али, какъ видно изо всего; отпустивъ Хебелова онъ самъ сейчасъ же поскакалъ въ Гогамъ и остановился въ домѣ Гаджи Али, вѣроятно чтобы также узнать что нибудь

отъ его родныхъ; а затѣмъ уже воротился къ Кашка Тапа и расположился въ садахъ деревни—Хуриса Оба. Причина, почему онъ былъ такъ снисходителенъ къ Хебелову, что отпустилъ его изъ скопища, между тѣмъ какъ другихъ офицеровъ, отказавшихся содѣйствовать мятежникамъ, напр., стараго Ибрагима Катехскаго, везли силою, приставивъ дуло къ затылку, для меня яснѣе дня: Гаджи Муртузъ хотѣлъ черезъ зятя возобновить сношенія съ Гаджи Али, который ему былъ нуженъ. Когда эта записка была уже готова, кап. Хебеловъ сказалъ мнѣ, что точно разговоръ былъ о его тестѣ, но что онъ не могъ дать никакихъ объясненій Гаджи Муртузу, такъ какъ самъ ничего не зналъ и тестя не видалъ болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Въ ночь съ 4 на 5 лезгины заводили перестрѣлку съ крѣпостію. На разсвѣтѣ Муртузъ-Гаджи послалъ партію въ 50 человѣкъ подъ начальствомъ Тинпинъ-Маголлы сжечь Муганлинскій мостъ, чтобъ оградить себя со стороны Алазани отъ внезапнаго появленія войскъ. Партія эта встрѣтила колонну фуражировъ подъ начальствомъ пор. Савицкаго изъ 79 человѣкъ, по большой части линейнаго баталіона, въ которой было только 36 ружей. Ничего не зная о бунтѣ, въ колоннѣ думали. что ѣдетъ какой нибудь начальникъ съ конвоемъ, и подпустили къ себѣ лезгинъ на нѣсколько шаговъ безъ всякой предосторожности; когда тѣ вдругъ дали залпъ и бросились въ шашки, люди не успѣли ни сомкнуться, ни изготовить ружей; каждый сопротивлялся какъ могъ и чѣмъ могъ. Только 13 русскихъ, по большей части раненныхъ, успѣли укрыться въ лѣсу. Въ это же время трехъ солдатъ изрубили на Дурдурѣ. Партія была принята съ отверстыми объятіями въ Муганлинской деревнѣ, населенной вассалами лезгинъ—татарами. Усилившись тамъ новыми людьми, партія пошла къ мосту. Три офицера изъ туземцевъ, которымъ была ввѣрена защита этого моста, показываютъ: «получивъ увѣдомленіе князя Тарханова и не считая себя въ достаточныхъ силахъ для сопротивленія, они послали за подмогой въ Муганлинскую деревню. Видя по утру, толпу людей, впереди которыхъ узнали муганлинцевъ, онѣ приняли ее за ожидаемую подмогу и пустили на мостъ; а потомъ, вдругъ были схвачены и перевязаны» — Но мостъ просто былъ отданъ непріятелю. — Нѣсколько другихъ партій были разосланы изъ стана мятежниковъ, для распространенія возстанія между татарами и ингелойцами. Вездѣ были готовы

нихъ принять и только относительная отдаленность ингелоевскихъ деревень и быстрота, съ какою все дѣло разыгралось подъ Закаталами, помѣшали возстанію этихъ мнимыхъ союзниковъ нашихъ. Главное ингелоевское селеніе Амабатъ, населенно болѣе чѣмъ 1000 семействами, выслало проживавшаго тамъ участковаго засѣдателя за Алазань, объявивъ ему, что лезгинская партія идетъ на ихъ деревню. Партія состояла въ 40 человѣкъ татаръ, съ 3-мя лезгинами.

Въ этотъ же день Гаджи-Муртузъ послалъ джурмутскому наибу Бакракали слѣдующее письмо, единственный, писанный документъ бунта, попавшійся до сихъ поръ въ наши руки.

Ночь съ 5 на 6 іюня была совершенно темная. Гарнизонъ съ вечера сталъ на свои мѣсти; 500 тальцевъ занимали укрѣпленный форштатъ. Во второмъ часу ночи лезгины двинулись на крѣпость. Поставленные въ форштатѣ тальцы не сдѣлали по нимъ ни одного выстрѣла. Нѣкоторые изъ нихъ показывали потомъ: что они вышли изъ форштата, оттого что по нимъ открыли изъ за крѣпости огонь, но это не правда. Изъ крѣпости отвѣчали уже на залпы, раздавшіеся изъ середины форштата, подъ самою крѣпостною стѣной. Дѣло было такъ: лезгины безъ сопротивленія вошли въ форштатъ съ угловаго южнаго бастіона, у рѣки; затѣмъ тальскіе офицеры можетъ быть ушли домой, но большая часть ихъ людей присоединились къ штурмующимъ, число которыхъ, такимъ образомъ, возрасло до 2000 человѣкъ.

Закатальская крѣпость составляетъ треугольникъ, сѣверный фасъ обрытъ широкимъ, но отлогимъ рвомъ; по восточному и юго-западному фасамъ стѣна построена надъ кручей въ нѣсколько саженъ глубины, такъ что между ней и обрывомъ простирается натуральная берма, около сажени шириной. На восточномъ фасѣ, къ подножію кручи примкнутъ форштатъ. Съ этой стороны крѣпостная стѣна ниже, и выстроена кремальерной линіей со множествомъ мертвыхъ угловъ, которые, при невозможности ружейной обороны по причинѣ несуществованія банкета, были вполнѣ мертвыми. Оборона этого фаса поручена была кн. Тарханову. Сѣвернымъ фасомъ командовалъ подполковникъ Романовъ. Лезгины направили фальшивую атаку на сѣверный фасъ, а дѣйствительную на южный. Выборъ ихъ былъ вѣренъ. Закрытые строеніями форштата и кручей, они подходили на сажень отъ подошвы стѣны, не подвергаясь огню;

мертвые углы и небольшая вышина стѣны значительно облегчали имъ эскаладу съ этой стороны. Но вообще они были въ очень невыгодномъ положеніи для того, чтобъ предпринимать штурмъ. Они пришли къ крѣпости, какъ было сказано, не имѣя никакихъ нужныхъ для того орудій. Невозможное дѣло, чтобы столько опытныхъ бойцевъ, каковы были ихъ предводители, не подумали объ этомъ заранѣе; это и убѣждаетъ меня, что внезапное отстраненіе Гаджи-Али отъ предпринятаго дѣла, приведшее ихъ въ такое смущеніе, повредило имъ особенно съ матеріяльной стороны; они не нашли лѣстницъ, фашинъ и мѣшковъ, на которые могли разсчитывать, но въ тоже время не смѣли также медлить. Двухъ тысячное скопище Гаджи Муртуза пошло на штурмъ съ 26-ю лѣстницами, захваченными въ деревняхъ. Зная это обстоятельство, можно было впередъ сказать навѣрное, что они не возьмутъ крѣпости; не трудно отбиться отъ 26 человѣкъ лѣзущихъ на стѣну. Въ началѣ штурма Гаджи-Муртузъ стоялъ въ форштатѣ, у духана, съ 30-ю мюридами; когда ему сказали, что Мулла Занки, водившій штурмующихъ, сильно раненъ, онъ самъ бросился къ стѣнѣ. Штурмъ продолжался около полутора часа. Описаніе его можно сдѣлать въ четырехъ словахъ. Двадцать шесть лезгинъ, карабкавшихся по лѣстницамъ не могли взять крѣпость. Картечь въ обстрѣливаемыхъ частяхъ фасовъ, а въ мертвыхъ—гранаты бросаемыя, съ рукъ на натуральную берму, лежащую между кручей и подошвой стѣны, заставила наконецъ лезгинъ отойти. *) Тѣмъ кончились попытки на крѣпость и закатальское возмущеніе. Все остальное въ реляціи объ обложеніи Закаталъ и новыхъ предпріятіяхъ горцевъ принадлежитъ къ красотамъ слога.

Въ дѣйствительности первая попытка втораго исправительнаго тариката—закатальское возмущеніе—кончилась въ 3 часа утра 6-го іюня. Когда разсвѣло, увидѣли, что вода, проведенная для снабженія крѣпости изсякла; она была отведена нѣсколько выше. Кн. Тархановъ закричалъ со стѣны разъѣзжавшимъ въ нѣкоторомъ разстояніи всадникамъ, что, если вода не будетъ сейчасъ же возвращена въ русло, то первое наказаніе падетъ на Джары; вода сейчасъ же была спущена. Разнесся слухъ, что Муртузъ-Гаджи раненъ и лежитъ въ Джа-

*) Общій голосъ указываетъ на кн. Тарханова, какъ на офицера наиболѣе отличившагося въ этомъ дѣлѣ

рахъ. Тархановъ сейчасъ же потребовалъ его выдачи. Изъ Джаръ привезли въ Закаталы раненаго Муллу Занки. До прибытія бар. Врангеля сообщенія съ крѣпостію не было открыто, потому что внѣ ея не знали о положеніи дѣлъ, а изъ нея некого было послать. До 9-го числа ворота оставались заваленными и иногда стрѣляли изъ пушекъ въ показывавшихся по одиночкѣ всадниковъ; но съ разсвѣта 6-го іюля даже тѣни опасности не существовало уже для Закаталъ. Зикристы поставили все что имѣли на одну карту; выигрышъ могъ перевернуть много; но карта была убита. Подгорные лезгины, какъ люди толковые, поняли, что дѣло кончено. Весьма довольные тѣмъ обстоятельствомъ, что ни Джары, ни другой какой либо изъ восточныхъ ауловъ не входилъ въ сношенія съ Муртузомъ отъ имени джемаата, что къ нему приставали, на свой рискъ, лишь отдѣльныя лица, общества дали ему время растаять. На это ненужно было долгаго срока. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ штурма, раньше полудня не существовало уже слѣдовъ 2-хъ тысячнаго скопища. Около Гаджи Муртуза остались только 50 собственныхъ его мюридовъ фанатиковъ, готовыхъ дѣлить съ нимъ добрую и худую участь.

Какъ только кн. Шаликовъ убѣдился, что довѣренность его обманута Гаджи Муртузомъ, онъ сейчасъ же прибылъ въ Лагодехи и не дожидаясь сбора войскъ, рѣшился итти въ округъ съ одной ротой; онъ полагался болѣе всего на свою личную популярность, существовавшую впрочемъ лишь въ его воображеніи. Совсѣмъ тѣмъ невозможно думать, чтобы князь Шаликовъ не зналъ размѣра опасности, которой подвергался; но какъ храбрый и честный человѣкъ, сознавая уже въ то время вѣроятно свою вину, онъ не боялся стать лицомъ къ лицу передъ бунтовщикомъ, котораго самъ же былъ косвенно причиною. На дорогѣ къ нему присоединилась другая рота, высланная бар. Врангелемъ; третьей онъ отказался ждать. Ночь съ 5-го на 6-е, въ то время когда мятежники штурмовали Закаталы, кн. Шаликовъ провелъ подъ Бѣлоканами. Хотя большинство бѣлоканскаго джемаата обѣщало содѣйствіе Гаджи Муртузу когда онъ былъ среди нихъ, но въ дѣйствительности общества были еще далеки отъ рѣшительнаго возстанія, даже въ этой части края, наиболѣе увлеченной мятежниками; къ Закаталамъ пошли только охотники, поднявшіе

бунтъ на свой рискъ. Хотя двѣ роты не были серіозною силою противъ огромнаго селенія Бѣлоканы, но старшины и весь джемаатъ встрѣтили князя Шаликова съ покорностію, сказали ему, что Гаджи Муртузъ увлекъ часть ихъ молодежи, но что масса народа вовсе не расположена бунтовать; всѣ отсовѣтывали движеніе впередъ съ горстью людей противъ сильнаго скопища мятежниковъ. Бѣлоканское населеніе ждало тогда результата штурма и не хотѣло рѣшаться на что нибудь, не зная еще какъ разыграется дѣло. Утромъ получено было извѣстіе, что штурмъ отбитъ; при этомъ говорили, что Гаджи Муртузъ убитъ или сильно раненъ (смѣшивая съ Муллой Занки).—Князь Шаликовъ рѣшился немедленно итти въ крѣпость и потребовалъ 250 чел. милиціи изъ Бѣлокановъ. Послѣ отраженія штурма не было уже никакого расчета бунтовать; требуемые милиціонеры немедленно присоединились къ отряду. Когда отошли нѣсколько верстъ отъ селенія, получено было новое извѣстіе, что Гаджи Муртузъ съ своею шайкою ожидаетъ войскъ на Цуарнадскомъ посту.

Когда 2-хъ тысячное лезгинское скопище, собиравшееся двѣ недѣли, разсѣялось въ два часа послѣ неудачнаго штурма, а сел. Джары въ тоже время выдало главнаго зачинщика бунта Муллу Занки, раненнаго и искавшаго убѣжища у своихъ односельцевъ, Гаджи Муртузъ не могъ болѣе расчитывать ни на какое содѣйствіе восточной, джарской половины края. Онъ не могъ полагаться и на западную—закатальскій штурмъ рѣшилъ судьбу возстанія—но тамъ онъ пользовался большимъ личнымъ вліяніемъ и могъ еще найти сторонниковъ даже въ несчастіи. При томъ въ первый день послѣ штурма, слухи были такъ сбивчивы, что народъ не могъ еще совершенно отшатнуться. Окруженный своими мюридами, числомъ около 50-ти всадниковъ, Гаджи Муртузъ напроломъ направился на Бѣлоканъ; но узнавъ, что тамъ стоитъ кн. Шаликовъ съ войсками, численность которыхъ была конечно ему передана, онъ остановился на Цуаркадскомъ посту. Послѣдующія обстоятельства показываютъ, что все, происшедшее въ этотъ день, со стороны Гаджи Муртуза не было даже попыткой возстановить окончательно проигранное дѣло, а только личной вспышкой мести и отчаянія. Когда кн. Шаликову сказали, что Гаджи Муртузъ встрѣтитъ его боемъ, онъ отвѣчалъ, «вздоръ, Гаджи Муртузъ не бу-

деть въ меня стрѣлять»; приказалъ милиціи стать въ аріергардъ и самъ, окруженный нѣсколькими всадниками, повелъ роту къ рѣчкѣ, на противоположномъ берегу которой стояли мюриды. Гаджи-Муртузъ первый выстрѣлилъ и ранилъ Шаликова; пораженный еще 2-мя пулями, тотъ слѣзъ съ лошади и сейчасъ же упалъ. Смерть Шаликова была причиною всего что случилось потомъ. Въ глазахъ азіятцевъ, не знающихъ почти ничего внѣ предѣловъ своей земли, начальникъ военнаго отдѣла есть само правительство; внезапная смерть его была въ ихъ понятіи, покуда они опомнились, чѣмъ-то въ родѣ начала междуцарствія, паденіемъ русской власти и силы. Нѣтъ сомнѣнія, что бѣлоканская милиція не измѣнила бы, еслибъ Шаликовъ не былъ убитъ. Но для нея не заключалось никакого смысла въ предложеніи—драться ни за что противъ вчерашняго своего предводителя, когда уже не было генерала, котораго она вышла провожать. Милиціонеры подались назадъ; массой они не присоединялись къ мюридамъ Гаджи-Муртуза; большая часть изъ нихъ немедленно воротилась домой; многіе, въѣхавъ въ опушку, открыли огонь по колоннѣ, но затѣмъ сейчасъ же разбѣжались; можетъ быть нѣсколько человѣкъ продолжали преслѣдовать колонну, но они были исключеніемъ. Гаджи-Муртузъ съ 50-ю своими мюридами тѣснилъ тифлисскія роты только на 4-хъ верстахъ, отъ Цуаркада до Катехъ; тамъ онъ прекратилъ преслѣдованіе и воротился со всею шайкою въ Бѣлоканъ. Охотники подраться изъ Катехъ и Мацехъ, выскочившіе на тревогу, приняли колонну огнемъ и не отставали отъ нее до самой крѣпости. По всѣмъ показаніямъ, въ этомъ случаѣ единогласнымъ, противъ тифлисскихъ ротъ ни въ одну минуту боя не было болѣе 70—80-ти лезгинъ. Большая потеря, понесенная ротами, объясняется достаточно тѣмъ обстоятельствомъ, что горцы дрались около своихъ деревень, гдѣ мѣстность имъ совершенно знакома. При такомъ условіи небольшое число горцевъ опаснѣе многочисленнаго скопища, пришедшаго въ чужую землю; такъ 500 хечикиринскихъ пастуховъ на голову разбили въ 1842 году. 12-ти тысячный отрядъ генерала Граббе еще по прибытіи къ нимъ подмоги. Со стороны лезгинъ дѣло 6-го іюня не было расчитаннымъ продолженіемъ бунта. Еслибъ населеніе, хоть, напримѣръ, однѣхъ Катехъ, не хотѣло пропустить колонны, навѣрное не прошелъ

бы ни одинъ человѣкъ. Дрались только немногіе мальчишки, всегда пьянѣющіе отъ пороховаго дыма.

Воротившись въ Бѣлоканъ, Гаджи-Муртузъ спокойно остался въ своемъ домѣ. Ни онъ, и никто другой въ округѣ ничего больше не предпринималъ. Всѣмъ было ясно, что дѣло проиграно безъ исхода.

Въ началѣ іюня авангардъ подъ начальствомъ полковника Врангеля, подступилъ къ Бѣлоканамъ. Гаджи-Муртузъ былъ еще тамъ. Заарестованіе старшинъ, вышедшихъ на встрѣчу войскамъ, можетъ быть предало бы его въ наши руки, но этого не сдѣлали. Пока занимались пустыми разспросами, Муртузъ, предупрежденный старшинами, что они не будутъ его защищать, поспѣшно удалился съ своимъ семействомъ. Грузинскіе милиціонеры, посланные послѣ долгаго промежутка времени къ его дому, нашли двери раскрытыми, вещи разбросанными, какъ бываетъ при поспѣшномъ бѣгствѣ.

9-го іюня полковникъ Врангель вступилъ съ своимъ отрядомъ въ Закаталы. Этотъ день офиціяльно считается окончаніемъ бунта, такъ какъ тогда только были открыты крѣпостныя ворота. Но бунтъ дѣйствительно кончился на разсвѣтѣ 6-го іюля, когда мятежное скопище стало расходиться.

11-го іюня прибылъ въ Закаталы генералъ-лейтенантъ князь Андрониковъ. Въ 5-ти дневное начальствованіе его не произошло ничего особеннаго, князь Андрониковъ имѣлъ только намѣренія, которыя потомъ не были приведены въ исполненіе. Настоящихъ причинъ бунта тогда еще не подозрѣвали и все приписывали Муртузу. Говорили серіозно, всесчастное возстаніе произошло отъ того, что въ краѣ сошлись два такіе фанатика, какъ Шаликовъ и Муртузъ-Гаджи; искали тайнаго вліянія поляковъ. Стало быть въ эти дни немогло еще быть рѣчи о принятіи дѣйствительныхъ мѣръ противъ дѣйствительнаго зла.

16 іюня прибылъ въ Закаталы ген. ад. кн. Орбеліянъ, а 18-го спустился съ горъ князь Меликовъ съ Дагестанской кавалеріей.

Вступленіе въ округъ 2,500 дагестанскихъ всадниковъ произвело чрезвычайное впечатлѣніе на подгорныхъ лезгинъ и будетъ имѣть большое значеніе въ будущемъ. Внезапность и успѣшность этого сбора, въ такихъ скользкихъ обстоятельствахъ, когда по Дагестану пролетѣла вѣсть о возстаніи джар-

цевъ на газаватѣ, превосходитъ всякое ожиданіе; оно даетъ такую мѣру дѣйствительныхъ нашихъ средствъ на восточномъ Кавказѣ, о какой нельзя было и думать. Событіе это конечно не доказываетъ, чтобы Дагестанъ уже окрѣпъ за нами, чтобы при удобномъ случаѣ эти же люди не могли соединиться съ джарцами противъ насъ; но оно показываетъ что можно сдѣлать съ горцами при хорошемъ управленіи, а покуда въ этомъ и состоитъ вся задача. Кромѣ того чрезвычайная быстрота этого сбора составляетъ сама по себѣ рѣдкій примѣръ, положительно не осуществимый въ другихъ отдѣлахъ Кавказа. Надобно было въ срокъ одной недѣли, безъ всякаго приготовленія, собрать изъ глубины горъ 2,500 всадниковъ и черезъ два снѣжные хребта привести ихъ въ Закаталы. Появленіе ихъ на равнинѣ произвело на подгорное населеніе бо́льшее впечатлѣніе, чѣмъ могло бы произвести появленіе цѣлаго корпуса на Алазани. Населеніе это привыкло встрѣчать русскихъ только съ юга; тылъ свой, припертый къ горамъ, оно считало безопаснымъ; на случай неуспѣха возстанія на равнинѣ, лезгины надѣялись увлечь съ собой сосѣдей анкрагильцевъ и найти въ горахъ безопасное убѣжище. И вдругъ эти же самыя горы, палладіумъ мусульманства и племенной независимости, послѣднее убѣжище въ неудачѣ, выкидываютъ въ тылъ имъ цѣлое войско, которое принимается разорять ихъ съ ожесточеніемъ самой закоренѣлой вражды. Можно сказать безъ аллегоріи, что подгорные лезгины онѣмѣли отъ этой неожиданности; они дали жечь и грабить себя въ продолженіи двухъ недѣль безъ одного выстрѣла, чего нельзя было бы достигнуть ни съ какой массой русскихъ войскъ. Они говорили только «пусть же теперь взбунтуется кто нибудь другой на Кавказѣ, мы его также ограбимъ».

Наказаніе джаро-бѣлоканскаго бунта требовало самыхъ энергическихъ мѣръ. Въ виду возможности заграничной войны подобное возстаніе было не менѣе, какъ вопросъ о русскомъ владычествѣ на Кавказѣ. Но на самое дѣло можно было смотрѣть съ двухъ сторонъ. Можно было обратить наказаніе въ военную экзекуцію—опредѣлить число казней нормою, не заботясь о большомъ разборѣ ихъ, выбрать жертвы изъ каждой деревни, чтобъ всѣмъ это было памятно, предать общества насилію войскъ и еще болѣе страшному насилію горскихъ мили-

цій—однимъ словомъ, поступить съ мятежнымъ краемъ, какъ съ измѣнившимъ и потомъ взятымъ штурмомъ городомъ. Цѣль такого рода дѣйствій, подавить измѣну ужасомъ, внушить населенію такой страхъ, чтобъ оно не смѣло въ другой разъ идти за коноводами поджигателями; потомъ, все покрыть амнестіей. Можно было также дѣйствовать другимъ образомъ: направить усилія къ тому, чтобы узнать и уничтожить коноводовъ, вырвать съ корнемъ заразу, такъ чтобъ нѣкому было поджигать массу. Для этого нужно было обратить главное вниманіе не столько на дѣйствовавшихъ (подлежащихъ въ свою очередь наказанію), сколько на тѣхъ, которые внушали дѣйствіе, выслѣдить ходъ заговора; не позволять виновнымъ, ни вліятельнымъ людямъ выставлять за себя отъ имени народа безсловесныя жертвы, ими же подученныхъ глупцовъ; а какъ заговоръ былъ преимущественно религіозный, то сдѣлать самую строгую разборку духовенству и проповѣдникамъ, узнать и удалить всѣхъ, проповѣдующихъ тарикатъ, допытаться какъ обширны были нити заговора и принять мѣры, чтобы прервать ихъ на будущее время; массу же наказать всеобщимъ, но не слишкомъ обременительнымъ взысканіемъ, чтобы всѣ знали, что быть ничтожной частичкой виноватой толпы, не значитъ еще быть невиновнымъ. Для такого образа дѣйствій потребовалось бы, вѣроятно, вдвое больше времени, чѣмъ для перваго и потому я не возьмусь рѣшить, какой былъ пригоднѣе дѣлу, но я предпочелъ второй.

Мѣры, принятыя генералъ-адъютантомъ княземъ Орбеліани и генералъ-адъютантомъ княземъ Меликовымъ состояли, по исполненію на практикѣ, въ слѣдующемъ:

1) Всѣ раненные лезгины, какъ обличаемые дѣломъ, захвачены, дома ихъ сожжены, имѣніе предано разграбленію.

2) Выдача виновныхъ, не раненыхъ, возложена на народные джемааты. Но въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ джемааты, подавленные военной экзекуціей и страхомъ, безмолвны. Мѣсто ихъ занимали нѣкоторые туземные офицеры, извѣстные начальству и потому имѣющіе голосъ. Къ сожалѣнію, кромѣ одного Киркуна-Али, эти же самые офицеры обвиняются многими показаніями и въ высшей степени подозрительны; они были слишкомъ вліятельными людьми въ краѣ, чтобъ безъ ихъ согласія могъ состояться такой обширный заговоръ и потомъ

бунтъ. Конечно они не выдадутъ сотоварищей, которые въ свою очередь могутъ выдать ихъ. Они представляли въ судъ людей, безъ сомнѣнія виновныхъ, но совершенно ничтожныхъ и ничего не знавшихъ *). Въ этомъ отношеніи слѣдствіе и судъ имѣли характеръ неразборчивой военной экзекуціи.

3) По той же причинѣ въ числѣ осужденныхъ на смерть, за исключеніемъ Муллы Занки и Буржа-Али, выданныхъ не джемаатами, нѣтъ ни одного, который значилъ бы что нибудь въ послѣднемъ возстаніи. Разборъ виновныхъ, совершаемый съ быстротой военной экзекуціи, необходимо былъ самый произвольный. Ни одинъ невинный не наказанъ; за то много самыхъ виновныхъ остались безъ наказанія.

4) Изъ проповѣдниковъ тариката, которыхъ въ послѣднее время развелось здѣсь много (кромѣ все того же Буржи-Али) не открыто, или лучше сказать, не было розыскиваемо никого.

5) Главнымъ средствомъ устрашенія въ принятомъ образѣ дѣйствій, было не осужденіе на смерть; число жертвъ было очень не велико по важности преступленія и понятіямъ этого народа; устрашеніемъ была военная экзекуція въ селеніяхъ. Признанная экзекуція состояла въ довольствіи войскъ и не могла обременить черезъ мѣру, какъ бы роскошно войска не жили. Но подъ нею существовала другая экзекуція—войска, и главное, дагестанская милиція дѣлала въ селеніяхъ въ продолженіи мѣсяца, буквально все что хотѣли. Не говоря уже о насиліи, грабежѣ домовъ, и тому подобн., въ одномъ селеніи Бѣлоканы захвачено тысяча буйволовъ и прочаго скота въ той же пропорціи. Дѣло дошло до того, что изъ за Амезани, изъ Кахетіи приходили толпами оборванные люди, съ мѣшками на спинѣ—брать что хотѣли; и джаро-бѣлоканцы были такъ устрашены, что не смѣли оказать малѣйшаго сопротивленія даже такимъ хозяевамъ.

Нравственный результатъ наказанія закатальскаго бунта оказывается такой: лезгины уже подымали руку на лезгинъ, что для насъ весьма важно.

*) Штабсъ-капитаны Рамазанъ-Ага и Али-Бекъ, посланные указать виновныхъ въ Бѣлоканахъ, набрали по этому случаю, говорятъ, до 3000 р. взятками и были наконецъ выгнаны оттуда; ясное дѣло—кого они выдавали?

Подгорное населеніе уничтожено и устрашено до такой степени, что, каково-бы ни были его чувства, оно долго **не посмѣетъ** думать о возстаніи. Для всѣхъ областей Кавказа, гдѣ распространена зикра, примѣръ этотъ будетъ не безъ пользы.

Весь корень зла остался не тронутымъ. Учители и проповѣдники зикры и тариката процвѣтаютъ по своимъ мѣстамъ, и если боялись двѣ недѣли тому назадъ, то теперь уже не боятся по крайней мѣрѣ за настоящее. Сто офицеровъ, сто юнкеровъ и столько же почетныхъ, однимъ словомъ, весь вліятельный классъ въ краѣ знаетъ теперь по опыту, что ему нечего опасаться смуты, что при извѣстномъ образѣ поведенія, онъ можетъ и дѣйствовать и безопасно выжидать результата, чтобъ потомъ спокойно стать на сторону побѣдителя.

Принятый ген. ад. кн. Орбеліяномъ образъ дѣйствій представляетъ много выгодъ. Нехорошо было длить народное волненіе, которое продолжалось бы столько же, какъ слѣдствіе, не было необходимости держать здѣсь массу войскъ два мѣсяца, когда можно было все кончить въ одинъ, какъ и сдѣлали; не было выгодно, можетъ быть, преслѣдовать нити заговора слишкомъ далеко, чтобъ не возбудить лишнихъ опасеній въ другихъ мѣстахъ; быть можетъ не было такой надобности уничтожать людей до того запуганныхъ, что они перестали уже быть опасными; нуженъ былъ примѣръ, по возможности быстрый и сильное впечатлѣніе на толпу; не было, наконецъ, надобности заботиться о глубинахъ дѣла между азіятцами, которые во всемъ увлекаются только видимостію. Я вполнѣ принимаю эти доводы, по которымъ, временно уполномоченное начальство рѣшилось замѣнить правильное изслѣдованіе и искорененіе зла военной экзекуціей. Еслибъ время было обыкновенное, предоставляющее полный просторъ въ будущемъ, я не позволилъ бы себѣ сказать слова противъ. Но теперь наканунѣ, можетъ быть, самой серіозной войны, я бы желалъ, чтобъ этотъ край былъ парализованъ не страхомъ, а дѣйствительнымъ безсиліемъ. Страхъ дѣло великое, пока закатальцы стоятъ одни противъ русской имперіи, надѣясь развѣ на Нуху, да на Бакракала джурмутскаго. Но съ первымъ выстрѣломъ на турецкой границѣ страхъ исчезнетъ и коноводы, которыхъ покуда не уничтожили, а только напугали, встанутъ во весь ростъ. Во всякой войнѣ бываютъ минуты сомнительныя и эти минуты для насъ

болѣе чѣмъ опасны съ зикрой въ тылу. Я не говорю о проигранномъ сраженіи, когда и зикристы и незикристы, и даже женщины мусульманскія встанутъ на насъ поголовно; не говорю потому, что хоть и можемъ мы проиграть сраженіе, но никогда его не проиграемъ.

Во всякомъ случаѣ слава Богу, что закатальскіе лезгины не имѣли достаточно терпѣнія и поднялись теперь, а не позже. Въ лицѣ ихъ поражена зикра, и покуда ей нуженъ не малый срокъ, чтобъ гдѣ нибудь опять собраться съ силами.

Осѣдлому человѣку неудачный бунтъ грозитъ гибелью имѣнія и семейства; но чѣмъ рискуютъ эти перелетныя птицы. Они составляли главную матеріяльную силу возстанія; джаробѣлоканцы были только головою. Это обстоятельство теперь съ точностію раскрыто и объясняетъ самый ходъ возстанія. Когда розыгралось возмущеніе, офицеры всѣ сидѣли дома и дожидались исхода, еслибъ онъ былъ удаченъ для бунтовщиковъ, они бы къ нимъ пристали, да и винить ихъ за это трудно, когда столько усилій со стороны ихъ передъ начальствомъ для предупрежденія бунта остались тщетными. Съ ними же сидѣли въ деревняхъ большинство почетныхъ людей и масса населенія, кромѣ части молодежи и предводителей бунта и всѣ смотрѣли на дѣло такими же глазами. А между тѣмъ на штурмѣ крѣпости было тысячи двѣ чел., не меньше. Кто же были эти люди? Гулходары! Бунтъ поставилъ свою судьбу на одну карту—взять крѣпость, или не взять, значило для него быть или не быть. Оттого, весь джарскій бунтъ и ограничился штурмомъ Закаталъ. Отраженные отъ стѣнъ гулходары разбѣжались и Гаджи Муртузъ остался съ сотнею фанатиковъ. Дѣло противъ Шаликова было уже попыткою личнаго отчаянія. Смѣю доложить В. И. Высочеству, неподвержено сомнѣнію, что войско, истребившее наполовину 2 тифлисскія роты, ни въ какую минуту боя не превышало 100 чел. Это была личная шайка Г. Муртуза; нѣсколько жителей присоединились къ ней во время боя, но много мюридовъ Гаджи Муртуза покинули его еще до боя. Еслибъ такіе люди, какъ джарибѣлоканы участвовали въ бунтѣ всѣмъ народомъ и знали бы что поголовно за него отвѣчаютъ, кровь не перестала бы литься такъ скоро. Они всѣ, вѣроятно, знали о заговорѣ, такъ какъ и заговоръ былъ дѣломъ народнымъ, но далеко не всѣ бунтовали.

О мѣрахъ, принятыхъ для наказанія бунта, донесено уже В. И. Высочеству кн. Меликовымъ. Поэтому я не говорю объ нихъ. Кара будетъ велика. Но не могу не знать, что освобожденіе ингелоевцевъ отъ всякихъ повинностей лезгинамъ, какъ народа намъ преданнаго, грузинскаго и полу-христіанскаго, я считаю мѣрой крайней необходимости. По окончаніи расправы съ джарибѣлоканцами князь Меликовъ хочетъ перейти съ своей кавалеріей въ горы, для отысканія хоть нѣкоторыхъ гулходаровъ, принимавшихъ явное участіе въ бунтѣ.

Исполняя первоначальное повелѣніе В. И. Высочества, послѣ завтра поѣду въ Лагодехи для розысканія о нѣкоторыхъ подозрительныхъ лицахъ изъ поляковъ, потомъ, за тѣмъ же поѣду въ Нуху. Что выкажется изъ этихъ розысковъ, буду имѣть счастіе донести В. И. Высочеству, хотя, признаюсь, большаго результата не ожидаю. Подозрѣнія, и даже сильныя подозрѣнія будутъ, такъ какъ въ народѣ ходили нѣкоторые вредные слухи не изъ лезгинскихъ рукъ; но улики едва ли будутъ. Заговора польскаго я не найду, потому что въ этомъ серіозномъ дѣлѣ новой мусульманской проповѣди польскому заговору не могло быть мѣста, какъ слишкомъ ничтожной причинѣ. Но что всѣ служащіе по близости поляки кричали противъ насъ, что малѣйшіе изъ нихъ распускали въ народѣ дурные слухи, это и теперь не подвержено сомнѣнію. Стало быть здѣсь есть мѣсто только административнымъ мѣрамъ, чтобъ унять польское нахальство, которое основывается лишь на безнаказанности, въ одной Россіи возможной. Осмѣлюсь доложить В. И. Высоч.: я убѣжденъ въ необходимости такихъ мѣръ не только на Лезгинской линіи, но и на всемъ Кавказѣ, о чемъ я говорилъ, уѣзжая, начальнику штаба. Во всякомъ случаѣ, постараюсь сколько есть силъ оправдать довѣріе В. И. Высочества и если даже не найду уликъ, то буду имѣть честь донести о лицахъ, наиболѣе навлекающихъ подозрѣніе. При всеобщемъ неудовольствіи на поляковъ русскаго общества, которое теперь уже ихъ не заслоняетъ, вредный полякъ виденъ наружу.

Остается одно дѣло, но вся важность въ немъ.—Мусульманская проповѣдь въ Бакинской губ.—Здѣсь, на время все будетъ подавлено. Въ горахъ можно положиться на хорошее управленіе. Но въ Нухѣ и другихъ суннитскихъ уѣздахъ фанатизмъ растетъ явно. На дѣйствіе противъ него земскаго

управленія не только полагаться, но и думать о томъ нечего. Ученіе же это, новый этотъ исправительный тарикатъ, имѣетъ всѣ свойства антонова огня; заведись въ одномъ мѣстѣ, онъ разливается по всему тѣлу мусульманства. Когда онъ показался одновременно въ двухъ мѣстахъ; въ Чечнѣ, на сѣверномъ склонѣ горъ, въ Закаталахъ, Нухѣ и далѣе, на южномъ склонѣ, да еще при распространенныхъ въ народѣ слухахъ о близости всемірной войны противъ Россіи, это такое явленіе (осмѣлюсь употребить здѣсь простонародное выраженіе), которымъ шутить нельзя. Считая дѣло это необыкновенно важнымъ, я считалъ также своимъ долгомъ доложить о немѣ Вашему Императорскому Высочеству съ должною полнотою, не боясь утомить высокое Ваше вниманіе.

Князь Орбеліянъ настаиваетъ, чтобы прибывъ въ Нуху, я принялъ на себя не только дознаніе о джазмѣ, но дѣйствіе противъ нее, и для того предлагаетъ предписаніе, вводящее меня въ право произвести нужные аресты. Не имѣя для этой второй половины дѣла, опредѣленнаго повелѣнія Вашего Императорскаго Высочества, имѣю честь просить изъявить мнѣ Вашу волю. Но при этомъ рѣшаюсь прибавить: мусульманскіе вопросы, мнѣ нѣсколько знакомы преимущественно по частымъ сношеніямъ съ мусульманами; теоретически я занимался ими изъ одного любопытства, стало быть не послѣдовательно; занятія по нѣкоторымъ правительственнымъ видамъ, связанными съ мусульманскими населеніями, при лицѣ бывшаго главнокомандующаго, заставили меня познакомиться съ нѣсколькими источниками; по татарски я почти перезабылъ. Вотъ все, что во мнѣ есть для такого дѣла. Въ распоряженіи Вашего Императорскаго Высочества находятся лица, знающія гораздо болѣе меня объ этомъ предметѣ, напримѣръ генералъ Бартоломей, настоящій оріенталистъ, которому можетъ быть приданъ въ помощь—Булатовъ, отлично владѣющій восточными языками. Конечно, они сдѣлаютъ больше меня, а дѣло это такое, что нужно исполнить его очень основательно. Я же, если знаю что нибудь удовлетворительно, такъ только полевое военное дѣло. Я считаю себя хорошимъ солдатомъ, и вездѣ на Кавказѣ меня считаютъ хорошимъ солдатомъ, а потому, если счастіе дозволитъ мнѣ въ чемъ либо быть полезнымъ видамъ Вашего Императорскаго Высочества, то скорѣе всего въ полѣ.—Смѣю, впрочемъ, выра-

зить, что всякое повелѣніе Вашего Императорскаго Высочества будетъ исполнено съ усердіемъ, и по крайнимъ моимъ силамъ.

Твердо уповаю, что Ваше Императорское Высочество простите мнѣ, въ этомъ длинномъ докладѣ, свободу нѣкоторыхъ выраженій. Слово обращенное къ Вамъ есть служба, и я предпочитаю сказать не такъ, можетъ быть, какъ должно, чѣмъ сказать не то, что должно.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ ДѢЙСТВІЙ

ПО ГРАЖДАНСКОМУ УПРАВЛЕНІЮ.

Въ I-й части моего отчета я имѣлъ счастіе представить Вашему Императорскому Высочеству ту сторону дѣятельности кавказскаго управленія, которая имѣла въ виду безпрекословное и незыблемое подчиненіе перешейка русскому престолу, вмѣстѣ съ лучшимъ устройствомъ арміи, занимающей Кавказъ и предѣлы востока. Отъ исхода предпринятой борьбы зависѣла будущность русскаго владычества въ этомъ краѣ; потому, естественно, я долженъ былъ главное вниманіе сосредоточить на ней. Но посреди военныхъ заботъ я никогда не упускалъ изъ виду цѣли, для осуществленія которой велась самая борьба—устройство кавказскаго перешейка, сообразное видамъ, для которыхъ онъ принятъ подъ русскую державу, развитіе внутренняго благосостоянія края, которое одно только можетъ доставить ему экономическую самостоятельность и положить конецъ ряду жертвъ, приносимыхъ имперіей. Правительственныя распоряженія въ дѣлѣ войны и въ дѣлѣ гражданскаго устройства края не могли имѣть одного характера; результаты моихъ усилій въ этихъ двухъ отношеніяхъ не могли быть одинаково быстры и полны. Между тѣмъ какъ ходъ военныхъ дѣйствій постоянно вызывалъ рядъ временныхъ мѣръ, достоинство которыхъ состояло исключительно въ томъ, чтобы сообразоваться съ потребностію настоящей минуты, видоизмѣняя средства по ближайшей цѣли; между тѣмъ, какъ въ такихъ вещахъ даже какъ устройство арміи и управленіе покоряемыми народами, надобно было имѣя въ виду прежде всего насущныя требованія текущаго періода, предоставляя себѣ въ

будущемъ измѣнять ихъ вмѣстѣ съ измѣненіемъ дѣйствительнаго положенія вещей; въ дѣлѣ гражданскаго устройства края, напротивъ, надобно было съ самаго начала положить основаніе твердой системѣ, которая обезпечивала бы положительную будущность всѣмъ начинаніямъ правительственнымъ и общественнымъ, не угрожая имъ возможностію новой передѣлки. Для полнаго успѣха гражданскихъ преобразованій, надобно было, чтобы руководящая ими идея проникла въ убѣжденія массы, направило бы большинство частныхъ усилій, сообразно съ своею цѣлію, однимъ словомъ, чтобы онѣ стали дѣйствительностію, а не однимъ только искусственнымъ построеніемъ сверху. Послѣ шестидесяти лѣтъ русскаго владычества за Кавказомъ и стольнихъ разнородныхъ попытокъ, надобно было опредѣлить окончательно, чѣмъ могутъ быть эти области для имперіи и чего должно хотѣть отъ нихъ правительство; тѣмъ болѣе, что устройство закавказскихъ владѣній важно не только само по себѣ, но есть образецъ, по которому должно рѣшиться значеніе всякаго азіятскаго владѣнія для Россіи; а при нынѣшнемъ состояніи востока, гдѣ участь стольнихъ вещей зависитъ отъ случайностей каждаго дня, указанія подобнаго опыта безмѣрно важны для имперіи переступившей за Кавказъ и ставшей на Аральскомъ морѣ. При такой постановкѣ вопроса, не смотря на неудовлетворительность во многихъ отношеніяхъ настоящаго устрройства края, я не могъ приступить сразу къ установленію какой нибудь общей системы, какъ это уже случалось здѣсь; рѣшать впередъ то, что прежде надобно испытать и принимать на себя отвѣтственность за сложность послѣдствій и примѣненій, которыхъ въ дѣйствительности никакой человѣческій умъ обнять не можетъ, было бы дѣломъ вѣроятно популярнымъ и громкимъ на первое время, но не было бы нисколько дѣйствительнымъ рѣшеніемъ вопроса. Ободряемый высокою довѣренностію Вашего Императорскаго Высочества, я отдалъ себя этому дѣлу и повелъ его такимъ образомъ, чтобы сказать съ увѣренностію: будущимъ поколѣніямъ придется дополнять и развивать, но не передѣлывать начатое. Прежде самаго дѣйствія, я долженъ былъ создать орудія дѣйствія—учрежденія, которыя могли бы давать дѣламъ должную обработку, доводить ихъ до меня въ полномъ свѣтѣ и наблюдать за правильнымъ исполненіемъ ихъ; опредѣлить также

средства, которыми намѣстникъ можетъ располагать для приведенія своихъ плановъ въ дѣйствіе. Затѣмъ слѣдовало исходатайствовать для края экономическія положенія, соотвѣтственныя его природнымъ потребностямъ; опредѣлить права сословій и владѣнія, до сихъ поръ еще весьма смутныя, сообразно съ истинными интересами государства и оградить ихъ такими судебными учрежденіями, которыя, при данномъ характерѣ населенія, могли бы достигать цѣли дѣйствительно и простѣйшимъ способомъ; устроить полицейское управленіе, удовлетворяющее положительнымъ нуждамъ власти и населенія, откидывая все излишнее, взятое изъ потребностей страны совершенно отличныхъ отъ здѣшней. Разработывать въ тоже время источники природнаго богатства края, столь обильные и столь безплодные еще покуда и воспользоваться исключительно выгоднымъ положеніемъ, въ торговомъ отношеніи Кавказскаго перешейка. Устраивая край надобно было обращать вниманіе не на общую организацію имперіи, и не на теоріи вытекающія изъ европейскаго права, а на мѣстныя условія; размѣрять создаваемое только по нуждамъ и силамъ новой страны; однимъ словомъ, смотрѣть на Закавказье не какъ на продолженіе Россіи европейской, но какъ на начало Россіи азіятской. При соблюденіи этихъ условій можно быть увѣреннымъ, что вопросъ о выгодности азіятскаго владѣнія, рѣшавшійся до сихъ поръ утвердительно въ пользу другихъ европейцевъ и отрицательно для насъ, рѣшится какъ и должно быть по исключительно удобному положенію Россіи,—независимо отъ выгодъ политическихъ и военныхъ, азіятское владѣніе окажется выгоднымъ само по себѣ.

Предпринимая рядъ мѣръ, требующихъ для своего осуществленія довольно продолжительныхъ сроковъ, я не могъ держаться въ этомъ отношеніи теоретической послѣдовательности, но долженъ былъ распредѣлять ихъ по средствамъ, находившимся въ моемъ распоряженіи и по времени, необходимому для полной обработки каждаго предмета. До сихъ поръ приведены въ исполненіе только нѣкоторыя важнѣйшія мѣры, неизбѣжныя какъ орудія, для осуществленія остальнаго. Истекшее трехлѣтіе было, естественно, періодомъ приуготовительнымъ, употребленнымъ на изученіе дѣйствительнаго положенія вещей; но обработка главныхъ предметовъ, отъ которыхъ зависитъ

прочное устройство этой части владѣній Его Императорскаго Величества подвинулось такъ далеко, что теперь, смѣю думать, нужно только благоволѣніе Его Императорскаго Величества и энергія мѣстной власти для приведенія въ исполненіе большей части ихъ.

Прежде всего нужно было приступить къ основательному устройству главнаго управленія. Ввѣряя великому князю власть намѣстника, Государь соизволилъ обратить особенное вниманіе на этотъ основной предметъ. До тѣхъ поръ въ устройствѣ властей намѣстничества лежала одна коренная ошибка, — не было соблюдено должной соразмѣрности въ развитіи главнаго и полицейскаго управленія. Первое было сжато въ чрезвычайно ограниченныхъ размѣрахъ, второе преувеличено безъ всякаго соображенія съ потребностями и экономическими силами края. Перенося русскую власть на азіятскую почву надобно было имѣть въ виду, что ей придется выйти здѣсь изъ битой колеи, создавать новое весьма отличное во многихъ отношеніяхъ отъ учрежденій собственной Россіи. Высшая власть въ восточныхъ странахъ, подчиненныхъ европейскому народу, необходимо должна быть въ извѣстномъ смыслѣ особымъ правительствомъ, имѣя передъ собой другія цѣли и достигая ихъ совершенно другими средствами, чѣмъ верховное правительство метрополіи; въ ней одной только, посреди азіятскаго края, должна сосредоточиваться національность владычествующаго народа. Нисшія же учрежденія, выработанныя личною жизнію народа, никогда, напротивъ того, не могутъ безнаказанно переноситься изъ Европы на востокъ; во-первыхъ, потому, что они слишкомъ сложны, оттого остаются совершенно непонятными населенію и не достигаютъ своей цѣли; во-вторыхъ, потому, что незнаніе формальностей, сопровождающихъ каждое дѣйствіе европейскаго закона, дѣлаетъ по большей части самыя нисшія мѣста администраціи недоступными для туземцевъ и заставляетъ влачить за главнымъ управленіемъ цѣлую толпу мелкихъ агентовъ, которые стремятся вдаль за невозможностію устроиться на родинѣ и потомъ только унижаютъ въ глазахъ толпы священное имя владычествующаго народа; въ-третьихъ, наконецъ, потому, что стоимость европейской администраціи далеко превосходитъ экономическія средства народа; такимъ образомъ учрежденія Рос-

сіи, гдѣ каждое лицо платитъ кругомъ прямыми и косвенными налогами, около 5-ти рублей, перенесенныя въ Закавказье, гдѣ до сихъ поръ государственный доходъ съ лица не превышаетъ 2-хъ рублей, поглотили на себя безъ всякой нужды всѣ средства края, не оставляя ничего для самыхъ полезныхъ начинаній, безъ которыхъ нельзя пробудить застой этой богатой природою, но оцепенѣлой какъ вся Азія страны. Въ восточномъ владѣніи все европейское образуется изъ привозныхъ элементовъ и оттого полнота, просвѣщеніе и дѣятельность по европейскимъ понятіямъ, могутъ совмѣщаться только съ главнымъ управленіемъ; нисшая же администрація должна быть какъ можно ближе къ вѣковымъ народнымъ учрежденіямъ, всегда на востокѣ простымъ и дешевымъ. Но при неполнотѣ главнаго управленія, нельзя было упрощать и нисшаго. Притомъ еще, съ 1841 года доходы Закавказскаго края стали вноситься въ общую государственную роспись, такъ что высшая мѣстная власть, устраненная отъ распоряженія финансовыми средствами края, не могла дѣйствовать самостоятельно и предпринять какое-либо значительное измѣненіе въ существовавшемъ порядкѣ вещей. Устройство главнаго управленія въ должныхъ размѣрахъ, какъ орудія для обработки и приведенія въ дѣйствіе предположенныхъ мѣръ, и отдѣленіе въ непосредственное вѣденіе намѣстника финансовъ Закавказскаго края стали двумя основными условіями, безъ которыхъ ничего нельзя было предпринять въ этомъ краѣ.

До 1859 года гражданское управленіе намѣстника состояло изъ слѣдующихъ учрежденій:

1) Начальникъ гражданскаго управленія.
2) Совѣтъ главнаго управленія Закавказскимъ краемъ.
3) Канцелярія намѣстника.
4) Экспедиція государственныхъ имуществъ.
5) Особое присутствіе о земскихъ повинностяхъ.
6) Дипломатическая канцелярія.

Кромѣ того существовали округи: учебный, карантинно-таможенный, почтовый и управленіе горное.

Такой составъ управленія удовлетворялъ только формальностямъ дѣлопроизводства, но не давалъ средствъ ни для должнаго изученія предметовъ, ни для точнаго исполненія предпринятыхъ мѣръ. Званіе начальника гражданскаго управленія,

учрежденное въ 1842 году, было только переименованіемъ, съ нѣкоторыми измѣненіями существовавшаго прежде званія военнаго губернатора закавказкаго. Съ раздѣленіемъ края на нѣсколько областей и съ назначеніемъ на Кавказъ намѣстника, первоначальное значеніе этого званія утратилось совершенно, потому что начальникъ гражданскаго управленія не могъ уже быть ни начальникомъ главнаго управленія, сосредоточеннаго почти исключительно въ собственной канцеляріи намѣстника, ни начальникомъ мѣстнаго управленія, перешедшаго къ губернаторамъ, дѣйствующимъ на основаніи общихъ законовъ; онъ не могъ быть также генералъ-губернаторомъ всего края, что составляло бы только безполезное раздвоеніе высшей власти. Для введенія современнаго устройства управленія, званіе начальника гражданскаго управленія должно было упразднить въ южной части намѣстничества, какъ званіе командующаго войсками на Кавказской линіи—въ сѣверной, и почти по тѣмъ же причинамъ.

Совѣтъ главнаго управленія удовлетворялъ своей цѣли, кромѣ двухъ особенностей: во-первыхъ, онъ учрежденъ былъ только для Закавказскаго края, дѣла же сѣверной части намѣстничества не подвергались его разсмотрѣнію; во-вторыхъ, разряды дѣлъ, подлежавшихъ его обсужденію, были опредѣлены предварительно, чтó съ основаніемъ намѣстнической власти въ этомъ краѣ не соотвѣтствовало уже правильнымъ отношеніямъ намѣстника къ подчиненному ему административному учрежденію.

Въ сущности, главное управленіе сосредоточивалось въ одной канцеляріи намѣстника и все доходило къ нему черезъ ея директора; но силы канцеляріи, очевидно, не могли быть достаточны для такой многосложности дѣла. По всѣмъ отраслямъ управленія дѣла, восходившія къ намѣстнику, обработывались въ соотвѣтствующихъ отдѣленіяхъ канцеляріи. При обширности работы, начальникъ отдѣленія съ однимъ или двумя столоначальниками могли только отписываться, а не разработывать предметовъ по своей части; директоръ же, кромѣ нѣкоторыхъ дѣлъ исключительной важности, долженъ былъ довѣряться заключеніямъ отдѣленій, не имѣя никакой возможности справляться съ источниками. При введенномъ въ Закавказскій край сложномъ административномъ и судебномъ порядкѣ, онъ едва успѣвалъ пробѣгать груду представляемыхъ

ему бумагъ. Кромѣ того, служебный разрядъ людей, которымъ ввѣрялось направленіе цѣлой отрасли общественной дѣятельности, не соотвѣтствовалъ требованіямъ начальника отдѣленія, который дѣйствительно можетъ обнять финансовую, судебную или другую подобную часть; не должно, для пользы общаго дѣла, оставлять начальникомъ отдѣленія, также какъ и универсальнаго директора, еслибъ такой нашелся. Въ сущности, все кончалось однѣми формальностями. Это происходило въ такомъ краѣ, гдѣ надлежало не охранять только вкоренившійся уже порядокъ, но вездѣ создавать новое.

Экспедиція государственныхъ имуществъ, выдѣленная изъ канцеляріи намѣстника, какъ особое учрежденіе въ 1856 году составляла первый, но исключительный опытъ самостоятельной организаціи главныхъ отраслей управленія, но только по Закавказскому краю.

Дипломатическая канцелярія и особое присутствіе о земскихъ повинностяхъ составляли учрежденія, наиболѣе соотвѣтствовавшія своему назначенію.

Съ новымъ устройствомъ главнаго управленія имѣли въ виду дать каждой самостоятельной части необходимую полноту и всему управленію должную связность, отбрасывая притомъ всякое излишество и удовлетворяя только потребностямъ, оправданнымъ долголѣтнимъ опытомъ. Въ комитетѣ, составленномъ изъ самыхъ опытныхъ по здѣшнему управленію людей, проэктъ главнаго управленія былъ разработанъ сообразно съ даннымъ планомъ. Главное управленіе открыто 1 января 1859 года.

Составъ главнаго управленія слѣдующій:

1. Начальникъ главнаго управленія намѣстника, власть котораго обнимаетъ одно лишь это управленіе, не распространяясь, какъ было прежде у начальника гражданскаго управленія, на мѣстную администрацію. Онъ есть докладчикъ намѣстника по гражданскимъ дѣламъ; ему предоставлено созывать, въ случаяхъ, когда онъ признаетъ нужнымъ, совѣтъ директоровъ, подвѣдомственныхъ ему учрежденій.

2. Департаментъ общихъ дѣлъ, въ которомъ сосредоточивается высшее дѣлопроизводство по дѣламъ полицейскихъ городскаго хозяйства и гражданско-медицинскимъ, по округамъ учебному и почтовому.

3. Департаментъ финансовъ, въ который восходятъ также дѣла вѣдомствъ карантинно-таможеннаго и горнаго.

4. Департаментъ судебныхъ дѣлъ.

5. Департаментъ государственныхъ имуществъ.

6. Особое управленіе сельскаго хозяйства, вѣденію котораго подчинена также лѣсная часть.

7. Временное отдѣленіе, составлявшее личную канцелярію главнокомадующаго для предварительной обработки проэктовъ прямо исходившихъ отъ главнокомандующаго.

Особое присутствіе о земскихъ повинностяхъ, преобразованное на новомъ основаніи.

Особое управленіе сельскаго хозяйства было открыто ранѣе прочихъ учрежденій, составляющихъ главное управленіе, для того чтобы приступить, не теряя времени, къ устройству нѣкоторыхъ предметовъ по этой части *).

Кромѣ того Его И. Величеству угодно было возложить особо на генералъ-адъютанта князя Орбеліяна, кромѣ предсѣдательства въ совѣтѣ, обязанность замѣщать главнокомандующаго во время отсутствія, по званію главнокомандующаго и намѣстника, слѣдуя даннымъ отъ его указаніямъ.

При устройствѣ главнаго управленія старались провести вездѣ то правило, чтобы движеніе всякаго дѣла оканчивалось тѣмъ лицомъ или учрежденіемъ, которое не по фирмѣ только, но въ дѣйствительности, можетъ и должно въ него вникнуть и дать ему законное направленіе. Соблюденіе формальности, по которой дѣла возводятся отъ инстанціи, въ сущности ихъ рѣшающихъ, къ инстанціи высшей, гдѣ бумага будетъ только подписана по бѣгломъ прочтеніи, имѣетъ два вредныя послѣдствія: снимая отвѣтственность съ тѣхъ, которые по справедливости должны ее нести и уничижая ихъ въ тоже время нравственно, она обремѣняетъ начальство до такой степени, что имъ не остается ни времени, ни охоты для самодѣятельности въ принадлежащей имъ сферѣ. Ничего не ограждая, какъ уже достаточно доказано, излишній контроль только придаетъ всему управленію характеръ машинальности, увеличивая въ тоже время его

*) Округа: учебный, карантинно-таможенный и почтовый были пока еще оставлены въ прежнемъ видѣ.

стоимость. *) Въ опредѣленіи личнаго состава руководствовались правиломъ въ томъ же духѣ, — предоставили каждому старшему, на всѣхъ степеняхъ службы, не стѣсняясь избирать своихъ непосредственныхъ подчиненныхъ, отвѣчая за нихъ. Главнокомандующій былъ твердо убѣжденъ, что при этомъ порядкѣ дѣлопроизводстваи выбора людей дѣло пойдетъ успѣшно; въ немъ выльется вполнѣ вся сумма гражданскаго чувства, добросовѣстности, просвѣщенія и дѣятельности, какая есть въ обществѣ, съ болѣе легкимъ ходомъ всего орудія и меньшими издержками; а чего обществу недостаетъ въ этихъ отношеніяхъ, того нельзя выполнить никакими формальностями.

Съ учрежденіемъ новаго управленія, соображеннаго исключительно съ потребностями страны, необходимо было также дать Закавказскому краю самостоятельное финансовое управленіе. Въ какой бы мѣрѣ ни развилось общественное богатство имперіи, какъ бы ни были значительны обороты между европейской Россіею и ея азіятскими областями, какъ бы ни сравнялись даже тамъ таможенные тарифы, экономическія условія этихъ двухъ частей будутъ всегда существенно различны. Предметы производста, средства къ производству, распредѣленіе богатствъ и сложившееся вслѣдствіе того общественное устройство, отрасли сельскаго хозяйства и промышленности, требующія поощренія и вмѣшательства со стороны правительства, степень этого вмѣшательства, статьи государственнаго дохода и мѣра ихъ важности,—во всѣхъ этихъ отношеніяхъ азіятскія области, пріобрѣтенныя имперіей, никогда не будутъ подходить подъ условія экономическаго быта собственной Россіи; въ настоящее же время экономическіе интересы загорныхъ областей даже противуположны имъ, потому, что тарифные уставы, которые долго еще, вѣроятно, будутъ имѣть въ Россіи характеръ охранительный, за Кавказомъ имѣютъ смыслъ исключительно фискальный. Здѣсь покровительствовать нечему, всѣ производительныя статьи края требуютъ для своего развитія только свободы и приложенія капиталовъ, которыхъ изъ Россіи, какъ достаточно показалъ опытъ, вызвать невозможно;

---

*) Важно ужъ и то, что при вновь введенномъ порядкѣ должностному лицу остается довольно свободнаго времени, чтобъ заниматься службой охотно и съ свѣжей головой.

географическое положеніе Кавказскаго перешейка дѣлаетъ его перепутьемъ торговли двухъ частей свѣта, сталкиваемой до сихъ поръ съ своего естественнаго пути нашими таможенными постановленіями. При такомъ несходствѣ экономическихъ условій управленіе финансами Закавказскаго края съ общимъ финансовымъ управленіемъ имперіи, значило бы только остановить въ зародышѣ всякое развитіе этой страны и увѣковѣчить обременительность ея для государства.

(Окончанія этой статьи въ рукописяхъ покойнаго Фадѣева не нашлось).

ЗАПИСКА ОБЪ УПРАВЛЕНІИ

АЗІЯТСКИМИ ОКРАИНАМИ *).

Въ виду тяжелыхъ и постоянныхъ убытковъ государственной казны на Кавказѣ и въ Туркестанѣ, возникаетъ необходимость опредѣлить наконецъ сознательно, сообразуясь съ общими потребностями имперіи, систему управленія этими двумя странами. Не одна Россія имѣетъ владѣнія въ Азіи, но для нея одной они убыточны, и притомъ въ такой степени, что доходъ не покрываетъ даже половину расхода. Дѣло идетъ о великомъ вопросѣ, быстро принимающемъ все большіе размѣры, такъ какъ съ каждымъ царствованіемъ, въ силу неизбѣжнаго и независящаго отъ человѣческой воли хода дѣлъ, границы русскихъ владѣній въ Азіи постоянно расширяются. Вопросъ въ

*) Эта записка, вмѣстѣ съ другой спеціальной запиской о Кавказѣ, была прислана генераломъ Фадѣевымъ въ редакцію «Русь», по возвращаніи его изъ Тифлиса, гдѣ онъ состоялъ членомъ коммиссіи для составленія новаго проекта по управленію Кавказомъ. Въ письмѣ этомъ генералъ Фадѣевъ разрѣшалъ воспользоваться имѣющимися въ запискахъ данными какъ матеріаломъ. Къ несчастію, не удалось съ тѣхъ поръ свидѣться лично съ Ростиславомъ Андреевичемъ, и разспросить его подробнѣе о томъ употребленіи, какое можно сдѣлать изъ этихъ записокъ. Но кажется нельзя сдѣлать лучшаго употребленія и лучшимъ способомъ почтить его память, какъ напечатать, хотя бы даже съ нѣкоторыми пропусками, эти записки, или, по крайней мѣрѣ, главную изъ нихъ— объ азіятскихъ окраинахъ, замѣчательную во всѣхъ отношеніяхъ, блестящую умомъ и талантливостью изложенія. Мало умѣли у насъ цѣнить способности этого даровитаго человѣка!

томъ, должно ли считать азіятскія владѣнія обыкновенными областями, подчинять ихъ общимъ учрежденіямъ, или же они требуютъ иныхъ, имъ исключительно свойственныхъ пріемовъ управленія, въ чемъ и въ какой мѣрѣ.

Хотя Закавказскій край зачятъ уже 80 лѣтъ, а Средняя Азія менѣе 20-ти, тѣмъ не менѣе вопросъ объ отношеніи государства къ этимъ окраинамъ стоитъ покуда въ одинаковомъ, требующемъ рѣшенія видѣ. Послѣднему правителю Кавказа предстояло еще завоевывать страну, управленіе которой ему ввѣрялось; новый начальникъ будетъ первымъ, назначаемымъ исключительно для управленія. Въ Туркестанѣ сдѣланъ покуда не болѣе какъ административный опытъ, далеко не оправдавшій себя послѣдствіями.

Очевидно, что увѣковѣченіе такого положенія дѣлъ, при которомъ азіятскія владѣнія составляютъ бремя для Россіи, не можетъ быть обращено въ систему. Еслибъ даже подобное бремя было признано выносимымъ въ его настоящемъ видѣ, то очень скоро оно станетъ совершенно непосильнымъ. Когда русское царство не остановилось въ своемъ разростаніи на естественныхъ предѣлахъ Кавказскаго хребта и Урала, то кто укажетъ теперь предѣлы, на которыхъ оно остановится? Можно предвидѣть, что со временемъ многія еще страны и многіе милліоны азіятскаго населенія будутъ подчинены русскому господству. Это судьба всякаго европейскаго владычества въ Азіи. Давно уже англичане въ Индіи закаивались идти далѣе, закаивались и голландцы въ Малезіи, прежде еще закаивались римляне вынужденные силою обстоятельствъ перешагнуть Геллеспонтъ,—и однакожъ всѣ они невольно шли впередъ, по тому же естественному закону, который заставляетъ камень погружаться въ тину, пока онъ не дойдетъ до твердаго дна. Сожительство съ племенами, не сложившимися въ твердо очерченныя народности и не признающими иного права, кромѣ права силы, вынуждаетъ для собственной безопасности подчинять своему вліянію ближайшихъ сосѣдей, а затѣмъ снова выдвигаться впередъ для огражденія этихъ послѣднихъ. Если англичане, голландцы и французы, попавшіе въ Азію и Африку случайно, дорожащіе своими заморскими владѣніями исключительно изъ-за денежныхъ выгодъ, не могутъ избѣжать необходимости невольнаго разростанія; то возможно ли это для Россіи, вдвинутой географически въ азіятскій материкъ, сопр...

касающейся съ его населеніями непосредственно, на протяженіи многихъ тысячъ верстъ? Кто повѣритъ въ устойчивость нашихъ азійскихъ границъ даже со стороны Турціи, видимо разлагающейся, тѣмъ болѣе въ средней и восточной Азіи? Мы можемъ отрекаться отъ всякаго захвата, но не можемъ отречься отъ обязанности обезпечивать спокойствіе на своихъ предѣлахъ; а это условіе именно влечетъ неодолимою силою каждую европейскую державу, ставшую на почву Азіи, къ постепенному раздвиженію границъ. При такомъ положеніи дѣла, самая обыденная предусмотрительность заставляетъ принимать въ соображеніе, при установленіи системы управленія русскими областями въ Азіи, не только ихъ нынѣшній размѣръ, но неизбѣжный приростъ ихъ въ будущемъ. Пожертвованіе, сносное въ ограниченныхъ предѣлахъ, становится непосильнымъ, когда оно періодически возрастаетъ.

Вопросъ объ удобствѣ распространенія европейскихъ учрежденій на владѣнія въ Азіи можетъ подлежать разсмотрѣнію съ разныхъ сторонъ и съ разнообразныхъ личныхъ точекъ зрѣнія, но лишь до тѣхъ поръ, пока эти владѣнія остаются незначительными; съ расширеніемъ ихъ вопросъ упраздняется самъ собою: экономическія средства всякой, самой богатой восточной страны настолько ниже всякой европейской, даже самой бѣдной, что ихъ далеко не станетъ на содержаніе сложныхъ формъ управленія, выработанныхъ послѣдними, когда при этомъ приходится еще держать постоянное войско для обороны края. Англійскій подданный платитъ въ Европѣ прямыхъ и косвенныхъ податей 90 франковъ, въ Индіи—не свыше $7^1/_2$; голландецъ платитъ болѣе 70 франковъ, — голландскій малаецъ— $5^1/_2$. То же самое явленіе буквально повторяется у насъ. Изъ отчета покойнаго фельдмаршала князя Барятинскаго за 1860 годъ видно, что Ставропольская губернія, при населеніи въ 340 тысячъ, давала нѣсколькими тысячами рублей болѣе дохода, чѣмъ весь Закавказскій край, населенный уже тогда 3-мя милліонами жителей. Принимая оффиціально-показываемую цифру населенія Европейской Россіи и Сибири—76.400.000, на душу приходится по бюджету 1880 года слишкомъ 9 рублей налога всякаго рода. Въ Закавказскомъ краѣ платежная способность населенія выражается цифрой $2^1/_4$ р.*), въ Туркестанѣ—1 р. 90 к.;

*) При бюджетѣ 8.832 000 р. и населеніи—3.684.000 душъ.

въ общей сложности и по курсу — тѣми же неизмѣнными 6—7 франками, какъ въ Индіи и Малезіи. Цифры эти—показатель общей экономической состоятельности на всемъ Востокѣ, за единственнымъ исключеніемъ Египта, въ которомъ высшій доходъ приносится Ниломъ, а не людьми. Исторія доказываетъ съ очевидностію, что благосостояніе страны зависитъ не отъ даровъ природы, а отъ духовнаго склада человѣка и общественнаго развитія, вырабатываемыхъ тысячелѣтіями, вслѣдствіе чего голланское болото въ 14 разъ богаче Голконды. Конечно разработка естественныхъ богатствъ нашихъ азіятскихъ окраинъ сулитъ еще многое впереди, но совсѣмъ невѣроятно, чтобъ эти страны стали когда нибудь богаче Индіи, съ которой англичане, при всемъ ихъ умѣньи и беззастенчивости, не могутъ выбрать болѣе 7$^1/_2$ франковъ съ души. Европейцы, которымъ удалось захватить разные углы Азіи, давно поняли неизбѣжныя условія своего владычества и примѣнились къ нимъ: они не помышляютъ о перенесеніи въ Азію своихъ дорогихъ гражданскихъ учрежденій, удерживаютъ въ своихъ рукахъ одну только правительственную власть, оставляя странѣ ея привычную дешевую администрацію, вслѣдствіе чего имъ остается изъ мѣстныхъ доходовъ достаточно средствъ для содержанія вооруженныхъ силъ. У насъ же стоимость одного гражданскаго управленія въ Закавказскомъ краѣ не только поглощаетъ весь приносимый областью доходъ, но требуетъ еще крупной приплаты со стороны государственнаго казначейства **). Очевидно, что такимъ образомъ можно относиться къ какому-нибудь необходимому стратегическому пункту, напр. къ Сингапуру или Красноводску, а не къ обширному краю.

Въ Средней Азіи можно ожидать постепеннаго выдвиженія осѣдлаго населенія къ югу въ степь, какъ это произошло въ Новороссійскомъ краѣ, въ Заволжьѣ, въ Сибири; но Закавказье и Туркестанъ, такъ же какъ сопредѣльныя имъ страны, не могутъ уже вмѣстить такой массы пришлаго русскаго населенія, чтобы обратиться этнографически въ Россію; онѣ останутся очень надолго русскими владѣніями въ Азіи, со всѣми неизбѣжными условіями такого владѣнія. Въ виду этихъ неизбѣжныхъ условій, въ виду вѣроятной, даже болѣе чѣмъ вѣроятной, не-

**) 1.843,000 р. (Матеріалы по Кавказу).

обходимости постепеннаго раздвиженія нашихъ границъ на Востокѣ, нельзя продолжать прежней системы, правильнѣе сказать—рутины, въ отношеніи къ этимъ областямъ; иначе дефицитъ, вынуждаемый такою рутиною, обратится наконецъ въ нѣчто подобное подати, которую русскій народъ высылалъ когда-то въ золотую орду. Еслибъ даже содержаніе азіятскихъ окраинъ насчетъ владычествующаго народа приносило добрые плоды въ какихъ-либо другихъ отношеніяхъ, то его всетаки нужно постепенно прекратить, такъ какъ очень скоро оно станетъ невозможнымъ. Но приноситъ ли оно добрый плодъ въ какомъ нибудь отношеніи? Въ другихъ европейскихъ государствахъ, имѣющихъ владѣнія въ Азіи, вопросъ этотъ давно считается рѣшеннымъ отрицательно; у насъ то же самое доказывается фактами, хотя затемняется фразами. Сущность вопроса очень проста.

Когда европейское правительство становится на мѣсто туземнаго, мусульманскаго или языческаго, не выходя изъ чисто правительственной задачи, то населеніе, не смотря на отвращеніе къ иновѣрцамъ, немедленно начинаетъ чувствовать выгодныя послѣдствія такой перемѣны: власть не тѣснитъ богатыхъ людей для выжиманія денегъ, не заставляетъ скрывать свои средства и ходить въ лохмотьяхъ, не отымаетъ красивыхъ женъ, устанавливаетъ равную для всѣхъ податную систему, ограждаетъ безопасность на дорогахъ; всѣмъ дышется легче. Особенно же населенія живо чувствуютъ эту разницу подъ рукою русскихъ, которые не смотрятъ на туземцевъ какъ на существа низшей породы, обходятся съ ними человѣчно. Оттого утвержденіе русскаго владычества въ азіятской странѣ всегда на первыхъ порахъ пользуется популярностью. Такъ бывало постоянно и въ закавказскихъ ханствахъ, и въ областяхъ отхваченныхъ отъ Персіи и Турціи, и въ Туркестанѣ; тысячи людей знаютъ это и помнятъ. Но популярность наша продолжается до тѣхъ лишь поръ, пока русская власть остается мѣстнымъ правительствомъ, надзирающимъ за обычнымъ туземнымъ управленіемъ городскимъ и сельскимъ, пока она не переходитъ сама въ мелочную администрацію. Съ этого же перехода начинаются—общее недовольство, народныя вспышки, разгаръ фанатизма, принимающаго форму мюридизма, зикры, джазма и т. п., съ неизбѣжнымъ заключеніемъ большихъ бунтовъ, заставляющихъ вскорѣ удвоивать число войскъ

въ краѣ. Явленіе это воспроизводилось до сихъ поръ съ такимъ постоянствомъ въ каждомъ углу нашихъ азіятскихъ владѣній, что его можно признать непреложнымъ закономъ; тѣмъ не менѣе мы не вынесли изъ него до сихъ поръ никакого урока.

Причина явленія достаточно понятна. Въ мусульманскомъ краѣ полезно поддерживать судъ по адату, народному обычаю, противъ шаріата, суда духовнаго, дающаго преобладаніе фанатическому духовенству; но подчиненіе христіанскимъ гражданскимъ законамъ равняется для туземца насилованію на каждомъ шагу его вѣры, связанной съ самыми мелочными обычаями жизни. Покуда чужеземная власть остается сосредоточенной въ рукахъ немногихъ высшихъ правителей, народъ, хотя знаетъ о своемъ порабощеніи, но не чувствуетъ его и мирится съ его послѣдствіями изъ за житейскихъ выгодъ, приносимыхъ ему лучшимъ порядкомъ и большею безопасностью, но какъ только иновѣрные властители принимаютъ на себя низшую администрацію и вслѣдствіе того вносятъ въ народный бытъ свои законы, не только непонятные туземцу, но напоминающіе ему при каждомъ его дыханіи, что онъ рабъ гяура—дѣло принимаетъ другой оборотъ. Пища фанатизму готова. Кромѣ того, между европейскимъ гражданскимъ закономъ и азіятскимъ бытомъ лежитъ бездна. Европеецъ не проживаетъ дня безъ обращенія къ закону, т. е. установленной власти въ какомъ-либо видѣ, отъ городоваго до натаріуса. Частный человѣкъ въ Азія признаетъ власть только для охраненія государственной безопасности, а во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ сторонится отъ нея какъ отъ чумы; но европейскій законъ со своими агентами насильно вторгается въ его жизнь и отравляетъ ее. Легко сказать, какъ иногда говорится, что высшіе нравы европейскихъ чиновниковъ должны со временемъ вылѣчить азіятца отъ его отвращенія ко вмѣшательству власти, даже чужеземной; въ дѣйствительности никакое государство не въ состояніи наполнить низшую администрацію азіятскихъ областей иначе, какъ оборышемъ своихъ людей, оборышемъ, который съ теченіемъ времени не умиротворяетъ, а разжигаетъ ненависть подвластныхъ. Надо прибавить также, что европейскія формы не представляютъ завоевателю полноты средствъ, необходимыхъ для содержанія азіятскаго края въ порядкѣ, напримѣръ круговой отвѣтственности общинъ за разбои, совершаемые на ихъ землѣ, благодаря которой Закавказскій край пользовался безо-

пасностью дорогъ до введенія свода законовъ. Это только одинъ примѣръ изъ многихъ подобныхъ. Подчинивъ страну непонятному ей законодательству, приходится потомъ на каждомъ шагу замѣнять его несоотвѣствующей ему практикой. Конечно, при долгомъ европейскомъ владычествѣ возникаетъ и на азіатской почвѣ слой разжившихся и въ нѣкоторой мѣрѣ объевропеившихся людей: купцовъ, нѣкоторыхъ помѣщиковъ, ведущихъ обширныя дѣла, а также туземныхъ чиновниковъ, охотно прибѣгающихъ къ просвѣщеннымъ формамъ суда и даже школы; но этотъ слой бываетъ такъ немногочисленъ, что для него, вмѣстѣ съ проживающими въ краѣ европейцами, достаточны немногія въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, недорого стоющія учрежденія. Тѣмъ не менѣе, соприкасаясь почти исключительно съ этимъ промежуточнымъ, ничтожнымъ по количеству, но выдающимися слоемъ населенія, русское начальство въ краѣ легко впадаетъ въ ошибку, судя по немъ о настроеніи массы, и распространяетъ на всѣхъ такъ-называемое благодѣяніе просвѣщенныхъ учрежденій. Подчиненные чиновники содѣйствуютъ, конечно, всѣми силами введенію новыхъ формъ управленія, находя въ томъ личный интересъ—должности и жалованье. Когда наконецъ эти просвѣщенныя учрежденія становятся общимъ типомъ управленія въ краѣ, они обходятся въ непомѣрную цѣну, вопервыхъ, по своей сложности, во многократъ превосходящей мѣстное управленіе азіятское, вовторыхъ потому, что, разливая неудовольствіе въ массѣ, заставляютъ увеличивать силы, необходимыя для содержанія страны въ покорности.

На основаніи вышеизложеннаго можно спросить: кому же выгодно введеніе въ азіятскую область русскаго порядка гражданскаго управленія, разоряющаго властелина и отталкивающаго отъ него подвластныхъ?

Обсужденіе этого вопроса было возбуждено въ правительственной средѣ только однажды, вслѣдствіе поданной записки генераломъ Черняевымъ въ 1874 году о туркестанскомъ управленіи. Записка осталась безъ послѣдствій въ силу мнѣнія, высказаннаго директоромъ азіятскаго департамента, что наша миссія въ Азіи существенно-просвѣтительная, а потому въ Россіи не должна жалѣть издержекъ въ настоящемъ, въ виду благодѣтельныхъ послѣдствій ихъ для будущаго. Указаніе на нашу просвѣтительную миссію служитъ до сихъ поръ самымъ

удобнымъ поводомъ для нещадной растраты трудовыхъ денегъ русскаго народа. Всматриваясь однакоже въ это мнѣніе, оказывается, что оно вовсе не мнѣніе, а не болѣе какъ фраза.

Въ теченіе всѣхъ вѣковъ исторіи былъ только одинъ примѣръ просвѣщенія азіятскихъ населеній посредствомъ европейскаго владычества и слитія ихъ съ господствующимъ народомъ—это было отреченіе Западной Азіи македонскимъ завоеваніемъ; но въ то время религіозныя вѣрованія не стояли еще непереходимой стѣной между побѣдителями и побѣжденными: божества были у нихъ тѣже самыя, разница заключалась только въ мѣстныхъ названіяхъ, переводимыхъ съ одного языка на другой. Съ возникновеніемъ же христіанства и мусульманства между двумя мірами установилось не только отвращеніе, но полное взаимное непониманіе, послѣдствіемъ котораго является тотъ несомнѣнный фактъ, что европейское владычество въ Азіи остается лишеннымъ всякаго нравственнаго вліянія на покоренныхъ, сколько бы оно ни продолжалось. Какъ масло и вода, они не смѣшиваются ни въ чемъ. Англичане, владѣющіе Индіей болѣе столѣтія, откровенно сознаются въ своемъ безсиліи въ этомъ отношеніи, несмотря на чрезвычайныя средства ихъ миссіонерскихъ обществъ, на громадную силу притяженія ихъ торговли. Наше же просвѣтительное орудіе въ Азіи заключается исключительно въ чиновникахъ отъ IV до XIV класса; ни о какомъ иномъ до сихъ поръ не было рѣчи, покрайней мѣрѣ въ средѣ высшаго правительства, въ Петербургѣ.

На мѣстѣ смотрѣли иногда на дѣло иначе. Оба первые кавказскіе намѣстника имѣли въ этомъ отношеніи своеобразные взгляды. Князь Воронцовъ, не признававшій возможности улучшенія чего-либо посредствомъ распложенія административныхъ агентовъ и формальностей, и экономный на государственные расходы, думалъ закрѣпить за Россіей ея азіятскую окраину возвышеніемъ мѣстнаго дворянства, которому онъ не только покровительствовалъ въ Грузіи, но которое создавалъ въ мусульманскихъ областяхъ въ лицѣ бековъ и агаларовъ. Онъ руководился мыслью, несомнѣнно основательною, что мы не можемъ воздѣйствовать на мусульманскую массу, но можемъ привязать къ себѣ прямымъ интересомъ и со временемъ обрусить высшее сословіе, располагающее этою массою, замѣнить имъ штыки, содержащіе страну въ повиновеніи. Подобная

система доказала уже однажды свою дѣйствительность, обративъ Казанское и Астраханское ханства въ коренныя русскія губерніи, несмотря на населяющіе ихъ милліоны мусульманъ,—правда, при помощи русскаго переселенія въ большихъ размѣрахъ, для котораго въ Закавказьѣ нѣтъ мѣста; но принятое начало обѣщало тѣмъ не менѣе, если не столь полные, то все-таки значительные плоды. Князь Барятинскій продолжалъ систему князя Воронцова, но съ двумя отступленіями; онъ хотѣлъ ускорить жатву, которую предшественникъ его имѣлъ въ виду только въ будущемъ, хотѣлъ выростить ее, можно сказать, тепличнымъ способомъ, и для этого учредилъ общество святой Нины, прямою, хотя недоговоренною цѣлью котораго въ его умѣ было обращеніе высшаго мусульманскаго сословія въ православіе; съ другой стороны, князь Барятинскій широко и безъ нужды развивалъ центральную администрацію для приданія кавказскому управленію самостоятельности во всѣхъ отношеніяхъ. Въ отличіе отъ взгляда его предшественника система его имѣла въ виду только политическую, но не экономическую цѣль. Виды первыхъ двухъ намѣстниковъ исчезли съ ними безслѣдно. Созданное съ такими усиліями высшее мусульманское сословіе, не руководимое болѣе въ направленіи, которое одно только придавало смыслъ этому начинанію, не принесло намъ доселѣ никакой пользы. Затѣмъ водворилась система противоположная—возможно полнаго приравненія закавказскихъ губерній къ русскимъ; допущенныя въ этомъ отношеніи отступленія, какъ видно изъ самаго ихъ свойства, обусловливались не политическими или финансовыми, а исключительно административными соображеніями о неприменимости къ краю того или другого параграфа общихъ положеній. Хотя при этой системѣ въ теченіе послѣднихъ 18-ти лѣтъ доходы края значительно возвысились (не облегчая, впрочемъ, нисколько тягости государства), но какъ подобное возвышеніе вслѣдствіе мира и безопасности, водворившихся послѣ покоренія горцевъ—никогда не можетъ возрасти до покрытія, даже до значительнаго ослабленія дефицита по военному и гражданскому вѣдомствамъ, то ясно, что не этимъ путемъ можно достигнуть рѣшенія существеннаго вопроса — безубыточнаго владѣнія азіятскими областями.

Въ Туркестанѣ не обнаруживалось до сихъ поръ никакого

систематическаго взгляда на управленіе краемъ *) и на отношенія его къ государству, такъ какъ учрежденіе на русскія деньги широкихъ административныхъ штатовъ, совсѣмъ не вызываемыхъ потребностями управляемыхъ, наряду съ безпредметнымъ и безконтрольнымъ растрачиваніемъ мѣстныхъ доходовъ, не имѣетъ ничего общаго съ системою. Въ Туркестанскомъ краѣ, вмѣсто заботы о русскихъ интересахъ, буквально проводили просвѣтительную миссію, для поддержанія которой насильно подвергали, напримѣръ, мусульманскій народъ оспопрививанію, а когда жители уклонялись отъ него какъ отъ противнаго вѣрѣ, предразсудокъ ихъ подавляли оружіемъ, а наиболѣе противившихся вѣшали.

Не сравнивая кавказское управленіе, постоянно имѣвшее во главѣ своей первыхъ людей государства, съ управленіемъ туркестанскимъ, нельзя не видѣть однако же, что неустойчивость и недостаточная отчетливость системы управленія въ одномъ краѣ, какъ и полное отсутствіе ея въ другомъ, привели и тамъ и здѣсь къ очень схожему результату. Сравнивая расходъ государства на каждую изъ этихъ окраинъ, по гражданскому и военному вѣдомствамъ вмѣстѣ съ приносимымъ каждою изъ нихъ доходомъ, оказывается: на Кавказѣ, при общемъ расходѣ 44.560,000 рублей и доходѣ 15.400,000, ежегодный дефицитъ составляетъ 29.160,000, т. е. доходъ относится къ расходу какъ 1:2³/₄; въ Туркестанѣ, при расходѣ *) и доходѣ **), дефицитъ ***), а отношеніе дохода къ расходу какъ 1: ****).

Ранѣе разсмотрѣнія условій, при которыхъ можетъ уменьшиться въ нѣкоторой степени тягость по военному вѣдомству на обѣихъ окраинахъ, можно вывести изъ вышесказаннаго достаточно ясныя указанія на средства облегчить ихъ гражданскій бюджетъ. Безъ сомнѣнія, вопросъ о бюджетѣ не можетъ стоять особнякомъ, внѣ связи съ политическими условіями русскаго владычества въ краѣ; но въ этомъ отношеніи очевидныя послѣдствія доказываютъ, что каждый лишній расходъ, допускаемый въ управленіи азіятскою областью, составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ политическую ошибку.

---

*) Здѣсь разумѣется управленіе краемъ при генералѣ Кауфманѣ.

*), **), ***), ****). Въ рукописи г. Фадѣева цифры по Туркестанскому краю не проставлены, а оставленъ пробѣлъ.

Туркестанъ представляетъ чистую, безпримѣсную азіятскую окраину, а потому и въ вопросѣ объ управленіи имъ не заключается большой сложности. Погрѣшности, допущенныя въ устройствѣ этой окраины, произошли отъ промаховъ одного лица; въ нихъ нѣтъ спутанности, истекающей изъ послѣдовательнаго населенія противоположныхъ системъ и взглядовъ; онѣ такъ еще свѣжи, что исправленіе ихъ не особенно затруднительно. Рѣшать политическіе вопросы, подобные тому, какимъ образомъ связать эту страну съ Россіей органически, въ Туркестанѣ еще слишкомъ рано; покуда достаточно сбавить, насколько можно, тягость государства и высвободить туземное населеніе изъ-подъ «просвѣтительнаго» начала, проводимаго канцелярскимъ способомъ. Все зависитъ отъ качествъ лица, которое будетъ избрано для управленія краемъ. Новому начальнику предстоитъ прежде всего выяснить мѣстные доходы, опредѣлить дѣйствительно необходимые предметы расхода, устраняя тѣ, которые называются у насъ полезными, и сократить русскую администрацію до предѣловъ, на которыхъ кончается сознательное нравственное дѣйствіе, не круша всего разомъ, дожидаясь для упраздненія должностей естественнаго очищенія вакансій, когда занимающіе ихъ люди безупречны. Серьезному начальнику трудно взять на себя одного всю эту ломку, и онъ потребуетъ вѣроятно сенаторской ревизіи *). Сокращая русскую администрацію на низшихъ ступеняхъ службы, необходимо замѣнять ее дешевой туземной, возстановить послѣднюю въ прежнемъ, привычномъ народу видѣ. Самоуправленіе внизу распространено на всемъ Востокѣ и вездѣ дѣйствуетъ удовлетворительно. Если при томъ бываютъ злоупотребленія, то они не вызываютъ жалобъ и не касаются до насъ. Неизбѣжная грязь мелкаго азіятскаго управленія не роняетъ величіе владычествующаго народа въ глазахъ туземцевъ, покуда привычныя взятки берутъ туземцы же, а не властелины еще болѣе, — эта практическая истина составляетъ краеугольный камень европейскаго владычества въ Азіи. Новое управленіе должно начать естественно съ собственнаго очищенія отъ прежде нанесеннаго сора. Затѣмъ предстанетъ вопросъ объ опредѣленіи поземельныхъ правъ, не

*) Такъ и сдѣлано генераломъ Черняевымъ (Редакція).

въ смыслѣ размежеванія по притязаніямъ туземцевъ, а съ государственной точки зрѣнія, съ той точки, какъ смотрѣли на предметъ князь Воронцовъ и князь Барятинскій. Азіятскія страны не похожи одна на другую какъ и европейскія, и пригодное для одной можетъ не годиться для другой; но условія русскаго владычества въ каждомъ азіятскомъ владѣніи сходны въ томъ, что мы не можемъ безъ собственнаго истощенія держать край въ рукахъ посредствомъ однихъ штыковъ и чиновниковъ, не опираясь на властныхъ и заинтересованныхъ въ нашу пользу, союзниковъ въ средѣ самого населенія. Вопросомъ же о землевладѣніи преимущественно рѣшается — кого мы принимаемъ въ союзники. Въ кочевыхъ туркестанскихъ племенахъ сильно развито родословное начало, крайне неполитично нами подавленное; въ осѣдлыхъ нѣтъ родовой аристократіи, но есть денежная, вліятельная въ Азіи, какъ и вездѣ, которую можно заинтересовать въ нашу пользу.

Управленіе Туркестаномъ, какъ и всякою вновь присоединяемою азіятскою областью, можно будетъ считать устроеннымъ окончательно тогда лишь, когда все мѣстное управленіе и войска, необходимыя для удержанія чужеземнаго края въ покорности, станутъ содержаться на его счетъ, безъ разоренія жителей. Конечно, силы, назначаемыя для войны противъ значительнаго внѣшняго непріятеля, не могутъ входить въ этотъ счетъ; но сличеніе доходовъ края со стоимостью расположенныхъ въ немъ войскъ, показываетъ наглядно, что при должной экономіи въ мѣстномъ управленіи, онъ можетъ вынести тягость нынѣшняго своего военнаго бюджета. Безъ такого исхода обширное азіятское владѣніе невозможно.

Вопросъ о Кавказѣ несравненно сложнѣе. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ, мало даже связанныхъ между собою вопросовъ: 1) О пригодности соединенія подъ одною властію русскихъ и чужеплеменныхъ загорныхъ областей. 2) О правильности одинаковаго законодательства для христіанской и мусульманской половинъ Закавказскаго края. 3) О бюджетѣ закавказскаго гражданскаго управленія. 4) О Закавказьѣ въ военномъ отношеніи, какъ о двоякомъ основаніи и для турецкой войны, и для дѣйствій за Каспійскимъ моремъ. 5) О сохраненіи или упраздненіи званія намѣстника. Ранѣе какого либо общаго заключенія, каждый изъ этихъ вопросовъ долженъ быть взвѣшенъ отдѣльно.

Соединеніе подъ одною властью Сѣвернаго и Южнаго Кавказа, т. е. русскаго края съ азіятскимъ, не было послѣдствіемъ какого либо обсуженнаго правительствомъ рѣшенія. Въ то время, когда русскія войска вступили первые въ Закавказье, предгорный Кавказъ былъ такою же Азіей, занятый почти исключительно ногайскою ордою. Край этотъ постепенно заселялся и сталъ русскимъ уже впослѣдствіи; но тогда внутренняя война, охватившая горы съ обѣихъ сторонъ, требовала единства дѣйствій, а потому нельзя было думать о раздѣленіи. Вопросъ этотъ выдвигается только теперь, при назначеніи на Кавказъ перваго начальника, посылаемаго не для войны, а для управленія; но тѣмъ не менѣе, нельзя не видѣть, что онъ выдвигается силою обстоятельствъ, а не чьимъ либо личнымъ усмотрѣніемъ. Не можетъ быть рѣчи покуда о выдѣленіи изъ подъ закавказскаго управленія областей съ сплошнымъ азіятскимъ населеніемъ, даже на сѣверномъ склонѣ хребта, какова Чечня; но по какому поводу связывать въ одно съ чужеплеменнымъ краемъ чисто русскія земли: Ставропольскую губернію, кубанское и терское войско, когда между ними нѣтъ ничего общаго? Управленіе тамъ и здѣсь требуетъ совсѣмъ иныхъ пріемовъ, къ чему никакой человѣкъ не способенъ съ полною отчетливостію. Около 1.300.000 русскихъ людей находятся до сихъ поръ на исключительномъ, безправномъ положеніи, ради поддержанія единства системы въ намѣстничествѣ,—что̀ чувствуется очень живо, доводитъ уже теперь, а скоро доведетъ въ гораздо большей еще степени, до ропота и протестовъ со стороны населенія. Въ правительственной практикѣ обѣ половины намѣстничества, русская и инородческая, размежеваны уже между собою той мѣрою, что бюджетъ Сѣвернаго Кавказа расписывается по смѣтамъ министерствъ, закавказскій же составляетъ отдѣльную статью. Остается только признать въ принципѣ дѣленіе, признаваемое на практикѣ. Доводы поборниковъ цѣльности намѣстничества положительно не выдерживаютъ критики. Соединеніе подъ однимъ начальствомъ войскъ, расположенныхъ по обѣ стороны горъ не имѣетъ ничего общаго съ гражданскимъ управленіемъ; корпуса дѣйствующей арміи, подчиненные намѣстнику Царства Польскаго, квартировали въ западныхъ губерніяхъ и Малороссіи; донскіе полки служили массою на Кавказѣ, какъ служатъ теперь кубанскіе и терскіе. Единственное усложненіе въ этомъ вопросѣ представляетъ размежеваніе терскаго войска съ чеченскимъ населеніемъ,

но усложненіе легко устранимое; рѣка Сунджа служитъ естественною границею, отъ нея немудрено протянуть пограничную черту къ устью Малки. По эту сторону останется нѣсколько чеченскихъ ауловъ, которые сами собою войдутъ въ составъ казачьяго населенія; по ту сторону останется нѣсколько безземельныхъ станицъ 2-го владикавказскаго полка, которыя будутъ рады выселиться. Пользы государства и права кореннаго русскаго населенія не могутъ подчиняться соображеніямъ о размежеваніи нѣсколькихъ деревень. Надобно замѣтить при этомъ, что разрывъ между кубанскимъ и терскимъ войскомъ былъ въ собственномъ сознаніи ихъ дѣломъ совсѣмъ неудобнымъ, и что продолжать этотъ разрывъ еще далѣе, оставляя терское войско при чужеземной окраинѣ, значило бы подорвать одну изъ незамѣнимыхъ русскихъ силъ—силу кавказскаго казачества.

Безразличное подчиненіе,—не одному лицу, что̀ было естественно, а одной системѣ управленія,—христіанской и мусульманской половины Закавказскаго края повело въ свою очередь къ извращенію взгляда на отношенія государства къ его загорнымъ владѣніямъ, послужило источникомъ всѣхъ послѣдующихъ ошибокъ. Мы стоимъ за Кавказомъ потому только, что христіанской Грузіи удалось, цѣною сверхчеловѣческихъ усилій, уцѣлѣть до того часа, когда Россія доросла наконецъ до подножія Кавказа. Грузія свободно отдалась Россіи и не можетъ существовать иначе какъ съ Россіей, между тѣмъ какъ мусульманскія губерніи перешли бы и теперь еще съ великимъ удовольствіемъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, подъ владычество Турціи или Персіи. Грузины, какъ христіанскій народъ, не отгороженный неодолимою гранью корана отъ европейскаго склада понятій, способны къ тому же развитію, какъ и мы, русскіе. Управленіе Грузіей требуетъ покуда, можетъ быть, нѣкоторой особенности въ административныхъ пріемахъ, но не ставитъ между двумя христіанскими губерніями Закавказья и Россіей никакой разницы политической. Для русскаго осударя грузины такіе же православные подданные, какъ и кровные русскіе; на войнѣ ихъ можно поставить подъ ружье всѣхъ поголовно, даже съ ихъ собственными офицерами. Хорошее ли, дурное ли настроеніе мнѣнія въ Грузіи—имѣетъ не болѣе значенія, какъ такое же настроеніе одной изъ русскихъ губерній, также легко излѣчимо. По совѣсти и по здравому

смыслу, грузинскія губерніи должны быть пріобщены къ общему развитію кореннаго русскаго населенія. Сокращеніе издержекъ на управленіе Грузіей можетъ быть осуществлено тремя мѣрами: устраненіемъ особенностей и изъятій, всегда ведущихъ къ лишнему расходу, которыми столь богато Закавказское Уложеніе; ограниченіемъ непомѣрно разросшихся размѣровъ центральнаго управленія, — и примѣненіемъ къ этой странѣ всѣхъ упрощеній, неотразимо вызываемыхъ теченіемъ обще-русской жизни, въ мелочной административной опекѣ по мѣрѣ ихъ осуществленія въ Россіи. Грузія не можетъ разшириться, а потому нечего опасаться новыхъ растратъ съ этой стороны.

Совсѣмъ иное дѣло—мусульманскія области. Онѣ могутъ раздвинуться еще очень далеко, но даже въ настоящемъ видѣ поглощаютъ на свое искуственное управленіе много государственныхъ средствъ совершенно безплодно. Хотя въ Закавказскомъ краѣ и далѣе, почти до Средиземнаго моря, между мусульманскимъ населеніемъ разбросано клочками армянское, но это послѣднее вездѣ не только составляетъ меньшинство (не выше трети), но до такой степени порабощено духовно долгимъ татарскимъ игомъ, что въ отношеніи къ намъ эти области, не смотря на присутствіе въ нихъ армянъ, нельзя считать иначе какъ чисто мусульманскими. Достаточно видѣть разъ, какъ богатый армянинъ въ подвластной России области (конечно внѣ Тифлиса) гнется передъ оборваннымъ бекомъ, чтобы судить—насколько онъ можетъ покуда служить опорою русской власти... Должно, конечно, поддерживать армянское населеніе въ матеріальномъ отношеніи, какъ трудолюбивое и промышленное, въ случаѣ особенной надобности можно даже вооружить его—покуда оно разбросано клочками посреди татарскаго племени и его боится, чему впрочемъ не предвидится конца. Возстановленіе же армянской народности, преобладаніе которой надъ мусульманами нигдѣ не продержалось бы дня безъ присутствія русскихъ штыковъ, могло бы стать цѣлію нашей политики въ такомъ лишь случаѣ, еслибъ пришлось во что бы ни стало исхитить эту задачу изъ другихъ рукъ—не иначе. Въ общемъ же выводѣ на мусульманскія области Закавказья никогда не слѣдовало, не слѣдуетъ и теперь смотрѣть иначе, какъ на чисто азіатскія. Со стороны русской власти было несомнѣнной ошибкой подчинить ихъ однородному

управленію съ Грузіей. Но теперь это управленіе существуетъ уже десятки лѣтъ и замѣнить его внезапно инымъ, произвести этотъ переворотъ столь же скоро какъ въ Туркестанѣ, конечно нельзя. Новый начальникъ края можетъ только упростить его и тѣмъ удешевить. При настоящемъ положеніи дѣла упрощеніе должно заключаться не въ упраздненіи, а лишь въ сокращеніи числа и состава учрежденій, перенесенныхъ въ мусульманскія земли ради «просвѣтительной миссіи». До учрежденія намѣстничества Закавказскій край дѣлился на двѣ губерніи, и конечно не мѣстное населеніе жаловалось на недостаточное число присутственныхъ мѣстъ, канцелярій и чиновниковъ; теперь тамъ пять губерній, кромѣ новозавоеванныхъ областей, и почти въ три раза болѣе уѣздовъ, а большая и малая губернія, большой и малый уѣздъ стоютъ одинаковыхъ денегъ. Въ этомъ направленіи можно ждать наибольшаго сокращенія, но есть и другія средства. Новыя судебныя установленія, напримѣръ, стали явно вразрѣзъ съ потребностями и понятіями большинства,—они прямо мѣшаютъ разумному управленію краемъ. Наше уголовное судопроизводство по Своду Законовъ безсильно для сдержанія азіатскаго края въ порядкѣ и можетъ быть съ выгодою замѣнено военными судами для крупныхъ и усиленіемъ полицейской власти для мелкихъ дѣлъ; иски до извѣстной суммы могутъ рѣшаться по обычаю, послѣ чего одинъ судъ для обрусѣвшаго зажиточнаго слоя окажется достаточнымъ на всѣ татарскія губерніи; такой шагъ показался бы понятнымъ только чиновникамъ, а никакъ не населенію. Власть мѣстныхъ начальниковъ должна быть непремѣнно расширена, съ упраздненіемъ должностей служащихъ только для поддержанія ничего не ограждающаго формализма, сто разъ еще болѣе вреднаго въ Азіи чѣмъ у насъ дома. Приведеніе центральныхъ управленій на Кавказѣ, военныхъ и гражданскихъ, въ размѣръ, напримѣръ, варшавскихъ дало бы одно болѣе милліона экономіи.

При князѣ Воронцовѣ гражданское управленіе состояло изъ Совѣта, канцеляріи намѣстника, начальника управленія съ его секретаремъ и экспедиціи государственныхъ имуществъ, которой Воронцовъ не хотѣлъ, которая была навязана ему изъ Петербурга. Отдѣльныя части—учебная, почтовая, горная и карантинно-таможенная—управлялись членами Совѣта, при которыхъ состояло 2—3 чиновника. Штабъ, даже послѣ пере-

именованія начальника его начальникомъ главнаго штаба, имѣлъ размѣры корпуснаго, съ весьма ограниченными добавленіями. Нынѣ гражданское управленіе заключаетъ въ себѣ 20 различныхъ учрежденій, 217 чиновниковъ и стоитъ 637,000 р. (стоимость варшавскаго центральнаго управленія 212½ тыс.); въ военно-окружномъ кавказскомъ управленіи 948 лицъ и стоимость 859,000 (варшавскаго 259,000). Изъ этихъ цифръ достаточно видно чрезмѣрное излишество нагроможденныхъ на Кавказѣ бюрократическихъ учрежденій, военныхъ и гражданскихъ. Можно было бы указать еще на многіе предметы. Отмѣна преимуществъ закавказской службы, утратившей смыслъ въ настоящее время, когда сотни людей окончившихъ университетскій курсъ остаются въ Россіи безъ хлѣба, дастъ очень большое сокращеніе. Упраздсніе земской стражи, расходящейся преимущественно по карманамъ полиціи, сбавитъ большую сумму съ мѣстныхъ повинностей. Это еще далеко не все. За Кавказомъ нѣтъ ни одного учрежденія безъ излишества въ размѣрахъ и расходахъ. Такой трудъ упрощенія не можетъ конечно быть совершенъ разомъ, онъ требуетъ времени и послѣдовательности, онъ долженъ щадить личности, но отъ него можно ждать крупныхъ плодовъ. Въ 1860 году, не смотря на очень многія излишества, введенныя уже тогда въ мѣстныя учрежденія, штатные расходы на содержаніе разныхъ частей гражданскаго управленія составляли 1.707,000 р. Если считать съ тѣхъ поръ возвышеніе всѣхъ цѣнъ на половину, то на гражданское управленіе, при сохраненіи тогдашнихъ его размѣровъ, выходило бы теперь съ небольшимъ 2 милліона. Приложивъ еще полъ-милліона на постепенное развитіе учрежденій двухъ грузинскихъ губерній, дѣйствительно имъ пригодныхъ сравнительно съ русскими, получимъ 3 милліона,—со всякими экстраординарными положимъ 3 ;—прибавимъ еще полъ-милліона на военно-народное управленіе, значительно съ тѣхъ поръ развившееся—всего будетъ 4 милліона. Изъ доходовъ края, 8.832,000, оставалось бы до 5 милліоновъ на покрытіе военныхъ издержекъ или иныхъ расходовъ Государственнаго Казначейства. Въ этотъ счетъ не включены еще излишки въ расходахъ Сѣвернаго Кавказа. Но можно ли было оставаться до сихъ поръ—не при денежныхъ окладахъ, а при размѣрахъ гражданскаго управленія 1860 г., которое тогда уже упрекали въ излишествѣ? Конечно никто изъ живущихъ

на Кавказѣ частныхъ людей въ томъ не усомнится. Еслибъ возрастаніе доходовъ пошло еще на разработку естественныхъ богатствъ края, оно окупилось бы со временемъ, но оно ушло почти все на усовершенствованія формальнаго дѣлопроизводства. Это впрочемъ естественно, въ той же колеѣ шло обще-государственное управленіе; но очевидна также невозможность продолжать подобныя отношенія государства къ его азіятскимъ окраинамъ.

Главный расходъ по Кавказу — содержаніе сухопутныхъ силъ, всего 18.458.000, окупается изъ мѣстныхъ доходовъ, лишь на сумму 234.000 р. Бюджетъ морскаго вѣдомства, 1.269.000, не имѣетъ прямого отношенія къ владѣнію Кавказомъ, такъ содержаніе каспійской флотиліи было бы необходимымъ даже тогда, еслибъ мы и не переходили за хребетъ. Нельзя также связывать съ мѣстнымъ бюджетомъ — силъ, потребныхъ для внѣшней войны; дѣйствія въ азіятской Турціи, напримѣръ, обусловливаются европейскою политикою, а не мѣстными обстоятельствами, въ родѣ тѣхъ, которыя заставляютъ англичанъ прибѣгать къ оружію въ Индіи. Нѣтъ, наконецъ, повода относить къ кавказскимъ расходамъ содержаніе войскъ въ безлюдной и бездоходной Закаспійской области, занятой въ виду совсѣмъ особыхъ цѣлей. За исключеніемъ этихъ общегосударственныхъ статей бюджета, остается расходъ на содержаніе войскъ для обезпеченія полной покорности въ краѣ. Необходимое количество этихъ войскъ опредѣляется примѣрно пропорціей, въ которой могли бы быть выведены изъ Закавказскаго края и Дагестана расположенныя тамъ силы во время глубокаго мира и при условіи скораго возвращенія ихъ на мѣсто въ случаѣ внѣшней войны. Правильная система управленія окраиной должна имѣть въ виду, чтобы такой расходъ покрывался со временемъ изъ мѣстныхъ доходовъ. Сѣверный Кавказъ при этомъ вовсе не слѣдуетъ вводить въ разсчетъ. Кто не видитъ необходимости немедленно прекратить такое положеніе дѣлъ, при которомъ 300.000 горцевъ, населяющихъ этотъ склонъ, обезоруженныхъ и разселенныхъ почти исключительно на плоскости, соприкасающейся непосредственно съ русскою губерніею и двумя казачьими войсками, могли бы еще вынуждать къ содержанію регулярныхъ войскъ для обезпеченія ихъ покорности!

Для сокращенія военныхъ расходовъ Закавказскаго края имѣется ясное средство—перевести на мирное положеніе въ

находящіяся тамъ войска и вывести на Кавказскую линію и во внутреннія губерніи тѣ, въ которыхъ на мѣстѣ нѣтъ надобности, начиная съ регулярной кавалеріи, содержаніе которой за горами обходится особенно дорого. Эта мѣра дала бы значительное облегченіе, такъ какъ въ Россіи и на линіи штаты ниже и содержаніе много дешевле. Разумѣется, вмѣстѣ съ тѣмъ военно-окружное управленіе должно быть приведено въ соотвѣтственные размѣры, стоить не болѣе варшавскаго. Удобоисполнимость этихъ мѣръ наглядно видна изъ слѣдующаго перечня.

Въ 1856 году, по заключеніи парижскаго мира, внутренняя война на Кавказѣ была въ полномъ разгарѣ, а войска постоянно развлекались походами въ горы и вмѣстѣ съ тѣмъ должны были стоять на готовѣ для отраженія вторженій непріятеля въ подгорныя страны. Въ это смутное время полевыя силы, занимавшія Закавказскій край и Дагестанъ, состояли изъ гренадерской и 21-й пѣхотной дивизій при 10 эскадронахъ, конечно на боевомъ положеніи, такъ какъ онѣ всякій часъ могли быть вызваны въ бой. Такъ продолжалось вплоть до покоренія Кавказа. Въ 1881 году, среди глубокаго внѣшняго и внутренняго мира, эти силы состоятъ, кромѣ тѣхъ же— гренадерской и 21-й пѣхотной дивизій, еще изъ 38-й, 39 и 41-й пѣхотныхъ дивизій, при 16 эскадронахъ. Принимая въ расчетъ сокращеніе числа баталіоновъ въ полкахъ и части мѣстныхъ войскъ, выходитъ тѣмъ не менѣе, что баталіоновъ на треть болѣе въ нынѣшнее мирное время, чѣмъ было въ военное. Внезапной войны съ Турціей никогда не бывало и быть не можетъ; въ послѣднюю войну, съ начала первыхъ мѣръ по мобилизаціи, мы имѣли 9 мѣсяцевъ для приготовленія къ ней. Закаспійскія войска также легко поддержать изъ Астрахани и Петровска, какъ изъ Баку.

Еслибъ русскія желѣзныя дороги были связаны съ закавказскими (черезъ Дагестанъ, такъ какъ люди идутъ туда постоянно съ Волги), то исключительное положеніе этой окраины упразднилось бы само собою, турецкая граница въ Азіи стала бы въ тѣ же условія, какъ въ Европѣ; съ постепеннымъ же осуществленіемъ проекта новаго военнаго устройства, имѣющаго окончательною цѣлію переходъ въ поземельную военную систему, скопленіе войскъ по границамъ должно вездѣ прекратиться. При кадровой арміи это не можетъ быть иначе, такъ

какъ неукомплектованныхъ частей нельзя вести на непріятеля, не подсѣкая въ корнѣ боевой силы государства, а укомплектованіе происходитъ гораздо скорѣе въ полковомъ участкѣ, и передвеженіе войскъ по желѣзнымъ дорогамъ производится значительно быстрѣе полными частями, чѣмъ маршевыми командами,—какъ узнали опытомъ всѣ военно-дорожныя управленія.

Званіе намѣстника кавказскаго было учреждено при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, которыхъ болѣе не существуетъ. Главнокомандующій арміею въ военное время, по учрежденію 1812 года, былъ законнымъ полномочнымъ распорядителемъ страны занятой арміей; но все это кончилось. Тѣмъ не менѣе азіятскія окраины до сихъ поръ отзываются для государства тяжелымъ дефицитомъ, нисколько не сокращающимся съ теченіемъ времени, единственно вслѣдствіе отсутствія строго-соображенной и незыблемой системы, положенной въ основаніе управленія ими. Но незыблемая система можетъ быть плодомъ только правительственнаго сознанія, передаваемаго изъ поколѣнія въ поколѣніе; она невозможна, когда рѣшеніе дѣла предоставляется личному усмотрѣнію послѣдовательнаго ряда единичныхъ людей, облекаемыхъ полномочіемъ. Даже самые проницательные и опытные государственные люди будутъ всегда смотрѣть на тотъ же предметъ, хотя бы и правильно, но съ различныхъ точекъ зрѣнія. Къ неуклонному проведенію системы чрезъ рядъ поколѣній способны только установленія, а неменяющіяся личности, Если упрощеніе системы управленія азіятскими окраинами признается своевременнымъ, то надо признать и то, что цѣль эта недостижима посредствомъ облеченныхъ постояннымъ полномочіемъ мѣстныхъ начальниковъ, отвѣтственныхъ исключительно предъ лицомъ Государя. Безъ сомнѣнія, эти лица не могутъ обойтись безъ права на полномочіе. но полномочіе должно простираться только на дѣйствіе въ виду текущихъ событій, съ принятіемъ на себя отвѣтственности за него, а не на установленіе системы управленія краемъ, которая есть дѣло правительственное. Но общее правительство можетъ сознательно блюсти только за тѣми сторонами дѣла, съ которыми лица его составляющія соприкасаются практически, которыя имъ знакомы изъ ежедневнаго движенія дѣлъ. Министръ, отстраненный отъ завѣдыванія своимъ вѣдомствомъ на пространствѣ какой-либо окраины, судящій объ ея потребностяхъ не иначе, какъ со словъ мѣстнаго на-

чальника, ставится въ невозможность охранять общегосударственные виды въ томъ краѣ по своей части, вслѣдствіе чего мѣстные интересы берутъ немедленно перевѣсъ надъ государственными, а затѣмъ неизбѣжно начинается возрастаніе дефицитовъ. Тоже происходитъ когда какая либо окраина подчиняется исключительно одному вѣдомству—какъ напримѣръ Туркестанъ военному; это худшее изъ полномочій—полномочіе за глазами. Людей пекущихся объ общемъ дѣлѣ столько же, какъ о своемъ прямомъ, почти не бываетъ; безпристрастіе является только слѣдствіемъ равновѣсія силъ; а потому всякое безсрочное полномочіе влечетъ неодолимо къ полномочію въ свою пользу. Въ этомъ отношеніи очевидный интересъ имперіи требуетъ—не уменьшенія власти высшихъ правителей окраинъ, они должны быть облечены правомъ приказать во всякомъ данномъ случаѣ все, что считаютъ нужнымъ—требуется охраненіе единства цѣлей на всемъ пространтствѣ Россіи, а слѣдовательно — постоянной связи всѣхъ вѣдомствъ, на всѣхъ окраинахъ, съ ихъ центральнымъ управленіемъ. Въ то время, когда азіятскія окраины только занимались, вниманіе было естественно устремлено на однѣ политическія цѣли; но затѣмъ необходимо должна была придти пора установить къ нимъ такія отношенія, при которыхъ онѣ служили бы общей пользѣ государства, а не государство существовало для нихъ.

Правильное отношеніе азіятскихъ окраинъ къ государству можетъ быть установлено самыми простыми мѣрами, при условіи чтобъ онѣ были введены твердо въ правительственную систему и преподаны обязательно мѣстнымъ начальникамъ. Главныя изъ этихъ мѣръ, взвѣшенныя выше, заключаются:

По Туркестану.

1) Въ сокращеніи главнаго мѣстнаго управленія.

2) Въ ограниченіи русской администраціи предѣлами, на которыхъ кончается прямое правительственное дѣйствіе и въ возстановленіи низшей, дешевой туземной администраціи.

3) Въ прекращеніи, по крайней мѣрѣ временномъ, всякихъ расходовъ на «просвѣтительную миссію».

По Закавказскому краю.

1) Въ сокращеніи центральнаго, военнаго и гражданскаго управленія, до размѣровъ приблизительно варшавскаго.

2) Въ выводѣ изъ загорныхъ областей въ болѣе дешевыя мѣстности регулярныхъ войскъ, введенныхъ туда послѣ поко-

ренія Кавказа. Конечно, прежняго числа станетъ на занятіе края со вновь завоеванными областями, если его ставало на содержаніе непріятеля вдоль всего южнаго хребта.

3) Въ установленіи правильныхъ отношеній къ Грузіи и мусульманскимъ областямъ, не смѣшивая впредь первой съ послѣдними.

4) Въ уменьшеніи непомѣрно разросшагося числа губерній и уѣздовъ.

5) Въ отмѣнѣ отжившихъ свое время преимуществъ по службѣ въ краѣ.

Въ вышепоказанныхъ сокращеніяхъ излишнихъ размѣровъ административнаго и судебнаго вѣдомствъ, особенно въ мусульманскихъ губерніяхъ.

7) Въ немедленной продажѣ разбросанныхъ клочками и бездоходныхъ государственныхъ имуществъ.

Кромѣ этихъ главныхъ мѣръ, есть еще многія другія, которыхъ не зачѣмъ перечислять, такъ какъ осуществленіе ихъ тѣсно зависитъ отъ характера и взгляда начальствующаго лица.

Бывши довѣреннымъ человѣкомъ фельдмаршала кн. Барятинскаго во время его управленія Кавказомъ, посвященнымъ поэтому во взгляды и заботы занимавшіе правительство въ ту пору,—нынѣ, посѣтивъ Тифлисъ черезъ 15 лѣтъ (въ качествѣ члена коммисіи по переустройству кавказскаго управленія), я былъ пораженъ возникновеніемъ въ общемъ сознаніи туземцевъ нѣсколькихъ недоразумѣній первой важности, о которыхъ тогда не было еще помина, и которыя должны быть разрѣшены непремѣнно, чтобы не дать имъ разростись до крайнихъ послѣдствій.

Коммисія, недавно окончившая свои занятія, была первымъ шагомъ въ этомъ направленіи. Первоначально предполагалось возложить на нее широкую экономическую задачу уравненія расходовъ со средствами и потребностями края, на основаніи Высочайше одобренной записки 13 декабря 1881 г. объ азіятскихъ окраинахъ. Но вслѣдствіи односторонности программы, выработанной въ комитетѣ министровъ, занятія коммисіи ограничились переустройствомъ главнаго управленія. Между тѣмъ необходимость положить систематически конецъ безотчетному разростанію расходовъ въ Кавказскомъ краѣ бьетъ въ глаза. Какъ выяснено подробно въ запискѣ 13 де-

ъабря 1881 года, доходы этой азіятской окраины, также и всякой подобной, слишкомъ низки сравнительно съ цифрой населенія, чтобы въ нее можно было вводить сложныя формы обще-русскаго управленія иначе, какъ на счетъ внутреннихъ губерній, что, при постоянномъ и неизбѣжномъ разростаніи русскаго владычества въ Азіи, приводитъ насъ къ абсурду. Насколько такое усложненіе идетъ въ разрѣзъ даже съ прямыми интересами окраины — видно изъ слѣдующаго простаго соображенія: по сознанію какъ мѣстнаго управленія, такъ и туземнаго населенія, насущныя, несочиненныя потребности страны заключается: 1) въ размежеваніи, безъ котораго частная собственность остается почти мертвымъ капиталомъ, не повышается въ цѣнѣ; 2) въ орошеніи, по крайней мѣрѣ въ возстановленіи системы орошенія, существовавшаго до русскаго владычества, такъ какъ въ этомъ жаркомъ поясѣ самыя богатыя земли обращаются безъ воды въ пустыню; 3) въ дорогахъ, связывающихъ производительныя мѣстности съ главными путями сообщенія. Исчислено, что однимъ милліономъ въ годъ, въ теченіе нѣскольких лѣтъ; можно было бы удовлетворить этимъ тремъ потребностямъ разомъ, чего не было до сихъ поръ сдѣлано вовсе по недостатку въ средствахъ. Съ 1860 года расходы на закавказское управленіе возросли съ 1.700.000 на 8 милліоновъ, а съ земскими сборами на $10^1/_2$ милліоновъ, но изъ всего прироста, расходившагося безъ остатка на усложненіе штатовъ администраціи, ни разу не осталось даже 300.000 на ускореніе межеванія, о которомъ всѣ вздыхаютъ. Уполномоченные министерствъ высказали въ своей объяснительной запискѣ, что для возстановленія соразмѣрности въ Кавказскомъ краѣ между расходами и потребностями слѣдовало сличить по всѣмъ отраслямъ управленія прежнія траты съ нынѣшними, упраздняя добавленія, не оправданныя приносимою ими пользою; но коммисіи не было дано такого права. Теперь въ этомъ отношеніи можно положиться только на добрую волю мѣстнаго начальства. Главнокомандующій болѣе всѣхъ озабоченъ пріисканіемъ средствъ къ удовлетворенію вышеизложенныхъ главныхъ потребностей края; очевидно, что ему должно быть предоставлено невступное право обращать на нихъ всю экономію въ расходахъ, которую онъ найдетъ возможнымъ сдѣлать по какимъ бы то ни было отраслямъ управленія, не стѣсняясь общеустановленными формами соотвѣтствующихъ вѣдомствъ въ имперіи;

источникъ же этотъ, какъ показано выше, весьма обильный. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо оградить разъ на всегда приростъ доходовъ края отъ мѣстныхъ вожделѣній, обращая ихъ по неизмѣнному правилу въ государственную казну. Могутъ конечно возникнуть обстоятельства, вынуждающія къ новому расходу но такой случай будетъ тогда исключеніемъ, а не правиломъ, какъ нынѣ. Подобный трудъ былъ бы, конечно, сподручнѣе засѣдавшей въ Тифлисѣ коммисіи, чѣмъ онъ будетъ главноначальствующему послѣ вступленія министровъ въ управленіе своими вѣдомствами на Кавказѣ; но какъ коммиссію нельзя созывать снова, то не остается иного способа вывести страну изъ застоя безъ обремененія государственнаго казначейства. Я не стану возвращаться къ другимъ сторонамъ финансоваго управленія, указаннымъ въ запискѣ объ азіятскихъ окраинахъ.

По степени важности, за вопросомъ экономическимъ выступаетъ на первый планъ вопросъ о примѣненіи судебныхъ учрежденій на Кавказѣ къ складу населенія, чего не было сдѣлано въ достаточной мѣрѣ при ихъ введеніи туда. Объ этомъ предметѣ прилагается особая записка, а потому достаточно сказать то лишь, что при нынѣшнемъ видѣ суда и судебнаго слѣдствія на Кавказѣ,—кромѣ глубочайшаго недовольства и высшихъ слоевъ общества и массъ новыми учрежденіями, наложенными на нихъ совершенно внѣшнимъ образомъ, изъ тысячи преступленій, въ томъ числѣ самыхъ тяжкихъ, едва 20 подвергаются карѣ, такъ что край этотъ въ полномъ смыслѣ слова возвращенъ въ естественное состояніе, лишенъ покровительства закона, что ведетъ къ прогрессивному возрастанію числа преступленій изъ-за необходимой самозащиты. Нѣтъ туземца, который не говорилъ бы открыто, что подъ такими порядками нельзя жить, развѣ только вслѣдствіе принудительной силы штыковъ.

Вышеприведенныя условія безубыточнаго господства и судебнаго устройства, не подрывающаго общественной безопасности, прилагаются равно ко всякой азіятской окраинѣ. Вслѣдъ за ними считаю себя обязаннымъ выяснить рядъ недоразумѣній самаго важнаго свойства накопившихся собственно въ закавказской окраинѣ. Хотя вопросы эти мѣстные, но значеніе ихъ отъ того не умаляется, такъ какъ весь итогъ русскаго господства и вліянія въ Азіи, отъ Чернаго моря до предѣловъ Китая, основываются на владѣніи Кавказскимъ перешейкомъ, ограждающимъ Кас-

пійское море и лежащія за нимъ страны отъ всякого посягательства съ запада. Еслибъ мы были вынуждены какою либо случайностью отступить за Закавказскій хребетъ, то устья нашей Волги подверглись бы той же опасности, кокой подвергаются до сихъ поръ Крымъ и Одесса, Туркестана нельзя было бы удержать, и вся наша южная граница до Китая стала бы границей въ полномъ значеніи слова, потребовала бы крѣпостей и армій для своего огражденія. Покореніе горъ значительно умалило эту возможность, но не упразднило ея вовсе; а потому всякое условіе, укрѣпляющее наше владычество за Кавказомъ, не можетъ не имѣть для имперіи чрезвычайной важности. Главнѣйшее же изъ этихъ условій, проводящее самую рѣзкую грань между шаткостью владычества англичанъ въ Индіи и твердостью нашею въ сопредѣльной Азіи, заключается въ томъ, что мы стоимъ за Кавказомъ какъ бы на своей собственной почвѣ, въ единовѣрной Грузіи, добровольно призвавшей насъ. Пока грузины братски стоятъ съ нами, кавказскую армію невозможно выбить, что бы ни случилось, изъ горной страны, населенной такимъ храбрымъ народомъ; а пока мы прочно стоимъ въ Грузіи, никакая мимолетная неудача въ сопредѣльныхъ мусульманскихъ земляхъ не опасна и всегда легко исправима. Съ этой точки зрѣнія легко оцѣнить важность для государства искренней вѣрности грузинъ, а потому и слѣдующихъ вопросовъ:

1) Для того, чтобы твердо стоять въ Грузіи, надо сохранить въ ней грузинъ, какъ племя и какъ общество. Хотя такая забота кажется странной, но въ текущее время она стала заявлять о себѣ. Тысячелѣтія выработали въ Грузіи общественное устройство преимущественно аристократическое; духъ и разумъ этого небольшаго народа заключается въ его весьма многочисленномъ дворянствѣ. Еслибъ глубоко преданное престолу грузинское землевладѣльческое сословіе замѣнилось инымъ, чужероднымъ (хоть бы напр. армянами), будущія отношенія всего грузинскаго племени къ Россіи подверглись бы большому сомнѣнію. — Именно эта опасность грозитъ теперь. Грузинскіе дворяне справедливо говорятъ, что они выдержали нашествія всей мусульманской Азіи и не были сбиты съ своихъ земель, но не выдержали братскаго, снисходительнаго и весьма щедраго къ нимъ русскаго правленія, и нынѣ теряютъ подъ собою почву. Выдѣленіе нетитулованнаго дворянства (бывшаго ни чѣмъ инымъ какъ панцырной шляхтой) съ его землями изъ владѣнія кня-

зей, освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, а болѣе всего новый родъ жизни, подорвавшій простоту и дешевизну стариннаго обычая, ввели высшее и низшее дворянство въ тяжкіе долги, неоплатные при нераздѣльности и неразмежеванности земель, состоящихъ во владѣніи родовъ, а не лицъ, чѣмъ увѣковѣчивается ихъ малоцѣнность.—Пришло время кризиса. Если предоставить это дѣло естественному теченію, то огромное большинство помѣстій Грузіи перейдетъ очень скоро въ руки мѣстныхъ иноплеменныхъ торгашей и подрядчиковъ, далеко не отличающихся преданностью къ Россіи, и Грузія перестанетъ быть для насъ Грузіей въ политическомъ смыслѣ. Правительство не можетъ допустить подобнаго перемѣщенія въ такой же мѣрѣ, какъ не могло бы допустить захвата иностранцами всего землевладѣнія Московской губерніи. Дѣло идетъ о какихъ-нибудь 3-хъ милліонахъ, вдобавокъ совершенно безнадежныхъ,—именно о сложеніи или разсрочкѣ безъ процентовъ грузинскому дворянству его долга въ Приказѣ, и безъ этой мѣры дѣйствительно нельзя обойтись. Она нужна на одинъ разъ только, какъ временная. Послѣдующія необходимыя мѣропріятія, въ родѣ размежеванія и проч., выведутъ землевладѣніе изъ его нынѣшняго стѣсненнаго положенія.

2) Второй вопросъ, касающійся всей массы грузинскаго населенія, безъ различія сословій, и принимающій въ его сознаніи такую важность, что нельзя не обратить на него особаго вниманія, касается церковнаго устройства. Грузины говорятъ, что связь ихъ съ русскими заключается прямо въ единовѣріи, что въ остальныхъ отошеніяхъ мы имъ чужды, и это правда, что съ упраздненіемъ религіозной связи между двумя племенами не осталось бы никакой. Между тѣмъ явленіе, долго подготовлявшееся и, надо сказать, неизбѣжное при направленіи, данномъ церковному дѣлу въ Грузіи — отчужденіе народной массы отъ духовенства, сказалось наконецъ вьявь. Народъ перестаетъ ходить въ церковь даже въ большіе праздники, и ни въ чемъ не обращается къ священникамъ, говоря, что они ему чужіе, что они не умѣютъ ни толково читать, ни даже хорошо говорить по грузински, а тѣмъ менѣе—блюсти обычаи мѣстной церкви, проникшейся въ теченіе полуторы тысячи лѣтъ самостоятельнаго существованія своимъ своеобразнымъ складомъ, въ которомъ масса всегда видитъ самую сущность вѣры. Я не позволилъ бы себѣ заявлять о такомъ фактѣ, еслибъ

о немъ не заявляли единогласно первые и преданнѣйшіе люди Грузіи. Недавно еще одна крупная помѣщица, княгиня Багратіонъ-Мухранская, истощалась въ усиліяхъ, чтобы уговорить или заставить своихъ бывшихъ родовыхъ крестьянъ ходить въ церковь, но не имѣла успѣха. Тутъ дѣйствуетъ не невѣріе, а напротивъ преданность вѣрѣ,—та же причина, которая оторвала отъ русскаго клира столько милліоновъ старообрядцевъ, но дѣйствуетъ съ гораздо большею энергіею. Конечно, новшества Никона менѣе бросались въ глаза русскому народу, чѣмъ подчиненіе чужой, хотя также православной, но выросшей на иной народной почвѣ церкви, бросается въ глаза народу грузинскому, особенно когда и въ служителяхъ церкви онъ перестаетъ видѣть своихъ людей. Тутъ начинаетъ происходить нѣчто подобное тому, что происходило между болгарами и греками. Со стороны нашихъ іерарховъ стремленіе обрусить грузинское духовенство и замѣнить мѣстные церковные обычаи общерусскими было дѣломъ весьма ественнымъ и съ ихъ стороны благонамѣреннымъ, хотя неполитичнымъ и даже въ строгомъ смыслѣ несоотвѣтствующимъ духу православія; но какъ требовать отъ нашего нынѣшняго клира политическихъ взглядовъ? Дѣло правительства исправить этотъ промахъ, а вопросъ заключается лишь въ средствахъ къ исправленію. Всякій знаетъ, что приказаніе слѣдовать впередъ инымъ путемъ было бы только безсильнымъ словомъ; въ подобномъ дѣлѣ все зависитъ отъ дѣйствующихъ на мѣстѣ личностей, а потому разумнѣйшіе и безпристрастнѣйшіе грузины единодушно желаютъ простѣйшаго исхода—назначенія экзарха изъ грузинскаго духовенства. Надо прибавить, что вся грузія почувствовала себя оскорбленной вызовомъ рускаго епископа изъ Владикавказа для временнаго замѣщенія каѳедры высокопреосвященнаго Іоаникія, отъѣзжавшаго въ Москву; всѣ приняли этотъ вызовъ за признакъ недовѣрія и пренебреженія къ мѣстной іерархіи. Нѣтъ сомнѣнія какъ въ томъ, что нельзя оставить безъ вниманія, начавшееся церковное броженіе въ Грузіи, такъ и въ томъ, что давно пришла пора отказаться отъ мѣръ недовѣрія, объяснимыхъ развѣ только въ первое время занятія края, и признавъ самостоятельность помѣстной грузинской церкви въ ея народности и въ сложившихся вѣками ея обычаяхъ, не ставить ея болѣе подъ прямую опеку русской іерархіи.

3) Почти столько же какъ въ церковномъ дѣлѣ, грузины

недовольны постановкою, данною ихъ народности въ дѣлѣ военномъ. Дѣйствительно, всякому бросается въ глаза то явленіе, что мусульманскій Кавказъ вооруженъ поголовно; безоружна одна Грузія, хотя грузины не только единственное преданное Россіи племя, но и несравненно храбрѣйшее изо всѣхъ кавказскихъ племенъ. Грузія безоружна нынѣ до такой степени, что когда во время послѣдней войны десятки тысячъ дагестанцевъ шли на насъ съ своими винтовками, а татарское населеніе въ Закавказьѣ, также вооруженное, собиралось штурмовать уѣздные города, вѣрные кахетинцы, недавно столь воинственные, едва добыли нѣсколько десятковъ ружей для обороны своихъ домовъ. Такая противоположность выступила еще ярче послѣ минувшей войны, въ теченіе которой все закавказское мусульманство, начавшее было скидать оружіе, снова вооружилось съ головы до ногъ растасканными ружьями плѣнныхъ турецкихъ войскъ. Въ этомъ отношеніи происходитъ странное недоразумѣніе. Правительство не рѣшалось до сихъ поръ призвать грузинъ къ военной службѣ, чтобы не взволновать ихъ,—они же принимаютъ эту нерѣшительность за знакъ недовѣрія къ нимъ и обижаются ею. Но кромѣ того, въ виду послѣдней войны, въ нихъ заговорило еще чувство самоохраненія; окруженные со всѣхъ сторонъ враждебнымъ и вооруженнымъ мусульманскимъ населеніемъ, грузины не хотятъ подставлять беззащитно шею и сознали необходимость дружно стоять подъ русскимъ знаменемъ противъ общаго врага. Конечно, призывъ грузинъ на службу въ русскіе полки показался бы имъ очень тяжелымъ, но они искренно желаютъ выставлять свои дружины въ ряды русской арміи. Я убѣжденъ на основаніи всего видѣннаго и слышаннаго, что никакихъ переходныхъ мѣръ въ этомъ отношеніи не нужно, что въ военное время двѣ грузинскія губерніи могутъ и желаютъ выставлять пропорціонально такое же число бойцовъ, какъ и русское населеніе, т. е. не менѣе 20 баталіоновъ въ полномъ комплектѣ съ резервами; а потому кадры мирнаго времени должны соотвѣтствовать такому количеству, обращая при мобилизаціи роту въ баталіонъ.

4) Вообще, послѣ 80 лѣтъ протекшихъ со времени присоединенія Грузіи, правительство должно знать съ кѣмъ имѣетъ тамъ дѣло. Грузины сознательно вѣрны Россіи, хотя любятъ свою народность и не желаютъ мѣнять ее на другую. Разсуждающіе

между ними люди говорятъ открыто, что при иномъ географическомъ положеніи они стояли бы за политическую самобытность, но что милліонному православному населенію, расположенному между Россіей, Турціей и Персіей, нѣтъ выбора, и они соединились съ нами сознательно и навѣчно, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ оставаться грузинами. Поэтому они жалуются, что на ихъ народное чувство не обращено должнаго вниманія, что языкъ ихъ не преподается въ казенныхъ училищахъ, между тѣмъ какъ армяне ежегодно расплажаютъ въ краѣ свои школы; что ихъ іерархія въ загонѣ, что имъ не оказыв...тъ полнаго довѣрія въ военномъ отношеніи, однимъ словомъ, ...ю ихъ равняютъ съ другими сомнительными въ политическомъ отношеніи населеніями Кавказа. Не могу также умолчать о сѣтованіи самыхъ видныхъ грузинъ на невниманіе, оказанное имъ при учрежденіи послѣдней коммисіи для преобразованія кавказскаго управленія, въ которую не былъ введенъ ни одинъ изъ туземцевъ, занимавшихъ прежде высшія правительственныя должности, хотя дѣло шло ихъ собственной участи. Эти жалобы во многомъ правы; въ сознаніи и мѣрахъ правительства Грузія не выдѣлена до сихъ поръ достаточно опредѣленно изъ остальной закавказской окраины. Можно думать, что у насъ вообще правительственный взглядъ на различныя окраины не сложился еще съ полною отчетливостью, а потому не признана еще покуда та истина, что если полякъ не можетъ быть надежнымъ подданнымъ, оставаясь полякомъ въ душѣ, то напротивъ—для того, чтобъ грузинъ былъ хорошимъ русскимъ подданнымъ онъ долженъ быть сначала хорошимъ грузиномъ.

Изложенныя недоразумѣнія относятся исключительно къ Грузіи, т. е. къ двумъ губерніямъ—Тифлисской и Кутаисской; но разнообразный Кавказъ представляетъ еще другіе, весьма важные для правительства вопросы. Первый изъ нихъ—армянскій.

Хотя армяне вмѣстѣ съ грузинами составляютъ единственныя христіанскія племена въ Азіи, но съ правительственной точки зрѣнія ихъ нельзя смѣшивать и относиться къ нимъ одинаково. Существенная разница между ними — не въ вѣрѣ. Въ практической жизни оттѣнокъ между тѣми и другими такъ невеликъ въ Закавказскомъ краѣ, что очень многіе армяне, особенно женщины, не знаютъ догматическаго различія двухъ исповѣданій и ѣздятъ покланяться грузинскимъ святынямъ·

Кромѣ того, въ Тифлисѣ, составляющемъ общее средоточіе обѣихъ народностей, армяне въ большинствѣ говорятъ между собой по грузински, женщины же ихъ даже не знаютъ своего языка. Глубокое различіе заключается въ племенномъ характерѣ и стремленіяхъ. Армянское племя не воинственное, а торговое (или правильнѣе—умѣющее добывать деньги всякими путями) и изворотливое, а потому число богатыхъ армянъ постоянно растетъ, захватываетъ выгодныя дѣла и вліяетъ своими деньгами на администрацію, между тѣмъ какъ грузины бѣднѣютъ; казенныя школы, кромѣ заводимыхъ ими на собственныя деньги, переполняются армянскими подростками, не столько для ученія, сколько для диплома, которымъ можно потомъ съ выгодою воспользоваться. Съ другой стороны, армянская народность не ограничивается русскими предѣлами, какъ грузинская; она распространяется въ Турціи до Средиземнаго моря, вслѣдствіе чего армяне считаютъ себя многочисленнымъ народомъ, а нѣкоторымъ изъ нихъ это даетъ даже поводъ къ мечтаніямъ о политической самобытности. Я видѣлъ (не теперь, а прежде) карту будущаго армянскаго царства, напечатанную въ Константинополѣ на фуляровыхъ платкахъ, включавшую въ себѣ Астрахань и Крымъ. Понятно, что эти армянскія мечтанія, даже въ самомъ скромномъ размѣрѣ, ни что иное, какъ бредъ; нѣтъ мѣстности въ свѣтѣ, гдѣ армянское населеніе составляло бы болѣе трети и могло бы, при своей невоинственности, повелѣвать $^{2}/_{3}$-ми мусульманъ иначе, какъ опираясь на русскіе штыки. Простой народъ конечно чуждъ этой затѣи,—и армянскій сепаратизмъ, какъ политическое направленіе, неосуществимъ, даже при поддержкѣ извнѣ, и поэтому не опасенъ, не можетъ выразиться никакимъ фактомъ, но какъ личное чувство онъ сбиваетъ многихъ, внушаетъ имъ настроеніе нежелательное въ русскихъ подданныхъ, и можетъ при случаѣ послужить орудіемъ, враждебныхъ Россіи, иностранныхъ интригъ; поэтому правительство не должно относиться къ такому дѣлу безучастно. Между кавказскими интеллигентными армянами образовались въ текущее время двѣ партіи: такъ-называемая «либеральная», полагающая будущность армянскаго племени въ прочномъ единеніи съ Россіею, проповѣдующая поэтому вѣрность общему отечеству; вторая партія исповѣдуетъ въ тайнѣ «сепаратизмъ», самостоятельную будущность племени. На эти двѣ партіи обращены теперь глаза

всего, разсѣяннаго по свѣту, армянства, и хотя въ сущности онѣ не болѣе какъ литературные кружки, но отъ преобладанія той или другой зависитъ конечно въ извѣстной степени духъ, въ которомъ воспитывается молодое поколѣніе. Первая группа, казалось бы, намъ сподручнѣе; но по привычному складу нашей администраціи, она мало объ этомъ знаетъ (по крайней мѣрѣ недавно еще не знала); ее смущаетъ названіе «либеральной партіи», и если оказывалось до сихъ поръ какое-либо (въ сущности почти безсознательное) давленіе русской власти на обѣ стороны, то оно было скорѣе въ пользу второй. Напримѣръ, органамъ обѣихъ партій приходится по необходимости обсуждать армянскія дѣла въ Турціи, причемъ «либералы» старательно выказываютъ плачевное положеніе своихъ собратій за границей сравнительно съ нашими; турецкіе армяне, тѣ, которые лежатъ сердцемъ болѣе къ сепаратистической тенденціи, подстрекаютъ Порту жаловаться на оскорбленіе, а наше министерство иностранныхъ дѣлъ требуетъ укрощенія «либеральной» армянской печати. Очевидно, что министерство тутъ ни при чемъ; откуда ему знать эти мѣстные дрязги, если кавказская администрація молчитъ о нихъ? Армянскія газеты не даромъ занимаются Турціей; тамъ происходятъ теперь событія глубоко ихъ смущающія—обращеніе ихъ соотечественниковъ въ большомъ числѣ въ протестантство американскою пропагандой, состоящею подъ покровительствомъ Англіи и Порты, вмѣстѣ съ политической интригой шейха Обейдуллы *), проповѣдующаго народное единеніе армянъ съ курдами. По моему мнѣнію, всѣ явленія эти въ сущности намъ неопасны: обращенныхъ армянъ никогда не будетъ много, братство ихъ и всѣхъ прочихъ съ курдами окажется не инымъ чѣмъ, какъ союзомъ волковъ съ барашками, а въ отдаленныхъ турецкихъ областяхъ всякое христіанское населеніе, какого исповѣданія оно бы ни держалось, никогда не будетъ ограждено своими покровителями отъ ножа сосѣдей-мусульманъ и потому всегда встрѣтитъ насъ какъ освободителей. Вообще же, по отношенію къ этимъ стремленіямъ и этимъ партіямъ, все зависитъ отъ разумнаго, сознательнаго дѣйствія мѣстной власти. Для этого нужно только, чтобъ главный начальникъ края взялъ присмотръ

---

*) Теперь уже умершаго. Ред.

на себя или возложилъ его на довѣренныхъ людей, а не на закавказскую администрацію, руководствующуюся соображеніями совсѣмъ иного свойства.

Въ общемъ итогѣ естественное отношеніе правительства къ кавказскимъ народностямъ опредѣляется самою сущностью дѣла. Грузины составляютъ цѣльный народъ, и правительство, для самого себя, должно смотрѣть на нихъ какъ на народъ, не смѣшивать ихъ безразлично подъ общими формами управленія съ прочими кавказскими населеніями, уважать ихъ историческую гордость и преданія.—Армяне конечно многочисленны, но они не иное что, какъ торговое сословіе Закавказья, или же отдѣльные клочки, разбросанные по краю, люди способные и трудолюбивые, которыхъ слѣдуетъ поощрять въ ихъ родѣ занятій, не стѣсняя притомъ нисколько ихъ весьма понятнаго племеннаго самолюбія, но предохраняя ихъ отъ увлеченій, которыя бы могли завести ихъ къ собственной ихъ бѣдѣ за предѣлы, указанные невозвратной исторіей. На направленіе же ихъ школъ можно всегда воздѣйствовать благотворно чрезъ верхній слой армянскаго городскаго населенія.

Управленіе многочисленнымъ мусульманскимъ населеніемъ, составляющимъ $^{2}/_{3}$ общаго населенія Закавказскаго края, не устроено, а только разстроено полувѣковыми преобразованіями (начиная съ преобразованія барона Гана), основанными не на пониманіи людей и страны, для которыхъ они назначались, и не на общихъ государственныхъ интересахъ, а на личномъ соображеніи ихъ составителей о наилучшей администраціи—на бумагѣ. Зрѣлыя начинанія государственныхъ людей, каковы были князь Воронцовъ и князь Барятинскій, введенныя въ жизнь, но не довершенныя даже на половину, только еще болѣе спутали ее. Не касаясь общаго положенія дѣлъ, разъясненнаго въ другихъ запискахъ, считаю себя обязаннымъ высказаться о самомъ крупномъ начинаніи, обратившемся теперь уже въ безполезную и обременительную развалину—о созданіи мусульманскаго землевладѣльческаго дворянства. Не могу сказать положительно, какою цѣлью задавался при этомъ начинаніи князь Воронцовъ, хотя цѣль сквозитъ сама собою; но князь Барятинскій смотрѣлъ на него какъ на средство обрусить край въ его высшемъ сословіи, средство исторически уже оправданное въ предѣлахъ, бывшихъ мусульманскихъ царствъ казанскаго и астраханскаго, а потому энергически поддержи-

валъ виды своего предшественника. Нынѣ цѣль забыта и дѣло представляется въ такомъ положеніи: народныя массы, лишившіяся половины своихъ земель и, разумѣется, притоптанныя беками, оттолкнуты отъ правительства; новосозданное дворянство, ничѣмъ не обязанное и никѣмъ неруководимое, не только не доставляетъ опоры русской власти, но стало очагомъ мусульманской нетерпимости и вожакомъ всѣхъ безпорядковъ въ странѣ; а вдобавокъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ потомъ, намъ же пришлось выкупать у бековъ угодья пожалованныхъ имъ крестьянъ. Можно и конечно лучше было бы для насъ управлять мусульманскимъ Закавказьемъ, какъ чисто азіятскою окраиною, думать прежде всего о безубыточности своего владѣнія и объ упроченіи хорошаго полицейскаго порядка въ странѣ, не задаваясь мыслію о срощеніи ея съ государствомъ и не вводя въ нее обще-русскихъ формъ администраціи; но когда разъ это было сдѣлано, то государственнымъ людямъ, поставляемымъ во главѣ края, приходится по необходимости идти впередъ, а не назадъ, подумать о созданіи туземной силы, скрѣпляющей эти области съ имперіей, замѣняющей отчасти штыковую охрану, безъ чего они остались бы навсегда бременемъ для Россіи. Неоконченное начинаніе только умалило доходы и усложнило положеніе, а потому было бы совсѣмъ безрасчетно остановиться на полупути, увѣковѣчивая путаницу. При невозможности возвратить народу отобранныя у него земли, остается только идти къ предначертанной цѣли и обрусить татарское землевладѣльческое сословіе. Во всякомъ случаѣ, обрусеніе, т. е. воспитаніе въ русскомъ языкѣ, русскихъ обычаяхъ и русской службѣ, само собою положитъ непереходимую грань между этимъ сословіемъ и сопредѣльными мусульманскими народами, сдѣлаетъ его незамѣтно орудіемъ нашей власти въ краѣ. Первымъ шагомъ къ тому должна быть непремѣнно обязательная военная служба для бекскаго сословія, служба и отдѣльными конно-иррегулярными сотнями, замѣняющими нынѣшнюю земскую стражу, и въ русскихъ полкахъ, откуда ихъ можно выпускать юнкерами, а лучшихъ—офицерами въ милицію; вмѣстѣ съ тѣмъ дать имъ русскія школы; также обязательныя для каждаго подростка, съ единственною цѣлію—выучить ихъ по русски, устраняя притомъ, всякія выспреннія требованія, которыя только станутъ поперекъ цѣли. Нужно назначить срокъ, въ теченіи котораго каждый подростокъ, неудовлетворившій

этимъ двумъ требованіямъ, утратить право на наслѣдіе, недавно пожалованнаго имѣнія. Беки и агалары отлично сознають, что они обязаны своимъ новымъ положеніемъ исключительно милости правительства, въ ихъ глазахъ даже необъяснимой, и смирно покоряться новому закону. Впослѣдствіи придетъ время и для другихъ мѣръ, но безъ этихъ двухъ первоначальныхъ ничего нельзя предпринять; безъ нихъ мы останемся среди путаницы, созданной нашими же руками.

Изложенныя въ запискѣ цѣли, указываемыя самою сущностью дѣла, требуютъ конечно приспособленной къ нимъ системы народнаго воспитанія. До сихъ поръ система эта была столь же произвольной, какъ и прочія административныя попытки на Кавказѣ, вводимыя безъ всякаго отношенія къ средствамъ и потребностямъ населенія. Для человѣка сознательно знакомаго со страной, расположенныя въ Грузіи, а особенно въ мусульманскихъ областяхъ, классическія и реальныя гимназіи, стоющія сравнительно гораздо большихъ суммъ, чѣмъ сколько ихъ даютъ на воспитаніе русскаго кореннаго народа, представляютъ не пособіе, а тормазъ къ желательному развитію учащихся. Смѣшеніе Тита Ливія, читаемаго въ школѣ, съ Кораномъ и Гафизомъ, читаемыми дома, приведетъ въ хаосъ самую благоустроенную голову, хотя можетъ доставить при удачѣ гимназическій дипломъ для поступленія на службу въ интендантское вѣдомство, но никакъ не дастъ въ результатѣ обрусѣвшаго, даже умѣющаго порядочно говорить по-русски человѣка, какъ подтверждается ежедневнымъ опытомъ. Кавказская администрація напрасно сваливаетъ вину въ этомъ отношеніи на министерство просвѣщенія, которое было право, утверждая что гимназія должна быть гимназіей по установленному плану; администрація виновата въ томъ, что требовала гимназій, а не школъ совсѣмъ иного рода, указываемыхъ потребностью. Наплывъ молодежи (преимущественно армянской) въ закавказскія гимназіи, на который также ссылаются, доказываетъ своимъ результатомъ, что тутъ идетъ для нея дѣло вовсе не объ образованіи. Но какъ бы ни было велико число желающихъ отдавать дѣтей въ школу и какими бы побужденіями они не руководились, когда государство дѣлаетъ затраты на азіятскую окраину, какова кавказская, стоющую ему 28 милліоновъ ежегоднаго дефицита, то оно должно удовлетворять прежде всего своимъ государственнымъ потребностямъ. Разно-

племенный Кавказъ не можетъ быть подведенъ подъ одну систему въ отношеніи воспитанія, какъ и въ прочемъ; примѣчаніе ея необходимо должно разнообразиться по его составнымъ частямъ, столь глубоко между собою несходнымъ. При этомъ слѣдуетъ конечно держать открытымъ доступъ и къ высшему образованію, но въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ дѣйствительной потребности — для дѣтей русскихъ служащихъ и немногихъ относительно туземцевъ, имѣющихъ средства и желаніе дать дѣтямъ университетское образованіе на собственный счетъ; для такой цѣли достаточны одна классическая и одна реальная гимназія на весь край, въ Тифлисѣ. Собственно же государственныя потребности требуютъ совсѣмъ иного: въ Грузіи—кадетскихъ корпусовъ, въ мусульманскихъ областяхъ—первоначальныхъ русскихъ школъ, но такихъ, которыя дѣйствительно выучивали бы по русски. Многочисленое грузинское дворянство представляетъ неистощимый разсадникъ образцовыхъ офицеровъ, въ которыхъ оказывается такой недочетъ, что ихъ давно уже стали выдѣлывать изъ писарей и фельдшеровъ; а при постоянно растущемъ обѣдненіи этого дворянства служба дастъ ему великое подспорье; въ мусульманскомъ краѣ русскія школы, полезныя для всѣхъ, необходимы для постепеннаго воспитанія новосозданнаго бекскаго сословія. Если къ этимъ заведеніямъ присовокупить еще нѣсколько первоначальныхъ техническихъ училищъ по важнѣйшимъ для края отраслямъ промышленности и сельскаго хозяйства, то дѣйствительныя потребности его, совпадающія съ правительственными потребностями, будутъ вполнѣ удовлетворены.

По учебной части также какъ по всѣмъ прочимъ, замѣщеніе несоотвѣствующихъ своей цѣли учрежденій правильною системою не можетъ обойтись безъ ломки; нельзя создать на доходы края ни кадетскихъ корпусовъ въ Грузіи, ни хорошихъ русскихъ школъ въ мусульманскомъ краѣ, сохраняя неприкосновеннымъ расходъ на гимназіи посреди курдскихъ кочевій у подошвы Арарата, — пришлось бы добавлять русскія деньги на поддержаніе подобныхъ затѣй. Въ такомъ же положеніи находятся и многія другія стороны управленія на Кавказѣ.

Опытъ показываетъ, что единственная форма управленія, вполнѣ удавшаяся на Кавказѣ и вполнѣ соотвѣствующая какъ правительственнымъ, такъ и народнымъ потребностямъ азіятской страны, есть управленіе военно-народнае, выработанное

фельдмаршаломъ княземъ Барятинскимъ. Нынѣ было бы уже слишкомъ трудно его распространить на области, подчиненныя съ давнихъ поръ гражданской администраціи,—это повело бы къ слишкомъ крупному перевороту; но желательно сохранить его вездѣ, гдѣ оно существуетъ, и ввести всюду, гдѣ къ тому не оказывается положительныхъ препятствій. Если военное управленіе не могло предупредить въ 1877 г. возстанія дагестанцевъ, поголовно вооруженныхъ и полныхъ воспоминаніями полувѣковой борьбы противъ русскаго владычества, то оно доставляетъ постоянно полный порядокъ и полную безопасность краю, въ отличіе отъ управленія гражданскаго; замѣщеніе его въ Терской области губернскою администраціею немедленно отозвалось неуправляемостью области, хаотическимъ состояніемъ, въ которомъ она теперь находится. Единственный недостатокъ военно-народнаго управленія въ нынѣшнемъ его видѣ заключается въ дороговизнѣ; но дороговизна вовсе не составляетъ его существеннаго свойства какъ въ бюрократической гражданской админитстраціи, составъ которой не можетъ быть значительно сокращенъ безъ разрыва внутренней связи; излишняя стоимость военнаго управленія произошла изъ несоразмѣрно высокихъ содержаній, на которыя не скупились при первоначальномъ покореніи горъ, и изъ ненужныхъ добавленій, совершенныхъ впослѣдствіи—явленіе естественное тамъ, гдѣ мѣстное начальство не обязано отдавать въ казну прироста доходовъ. Эта форма управленія можетъ быть удешевлена на половину, не теряя своихъ существевенныхъ качествъ, и въ такомъ случаѣ окажется очевидно наилучшимъ образомъ владѣнія во вновь присоединяемыхъ азіятскихъ областяхъ, постоянно приростающихъ къ намъ съ каждой войной, по обѣимъ сторонамъ Каспійскаго моря, начиная съ Карской, Батумской и Закаспійской. Вопросъ этотъ чрезвычайно важный. Русская имперія не можетъ намѣтить произвольнаго предѣла своему распространенію въ Азіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ не установила до сихъ поръ подходящей формы управленія азіятскими владѣніями, такой формы, которая не отталкивала бы отъ нея населеній и не обращала новыя пріобрѣтенія въ бремя для государства. Насколько можно судить о столь обширномъ дѣлѣ по опыту въ малыхъ размѣрахъ, форма эта вѣроятно найдена, хотя бы только въ первоначальномъ видѣ, въ военно-народномъ управленіи. Съ постепеннымъ развитіемъ окраинъ ничто не мѣшаетъ присоединять къ ней

обще-государственныя учрежденія—правильные суды и проч., но въ размѣрѣ не превышающемъ потребности ограниченнаго слоя обрусѣвшаго населенія, для котораго они будутъ создаваться. Хорошо устроить этотъ слой не мудрено; трудно справляться съ азіятскою толпою, править ею безубыточно и замѣнить на отдаленныхъ окраинахъ личные взгляды правителей, установленною системою. Цѣли эти осуществляются формою военно-народнаго управленія лучше всякой иной, а потому было бы желательно немедленно примѣнить ее ко вновь присоединеннымъ областямъ вмѣсто гражданскаго управленія, непривычная обрядность котораго, видимо уже стала отравлять отношеніе новыхъ подданныхъ къ государству.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ

НА ВОСТОЧНОМЪ КАВКАЗѢ.

Къ 1-му январю обѣ колонны сошлись на Бассѣ и двинулись вмѣстѣ вверхъ по рѣкѣ къ Таузеню, оставляя по своимъ слѣдамъ разграбленную и очищенную отъ лѣса дорогу. *)

Сбивъ шамиловскія скопища съ сильно укрѣпленной Таузенской позиціи, генералъ Евдокимовъ оставилъ русло Баева, служившее до тѣхъ поръ операціонною линіею отряду и поднялся на горы, по направленію къ аулу Алистанжи, вырубая лѣсъ на пути, каждымъ дальнѣйшимъ шагомъ въ горы мѣстность становилась непроходимѣе и искуственныя препятствія, устроенныя горцами многочисленнѣе. Для выигрыша времени, ген. Евдокимовъ предпочелъ пробиться разомъ отъ Алистанжи до Веденя и потомъ, укрѣпившись передъ этой столицей непокорныхъ горъ, разрабатывать дорогу въ тылъ, до.

*) Туземное чеченское населеніе постоянно старалось уклоняться отъ боя и покорялось какъ только его жилища были обойдены нашими войсками; въ послѣднихъ числахъ декабря, около 500 ичикеринскихъ семействъ было выселено на плоскость. Тавлинскія скопища, не надѣясь на туземцевъ, держались преимущественно въ крѣпкихъ, напередъ избранныхъ позиціяхъ, что весьма много облегчало наше отступленіе.

жидаясь благопріятнаго времени года для осады. Несмотря на сильныя оборонительныя средства, заготовленныя горцами по дорогѣ, это смѣлое движеніе было совершено также удачно какъ и предъидущія, благодаря искусному маневрированію ген. Евдокимова, постоянно успѣвшаго обходить непріятельскія позиціи.

Расположившись въ укрѣпленномъ лагерѣ передъ Веденемъ, чеченскій отрядъ долженъ былъ ждать мѣсяцъ, пока устроится прочное сообщеніе съ плоскостью и будутъ подвезены осадныя средства. Въ продолженіи этого времени, при ненастьи и бездорожьи, продовольствіе войскъ представляло чрезвычайныя затрудненія, которыя ген. Евдокимовъ, при всей энергіи своей и распорядительности, едва успѣлъ преодолѣть. Тѣмъ временемъ однакожъ наши войска, хотя почти отрѣзанныя отъ своей земли, заложили подлѣ непріятельской крѣпости новое укрѣпленіе—Ведень на пунктѣ болѣе удобномъ для обороны поселенія, чѣмъ мѣсто, избранное Шамилемъ. Въ это же время салатовскій отрядъ вступилъ въ Ичикерію съ восточной стороны и проложилъ просѣку по Аксаю, оттягивая противъ себя часть непріятельскихъ силъ.

Къ половинѣ марта наконецъ погода установилась, удобное сообщеніе открыто съ плоскостію и въ чеченскій отрядъ доставлена необходимая осадная артиллерія. 17-го и 18-го марта открыты, траншеи 1-го апрѣля побѣдоносныя войска Его И. В-а водрузили свои знамена на стѣнахъ Веденя, бывшаго 14 лѣтъ средоточіемъ враждебной намъ силы.

Взятіе Веденя нанесло окончательный ударъ господству Шамиля надъ чеченскими племенами. Въ теченіе апрѣля и мая совокупными дѣйствіями отрядовъ чеченскаго и салатовскаго были приведены въ подданство Его И. Велич. всѣ общества, живущія по сѣверную сторону Андійскаго хребта. Подъ властію Шамиля не оставалось ни одного осѣдлаго чеченца, но весь Дагестанъ еще повиновался ему.

Завоеваніе Чечни измѣнило коренным образомъ наше стратегическое положеніе относительно Тавлинскихъ горъ. Дагестанъ былъ огражденъ чрезвычайно сильно съ восточной и южной стороны; — съ первой—широкимъ поясомъ многочисленныхъ крѣпостей, расположенныхъ въ мѣстности почти недоступной, вынуждавшихъ насъ къ кровопролитнымъ и изнурительнымъ для войскъ осадамъ до такой степени затруднительнымъ, что

покойный ген. фельдмаршалъ князь Воронцовъ, послѣ трехълѣтнихъ попытокъ отказался наконецъ отъ наступленія съ этой стороны, съ Лезгинской линіи, снѣжный Серкановой хребетъ Кавказа, проходимый только лѣтомъ, противуполагалъ непреодолимое препятствіе систематическимъ дѣйствіямъ. Завоеваніе Чечни открыло нашему наступленію третью сторону Дагестана, гдѣ мѣстность была гораздо проходимѣе, чѣмъ на южной, а искуственныя препятствія гораздо слабѣе чѣмъ на восточной. Оборонительныя сооруженія, воздвигнутыя Шамилемъ на Андійскомъ Койсу, не могли идти въ сравненіе съ родомъ многолюдныхъ и почти неприступныхъ ауловъ восточной полосы одѣвавшихъ, если можно такъ выразиться, непробиваемымъ панцыремъ цѣлую страну. Прорвавшись за Андійское Койсу, мы вступали во внутренность горъ, гдѣ ничего не было приготовлено для систематической обороны и заходили въ тылъ пограничнымъ горскимъ крѣпостямъ. Съ самаго начала начальствованія Барятинскаго онъ стремился къ тому, чтобы достигнуть этого новаго стратегическаго положенія. Для осуществленія этой цѣли, рѣшительныя усилія были направлены противъ Чечни и главныя силы Прикаспійскаго края, оставя прежній базисъ свой, со стороны моря постепенно стягивались въ Салатавію противъ сѣвернаго ската горъ. Въ началѣ лѣта 1859 г. обѣ массы войскъ лѣваго крыла и Прикаспійскаго края, были расположены на одной линіи, съ сѣверной, вновь раскрытой стороны Дагестанскаго треугольника.

Несмотря на значительныя силы, которыми еще располагалъ непріятель и на чрезвычайную крѣпость, покровительствующей ему мѣстности, полагаясь съ своей стороны на выгоды вновь пріобрѣтеннаго стратегическаго положенія и на упадокъ духа въ горскомъ населеніи, потрясенномъ столькими ударами, главнокомандующій рѣшился измѣнить систему войны, которой до тѣхъ поръ держался и изъ методическихъ дѣйствій перейти къ быстрому наступленію всею массою войскъ, окружавшихъ горы. Существованіе вооруженнаго мюридизма въ нѣдрахъ кавказскаго намѣстничества, ограничивалось ли его вліяніе однимъ Дагестаномъ или простиралось и на Чечню, имѣло одинаковое значеніе для кавказской арміи, совершенно обезсиливало ее въ случаѣ внѣшней войны. При смутномъ положеніи Европы и безпрерывно возникающихъ, совершенно неожиданныхъ политическихъ сочетаніяхъ, онъ считалъ первою государ-

ственною необходимостію кончить сколь возможно скорѣе внутреннюю кавказскую войну, поглощавшую безплодно лучшую половину русскихъ силъ. Рѣшительное наступленіе въ средину горъ представляло единственное средство къ тому, хотя оно и было сопряжено съ бо́льшими случайностями, чѣмъ методическая война.

Для лѣтнихъ дѣйствій 1859 г. главнокомандующій приказалъ сосредоточить три главныя массы, фланкируемыя нѣсколькими отдѣльными колоннами. Первая масса, подъ начальствомъ графа Евдокимова, должна была наступать изъ покореннаго Веденя на Андію и Тлехнуцалъ, противъ средняго теченія Андійскаго Койсу, составляя центральную силу, на которую, при дальнѣйшемъ движеніи, должны были опереться всѣ другіе дѣйствующіе отряды; небольшой Шатаевскій отрядъ содѣйствовалъ ей изъ-за Аргуна. Генералъ-адъютантъ баронъ Врангель, съ главными силами Прикаспійскаго края, сосредоточенными въ Салатавіи, составлялъ лѣвое крыло нашего стратегическаго фронта и наступалъ на Гумбетъ, противъ нижней части Андійскаго Койсу. Два другіе отряда, собранные въ Темиръ-ханъ-Шурѣ, подъ начальствомъ генерала Манюкина и на Тургидагѣ подъ начальствомъ генерала князя Тарханова, составляли продолженіе нашего фронта въ лѣво, огибая горы со стороны прежняго, приморскаго базисо-дагестанскихъ войскъ. Лезгинскій отрядъ, собранный у горы Пахалисъ-Тави подъ начальствомъ генерала князя Меликова и фланкируемый съ оконечностей, изъ Туметіи и Джаро-Бѣлоканской области, двумя небольшими колоннами, составлялъ въ началѣ дѣйствій массу совершенно отдѣльную отъ силъ наступавшихъ съ сѣвера; но черезъ нѣкоторое время, съ дальнѣйшимъ развитіемъ дѣйствій, лезгинскій отрядъ долженъ былъ черезъ Богоскій хребетъ приблизиться къ истокамъ Андійскаго Койсу, войти въ общую связь и составить правое крыло нашего стратегическаго фронта. Главное препятствіе, которое намъ предстояло преодолѣть, состояло въ пропасти Андійскаго Койсу, ограждающей всю сѣверную сторону Дагестана и черезъ которую существуютъ только нѣсколько переходовъ, заранѣе укрѣпленныхъ горцами. Непріятель также покрылъ завалами горный отрогъ, отдѣляющій Андію отъ Гумбета, такъ что въ началѣ наступленія чеченскій и салатавскій отряды должны были дѣйствовать разъединенно, но предположили вступить съ чеченскимъ отрядомъ въ Андію и дѣй-

ствовать такимъ образомъ, чтобы привлечь на эту часть войскъ главное вниманіе непріятеля; а въ то же время быстро двинуть впередъ салатавскій отрядъ, составлявшій лѣвое крыло, чтобы прорвать оборонительную линію Андійскаго Койсу въ нижней части теченія, противъ Аваріи и Койсубу; на расположеніе къ намъ этихъ странъ можно было расчитывать съ основательностію, а отложеніе ихъ отъ Шамиля должно было невозвратно потрясти мюридизмъ во всемъ Дагестанѣ. Но въ случаѣ, еслибъ салатавскій отрядъ не успѣлъ преодолѣть сопротивленіе непріятеля на Койсу, предполагали заняться устройствомъ путей въ Андіи и Гумбетѣ, удерживая своимъ положеніемъ непріятельскія скопища на берегу рѣки и дожидаться, чтобы лезгинскій отрядъ приблизился къ правому флангу; появленіе его со стороны Богулала должно было немедленно разстроить оборонительную линію Шамиля. Во всякомъ случаѣ съ большей или меньшей тратой времени, съ правой или съ лѣвой стороны, мы должны были прорваться за Андійское Койсу. Преодолѣвъ это препятствіе, мы разрывали непріятельскія силы изъ середины къ окружности и опрокидывали ихъ на наши пограничные отряды.

Лезгинскому отряду главнокомандующій приказалъ открыть наступленіе ранѣе прочихъ, такъ какъ ему предстояло пробиться черезъ обширное и трудно проходимое пространство, для того, чтобъ войти въ связь съ силами, наступающими съ сѣвера. Въ первыхъ числахъ іюля, князь Меликовъ расположился на хребтѣ, раздѣляющемъ Капучинское и Дидайское общество, раззоряя окрестныя селенія и разработывая дорогу впередъ. Чеченскій и салатавскій отряды вступили въ непріязненныя горы, одновременно 14-го іюля. Находясь лично при чеченскомъ отрядѣ, я шелъ впередъ медленно, устраивая по слѣдамъ своимъ колесный путь, необнаруживая ничѣмъ своихъ намѣреній, чтобы удержать въ неподвижности главное скопище Шамиля. Генералъ-адъютантъ баронъ Врангель, которому я приказалъ дѣйствовать сколь можно поспѣшнѣе и захватить во чтобы ни стало переправу черезъ Койсу въ Согритло или Чефкатѣ, въ одинъ переходъ достигъ черезъ всю ширину Гумбета берега рѣки, у Согритло. Переправа въ этомъ пунктѣ была защищена слишкомъ сильно, чтобъ атаковать ее открытою силою. Но пользуясь отсутствіемъ главныхъ непріятельскихъ силъ, сосредоточенныхъ противъ чеченскаго отряда, баронъ Врангель при-

ступилъ къ переходу черезъ рѣку нѣсколько ниже Согритло и побѣдилъ своей энергіей страшныя препятствія, противупоставленныя ему непріятелемъ и природою, несмотря на то, что въ продолженіи нѣсколькихъ дней, употребленныхъ на устройство переправы, противъ него успѣло соединиться многочисленное скопище. 18-го числа войска салатавскаго отряда стояли уже на правомъ берегу Койсу. 21-го генералъ-адъютантъ баронъ Врангель взялъ съ бою Ахкентскую гору, сильно укрѣпленную горцами, и открылъ себѣ путь въ Аварію. Немедленное изъявленіе покорности Аваріей и Койсубу, давно уже недовольными деспотизмомъ духовной власти, было непосредственнымъ результатомъ энергическихъ дѣйствій дагестанскихъ войскъ. Занимая Аварію, баронъ Врангель двинулъ на Койсубу съ востока генерала Манѣкина съ соединенными отрядами шуринскимъ и турчидагскимъ. При содѣйствіи этихъ войскъ салатавскій отрядъ открылъ себѣ прямое сообщеніе изъ Аваріи на Темиръ-ханъ-Шуру черезъ Зыряны, бывшее до 1843 года нашимъ главнымъ военнымъ путемъ въ восточныхъ горахъ.

Съ занятіемъ Аваріи, оборонительная линія Шамиля была расторгнута; правыя колонны салатавскаго отряда заходили ей въ тылъ. Въ то же время увлекаемыя примѣромъ Аваріи и утративъ надежду отстоять свою независимость оружіемъ, общества, живущія на Койсу, прислали въ нашъ лагерь почетныхъ людей съ изъявленіемъ покорности. Собранныя Шамилемъ скопища разбѣжались; самъ Шамиль ускакалъ въ Андалалъ, гдѣ онъ надѣялся найти поддержку въ воинственномъ населеніи, сгруппированномъ въ большихъ, крѣпкихъ аулахъ. Еще съ весны онъ приготовилъ себѣ убѣжище посреди этой страны, на укрѣпленной вершинѣ Гуниба.

Сопротивленіе андалальцевъ могло снова затянуть дѣло, тѣмъ болѣе, что лѣто приближалось къ концу, а съ наступленіемъ суроваго времени года, продолженіе войны въ горахъ было бы сопряжено для насъ съ величайшими затрудненіями. Главнокомандующій рѣшился покончить сопротивленіе горцевъ однимъ сильнымъ ударомъ. Бывши увѣренъ, что вниманіе всѣхъ горцевъ обращено теперь на Шамиля, и что ихъ дѣйствія будутъ совершенно зависѣть отъ того, что произойдетъ въ Андалалѣ, онъ рѣшился двинуть въ эту страну всѣ наличныя силы салатавскаго отряда и часть чеченскаго, обнажая на нѣкоторое время вновь покоренную страну, кромѣ немногихъ пе-

реправъ и пунктовъ, куда былъ свезенъ провіянтъ. Въ это время лезгинскій отрядъ, приведя къ повиновенію общества югозападнаго Лезгистана, подходилъ справа къ чеченскому и черезъ нѣсколько дней долженъ былъ войти въ общую связь. Такимъ образомъ въ самомъ сердцѣ горъ сосредоточивалась масса войскъ, которая могла раскинуть колонны во всѣ стороны и показать горскому населенію наши войска вездѣ, гдѣ было бы нужно.

Пока происходили движенія войскъ для открытія сообщеній между чеченскимъ и дагестанскимъ отрядами, генералъ князь Тархановъ, двинутый въ Андалалъ изъ за Казикдзмухскаго Койсу, занялъ непріятельскую крѣпость Чохъ, которую наши войска безуспѣшно осаждали въ 1849 году. Своевременное вступленіе въ эту страну генералъ-адъютанта барона Врангеля, въ головѣ значительныхъ силъ, подавило разомъ всѣ попытки приверженной Шамилю партіи. Аулы, разъединенные между собою нашими силами и отрѣзанныя отъ Шамиля, безвыходно запертаго на Гунибѣ, не могли сосредоточиться для общаго дѣйствія; люди враждебные духовной власти вездѣ взяли верхъ и всѣ общества Андалала, одно за другимъ принесли намъ покорность.

Въ лагерѣ у аула Конхидатля къ намъ присоединился генералъ князь Меликовъ съ кавалеріей лезгинскаго отряда, совершивъ съ особенною точностію трудное и долгое движеніе черезъ внутреннія горы Лезгистана, никогда еще не видавшія русскихъ войскъ. Съ Андійскаго Койсу главнокомандующій направилъ князя Меликова черезъ Анкратльскій союзъ на Аварское и на Кара Койсу для приведенія къ подданству Его Императорскому Величеству обществъ южнаго Лезгистана. Князю Меликову было приказано занять Ирибъ, разрушить укрѣпленія этого аула и оставивъ здѣсь пѣхоту, прибыть съ конницей для свиданія съ главнокомандующимъ подъ Гунибъ, Князь Меликовъ совершилъ быстро и точно предписанное ему движеніе.

Заложивъ на Андійскомъ Койсу, выше аула Конхидатля, Преображенское мостовое укрѣпленіе, главнокомандющій оставилъ чеченскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Кемферта и отправился черезъ вновь покоренный край подъ Гунибъ.

Онъ нашелъ эту гору тѣсно обложенную со всѣхъ сторонъ. Видя крайность своего положенія, Шамиль просилъ перемирія, вслѣдствіе котораго нѣсколько дней продолжались переговоры.

Дагестанъ былъ уже въ это время покоренъ до послѣдней деревни, сопротивленіе Шамиля на Гунибѣ было дѣломъ только личнаго отчаянія. Поэтому главнокомандующій искренно желалъ избѣжать безполезнаго пролитія крови и зная высокое милосердіе Его Императорскаго Величества предложилъ Шамилю самыя выгодныя для него условія.' Но даже великодушіе оказалось безполезнымъ противъ безсмысленной недовѣрчивости буйной шайки, окружавшей горскаго предводителя. Надобно было подавить сопротивленіе оружіемъ. Распоряженіе дѣйствіями противъ Гуниба было поручено начальникъ-инженеру арміи, генералу Кеслеру, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта барона Врангеля и подъ личнымъ наблюденіемъ главнокомандующаго. 25-го августа неприступная гора была занята, Шамиль взятъ и весь восточный Кавказъ сдѣлался областію Россійской имперіи.

Богъ благословилъ кавказскую армію и далъ успѣхъ: Его Императорское Величество поддержалъ ее своею высокою милостію и далъ средства совершить покореніе горъ въ три года съ того дня, какъ Барятинскій удостоился быть облеченнымъ въ званіе главнокомандующаго кавказскою арміею.

Обративъ главныя силы арміи противъ восточной группы горъ какъ болѣе опасной для насъ своимъ географическимъ положеніемъ и характеромъ возникшаго тамъ религіознаго союза, главнокомандующій долженъ былъ соразмѣрять военныя дѣйствія на правомъ крылѣ съ силами занимающихъ его войскъ. Самое положеніе дѣлъ въ этомъ краѣ требавало болѣе пріуготовительныхъ, чѣмъ рѣшительныхъ дѣйствій. На восточномъ Кавказѣ мы вездѣ непосредственно соприкасаемся съ густымъ непріятельскимъ населеніемъ; на правомъ крылѣ, напротивъ, во многихъ мѣстахъ между нашими передовыми линіями и настоящимъ жильемъ враждебныхъ племенъ, между Кубанью, Лабой и горами, лежитъ еще обширная и рѣдко населенная равнина. Прежде чѣмъ приступить къ окончательному покоренію закубанцевъ, надобно было разработать эту глухую равнину, создать въ ней опорные пункты и выдвинуть впередъ наши линіи. Это дѣло могло быть исполнено наличными силами праваго крыла, пока продолжалось покореніе восточныхъ горъ.

Страну непокоренныхъ закубанцевъ надобно было занимать одновременно съ двухъ противуположныхъ концовъ—

со стороны моря и со стороны Лабы, двигаясь паралельно хребту горъ и обрѣзывая ее въ длину; потому что естественная линія этой стороны—рѣки всѣ перепендикулярны къ Кубани и прямое наступленіе съ кубанскаго берега къ горамъ намъ не на что опереть; страна же такъ обширна, что здѣсь нельзя перенестись сразу къ подошвѣ горъ, на лѣвомъ крылѣ мы перенеслись съ Сунжи. Обширность страны требуетъ также прочнаго занятія линій казаками; одни рѣдко разбросанныя укрѣпленія не оградятъ ее достаточно. На этихъ соображеніяхъ основанъ былъ планъ дѣйствій за Кубанью; сначала выдвинуты съ противуположныхъ концевъ страны полковые штабъ и квартиры на Бѣлую и Абогумъ; потомъ заселить берега этихъ рѣкъ станицами и выбить изъ горъ общества, остающіяся за флангомъ и тыломъ новыхъ линій; причемъ, для водворенія изгнанныхъ туземцевъ, осталось бы еще пространная равнина между Адагумомъ и Бѣлой. Когда населеніе на новыхъ линеніяхъ станетъ самостоятельнымъ, перевести полковыя штабъ-квартиры впередъ и расположить ихъ у предгорій, отдѣляя войсками населеніе горъ отъ населенія равнины; наконецъ, разработать дороги отъ главныхъ пунктовъ, занятыхъ нами по сѣверной сторонѣ горъ, черезъ хребетъ до моря. Можно было расчитывать, что горское населеніе, сжатое какъ въ тискахъ, покорится еще до окончательнаго исполненія всѣхъ этихъ мѣръ. Но для осуществленія вышеупомянутаго плана необходимо водвореніе въ покоряемомъ краѣ значительнаго казачьяго населенія, для чего Его. И. Величество соизволилъ утвердить двѣ мѣры—ежегодное устройство 5-ти новыхъ станицъ въ пространствѣ Верхне-Кубанскаго и Лабинскаго округовъ и переселеніе на. Кавказъ азовскаго казачьяго войска.

Сообразно съ изложеннымъ планомъ, военныя дѣйствія на правомъ крылѣ были раздѣлены на двѣ самостоятельныя операціи: со стороны Лабы (бывшаго праваго фланга) и со стороны нижней Кубани (Черноморіи). Эти дѣйствія соотвѣтствовали, по раздѣленію закубанцевъ, наступленію на двухъ главныхъ предводителей: Магметъ Амина съ абадзехами и Сеферъ Бея съ натухайцами и шапсугами.

Со стороны бывшаго праваго фланга прежде всего надобно было подвинуть линію передовыхъ укрѣпленій съ Лабы на Бѣлую, куда первый шагъ былъ сдѣланъ еще въ 1851 году,

заложеніемъ укрѣпленія Бѣлорѣчинскаго, но съ тѣхъ поръ дѣло оставалось въ одномъ положеніи. Овладѣть теченіемъ Бѣлой намъ было нужно, чтобы подвинуться къ непріятелю, значительно сократить протяженіе нашихъ линій, отнять у горцевъ большое пространство плодородной равнины и оградить наши поселенія, существующія и предполагаемыя.

Въ маѣ 1857 года, генералъ Козловскій заложилъ Майкопское укрѣпленіе при выходѣ Бѣлой изъ горъ. Абадзехи, отстаивали свою землю шагъ за шагомъ, не пропускали безъ боя ни одной колонны, даже сдѣлали общее нападеніе на лагерь; каждое вывозимое изъ лѣса бревно стоило намъ крови. Тѣмъ не менѣе къ осени уже были готовы главныя постройки и въ Майкопъ перенесена штабъ-квартира кубанскаго пѣхотнаго полка.

Майкопское укрѣпленіе составляло не болѣе какъ отдѣльный пунктъ, принадлежащій намъ въ непріятельской землѣ. Надобно было связать его съ прочими линіями и для этого упрочить сообщеніе: къ сѣверу съ Нижней Лабой, къ юго-востоку съ Мало-Лабинской линіей. Для устройства первой дороги предположено было возвести редуты на Гіагѣ и у длиннаго лѣса; вторую можно было проложить только послѣ приведенія къ покорности обществъ, обитающихъ на верховьяхъ рѣкъ Губса, Ходза и Фарса. Генералъ Козловскій обозрѣлъ это пространство въ началѣ зимы.

Въ теченіи этого года казачье населеніе между Кубанью и Лабой усилено основаніемъ двухъ новыхъ станицъ.

Въ январѣ 1858 г. генералъ Козловскій совершилъ движеніе по Абадзехскимъ горамъ, до тѣхъ поръ намъ совершенно неизвѣстнымъ. Направивъ одну колонну къ устью Пшехи для отвлеченія непріятеля, онъ самъ прошелъ далеко вверхъ ущельями Курджипса и Этоки, по глубокимъ снѣгамъ, посреди густаго населенія абадзеховъ, которое сначала оказывало сильное сопротивленіе, но потомъ, когда генералъ Козловскій обѣщалъ щадить его жилища, только издали слѣдило за отрядомъ.

Весною приступлено къ обширнымъ работамъ на всемъ протяженіи края. Одинъ отрядъ продолжалъ устройство штабъ-квартиры кубанскаго полка въ Майкопѣ. Два другіе отряда прикрывали возведеніе 6-ти новыхъ станицъ на верхнемъ теченіи рѣкъ: Большаго Зеленчука, Урупа и Тегеня, принадлежащихъ вновь учрежденной урупской казачьей бригадѣ. Штабъ-

квартира севастопольскаго пѣхотнаго полка поставлена въ укр. Тебайскомъ на Мало-Лабинской линіи. Такимъ образомъ расположеніе нашихъ силъ въ восточной части праваго крыла было достаточно сосредоточено. Оставалось открыть между ними безпрепятственное сообщеніе чрезъ предгорія отъ Майкопа къ Малой Лабѣ. Для этого предпринятъ осенью цѣлый рядъ дѣйствій. Въ октябрѣ со стороны Майкопа прорублена просѣка къ Махошевцамъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ майкопскій отрядъ двинулся къ вершинѣ Фарса на встрѣчу лабинскому отряду, который шелъ туда же, открывая сообщеніе чрезъ лѣса. Въ декабрѣ длинный лѣсъ раскрытъ двумя просѣками и населеніе, жившее за нимъ, раззорено. Туземные жители вездѣ бросали свои дома и удалялись отъ просѣкъ.

Племена, живущія въ горахъ между Кубанью и Лабою, называясь мирными, до сихъ поръ вели разбойничью жизнь и составляли причину всегдашней тревоги для нашихъ линій. Лѣтомъ 1858 года сдѣланы набѣги для наказанія башилбеевцевъ и шахгиреевцевъ, въ примѣръ другимъ.

Прочное утвержденіе нашихъ войскъ въ землѣ абадзеховъ заложеніемъ Майкопа, произвело сильное впечатлѣніе на горцевъ. Абадзехи въ этой части края составляютъ господствующую силу, увлекающую окрестныя мелкія племена. Перенесеніе войны въ ихъ землю было первымъ ударомъ въ голову конфедераціи, основанной Магметъ Аминомъ.

Въ западной части праваго крыла, для постепеннаго движенія впередъ, надобно было прежде всего овладѣть землями натухайцевъ, расположенныхъ треугольникомъ, между устьемъ Кубани и моремъ. Теченіе рѣки Адагума представляетъ естественную линію, которую нужно было занять, продолживъ ее до Цемехской бухты, чтобы отрѣзать натухайцевъ отъ массы горскаго населенія. Предположено было устроить эту линію въ продолженіи двухъ лѣтъ, возведеніемъ четырехъ укрѣпленій, одного въ нижней, другого въ средней части теченія Адагума, третьяго по берегу моря, на развалинахъ Новороссійска, четвертаго промежуточнаго между этими двумя и расположить на новой линіи Крымскій пѣхотный полкъ; съ покореніемъ же Натухайскаго треугольника основать тамъ станицы азовскихъ и черноморскихъ казаковъ по общему плану—упрочивать завоеваніе водвореніемъ въ краѣ русскаго военнаго населенія.

Лѣтомъ 1857 года основано укрѣпленіе Нижне-Адагумское;

отъ него разработаны дороги въ обѣ стороны къ Суровой батареѣ на Кубани, гдѣ выстроено мостовое укрѣпленіе и вверхъ по Адагуму до мѣста, предположеннаго центральнаго укрѣпленія. Вокругъ недалекаго разстоянія истреблены всѣ непріятельскія поселенія, числомъ до 3,500 дворовъ. Горцы сопротивлялись гораздо слабѣе, чѣмъ въ Майкопѣ, не смотря на доставленныя имъ 10 орудій и прибывшій къ нимъ отрядъ европейскихъ флибустеровъ. Они довольствовались канонадой съ дальняго разстоянія и не отважились ни на одно значительное нападеніе.

Въ 1858 году заложено у мѣста, называемаго Колобатовой могилой, центральное Адагумское укрѣпленіе и къ осени переведена туда штабъ-квартира крымскаго пѣхотнаго полка; окружающая сторона опустошена, для того чтобъ удалить горское населеніе. На мѣстѣ бывшаго Новороссійска сооружено укрѣпленіе Константиновское. Противъ адагумскаго отряда горцы держались осторожно; но противъ константиновскаго, ободряемые малочисленностію нашихъ войскъ, сдѣлали нѣсколько безуспѣшныхъ покушеній. Съ окончаніемъ работъ, въ концѣ ноября, Адагумская линія могла считаться достаточно занятой и потому предпринято движеніе всѣмъ отрядомъ для разворенія натухайцевъ. Адагумскій отрядъ въ продолженіе мѣсяца съ 9-го ноября по 9-е декабря опустошилъ землю этого племени по всѣмъ направленіямъ, сожигая аулы, забирая плѣнныхъ, скотъ и имущество. Отдѣленные военною линіею отъ массы своихъ соплеменниковъ и преданные безпощадному раззоренію, натухайцы предложили условія, на которыхъ они соглашались принять русское подданство. Имъ былъ предоставленъ выборъ между безусловною покорностію, или изгнаніемъ изъ отеческой страны. Окончательное покореніе быко отложено до осени 1859 года, когда Адагумская линія будетъ довершена основаніемъ четвертаго промежуточнаго укрѣпленія.

Съ началомъ 1859 года были предприняты дѣйствія въ большихъ размѣрахъ для покоренія племенъ, населяющихъ горы между Лабою и Бѣлою. Отряды: Лабинскій подъ начальствомъ генерала Войцицкаго и Майкопскій подъ начальствомъ генерала Преображенскаго двинулись въ январѣ съ двухъ противоположныхъ пунктовъ, для того чтобъ соединиться въ серединѣ, на истокахъ Фарса, обозрѣвая и расчищая страну: Лабинскій отрядъ прошелъ предгоріями на Губѣ. Генералъ

Преображенскій съ своей стороны проникъ глубоко въ ущелье Бѣлой, почти до Каменнаго моста и въ ущелье одного изъ притоковъ ея—Фюнфта, сражаясь день и ночь противъ многочисленнаго и ожесточеннаго врага. Въ этотъ походъ было истреблено много ауловъ. Горцы понесли большія потери, но предположенное соединеніе отрядовъ не состоялось за недостаткомъ фуража, который горцы истребляли съ приближеніемъ нашихъ войскъ. Разстояніе отъ линіи Малой Лабы до линіи Бѣлой оказалось слишкомъ значительнымъ для дѣйствія въ общей связи двухъ отрядовъ, безъ промежуточнаго пункта, снабженнаго заранѣе продовольствіемъ и фуражемъ; вслѣдствіе чего и было сдѣлано предположеніе основать слѣдующей осенью укрѣпленіе на р. Хамкеты.

Въ февралѣ изъ укрѣпленія Тебаевскаго была двинута на Ходзъ колонна полковника Лихутина и появившись неожиданно въ непріятельской землѣ раззорила до основанія поселенія Бисленеевцевъ, которымъ давно уже грозили жестокимъ наказаніемъ, если они будутъ продолжать враждебныя дѣйствія. Этотъ погромъ произвелъ самое сильное впечатлѣніе въ горахъ, такъ что немедленно затѣмъ общества Казильбековцевъ, Башилбаевцевъ, и Тамовцевъ принесли покорность и выдали аманатовъ. Замиреніе этихъ обществъ заставило усмириться и полупокорное населеніе, занимающее горы между Лабою и Урупомъ.

Съ наступленіемъ весны лабинскій отрядъ совершилъ еще нѣсколько движеній въ непокорныя земли, для того, чтобъ не допустить горцевъ возобновлять разрушенныхъ поселеній. Майкопскій отрядъ расчищалъ окрестности укрѣпленія и оканчивалъ постройки. Особые отряды зеленчугскій и тебердинскій продолжали устройство станицъ, мостовъ и дорогъ въ верхней части Лабинскаго округа.

Пока эти дѣйствія происходили въ предѣлахъ бывшаго праваго фланга, со стороны Черноморіи былъ сосредоточенъ въ январѣ отрядъ подъ начальствомъ генерала Бабича и двинутъ противъ непокорныхъ бжедуховъ, занимающихъ самую середину праваго крыла, между абадзехами и шапсугами. Генералъ Бабичъ прорубилъ просѣку въ лѣсахъ, прикрывающихъ жилья бжедуховъ и вторгнувшись въ земли этого племени, взялъ съ бою и истребилъ одинъ за другимъ 44 укрѣпленныхъ аула. Населеніе бжедуховъ осталось на снѣгу, посреди своихъ погорѣвшихъ деревень, безъ крова и пищи, въ странѣ, откры-

той просѣкой постояннымъ вторженіямъ съ нашей стороны. Они поняли невозможность отстаивать противъ насъ занимаемыя ими мѣста.

Въ апрѣлѣ генералъ Бабичъ двинулся съ отрядомъ къ сліянію Бакана и Неберджая, для довершенія адагумской линіи устройствомъ въ этомъ пунктѣ четвертаго укрѣпленія. Горцы рѣшились употребить всѣ, зависѣвшія отъ нихъ усилія, чтобы не допустить насъ утвердиться въ этомъ мѣстѣ. Сеферъ-Бей съ 15-ю тысячами шапсуговъ, натухайцевъ и убыховъ окружилъ лагерь генерала Бабича, но понеся нѣсколько частныхъ пораженій, долженъ былъ отступить. Горское скопище разошлось по домамъ и въ августѣ генералъ Бабичъ довершилъ предпринятыя работы, тревожимый только по временамъ мѣстными жителями. Вслѣдъ затѣмъ адагумскій отрядъ занялся постройкою башенъ на Известковой скалѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ укрѣпленія Крымскаго.

Раззоренные зимой бжедухи. видя безнадежность своего положенія, прислали въ іюнѣ депутацію къ генералу Филипсону, просить о принятіи ихъ въ подданство Его Императорскаго Величества. Дворянство этого племени, давно лишившееся своихъ правъ и жившее въ отдѣльномъ аулѣ, нѣсколько времени еще медлило, но потомъ также покорилось. Бжедухамъ приказано осенью выселиться на лѣвый берегъ Кубани и устроиться большими аулами не менѣе 300 дворовъ. Въ тоже время приняты мѣры для подчиненія ихъ управленію, систематически сообразованному съ народными нуждами и потребностями русской власти.

Кровавыя потери трехъ-лѣтней войны, изнуреніе отъ постоянныхъ сборовъ для сопротивленія настойчивому наступленію съ нашей стороны, примѣръ бжедуховъ и болѣе всего паденіе мюридизма на восточномъ Кавказѣ, произвели сильное впечатлѣніе на умы адыгскихъ обществъ, сосѣднихъ съ нами предѣлами. Онѣ поняли, что сопротивленіе будетъ имъ становиться со дня на день разорительнѣе и невозможнѣе. Въ началѣ осени племена между Лабою и Бѣлою: темиргоевцы, махошевцы, егерукавцы, бесленеевцы, закубанскіе кабардинцы, шахчиреевцы, одни за другими принесли покорность; покуда въ этой части края оставались вольными только бараковцы и баговцы. Въ концѣ октября для возведенія предположеннаго укрѣпленія на берегу Хамкеты въ укрѣпленіи Каладжинскомъ

собрался отрядъ, подъ личнымъ начальствомъ командующаго войсками генерала Филипсона. Въ началѣ ноября отрядъ расположился лагеремъ на Хамкеты и приступилъ къ расчисткѣ мѣстности. Въ это время могущественный народъ абадзеховъ прислалъ къ генералу Филипсону своихъ выборныхъ и просилъ о перемиреніи. По истеченіи даннаго абадзехамъ срока, въ лагерь на р. Хамкеты явился Мегметъ Аминъ съ главными народными старшинами и толпою до 2,000 всадниковъ. 20-го ноября абадзехскіе выборные приняли присягу на вѣрноподданство Его Императорскому Величеству, на условіи, чтобы вѣра, народныя права и земля ихъ оставались неприкосновенными, чтобы на нихъ не были налагаемы ни подати, ни обязанность военной службы. Абадзехскій народъ далеко еще не былъ вынужденъ къ покорности оружіемъ, а потому генералъ Филипсонъ, считая замиреніе абадзехскаго племени чрезвычайно важнымъ для насъ событіемъ, въ какихъ бы обстоятельствахъ оно ни было совершено, почелъ себя обязаннымъ согласиться на эти условія.

Вмѣстѣ съ абадзехами покорились баракаевцы. Во всей восточной половинѣ праваго крыла, до предѣловъ шапсуговъ, горское населеніе признало надъ собою русскую власть.

Въ продолженіи трехъ истекшихъ лѣтъ, генералъ Филипсонъ принималъ дѣятельныя мѣры къ прекращенію контрабанды на восточномъ берегу. Предшествовавшая война развила ее въ огромномъ размѣрѣ и въ первое время, при недостаткѣ морскихъ средствъ, трудно было ограничить ее. Изъ Турціи доставляли горцамъ военные припасы, пушки и даже привезли отрядъ флибустьеровъ. На берегу были заведены укрѣпленныя факторіи, какъ Геленджикская и Туапсе, взятыя съ боя и разрушенныя нашимъ десантомъ; но впослѣдствіи, съ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ о морскихъ силахъ на восточномъ берегу, контробандная торговля, если не прекращена, то ослаблена и приняла болѣе безвредный для насъ характеръ.

Малочисленность войскъ, занимающихъ обширный и совсѣмъ еще не устроенный край между Черноморскимъ прибрежьемъ и Сурамскимъ хребтомъ, заставляла ограничиваться въ кутаисскомъ генералъ-губернаторствѣ полумѣрами, до тѣхъ поръ, пока развязка дѣла на восточномъ Кавказѣ позволила обратить излишекъ силъ въ эту сторону. Отдѣльное географиче-

ское положеніе кутаисскаго генералъ-губернаторства, отрѣзаннаго отъ прочаго Закавказья горами и подверженнаго нападенію съ моря, важность этой страны какъ передоваго поста, защищающаго все намѣстничество отъ возможнаго покушенія со стороны Европы и какъ военнаго основанія для предстоящаго занятія восточнаго берега Чернаго моря, настоятельно требуютъ особеннаго вниманія и значительныхъ средствъ. Непокорные горцы, сосѣдніе съ генералъ-губернаторствомъ, могли бы быть, можетъ статься, приведены къ нѣкоторой степени покорности безъ особенныхъ усилій, но мы не имѣли тамъ досихъ поръ достаточныхъ средствъ не только для дѣйствія, но даже для угрозы или для поддержанія партій, склоняющихся на нашу сторону. Матеріальная разработка края, совершенно для насъ необходимая, производилась только урывками. До настоящаго времени кавказская армія не могла отдѣлить на черноморское прибрежье ни одного лишняго баталіона и оттого всѣ правительственныя дѣйствія въ этомъ краѣ необходимо носили характеръ полумѣръ.

Главное вниманіе въ кутаисскомъ генералъ-губернаторствѣ было обращено на водвореніе порядка въ полупокорныхъ или не совсѣмъ еще покойныхъ, прилегающихъ къ нему земляхъ: Абхазіи, Цебельдѣ и Сванетіи. Первая страна была занята въ прежнихъ ея предѣлахъ возобновленіемъ укрѣпленія Гагры. Въ Цебельдѣ также основано укрѣпленіе подъ названіемъ Цебельдинскаго. Смуты, происходившія въ Сванетіи, вслѣдствіе домашней распри князей Дадишкиліановыхъ, окончены удаленіемъ изъ края старшей отрасли этой фамиліи, бывшей причиною безпорядковъ. Вольная Сванетія, долго считавшаяся недоступной, осмотрѣна и приведена въ покорность двукратнымъ движеніемъ нашихъ отрядовъ въ 1857 и 1858 годахъ. Военные пути въ пространствѣ генералъ-губернаторства устраивались насколько позволяла ограниченность средствъ. Дорога, соединяющая Кутаисъ съ Тифлисомъ, чрезъ Сурамскій перевалъ два года сряду, разработывалась тульскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Въ прошедшемъ 1858 году трасирована дорога изъ Сухумъ-Кале въ Кутаисъ внутренними землями, чтобы избѣжать сосѣдства съ моремъ, не находящимся въ нашемъ исключительномъ обладаніи. Наконецъ продолжается разработка военно-осетинской дороги по Мамисонскому ущелью, цѣль которой соединить прямымъ путемъ Кавказскую линію съ Кутаи-

сомъ. Назначеніе этой дороги весьма важно, потому что въ случаѣ внѣшней войны можно будетъ, не разрывая силъ, защищать кутаисское генералъ-губернаторство къ линіи, гдѣ войска постоянно расположены въ значительномъ числѣ.

Изъ этого отчета, можно усмотрѣть, что на западномъ Кавказѣ, не смотря на ограниченность средствъ, которыми начальство этихъ странъ могло располагать, по счастливому сочетанію обстоятельствъ и неослабной настойчивости съ нашей стороны, сдѣлано больше, чѣмъ предполагалось по первоначальной программѣ. Паденіе Шамиля такъ сильно подѣйствовало на горцевъ западнаго Кавказа, что половина ихъ покорилась ранѣе рѣшительнаго наступленія противъ нихъ. Противъ остальной половины были предприняты энергическія дѣйствія. Главнокомандующій распорядился, чтобы къ веснѣ силы праваго крыла были подкрѣплены 16-ю стрѣлковыми ротами съ каждой изъ дивизій: 20-й, 21-й и гренадерской, стрѣлковыми ротами линейныхъ батальоновъ лѣваго крыла и Прикаспійскаго края и 3-мя драгунскими полками съ соотвѣтственной артиллеріей; силы кутаисскаго генералъ-губернаторства стрѣлковыми ротами закавказскихъ линейныхъ батальоновъ. При испытанномъ мужествѣ кавказскихъ войскъ, при опытности и энергіи начальниковъ и при счастіи, сопровождающемъ въ этой странѣ побѣдоносное оружіе русскихъ можно было надѣяться, что черезъ нѣкоторое время остальныя непокорныя племена западнаго Кавказа будутъ у ногъ Его Величества и громъ оружія навсегда замолкнетъ въ этой части россійской имперіи.

Безпрерывные походы трехъ истекшихъ годовъ сопровождались необыкновенно малою потерею въ людяхъ, сравнительно съ предшествовавшими періодами кавказской войны. Главнѣйше это объясняется успѣхомъ, непокидавшимъ оружіе русскихъ; побѣда всегда стоитъ меньше, чѣмъ нерѣшенное дѣло. Но кромѣ того двѣ причины обусловливали и самый успѣхъ и малую потерю. Во-первыхъ, нарѣзное оружіе. До сихъ поръ горцы, стрѣляя изъ винтовокъ, имѣли перевѣсъ надъ нами въ дальности и вѣрности огня. Наши войска, вооруженныя разстрѣлянными кремневыми ружьями, не могли мѣтить въ отдѣльныхъ людей, а довольствовались тѣмъ, что осыпали пулями лежащее предъ собой пространство. Горцы, дѣйствуя на мѣстности пересѣченной, не боялись

такого огня и держались довольно близко къ нашимъ цѣпямъ, чтобъ бить людей навѣрное. Вооруженіе стрѣлковыхъ частей нарѣзными ружьями и обученіе ихъ прицѣльной стрѣльбѣ сейчасъ же измѣнили это отношеніе. Внѣ лѣса, горцы, поражаемые мѣткимъ огнемъ, должны были вести перестрѣлку издалека; а мѣстность со стороны Лезгинской линіи и Прикаспійскаго края состоитъ почти вездѣ изъ скалистыхъ, но голыхъ горъ. Даже въ лѣсахъ Чечни и Закубанскаго края первый приступъ къ рубкѣ просѣки въ нѣсколько часовъ значительно раскрывалъ мѣстность и возвращалъ нарѣзному оружію его превосходство.

Во-вторыхъ, причиною малой потери была правильная система войны и дѣйствительное искуство, выказанное главными начальниками, избранными изъ опытнѣйшихъ кавказскихъ генераловъ, въ управленіи боевымъ дѣйствіемъ войскъ. Причиною кровавыхъ потерь предшествующаго періода всегда были набѣги и всѣ однородныя съ ними дѣйствія, въ какомъ бы размѣрѣ онѣ не предпринимались. Когда наши войска вступали въ непокорный край не съ тѣмъ, чтобы раскрыть и занять пройденную мѣстность, но въ надеждѣ нанести пораженіе неуловимому врагу, посреди его дикихъ убѣжищъ и тѣмъ потрясти его нравственно, послѣдствіемъ всегда бывало ожесточеніе горцевъ и сотни, иногда тысячи убитыхъ и раненыхъ съ нашей стороны при отступленіи. По военному плану, принятому съ 1856 года, походы въ горы предпринимались не иначе какъ для выполненія точно опредѣленной матеріальной цѣли, съ обширностію которой заранѣе были соображены всѣ средства экспедиціи; при каждомъ шагѣ впередъ мы устанавливали постоянное сообщеніе съ своимъ тыломъ и ограничивали походъ прочнымъ занятіемъ одной какой-либо мѣстности. При такой системѣ, съ нашей стороны не могло быть ни рискованныхъ дѣлъ, ни отступленія; войска возвращались назадъ по открытымъ дорогамъ, чрезъ край уже покоренный и горцамъ оставалось только прямое сопротивленіе съ лица, къ чему, при тактическомъ превосходствѣ нашихъ войскъ, даже въ горахъ не много мѣстностей вполнѣ пригодныхъ. Такого образа дѣйствій неизмѣнно держались въ Прикаспійскомъ краѣ, на правомъ и лѣвомъ крылѣ. Исключеніе было только на Лезгинской линіи, гдѣ совершены три похода для разоренія враждебныхъ племенъ, потому что съ южной стороны на-

бѣгъ былъ единственный возможный образъ дѣйствія противъ непріятеля, живущаго за становымъ хребтомъ. Для прикрытія Кахетіи и Джаро-бѣлоканской области необходимо было содержать значительное число войскъ, которыя, лѣтомъ, гораздо лучше ограждали край, находясь въ самыхъ горахъ, чѣмъ у ихъ подошвы.

Опытность и искуство соображеній главныхъ начальниковъ также сильно способствовали уменьшенію нашей потери. Если не много позицій, даже въ горахъ, на которыхъ здѣшній непріятель можетъ устоять противъ хорошо направленной атаки, то много такихъ, гдѣ онъ можетъ нанести намъ чувствительную потерю. Обмануть горцевъ и пройти къ пункту, составляющему цѣль движенія, не тѣмъ путемъ, на которомъ они приготовлялись насъ встрѣтить, весьма трудно въ такой недоступной мѣстности, какъ кавказская и, однакожъ, это часто удавалось, благодаря распорядительности начальниковъ. На лѣвомъ крылѣ, гдѣ сосредоточивались главныя усилія и съ нашей и съ непріятельской стороны, не смотря на смѣлые походы въ самую глубь горъ, положительно можно сказать, что Графъ Евдокимовъ ни разу не далъ горцамъ случая встрѣтиться съ нами тамъ, гдѣ они къ этому готовились и гдѣ это могло быть для нихъ выгодно. Самыя сильныя позиціи, занятыя скопищами Шамиля, падали почти безъ сопротивленія, вслѣдствіе вѣрно расчитанныхъ маневровъ. Послѣ Ахульго, Салтовъ, Гергебиля и Чоха, осады которыхъ, иногда даже неудачныя, стоили тысячъ людей, завоеваніе Веденя, въ которомъ Шамиль сосредоточилъ всѣ средства для самой рѣшительной обороны, обошлось намъ въ 26 чел. убитыми и ранеными. Также точно и прошлогоднія дѣйствія генералъ-адъютанта барона Врангеля, которому приходилось преодолѣвать открытою силою такія препятствія, какъ бездна Андійскаго Койсу и укрѣпленный подъемъ на Ахкентскій хребетъ, обошлись намъ чрезвычайно дешево, хотя по другой причинѣ,—по чрезвычайной энергіи исполненія, изумлявшей и предупреждавшей непріятеля.

Изложенныя причины: правильная система войны, искусныя распоряженія главныхъ начальниковъ и распространеніе въ войскахъ нарѣзнаго оружія, уменьшили нашу потерю въ кавказской войнѣ до незначительной цифры. Въ свою очередь эта незначительность потери и рѣшеніе дѣла маневрами, со-

ставляютъ одну изъ главныхъ причинъ нашего успѣха. Горцевъ нельзя было испугать боемъ. Непрерывный бой довелъ ихъ до той степени увѣренности, что нѣсколько десятковъ человѣкъ не боялись завязывать дѣло съ колонною въ нѣсколько баталіоновъ и отвѣчая однимъ выстрѣломъ на сто нашихъ, наносили намъ гораздо большую потерю, чѣмъ мы имъ. Бой доказываетъ равенство силы и пока горцы могли биться, они не думали о покорности. Но когда они столько разъ увидѣли на опытѣ, что имъ не предоставляютъ даже случая сопротивляться, оружіе стало выпадать изъ ихъ рукъ. Пораженные, они снова собрались бы на другой день. Но обойденные и принужденные разсѣятся безъ боя, видя свои долины занятыми безъ сопротивленія, они на другой день приходили съ изъявленіемъ покорности. Могущество Шамиля подрывалось болѣе всего сборомъ безполезныхъ скопищъ, которыя должны были разойтиться по домамъ, не оказавъ нигдѣ серіознаго сопротивленія.

Послѣдніе три года, не смотря на безпрерывные походы и покореніе многочисленнаго горскаго населенія, принадлежатъ къ числу тѣхъ годовъ кавказской войны, въ продолженіе которыхъ всего менѣе пролито крови вѣрныхъ воиновъ Его Императорскаго Величества.

ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

ВЪ ЗАПАДНОМЪ КАВКАЗѢ.

Его Императорскому Величеству угодно было назначить Барятинскаго главнокомандующимъ отд. кавказскимъ корпусомъ осенью 1856 г., послѣ трехъ-лѣтняго перерыва наступательныхъ дѣйствій въ горахъ, вынужденнаго заграничною войною. Во все это время вниманіе правительства и силы кавказскаго корпуса были устремлены на внѣшнія дѣла. Ввѣряя Барятинскому начальство на Кавказѣ, Его Императорское Величество выразили ему свою волю: употребить всѣ усилія, чтобы искоренить внутренняго врага изъ нѣдръ кавказскаго намѣстничества. Для достиженія этой цѣли ему велено сосредоточить на Кавказѣ силы, съ которыми можно было предпринять рѣшительное наступленіе. Войска кавказскаго корпуса были усилены пѣхотными

дивизіями 18 и 19 (въ послѣдствіи замѣненною кавказскою резервною) и тремя новыми драгунскими полками.

Предшествовавшая война разъяснила наше положеніе на Кавказѣ и доказала очевидно, что оно всегда будетъ шатко, наши средства для заграничной азіятской кампаніи недостаточны *), пока мы не подавимъ образовавшагося въ нашемъ тылу союза непокорныхъ горскихъ племенъ. Съ другой стороны, окончившаяся война произвела замѣтное колебаніе въ умахъ горцевъ, ждавшихъ отъ нея полнаго торжества; имъ опять приходилось бороться однимъ, не видя конца ряду своихъ жертвъ. Но это впечатлѣніе не могло охладить на долго такихъ воинственныхъ людей, еслибъ имъ дали отдохнуть и собраться съ силами. По обѣимъ причинамъ, надобно было немедленно открыть наступленіе и вести его самымъ рѣшительнымъ образомъ; смотрѣть на кавказскую войну, не какъ на домашнее дѣло, но какъ на войну.

Исполняя волю Государя, главнокомандующій дѣйствовалъ съ возможною настойчивостію въ продолженіи всего истекшаго трехлѣтія. Провидѣніе благословило наше оружіе. Нынѣ восточный Кавказъ и половина западнаго повергнуты къ стопамъ Его Императорскаго Выличества.

Первыя усилія Барятинскій считалъ необходимымъ обратить противъ восточной группы непокорныхъ горъ, наиболѣе угрожавшей нашему тылу. Изъ 7-ми бригадъ, составлявшихъ до 1856 г. отдѣльный кавказскій корпусъ, 6-ть были постоянно обращены противъ этой части непріятеля, что ясно доказывало его относительную важность. Западные горцы не слились еще въ одинъ общій союзъ и страна ихъ лежитъ въ углу Кавказскаго намѣстничества, между русскимъ населеніемъ линіи и грузинскимъ населеніемъ Кутаисскаго генералъ-губернаторства. Адыги, занимая морской берегъ, могутъ имѣть сношенія съ внѣшними врагами, этимъ они опасны; но за то, овруженные сплошною массою христіанскаго населенія, они не могутъ ни кого возмутить вокругъ себя и для насъ вредны только ихъ хищничества. Восточные горцы образовали одно политическое тѣло, угрожали близкимъ сосѣдствомъ военно-грузинской дороги нашему единственному сообщенію чрезъ горы и своимъ центральнымъ положеніемъ

*) Законное вліяніе Россіи на сопредѣльныя мусульманскія государства слабо.

посреди мусульманской части намѣстничества составляли для насъ дѣйствительную опасность, которая чувствовалась всего болѣе во время внѣшней войны. По этому нужно было направить первый ударъ противъ мюридовъ восточнаго Кавказа, не щадя жертвъ и соразмѣряя усилія съ потребностями войны, а противъ западныхъ горъ оставить, до низложенія Шамиля, только необходимое число войскъ и сообразовать тамъ покуда наступательныя дѣйствія съ ограниченными средствами наличныхъ силъ.

Новое раздѣленіе Кавказа, послѣдовавшее въ Августѣ 1856 года, придало главнымъ военнымъ отдѣламъ достаточную самостоятельность для веденія войны своими собственными силами, не занимая ихъ изъ сосѣднихъ отдѣловъ. Прикомандированныя дивизіи 13-я и 18-я были размѣщены слѣдующимъ образомъ: 18-я оставлена за Кавказомъ для усиленія войскъ Лезгинской линіи и для производства дорожныхъ работъ, которыя нужно было вести самымъ спѣшнымъ образомъ, пользуясь наступившимъ миромъ, чтобъ не быть поставленными опять въ то критическое положеніе, въ какомъ находился кавказскій корпусъ въ 1855 году.—2 полка 13 дивизіи расположены были на правомъ крылѣ, гдѣ мѣстныхъ войскъ было недостаточно для наступленія въ предположенныхъ размѣрахъ 2 полка—на лѣвомъ крылѣ, откуда мы должны были проложить себѣ дорогу въ глубь горъ. Затѣмъ, войска не передвигались уже, ежегодно, какъ бывало прежде, изъ одного конца края въ другой, кромѣ 2 баталіоновъ, ходившихъ двѣ зимы сряду изъ Прикаспійскаго края въ смѣжную часть. Такъ было все время, пока происходила въ горахъ, попрежнему, методическая война. Но въ послѣдній періодъ, переходя къ рѣшительному наступленію, Барятинскій сосредоточилъ на главныхъ пунктахъ всѣ войска, какими въ то время могъ располагать.

Военныя дѣйствія на восточномъ кавказѣ.

Тридцатилѣтняя война противъ мюридизма давно уже уяснила относительное наше положеніе и непріятельское. Надобно было только воспользоваться опытомъ. Барятинскій рѣшился нанести непокорнымъ горцамъ главный ударъ съ сѣверной стороны, наступая на нихъ, въ тоже время и съ другихъ предѣловъ.

На Лезгинской кордонной линіи, горцы ограждены становымъ хребтомъ Кавказа, чрезъ который сообщеніе существуетъ только въ лѣтніе мѣсяцы. Забросить нѣкоторыя части войскъ по ту сторону горъ, посреди сплошнаго лезгинскаго населенія, было невозможно пока горскій союзъ не былъ потрясенъ въ основаніи.

Въ Дагестанѣ было настоящее гнѣздо мюридизма. Фанатическое населеніе этой части горъ, была совершенно порабащено духовною властію, и потому трудно было ждать, чтобы разложеніе религіознаго союза горцевъ началось съ этой стороны. Покорять же открытою силою одну крѣпость за другою стоило бы чрезмѣрныхъ усилій, какъ это доказали безплодныя экспедиціи десятилѣтняго періода съ 1839 по 1849 годъ. Кромѣ того, чтобы успѣшно наступать въ Дагестанѣ, прежде всего надобно было прочно связать его, для совокупности дѣйствій съ лѣвымъ крыломъ занятіемъ, разъединявшей ихъ Салатавіи.

На лѣвомъ крылѣ, особенно въ пространствѣ, занимаемомъ прежде лѣвымъ флангомъ, еще при покойномъ генералъ-фельдмаршалѣ князѣ Воронцовѣ пріобрѣтены были значительные успѣхи. Чеченское племя, населяющее сѣверную сторону горъ и составлявшее половину покорнаго Шамилю народа, хотя самое воинственное изъ горцевъ, далеко не было увлечено въ такой степени какъ лезгины фанатическимъ ученіемъ мюридизма, сохраняло гораздо болѣе независимости въ личномъ характерѣ и общественномъ быту и удерживалось въ повиновеніи лже-пророка больше страхомъ и привычкою, чѣмъ убѣжденіемъ. Успѣхи нашего оружія должны были сильнѣе отозваться въ этомъ шаткомъ населеніи и распаденіе горскаго союза всего легче могло начатся отсюда. Можно было основательно расчитывать, что прорубившись сквозь лѣса, составляющіе оборону чеченцевъ съ сѣвера, мы скоро проникнемъ вглубь горъ, гдѣ и жители не такъ воинственны и меньше искуственныхъ преградъ и такимъ образомъ зайдемъ въ тылъ крѣпостямъ, которыми горцы оградили свои предѣлы съ восточной стороны.

По этимъ соображеніямъ Барятинскій опредѣлилъ планъ дѣйствій: Со стороны Прикаспійскаго края прежде всего прочно утвердиться въ Салатавіи, чтобы связать стратегически дагестанскія и чеченскія войска и имѣть опорный пунктъ въ самыхъ горахъ; со стороны лезгинской линіи ежегодно раззорять непокорныя

общества и довести ихъ къ рѣшительной минуты до безсилія; со стороны лѣваго крыла овладѣть плоскостію и оттуда съ значительными силами ворваться въ глубь горъ. Совершить каждое лѣто и зиму что позволяютъ силы наличныхъ войскъ, приготовляя въ каждомъ текущемъ походѣ точку отправленія для слѣдующаго.

Предпринимая покореніе горъ, надобно было отказаться отъ методическихъ привычекъ предшествовавшаго періода: строить города на всякой, вновь занимаемой позиціи; послѣдствіемъ чего бывало только продолжительное бездѣйствіе и изнуреніе войскъ, исключительно занятыхъ работами, и созданіе искуственно важныхъ пунктовъ, которые потомъ было жаль бросить для новаго движенія впередъ, расчитывая чего они стоили. Барятинскій рѣшился принять другой образъ дѣйствій, основываться прочно только на пунктахъабсолютно важныхъ, за которыми остается военное и административное значеніе и послѣ покоренія горъ; въ пунктахъ же, занимаемыхъ временно въ военныхъ видахъ устраивать укрѣпленные лагери, валъ съ пушками,—и посреди разполагать войска въ баракахъ, алжирскихъ домикахъ, или въ калмыцкихъ кибиткахъ, вознаграждая неудобство помѣщенія усиленною порціею. При первой возможности занимать новую позицію впереди и, окопавшись на ней, переносить туда подвижныя жилища. Эта система дала намъ возможность ввести въ дѣло массу войскъ, прикованную до тѣхъ поръ къ работамъ и расчитывать свои шаги впередъ не годами, нужными для устройства прочной осѣдлости, а мѣсяцами.

Я прибылъ къ арміи глубокою осенью въ октябрѣ 1856 года. Въ Прикаспійскомъ краѣ и на Лезгинской линіи въ этомъ году уже нельзя было предпринять наступленія. Я употребилъ войска, занимавшія Лезгинскую линію, на рубку просѣкъ сквозь лѣса, покрывающіе южный склонъ главаго хребта. Намъ нужно было открыть въ нихъ сообщенія и для движеній въ горы, и для того, чтобы связать между собою оборонительные пункты нашей кордонной линіи, и чтобъ облегчить передовой стражѣ преслѣдованіе абрековъ. Для послѣдней цѣли также организована вновь въ большемъ, противъ прежняго, составѣ партизанская команда. Въ Прикаспійскомъ краѣ Барятинскій приказалъ заготовлять матеріальныя средста для устройства въ Салатавіи, будущимъ лѣтомъ, штабъ-квартиры дагестанскаго полка.

Военныя дѣйствія можно было открыть въ теченіе зимы только на лѣвомъ крылѣ.

Нѣсколькими походами въ глубь большой Чечни, продолжавшимися съ промежутками отъ начала декабря до конца марта 1857 года, генералъ Евдокимовъ докончилъ просѣки, начатыя въ этой странѣ еще въ 1850 году и раскрылъ чеченскія дебри широкими путями отъ Воздвиженскаго до Куринскаго и поперегъ, отъ русской дороги къ Бердыкелю и къ устью Сунжи, кромѣ другихъ, менѣе значительныхъ. При выходѣ Басса изъ горъ устроенъ укрѣпленный Шалинскій лагерь. Въ тоже время кумыкскій отрядъ подъ начальствомъ генералъ-барона Николаи, сбилъ непріятельскія укрѣпленія въ Гойтемиръ Кану, ограждавшія Аухъ. Населеніе Чечни было еще оставлено на текущее лѣто, въ своихъ лѣсныхъ хуторахъ, съ тѣхъ поръ какъ просѣки раскрыли страну въ столькихъ направленіяхъ, его съ первою же осенью можно было принудить къ покорности.

На лѣто остановлены военныя дѣйствія на лѣвомъ крылѣ. Эта часть нашихъ линій должна была служить основаніемъ для главнаго наступленія и для того надобно было устроить ее сообразно съ цѣлію. Мелкія укрѣпленія, воздвинутыя разновременно и остававшіяся въ тылу по мѣрѣ нашего движенія впередъ, отвлекали значительное число войскъ въ ненужные гарнизоны. Лѣтомъ 1857 года упразднены укрѣпленія: Бумутское, Горячеводское и Тепликичу; редуты: Ачхоевскій и Натхоевскій. Въ большой Кабардѣ упразднено укрѣпленіе Баксанское. Въ Хоби-Шавдонѣ, на непріятельской сторонѣ Качкалыковскаго хребта, заложено новое укрѣпленіе. Для окончанія Сунженской линіи устроены станицы. Чертугаевская и Горячеводская и открытъ свободный проѣздъ въ Грозную, безъ военнаго прикрытія. Полки: Навагинскій и Тенгинскій предположено вывести изъ Владикавказа, гдѣ они были слишкомъ удалены отъ центра военныхъ дѣйствій; но лѣтомъ 1857 года выведенъ только Навагинскій и временно расположенъ въ ст. Слѣпцовской. Занимаясь обширными работами по внутреннему устройству, войска лѣваго крыла должны были въ тоже время поддерживать, по мѣрѣ надобности, дагестанскій отрядъ, вступившій въ Салатавію.

Въ іюнѣ генералъ князь Орбеліянъ перешелъ Теренгульскій оврагъ и обезпечивъ предварительно свое сообщеніе по мѣстно-

по окончаніи зимнихъ дѣйствій, онъ долженъ былъ въ сборѣ дожидаться лѣтней экспедиціи. Въ этомъ промежуткѣ времени упразднены укрѣпленія Урусъ-Мартонъ и Куринское, сдѣлавшіяся не нужными послѣ покоренія чеченской плоскости.

Между тѣмъ начались безпокойства въ Военно-осетинскомъ округѣ. Давно покорное общество назрановцевъ и полупокорныя общества галашевцевъ, карабулаковъ и ингушей находились въ самомъ безпорядочномъ состояніи и держали у себя открытый притонъ разбойникамъ. Положено было ввести у нихъ устройство, существующее съ такою очевидною пользою у мирныхъ чеченцевъ и для того поселить ихъ большими аулами. Назрановцы взбунтовались, возмутили сосѣдей и призвали Шамиля. Быстрыя мѣры, принятыя генераломъ Евдокимовымъ подавили бунтъ въ зародышѣ, скопище Шамиля было разбито подъ Ачхоемъ. Не смотря на временное отвлеченіе войскъ къ сторонѣ Назрана лѣтняя экспедиція началась, какъ было предположено, 1 іюля. Главный отрядъ былъ сосредоточенъ въ новомъ укрѣпленіи Аргунскомъ. Удерживая демонстраціями непріятельское скопище на Даргилъ-Дукѣ, генералъ Евдокимовъ внезапно двинулся чрезъ хребетъ Мескенъ-Дукъ и занялъ внутреннюю опушку лѣснаго пояса, ограждающаго нагорную Чечню. Здѣсь онъ остановился, чтобы проложить прочное сообщеніе въ своемъ тылу и расчистить впереди дорогу къ Татоевской долинѣ, владѣніе которой предавало нашей власти все теченіе Аргуна.

Тѣмъ временемъ войска кавказской арміи двинулись въ горы съ восточной и южной стороны. Баронъ Вревскій перешелъ становой хребетъ и вступилъ въ общество Капучу, генералъ адъютантъ баронъ Врангель сдѣлалъ наступленіе съ Буртуная къ Мичикалу, разрушая непріятельскіе завалы. Горцы должны были раздѣлиться; но Шамиль не ошибся въ опредѣленіи отряда, наиболѣе угрожавшаго ему и сосредоточилъ главныя силы подъ своимъ личнымъ начальствомъ, на берегу Аргуна. Во что бы ни стало онъ хотѣлъ остановить наше движеніе Горцы укрѣпили сильную варандинскую позицію, прикрывавшую Шатой. Но не полагаясь достаточно на исходъ боя въ какой бы то ни было крѣпкой позиціи, Шамиль хотѣлъ вынудить отступленіе чеченскаго отряда диверсіей: съ половиною своихъ силъ онъ устремился въ Военно-осетинскій округъ, гдѣ еще волновалось недавно усмиренное населеніе. Мѣры противъ

покушеній непріятеля были приняты заранѣе. Въ одинъ и тотъ же день генералъ Мищенко разбилъ Шамиля подъ Аки-Юртомъ, около Владикавказа, и генералъ Евдокимовъ, пользуясь отсутствіемъ предводителя, взялъ штурмомъ варандинскую позицію и занялъ Шатой. Разсѣянные остатки горскаго скопища бѣжали въ Дагестанъ.

Съ этого дня началось мирное покореніе Аргунскаго края однимъ движеніемъ нашихъ войскъ впередъ, безъ боя. Общества, обитающія въ верховьяхъ Аргуна, сами возстали противъ угнетавшаго ихъ мюридизма, стали рѣзать своихъ духовныхъ и начальниковъ, поставленныхъ Шамилемъ и одно за другимъ приносили добровольную покорность. Въ концѣ сентября все населеніе горнаго пространства отъ Владикавказа до Шаро-Аргуна приняло подданство Его Императорскаго Величества. Занятіе края упрочено устройствомъ разработанной дороги и возведеніемъ укрѣпленій: Закахъ, Шатоевскаго (куда переведена штабъ-квартира навагинскаго пѣхотнаго полка) и евдокимовскаго.

Лезгинскій отрядъ вступилъ въ горы во второй половинѣ іюня и проникъ въ самую глубь ущелій, никогда еще невиданныхъ русскими. Въ продолженіи полутора мѣсяца, генералъ Вревскій раззорилъ до основанія болѣе сорока крѣпкихъ ауловъ, принадлежавшихъ семи обществамъ Антраклъ. Войскамъ приходилось бороться съ неимовѣрными трудностями, дѣлать усиленные переходы въ мѣстности едва приступной и почти ежедневно штурмовать завалы и башни, занятые ожесточеннымъ непріятелемъ. Къ сожалѣнію, этотъ блестящій походъ стоилъ намъ жизни отважнаго барона Вревскаго, смертельно раненаго при штурмѣ аула Кишури. Экспедиція отъ этого впрочемъ не остановилась: принявшій начальство надъ отрядомъ полковникъ Коргановъ докончилъ истребленіе немногихъ деревень, уцѣлѣвшихъ на восточной границѣ дидойцевъ отъ прошлогодняго похода. Разоряемые два года сряду горцы поколебались. Изъ Анкратля и Дидо 4,000 душъ принесли покорность и сошли съ горъ въ наши предѣлы. Въ Кахетіи водворилось спокойствіе, прежде тамъ неслыханное.

Въ продолженіи этой экспедиціи другой небольшой отрядъ дѣйствовалъ со стороны Хевсуріи, привелъ къ покорности племя Маистовъ и разработалъ дорогу чрезъ становой хребетъ

къ истоку Чанты-Аргуна, на встрѣчу пути, пролагаемаго генераломъ Евдокимовымъ.

Кромѣ того на Лезгинской линіи совершены въ теченіе 1857 и 1858 годовъ обширныя работы: устройство въ Лагодехи штабъ-квартиры тифлисскаго гренадерскаго полка и въ царскихъ колодцахъ—переяславскаго драгунскаго; выстроены 4 башни на передовой линіи и вырублены широкія просѣки у подошвы горъ.

Въ Прикаспійскомъ краѣ главное вниманіе было обращено на прочное утвержденіе нашего владычества въ Салатавіи и на защиту длинной пограничной черты отъ вторженій непріятеля. Занятіе Салатавіи, необходимое въ общемъ планѣ дѣйствій, приковало временно значительныя силы къ сѣверо-западному углу Дагестана, откуда онѣ не могли дѣятельно способствовать оборонѣ другихъ частей края; для достиженія этой цѣли надо было выставить самостоятельные отряды и такимъ образомъ раздѣлить силы Прикаспійскаго края и ослабить ихъ наступательныя дѣйствія. Находясь большую часть времени въ Салатавіи, генералъ-адъютантъ баронъ Врангель окончилъ работы по возведенію штабъ-квартиры дагестанскаго полка, устроилъ укрѣпленіе въ Мямлахъ, разработалъ дорогу между этими пунктами и вырубилъ нѣсколько просѣкъ для безпрепятственнаго сообщенія изъ Буртуная въ разныя стороны. Набѣги непріятеля для грабежа и возмущенія спокойствія въ краѣ были всѣ до одного отбиты съ урономъ для него.

Съ роспускомъ отрядовъ окончились наступательныя дѣйствія 1858 года въ Прикаспійскомъ краѣ и на Лезгинской кордонной линіи. Но войскамъ лѣваго крыла предстояли еще великіе труды. Занимая обширное завоеванное пространство, они должны были раскрыть его дорогами, окончить заложенныя укрѣпленія, привести къ полному повиновенію разбойничье населеніе обществъ, сопредѣльныхъ съ военно-осетинскимъ округомъ и потомъ совершить походъ для покоренія Ичикеріи. Направляя главныя усилія со стороны лѣваго крыла, его подкрѣпили, для избѣжанія изнуренія войскъ, 3-мя баталіонами: кавказской гренадерской, и 5-й и 18-й пѣхотной дивизій.

Въ ноябрѣ генералъ Евдокимовъ приступилъ къ расчищенію лѣснаго пространства между Назраномъ и Шатоемъ. Просѣки сдѣланы во всю длину и ширину Галашевскихъ земель.

Чтобы не изнурять войскъ дѣйствіями противъ мелкихъ разбойниковъ, генералъ Евдокимовъ поручилъ Наибу недавно покоренной Малой Чечни вступить въ горы съ 2,000 всадниковъ и силою привести къ повиновенію аулы, разбросанные по лѣсамъ. Жители покорились и почти всѣ выселены на плоскость, также какъ населеніе галашевцевъ и карабулаковъ. Просѣка отъ Алы къ Миреджи докончила продольное сообщеніе чрезъ горы изъ Шатоя въ Военно-осетинскій округъ.

Сильные сборы непріятеля заставили генерала Евдокимова возвратиться въ Чечню. Шамиль хотѣлъ воспользоваться удаленіемъ главнаго отряда въ Военно-осетинскій округъ, чтобы вторгнуться въ край, отнятый у него прошедшимъ лѣтомъ. Части своихъ силъ онъ поручилъ захватить тѣснину Аргуна между Шатоевскимъ и Евдокимовскимъ укрѣпленіями, а съ другою, чтобы отвлечь вниманіе, спустился въ Большую Чечню. Заблаговременное занятіе угрожаемаго пункта отвратило опасность. Горцы не рѣшились вступить въ бой. Но они остались въ сборѣ, ожидая наступленія съ нашей стороны.

Во второй половинѣ декабря генералъ Евдокимовъ двинулся въ Ичикерію двумя колоннами. Первая была сосредоточена въ укрѣпленіи Шалинскомъ, изъ войскъ, занимавшихъ Малую Чечню и теченіе Аргуна и отряда Кумынскаго, который, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника князя Мирскаго, прошелъ съ бою по предгоріямъ Большой Чечни и присоединился въ Шали къ генералу Евдокимову. Эта колонна должна была силою открыть себѣ путь въ мрачное ущеліе Басса. Но какъ въ этой мѣстности горцы могли упорно оборонять каждый шагъ, то другая колонна, собранная въ укрѣпленіи Аргунскомъ, подъ начальствомъ полковника Баженова, должна была пройти горами на берегъ Басса выше, и поставить защищавшихъ ущелье между двухъ огней. Это искусное распоряженіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

ОБЪ ОБЩЕЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ

ВЪ АЗІЯТСКИХЪ ОКРАИНАХЪ.

Въ недавнее время возникъ вопросъ о подчиненіи Закавказскаго края воинской повинности. Дѣйствительно, азіятскія окраины можно будетъ считать срощенными съ государствомъ тогда лишь, когда ихъ введутъ не только въ общую экономическую, но и въ военную систему, когда онѣ станутъ выставлять тоже относительное число вооруженныхъ людей, какъ и коренныя области. Населеніе этихъ окраинъ, недавно еще поголовно вооруженныя, могли бы поставить подъ ружье значительныя, и въ своемъ родѣ превосходныя боевыя силы, но отъ нихъ требовали до сихъ поръ лишь небольшаго числа ополченія, даже вопреки ихъ желанію; при покореніи восточнаго Кавказа въ 1859 году нѣсколько тысячъ людей въ Дагестанѣ, и столько же въ Чечнѣ, просились на службу, говоря что они умѣютъ кормиться только ружьемъ; невниманіе къ ихъ просьбѣ лишило насъ надежныхъ боевыхъ дружинъ, которыя могли бы безъ помощи регулярныхъ войскъ утвердить русское владычество въ Закаспійскомъ краѣ, и было причиною многихъ послѣдующихъ волненій. Очевидно; что азіятскій подданный, хотя не можетъ не платить, ни управляться наравнѣ съ европѣйскимъ, но можетъ нести одинаковую съ нимъ личную повинность, видоизмѣняя только способъ призыва на службу. Сослуженіе подъ однимъ знаменемъ скрѣпляетъ связь покореннаго народа съ владычествующимъ прочнѣе всякихъ политическихъ и иныхъ мѣръ; дружины туземцевъ, выведенныя изъ своего края, доставляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ надежнѣйшихъ заложниковъ. Замѣчательно, что правительство, оставшееся вѣчнымъ образцомъ умѣнья сращать вновь завоеванныя области съ тѣломъ государства, праватильство римское держалось постояннаго правила—вести войны на половину руками покоренныхъ, даже вчера только покоренныхъ народовъ; легіонъ по закону состоялъ на половину изъ гражданъ, и на половину изъ такъ называемыхъ союзниковъ, причемъ, конечно, способъ призыва на службу былъ иной въ Италіи, чѣмъ въ провинціяхъ. Устраненіе туземнаго населенія отъ воинской

повинности на окраинахъ, было съ нашей стороны несомнѣнною ошибкою, поддерживавшею явную рознь между владычествующимъ и подчиненными племенами; происходила же эта ошибка отъ забвенія мудраго правила, которымъ былъ столь силенъ допетровскій періодъ — приспособляться къ особенностямъ вновь занятой страны въ военномъ, какъ и въ гражданскомъ управленіи. Нынѣ же, затрудняясь ввести общую рекрутскую повинность, ея не замѣняли ни чѣмъ.

Очевидно однакоже, что цѣль заключается въ томъ, чтобы выставить на поле битвы возможно большее число лучшихъ бойцевъ; пріемы, посредствомъ которыхъ набираются эти люди, не представляютъ большой важности. Если правительство, по необходимости, должно допустить значительныя отступленія въ гражданскомъ управленіи азіятскими окраинами, то оно не нарушитъ правила, допуская отступленіе и въ системѣ набора мѣстнаго войска, особенно когда притомъ значительно удешевляется содержаніе вооруженной силы.

Во всемъ свѣтѣ, обязательная военная повинность, особенно въ мирное время, когда никакая видимая потребность не вынуждаетъ людей браться за оружіе, считается самою тяжелою изъ повинностей; въ глазахъ непривычнаго населенія рекрутскій наборъ равняется величайшему изъ бѣдствій и нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ бы принятъ не только въ Туркестанѣ, но и на Кавказѣ, свыкшемся уже съ русскимъ владычествомъ, какъ бѣдствіе, не обошелся бы безъ крайняго насилія и большихъ безпорядковъ. Между тѣмъ эти же племена изъ вѣка привыкли выставлять ополченіе, а большая часть ихъ, по своей воинственности, выставляетъ его даже охотно, если только русское начальство принимаетъ въ должное вниманіе мѣстные нравы и туземную общественную іерархію, не разрушая ее въ распредѣленіи военнаго начальствованія и подчиненности. Будетъ несравненно удобнѣе ввести воинскую повинность въ азіятскія окраины подъ видомъ ополченія, приводимаго постепенно къ болѣе строгой обязательности, дисциплинѣ и регулярности. При этомъ условіи, не только не нужно будетъ насилія, но содержаніе мѣстнаго войска обойдется значительно дешевле, а растяжимость его съ переходомъ на боевое положеніе увеличится въ много кратъ. Надо принять въ основаніе то соображеніе, что кавказское населеніе было отъ вѣка самымъ воинственнымъ въ мірѣ, что оно недавно еще состояло поголовно

изъ бойцевъ и что тамъ покуда нѣтъ надобности въ продолжительной подготовкѣ селянина для обращенія его въ надежнаго солдата. На Кавказѣ будетъ всегда сколько угодно войска, были бы только готовы для него небольшіе кадры для подготовленія урядниковъ, конечно изъ туземцевъ, для каждаго племени изъ его собственныхъ людей. Въ Туркестанѣ и Закаспійскомъ краѣ есть элементы, не уступающіе кавказскимъ, начиная съ трухменъ. Надо имѣть въ виду также, что всякое кочевое племя, состоящее изъ прирожденныхъ всадниковъ, выносчивыхъ, вмѣстѣ съ своими конями, какъ никто другой, представляетъ въ умѣлыхъ рукахъ неоцѣнимый и неисчерпаемый матеріалъ конницы. О личной воинственности кочевниковъ незачѣмъ говорить, это дѣло случайное и условное; нынѣшніе киргизы съ Чингизъ-Ханомъ и Тамерланомъ завоевали полъ свѣта. Для развитія мѣстныхъ силъ обѣихъ окраинъ требуется формировать—не полки, а лишь кадры, для нихъ въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ; а затѣмъ нуженъ законъ объ обязательномъ пополненіи кадровъ въ военное время, для чего люди должны быть росписаны предварительно и знать впередъ свое мѣсто, на опредѣленное число лѣтъ. Можно дѣлать отъ времени до времени примѣрный сборъ людей. Надобно только при этомъ внушить народу, что кромѣ вышесказанной временной повинности, никакое казачье устройство, чего онъ именно боится, не будетъ введено въ его внутренній бытъ.

Въ средней Азіи, сроднившейся еще съ мыслью о вѣчномъ соединеніи съ имперіей, не привыкшей даже выставлять ополченіе, нельзя будетъ, вѣроятно, составлять первые кадры иначе, какъ постепенно. Надо замѣтить однакоже, что относительно нѣкоторыхъ племенъ нужны будутъ рѣшительныя мѣры немедленно. Нѣтъ почти сомнѣнія, что со стороны текинцевъ скоро заявится требованіе, съ которымъ тысячи лезгинскихъ и чеченскихъ абрековъ обращались къ кавказскому начальству въ 1859 году; слишкомъ многіе изъ нихъ привыкли кормиться исключительно оружіемъ, чтобы перейти сразу къ мирному труду; для избѣжанія новыхъ взрывовъ желающимъ надо дать пріютъ подъ русскимъ знаменемъ, формируя ихъ въ сотни, съ условіемъ нести службу тамъ, гдѣ имъ укажутъ.

На Кавказѣ невозможна никакая гуртовая мѣра, придется разнообразить условія формированія кадровъ и вызовы на службу по племенамъ. Въ военномъ отношеніи, также какъ въ

гражданскомъ, не должно забывать глубокаго различія между двумя половинами Закавказскаго края: христіанскою и мусульманскою. Грузинскія губерніи, по складу населенія, могутъ выставлять только пѣхоту (надо сказать—пѣхоту превосходную); армянскія населенія въ большинствѣ также годны, только для пѣхотной службы, пѣхоту же придется набирать отчасти въ горномъ Дагестанѣ по недостатку коней; мусульманскія губерніи и прочія горскія племена могутъ дать преимущественно нестроевую конницу, при нѣсколько тщательномъ формированіи отличнаго свойства. При томъ, всѣхъ христіанъ не опасно держать подъ ружьемъ постоянно, хотя бы въ значительномъ числѣ; мусульманъ безъ войны не слѣдуетъ собирать массою. Эти крупныя особенности обусловливаютъ различіе пріемовъ относительно каждаго племени; о каждомъ изъ нихъ надо говорить отдѣльно. По боевому положенію можно полагать приблизительно одного вооруженнаго человѣка на 40 душъ обоего пола, откидывая изъ этого число 1/4 на нестроевыхъ и запасныхъ; пропорція эта русская и обще-европейская.

Тифлисская и Кутаисская губерніи.

Откидывая населеніе Тифлиса, почти исключительно армянское и татарскую Боргалу, остается около 1.050.000 грузинъ (съ небольшою примѣсью армянъ и клочкомъ осетинъ). По вышепринятой пропорціи это народонаселеніе вмѣстѣ съ сухумскимъ отдѣломъ, можетъ выставить на боевомъ положеніи не менѣе 20 баталіоновъ. Никто на Кавказѣ не усомнится въ томъ, что грузинское ополченіе, правильно подготовленное, дастъ отличную боевую пѣхоту; грузинскіе баталіоны будутъ вполнѣ полевымъ войскомъ и подготовленіе ихъ должно соотвѣтствовать такой цѣли. Этого можно достигнуть однимъ изъ двухъ пріемовъ: 1) держать въ мирное время на каждый баталіонъ полуроту охотниковъ, обращая ихъ съ призваніемъ подъ ружье соотвѣтствующаго баталіона въ унтеръ офицеровъ; а чтобы всѣ призываемые, расписанные впередъ люди умѣли стрѣлять (болѣе чего не требуется), обучать ихъ ежегодно нѣсколько дней, во время праздниковъ въ центрѣ баталіоннаго участка, обращая ученіе въ удалую потѣху, для чего достаточно одно ружье на нѣсколькихъ человѣкъ. Толковый начальникъ ополченія легко

разовьетъ это учрежденіе; 2) другой способъ—держать на постоянной службѣ комплектную роту на баталіонъ, смѣняя людей ежегодно. Въ 4—5 лѣтъ всѣ пройдутъ чрезъ строевую школу; но при этомъ пріемѣ войско останется безъ подготовленныхъ унтеръ офицеровъ, развѣ держать ихъ сверхъ комплекта съ значительнымъ возвышеніемъ расхода. Офицеры будутъ конечно туземные. Въ мирное время кромѣ кадровыхъ, они могутъ считаться въ отпуску на половинномъ жалованьи и призываться къ ближайшему войску на короткіе сроки, для лѣтнихъ занятій; содержаніе ихъ замѣнитъ пенсіи, раздаваемыя покуда грузинскому дворянству въ такомъ обиліи. Кто знаетъ грузинъ, не станетъ сомнѣваться, что при такомъ условіи въ офицерахъ никогда не будетъ недостатка.

Армянское населеніе.

Армянъ за Казказомъ 700.000. Между ними не мало храбрыхъ людей лично, но нельзя надѣяться, чтобы армянская масса стала когда нибудь боевымъ войскомъ; тѣмъ не менѣе баталіоны (около 13-ти), формируемые изъ армянъ, населяющихъ сплошными массами многія мѣстности мусульманскихъ губерній, принесутъ ту очевидную пользу, что избавятъ насъ въ военное время отъ развлеченія силъ, для сдержанія этихъ областей въ спокойствіи; они могутъ также служить въ гарнизонахъ крѣпостей. Вѣрность правительству армянскаго ополченія, сдерживаемаго страхомъ сосѣдей татаръ, вполнѣ обезпечена. Въ виду исключительно оборонительнаго назначенія, нѣтъ надобности въ особенной заботѣ объ его обученіи; будетъ время подучить его послѣ сбора, были бы только знающіе въ нѣкоторой степени свое дѣло унтеръ офицеры, нѣсколько сотъ человѣкъ, которыхъ можно подготовлять при расположенныхъ въ краѣ войскахъ, призывая на срокъ изъ росписанныхъ для ополченія людей по наряду.

Кавказскіе горцы.

Оставшихся въ предѣлахъ кубанскаго войска 70.000 горцевъ, слѣдовало бы привлечь постепенно къ казачьей службѣ. Затѣмъ

численность мусульманъ въ Терской области 325.000 въ Дагестанской 437.000, въ Закатальскомъ округѣ 40.000, могущихъ по принятой пропорціи поставить подъ ружье 15.000 бойцевъ. Въ кадрѣ горскихъ полковъ, служащихъ основою для сбора воинственнаго населенія, достаточно держать одного человѣка на десять, призываемыхъ къ оружію въ военное время, всего 1.500 человѣкъ, съ тѣмъ, чтобы формировать съ переходомъ на боевое положеніе изъ каждой сотни 10 сотенъ, изъ полусотни—пятисотенный полкъ. Постоянныя сотни должны быть школою для урядниковъ. Въ виду того назначенія, онѣ должны состоять изъ лучшихъ людей. При аристократическомъ устройствѣ нѣкоторыхъ горскихъ племенъ и при особенномъ значеніи почетныхъ семействъ во всѣхъ племенахъ безъ исключенія, надобно обращать особенное вниманіе на то, чтобы постоянныя сотни формировались изъ молодыхъ людей лучшихъ родовъ, что̀ всегда во власти толковаго мѣстнаго начальника; иначе, при сборѣ людей опрокинется основная общественная іерархія туземцевъ и изъ полка выйдетъ несвязная толпа. Въ нѣкоторыхъ племенахъ, какъ напримѣръ въ Кабардѣ, распредѣленіе командованій должно быть прямо основано на родовомъ началѣ. Люди, назначенные для приведенія кадра на боевое положеніе, должны быть конечно расписаны предварительно и знать свое мѣсто. Отъ времени до времени слѣдуетъ дѣлать смотровые сборы по полкамъ, избѣгая при томъ, конечно, всякаго отягченія населенія

Закавказскія мусульманскія губерніи.

Мусульманское населеніе этихъ губерній, кромѣ вновь завоеваннныхъ областей, простирается до 1.050.000 жителей и могло бы выставить 20.000 всадниковъ. Но какъ этотъ народъ (кромѣ курдовъ, которыхъ считается до 170.000) утратилъ воинственность и въ политическомъ отношеніи не совсѣмъ благонадеженъ, то было бы безцѣльно и не удобно собирать его такою массою; будетъ цѣлесообразнѣе воспользоваться тѣми боевыми элементами, которые въ немъ еще заключаются, относя содержаніе поставляемыхъ подъ ружье людей не на государственное казначейство, какъ вездѣ, а на самое населеніе, замѣняя отчасти воинскую повинность соотвѣтственной денежной. Исключительные элементы—во первыхъ курды, которые по

общей пропорціи могутъ выставить 4.000 всадниковъ, что предполагаетъ 4 кадровыхъ сотни въ мирное время (надо замѣтить, что устроенное курдское ополченіе могло бы принести намъ огромную пользу на войнѣ въ азіятской Турціи, привлекая на нашу сторону своихъ соотечественниковъ, составляющихъ главное населеніе нѣсколькихъ пограничныхъ турецкихъ областей); во вторыхъ, высшее мусульманское сословіе—беки и ачалоры. Воинственный духъ, какъ и естественно, уцѣлѣлъ отчасти только въ этомъ сословіи, очень многочисленномъ. Отъ бековъ, одаренныхъ землями русскою властію, правительство имѣетъ право требовать прямой личной службы, какъ отъ казаковъ, чтó сами эти люди хорошо понимаютъ; такая служба при разумномъ мѣстномъ начальствѣ, станетъ первымъ шагомъ къ цѣли предначертанной княземъ Воронцовымъ—къ постепенному обрусенію созданнаго имъ мѣстнаго дворянства. Для усиленія численности можно выводить на службу и простыхъ сельчанъ, но не иначе какъ по выбору бековъ, отвѣчающихъ за нихъ въ качествѣ ихъ нукеровъ. Въ настоящее время Закавказскій край обремененъ расходомъ на земскую стражу, учрежденіе болѣе чѣмъ фиктивное, которое могло бы быть съ великою пользою отобрано отъ земской полиціи и замѣнено кадровыми бекскими сотнями, состоящими въ распоряженіи военнаго начальства и занимающими посты, какъ занимали ихъ недавно донскіе казаки, не имѣвшіе ничего общаго съ полиціей. Было бы кажется достаточно сформировать въ каждой изъ трехъ мусульманскихъ губерній по 2 постоянныя сотни, всего 6 разростающихся, при надобности, въ 6 конныхъ полковъ, употребляя на этотъ предметъ—въ мирное время нынѣшній сборъ на земскую стражу, а въ военное—добавочный сборъ съ низшихъ сословій, избавленныхъ отъ воинской повинности.

При вышеизложенномъ военномъ устройствѣ, въ мирное время находилось бы подъ ружьемъ: 20 грузинскихъ кадровыхъ полуротъ изъ охотниковъ, 250 (треть полнаго числа) унтеръ-офицеровъ, для баталіоновъ армянскаго ополченія, обучаемыхъ при войскахъ, 15 постоянныхъ горскихъ сотенъ, 4 курдскія и 6 сотенъ бекскихъ, приблизительно 5.000 человѣкъ съ небольшимъ, разростающихся съ переходомъ на боевое положеніе въ силу до 60.000 бойцевъ.

Когда разъ на Кавказѣ будутъ сформированы постоянные кадры для каждаго племени, соотвѣтственно его боевымъ ка-

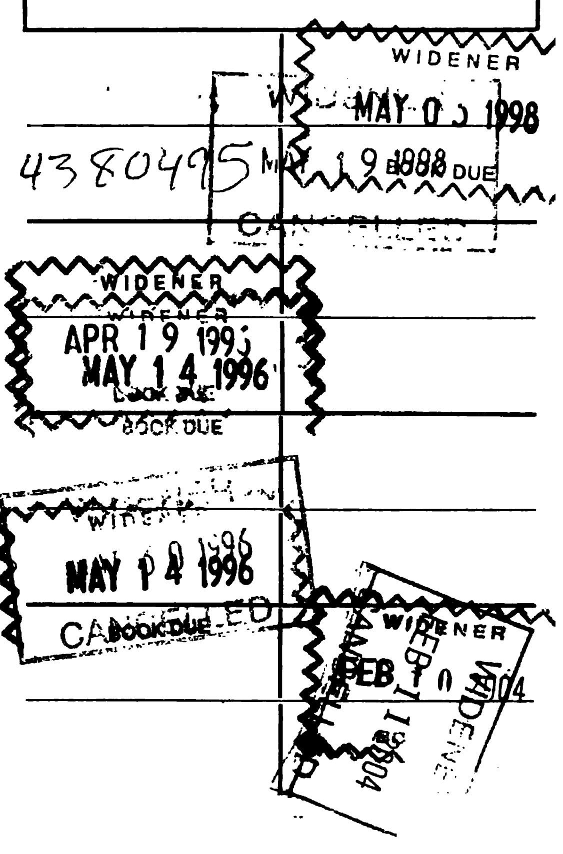
чествамъ, а люди, призываемые для пополненія кадровъ до боеваго комплекта, предварительно расписаны, воинская повинность будетъ уравнена между Кавказомъ и коренной Россіей, въ средней Азіи ей будетъ положено твердое начало, и при томъ самимъ тихимъ и дешевымъ изо всѣхъ способовъ.

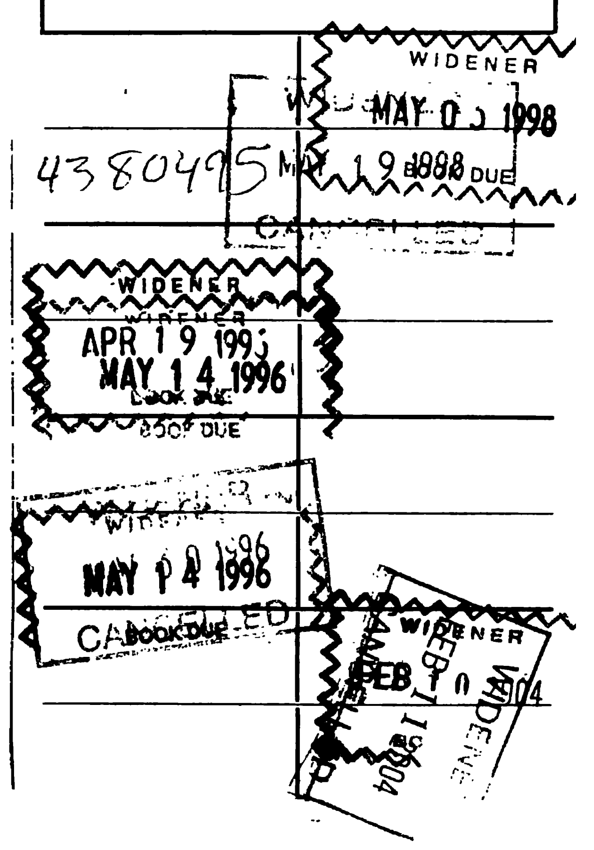
Въ текущее время возникъ вопросъ о подчиненіи Закавказскаго края воинской повинности. Дѣйствительно, азіатскія окраины можно будетъ считать срощенными съ государствомъ тогда лишь, когда ихъ введутъ не только въ общую экономическую, но и въ военную систему, когда онѣ станутъ выставлять тоже относительное число вооруженныхъ людей, какъ и коренныя области. Населенія этихъ окраинъ, недавно еще поголовно вооруженныя, могли бы поставить подъ ружье значительныя, и въ своемъ родѣ, превосходныя боевыя силы, но отъ нихъ требовали до сихъ поръ лишь небольшого числа ополченія, даже вопреки ихъ желанію. При покореніи восточнаго Кавказа въ 1859 году, нѣсколько тысячъ людей въ Дагестанѣ и столько же въ Чечнѣ просились на службу, говоря, что они умѣютъ кормиться только ружьемъ; невниманіе къ ихъ просьбѣ лишило насъ надежныхъ боевыхъ дружинъ, которыя могли бы безъ помощи регулярныхъ войскъ утвердить русское владычество въ Закаспійскомъ краѣ, и было причиною многихъ послѣдующихъ волненій. Очевидно, что азіатскій подданный, хотя не можетъ ни платить, ни управляться наравнѣ съ европейскимъ, но можетъ нести одинаковую съ нимъ личную повинность, при видоизмѣненіи только способа призыва на службу. Сослуженіе подъ однимъ знаменемъ скрѣпляетъ связь покореннаго народа съ владычествующимъ прочнѣе всякихъ политическихъ и иныхъ мѣръ; дружины туземцевъ, выведенныя изъ своего края, доставляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ надежнѣйшихъ заложниковъ. Замѣчательно, что правительство, оставшееся вѣчнымъ образцомъ умѣнья сращать вновь завоеванныя области съ тѣломъ государства, правительство римское, держалось постояннаго правила — вести войны на половину руками покоренныхъ, даже вчера покоренныхъ народовъ; легіонъ по закону состоялъ на половину изъ такъ-называемыхъ гражданъ и на половину изъ союзниковъ, при чемъ, конечно, способъ призыва на службу былъ иной въ Италіи, чѣмъ въ провинціяхъ. Устраненіе туземнаго населенія отъ воинской повинности на окраинахъ было съ нашей

стороны несомнѣнною ошибкою, поддерживавшею явную рознь между владычествующимъ и подчиненными племенами; происходила же эта ошибка отъ забвенія мудраго правила, которымъ былъ столь силенъ до-Петровскій періодъ: приспособляться къ особенностямъ вновь занятой страны въ военномъ, какъ и въ гражданскомъ управленіи. Нынѣ же, затрудняясь ввести общую рекрутскую повинность, ея не замѣнили ничѣмъ.

Очевидно, однакоже, что цѣль заключается въ томъ, чтобы выставить на поле битвы возможно большее число лучшихъ бойцовъ; пріемы, посредствомъ которыхъ набираются эти люди, не представляютъ большой важности. Если правительство, по необходимости, должно допустить значительныя отступленія въ гражданскомъ управленіи азіатскими окраинами, то оно не нарушитъ правила, допуская отступленіе и въ системѣ набора мѣстнаго войска, особенно когда при томъ значительно удешевляется содержаніе вооруженной силы.

Во всемъ свѣтѣ обязательная военная повинность, особенно въ мирное время, когда никакая видимая потребность не вынуждаетъ людей браться за оружіе, считается самою тяжелою изъ повинностей. Въ глазахъ непривычнаго населенія рекрутскій наборъ равняется величайшему изъ бѣдствій, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ бы принятъ не только въ Туркестанѣ, но и на Кавказѣ, свыкшемся уже съ русскимъ владычествомъ, какъ бѣдствіе, не обошелся бы безъ крайняго насилія и большихъ безпорядковъ. Между тѣмъ эти же племена изъ вѣка привыкли выставлять ополченіе, а бо́льшая часть ихъ, по своей воинственности, выставляютъ его даже охотно, если только русское начальство принимаетъ въ должное вниманіе мѣстные нравы и туземную общественную іерархію, не разрушая ея въ распредѣленіи военнаго начальствованія и подчиненности. Несравненно удобнѣе ввести воинскую повинность въ азіатскія окраины подъ видомъ ополченія, приводимаго постепенно къ болѣе строгой обязательности, дисциплинѣ и регулярности. При этомъ условіи, не нужно будетъ насилія; содержаніе мѣстнаго войска обойдется значительно дешевле, а растяжимость его съ переходомъ на боевое положеніе увеличится.

WIDENER
MAY 0 5 1998
4380495
BOOK DUE
WIDENER
APR 1 9 1995
MAY 1 4 1996
BOOK DUE
MAY 1 4 1996
BOOK DUE
WIDENER
FEB 1 0 2004

WIDENER
MAY 0 5 1998
43804995
MAY 19 1998
BOOK DUE
WIDENER
APR 19 1996
MAY 14 1996
BOOK DUE
MAY 14 1996
BOOK DUE
WIDENER
FEB 10 2004
WIDENER